

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Экономические и социальные перемены

№ 6 (148)

ноябрь — декабрь 2018

ТЕОРИЯ, МЕТОДО-
ЛОГИЯ И МЕТОДЫ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ
ИССЛЕДОВАНИЕ

ГОСУДАРСТВО
И ОБЩЕСТВО

МИГРАЦИЯ

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
генеральный директор ВЦИОМ, кандидат политических наук,
профессор НИУ ВШЭ

Заместитель главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77   Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2018. — № 6 (148). — 442 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

<i>И. Н. Тартаковская, И. И. Лунин</i> Социальные трансформации гендера и сексуальности в свете идей И. С. Кона	4
<i>Д. Н. Шалин</i> Из переписки с Игорем Коном.....	20
<i>Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина</i> Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей	48

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

<i>О. А. Оберемко, Н. Н. Терентьева</i> Фокусированное интервью по Роберту Мертону: особенности и критерии эффективности метода	74
<i>А. М. Алмакаева, А. М. Мавлетова</i> Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей?	91

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>Н. Д. Коленикова</i> Квалификационные статусы работающих россиян: иерархия и особенности распределения	113
<i>Р. В. Петухов</i> К проблеме социального содержания местного самоуправления	131
<i>Е. А. Когай</i> Потенциал модернизационных преобразований российского макрорегиона: на примере Центрального Черноземья.....	147

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: ноябрь — декабрь 2018.....	161
---	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

<i>Ю. Ф. Флоринская, Л. Б. Карачурина</i> Новая волна интеллектуальной эмиграции из России: мотивы, каналы и механизмы.....	183
<i>Х. И. Сон, Ж. В. Чернова</i> Мобильные устройства как способ установления баланса между работой и личной жизнью: обратная сторона.....	201

МИГРАЦИЯ

А. А. Эндрюшко

Социально-экономический потенциал азербайджанских мигрантов, прибывших в Россию в 2014—2017 гг. 216

П. П. Лисицын

От суннизма ханафитского мазхаба к салафитизму: общественное мнение и опыт мигрантов 234

A. V. Tavrovskiy

Migration Studies at the XIX ISA World Congress of Sociology: Selected Topics and Research Agendas 251

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. В. Солодников

Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ 269

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

К. А. Устинова, А. В. Попов

Включение молодежи в трудовую деятельность: ментальные барьеры и направления их преодоления 333

О. В. Хотман, А. П. Багирова

Привлекательность общественных пространств мегаполиса в оценках его жителей (на примере ТРЦ и парковых зон Екатеринбурга) 347

С. В. Мареева

Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании 365

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. В. Кубряк, Н. Г. Багдасарьян, О. С. Глазачев, М. П. Король, Е. В. Кулябина, Г. С. Лебедев, И. В. Сидякина, В. Л. Силаева

Инструменты исследователя и врача: границы достижимых результатов и влияние на выводы исследований. По материалам круглого стола на XIV Вейновских чтениях, 10 февраля 2018 года.
К 120-летию П. К. Анохина 386

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

П. П. Лисицын, В. С. Стариков

Общение как социологическая проблема и как проблема для социологов. Рец. на кн.: Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Мир общения в социологическом измерении: монография. М.: Университетская книга, 2017 407

Б. В. Марков

Антропология и социология стыда: размышления о книгах Н. Элиаса,
Г.-П. Дюрра и Р. Е. Гергилова 413

П. П. Каменщиков

Судебный минимум: преступления ненависти против ЛГБТ глазами российского
суда Рец. на кн.: Кондаков А. Преступления на почве ненависти против ЛГБТ
в России. СПб. : Центр независимых социологических исследований, 2017 426

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

З. Бауман

Ретротопия 435

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.01>

Правильная ссылка на статью:

Тартаковская И. Н., Лунин И. И. Социальные трансформации гендера и сексуальности в свете идей И.С. Кона // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 4—19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.01>.

For citation:

Tartakovskaya I. N., Lunin I. I. (2018) Social transformation of gender and sexuality as viewed by I. S. Kon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 4—19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.01>.

И. Н. Тартаковская, И. И. Лунин СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРА И СЕКСУАЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ИДЕЙ И. С. КОНА

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ГЕНДЕРА И СЕКСУАЛЬНОСТИ В СВЕТЕ
ИДЕЙ И.С. КОНА

SOCIAL TRANSFORMATION OF GENDER
AND SEXUALITY AS VIEWED BY I.S. KON

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия; доцент Государственного гуманитарного академического университета (ГАУГН), Москва, Россия.

*E-MAIL: I_Tartakovskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9085-5712*

Irina N. TARTAKOVSKAYA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher; Associate Professor

*E-MAIL: I_Tartakovskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9085-5712*

¹ Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² State Academic University for Humanities, Moscow, Russia

ЛУНИН Игорь Ильич — кандидат психологических наук, психолог-консультант, директор научно-просветительной фирмы СВIRK, Санкт-Петербург, Россия; исполнительный директор Earnest Light Psychophysics Ltd, Торонто, Канада.

E-MAIL: dr.igor.lunin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4533-3226

Igor I. LUNIN^{3,4} — Cand. Sci. (Psychology), Consulting Psychologist, Director; Executive Director

E-MAIL: dr.igor.lunin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4533-3226

³ SVIRK Research Company, St Petersburg, Russia

⁴ Earnest Light Psychophysics Ltd, Toronto, Canada

Аннотация. В статье рассматривается влияние И. С. Кона на многие аспекты современных исследований в области гендера и сексуальности. Авторы делают вывод, что именно И. С. Кон выделил несколько ключевых тенденций, описывающих современное состояние гендерного порядка в аспекте сексуальности, а именно индивидуализацию и плюрализацию культур и стилей жизни, которая заставляет говорить уже не о единой или даже нескольких «нормативных моделях», а о «сексуальностях» во множественном числе. В предлагаемой работе на примере теории сексуальных конфигураций, предложенной канадской исследовательницей С. ван Андерс, показывается многообразие сочетаний различных гендерных идентичностей с множеством сексуальных предпочтений. В статье подчеркивается, что, как и предупреждал И. Кон, именно гендерные отношения и сексуальность в настоящее время в центре повестки дня, поскольку на них экстраполируются многие более масштабные и серьезные проблемы. Культурное и, в частности, гендерное разнообразие воспринимается многими людьми как угроза потери самых базовых ориентиров в непредсказуемом и изменчивом мире. В статье приводятся примеры разных типов государственной политики по отношению к бинарным

Abstract. The article examines the influence of Igor Kon on many aspects of modern research in the field of gender and sexuality. The authors conclude that it was Igor Kon who identified several key trends describing the current state of gender order in sexuality, namely, individualization and pluralization of cultures and lifestyles which refers not to single or several «normative models» but to a set of sexualities. In the proposed work, the variety of combinations of different gender identities with a multitude of sexual preferences is shown using the theory of sexual configurations developed by the Canadian researcher Sari van Anders. The article emphasizes that, as I. Kon warned, it is gender relations and sexuality that are currently at the center of the agenda, as many more serious social problems are extrapolated to them. Cultural and, in particular, gender diversity is perceived by many people as a threat of loss of the basic landmarks in an unpredictable and changing world. The article provides examples of different types of public policy in relation to binary and non-binary gender categories in different countries of Europe, Asia and North America.

и небинарным гендерным категориям в разных странах Европы, Азии и Северной Америки.

Ключевые слова: Игорь Кон, гендерный порядок, сексуальность, теория сексуальных конфигураций, гендерная идентичность, государственная гендерная политика, моральные паники, публично-приватная дихотомия

Keywords: Igor Kon, gender order, sexuality, theory of sexual configuration, gender identity, state gender policy, moral panic, public-private dichotomy

В автобиографической книге «80 лет одиночества» И. С. Кон признался, что «проблемами сексуальности занялся в известной степени помимо собственной воли» [Кон, 2008: 295] — в научно-теоретическом плане изучение сексуальности тогда, в начале 1960-х годов, не представлялось ему достойным предметом. Однако его аспирант С. И. Голод собирался защищать диссертацию об эмпирическом изучении сексуального поведения советской молодежи. И аспирант, и руководитель понимали, что тема «недиссертательна» (и действительно, защитить эту диссертацию не удалось, несмотря на множество положительных отзывов), но интеллектуальный интерес к этой странной, совершенно маргинальной тогда проблематике у И. С. Кона возник, тем более что, как написал он далее, «еще занимаясь историей позитивизма в социологии, я не мог не познакомиться с трудами Альфреда Кинзи, а затем — интересно же! — с другими его книгами» [Кон, 2008: 295]. В этой ремарке «интересно же!» и есть, наверное, главная причина того, что И. С. Кон стал заниматься сюжетами, связанными с сексуальностью, — первая его большая статья на эту тему «Половая мораль в свете социологии» вышла в свет в 1966 г. [Кон, 1966], она носила историко-социологический характер. Таким образом, документированно И. С. Кон занялся сексологией, когда ему не было еще и 40 лет. Это была середина его земной жизни, впереди лежали еще две трети его чрезвычайно насыщенной творческой и профессиональной биографии.

В 60-е годы XX века в советских социальных науках (как и в общественном дискурсе) не было понятия «сексуальность», а было понятие «половая жизнь», мыслившаяся как исключительно медицинский феномен. Основные исследования «половой жизни», которая только в середине 1970-х стала осмысливаться как сексуальность, то есть особая сфера социального бытия человека, были связаны с отклонениями сексуального поведения от так называемой нормы, формулировавшейся чисто политически и спекулятивно, поскольку «нормальная сексуальность» как эмпирический феномен практически не изучалась — сексуальность целиком относилась к области компетенции врачей, и поэтому изучалась исключительно с точки зрения сексопатологии.

Революционная роль работ И. С. Кона в советских, а потом и в российских социальных науках заключается в том, что ему удалось заложить основы изучения сексуальности в междисциплинарном аспекте, показав в сексуальном поведении человека влияние культурных, исторических, психологических, социальных

и биологических факторов. Это была абсолютно новая постановка вопроса для отечественной сексологии, но такой широкий охват проблемы сексуальности был по достоинству оценен и западными учеными мирового уровня. И. С. Кон скромно пишет об этом: «Общение с крупными сексологами мира показало, что некоторые мои мысли не совсем тривиальны и интересны также и для профессионалов» [Кон, 2008: 298]. Он был знаком находился в активном интеллектуальном диалоге со всеми ведущими сексологами своего времени, включая психолога Джона Мани и социолога Джона Гэньона. Выдающаяся роль Кона в становлении мировой сексологии и особенно в развитии сексологических концепций в СССР, а затем в постсоветской России, была по достоинству оценена мировой наукой, что нашло подтверждение в издании его книг за рубежом и награждении его золотой медалью Всемирной сексологической ассоциации на 17-м Всемирном сексологическом конгрессе в Монреале в 2005 г.

Мультидисциплинарность подхода к изучению сексуальности привела И. С. Кона к необходимости взяться и за наиболее сложные на то время сюжеты сексуального поведения, связанные с однополыми отношениями и трансгендерностью. Книга «Лики и маски однополый любви. Лунный свет на заре» — непревзойденный образец анализа явления с позиций разных научных дисциплин [Кон, 2003].

Анализируя научное наследие И. С. Кона, в том числе в области гендерной социологии и исследований сексуальности, невозможно игнорировать очень важный его аспект: работы Игоря Кона никогда не были адресованы только узкоспециальной академической аудитории. Даже его относительно ранняя классическая работа «Социология личности» [Кон, 1967] воспринималась как совершенно революционная для своего времени. Сам Кон об этом говорил так: «Книга стимулировала критические размышления, но не указывала, что делать. Я сам этого не знал, а если бы знал, побоялся бы сказать» [Кон 2008: 248]. Однако, несмотря на отсутствие прямых политических посылов, его книги и статьи, написанные прекрасным языком, без лицемерия и отстранения обращаясь к острым, волнующим «обычных людей» проблемам, всегда были востребованы самым широким кругом читателей, и это был его сознательный выбор. Задолго до того, как в повседневный социологический обиход вошло понятие «публичная социология», Игорь Кон практиковал ее в области гендерных исследований, рассматривая миссию социолога с точки зрения гуманистических моральных императивов. И хотя гендерная социология в принципе является критической теорией, имеющей свою политическую повестку дня и не прячущейся за «научным объективизмом», никто из российских ученых не реализовывал этот принцип с такой чистотой и последовательностью, как Игорь Кон.

Гендер и сексуальность в современных исследованиях и общественных дебатах

В одной из своих программных статей, обобщающих исследования сексуальности в начале XXI века, И. С. Кон выделил несколько ключевых тенденций, описывающих современное состояние этой сферы гендерных отношений. Главнейшей из них он считал индивидуализацию и плюрализацию культур и стилей жизни, которая заставляет говорить уже не о единой или даже нескольких «нормативных

моделях», а о «сексуальностях» во множественном числе. И. С. Кон отмечает, что социально-эротическое поведение и мотивация окончательно эмансипировались от репродуктивной биологии, а возрастные рамки сексуальной активности расширились. Эти сдвиги в сексуальной культуре были вызваны трансформациями в системе гендерного порядка, прежде всего связанными с изменениями в положении женщин.

Возрастающая экономическая самостоятельность женщин и освоение ими новых сфер деятельности, включая предпринимательство, с неизбежностью привели к изменениям их представлений о том, как должны складываться их взаимоотношения с мужчинами. Глубокие сдвиги в гендерных стереотипах и поведении ослабили гендерные различия и связанную с ними социальную стратификацию [Кон, 2002: 25—27]. В результате, как пишет И. С. Кон, сравнительно-исторический анализ динамики сексуального поведения, установок и ценностей за последние полстолетия демонстрирует резкое сокращение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта, числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике и т. д. [Кон, 2002: 28]. Вследствие этого, закономерно происходят сдвиги в области сексуальной морали. Само по себе моральное регулирование и оценка сексуальных отношений не исчезают, но становятся более гибкими и реалистичскими. При этом главным и единственным критерием моральной оценки сексуальных действий и отношений выступает их добровольность, взаимное согласие партнеров, причем требовательность общества в этом отношении заметно повышается [Кон, 2002: 32].

И. С. Кон написал об этом в самом начале нашего столетия, более пятнадцати лет назад. И невозможно не отметить, как точно он обозначил одну из наиболее острых точек современных общественных дебатов о сексуальности. Масштабные флешмобы 2016—2017 гг. #MeToo и его российско-украинская версия #НеБоюсьСказать продемонстрировали, что сложившиеся рамки допустимого и «естественного» в отношении практик инициирования сексуального диалога категорически перестали устраивать многих участниц этих отношений. Развернувшиеся вокруг флешмобов бурные дискуссии показали, что, по всей видимости, количество накопившихся несоответствующих нормативных ожиданий мужчин и женщин в области выстраивания отношений по поводу сексуальности перешло в качество, и никакого, даже самого относительного консенсуса по этому поводу более не существует.

Во втором десятилетии XXI века сексуальность достаточно неожиданно для многих социальных ученых оказалась в центре повестки дня, заслонив многие, казалось бы, гораздо более масштабные и серьезные проблемы. Признаки этого «сексуального поворота» наблюдала уже более 30 лет назад антрополог Гейл Рубин, отмечая в своей влиятельной работе «Thinking Sex», что периодически в истории различных обществ возникает необходимость переопределить «сексуальный порядок», то есть нормы и правила, создающиеся и воспроизводящиеся идеологией и различными социальными институтами: «Для некоторых сексуальность может показаться несущественной темой, несерьезным уклонением от более острых проблем нищеты, войны, болезней, расизма, голода или ядерного уничтожения.

Но именно в такие моменты, когда мы живем с возможностью немислимого уничтожения, люди могут стать опасно одержимыми в отношении сексуальности» [Rubin, 1984: 267].

Не адресуясь напрямую к исследованиям Г. Рубин, И. С. Кон в своих работах приходил к сходным выводам, применяя их непосредственно к России. Он наблюдал многочисленные моральные паники, медийные кампании, связанные с сексуальностью, причем указывал, что обсуждающие эти темы проблемы политики и журналисты вместо серьезной научной статистики пользуются случайными, недостоверными данными, отбор и выводы из которых крайне политизированы. Сложные и противоречивые тенденции общественного развития примитивно объясняются «падением нравов», влиянием «растленного Запада», происками западных спецслужб и фармацевтических компаний. Реальные трудности, переживаемые страной, подчеркивал И. С. Кон, при этом мистифицируются и углубляются — одним из побочных эффектов такой политики стала переживаемая Россией грандиозная эпидемия ВИЧ-инфекции [Кон, 2002: 43—44], значительно усугубившаяся с тех времен, о которых писал И. С. Кон: согласно данным Министерства здравоохранения, с 2006 г. отмечается стойкий рост заболеваемости ВИЧ-инфекцией в среднем на 10 % в год¹.

Многие темы, о которых писал в научных и публицистических работах И. С. Кон, со временем стали не менее, а более актуальными. Как пишут во ввводной статье к тематическому номеру «Журнала социологии и социальной антропологии» Е. Бороздина, А. Кондаков и Е. Шторн, «в последнее время в России наблюдается значительный рост общественного интереса к исследованиям гендера и сексуальности. Отчасти это связано с нашумевшими медийными событиями — законами, свидетельствующими о патриархатном ренессансе, сексистскими высказываниями политиков, гендерно окрашенными флешмобами в социальных сетях. Все они отражают изменение гендерных норм и возникающие в этой связи социальные конфликты. Гендер и сексуальность все чаще оказываются во главе угла, когда речь идет о легитимации властной позиции» [Бороздина, Кондаков, Шторн, 20017: 7]. Происходит переосмысление наличествующего гендерного порядка, о котором неоднократно писал И. С. Кон, подчеркивая что решающая роль в этом переосмыслении принадлежит женщинам, порождая значительное напряжение у многих категорий мужчин, ибо «господствующий класс заинтересован в сохранении статус-кво» [Кон, 2009: 103]. Из этого не следует, однако, что все женщины приветствуют происходящие изменения: многие из них разделяют консервативные опасения, касающиеся гендерных трансформаций, видя в них угрозу своей привычной картине мира, а иногда и «патриархатным дивидендам», к которым они имели доступ, встроившись в сложную систему распределения власти в публичной и приватной сферах [Здравомыслова, Темкина, 2007; Kandioti, 1988].

Таким образом, процесс переопределения «сексуального порядка» как одного из аспектов «гендерного порядка» вызывает многоуровневые напряжения и открытые политические и идеологические конфликты — не только в России,

¹ Информация Минздрава России относительно случаев ВИЧ в России по итогам 2016 года. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2017/05/16/5440-informatsiya-minzdrava-rossii-otnositelno-slucaev-vich-v-rossii-po-itogam-2016-goda> (дата обращения: 30.09.2018).

но и во всем мире (И. С. Кон всегда настаивал на том, чтобы гендерные отношения в России рассматривались не изолированно, а в глобальном контексте, в сравнении с другими странами) [Кон, 2009: 98—116].

Как пишут в своей часто цитируемой статье Вероника Гржебальска, Эстер Ковач и Андреа Пето, демонизация «гендерной идеологии» (под которой понимается продвижение равных прав для женщин и либерализация сексуальности) стала ключевым риторическим приемом создания нового «здорового смысла» для широкой аудитории, определяющего, что следует считать «нормальным» и «легитимным» [Grzebalska, Kováts, Peto, 2017]. Многие страны в последние годы столкнулись с достаточно мощными социальными движениями, выбравшими гендерную идеологию целью своей политической атаки — если в постсоветских странах она связывается с такими идеологемами, как влияние «Запада» и «Гейропы», то в США, например, с «политкорректностью». По мнению этих авторов, понятие «гендер» как обозначение гендерного равенства стало «символическим клеем», скрепляющим различные группы людей, недовольных наличествующим социэкономическим порядком, ощущающих неуверенность в будущем и снижение уровня социальной, политической и культурной безопасности. Отрицая парадигму «прав человека», относительно ценности которой в странах Европы и Северной Америки долгое время существовал определенный консенсус, враги гендерной идеологии противопоставляют ей ценности семьи, нации и религии, парадоксальным образом соединяя их со «свободой слова», понимаемой ими как «свобода от политкорректности» [Grzebalska, Kováts, Peto, 2017].

В России, как и предупреждал И. С. Кон [Кон, 2002: 43—44], эта атака приняла особенно острый характер. В контексте масштабных и дезориентирующих политических, экономических и социальных перемен любая форма культурного разнообразия кажется угрожающей, и это часто заставляет людей цепляться за традиционный гендерный порядок и сексуальные нормы в надежде сохранить предсказуемость опасного и изменчивого мира [Inglehart, Baker, 2000: 28]. Мы можем говорить в этой связи о борьбе за определение легитимного «режима катексиса» (употребляя выражение Р. Коннелл), или, иными словами, «эмоционального порядка», который является одной из важных (и относительно автономных) сфер гендерного порядка в целом. Основным принципом этого эмоционального порядка в странах, принадлежащих к культуре позднего модерна, Р. Коннелл считает создание домохозяйств на основе романтической любви или сильной персонализированной привязанности между двумя партнерами.

При этом глобальный гендерный порядок подразумевает принципиальное различие между гетеросексуальными и гомосексуальными отношениями. На основании этого различия предполагается существование разных типов людей («гомосексуалов» и «гетеросексуалов»), идентичность которых строится прежде всего на базе их сексуальных предпочтений. Р. Коннелл подчеркивает, что эмоциональное притяжение может иметь как позитивный, так и негативный характер. Например, мизогиния (негативные предрассудки по отношению к женщинам) и гомофобия (ненависть к гомосексуалам) имеют отчетливо эмоциональный, иногда даже страстный характер. В отношении гомосексуалов эта негативная фиксация нередко ведет даже к преступлениям, вплоть до убийства [Connell, 2009: 82—83].

На базе этого эмоционального порядка формируется гетеронормативность — такая общественная система, в которой для каждого индивида сформированы социальные ожидания по поводу ее/его гетеросексуальности — по умолчанию человек считается гетеросексуальным. От соответствия этим ожиданиям зависят получение социального одобрения и включенность в общество, либо — если ожидания не оправдываются — маргинальный статус индивида [Кондаков, 2017: 191].

Во многих странах, включая и придерживающиеся относительно либеральных политических ценностей, принято считать, что сексуальность может открыто манифестироваться только в приватной сфере, при этом большинство арен публичного пространства рассматриваются как гетеросексуальные. В то время как гетеросексуалы имеют возможность открыто выражать свою сексуальность в рамках публично-приватной дихотомии, гомосексуалы вынуждены оставаться «невидимыми», стараясь соответствовать гетеронормативным представлениям о мужественности и женственности (за исключением специально выделенных площадок в виде соответствующих баров и клубов) [Valentine, 1993: 396]. Попытки изменить этот порядок репрезентации вызывают у части общества резкий протест, в России приведший к появлению в 2013 г. федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», в котором информация, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения, была определена как вредная для детей (для краткости и ясности этот закон стали называть законом о гей-пропаганде). По сути, любое открытое обсуждение «нетрадиционных сексуальных отношений» становится, согласно этому закону, противоправным.

Предвидя возможность такого развития гендерного порядка, в предисловии ко второму изданию книги «Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви» И. С. Кон писал: «Быстро меняется положение геев и лесбиянок во всем мире. Некоторые тенденции, вроде легализации однополых браков, которые в первой половине 1990-х гг. были еще локальными и многим казались экзотическими, теперь приобрели общий характер. Большие позитивные сдвиги происходят в мировом общественном мнении. Наряду с этим в России в последние годы заметно активизировались реакционные антигомосексуальные силы, публичные выступления которых не встречают не только отпора, но даже политической и моральной оценки» [Кон, 2003: 3].

Помимо общего реванша консервативных политических сил, позиционирующих либерализацию сексуальности в качестве основного признака «морального упадка» и эксплуатирующих массовое чувство неуверенности в завтрашнем дне, острое неприятие гомосексуальности (особенно мужской), в том числе в России, вероятно, является следствием «кризиса маскулинности», истоки которого можно проследить еще в позднесоветский период [Здравомыслова, Темкина, 2002]. В 1990-е годы этот кризис был значительно усилен падением производства в таких традиционных сферах мужской занятости, как оборонная промышленность и тяжелая индустрия в целом, приведшим к потере статуса кормильца сотнями тысяч мужчин [Kiblitckaya, 2000]. Этот опыт «демаскулинизации» (хронологически совпавший с декриминализацией гомосексуальности и появлением ЛГБТ-активизма в России) требовал компенсации и символического «излечения». Однако сам механизм утверждения гегемонной (то есть нормативной, успешной, победоносной) ма-

скулинности предполагает существование других групп мужчин, по сравнению с которыми эта маскулинность выглядит как «правильная» и аутентичная [Carrigan, Connell, Lee, 1985]. Как пишет Джордж Мосс, идеал маскулинности как символ личного и национального возрождения требует противопоставления, усиливающего и легитимирующего этого идеал. Эти противоположные типы, ключевыми из которых являются гомосексуалы, не просто репрезентируют собой иные типы маскулинности, но конструируются как враждебные. Таким образом, проводится решительный водораздел между «правильной» и «враждебной» маскулинностями, так чтобы мужественность как символ здорового общества подпитывалась за счет своей контрастной противоположности [Mosse, 1996: 4].

Политики гендера и сексуальности: другие берега

Очень важно, однако, констатировать, что такой вариант развития гендерного порядка, который подразумевает конфронтацию с идеологией гендерного равенства, гомофобию и моральные паники по поводу либерализации сексуальности, не является неизбежным и единственно возможным для современной политической ситуации.

Современные исследования в области гендерных отношений подтверждают гипотезы о гибком, изменчивом характере сексуальности. Так, например, в 2015 г. американско-канадская исследовательница ван Андерс предложила теорию сексуальных конфигураций (ТСК). Теория основана на построении моделей партнерской (групповой) сексуальности, которая отделяется от индивидуальной сексуальности. Ван Андерс вводит два параметра: гендер/пол и количество партнеров (применительно к группе). ТСК также описывает гендер/пол индивида. Через призму сексуального разнообразия рассматриваются общие и частные свойства различных сексуальностей, без наделения преимуществами какой-то одной из них. Теория рассматривает сексуальные идентичности, ориентации и статусы, которые могут быть как зависимыми друг от друга, так и независимыми, и, соответственно, могут быть ветвями одного ствола или случайным совпадением [van Anders, 2015; van Anders, Schudson, 2017].

Эта работа развивает идеи квир-теории, связанной с именами М. Виттиг [Виттиг, 2002], И. Кософски Седжвик [Кософски Седжвик, 2002], Дж. Уикса [Weeks, 1985] и других авторов, в которых было поставлено под сомнение существование «сексуальной ориентации» как категории и основанных на ней определенных типов идентичности, строго разделенных по бинарному принципу гетеро/гомосексуальности. Как пишет по этому поводу современный исследователь Д. В. Воронцов, «в условиях парадигматического сексуального различия и постулирования существования неких стабильных форм сексуального разнообразия сексуальность разделяется на два относительно независимых пласта существования: личный и коллективный — и становится весьма противоречивым феноменом, внешние проявления которого подвергаются тщательному рассмотрению, отбору, контролю и регулированию. При господстве нормативистского уклада социальных отношений, когда стабильность и незаметность оснований социальной жизни не создает особых проблем личного выбора какой-либо модели поведения, господствующие культурные сексуальные скрипты выступают главными предиктора-

ми функционирования сексуальности, производя фиксированные сексуальные идентичности» [Воронцов, 2017: 69]. В условиях же складывающегося сегодня социального порядка, который Уиттиер и Саймон называют постпарадигматическим (т. е. отрицающим или подвергающим критике нормативность научных категорий), на передний план выдвигаются внутриличностные сценарии сексуального желания, подрывающие возможность становления и функционирования любой четко определенной сексуальной идентичности на общественном уровне и смещающие акцент на психологические основания сексуального самосознания [Whittier, Simon, 2001].

Может ли такой теоретический подход сочетаться с государственной политикой? Опыт Канады, одной из самых высокоразвитых и успешных стран мира, позволяет положительно ответить на этот вопрос: в 2016 г. в некоторых провинциях Канады в официальных документах стало необязательно указывать свой биологический пол, соответственно, при его указании не требуется никаких подтверждающих документов. В заграничном канадском паспорте появилась возможность поставить букву X вместо традиционных Ж и М². Эта, казалось бы, чисто учетно-регистрационная мера оказывает, тем не менее, большое влияние на жизнь людей.

Канада здесь не исключение: официальное признание небинарной гендерной структуры началось в Австралии в 2003 г. [Holme, 2008], но на сегодняшний день получает все большее распространение в разных странах. В нескольких штатах США в 2017 г. появилась возможность в водительских правах выбирать третью опцию для пола без какого-либо обоснования³. В 2017 г. Германия допустила возможность использования в документах небинарного гендера⁴. В других европейских странах также наметилась тенденция к признанию небинарной гендерной структуры на государственном уровне.

В Непале трансгендеры признаются третьим полом с 2007 г, для изменения паспортного пола достаточно самоидентификации⁵. В 2014 г. третьим полом трансгендеров признали в Индии⁶. В Пакистане в результате борьбы за свои права люди третьего пола, называемые «кваяя сара» (khwaja sara), добились выдачи специальных документов, отражающих их гендер [Khan, 2016]. Схожие процессы в последние годы отмечаются в Таиланде и на Филиппинах, в культурах которых исторически существовали полигендерные конструкты [Kang, 2012]. Таким образом, гибкие и сензитивные политики сексуальности реализуются далеко не только в странах западного мира, традиционно обвиняемых консерваторами в искажении моральных норм.

В начале 1980-х годов один из авторов этой статьи И. И. Лунин по совету и рекомендации И. С. Кона начал исследовать детей с особенностями «полоролевого» развития, в том числе с такими, которых тогда называли транссексуалами, а потом

² Canada, Immigration, Refugees and Citizenship. Change the sex on your passport or travel document. — Canada.ca. 2018. [Электронный ресурс]. URL www.canada.ca (дата обращения: 15.10.2018).

³ Grinberg E. (2017) You can now get a gender neutral driver's license in D.C. *CNN*. June 27.

⁴ Bundesverfassungsgericht Press Release No. 95/2017 of 08 November 2017: Civil Status Law Must Allow a Third Gender Option. [Электронный ресурс]. URL: www.bundesverfassungsgericht.de (дата обращения: 15.10.2018).

⁵ Knight K. (2012) Nepal's Third Gender and the Recognition of Gender Identity. *Huffington Post*. 24 April.

⁶ McCoy T. India now recognizes transgender citizens as 'third gender'. *Washington Post*. 15 April 2014.

трансгендерами [Lunin, 2017]. Проводя вместе с Г. В. Старовойтовой межкультуральное сравнительное исследование полоролевых установок абхазов и ленинградцев, мы могли замерить социокультурные влияния на полоролевое поведение [Лунин, Старовойтова, 1991]. Но нам и в голову не могло прийти, что многие проблемы, вызывающие сильнейшее внутреннее напряжение, могут быть просто сняты, если людям не надо будет указывать гражданский или паспортный пол...

Вместо заключения

Современные представления о гендере и сексуальной идентичности основаны на том, что это динамические, а не статические переменные. Сексуальное поведение в гораздо большей степени определяется возможностью самовыражения и коммуникации, чем это считалось раньше. В условиях, когда биологический пол превращается в медицинский факт, который необязательно манифестировать, многие понятия, например, сексуальные предпочтения, приобретают совершенно иной смысл, а такие понятия, как однополые отношения, в значительной степени обесмысливаются [Light, 2018]. Предчувствуя эти сдвиги в научной парадигме сексуального здоровья, И. С. Кон в свое время завершил свою эпохальную монографию об однополых любви такими словами: «По мере того, как ослабевает необходимость нечто скрывать, уменьшается потребность притворяться и изображать» [Кон, 2003: 505]. Исследовательский и консультационный опыт авторов показывает, что отсутствие жесткой регуляции сексуальности может быть терапевтически полезным для многих людей, не имеющих возможности вписать себя в жесткие бинарные категории. И хотя такая политика представляется сегодня достаточно радикальной и последовательно применяется только в одной стране, этот опыт представляется очень интересным и в теоретическом, и в практическом смысле.

Таким образом, в современном мире мы можем наблюдать совершенно разные модели развития гендерного порядка и политик, связанных с сексуальностью: от консервативного поворота, отвергающего все формы ненормативной сексуальности (более того, выстраивающего на этом фундаменте основания для солидарностей), до полного отказа от регуляции гендерных отношений на государственном уровне. Будущее покажет, какие из них окажутся более жизнеспособными, и насколько они будут способствовать развитию общества и счастью отдельных личностей. Однако сам факт столь разного ответа на примерно одни и те же вызовы современности — индивидуализацию, атомизацию, демографические изменения, глобальную политическую неустойчивость — говорит о множественности векторов социального развития, в том числе и гендерных трансформаций. И, как мы постарались показать в этой статье, идеи И. С. Кона сохраняют свой эвристический потенциал для изучения таких сложных, многоуровневых, пропитанных противоречиями процессов.

Труды Игоря Кона, сочетающие огромную научную эрудицию автора с ясным стилем, четкой логикой и безукоризненной этической позицией, и по сей день являются источником вдохновения и точной отсчета для многих влиятельных авторов, пишущих о российской гендерной системе [Здравомыслова, Темкина, 2003], маскулинности [Роткирх, 2011; Костерина, 2013; Тартаковская, 2002], отцовстве [Чернова, 2012], сексуальности и гендерных отношениях [Омельченко,

2014; Шорыгин, 2017] и на многие другие темы. Поскольку наследие И. С. Кона далеко выходит за пределы собственно социологических исследований, на него опираются и многие психологи, занимающиеся проблемами гендерных норм и социализации, гендерной идентичности и другими аспектами развития личности [Александрова, Баркова, 2015; Исаев, 2016; Клецина, Иоффе, 2017; Иоффе, 2018; Gulevich et al. 2018]. Можно сказать, что его влияние на российские социальные науки устойчиво и многопланово. Хотя Игорь Семенович Кон ушел из жизни уже более семи лет назад, как автор он присутствует в современной научной дискуссии, более того — помогает сохранять ее высокие стандарты.

Список литературы (References)

Александрова О. В., Баркова С. М. Восприятие детского сексуального опыта как составляющая социально-психологической адаптации у молодых взрослых // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2015. № 4. С. 142—152.

Aleksandrova O. V., Barkova S. M. (2015) Perception of one's childhood sexual experience as a part of socialpsychological adaptation in the early adulthood. *Vestnik of St. Petersburg State University. Ser. 16. Psychology. Pedagogy.* No. 4. P. 142—152. (In Russ.)

Бороздина Е. А., Кондаков А. А., Шторн Е. М. Современные исследования гендера и сексуальности: теоретические разработки и эмпирические изыскания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 5. С. 7—14.

Borozdina E., Kondakov A.A, Shtorn E. M. (2017) Current gender and sexuality studies: theoretical approaches and empirical research. *The Journal of Sociology and Social Anthropology.* Vol. XX. No. 5. P. 7—14. (In Russ.)

Виттиг М. Прямое мышление. М. : Идея-пресс. 2002.

Wittig M. (2002) *La Pensée straight.* Moscow: Idea-Press. (In Russ.)

Воронцов Д. В. Сексуальность как этничность: культурный ресурс гендерезированной сексуальности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 5. С. 59—74.

Vorontsov D. V. Sexuality as ethnicity: a cultural resource of gendered sexuality. *The Journal of Sociology and Social Anthropology.* Vol. XX. No. 5. P. 59—74. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Е. А. Здравомыслова, А. Темкина // О муже(N)ственности. Сб. ст. / Сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение. 2002. С. 432—451.

Zdravomyslova E. A. Temkina A. A. (2002) The crisis of masculinity in late Soviet discourse. In: *Ushakin S. (comp.) About husband shall be.* Moscow: New Literary Review. P. 432—451. (In Russ.)

Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник 2003. Женская и гендерная история / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М. : РОССПЭН. 2003. С. 436—463.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2003) The Soviet etacratic gender order. In: Pushkareva N. L. (ed.) *Social History: Yearbook, 2003: Women's and Gender History*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Здравомыслова Е., Темкина А. Патриархат и женская власть // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 68—95.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2003) Patriarchate and women's power. In: *Russian Gender Order: Sociological Approach*. Ed. by E. Zdravomyslova and A. Temkina. SPb: EUSP. P. 68—95. (In Russ.)

Исаев Д. Д. Деконструкция гетеронормативной матрицы // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 1. С. 9—26.

Isaev D. D. (2016) Deconstruction of the heteronormative matrix. *Psychology. Journal of Higher School of Economic*. Vol. 13. No. 1. P. 9—26. (In Russ.)

Иоффе Е. В. Сексуальные отношения в контексте четырех революций: семейной, сексуальной, гендерной и цифровой // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV—XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4—7 октября 2018 г., Нижний Новгород : в 2-х томах / отв. редакторы: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина. М. : ИЭА РАН, 2018. Т. 2. С. 132—135.

Ioffe E. V. (2018) Sexual relations in the context of four revolutions: family, sexual, gender and digital. In: *Citizens in the political, economic and cultural processes of the Russian urbanization of the XIV—XXI centuries*. Proceedings of the Eleventh international scientific conference of RARWH and IAE RAS, 4—7 October 2018, Nizhny Novgorod. Ed. by Pushkareva N. L., Gronskaya N. A., Radina N. K. Moscow: IAE RAS. P. 132—135. (In Russ.)

Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М. : Проспект, 2017. 144 с.

Klecina T. S., Ioffe E. V. (2017) Gender norm as a socio-psychological phenomenon. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Кон И. С. Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика. 1966. № 12. С. 64—77.

Kon I. S. (1966) Sexual Mores in the light of sociology. *Soviet pedagogy*. No. 12. P. 64—77. (In Russ.)

Кон И. С. Социология личности. М. : Политиздат. 1967. 383 с.

Kon I. S. (1967) *Sociology of personality*. Moscow. Politizdat Publ. 383 p. (In Russ.)

Кон И. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб. : Дмитрий Буланин. 2002. С. 24—46.

Kon I. S. (2002) Human sexuality at the turn of the XXI century. In: *In search of sexuality: a collection of articles*. Eds. E. Zdravomy'slova, A. Tyomkina. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ. P. 24—26. (In Russ.)

Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М. : Олимп. 2003.
Kon I. S. (2003) Moonlight at dawn. Faces and masks of same-sex love. Moscow: Olymp. (In Russ.)

Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. 2-е изд., переработанное и дополненное. М. : Айрис Пресс, 2005.

Kon I. S. (2005) Strawberries on the birch tree: sexual culture in Russia. 2-nd ed. Moscow: Airis Press. (In Russ.)

Кон И. С. 80 лет одиночества. М. : Время. 2008.

Kon I. S. (2008) Eighty years of loneliness. Moscow: Vremya. (In Russ.)

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.

Kon I. S. (2009) A man in a changing world. Moscow. Vremya. (In Russ.)

Кондаков А. Конфигурации права: как действует закон о «пропаганде» в школах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 5. С. 187—206.
Kondakov A. (2017) Configurations of law: how does the law on «Propaganda» function in schools. The Journal of Sociology and Social Anthropology. Vol. XX. No. 5. P. 187—206. (In Russ.)

Кософски Седжвик И. Эпистемология чулана / пер. с английского О. Липовской и З. Баблюяна. М. : Идея-Пресс, 2002.

Kosofsky Sedgwick E. (2002) Epistemology of the Closet. Trans. from En. By Lipovsky O., Babloyan Z. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)

Костерина И. «Ботаники» против Джеймса Бонда: некоторые тренды современной маскулинности // Способы быть мужчиной. Трансформации маскулинности в XXI веке. М. : Звенья, 2013. С. 18—31.

Kosterina I. (2013) Botany» against James Bond: some trends of modern masculinity. In: Tartakovskaya I. N. (ed.) Ways to be a man: the transformation of masculinity in the 21st century. Moscow: Zvenja. P. 18—31. (In Russ.)

Лунин И. И., Старовойтова Г. В. Исследование родительских полоролевых установок в разных этнокультурных средах // Этнические стереотипы мужского и женского поведения / под ред. Байбурина А. К. и Кона И. С. СПб. : Наука. 1991. С. 3—16.

Lunin I. I., Starovoitova G. V. (1991) Research parental role polo facilities in various ethno-cultural environments. In: A. K. Baiburin, I. S. Kon (Eds.). Ethnic stereotypes of men and women behavior. Saint Petersburg: Nauka. P. 3—16. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Скинхед-идентичность в локальном контексте: гомосоциальность, интимность и тело бойца // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 61—76.

Omelchenko E. L. (2014) Skinhead Identity in a local context: homosociality, intimacy, and fighter's body. Etnograficheskoe obozrenie. No. 1. P. 61—76. (In Russ.)

Роткирх А. Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев / пер. с англ. Е. Д. Никифоровой; науч. ред. Е. А. Здравомыслова. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2011.

Rotkirch A. (2011) *The Man Question. Loves and sex of three generations in autobiographies of St. Petersburg's citizens.* Trans. from En. E. D. Nikiforova. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Тартаковская И. Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 112—125.

Tartakovskaya I. (2002) Men in the labor market. *Sociological Journal (Sotsiologicheskij Zhurnal)*. No. 3. P. 112—125. (In Russ.)

Чернова Ж. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 1 (60). С. 103—123.

Chernova Zh. (2012) Family Policies in Western European countries: the models of fatherhood. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XV. No. 1 (60). P. 103—123. (In Russ.)

Шорыгин Е. А. Гендерные режимы в школах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20 (5). С. 167—186.

Shorygin E. A. (2017) Gender regimes in high schools. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 20(5). P. 167—186. (In Russ.)

Carrigan, T., Connell R., Lee J. (1985) Toward a New Sociology of Masculinity. *Theory and Society*. Vol. 14. P. 551—604. <https://doi.org/10.1007/BF00160017>.

Connell R. (2009) *Gender in World Perspective*. London: Polity Press.

Grzebalska V., Kováts E., Peto A. (2017) Gender as symbolic glue: The Position and Role of Conservative and Far Right Parties in The Anti-Gender Mobilizations In Europe. URL: <http://politicalcritique.org/long-read/2017/gender-as-symbolic-glue-how-gender-became-an-umbrella-term-for-the-rejection-of-the-neoliberal-order/> (accessed: 04.10.2018).

Gulevich O., Osin E., Isaenko N., Brainis L. (2018) Scrutinizing Homophobia: A Model of Perception of Homosexuals in Russia. *Journal of Homosexuality*. Vol. 65. No. 13. P. 1838—1866. <https://doi.org/10.1080/00918369.2017.1391017>.

Holme I. (2008) Hearing People's Own Stories. *Science as Culture*. No. 17 (3). P. 341—344.

Inglehart R., Baker W. (2000) Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 1. P. 19—51. <https://doi.org/10.2307/2657288>.

Kandioti D. (1988) Bargaining with Patriarchy. *Gender and Society*. Vol. 2. No. 3. P. 274—290. <https://doi.org/10.1177/089124388002003004>.

Kang D. (2012) Kathoey In Trend: Emergent Genderscapes, National Anxieties and the Re-Signification of Male-Bodied Effeminacy in Thailand. *Asian Studies Review*. Vol. 36. No. 4. P. 475—494. <https://doi.org/10.1080/10357823.2012.741043>.

Khan F. (2016) Khwaja Sira Activism: The Politics of Gender Ambiguity in Pakistan. *TSQ*. Vol. 3. No. 1—2. P. 158—164. <https://doi.org/10.1215/23289252-3334331>.

Kiblitckaya M. (2000) 'Once We Were Kings': Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-communist Russia. In: *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. Ed. by S. Aschwin. London: Routledge. P. 55—70.

Light E. (2018) Don't ask, don't tell» (DADT) about Bio Sex. Abstract of the Preaching to the Choir: International LGBTQ Pre-Conference, Montreal. URL: <https://osf.io/6ejzt/> (accessed: 17.10.2018).

Lunin I. (2017) Striving for LGBTQ rights in Russian psychology and society: A personal narrative. *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 10 (2). P. 35—41. <https://doi.org/10.11621/pir.2017.0203>.

Mosse G. (1996) *The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity*. Oxford: Oxford University Press.

Rubin G. (1984) Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality. In: Carole Vance (ed.) *Pleasure and Danger*. Boston, London, Melbourne, Henley: Routledge & Kegan Paul. P. 267—319.

Valentine G. (1993) (Hetero)Sexing Space: Lesbian Perceptions and Experiences of Everyday Spaces. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 11. No. 4. P. 395—417. <https://doi.org/10.1068/d110395>.

van Anders S. (2015) Beyond Sexual Orientation: Integrating Gender/Sex and Diverse Partnered Sexualities via Sexual Configurations Theory. *Archives of Sexual Behavior*. Vol. 44 (5). P. 1177—1213. <https://doi.org/10.1007/s10508-015-0490-8>.

van Anders S., Schudson Z. (2017) A Response to Commentaries on «Beyond Sexual Orientation: Integrating Gender/Sex and Diverse Partnered Sexualities via Sexual Configurations Theory» (van Anders, 2015). *Archives of Sexual Behavior*. Vol. 46 (5). P. 1547—1550. <https://doi.org/10.1007/s10508-017-1004-7>.

Weeks J. (1985) *Sexuality and its Discontents: Meanings, Myths and Modern Sexualities*. London: Routledge and Kegan Paul.

Whittier D. K., Simon W. (2001) The fuzzy matrix of «My Type» in intrapsychic sexual scripting. *Sexualities*. Vol. 4 (2). P. 139—165. <https://doi.org/10.1177/136346001004002003>.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.02

Правильная ссылка на статью:

Шалин Д. Н. Из переписки с Игорем Коном // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 20—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.02>.

For citation:

Shalin D. N. (2018) Selected Correspondence with Igor Kon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 20—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.02>.

Д. Н. Шалин ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ИГОРЕМ КОНОМ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ИГОРЕМ КОНОМ

ШАЛИН Дмитрий Николаевич — к.с.н., PhD, профессор, директор Центра демократической культуры, Университет штата Невада, Лас-Вегас, США
E-MAIL: shalin@unlv.nevada.edu
<http://orcid.org/0000-0001-9085-5712>

SELECTED CORRESPONDENCE WITH IGOR KON

Dmitri N. SHALIN¹ — Cand. Sci. (Soc.), PhD, Professor, Director of the Center for Democratic Culture
E-MAIL: shalin@unlv.nevada.edu
<http://orcid.org/0000-0001-9085-5712>

Аннотация. В статье представлена переписка с И.С. Коном. Текст не аннотирован.

Ключевые слова: Кон, переписка, гендер

Abstract. The article presents the correspondence with I.S. Kon. No abstract provided.

Keywords: Igor Kon, Correspondence, gender

¹ University of Nevada, Las Vegas, U. S. A.

С Игорем Семеновичем Коном меня познакомила в 1967 г. Мария Семеновна Козлова, доцент философского факультета Ленинградского государственного университета. Я тогда только перевелся с вечернего отделения на дневное, раздумывал о возможной специализации и очень обрадовался шансу учиться у маститого ученого. Игорь Семенович дал мне книгу неизвестного мне философа Джорджа Герберта Мида на неизвестном мне тогда английском языке и предложил написать реферат. Браться за проект было авантюрой, но перспектива представлялась слишком заманчивой и, кое-как освоив язык, я что-то написал о мидовской теории «Я». Из этих заметок со временем вырос мой университетский диплом и кандидатская диссертация, защищенная в 1973 г. в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ), куда меня распределили по окончанию аспирантуры.

В ленинградских секторах института я проработал недолго: уволился весной 1975 г. в преддверии подачи в ОВИР документов на эмиграцию. Тогда же у меня произошел памятный разговор с Игорем, предрешивший наши отношения после моего отъезда в США.

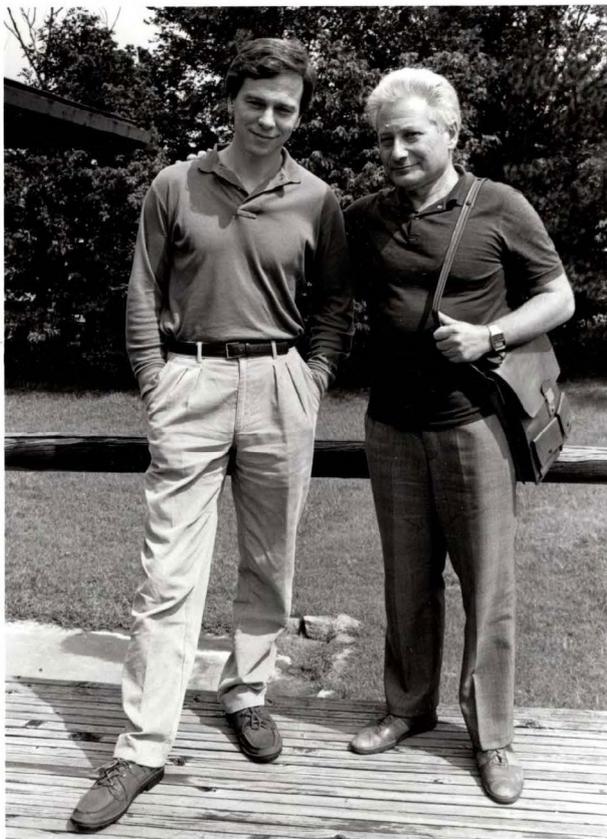
Я не рассказывал Игорю о своих планах эмигрировать. Отчасти это было связано с тем, что он к тому времени работал в Москве, отчасти — с моим желанием отвести удар от научного руководителя. Я знал, что Владимир Ядов, заведующий ленинградскими секторами, оповестил Игоря о моих намерениях, однако у меня не было уверенности, как Кон отнесется к моим планам. Как выяснилось при нашей первой после подачи документов встрече, Игорь был огорчен и обижен — не моим желанием покинуть страну, а нежеланием с ним по этому поводу советоваться.

Не могу сказать, что Игорь приветствовал мое решение. Он был человеком осторожным, пользовался доверием в высших партийных сферах (в то время он работал в Институте общественных наук при ЦК КПСС), а я после демонстративного разрыва с системой стал одиозной фигурой в академическом мире. Но Игорь отнесся к моему решению с пониманием и пообещал сообщить Роберту Мертону о планах его ученика перебраться в Америку. В том, что я был принят в аспирантуру Колумбийского университета, заслуга в первую очередь Игоря Семеновича.

Первые несколько лет я не мог общаться с Игорем напрямую. Вскоре его перестали выпускать в командировки на Запад, писать мне по обычной почте он не мог, а я не хотел компрометировать его своими посланиями. Изредка Игорь пересылал мне приветы и короткие записки через Мелвина Кона, Уэсли Фишера, Джона Ганьона и других американских ученых, с кем он общался. Первое письмо он написал мне в августе 1978 г. во время поездки на съезд Международной социологической ассоциации в Уппсале (его привез Мелвин Кон, с которым у меня впоследствии сложились дружеские отношения). Это самое раннее письмо Игоря в моем архиве. Им же открывается и нижеприводимая подборка.

Наша переписка оживилась в годы перестройки, а с появлением интернета она стала более или менее регулярной. В мае 1990 г. Игорь приехал в Америку и навестил меня в Бостоне, где я тогда находился в академическом отпуске по приглашению Русского исследовательского центра Гарвардского университета. Тогда же я записал первое [Кон, 2011] из трех интервью с Игорем Коном (второе было записано в 1994, третье — в 2008 г.). Годом позже он получил грант

в Гарварде и провел там около года. Несколько раз Игорь гостил у меня: один раз в Карбондейле, когда я работал там в Университете Южного Иллинойса, и трижды в Лас-Вегасе, где я преподаю в Университете штата Невада. В ноябре 1992 г. Игорь принял участие в Первой невадской конференции по русской культуре¹. По моей просьбе он написал статью «Кризис идентичности и посткоммунистическая психология» для специального выпуска журнала «Символический интеракционизм» [Кон, 1993] и статью «Моральная культура российского общества» для сборника «Русская культура на перепутье» [Кон, 1996].

Дмитрий Шалин и Игорь Кон в Лас-Вегасе, весна 1996 г.

Наша переписка продолжалась вплоть до смерти Игоря Семеновича. Он писал мне главным образом по-русски, я же отвечал по-английски. Со временем я надеюсь опубликовать нашу переписку полностью — здесь же приводятся только письма Игоря ко мне. За рамками этой публикации остались послания Игоря нашим общим знакомым и многочисленные письма третьих лиц (переписка с редактора-

¹ First Nevada Conference on Soviet Culture. Center for Democratic Culture, University of Nevada Las Vegas. 1992. November, 23rd. Available from: http://cdclv.unlv.edu/archives/first_nevada.html (Accessed 25th November 2018).

ми, заявки на гранты, сообщения о делах и просьбах Кона). Все письма приводятся полностью, хотя в нескольких случаях я счел нужным опустить конкретные имена, обозначив пробел соответствующим образом. В квадратных скобках и сносках приводятся значимые уточнения по местам, людям и событиям, к которым делаются отсылки в переписке, а также даются ссылки на упоминаемые публикации.

Я старался сделать эту выборку по возможности репрезентативной, но в чем-то она неизбежно субъективна. Тридцать шесть писем и записок в этой подборке дают представление о наших общих интересах, издательских планах Игоря, его разъездах по стране и миру, его самочувствию и настроениях. Особый интерес, на мой взгляд, представляют комментарии Игоря к политической ситуации в стране. В совокупности письма эти — документ эпохи, который может заинтересовать историка современной России.

«Времена не выбирают, в них живут и умирают», — заметил поэт. Первый вариант своих автобиографических заметок Игорь озаглавил «Эпоху не выбирают». Но к словам поэта хотелось бы добавить: «И лишь немногим суждено свою печать на них оставить».

Игорь Семенович Кон не только человек своей эпохи, он — человек эпоха, осмысливший ее ключевые противоречия и сопротивлявшийся ее репрессивным тенденциям. Игорь посильно противостоял холопству, разгильдяйству и жестокости, и — в чем его особая заслуга перед страной — воплощал в себе лучшие черты российского интеллигента. На его работах выросло несколько поколений ученых, интеллектуалов, просто образованных людей, для которых свобода мысли и исследовательской деятельности стали смыслообразующей формой существования.

Игорь не был диссидентом, избегал открытых конфликтов с властью, но при всей своей мягкости и интеллигентности находил в себе мужество писать об антисемитизме в стране развитого социализма и указывать на пагубность проповеди национальной исключительности в современной России. В постсоветское время Кон боролся с гомофобией православной церкви и политических элит, а во время коммунистического путча 1991 г. счел необходимым присоединиться к защитникам Белого дома. Своей независимостью и порядочностью Игорь вызывал особую ненависть первых учеников, всегда готовых подвизаться в качестве фиговых листочков на вертикали власти — все равно какой.

По моему убеждению, Игорь оставил после себя след в русской культуре, сравнимый с деятельностью таких фигур, как Андрей Сахаров, Сергей Аверинцев, Юрий Лотман, Юрий Левада... Время размывает этот след, с годами он может и вовсе стереться из исторической памяти, но его влияние на самые широкие пласты нашей культуры не ослабнет. Об этом можно судить не только по реакции учеников и коллег на смерть Игоря Кона, но и тысяч россиян. В некрологах, статьях, блогах и письмах люди, никогда не знавшие Игоря лично, писали о благодарности ученому, указавшему им путь к самопознанию и человеческой состоятельности в самые беспросветные времена российской жизни. «Социология личности», «В поисках себя», «Психология ранней юности», «Вкус запретного плода», «Введение в сексологию», «Ребенок и общество», «Лики и маски однополой любви», «Мужское тело в истории культуры», «Мужчина в меняющемся мире», «Мальчик — отец мужчины» — каждая из этих книг знаменовала прорыв за пределы идеологически санк-

ционированного знания. Многие из этих свидетельств — далеко не все — можно найти на сайте онлайн-проекта «Международная биографическая инициатива»², курируемого Борисом Докторовым и Дмитрием Шалиным.

В своем завещании Игорь просил кремировать его тело, развеять прах, избегать речей и не проводить поминок. В соответствии с его пожеланиями, я отклонял все предложения писать воспоминания и давать оценку жизнедеятельности Кона, ограничившись запиской от благодарных учеников за пределами России³. Сейчас, в год 90-летия со дня рождения, пришла пора отдать должное этому замечательному человеку.

Еще многое предстоит сделать для создания полноценного архива Игоря Семеновича Кона. Обращаюсь ко всем, кто знал Игоря и испытал на себе его влияние — поделитесь воспоминаниями о нем! Если у вас есть его письма и неизвестные материалы, сканируйте их и вывесите в Интернете. Или перешлите копии в Центр демократической культуры⁴, где создается Архив Игоря Кона.

С благодарностью,
Дмитрий Шалин

---

² Сайт проекта доступен по ссылке: <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>.

³ Записка доступна по ссылке: http://cdclv.unlv.edu/archives/Tributes/kon_card.pdf.

⁴ Сайт Центра демократической культуры: <http://cdclv.unlv.edu/index.html>.

Дорогой Дима!

[14/8/1978]

Мне очень жаль, что мы не сумели ни на договориться на вселенный случай посылать тебе какой-то материал. Я хотел твои мысли Е. С., но хотелось бы думать больше. Конечно, напиши ей подробности, совсем подробно, про Фрида; а о нем очень мало знаю.

Я сейчас завершил все свои дела. "Выработка 1" посылать Вестей Вайден, "Психологические аспекты" (вместе с "Восточным варшавитом" 20. и для русских - 12 и 14 листов). В первом сборнике переводов по исторической демографии. "Меню социологии"

Ее отец звали В. Милл

(для, наверное, пром. лава Тайрима & Вестер, но все-таки не совсем точно) Вайден мне в 1973. В "Науке" появились журналы "Идеи истории" Коллинзбурда, переведенной Н. В. Седом. В фРГ переведены "Дружба" (в Восток вошли в прошлый году), в Польше - Большая лава (4.) "Историко-этнографические аспекты сексуальности", написанные по заказу Писемского; у нас это пока безумно трудно. Анисетра в Ир-не этнографический (не менее отличный, очень спокойный, в отличие от многих других мест).

А в целом все хорошо, надежные люди. Справедливее издохнуть, но в 50 лет это мало издохнет. Работать мне

не хочется, вернее, работю не на рудном, а на процесс. Если
 Мелвин Ковин писал мой первый аналитический, и т.д. он мне при
 всерее тиндере рассказует. Книжки, и говори о тебе с Соки'ей
 маме. Маме, то тут не было Весел.

Дар, то пван деля, вышло, перелохи. Преле, то е дурю пелю
 внемного стелю. Виль хинесе да поварахет с любимой ушником, но
 это ева не востаню. Умале - не начала нового ушма, а, скорее всего,
 кончание у шивия.

Тривин Киле, Эрму, всем дафран гласили. Не давай. Мо уште
 дурюх ушма, какой уекой опилена кандел печатное стирка.
 Преле, то лемо дабвонел, как Махел парода...

Обнимаю тебя.

Будь!

Мш

13 мая 1991

Дорогой Дима,

вопреки твоим ожиданиям, Русский центр [Гарвардского университета] еще 11 февраля дал мне искомый грант, причем на целый год, с сентября по июль. Так что спасибо тебе за блестящую идею, в осуществимость которой сам я не очень верил. Однако их письмо, посланное почтой, до меня до сих пор не дошло. Теперь я пытаюсь отменить все ранее намеченные планы и постараюсь пробыть в Гарварде полный срок.

Если это получится, я смогу поехать и в Майями и принять участие в бостонских разговорах и вообще вплотную заняться нашим общим проектом [Russian Culture..., 1996]. Но нужны твои совет и помощь. Как снять жилье, по возможности близко к Русскому центру, маленькое — мне практически нужна одна комната и недорогое. Я понятия не имею как я туда доберусь и что буду делать. Как ты знаешь, я человек не очень приспособленный. Нет ли у тебя друзей в Гарварде, которые бы могли мне на первых порах чем-то помочь — и встретить, подсказать и т. д. Постарайся расспросить наших общих знакомых, мне это как-то неловко, да и связи нет.

Я буду с 16 по 30 июня в Амстердаме на Всемирном сексологическом конгрессе и потом в университетах. Меня можно найти там через Prof. Louis Gooren, Free University Hospital, Dept. of Endocrinology/Andrology, P.O. Box 7057, 1007 MB Amsterdam. Tel. <...>.

Я сейчас пребываю в некоторой растерянности. Магуну и Дане все передал, Ядов в отпуске, Гозман в США, Эткинду все передал в Париже.

Сердечный привет Джанет. Надеюсь, повидать вас на новом месте и выиграть состояние в рулетку. А еще лучше, если это удастся тебе.

Еще раз спасибо!

Обнимаю

Сентябрь 1991

Дима, это тебе на память. Эту записку я на всякий случай оставил на столе 3-го сентября. Я не боялся ехать, просто я не люблю митингов + болели ноги + в случае каких-то событий от меня нет пользы. Но я знал, что если не поеду — потеряю самоуважение. А там было хорошо. Чувство опасности усиливало сопричастность. Это было совсем не то, что обычные демонстрации. Хотя эффект толпы на меня все равно не действует.

Поехал к Моссовету. Не думаю, что это имеет какой-то смысл, предпочел бы умереть дома, но что делать?

Игорь Кон

10 вечера

8 января 1992

Дорогой Дима!

Счастливого Нового Года!

Факс отправил сразу по получении, чека пока нет, но это не спешно. Вылетаю вечером 8 февраля, Northwest через Миннеаполис, рейс 715 (из Миннеаполиса),

прибывает в Лас Вегас 23.51. Обратный билет заказал на вечер 13 февраля на Миннеаполис, где я задержусь до 18, а потом обратно в Бостон.

Итак, через месяц мы увидимся. Сообщи, пожалуйста, сможешь ли ты меня встретить или — время позднее — как проще добраться до гостиницы. Вероятно, кроме такси, есть и Shuttle, как в Майами.

Ваш симпозиум⁵ мне правда интересен, что бывает очень редко. Собираюсь говорить о кризисе ценностей в СССР. Среди твоих невадских коллег меня очень интересует Donald Carns, я его цитировал в нескольких книгах, а из других — Ken Plummer и Gary Fine, а также Denzin and Bill Simon.

На сессии 21 собираюсь говорить вовсе не формально — как я открыл Мида, а затем придумал Диму Шалина. Если мне не изменяет память, до меня о Миде писал только Рубинштейн, причем — я был страшно удивлен — все, вплоть до сносок на [?], было неверно.

На днях послал в Афины новое предисловие к «В поисках себя» (там переводят книгу, я просто снял все казенные места, оставив остальные). А в целом настроение скверное из-за российских дел. Напомни Евг[ению] Сем[еновну] Шалиной как я уговаривал ее не огорчаться из-за твоей эмиграции. Причем, такого я не предполагал. Сегодня в программе «Вести» показали пыточную камеру в бункере у Гамсахурдии. К вопросу о демократии...

Поцелуй Джанет и Ариель.

Твой, Игорь Кон

23 мая 1993

Дорогой Дима!

Посылаю чек на 10.000 долларов, это будет мой НЗ. Надеюсь, что в ближайший год мне эти деньги не понадобятся, я везу с собой cash. А дальше будет видно.

В случае моей смерти постарайся, пожалуйста, передать эти деньги, разделив их пополам, моим ленинградским друзьям, предварительно с ними связавшись. <...>

Это самые необеспеченные из моих друзей. <...> не самый способный и предприимчивый, но, пожалуй, самый теплый из моих учеников.

Впрочем, это на всякий случай. Я собираюсь еще пожить, хотя бы до выхода новой книги. Но дела должны быть в порядке.

Всего тебе самого лучшего! И еще раз спасибо за все. Ты знаешь, я всегда был к тебе очень привязан и гордился тобой. Время тут ничего не меняет.

Жму руку.

Игорь Кон

1 октября 1993

Дорогой Дима!

Посылаю главу. Ты, конечно, прав, — последнюю часть ее следовало бы переписать под другим углом зрения, но я физически не могу этого сделать. И не только за отсутствием времени. Это — не мои сюжеты. Над этой темой надо работать специально, несколько лет, и меня она мало интересует. Единственное, что я здесь

⁵ Имеется в виду панель «Self in Crisis: Identity and the Postmodern Condition» на Stone Symposium, состоявшемся в 1992 году.

знаю и мог бы сделать хорошо, — сексуальная мораль. Но для данной книги это слишком узко.

Мое самочувствие зависит больше всего от погоды. Когда днем дождь и пасмурно — все абсолютно безнадежно. А вчера выглянуло солнце и появилось желание что-то еще сделать.

Политически я настроен пессимистически. Я не верю ни власти, ни КГБ, ни церкви, которая так же мафиозна, как и все остальное. Боюсь, что время работает против Ельцина. Народ устал и защищать его не будет. (Приписка: Я ошибся. Но многие люди, как и я, были не за Ельцина, а против фашизма). Все его обещания были сплошным наглым обманом. А альтернатива ему — только фашизм. Дай Бог, чтобы этого не случилось, (т. е. если это не будет) тогда наша жизнь будет ухудшаться не революционно, а эволюционно, и что-то можно будет даже сделать.

Как я тебе говорил, 24/X — 11/XI собираюсь быть в Швеции, вчера взял билет. Весной, если не получится в Cornell, съезжу на месяц в Финляндию, они хотели меня пригласить. Вообще личные мои дела на так плохи, при всей моей социальной неприспособленности. Просто не могу отключаться от окружающей жизни. Вид разрушенного Сухуми проводит в отчаяние...

Не обижайся на мои заметки о твоей правке. Ты знаешь, что я тебя люблю, и в человеческом плане ты проявил себя наилучшим образом. Мой Гарвард — дело твоих рук, я никогда бы не попытался получить там грант. И для ребят ты многое сделал. Но экспертом в здешних делах ты не являешься (я — тоже). Твой взгляд по-американски черно-белый: «мы» (Я) и «они» — совершенно разные. А ведь моральные-то проблемы универсальны. В США легче найти свою экологическую нишу, но воевать с нынешним большевизмом (например, в феминистском обличье) ты не станешь. Да и в Ленинграде мне было совсем нетрудно заставить (не то слово, даже убеждать не надо было) тебя писать о Миде приемлемо, а с <...> это не получилось. Не потому, что он был моральнее или смелее тебя (даже фамилию сменил), а потому что он был интеллектуально региднее. Во время ресторанной «разборки» в Лас Вегасе, которую ребята бестактно затеяли, ты вел себя замечательно. Но боюсь, что оскорбительности для мамы твоей первой открытки из Нью-Йорка ты все-таки не понял. О бывшей родине надо писать аккуратно, это часть твоего Я. А у тебя о Миде нюансов много, а тут их как-то не хватает.

Не обижайся. Моя собственная работа мне тоже не нравится. А для меня ты остаешься тем же 19-летним мальчиком, который мучил своих друзей терминологией Креча и Кратчфилда и с которым было так приятно в Новгороде.

А свобода, даже в наших паршивых условиях, все-таки вещь замечательная, даже с моим паршивым характером. Ребята живут хорошо. <...> отправил своего <...> (хороший мальчик!) на 2 недели в Париж. <...>, по-моему, получит свои калифорнийские деньги и, видимо, получит грант от МакАртуров, хочет производить [?] и что-то еще. Хотя его 16-летний сын-предприниматель, владелец собственной конюшни, смотрит на отца свысока и хамит (очень спокойный, уверенный в себе парень).

Посмотрим, каким получится «Огонек». А в «СПИД-инфо» теперь регулярно будут печататься лучшие материалы по всем разделам сексологии, хотя сюжет о мочеполовой жизни знаменитостей (по американским образцам), на которых они делают 4,5 миллионный тираж, меня подташнивает. Если бы не мой теперешний режим сна, я бы охотно посмотрел новые молодежные развлечения.

Сердечный привет Джанет и Эриель.

Твой Игорь Кон

3 September 1998

Dear Dima.

The country is on the verge of complete breakdown. Any kind of dictatorship would be better than anarchy. I don't want to survive this. I hope that my pills are still efficient.

I lost all my money but I want to help some of my friends. In the case of my death (I am not going to die in the next few days, so don't worry and don't tell me anything supportive) you will receive the information by e-mail. After that, please, give my money to <...> and to <...>, \$5000 each. They will contact you by e-mail.

Don't discuss this with anybody. I don't need help. I did everything I wanted and I am tired.

With the best wishes

Yours

Igor

8 September 1998

Dima:

the situation is awful. All economy and social life has collapsed. I had the stupidity to put all my money in the most solid banks and now it is impossible to receive it back. Western credit cards are also useless. The salary is not paid since May. I still have some rubles at home, from my last Russian grant, but with these prices it's a small money. The suggestion to replace my dollars account to Sberbank and to receive in November (!) rubles, losing most of its value, I rejected. I prefer to lose everything and not to stay in lines and waste nerves. So I do nothing, only made a new testament. I have no depression but a deep apathy. My e-mail is prepaid until the end of October. Then we will see. Tomorrow I'm going to cease paying for all communal services, except telephone. Very soon we sure shall have «kartochki». So if there will be any occasion, to send me some cash seems a good idea. Thank you.

Best wishes to your family.

Igor

2 October 1998

Dear Dima,

Thank you very much but don't worry. I have at home about 4000 rubles, it is enough for food and apartment for a couple of months. People try to get read [rid] of rubles, I didn't. I can't stand in lines for anything. The food is still available, no comparison with 1991. Only the prices... Next week Mitya shall send me with his mother some money from my BofA account so there is no catastrophe.

My problems are not economic but psychological. I can't live and work in the situation of uncertainty. And I have had too many difficulties last time — the tubes, computer, printer, zip-drive, kafel in my bathroom and many other small things. Money and political situation is only the last element of my personal situation. I take tranquilizers to feel less uncomfortable but I don't want to take Prozac. I know it makes wonders, I have had this experience (but it is bad for sleep). Yet I want to be prepared to anything, not to change my personality. If my life strategy is a withdrawal, so should it be. I think you remember about [Lafargue]. I'm not going to die tomorrow, but I want to be ready for anything, including the knowledge that I can pay for my funerals and that my friends shall receive some money. I'm tired not from the poverty — my needs have been always small — but from anxiety and loneliness. 3 meetings in the Academy of Education about sex education have been more distressing than the current financial trouble. And all this has a cumulative effect. The most disturbing thing is that I'm losing self-control and putting my burden unto others. When I was younger, I never did it.

So take my complaints quietly. Most of the people here, especially young, don't panic and live more or less normally.

Be well
Igor

July 10, 1999

Dima,

I finally read your paper on Mead [Shalin, 2000], and it is really excellent. I didn't know that you even used his archive. It is not only informative but very lucid in style. I think it is the best overview. Congratulations!

Where shall it be published? For a journal it is too long. Or is it for a collection of your essays.

This my last message from Budapest.

Yours
Igor

Москва 2000

Дорогой Дима!

Как прошла твоя конференция⁶? И когда выйдет учебник с твоей главой о Миде? Не могли бы они прислать экземпляр?

Здесь все воруют. Одно самарское издательство издало две — хорошие — хрестоматии о самосознании, куда без моего ведома включены несколько моих статей. Пригрозил судом — обещали прислать. Минское издательство, вместе с московским монстром, напечатало аж три сборника с моими статьями, после угрозы извинились и один прислали. Другие просто переписывают мои старые работы без ссылок.

⁶ Речь о Третьей невадской конференции по русской культуре. *Подробнее см.:* Cold War/Hot Culture: International Festival of Russian Art and Culture. Center for Democratic Culture, University of Nevada Las Vegas. 2000. Available from: <http://cdclv.unlv.edu/archives/poster.html> [Accessed 25th November 2018].

Рекорд побил Осипов с Иониным и Култыгиным. Они опубликовали учебник вузов «История социологии в Западной Европе и Америке», где напечатаны без ссылки на первоисточник две мои главы из книги 1979 г., плюс пять глав других авторов оттуда же, плюс две главы из книги Козера и две главы из немецкой книги Йоаса, опять-таки без указания источника, как будто Козер писал специально для них. После двух ругательных писем, зам. Осипова передо мной извинился и прислал экземпляр. Там же дочка Осипова в статье о Гурвиче обокрала Сашу Гофмана, не упомянув его даже в списке литературы.

На днях по просьбе Ю. Давыдова был на пышной презентации четвертого тома «Истории теоретической социологии» под его редакцией и им в основном написанной. Он сказал мне, что будто бы признавал какие-то мои заслуги, — как ни как, это мой бывший сектор. Ссылок на меня и ни на кого другого он никогда не делает, все открывает сам. Хотя в данном случае не упомянуть предшественников было просто неловко, присутствующие делали реверансы в мой адрес.

Дома открыл книгу — плохая и произвольная конструкция. Но самое смешное, что упомянут и я. Давыдов обиделся на какого-то немца Вайса, который в книге о Вебере положительно отозвался обо мне. А на самом деле, оказывается, именно я заслонял Давыдову солнце, создав вместе с Левадой и Наумовой «образ Вебера — плоского позитивиста», с которым Ю.Н. всю жизнь боролся. Глупый Вайс зря цитирует Кона, «совсем не случайно печатавшего свои самые крупные работы, затрагивавшие веберовскую тематику, именно в ГДР, где идеологический зажим был в то время гораздо больше, чем в СССР». Так что я даже по советским меркам был слишком реакционен. А Гайденко, которую Юра, естественно, хвалит, я, видимо, привлек в свой сектор не иначе, как по приказу из ЦК (иначе зачем бы мне разбавлять свой махровый позитивизм?). Вот как пишется история. А я-то думал, что мы с ним были друзьями и разошлись только после того, как он занял руссопятьские позиции. Так же поступил тогда и Левада. Я ему позвонил, посмеялись.

Вот такие пироги. Если ваша книжка [The Blackwell Companion..., 2000] не слишком велика и заумна, я бы попытался предложить ее для перевода, хотя связей у меня нет. А если есть какая-то связь с Козером, спроси его, пожалуйста, знает ли он, что является соавтором Осипова?

Привет домашним,

Игорь

27 марта 2001

Дорогой Дима!

Вчера, наконец, получен билет. Теперь я точно буду в Вашингтоне с 31 марта до 1 мая, затем в Нью-Йорке, до 13 мая. Жаль, что не выбраться к тебе. В Вашингтоне меня встретят и довезут до дома.

Честно говоря, я в очень плохой форме. Беспрецедентно тяжелая погода (до сих пор лежит снег, долгое время улицы были абсолютно непроходимы, пониженное давление), в сочетании с политической атмосферой, вызвала у меня глубокую депрессию. Я не могу не только серьезно работать, но и вообще ничего делать. Надеюсь, что в Вашингтоне станет легче, хотя ехать мне куда не хочется. Голова тяжелая, сон нарушен, кофе и прочее не помогают.

Скандал в МГУ и последующие угрозы⁷ не произвели на меня впечатления и не испугали. После этого у меня было две пресс-конференции в Доме журналиста, о сексуальностях в начале XXI в. (эта статья печатается в «Вопросах философии» [Кон, 2001b], через 20 лет после предыдущей) и о мужчинах в меняющемся мире. Они имели шумный резонанс, вызвали отклик во многих газетах, включая иностранные (западных журналистов особенно впечатляют «666» на стенах моей квартиры). Так что я отнюдь не обделен вниманием. Но меня поразило, как мало людей откликнулись на скандал. Вообще говоря, сказать тут было нечего и писать тоже, в городе каждый день происходят убийства и более серьезные вещи. Но не позвонить в таком случае было неприлично. Это сделали некоторые люди, которых я не видел многие годы. Однако их очень мало. Только социологи. Написал из Питера Эткинд. В итоге, мир разделился для меня на тех, кто что-то сказал, и тех, кто этого не сделал. Объективно это несущественно, но для меня этот водораздел непреодолим.

С мужским телом, вероятно, ничего не выйдет. Редакторша из «Слова» потребовала убрать все о взгляде, опозицию пениса и фаллоса и прочее. Позиция директрисы пока неизвестна, но писать книгу в стиле 19 в. я определенно не буду. Пока работа остановилась. В США буду смотреть музеи, в том числе азиатское и африканское искусство, но вряд ли это удастся реализовать. Разве что в Интернете. У меня нет ни сил, ни моральных стимулов. Линн [Виссон] предложила написать по-английски заявку для американского издателя, но я не смог этого сделать.

Нужен длительный отдых, а предстоит тяжелый перелет и новое время. Объективно все в порядке. Скандально-резкий текст о подростковой сексуальности [Кон, 2001a] будет печататься по государственному гранту (правая не знает, что творит левая). Получен грант РГНФ на 3 года под тему «Особенности развития и социализации мальчиков». В конце июня, если там найдут деньги (обещали), буду на Всемирном сексологическом конгрессе в Париже. В Дубровник поехать едва ли удастся, потому что Сорос закрыл индивидуальные гранты в России. Но мне все это совершенно безразлично. А отдыхать я тоже не умею.

Боюсь, что первые дни в Вашингтоне могу закрутиться, поэтому заранее поздравляю тебя с днем рождения. Впрочем, созвонимся.

Твой

Игорь

⁷ 30 января 2001 г. публичную лекцию И. С. Кона «Мужчина в меняющемся мире» в МГУ попытались сорвать несколько десятков ворвавшихся в аудиторию молодых людей, взрывающих петарды и выкрикивавших лозунги, обвинявшие академика в растлении молодежи. Усилиями ректора университета и вызванной им милиции мероприятие было продолжено, а некоторые хулиганы задержаны. Недели спустя, 8 февраля, ученому домой позвонил начальник районного уголовного розыска и сообщил о возможном взрыве: под дверью квартиры, по сообщению от третьего лица, милицией был обнаружен подозрительный сверток, на двери нарисована звезда Давида, а рядом с ней — «дьявольское» число 666. Кинологи впоследствии установили, что свертком был лишь муляж взрывного устройства. Сам Кон назвал эти акции «откровенно заказными, проплаченными», а также охарактеризовал в качестве «политического террора». За ними также последовали телефонные звонки с угрозами. Подробнее об этих и других событиях И. С. Кон писал в своей автобиографической книге «80 лет одиночества» [Кон, 2008a: 168—172].

13 мая 2003

Дорогой Дима,

Спасибо за поздравления. Чтобы замотать этот юбилей, я 19-го уеду на неделю в Эстонию. 21 мая у меня будет публичная лекция в Тарту, а потом спокойно отдохну в обществе старых друзей Петера Вихалемма и Марью Лауристин. Кстати, в Таллинне переводят второе издание моей книги о гомосексуальности [Кон, 2003а], как в добрые старые времена.

Здесь все без изменений. Книга о мужском теле все еще не вышла, но похоже, что несмотря на ярость всех викторианских теток, выйдет осенью [Кон, 2003b]. Последние месяцы никакая работа у меня не идет, но обновленное издание «Ребенка и общества» скоро уйдет в типографию.

Забавно, что я все еще остаюсь всем известной культовой фигурой, но, как всегда в таких случаях, что я на самом деле делаю, никто не знает. Веду я себя крайне вызывающе, говорю и печатаю, что думаю, а нападать на меня публично политики и попы боятся. 21 мая появится мое юбилейное интервью в «Российской газете»⁸, которая больше всех меня поносила. Оказывается, два года назад там сменился главный редактор, всех подонков выгнали и теперь объясняются мне в любви. В общем, здесь все крайне неоднозначно, но реального дела не делается. Хотя Путин неизмеримо лучше Буша.

К сожалению, весной у меня плохо со сном, никакая работа не идет. По просьбе фирмы Пфайзер под первое мая летал в Сочи, рассказывал о мужской сексуальности (старше 40) ведущим российским урологам. Оказалось, что все они — мои страстные поклонники и мечтают, чтобы я печатался в их журналах. Дико, но они, правда, кроме своей эректильной дисфункции, ничего не знают. В благодарность за сочинский доклад Пфайзер теперь пригласил меня слетать за их счет на международный семинар по эректильной дисфункции в Париж (28 июня — 1 июля), без доклада, просто для самообразования. Что ж. Париж завсегда стоит мессы, посещу одно заседание, а потом буду гулять. Теперь мало куда приглашают и грантов тоже не дают, да и добиваться их мне лень. Академикам прибавили зарплату, я теперь получаю на руки 400 долларов, так что можно прожить и без дополнительных доходов. Впрочем, в 75 лет других развлечений, кроме работы, нет.

Твое эссе [Shalin, 2004] прочитал, интересно. Я как-то твою работу об эмоциях то ли забыл, то ли недооценил. Только исправь написание Шилза — надо Shils, с одним л. Я когда-то с ним переписывался и научился у него скепсису к левомантическим теориям.

Сердечный привет маме, Джэнет и Эриэл.

Обнимаю

Игорь

⁸ Щуплов А. Пол мужской. Атипичный // *Российская газета*. 2003. 21 мая. № 95. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/4953102> (дата посещения: 25.11.2018).

24 октября 2004

Дорогой Дима,

У меня одна хорошая новость и много плохих.

Хорошая — Всемирная сексологическая ассоциация удостоила меня Золотой медали за выдающийся вклад в сексологию и сексуальное здоровье, которая должна вручаться на конгрессе в Монреале 10 июля 2005 г. К сожалению, вопреки моим ожиданиям, поездку они не оплачивают, так что, вероятно, я туда не поеду.

В России обстановка быстро ухудшается, телевидение (информационные программы) смотреть уже невозможно (Явлинский запрещен на всех каналах), и вообще все становится похоже на страну, из которой ты в свое время уехал. РПЦ практически стала агитпропом, а один из ее любимых коньков — гомофобия. Так что я жду новых персональных нападков. Страх у меня нет, но противно.

Новая «Дружба» вышла, тираж «Сексологии» никак не привезут из Саратова (во всяком случае, так объясняют задержку, возможно, так оно и есть). Тем временем я закончил обновленный вариант «Клубнички». Не уверен, что удастся его издать. На всякий случай пусть полежит у тебя, я пошлю его в виде приложений, несколькими письмами. В случае чего, эта книга может заинтересовать кого-то у вас. Ты ее читать не станешь, но предисловие и заключение посмотреть стоит.

Все лето я работал. Самочувствие переменное, сильно болит левое колено. Тем не менее пока живу.

Привет домашним! Обнимаю тебя

Игорь

6 июня 2005

Дорогой Дима,

оттиски дошли, большое спасибо. Пока не прочитал, но обязательно прочитаю.

День рождения и неделю вокруг него я провел в Екатеринбурге, где меня очень тепло принимали. Кроме лекций, были бесконечные интервью по ТВ и радио (в Москве некоторым программам приглашать меня запретили), причем реакция публики была в высшей степени положительной. В Москве по всем теле- и радиоканалам звонят организованные антисемиты и гомофобы. Сразу была и реакция церкви, нашедшая отражение в посылаемой тебе статье Washington Times [The Washington Post], которую я скачал с нашего Demoscope Weekly⁹ (тебе стоит его просматривать, это солидное издание). Разумеется, моя позиция в этих сообщениях изложена не совсем точно, а ответ церкви вообще не на тему. Новая «Клубничка» вышла, с множеством опечаток. Надо ждать нападков.

4 июля лечу в Торонто. Потом, если не убьют и не посадят за «оскорбление чувств верующих», буду заниматься исключительно разными аспектами маскулинности, которые интересуют меня гораздо больше сексуальности. Мне просто хотелось поставить в этом вопросе точку.

Привет домашним.

Жму руку

Игорь

⁹ Газеты пишут о СПИДе в России // Демоскоп Weekly. 2006. № 247—248. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0247/gazeta022.php> (дата посещения: 25.11.2018).

3 декабря 2005

Дорогой Дима,

Очень давно не писал тебе. Летом в Канаде, после получения своей медали, неплохо отдохнул (катался с Игорем¹⁰ и его друзьями по озерам), потом был занят текущей работой. Было несколько разных конференций, только в Питере был 4 раза. В том числе на 65-летию философского ф-та. Факультет сильно похорошел, благодаря усилиям политически влиятельного декана, что особенно заметно на фоне истфаковской половины здания, которая осталась такой же грязной и неухоженной, что и 50 лет назад. Видел много бывших студентов и аспирантов, которые все стали профессорами. Уровень преподавания кажется пестрым. Есть люди вполне современные, а есть и откровенная шантрапа. В целом страна все больше похожа на советскую, вся власть фактически принадлежит КГБ, оппозиции, кроме откровенно фашистской, практически нет. Власти делят нефтедоллары. Сегодня буду голосовать на выборах за Шендеровича, но шансов у него никаких нет, не было ни единой листовки. Политическую информацию черпаю на «Эхе Москвы». Моя текущая работа представлена на сайте. Книгу «Мальчик — отец мужчины» до сих пор не кончил. Подготовил новый сборник избранных статей, с большим — 125 страниц — автобиографическим введением [Кон, 2006], но с изданием возникли трудности, как решится вопрос, не знаю. Возможно, помещу его на своем сайте, независимо от судьбы сборника. Молодежь сейчас читает только Интернет, книги и журналы — для пожилых. Если хочешь, пришлю тебе текст, он довольно интересен. Новую «Клубничку» замолчали, никто о ней не знает, в Питере она бывает в продаже только в одном магазине, да и то редко. А покупать и раздаривать — слишком дорого.

В последнее время неважно себя чувствую, но все не соберусь к врачу. Ничего особенного, просто вялость и общая слабость. Но вообще болеть здесь нельзя — все дико дорого, а лекарства в основном поддельные. Заграничных поездок нет — не приглашают. В 2006 есть надежда съездить во Францию, но это пока неясно. Если увидишь новые публикации об отцовстве — имей меня, пожалуйста, в виду.

Как дела у тебя? Я вижу, что твои новые проекты развиваются успешно, а как насчет старых задумок? Они казались мне очень интересными. Сердечный привет маме, Дженет и Эриел.

Игорь

Regards

2 апреля 2006

Дима,

я с интересом прочитал твои заметки [Shalin, 2007]. Думаю, что твои требования чрезмерны. Мемуары — сугубо субъективный жанр, каждый человек, вольно и невольно, выстраивает свой положительный образ. Разве что он хочет изобразить себя святым, и потому все время кается. Но это тоже определенный имидж. Чему верить, а чему нет — забота биографа или комментатора. Причем всегда в контексте. Интервью — не исповедь, где человек обязан каяться в гре-

¹⁰ Имеется в виду психолог Игорь Лунин (Earnest Light).

хах, и не суд, где он должен оправдываться. Кстати, ты должен был заметить, что американцы, в общем, значительно менее самокритичны, чем русские. В свое время меня об этом предупреждал Шляпентох, и он был прав.

«Consider the contribution that Protasenko and her colleague made to your history of Soviet sociology project with their article about the Golosenko affair». О чем идет речь? Какое дело Голосенко [правильно — Golofast affair]? Я ничего не помню.

Кстати, в своих автобиоизаметках, которые я тебе посылал, я старался ни о ком, кроме явных злодеев, вроде Руткевича, не говорить ничего плохого. Сведение личных счетов с покойниками — дело неблагодарное. Особенно в нашей культуре, где это широко распространено. То, что Тугаринов написал на нас с Ядовым письмо-донос, о чем мы оба никогда не упоминаем, значительно менее важно, чем то хорошее, что он сделал для философского ф-та в начале своей деятельности, не говоря уже о его собственных книгах, которые в то время были творческими.

Привет!

Игорь

Best regards

2 апреля, 2007

Дорогой Дима!

Прежде всего хочу от души поздравить тебя с днем рождения и пожелать всего самого лучшего! Непременно поздравь от моего имени маму и Дженет.

У меня все пока без перемен, но думаю, что моему относительно спокойному существованию (даже зарплату прибавили) скоро придет конец. Судя по сегодняшнему интервью патриарха¹¹, официальная гомофобия в России становится все более агрессивной, а поскольку я — единственный известный человек, который последовательно ее осуждает и раскрывает ее политический смысл, на меня могут спустить бешеных собак.

Разумеется, реальной опасности я ни для кого не представляю, но, вероятно, я многим надоел (посмотри последние заметки на моем сайте). Физически убивать меня никто не будет, но морально убить могут постараться. В наших условиях, когда все друг друга ненавидят, это несложно. Конечно, я могу и ошибиться. Чем это кончится (если начнется), предсказать трудно. Я рад, что успел опубликовать последний сборник с автобиографической статьей. Кстати, он, как и второе издание «Клубнички», должен быть у Блэра [Рубла], я передал обе книги через их московский офис. Вероятно, я увижу его 23 апреля.

Честно говоря, все это мне сильно надоело, тем более что никаких личных интересов ни в однополых браках, ни, тем более, гей-прайдах у меня, как ты понимаешь, нет. История мальчишества, включая кадетский цук, интересует меня гораздо больше. Но, как говорится, noblesse oblige¹². Кто-то должен назвать кошку кошкой, хотя от этого ничего не меняется. К тому же приятно сознавать, что моя лакмусовая бумажка, которой все пренебрегали, так хорошо работает.

¹¹ Патриарх Московский и всея Руси Алексей II: «Не могу сказать о себе, что не вспыльчив» // Известия. 2007. 2 апреля. URL: <https://iz.ru/news/323179> (дата обращения: 25.11.2018).

¹² Честь обязывает (пер. с фр.).

В общем, следи за новостями.
Жму руку
ИК

6 апреля 2007
Спасибо, Дима!

Ты помнишь, что в 1970е и позже возможность эмиграции обсуждалась во всех еврейских и многих других интеллигентских семьях, но это было очень трудно и страшно. Был анекдот, что советские евреи делятся на смелых и отчаянных (первые уезжают, а вторые остаются). Решения, как всегда в подобных случаях, принимались не по социальным, а по личным мотивам. Единственный социальный мотив, который я слышал и принимал всерьез, потому что это было мне близко: «Я слишком много вложил в эту страну, чтобы из нее уехать». Сегодня это снова стало актуально для всех меньшинств и для многих просто думающих людей. Я посмотрел форумы на сайте Gay.ru, после речей патриарха там только это и обсуждают. Но люди хотят не просто куда-то уехать, а хорошо жить.

Что касается евреев, то им просто опасно оставаться. Люди не понимают, что за всеми прочими, статистически более массовыми, формами ксенофобии, стоит антисемитизм. При этой власти с теми, кто сидит тихо, ничего худого не случится. Но в стране нет другой реальной идеологии, кроме русского национализма. На этой маленькой площадке играет и власть, и вся оппозиция. Как только разразится экономический кризис, а это — вопрос времени, вся политическая система рухнет. К тому же среди критиков системы преобладают все те же евреи.

В общем, если бы у меня были дети или внуки, я бы их отсюда отправил без задержки. Это похоже на Германию 1932 года. Впрочем, я могу и преувеличить. Страх перед будущим и выученная беспомощность — типичная еврейско-русская черта, хотя в другой стране люди от нее избавляются, так что дело не в генетике.

ИК
Best regards

1 января 2008
Дорогой Дима,

если есть конкретные замечания — пришли их сразу, может быть я смогу их учесть. Новогодняя история неприятная. Сейчас снял повязку — под глазом опухоль, кругом краснота. Видимо, произошла простая история — спазм какого-то сосуда головного мозга, подобные вещи со мной случались в 1996 г., когда я ушибал бедро и ломал руку. Потом ничего не было. В этот раз я сидел за компьютером, писал тебе письмо. Выпасть из кресла я не мог, видимо, на миг потерял сознание и ударился головой об угол ящика для телевизора — больше не обо что, а на полу капли крови. Ударился очень удачно, чуть-чуть левее — был бы наверняка потерян правый глаз, а немного левее — удар пришелся бы в висок. Хорошо, что было утро 31-го, еще не все были пьяны, скорая выслушала меня терпеливо (свой новый номер телефона мне пришлось искать в компьютере и язык у меня заплетался) и приехала быстро, а в больницу подъехал мой друг Аполлон [Давидсон].

С мозгом будем разбираться после 10 января, но реально сделать с этим ничего нельзя. Хотя какие-нибудь лекарства выпишут.

От одиночества лекарств не бывает. Я давно уже думаю, что о моей смерти узнают, когда соседей начнет беспокоить запах. Можешь считать это черным юмором. За все на свете, включая жизнь по собственным правилам, приходится платить.

С Новым годом!

Я сегодня займусь разборкой книг.

Игорь

26 января 2008

Спасибо, Дима.

Вчера был на симпозиуме [«Пути России»] в Шанинке, было много народу, в том числе неглупая и вполне профессиональная молодежь. Причем говорят открыто, ничего не боятся. В общем, мир явно многоцветен. Без большого террора это не обуздать, а для него нужны силы. А в Гранях нашел интересное разделение стран-изгоев и стран-ублюдков (Латынина).

Успехов!

ИК

1 марта 2008

Дима,

текст [о Ю. Леваде] прочитал, пишу по свежим впечатлениям. В целом хорошо и правильно. Хорошо звучит Муссолини и многое другое. Надо бы поменьше упоминать меня. Сравнить «Лекции»¹³ с «Социологией личности» вряд ли правомерно. Конечно, многие идеи были общими, но моя книга была тщательно вылизана, издана Политиздатом, к ней было трудно придраться. А Лекции на самом деле никто не читал и не редактировал, некоторые вещи вычеркнул бы любой редактор, да и сам ЮА, если бы прочитал текст, и тогда к ним придраться было бы значительно труднее. Просто никто не подумал об опасности. К тому же был социальный заказ — через Леваду хотели расправиться с Румянцевым и Институтом. Как теперь — пожарная инспекция¹⁴. В ИКСИ просто не было порядка. С другими сборниками, которые нам потом приходилось осуждать, скандалы тоже возникали не столько из-за сути дела, сколько из-за безответственности и небрежности. Ты, возможно, помнишь, как я придирался к некоторым аспирантским формулировкам. Это была не только самостраховка, но забота о деле. А в ИКСИ никто ничего не контролировал.

Ядовский семинар (я там важной роли не играл) вряд ли можно сравнивать с левадиным. У нас были более узкие задачи и состав участников. Вообще в Ленинграде все было опаснее, но атмосфера более провинциальная. Таких яр-

¹³ Имеются в виду «Лекции по социологии» Ю. А. Левады. См. подробнее [Левада, 1969ab].

¹⁴ Судя по всему, подразумевается приостановление в первой половине 2008 года деятельности Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУ СПб). Тогда, в преддверии президентских выборов в России, требования к пожарной безопасности стали формальным основанием для временного закрытия университета. Подробнее об этом см., например, здесь: An Uncivil Approach to Civil Society. Continuing State Curbs on Independent NGOs and Activists in Russia. N.Y.: Human Rights Watch, 2009. URL: <https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/russia0609ruwebwcover.pdf> (P. 53—55).

ких людей, как в Москве, просто не было, они не могли бы там появиться. Я помню твое увлечение Батищевым. А сегодня на Полит.ру я прочитал о Щедровицком такое, о чем никогда не слышал¹⁵. На самом деле люди, и это нормально, жили маленькими группами и друг о друге мало что знали.

Всерьез обсуждать «марксизм-немарксизм» до 1960 вообще едва ли возможно. Мы все были «марксистами» по месту рождения, размежевание пришло позже и не в этих терминах. Это как в Средние века вдруг не верить в бога. Ретроспективно, люди более концептуальные, чем я, конечно, выстраивают стройные системы взглядов. Но они были только у Ильенкова, Зиновьева и этой группы, а как только человек брался за что-то конкретное, появлялись другие, менее теоретические, водоразделы. Мы же все были самоучками. Жена Левады я тоже не знал, когда у него бывал — чаще общался с Царем, он занимал всю комнату. А вот о внуке он мне рассказывал, и я даже пытался ему помочь. Впрочем, это неважно.

Об оргвопросах подумаю завтра, сегодня какая-то депрессия.

Игорь

Я запутался в твоих электронных адресах. По какому писать?

2 марта 2008

Перечитал свой текст для ПАСЕ¹⁶ и подумал, как интересно устроен мир. На Западе существует огромная индустрия ЛГБТ-исследований, политики и т. п., а единственным в мире реальным экспертом по ситуации в России оказался я. Эти люди получали гранты, приезжали и писали о чем угодно, но никто, кроме меня, не следил систематически, с 1989 г. за данными соцопросов и не ставил их в связь с исторической ситуацией.

Того, что написано в моей справке, невозможно прочитать больше нигде. Люди, которые проводили опросы, сами их всерьез не анализировали, это не их специальность, даже вопросы подчас формулировались (это продолжается по сей день) некорректно. А потенциальные потребители этой информации не умели ее воспринять. Даже моих книг никто практически не читал. По сравнению с элегантной интерпретацией значений и смыслов, они казались грубым позитивизмом. Между тем истина лежала на поверхности.

Западные фонды потратили уйму денег на содержание разных активистов, но никому не пришло в голову профинансировать издание массовых популярных книг и брошюр о природе гомосексуальности (тогда это было возможно), которые заставили бы людей о чем-то задуматься. Нет, финансировали только научные проекты и политический активизм, когда одни алкоголики доказывали другим, какие они все хорошие. А теперь удивляются, что это имело отрицательный эффект...

Сейчас на Украине толковые местные ребята (значительно умнее наших) на западные деньги издадут сборник статей о геях. Чуть не половина — мои тексты.

¹⁵ Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960—1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики // Полит.ру. 2008. 29 февраля. URL: <https://polit.ru/article/2008/02/29/kukulini/> (дата обращения: 25.11.2018).

¹⁶ Кон И. С. Справка для ПАСЕ // Псевдология. 2008. 7 февраля. URL: <http://www.pseudology.org/Kon/Articles/SpravkaPASE.htm> (дата обращения: 25.11.2018).

Но о том, чтобы сделать что-то более популярное, даже не помышляют. Т.е. все обращено к себе, а не к другим. Западные консультанты должны бы их предупредить — ан, нет.

19 августа 2008

Дима,

срочно нужна помощь — несколько авторитетных словарно-энциклопедических или учебных определений социальной группы, со ссылками, не из Википедии. Прокуратура не принимает жалобу на тамбовского губернатора, который призвал рвать геев на куски, т. к. геи — не социальная группа¹⁷. Можешь подключить к поиску коллег, это нужно для судебных слушаний, дело доведут до Страсбурга.

ИК

13 сентября 2008

Дима,

я прочитал твой текст о Леваде. Это интересно, но при таком полном отсутствии личных данных очень трудно что-либо сделать. Леваду мало кто знал. Я несколько раз бывал у него дома, но главной персоной там был Царь.

Думаю, что в личной жизни Юры родной отец играл какую-то роль. Он рассказывал мне о сыне с гордостью и какое-то общение у них было, не говоря уже о физическом сходстве. МА был человеком ярким и не мог не произвести впечатления на сына. Но Юру я никогда об этом не спрашивал. Задавать личные вопросы, как и сплетничать, вообще не в моих правилах. К тому же еврей-отец не был желанным добавлением к анкете. Вероятно, Юра был интуитивно уверен, что я этого ни с кем обсуждать не буду.

Из личных болей Левады единственное, что я знал, была неизлечимая болезнь внука, я пытался ему помочь с американской медициной, по его просьбе. Но там тоже были бессильны. Мальчика я впервые увидел на похоронах Левады и сказал ему, что дед его нежно любил.

Кстати, видел ли ты на Полит.ру рейтинг цитирования российских социологов¹⁸? Он меня сильно удивил. Я давно ничего не писал по-английски. А по-русски, вероятно, цитируются старые работы. В гуманитарных научных журналах я не печатаюсь, а «Андрология и генитальная хирургия» в список социологических изданий попасть никак не могла. Но все равно приятно.

Последний месяц занимался в основном зубами. На той неделе у меня появилась новая нижняя челюсть, стоила около 100.000 рублей. 22—27 буду в Киеве.

Привет Дженет.

Игорь

¹⁷ См., например: Геям отказано в возбуждении уголовного дела против тамбовского губернатора // Lenta.ru. 2008. 28 июля. URL: <https://lenta.ru/news/2008/07/28/betin/> (дата обращения: 25.11.2018).

¹⁸ Соколов М. Российская социология на международном рынке идей // Полит.ру. 2008. 10 сентября. URL: <https://polit.ru/article/2008/09/10/sokolov/> (дата обращения: 25.11.2018).

7 февраля 2009

Дима,

я, наконец, собрался с мыслями насчет денег. Пусть их получит <...>. Когда узнаешь о моей смерти, пошли ей имейл, она женщина вполне современная. Здоровье у меня пока относительно в порядке, кроме сна и кожи (последнее связано с крайней сухостью в квартире, включил увлажнитель — стало легче), но общее ощущение непрочности бытия усиливается по причинам общего порядка. Единственный оставшийся близкий друг А. Давидсон чувствует себя плохо, выяснилось, что он перенес на ногах не то один, не то несколько инфарктов. С лекарствами, как и со всем остальным, положение здесь быстро ухудшается. Депрессии у меня нет, просто нет причин для хорошего настроения.

А так ничего, живу. Скоро буду править «Мальчика», уже после редакторши. За это время многое дополнил. Как ни странно, книга мне все еще нравится. В принципе, я мог бы править ее бесконечно, но предпочитаю дожить до ее издания. Научные тексты быстро стареют. «Мужчина» хорошо продается, но рецензий никаких нет, да, вероятно, и не будет. А «Мальчика» будут читать все. Как завершу редактирование, пришлю тебе полный текст, для архива. Читать ее у тебя вряд ли будет время.

Попутно дополняю «80 лет» разными забавными мелочами, которые упустил, вроде поездки в Израиль. Потом дополненный текст тоже пошлю тебе. Вообще-то издатель не исключал ее дополненного издания, народ ее покупает и вроде бы хорошо отзывается, но в атмосфере кризиса это едва ли реально. После моей смерти все готовые рукописи надо будет вывесить в Интернете.

Начинаю чистить библиотеку. Не все уйдет на помойку. Хорошие старые книги возьмет библиотека ВШЭ. Но разборка — дело крайне тяжелое и, в отличие от писания книг, никакого удовольствия не доставляет.

Привет Дженет.

Игорь

11 февраля 2009

Дорогой Дима,

прочитал твою статью о Леваде [Шалин, 2008]. На мой взгляд, она великолепна. Ощущение, которое у меня было раньше, что теоретические вопросы лучше отделить от конкретных, не возникло. Она читается, как единое целое, а что кому интереснее — выберет сам читатель. Некоторые куски мне показались вообще новыми, незнакомыми, хотя, возможно, я в этом ошибаюсь. В общем, поздравляю!

А я, вместо разборки книг, все продолжаю править и дополнять «Мальчика». Кстати, статья оттуда попала в массовый Интернет и вызвала там бурю откликов, 2000 за один вечер, за и против (особенно со стороны мужиков). К счастью, я таких вещей обычно не читаю, отсутствие у людей элементарного чувства юмора меня расстраивает. Пожалуй, хорошо, что книгу широкий читатель читать не будет, в черно-белый мир она никак не вписывается.

Успехов!

Игорь

3 ноября 2009

Огромное спасибо, Дима!

Наши отношения с тобой удивительно стабильны с первого дня знакомства. Как давно это было... Очень огорчен по поводу мамы. В нашем с ней возрасте это, увы, бывает. Что, ей сделали операцию?

Твой сборник [Shalin, 2011] выглядит впечатляюще. Когда он выйдет? Кстати, знаешь ли ты, что когда-то у меня была интенсивная переписка с Горовицем и он присылал мне важные книги, причем за свой собственный, а не за государственный счет? Это существенно помогло моей работе по истории социологии. Жаль, что он не может прочитать мою автобиографию, хотя он в ней и не упомянут. Надо бы дополнить. В России эта книга многими читается, хотя я ее почти никому не дарил, и кажется интересной. Мне специально звонили Гусейнов, Мотрошилова, Эрих Соловьев, вдова Грушина. Читают и некоторые студенты. Кроме того, ее широко цитируют историки.

К сожалению, купить новые книги очень трудно. Разве что по Интернету, чего люди моего возраста делать не умеют. В Питере моих книг практически не достать. Я отвез экземпляр «Мальчика» Фирсову, так его упросили дать его на месяц в их библиотеку, пока они смогут купить книгу. Книжная торговля практически рухнула.

Очень теплыми были встречи с ЛГБТ. Для многих из них, в том числе совсем юных, мои книги были первым источником знаний о самих себе. К сожалению, всерьез поговорить было некогда. Абсолютно дикая страна! Фестиваль был хорош, но показывать фильмы, даже без малейшей эротики, за стенами западных консульств... Хотя на общих кинофестивалях все идет и обсуждается открыто, и без каких бы то ни было эксцессов.

Через несколько месяцев выйдет новая «Клубничка», в которой много нового и занимательного. Сейчас пишу «Бить или не бить?»

Привет Дженет!

Игорь

27 ноября 2009

Дорогой Дима,

жизнь и работа продолжают. 23-го по НТВ в «Школе злословия»¹⁹ прошла встреча со мной. Я в это время сплю, но люди дружно говорят (было много звонков), что это было хорошо. Обещали прислать мне запись.

Я сейчас редко появляюсь на ТВ, здесь совпали два момента. С одной стороны, я сам давно уже уклоняюсь от бессмысленных и пошлых ток-шоу, а с другой — мое имя, вероятно, присутствует в нескольких черных списках. Зато статья «Гегемонная маскулинность и мужское (не)здоровье» [Кон, 2008b] нашла чрезвычайно широкий отклик в русском Интернете, а «ремонт» изменил облик русской Вики. На-днях давал очередное большое интервью для Полит.ру (по своим последним книгам)²⁰.

Очередная презентация «Мальчика» пройдет на-днях на книжной ярмарке «Non Fiction». Покупают ее неплохо, но восприятие серьезной книги даже в благопри-

¹⁹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mtfzAZ5I8nA>.

²⁰ Борусяк Л. Ф. Феминизм — отец науки о мужчинах. Беседа с Игорем Семеновичем Коном // Полит.ру. 2010. 13 января. URL: <https://polit.ru/article/2010/01/13/kon/> (дата обращения: 25.11.2018).

ятной среде требует, как минимум, нескольких лет, а в России вообще мало что усваивается.

Самое важное — новая «Клубничка», которая должна выйти весной. Прилагаю предисловие и заключение. Там есть абсолютно страшные сенсационные вещи и вообще она могла бы заинтересовать западного читателя. Не мог бы ты ее кому-нибудь порекомендовать для ознакомления?

По 5 каналу была большая передача о Корогодском, там много говорил и очень хорошо смотрелся Лева [Щеглов]. А на днях он был, не понял, в каком именно качестве, потому что я этих вещей не смотрю, и в программе 1 канала.

Привет Джанет
Best regards

30 декабря 2009

Дорогой Дима,

из полузанесенной снегом Москвы (в Питере еще хуже, там даже тротуары не чистят) приветствую тебя в солнечном (надеюсь, хотя я видел его и затопленным) Лас-Вегасе! Счастливого Нового года, доброго здоровья и всяческих успехов!

У меня все благополучно, «Мальчик» пользуется невероятным успехом (посылаю несколько рецензий, об одной из них мне сказал Игорь из Торонто). Может быть это даже неплохо, что люди интересуются детьми больше, чем сексом, хотя одного без другого не бывает. К сожалению, расстроен сон и работа не идет, но это, думаю, пройдет.

Привет Джанет и всем общим знакомым!
Игорь
Best regards

4 июля 2010

Спасибо, Дима,

день рождения я провел в Тунисе, на конгрессе андрологов. Хотя я о нем никому не говорил, меня поздравили, вообще урологи меня читают. Немного там отдохнул. В Москве жарко и душно, спасаюсь кондиционером. Дальше будет только хуже. Понемногу работаю.

Общая атмосфера тоже душная. Вчера в 23 по РТР была какая-то программа Мамонтова против секспросвета, но я ее не смотрел. На новую «Клубничку» откликов пока нет. В целом книга хорошая и очень острая. Коллеги удивляются моей смелости. Но никакого смысла в этом нет.

Всего тебе наилучшего!
Игорь

31 декабря 2010

Спасибо, Дима,

Счастливого Нового года и всяческого благополучия! Новый год я, как обычно, встречал у своего друга Аполлона, которого за пару дней до того выпустили из больницы. Ему надо в очередной раз ставить стент, но он пока воздержался.

Здесь все довольно безотрадно, все больше людей думают об эмиграции и предпринимая практические шаги в этом направлении, особенно евреи, но не только. Так же панически воспринимаются и обычные, происходящие везде, стихийные бедствия, вроде тех же снегопадов. Идея национально-государственной исключительности отравляет массовое сознание и заставляет преувеличивать любые угрозы и опасности.

Зато вчера была отличная погода: мягкий снег, красивые деревья (кажется, никогда таких не видел).

Сердечный привет Дженет, Эриэл и маме, если она что-то воспринимает.

Будь!

Игорь

15 марта 2011

Greetings Igor:

A few weeks back, I sent you my book on pragmatism and democracy that I dedicated to you [Shalin, 2011]. It should have reached you by now. Let me know if you have it.

With kind wishes, Dima

15 марта 2011

Спасибо, Дима, пока не получал. Может быть, еще придет. Тут были праздники. Адрес правильный, только индекс давно сменился 119333. Домашний адрес надежнее служебного.

И

2 апреля 2011

Дорогой Дима,

с днем рождения и всего наилучшего.

Я лежу в хирургической клинике Первого меда им. Бурденко, предстоит удаление желчного пузыря. Пока идут исследования. Началось все неделю назад, очень остро. К счастью, помогли друзья. Клиника считается отличной. Хорошо, что успел сдать книгу.

Обнимаю

Игорь

13 апреля 2011

Дима, мои дела плохи. Не могут откачать желчь, а без этого невозможна операция.

Живу на болеутоляющих и иных лекарствах. Врачи хорошие. Завтра будет общий консилиум, после чего с профессором встретится Леня Гозман (ему сообщили Мудрики). Ты знаешь мое отношение к смерти, так что не волнуйся. Если что, тебя известят.

Всем приветы

Игорь

***

Игоря Кона не стало 27 апреля 2011 года.

Список литературы (References)

Кон И. С. 80 лет одиночества. М. : Время, 2008а.

Кон I. S. (2008a) Eighty Years of Solitude. Moscow: Vremya. (In Russ.).

Кон И. С. И. С. Кон: «...Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз» / Интервью подготовил Д. Н. Шалин // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 100—137. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/1209>.

Кон I. S. (2011) I. S. Kon: «I Have Made Attempts to Change This System Many Times» (Interview to D. Shalin). *Sociological Journal*. No 2. P. 100—137. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/1209> (In Russ.).

Кон И. С. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008b. № 4. С. 5—16. URL: <http://stmm.in.ua/archive/rus/2008-4/3.pdf>.

Кон I. S. (2008b) Hegemonic Masculinity as a Male (Non-)Health Factor. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*. No 4. P. 5—16. URL: <http://stmm.in.ua/archive/rus/2008-4/3.pdf> (In Russ.).

Кон И. С. Лики и маски однополрой любви: Лунный свет на заре / 2-е изд., перераб. и доп. М. : АСТ, 2003а.

Кон I. S. (2003a) Faces and Masks of Same Sex Love: Moonlight at Dawn (2nd edition). Moscow: AST. (In Russ.).

Кон И. С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д : Феникс, 2006.

Кон I. S. (2006) Interdisciplinary Research. *Sociology. Psychology. Sexology. Anthropology*. Rostov-na-Donu: Phoenix. (In Russ.).

Кон И. С. Мужское тело в истории культуры. М. : Слово/Slovo, 2003b.

Кон I. S. (2003b) Male Body in the History of Culture. Moscow: Slovo (In Russ.).

Кон И. С. Подростковая сексуальность на рубеже XXI века. Социально-педагогический анализ. Дубна : Феникс+, 2001а.

Кон I. S. (2001a) Adolescent Sexuality at the Dawn of the XXI Century. *Socio-Pedagogical Analysis*. Dubna: Phoenix+ (In Russ.).

Кон И. С. Человеческие сексуальности на пороге XXI века // Вопросы философии. 2001b. № 8. С. 29—41.

Кон I. S. (2001b) Human Sexualities at the Dawn of the XXI Century. *Problems of Philosophy*. No 8. P. 29—41. (In Russ.).

Левада Ю. А. Лекции по социологии. Вып. 1. Информационный бюллетень / Науч. совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований ; Советская социологическая ассоциация ; Институт конкретных социальных исследований АН СССР. № 5 (20). М., 1969а.

Levada Yu.A. (1969a) Lectures in Sociology. *Informational Bulletin*. Vol. 1. No 5(20). Moscow. (In Russ.).

Левада Ю. А. Лекции по социологии. Вып. 2. Информационный бюллетень / Науч. совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований ; Советская социологическая ассоциация ; Институт конкретных социальных исследований АН СССР. № 6 (21). М., 1969б.

Levada Yu.A. (1969b) Lectures in Sociology. *Informational Bulletin*. Vol. 2. No 6(21). Moscow. (In Russ.).

Шалин Д. Н. Феноменологические основы теоретической практики: биокритические заметки о Ю. А. Леваде // Вестник общественного мнения. 2008. № 4 (96). С. 70—104. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/vom_2008.4_96.pdf#page=70.

Shalin D. N. (2008) Phenomenological Foundations of Theoretical Practice: Biocritical Notes on Yu. A. Levada. *The Russian Public Opinion Herald*. No 4 (96). P. 70—104. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/vom_2008.4_96.pdf#page=70 (In Russ.).

An Uncivil Approach to Civil Society. Continuing State Curbs on Independent NGOs and Activists in Russia. N.Y.: Human Rights Watch, 2009. URL: <https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/russia0609webwcover.pdf>.

Kon I. S. (1993) Identity Crisis and Postcommunist Psychology. *Symbolic Interaction*. No 16(4), 395—410. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1525/si.1993.16.4.395>.

Kon I. S. (1996) Moral Culture. Shalin D. N. (ed.) *Russian Culture at the Crossroads: Paradoxes of Postcommunist Consciousness*. Boulder, CO: Westview Press, pp. 185—208.

Ritzer G. (ed.) (2000) *The Blackwell Companion to Major Social Theorists*. N.Y.: Blackwell Publishers.

Shalin D. N. (2000) George Herbert Mead. Ritzer G. (ed.) *The Blackwell Companion to Major Social Theorists*. N.Y.: Blackwell Publishers, pp. 302—344. URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_mead_bl.pdf.

Shalin D. N. (2004) Liberalism, Affect Control, and Emotionally Intelligent Democracy. *Journal of Human Rights*. Vol. 3, No. 4. P. 407—428. URL: <http://www.csun.edu/~hbsoc126/emotions/liberalism.pdf>.

Shalin D. N. (2007) Signing in the Flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics. *Sociological Theory*. Vol. 25, No. 3. P. 193—224. <https://journals.sagepub.com/doi/10.1111/j.1467-9558.2007.00305.x>.

Shalin D. N. (2011) *Pragmatism and Democracy: Studies in History, Social Theory, and Progressive Politics*. New Brunswick; London: Transaction Publishers. URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_pragma_demo_Intro.pdf.

Shalin D. N. (ed.) (1996) *Russian Culture at the Crossroads: Paradoxes of Postcommunist Consciousness*. Boulder, CO: Westview Press. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/nc1/shalin_rc1_intro.pdf.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.03

Правильная ссылка на статью:

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>.

For citation:

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2018) What is “Masculinity”? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>.

Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина ЧТО ТАКОЕ «МАСКУЛИННОСТЬ»? ПОНЯТИЙНЫЕ ОТМЫЧКИ КРИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МУЖЧИН И МАСКУЛИННОСТЕЙ

ЧТО ТАКОЕ «МАСКУЛИННОСТЬ»? ПОНЯТИЙНЫЕ ОТМЫЧКИ КРИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МУЖЧИН И МАСКУЛИННОСТЕЙ

WHAT IS “MASCULINITY”? CONCEPTUAL KEYS TO CRITICAL STUDIES IN MEN AND MASCULINITIES

ЗДРАВОМЫСЛОВА Елена Андреевна — к. с. н., профессор, со-директор программы «Гендерные исследования» факультета социологии и философии, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: zdrav@eu.spb.ru

<http://orcid.org/0000-0001-7867-0221>

*Elena A. ZDRAVOMYSLOVA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Professor, Co-Director of the Gender Studies Program

E-MAIL: zdrav@eu.spb.ru

<http://orcid.org/0000-0001-7867-0221>

¹ European University, Saint Petersburg, Russia

ТЁМКИНА Анна Адриановна — PhD в социологии, профессор, со-директор программы «Гендерные исследования» факультета социологии и философии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: temkina@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7988-8310>

Anna A. TEMKINA¹ — PhD in Sociology, Professor, Co-Director of the Gender Studies Program
E-MAIL: temkina@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7988-8310>

¹ European University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Данная статья рассказывает о ключевых категориях, которые определяют поле критических исследований мужчин и маскулинности (Critical Men's Studies), широко применяются в гендерных исследованиях в целом и даже проникают в публичный дискурс. Мы рассматриваем центральный концепт данной области знания — «гегемонная маскулинность» — и его использование для анализа иерархии «субординированных» и «маргинализованных» маскулинностей. Мы также анализируем такие дискурсивные конструкты-дериваты «гегемонной маскулинности», как «кризис маскулинности» и метафора «разгневанных белых мужчин». В итоге данные понятийные отмычки позволяют нам осмыслить интерсекциональный поворот в современных гендерных исследованиях, суть которого так трудно бывает объяснить широкой общественности.

Ключевые слова: маскулинность, гегемонная маскулинность, интерсекциональность иерархии маскулинностей

Abstract. This article focuses on the key categories, which define the field of Critical Men's Studies, widely used in gender studies and even emerge in public discourse. We consider the central concept of this field of knowledge — “hegemonic masculinity” — and its use to analyze the hierarchies of “subordinated” and “marginalized” masculinities. We also analyze such discursive derivative constructs of “hegemonic masculinity” as the “crisis of masculinity” and the metaphor of “angry white men”. As a result, these conceptual keys allow us to comprehend the intersectional turn in modern gender studies, which is so difficult to explain to public.

Keywords: masculinity, hegemonic masculinity, intersectionality masculine hierarchies

Игорь Семенович Кон иронично называл свою книгу «Мужчина в меняющемся мире» «введением в *«Мужиковедение»*, обозначая тем самым свой академический интерес к тому, «что происходит с мужчинами в современном мире, в котором они постепенно утрачивают свое бывшее господство и гегемонию» [Кон, 2009а: 5]. Классик российской сексологии рассуждает о своем непростом терминологическом выборе, который свидетельствует об авторских эпистемологических предпочтениях и сложностях трансфера знания. Первоначально Кон хотел назвать

свой проект «Введением в социальную андрологию» или «науку о мужчинах» [Там же: 9], однако затем отказался от этого названия, посчитав его слишком узким и медиализированным, не соответствующим исповедуемому им широкому междисциплинарному методологическому подходу. Кон сделал выбор в пользу западной традиции обозначения исследовательского поля — исследований мужчин и мужественности. Мы же предпочитаем называть это исследовательское поле *критическими исследованиями мужчин и маскулинности* (здесь и далее — КИМИМ). По сути, мы обсуждаем одну и ту же область производства знания, но в нашем обозначении подчеркиваем имманентную для гендерного подхода критическую составляющую.

Данное направление складывалось с конца 1970-х гг., постепенно завоевывавшая автономию в поле гендерных исследований. Наша задача — прояснить категориальный аппарат, который стал известен российскому читателю благодаря междисциплинарным корпоративистским социально-историческим работам Игоря Семеновича Кона (например, [Кон, 2001, 2009аб]), переводам гендерной классики и публикациям других коллег: [Киммел, 2006], [Костерина, 2008, 2010], [Рождественская, 2002], [Тартаковская, 2005], [Здравомыслова, Арутюнян, 1998], [Чернова, 2003], [Юрчак, 2002] и др. В российском академическом поле этот категориальный аппарат стал видимым в конце 1990-х гг. и именно Кон явился академическим проводником и публичным интеллектуалом, обогатившим наше, в том числе и локальное, российское, понимание гендера и власти.

Итак, нас интересует содержательное наполнение ключевых категорий критических исследований мужчин и маскулинностей (Critical Men's Studies). Эти категории в дальнейшем получили широкое применение в гендерных исследованиях в целом, внося существенный теоретический вклад в осмысление гендерных различий, неравенства и гендерного порядка. При описании семантического поля необходимо учитывать проблемы перевода: в частности, в русском языке существует соответствие слову «маскулинность» — «мужественность» [О муже(N)ственности, 2002], — однако оно скорее отсылает к чертам характера и культурным коннотациям с храбростью, отвагой и смелостью. Поэтому мы здесь, вслед за И. С. Коном, в основном используем термин «маскулинность» [Кон, 2009а: 44—46].

Используя в названии статьи метафору «понятийных отмычек», мы полагаем, что аналитические инструменты КИМИМ претендуют на «универсальность». Понятийный аппарат исследований маскулинности позволяет увидеть в «нейтральном» человеке мужского пола разнообразие моделей мужского поведения, норм и репрезентаций, т. е. развить теоретическую чувствительность в отношении культурно заданных гендерных иерархий. При учете культурных и контекстуальных особенностей и критическом восприятии данные понятия могут становиться эвристичными и в российском контексте. Так, «понятийные отмычки» — это такие аналитические инструменты, которые работают в разных дисциплинарных полях и оказываются притягательными для изучения разных аспектов проблематики.

Итак, в этой статье — после краткого обзора основных методологических принципов КИМИМ — мы рассмотрим понятие «маскулинность», затем центральный концепт «гегемонной маскулинности» и сопряженные с ним категории, используемые для анализа иерархии моделей мужского поведения и образов

мужественности, а также понятие «кризис маскулинности». Далее — с позиции теории интерсекциональности будут рассмотрены пересечения различных форм социального разделения и неравенства: расы, гендера, класса, сексуальности, возраста, миграции.

Базовые принципы КИММ

Исследования мужского социального опыта и моделей мужественности сформировались как относительно автономная сфера гендерных исследований в 1980-е гг. В английском языке это направление получило названия “*critical men’s studies*”, “*studies in men and masculinities*”, “*masculinities theory*”. Иногда его также называют «мужскими исследованиями» (Men’s Studies), руководствуясь принципом лингвистической экономии и по аналогии с «женскими исследованиями» (Women’s Studies). Однако большинство авторов, обсуждающих институциональную историю этого поля исследований (см., напр., [Kimmel, Hearn, Connell, 2005]), считает, что такое название вводит в заблуждение, поскольку «женские исследования» — это проект производства знания, сфокусированный на опыте субординированной гендерной категории, что определяет ориентированную на деконструкцию бинарной гендерной оппозиции методологическую позицию исследований. Более подходящими для обозначения фокуса своих работ исследователи, ставшие в авангарде обсуждаемого направления, считают: «*исследования мужчин и маскулинностей*», «*критические исследования мужчин*», «*теория маскулинностей*».

Причинами растущего интереса к исследованиям разнообразия и иерархии мужского опыта являются глобальные трансформации гендерного порядка, возрастающая общественная рефлексия в отношении гендерных границ и норм сексуальной жизни, явное противостояние патриархатных и эгалитарных гендерных идеологий. В последние декады XX — начале XXI вв. на глобальной сцене происходят изменения нормативных моделей и поведенческих паттернов маскулинности и фемининности. Российское общество не является исключением — в последние декады гендерные образцы стремительно меняются в ходе структурных трансформаций и в контексте глобальных вызовов. Расширение сферы нормативности и плюрализация маскулинных ролей конкурирует с попытками их традиционализации и призывами следовать исключительно «естественным» ролям добытчика и защитника.

Однако истоки социальных изменений и становления данного направления знаний в первую очередь находятся в западных постиндустриальных странах, где появляются общественные движения, ориентированные на освобождение от узких традиционалистских трактовок мужской роли и соответствующих практик, ставящие перед собой задачу борьбы против различных аспектов дискриминации и эксплуатации мужчин. Так, в ходе второй волны женского движения, вторя аналогичным феминистским инициативам, возникали группы роста сознания мужчин, осознавших личные проблемы мужского опыта как политические, то есть порождаемые патриархатным устройством общества. Движения гомосексуалов подвергли критике тезис о непреложной гетеросексуальной норме, при которой дихотомия гетеро- и гомосексуальности является центральным символом неравенства между мужчинами. В контексте пересмотра гендерных границ как стратегии

контрнаступления на культурном фронте возникают и консервативные движения мужчин, мобилизующиеся против тех эффектов изменений, которые обозначают как «избыточная» эмансипация женщин и торжество ЛГБТ-повестки. По существу, они борются против утраты патриархатных привилегий [Carrigan, Connell, Lee, 1985], [Connell, 2005], [Messner, 1997], [Kimmel, 2013].

КИМиМ объединяют приверженцев разных теорий: структурного марксизма, постструктурализма, теории практик, психоанализа, пост-колониальных и квир-теорий [Hearn, Collinson, 2018], исследователей культурных различий, глобального неравенства и неолиберальной глобализации [Connell, 2014]. При всем разнообразии теоретических оснований конкретных проектов, все исследования мужчин и маскулинностей, как и гендерные исследования в целом, опираются на несколько общих эпистемологических принципов, которые вместе составляют консенсус академического феминизма в его структурно-конструктивистском изводе (см., например: [Здравомыслова, Тёмкина, 2015]; [Connell, Hearn, Kimmel, 2005: 2—3]). Сформулируем ниже эти принципы.

Принцип первый: *критическая и трансформационная перспектива в производстве социального знания.* КИМиМ относятся к сфере знания, направленного на социальные изменения, а не только на понимание и объяснение социальных феноменов. Изменения — в том числе и в сфере гендерных отношений — могут быть разновекторными и опираться на различные представления о желаемом будущем. Критическое производство знания в сфере гендерных отношений нацелено на вскрытие и преодоление механизмов патриархатного неравенства, власти, господства и угнетения — в частности, одних групп мужчин другими.

Принцип второй: *маскулинность рассматривается как социальный конструкт.* Образцы поведения мужчин и культурные модели маскулинности интерпретируются как имеющие культурное и социальное происхождение. Они возникают и проявляются в конкретном историческом контексте в результате действий социальных механизмов и не могут быть поняты как прямые дериваты биологических особенностей пола.

Принцип третий: *относительный характер мужских позиций и репрезентаций маскулинности.* Исследователи придерживаются реляционного подхода в изучении гендерных границ и их трансформаций. Это означает, что изменение мужского опыта и его осмысления рассматриваются как неразрывно связанные с изменением позиции женщин в обществе и культуре. Так, модели маскулинности неизбежно меняются в связи с массовым вовлечением женщин в сферу оплачиваемой занятости и публичной политики. Сексуальная революция также принципиально меняет социально сконструированные границы между группами, определяемыми по признаку пола. Изменения маскулинности происходят под давлением структурных изменений и общественных движений, пересматривающих гендерные и сексуальные границы (в том числе ЛГБТ или LGBTIQ+¹ движений).

Принцип четвертый: *признание множественности и разнообразия гендерных позиций и моделей маскулинности.* КИМиМ опираются на признание многообра-

¹ Лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, интерсексуалы, квир и другие ненормативные гендерные идентичности и сексуальности (пер. с англ. — Lesbian, Gay, Bisexual, Transgender, Intersex, Queer and Further Non-Normative Genders and Sexualities).

зия маскулинностей (diversity), при этом разные социальные позиции и образцы рассматриваются как находящиеся в отношениях иерархичности и субординации, пересекаясь с классовыми и расовыми отношениями. Конкретная эмпирически выделяемая модель (конфигурация практик) маскулинности формируется на перекрестке структурных разделений, значимых для общества [Aboim, 2010].

Принцип пятый: *фокус исследования — отношения власти и механизмы создания различий и неравенства.* Исследования показывают, что мужчины как воображаемая (или статистическая) группа в целом обладают преимуществами в случае субординированной позиции женщин (опять-таки, как воображаемой или статистической группы). При этом в конкретных ситуациях или институциональных контекстах женщины могут иметь большую или равную гендерную власть — например, в домохозяйстве или сфере эмоциональных отношений [Carrigan, Connell, Lee, 1985].

Принцип шестой и, возможно, самый главный — *интерсекциональный подход в анализе гендерного порядка.* Этот, пока мало представленный в российских исследованиях, подход мы опишем несколько подробнее.

Интерсекциональный анализ как ключевой принцип современных КИМ и ИМ

Ключевая категория — *intersectionality* (интерсекциональность, пересечение, сплетение) — это метафорический термин, который отсылает к образу перекрестка, места пересечения множества дорог — магистральных осей социального неравенства, которые определяют привилегии (или их отсутствие) и жизненные шансы членов общества. Переплетение расовых (этнических), классовых, гендерных осей координат создает ядро структурных условий, определяющих позиции людей в современном обществе². Однако не менее значимыми могут быть и иные различия — по критерию возраста, состояния здоровья, гражданскому статусу. Конкретный интерфейс интерсекциональности контекстуален и определяется культурным наследием и социально-культурной политикой.

Интерсекциональный анализ смещает фокус гендерных исследований от бинарной оппозиции мужского и женского опыта к анализу множественности гендерных позиций, порожденных комплексным действием механизмов господства и угнетения. Эти формы угнетения не действуют изолированно и независимо друг от друга, они взаимно обуславливают друг друга, создавая матрицу господства-подчинения. Приоритетная задача исследований — обращать внимание на социальные позиции женщин и мужчин, которые образуются механизмами угнетения и исключения [Yuval-Davis, 2006], [Lykke, 2006], [Здравомыслова, Тёмкина, 2017].

Представление о комплексном взаимообуславливании множественных систем неравенства позволяет обращать внимание на то, как формируются разные типы маскулинности и связанные с ними привилегии. Одни позиции обеспечивают мужчинам, которые их занимают, власть и ресурсы, другие — маргинализуются и подвергаются исключению. При этом властный потенциал мужской позиции определяется такими социальными параметрами, как принадлежность к клас-

² Сексуальное гражданство нами в данном случае рассматривается как аспект гендерного гражданства. См. также: [Кундаков, 2012].

су, этничность, расовая категория, сексуальная идентичность [Kimmel, Messner, 2009], [Hearn, Collinson, 2006], [Hearn, 2011], [Hearn, Louvrier, 2015].

Данные принципы изучения мужского опыта нашли применение при анализе российского гендерного порядка, помогая исследователям интерпретировать опыт мужчин как сформированный и формирующий политику гендера, а собственную интеллектуальную позицию совмещать с практиками критического анализа [Ваньке, Тартаковская, 2016], [Костерина, 2008, 2010], [Рождественская, 2002]; [О муже(Н)ственности, 2002].

В рамках КИМИМ формулируются и впоследствии широко используются понятия «гегемонной» и «субординированной» маскулинности, дискурсивного «кризиса маскулинности». Эти аналитические категории стали популярными за пределами академического мира: их используют блогеры и журналисты, рассуждая о нормативной маскулинности и повседневном опыте мужчин. В целом, эти ключевые категории, на наш взгляд, позволяют осмыслить патриархатные механизмы по-новому, фокусируя внимание на разнообразии моделей мужского поведения, субординации, маргинализации и угнетении патриархатом определенных категорий мужчин, а не только женщин.

Обратимся к толкованию основных терминов КИМИМ. Мы назвали их понятиями отмычками, потому что именно они являются ключами понимания теоретического вклада этого направления в гендерные исследования и публичный дискурс.

«Маскулинность» как социальная позиция и дискурс

Термин «маскулинность» обозначает поведение, социальные роли и свойства, приписываемые мужчинам в конкретном обществе, сообществе или институте, а также культурные значения, атрибутируемые мужчинам и их опыту. Это сложное понятие, охватывающее и позицию мужчин в структуре гендерного порядка, и практики (включающие телесный опыт), и культурные модели, находящие выражение в повседневном дискурсе [Connell, 2005: 71].

«Маскулинность» — это относительная категория, обретающая смысл в определенном контексте гендерных систем и различий как противопоставленная категории «фемининность» («женственность»). «В культуре, не рассматривающей женщин и мужчин как носителей полярных характеров, не существует, по крайней мере, принципиально, понятия маскулинности в том смысле, которым оперирует современная европейская/американская культура» [Connell, 2005: 68]. «Маскулинность» как «относительная» гендерная категория конструируется в определенных гендерных порядках и режимах [Pearse, Connell, 2016]. Она получает телесное выражение в различных институциональных контекстах (гендерных режимах), таких как армия, корпорация, семья, здравоохранение, школа, государство, и существует в культуре как позиция в символических репрезентациях глобального и локального масштаба.

Интерпретация «маскулинности» связана с тем, как исследователь интерпретирует гендер — как структуру, социальную роль, взаимодействие, практики, ограниченные структурными условиями [Connell, 2000: 17—18], или как перформативный акт [Butler, 1990].

«Гегемонная маскулинность» и мужские патриархатные привилегии

Для деконструкции иерархии маскулинностей исследователи используют комплекс понятий: «гегемонная», «субординированная» и «маргинализованная» маскулинности. Гегемонной маскулинности соответствует парная модель «настоящей» или «утрированной» женственности.

Первое систематизированное описание понятия «гегемонная маскулинность» приводится в статье Т. Карригана, Р. Коннелла и Дж. Ли «Развивая новую социологию маскулинности» [Carrigan, Connell, Lee, 1985: 591—592]. В этой работе «гегемонная маскулинность» определяется как механизм функционирования патриархата, который гарантирует легитимность подчиненного (субординированного) положения женщин и некоторых групп мужчин [Connell, 2005: 77], [Кон, 2009а], [Бёрд, 2008: 19].

Ключевым для истолкования этого понятия являются неразрывно связанные друг с другом термины «патриархат» и «гегемония». «Патриархат» понимается как система мужского превосходства, осуществляемая благодаря механизму гегемонной маскулинности. Как матрица символической власти «патриархат» подразумевает подчиненное положение женщин по отношению к мужчинам вообще и не вызывающее сомнений господствующее положение одной из позиций мужественности.

Термин «гегемонная маскулинность» содержит отсылки к понятию «гегемония», изначально разработанному философами-неомарксистами А. Грамши и Л. Альтюссером. Гегемония трактуется как стратегия символического (идеологического) господства, которая находит выражение в культуре, повседневной жизни и практиках взаимодействия [Коннелл, 2015], где символическое господство означает, что определенные нормы и культурные образцы становятся здравым смыслом общества и не подвергаются сомнению. Данный термин используется, чтобы подчеркнуть критическое отношение исследователей к патриархатной маскулинности и предписываемым ею мужским ролям и гендерным границам (см. также: [Бурдые, 2005]). Символическое господство — непрерываемый высокий престиж определенных паттернов мужественности — закрепляется в идеологии (в том числе в религиозных доктринах), практиках социализации, культурных репрезентациях, на уровне субъективной идентичности. Эти образцы воспроизводятся в продукции СМИ, структуре заработной платы, дизайне жилища, политике налогообложения и т. д. [Коннелл, 2015]. Гегемония, поддержанная идеологическими аппаратами, воспроизводится не только на сознательном уровне: она работает на уровне индоктринированного бессознательного и именно потому не подвергается сомнению и считается истиной в последней инстанции.

Основная характеристика гегемонии — социальный консенсус в отношении господства, то есть общественная поддержка предписаний о вариантах поведенческих образцов. В частности, гендерный анализ гегемонной маскулинности выявляет социально-культурные механизмы ее воспроизводства в разных сферах социальной жизни — в мире оплачиваемого труда и досуговой деятельности, в сексуальной жизни и сфере заботы о зависимых членах семьи, в нерелексированных рутинных действиях [Connell, Messerschmidt, 2005: 842].

Гендерная иерархия патриархатного символического порядка базируется на двух принципах. Во-первых, она опирается на признание мужского превос-

ходства над женщинами как воображаемым социальным сословием (классом, группой). Во-вторых, воспроизводится гегемонный образец мужского поведения, по отношению к которому другие варианты оказываются подчиненными и исключенными [Connell, 2005: 78].

Гегемонная маскулинность контекстуальна, хотя и представляется, что ряд ее характеристик имеет транснациональное значение в современных обществах — то есть существуют глобальные эффекты. Гегемонная маскулинность в современных США описывается с помощью ряда характеристик социального положения успешных мужчин, которые вызывают романтическое желание у большого количества женщин и в потенциале рассматриваются как прекрасные супружеские партнеры (что также является эффектом гегемонии). Гегемонная маскулинность — это властная позиция в рамках символического гендерного порядка, позволяющая осуществлять господство (контроль) над женщинами и субординированными/маргинализированными мужчинами. Для этой позиции на верхних ступенях символической гендерной иерархии характерно ядро взаимосвязанных характеристик. Во-первых, такая позиция мужчин предполагает стабильно высокий уровень материальной обеспеченности, позволяющий поддерживать себя, семью и домохозяйство, по крайней мере, на уровне среднего класса. Во-вторых, с этой позицией ассоциируются высокий образовательный и профессиональный статус, подтвержденный дипломом и/или сертификатом о профессиональной подготовке. В-третьих, такую позицию занимают гетеросексуальные мужчины, как правило, подтверждающие свою сексуальную ориентацию браком [Hodges, Budig, 2010: 723].

Даже в современном обществе, где произошла, хотя и не завершенная, гендерная революция, гегемонная позиция приносит преимущества и выгоды, которые Коннелл называет «патриархатными дивидендами» [Connell, 2005: 82]. Эти дивиденды (или преимущества) встроены в статусные позиции, занимаемые успешными мужчинами, и поддерживаются структурным экономическим неравенством между мужчинами и женщинами [Connell, 2000: 25]. Мужчины, занимающие такие позиции, заинтересованы в сохранении существующих гендерных границ, которые воспроизводят их экономическую и политическую власть и более высокий статус относительно женщин в целом и мужчин, относимых к другим более низким категориям [Бёрд, 2008: 20]. Гегемонная маскулинность постоянно должна себя подтверждать и воспроизводить символически, поскольку в современном обществе она вызывает сопротивление субординированных групп [Carrigan, Connell, Lee, 1985: 598], идет символическая борьба за изменение гендерных границ и, соответственно, разрушение гегемонии.

Концепт «гегемонная маскулинность» получил широкую популярность в академическом контексте и за его пределами; широко используется в конкретных эмпирических исследованиях в самых разных полях — от изучения образования и психотерапии до анализа преступности и насилия [Connell, Messerschmidt, 2005: 830—832]. Исследователи выявляют механизмы гегемонии, изучают различия моделей маскулинности и способы их изменения. Они показывают, как, например, в СМИ позитивно представляется один тип маскулинности, в то время как субординированные группы остаются невидимыми или криминализируются. Исследуются образцы маскулинности, характерные для конкретных институциональных кон-

текстов: в школах, в армии, в спорте, в бюрократических организациях, в семье, в сфере здоровья и сексуальных отношений [Connell, Messerschmidt, 2005: 833—834], [Connell, 2002], [Kimmel, 2005], [Hochschild, Machung, 2003].

Данный концепт используется также российскими авторами при обсуждении того, какие типы маскулинности претендуют на гегемонию в советском и постсоветском российском обществе, каковы привилегии и издержки нормативных предписаний адресованных мужскому полу, как утверждается маскулинная гегемония и чего это стоит ее носителям. Модели маскулинности — в том числе той, которая претендует на гегемонию здесь и сейчас — не являются вечными и беспроблемными. Проиллюстрируем нашу мысль конкретными примерами современной российской культурной продукции.

В массово популярном позднесоветском фильме «Москва слезам не верит» (реж. В. Меньшов, 1979)³ репрезентируется претензия на гегемонную маскулинность, воплощенная в модели поведения Гоши (герой А. Баталова). Положительный герой «укрошает» эмансипированную героиню Катю (роль В. Алентовой), воплощает позицию успешного уважаемого гетеросексуального рабочего-интеллигента. Гоша провозглашает свою символическую власть: «<...> все и всегда я буду решать сам. На том простом основании, что я — мужчина». Гоша не только зарабатывает, как он думает, больше своей подруги; он готов применить силу в защите слабого, способен на принятие решений и сильные чувства.

Еще один пример, приближающий обсуждение понятийного аппарата КИМИМ к российскому контексту, можно обнаружить в романе А. Терехова «Немцы»⁴. В образе главного героя там представлен пример относительно новой для российского общества успешной, эффективной, рациональной маскулинности, которая претендует на гегемонию, но проблематизируется автором. Главный герой романа, названный странным именем Эбергард, — экономически состоятельный преуспевающий мужчина среднего возраста, не лишенный обаяния и способный к глубоким чувствам. Он может обеспечить себе и своим близким многие престижные блага «нового праздного класса» — в первую очередь, доступ к дорогому потреблению и высокое качество жизни (жилищные условия, медицинское обслуживание, отдых, пр.). Он — профессионал, в совершенстве владеющий правилами игры своей сферы занятости. Его компетенция востребована, и он может многим диктовать свои условия, подчиняя чуждым им воле и правилам игры. До определенного момента он считает окружающий мир «прозрачным, постижимым и подвластным ему».

Однако его карьера, благополучие, власть, позиция — основа гегемонной маскулинности — проблематизируются автором романа. Главная цель и забота героя — удержаться на достигнутой позиции, «не выпасть из системы». Это стратегия «господина», представителя элиты, презирующего массу, но испытывающего панический страх перед вполне реальной перспективой утраты своих привилегий и превращения в раба. Если выпадешь из системы — «не будет ничего» [Там же: 428]. Герой боится утратить основания своей гегемонии. Он осознает, что его позиция нестабильна, что он живет в эпоху формирования нового сословного

³ Существует легенда (а именно — устное предание), что консультантом при создании этого фильма был Игорь Семенович Кон.

⁴ Терехов А. Немцы. М. : Астрель, 2012.

общества, в котором проведены жесткие границы между элитным меньшинством и безвластной массой. «Сейчас окончательно делится народ — кто встроился, пойдет навсегда наверх, остальные навсегда — вниз» [Там же: 429]. Герою романа страшна перспектива оказаться внизу социальной лестницы: «сдавать квартиру, самим ехать за кольцевую», «скидки ловить», «откладывать на отдых», страшно представить, что будет, «если у тебя заболит мать и потребуются операция» [Там же: 429—430]. За материальные и символические блага, сопутствующие позиции, борьба идет буквально не на жизнь, а на смерть.

Маскулинность, претендующая на гегемонию, выстраивается за счет порабощения (субординации) других мужчин и диктует им закон массы: «Вы — стадо баранов! Вы не видите, что волки вокруг! Слабых будут резать!» [Там же: 440]. Однако «волк-одиночка» легко теряет свою силу, ибо она определяется системой, которая действует по жестоким правилам, исключая тех, кто не готов подчиняться. На наш взгляд, представленная в романе позиция носителей атрибутов успеха не может быть описана в категориях гегемонной маскулинности, поскольку она неустойчива, не считается легитимной и по сути сама остается зависимой. Не поддается контролю и частная жизнь героя, несмотря на все его административные усилия и силовое давление.

Неопределенность и неустойчивость позиции, претендующей на гегемонию, оборачивается не только невозможностью сохранить независимость от государства и управлять своей жизнью, которую подминает под себя обезличенная власть силовых структур и персонифицированная власть начальства. Она оборачивается разрушением чувств, романтических связей и, в экстремальном варианте, — драматическим крушением самой жизни и мужчин, и женщин.

Писатели чутко реагируют на социальные феномены. Представляя российские образцы успешной маскулинности, пользующейся привилегиями богатства и власти, они демонстрируют ее призрачность, нехватку легитимности, неустойчивость позиции. И в этом она оказывается близка моделям субординированной маскулинности.

Гегемонная маскулинность в России 1990-х гг. связывается с успешностью в профессиональной сфере (в том числе в теневой экономике), высоким статусом и материальным благополучием, престижным потреблением, а также с физической силой и возможностью применять насилие. Гегемонные же образцы маскулинности в 2000-е гг. скорее связаны с успешностью, материальным благополучием, властью сильного, но и характеризуются нехваткой легитимности и неустойчивостью позиции.

Исследования показывают непреднамеренные последствия гегемонной маскулинности и обозначают «цену», которую платят за следование ее предписаниям конкретные мужчины. Реализация предписаний этого идеала «несмотря ни на что» отрицательно коррелирует с показателями продолжительности жизни и состояния здоровья [Кон, 2008, 2009аб], [Тартаковская, 2010]. Такие социально ожидаемые от мужчин качества, как умение достигать целей и агрессивность, находят свое проявление в ориентациях на занятие позиций в сферах тяжелого и ответственного труда, которые сопряжены с физическими нагрузками и стрессами, становясь факторами риска для здоровья мужчин. Еще один фактор риска, сопряженный

с предписаниями гегемонной маскулинности, — контроль выражения эмоций. Эмоциональное измерение гегемонной маскулинности анализирует британский социолог Виктор Зайдлер. Описывая социальные механизмы отчуждения мужчин от своих эмоций, инструментализацию мужского тела, исследователь отмечает, что отождествление разума и сознания с маскулинностью приводит к эффектам телесного неглекта, подавлению эмоционального выражения, которые не остаются безнаказанными. Умение скрывать те эмоции, которые отождествляется со слабостью и женственностью, становится правилом мужского поведения, выполнение которого требует особого самоконтроля [Зайдлер, 2012: 85]. «Правильные мужчины» в западной культуре осуществляют постоянный контроль своего тела и сексуальности для подтверждения «мужского достоинства» и идентичности. Подавляя выражение «женоподобных» эмоций, мужчины зачастую и не осознают, и не понимают своих чувств, которые могут выражаться в агрессивных и насильственных формах действия.

Иерархия культурных моделей маскулинности приобретает разные смыслы в различных символических матрицах гендерного господства. Процессы глобализации открывают локальные гендерные порядки для внешнего влияния, давления и трансформации [Connell, Messerschmidt, 2005]. Формируются новые транснациональные коалиции мужчин и возникают попытки установить новые гегемонии. Неолиберальные и неоконсервативные идеологии актуализируют свойственные им гендерные модели. Религия, этноцентризм, призывы к безопасности также оказывают влияние на гендерные идеологии и продвигаемые идеалы маскулинности, которые подлежат расшифровке и истолкованию.

Важно понимать, что привилегии гегемонной маскулинности доступны далеко не всем мужчинам. Коннелл отмечает, что большинство мужчин, хотя и ориентируется на консенсусный нормативный образец, но на практике не в состоянии реализовывать представления о надлежащем мужском поведении. Исследовательница выделяет особый механизм «соучастия» или причастности (complicity) к проекту гегемонной маскулинности, дающий приверженцам некоторые дивиденды, но также предполагающий постоянные компромиссы и негоциации в семейных отношениях и в сфере занятости [Connell, 2005: 79—80]. Так, повседневные практики мужчин, причастных к гегемонной маскулинности, не всегда предполагают прямую доминанцию. Они верят в свое превосходство, несмотря на то что не могут подтвердить свои претензии конкретными показателями социальных достижений.

«Соучаствующие» мужчины занимают срединную противоречивую позицию между теми, кто обладает наибольшим объемом символической власти, и теми, кто бросает открытый вызов гегемонной маскулинности (гомосексуалы или профеминисты). Они просто «делают свой гендер», производя плюральные или гибридные маскулинности. Однако производство маскулинности, на которую они всегда ориентированы, предполагает неперемное ядро — гетеросексуальность и роль добытчика/кормильца.

Признание особой позиции причастности гегемонной маскулинности особенно важно при эмпирических исследованиях повседневной жизни и идентичности мужчин в условиях расхождения между идеалами и практиками мужественности [Aboim, 2010].

Мы писали выше, что категория гегемонной маскулинности, будучи основной «понятийной отмычкой» КИМиМ, является заряженным ядром дискурса, привлекающим понятия, непосредственно с ним соотносимые, проясняющие и дополняющие его. Так, **«утрированная женственность»**⁵ неразрывно связана с гегемонной маскулинностью. Эта модель репрезентации символического полового отличия широко тиражируется СМИ, а ее стержнем является подчеркнутое противопоставление мужскому образцу. Она предполагает подчиненное положение женщины, демонстрацию психологических качеств, приписываемых слабому полу, следование конвенционально исполняемым семейным женским ролям (прежде всего, матери и супруги) и дисплей гетеросексуальной привлекательности. Структурное основание конструирования «настоящей (утрированной) женственности» — ее подчиненное положение по отношению к гегемонной маскулинности. Поскольку женщины субординированы как группа, такой символический порядок не позволяет говорить о гегемонной женственности. Р. Коннелл проясняет этот тезис следующим образом. Во-первых, хотя некоторые женщины могут осуществлять господство и контроль над действиями других женщин, объем их власти не соответствует определению институционализированной гегемонии, а сами они находятся под контролем. Во-вторых, у них отсутствует возможность доминировать над другим полом [Коннелл, 2015]. Поэтому о гегемонии как идеологии, ставшей здравым смыслом, и организующей практики и привилегированные социальные позиции, исследователи говорят только применительно к маскулинности [Connell, 2000: 10—11].

Образцы гегемонной маскулинности и утрированной женственности, нацеленной на исполнение традиционных домашних ролей и выражение сексуальной привлекательности, в настоящее время пересматриваются во всем мире, включая Россию. Примером, в частности, является последний всплеск дискурсивного внимания к феномену сексуального домогательства в отношении женщин (harassment). Совсем недавно нормы поведения мужчин в публичном пространстве, если и не предписывали, то допускали проявление — в том числе и навязчивого — сексуального интереса мужчины (часто без учета желания женщины), а вызывающую сексуализированное внимание в публичных местах женщину обвиняли в избыточной сексуализации, манипулировании и провокативности. Данные нормативные образцы взаимодействия в публичном пространстве воспроизводили патриархатные принципы и патриархатные дивиденды. В настоящее время такие паттерны интеракций утрачивают свою привлекательность, а их допустимость проблематизируется, и этот болезненный процесс становится симптомом конфликта разных гендерных образцов и утраты патриархатной власти.

«Субординированная» и «маргинализованная» маскулинности как механизмы и эффекты социального исключения

Гегемония — это структура власти, реализующаяся с помощью механизмов создания неравенства, ключевыми из которых являются механизмы субординации (подчинения) и маргинализации. В патриархатном порядке иерархия муже-

⁵ Перевод термина «articulated femininity», выполненный Т. Барчуновой, кажется нам чрезвычайно удачным — здесь мы его используем.

ственности выстраивается дискурсивно и, в первую очередь, по критерию сексуальной ориентации и сексуальной идентичности. Границы очерчиваются между «нормальными» гетеросексуальными и «странными», чуждыми норме (в самом мягком выражении) гомосексуальными мужчинами. Хотя во многих обществах гетеросексуальная матрица ослабевает, в других она остается прежней или даже ужесточает свое давление. Мы живем в обществе, переживающем период постоянного конфликта и борьбы разных представлений о нормативной маскулинности. В классическом патриархатном обществе именно гомосексуалы подвергаются социальному исключению, их считают «ненастоящими мужчинами» и наделяют некоторыми феминными качествами.

Однако гомосексуалы не единственная субординированная маскулинность. Мужчины и мальчики, практики которых не полностью соответствуют гегемонным, могут обозначаться уничижительными оборотами речи, отсылками к женственности, такими как «девчонка», «баба», «плакса», «слабак», «сосунок», «маменькин сынок», то есть маркироваться как недостаточно мужественные. Такие ярлыки призваны оскорбить адресата, определить его действия как неподобающие, не соответствующие стандартам правильного мужского поведения. Подобная стратегия вербального снижения статуса использует разные дискурсивные приемы. Среди них — приписывание такому мужчине неприемлемых женских черт поведения, обозначение его как зависимого от женской власти, прямые референции к гомосексуальности.

Отношения неравенства между различными категориями мужчин формируются также с помощью механизма маргинализации, который действует интерсекционально, переплетая атрибуцию мужественности с расовыми, классовыми и иными маркерами социального разделения. Механизм маргинализации, выстраиваясь на тех или иных основаниях, создает иерархию внутри субординированных групп. Так, например, позиция чернокожего гомосексуала в США является маргинализованной по отношению к другим черным мужчинам, которые находятся в субординированной позиции по отношению к белым. Одновременно механизм маргинализации действует избирательно, выделяя группы на пересечении различных координат многомерной власти. К примеру, чернокожие атлеты в США могут быть выступать примером гегемонной маскулинности, но чернокожие мужчины в целом не занимают позицию превосходства [Connell, 2005: 80—81].

Маргинализованная маскулинность приписывается наиболее уязвимым и низко оцениваемым позициям социального пространства. Среди них — позиции люмпен-пролетариата и так называемого *under*-класса, расиализированные представители этнических групп, обозначаемые как нежелательные чужаки, вносящие беспорядок в правильное «чистое» общество. Маргинализируются те категории мужчин, для которых характерна нехватка ресурсов и власти в контексте ее глобального и локального распределения [Connell, Messerschmidt, 2005: 847—848].

Р. Коннелл подчеркивает, что гегемонная, субординированные и маргинализованные маскулинности не являются фиксированными типами, а скорее рассматриваются как конфигурации практик, порождаемых в определенных ситуациях и структурных контекстах [Connell, 2005: 76—81].

Описанные выше категории приобретают смысл при анализе глобальных процессов. Так, например, анализ транснациональных потоков трудовой миграции по-

зволяет конкретизировать представление о субалтерной маскулинности (вариант маргинализованной) [Choi, 2016]. Как мы знаем, ядром «настоящей маскулинности» является экономическая самостоятельность и возможности осуществлять роль кормильца в семье или домашнем хозяйстве. Во многих пост-колониальных и постсоветских контекстах этим ожиданиям можно соответствовать, лишь используя стратегию трудовой миграции. Работающие за границей (часто в тяжелых и бесправных условиях) обеспеченные мужчины могут поддерживать большие семьи, реализуя маскулинную роль; остальные же остаются безработными или занятыми на низкооплачиваемых временных работах. Они не могут соответствовать гегемонии и компенсируют это иными формами власти — насилием, употреблением алкоголя, преступностью и суицидами, то есть практиками «кризисной маскулинности» [Morrell, Swart, 2005]. Так, стратегия гегемонной маскулинности выстраивает гендерную иерархию и осуществляет номинацию позиций «лишних людей», «ненастоящих мужчин», мужчин, чья маскулинность «несостоятельна», «ставится под вопрос» [Роткирх, 2011], обозначается как «несостоявшаяся» (failed) или кризисная [Тартаковская, 2003], [Здравомыслова, Тёмкина, 2002].

Критика понятия «гегемонная маскулинность»

Понятие «гегемонная маскулинность» стало настолько популярным в исследованиях мужского опыта, что превратилось в своего рода «универсальную отмычку». Однако, как показывают современные авторы, эти претензии на универсальность не бесспорны. Понятие подвергается критике по нескольким основаниям. Во-первых, авторы отмечают ригидность типологии мужественности, проистекающей из использования этого понятия. Гибридные и промежуточные формы не схватываются аналитической рамкой (или описываются недостаточно убедительно). Гегемонной маскулинности противопоставляются лишь две модели — субординированная и маргинализованная.

Во-вторых, понятие «гегемонная маскулинность» с трудом подвергается операционализации, столь необходимой в конкретных исследованиях. Оно охватывает одновременно и культурные модели, и реальные практики, соответствующие занимаемым мужчинами престижным позициям, и идеологический механизм (и стратегию) гендерного различия и иерархии [Connell, Messerschmidt, 2005: 836—845]. Такой пучок толкований способствует неясности аналитической категории.

В-третьих, исследователи отмечают, что данный концепт недостаточно чувствителен к контекстуальным институциональным факторам и социальным изменениям, преувеличивает целостность и когерентность мужской субъектности и способности осуществлять стратегию доминирования. Внутренние противоречия и расщепленность субъекта, занимающего позицию гегемонии, остаются за пределами анализа. Реальность мужского опыта редуцируется к простым схемам. Без внимания остается то обстоятельство, что власть мужчин в локальных контекстах не всегда транслируется на более широкие социальные отношения [Hodges, Budig, 2010].

В-четвертых, многие авторы используют термин «гегемонная маскулинность» для обозначения совокупности негативно оцениваемых характеристик

мужественности, а именно — как синоним тотального мужского превосходства, и, прежде всего, угнетения, сексизма, мачизма, насилия, осуществляемых мужским субъектом. Однако в таком случае из данного понятийного поля исключаются «позитивные» качества, такие как обеспечение семьи, отцовство, принятие на себя ответственности, выполнение требующих большого напряжения работ и проч.

Критика понятия неизбежна, но она не делает его менее привлекательным для исследователей и, что главное, общественности. Как раз наоборот — каждый участник дискурса выбирает свой ракурс, отсылая к той версии понятия-отмычки, которая ему кажется уместной.

В современном российском контексте достаточно трудно операционализировать это понятие без учета того, к какому классу/социальной среде относится паттерн мужественности, насколько он стабилен и привлекателен и чем именно — деньгами, потреблением, знаниями, силой, сексуальностью — обеспечена власть данного образца и кто конкретно является его репрезентацией. Нам представляется, что устойчивой когерентной гегемонной маскулинности в настоящее время на российской сцене не существует, поскольку представления о гендерных ролевых моделях разнообразны и нередко конфликтуют между собой. Впрочем, уместно рассматривать гегемонию как стратегию власть имущих, направленную на утверждение жестких гендерных правил. В российском контексте, на наш взгляд, консенсус по поводу надлежащей маскулинности включает позиции добытчика, защитника и гетеросексуального партнера. Частично это суждение подтверждается исследованиями коллег, но по-прежнему нуждается в дальнейшей разработке и проверке.

«Кризис маскулинности» и «несостоявшаяся маскулинность»

Напряженность, связанная с мужской ролью (равно как и женской), постоянно обсуждается в публичном и академическом дискурсах в разных контекстах. В частности, понятие «кризис маскулинности» указывает на проблематизацию мужского опыта. Оно толкуется двояко в зависимости от встроенной в обсуждение идеологической перспективы автора. Так, одно из толкований можно назвать эмансипирующим или феминистским. Оно предполагает диагностику проблем мужского бытия в контексте издержек мужской гегемонии, непредвиденных и явных последствий жестко определяемой доминирующей роли и отвержения всех и всего, что с ней не согласуется. Именно такая трактовка типична для КИМИМ. Для описания практик мужчин, которые не в состоянии соответствовать образцам гегемонной маскулинности, используется также понятие «несостоявшаяся маскулинность» [Тартаковская, 2003]. Иногда эти понятия используются как синонимы: термином «кризис» обозначается системная ломка, а «несостоявшаяся маскулинность» используется для описания конкретного института, феномена группового или индивидуального уровня.

Другое толкование «кризиса маскулинности» представляет собой дискурсивный эффект сопротивляющегося андроцентризма (символического патриархата), переживающего ностальгию по «настоящим мужикам» и их привилегиям в условиях подрыва гегемонии. В таком случае обсуждение кризиса маскулинности становит-

ся составной частью стратегии гендерного традиционализма и консерватизма⁶, и именно такой формат его обсуждения превалирует в российском контексте.

Как писал И. С. Кон, «...начиная с 1970-х годов на Западе, а затем и в России стали говорить и писать о том, что традиционный мужской стиль жизни, а возможно, и сами психические свойства мужчин не соответствуют современным социальным условиям, что мужчины сдают свои главенствующие позиции или что им приходится платить за них слишком высокую цену. Этот синдром получил название “кризиса маскулинности”» [Кон 2009а: 13]. Так, вслед за нашим учителем, мы трактуем «кризис маскулинности» как проблематизацию гегемонии патриархатной нормы мужского поведения. Этот концепт широко используется для проблематизации поведения мужчин в разных сферах — браке, родительстве, сексуальности, насилии, преступности [Scourfield, Drakeford, 2002: 621].

Конфликты и напряженности, связанные с мужской ролью в современном индустриальном обществе, были отмечены уже в 1950-е гг. Т. Парсонсом. В обществе поздней современности они связываются в первую очередь с утратой монополии мужчин на позицию кормильца семьи и массовой вовлеченностью женщин в сферы оплачиваемого труда и политики. Кризис маскулинности обсуждается на индивидуальном и социетальном уровнях, на уровнях дискурса и коллективных практик [Morgan, 2006], [Kimmel, 1987]. В частности, на дискурсивном уровне — это признание того, что нормативная модель традиционной маскулинности не может более реализовываться.

Что же именно поменялось в ходе структурной гендерной трансформации второй половины XX века (а в России этот процесс начался еще раньше)? Необратимо выросла экономическая, репродуктивная и сексуальная независимость женщин: последние стали активными субъектами на рынке труда, в политике, образовании, семье и в обществе в целом, достигли существенных успехов в борьбе за свои права и эмансипацию [Morgan, 2006: 111—112]. Соответствующим образом изменяются и отношения власти между мужчинами и женщинами. Так, мужчины более не контролируют женскую способность к деторождению и даже в сфере интимных отношений их инициатива оказывается перехваченной. Мужчины среднего класса перестают быть монопольными кормильцами семьи, какими были их отцы и какими они сами надеялись стать [Morgan, 2006], [Levant, 1997], [Pleck, 1987].

Обрисованные чуть выше изменения поставили под сомнение гегемонию патриархатной модели маскулинности. В настоящее время с ней конкурируют иные образцы мужского поведения, которые по старым меркам были бы отнесены к вариантам субоднированным/маргинальным, словом — не соответствующим тому, что предписано «настоящим» мужчинам.

Многие группы мужчин все более ощущают невозможность соответствия нормативным предписаниям гендерной роли. Они испытывают постоянное недовольство собой и окружающими в связи с невозможностью отвечать предписаниям, которые прочно укоренены в их сознании и бессознательном [Kaufman, 1994; Levant, 1997]. Так, например, мужчины не подготовлены к заботе и эмоциональной рабо-

⁶ Обсуждение кризиса маскулинности изоморфно дискурсу о кризисе семьи. Консервативный и эгалитарный дискурсы толкуют их противоположным образом в зависимости от идеологических предпочтений авторов.

те, поскольку гендерная социализация ориентировала их на другие цели — в первую очередь, достижения в публичной сфере и конкурентоспособность [Levant, 1997]. Массовому привлечению мужчин к повседневным домашним заботам, которые по-прежнему составляют «вторую смену» для женщин [Hochschild, Machung, 2003], препятствуют традиционные представления о нерушимости и естественной природе фактически уже разрушенных гендерных границ.

Хотя концепт «кризис маскулинности» широко используется в современной литературе, СМИ и популярной культуре, он, тем не менее, остается весьма неопределенным по своему смыслу. Например, Р. Коннелл указывает, что термин «кризис» характеризует когерентность разрушаемой системы, в то время как маскулинность не является системой — это скорее конфигурация практик в рамках системы гендерных отношений. Потому, с его точки зрения, логичнее говорить о кризисе патриархатного гендерного порядка в целом, а не о кризисе маскулинности [Connell, 2005: 84].

Мы же используем данное понятие для описания критического дискурса о положении мужчин в позднесоветском и постсоветском обществе, в котором человек рода «он» [по Ушакин, 2002] предстает как жертва советской системы государственного принуждения и навязанной женской эмансипации, как субъект, страдающий от нехватки ресурсов для реализации и легитимации своей гегемонии [Здравомыслова, Тёмкина, 2002]. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе описывается как невозможность исполнения традиционных мужских ролей, связанных с отсутствием условий, — ограничениями либеральных прав. Критический дискурс выстраивался в своеобразную гендерную теорию виктимизации, согласно которой мужчины рассматривались как пассивные жертвы собственной биологической природы или структурно-культурных обстоятельств.

«Злые белые мужчины»: консервативная мобилизация

Мы уже писали выше, что кризис патриархатной маскулинности рассматривается консерваторами совсем иначе, нежели сторонниками КИМИМ. Так, адепты реанимации патриархата видят в разрушении гендерных границ несправедливую утрату своих патриархатных привилегий [Kaufman, 1994] и угрозу моральным устоям общества. Консервативные мужские движения хотят в той или иной степени восстановить традиционные нормы и образцы поведения [Messner, 1997], «естественный» порядок и свои привилегии «по праву рождения» [Kimmel, 2013]. Идеология таких движений рассматривает современных мужчин как жертв разрушительной для общества женской эмансипации и политик гендерного равноправия [Morgan, 2006: 121—122].

В этом контексте развиваются дискурсивные модели «консервативной» маскулинности, имеющей ностальгический характер. Консервативная мобилизация вступает в конфликт с идеологией диверсификации, также претендующей на гегемонию. Ниже мы кратко проанализируем две работы, в которых осмыслению подвергается агрессивная консервативная мобилизация белых мужчин в современном американском обществе. Так, нам кажутся очень важными исследования А. Хохшильд и М. Киммела, которые актуальны сегодня далеко не только для американской гендерной сцены.

Арли Рассел Хохшильд, исследуя феномен современной массовой электоральной поддержки американских правых в экономически неблагополучных штатах, задается вопросом: почему именно в тех регионах страны, где зафиксирован низкий уровень жизни и плохая экологическая ситуация, избиратели голосуют за сокращение государственных поддержек? Она обнаруживает, что поддержку правых политических сил обеспечивают белые мужчины среднего класса с уязвленным чувством собственного достоинства и «оскорбленной маскулинностью» [Hochschild, 2016]. Такие мужчины полагают социальную политику демократов несправедливой и разрушающей основания их мужской идентичности. Хохшильд обращает внимание на эмоциональные эффекты оскорбленной маскулинности: ненависть и гнев испытывают люди, занимающие конкретную социальную позицию на пересечении гендерных, расовых и классовых характеристик. Принадлежащие к среднему классу белые американцы во многих поколениях в южных штатах выполняли свою традиционную гендерную роль: работали в частном бизнесе, платили налоги, достигали успехов, и, «стоя в очереди», состоящей из равных им по гражданскому статусу конкурентов мужского пола, приближались к осуществлению американской мечты. Они обладали привилегиями уважаемых кормильцев семьи и считали свои привилегии заработанными и справедливыми. И вдруг они почувствовали, что правила игры ощутимо меняются и не в их пользу. Благодаря социальной политике демократов поддержку «вне очереди» стали получать те, кто раньше не мог конкурировать с ними — женщины, цветные, мигранты, гомосексуалы и даже... бурые пеликаны. Белые гетеросексуальные мужчины среднего класса видят в перераспределительной политике несправедливость, испытывают по этому поводу сильную фрустрацию. Фрустрация порождает агрессию, происходит ее политизация, и представители среднего класса становятся «злыми белыми мужчинами», переживающими утрату привилегий.

Та же линия рассуждений присутствует у Майкла Киммела, исследующего феномен «злых белых мужчин». Он рассматривает классовые и расовые структурные основания данного феномена. Автор показывает, что маскулинность утверждается через привилегии, которые их носители считают неотъемлемыми и «естественно присущими». Одна из глав книги посвящена практикам вооруженного насилия в американских школах [Kimmel, 2013]. Киммел показывает, что к агрессивным действиям наиболее склонны травмированные подростки из расово однородных белых школ, чье поведение не соответствует жестким нормам маскулинности, и, как результат, способствует буллингу в отношении них. Негативный опыт ведет к тому, что мальчики пытаются восстановить свою маскулинность через насилие — вплоть до вооруженного нападения на учителей и одноклассников. Там, где вместе учатся дети разных рас, сексуальностей, разных физических возможностей, где не культивируется один-единственный тип мужественности, шансы освоить иные модели маскулинности выше, а потенциал возникновения ненависти и использования насилия снижается. Исследователь объясняет рост насилия в школах тем, что до сих пор мужская социализация культивирует образ мужчины-мальчика, ориентированного на успех, и физическую силу: мальчикам по-прежнему прививают навыки агрессивного поведения и применения насилия в условиях фрустрации

и гнева. Плюрализация гендерных образцов, как показывает Киммел, до известной степени предохраняет от буллинга и его тяжелых последствий.

Таким образом, консервативная трактовка маскулинности опирается на жесткую гендерную идеологию. Исследования демонстрируют кризисное состояние гегемонной маскулинности в современном американском обществе. Растущее разнообразие гендерных норм встречает сопротивление со стороны патриархатной маскулинности, последним оплотом которой является насилие как ресурс восстановления справедливости.

В современном обществе поколеблен консенсус по поводу того, что значит быть мужчиной. Однако размытость нормативной матрицы не означает, что привилегированные группы мужчин полностью утратили ключевые позиции, например, в экономике или политике. Патриархатные дивиденды могут становиться более проблематичными, менее стабильными и доступными, но, как полагает Р. Коннелл, они продолжают существовать и во многих случаях считаются нормой [Connell, 2005]. В России также происходит плюрализация и размывание гегемонии, однако, как и в других странах, здесь усиливается консервативное сопротивление, нацеленное на охрану и продвижение гендерных привилегий.

Заключение

Критические исследования мужчин и маскулинностей обогатили гендерные штудии и публичный дискурс понятийным аппаратом, который обнажает иерархию и множественность маскулинностей. Анализ мужского опыта обрел относительную автономию, хотя во многом исследования маскулинностей развиваются изоморфно женским исследованиям. На наш взгляд, семантический куст категорий, в центре которого находится понятие «гегемонная маскулинность», оказался важным концептуальным вкладом в понимание гендерных отношений разного уровня.

Гегемонная маскулинность — ядро символической системы патриархата — рассматривается как механизм реализации мужского господства над женщинами и другими группами мужчин. Гегемония мыслится как идеология и нормативные представления, а также как определенные практики и стратегии, направленные на поддержание доминирующих позиций в определенных институциональных контекстах. Отношения гегемонии и доминирования, субординации и маргинализации — это отношения неравенства между разными группами мужчин.

В современных обществах изменяется положение мужчин, многие из которых утрачивают прежние привилегии. Невозможность следовать устоявшимся нормативным предписаниям приводит к неудовлетворенности. Утрата гегемонии патриархатной модели маскулинности описывается как кризис маскулинности.

Одни образцы маскулинности поддерживают патриархатный порядок, другие же его подрывают. Формируются модели маскулинности, которым соответствуют новые стили и стратегии гендерных отношений (например, эгалитарные партнерские союзы, про-феминисты, отцы, вовлеченные в повседневный уход за ребенком и т. п.). Современный инструментарий позволяет исследовать маскулинности как сложный динамичный континуум разных систем неравенств и привилегий, а также объяснять сопротивление эмансипационным образцам в конкретных культурных контекстах.

Мы хотим присоединиться к следующему пожеланию И. С. Кона, с размышлений которого начали эту статью. Мужчины очень разные. И эти разные современные мужчины, — уверен Кон, — могут «справиться с социальными вызовами эпохи. Однако для этого им необходимо (а) считаться с новыми социальными реалиями и (б) не равняться на один-единственный, причем заведомо упрощенный и идеализированный, образец гегемонной маскулинности. Особенно, если их личные задатки и качества этому типу не соответствуют» [Кон, 2009а: 452].

Список литературы (References)

Бёрд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // в кн.: Наслаждение быть мужчиной: западные теории и постсоветские практики / под ред. Ш. Бёрд и С. Жеребкина. СПб. : Алетейя, 2008. С. 7—37.

Bird S. (2008) Theorizing Masculinities: Recent Trends in the Social Sciences. Bird S., Zhrebkin S. (eds.) *The Pleasure of being a Man: Western Theories of Masculinity and Post-Soviet Practices*. Saint Petersburg: Aleteya. P. 7—37. (In Russ.).

Бурдые П. Мужское господство // в сб. ст: Социальное пространство: поля и практики: сб. статей. СПб. : Алетейя ; М. : Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 286—354.

Bourdieu P. (2005) Masculine Domination. Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practices*. Saint Petersburg: Aleteya; Moscow: Institute for Experimental Sociology. P. 286—354. (In Russ.).

Ваньке А., Тартаковская И. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. 2016. Т. 25. № 4. С. 136—153.
Vanke A., Tartakovskaya I. (2016) The Transformation of Russian Working Class Masculinities in the Context of Social Mobility. *Universe of Russia*. Vol. 25. No. 4. P. 136—153. (In Russ.).

Зайдлер В. Маскулинности, тела и эмоциональная жизнь // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 85—94.

Seidler V. (2012) Masculinities, Bodies and Emotional Life. *Sociological Studies*. No. 11. P. 85—94. (In Russ.).

Здравомыслова Е., Тёмкина А. «Кризис маскулинности» в позднесоветском дискурсе // в сб. ст.: О муже(Н)ственности / ред. и сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 432—451.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2002) Crisis of Masculinity in Late Soviet Discourse. Oushakine S. (ed.) *On (Fe)Maleness*. Moscow: New Literary Observer. P. 432—451. (In Russ.).

Здравомыслова Е., Тёмкина А. 12 лекций по тендерной социологии : учебное пособие. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
Zdravomyslova E., Temkina A. (2015) *12 Lectures on Sociology of Gender: A Tutorial*. Saint Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg. (In Russ.).

Здравомыслова Е., Тёмкина А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 5. С. 15—38.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2017) Intersectional Turn in Gender Studies. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XX. No. 5. P. 15—38. (In Russ.).

Здравомыслова О., Арутюнян М. Российская семья на европейском фоне. М. : Едиториал УРСС, 1998.

Zdravomyslova O., Arutyunyan M. (1998) Russian Family on the European Background. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).

Киммел М. Гендерное общество. М. : РОССПЭН, 2006.

Kimme M. (2006) *Gender Society*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).

Кон И. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 4. С. 5—16. URL: <http://stmm.in.ua/archive/rus/2008-4/3.pdf>.

Kon I. (2008) Hegemonic Masculinity as a Factor of Male (Non-)Health. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*. No. 4. P. 5—16. URL: <http://stmm.in.ua/archive/rus/2008-4/3.pdf>. (In Russ.).

Кон И. Мальчик — отец мужчины. М. : Время, 2009б.

Kon I. (2009b) *Boy is Father of the Man*. Moscow: Vremya. (In Russ.).

Кон И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире : учебное пособие : Введение в гендерные исследования / под ред. И. Жеребкиной. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. I. С. 562—605.

Kon I. (2001) *Men's Studies: Changing Men in a Changing World*. Zherebkina I. (ed.) *Introduction to Gender Studies: A Tutorial*. Part I. Kharkiv: Kharkiv Centre for Gender Studies; Saint Petersburg: Aleteya. P. 562—605. (In Russ.).

Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009а.

Kon I. (2009a) *Man in a Changing World*. Moscow: Vremya. (In Russ.).

Кондаков А. Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. С. 249—258.

Kondakov A. (2012) A Human Being and a Citizen: Sexuality as Machinery for Citizenship Construction in Russia. *Neprikosnovenniy zapas*. No. 5. P. 249—258. (In Russ.).

Коннелл Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М. : Новое литературное обозрение, 2015.

Connell R. (2015) *Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.).

Костерина И. Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 4. С. 122—140.

Kosterina I. (2008) Constructs and Practices of Masculinities in a Provincial Town: Habitus of “Normalniy Patsan”. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XI. No. 4. P. 122—140. (In Russ.).

Костерина И. Практики маскулинности в молодежных группах // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 116—125.

Kosterina I. (2010) Practices of Masculinity in Youth Groups. *Sociological Studies*. No. 1. P. 116—125. (In Russ.).

О муже(N)ственности : сб. статей / ред. и сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002.

Oushakine S. (ed.) (2002) *On (Fe)Maleness*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.).

Рождественская Е. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 15—25.

Rozhdestvenskaya E. (2002) Sociological Conceptualization of Masculinity. *Sociological Studies*. No. 11. P. 15—25. (In Russ.).

Роткирх А. Мужской вопрос. Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Rotkirch A. (2011) *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. Saint-Petersburg: European University at Saint-Petersburg Press. (In Russ.).

Тартаковская И. «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда // в сб. научн. ст.: Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов / под ред. Л. Попковой, И. Тартаковской. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2003. С. 42—70.

Tartakovskaya I. (2003) “Failed Maculinity” as a Type of Behavior in the Labor Market. In: *Gender Relations in Contemporary Russia. Studies of the 1990s* / Popkova L., Tartakovskaya I. (eds.). Samara: Samara University Press. P. 42—70. (In Russ.).

Тартаковская И. Гендерная социология. М. : Вариант: Невский Простор, 2005.

Tartakovskaya I. (2005) *Gender Sociology*. Moscow: Variant: Nevsky Prostor. (In Russ.).

Тартаковская И. Смертельная ноша маскулинности // Демоскоп Weekly. 2010. № 425—426. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0425/analit02.php>.

Tartakovskaya I. (2010) A Lethal Burden of Masculinity. *Demoscope Weekly*. No. 425—426. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0425/analit02.php> (In Russ.).

Ушакин С. Человек рода «он»: знаки отсутствия // в сб. ст.: О муже(N)ственности / ред. и сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 7—40.

Oushakine S. (2002) A Human of Masculine. Gender: Signs of Absence. In: *On (Fe) Maleness* / Oushakine S. (ed.). Moscow: New Literary Observer. P. 7—40. (In Russ.).

Чернова Ж. «Корпоративный стандарт» современной мужественности. Инструкции по созданию // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 97—103.

Chernova Zh. (2003) “Corporate Standard” of Modern Masculinity. A Guide to Creation. *Sociological Studies*. No. 2. P. 97—103. (In Russ.).

Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // в сб. ст.: О муже(Н)ственности / ред. и сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 245—267.

Yurchak A. (2002) Male Economy. Business and Gender in post-Soviet Russia. In: *On (Fe)Maleness* / Oushakine S. (ed.). Moscow: New Literary Observer. P. 245—267. (In Russ.).

Aboim S. (2010) *Plural Masculinities: The Remaking of the Self in Private Life*. Farnham and Burlington, VT: Ashgate.

Butler J. (1990) *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y.; L.: Routledge.

Carrigan T., Connell R., Lee J. (1985) Toward a New Sociology of Masculinity. *Theory and Society*. No 14(5). P. 551—604. DOI: 10.1007/BF00160017.

Choi S. Y.P. (2016) Gendered Pragmatism and Subaltern Masculinity in China. Peasant Men's Responses to Their Wives' Labor Migration. *American Behavioral Scientist*. No 60(5—6). P. 565—582. DOI: 10.1177/0002764216632832.

Connell R. (2000) *The Men and the Boys*. Sydney: Allen & Unwin; Cambridge: Polity Press; Berkeley: University of California Press.

Connell R. (2002) *Gender*. Cambridge: Polity Press; Malden: Blackwell Publishers.

Connell R. (2005) *Masculinities*. Cambridge: Polity Press; Sydney: Allen & Unwin; Berkeley: University of California Press.

Connell R. (2014) Margin Becoming Centre: For a World-Centred Rethinking of Masculinities. *NORMA: International Journal for Masculinity Studies*. No 9(4). P. 217—231. DOI: 10.1080/18902138.2014.934078.

Connell R., Hearn J., Kimmel M. (2005) Introduction. Kimmel M., Hearn J., Connell R. (eds.) *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 1—12. DOI: 10.4135/9781452233833.n1.

Connell R., Messerschmidt J. (2005) Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept. *Gender & Society*. No 19(6). P. 829—859. DOI: 10.1177/0891243205278639.

Hearn J. (2011) Neglected Intersectionalities in Studying Men: Age/ing, Virtuality, Transnationality. Lutz H., Herrera Vivar M. T., Supik L. (eds.) *Framing Intersectionality: Debates on a Multi-Faceted Concept in Gender Studies*. Farnham, U.K.: Ashgate. P. 89—104.

Hearn J., Collinson D. (2006) Men, Masculinities and Workplace Diversity/Diversion: Power, Intersections and Contradictions. Konrad A., Prasad P., Pringle J. (eds.) *Handbook of Workplace Diversity*. London: Sage. P. 299—322. DOI: 10.4135/9781848608092.n13.

Hearn J., Collinson D. (2018) Men, Masculinities, and Gender Relations. Aldag R. J. (ed.) *Oxford Research Encyclopedia of Business and Management*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190224851.013.55.

Hearn J., Louvrier J. (2015) Theory of Difference, Diversity and Intersectionality: What do They Bring to Diversity Management. Bendl R., Bleijenbergh I., Henttonen E., Mills A. J. (eds.) *The Oxford Handbook of Diversity in Organizations*. — Oxford: Oxford University Press. P. 62—82. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199679805.013.28.

Hochschild A. (2016) *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. N.Y.: The New Press.

Hochschild A., Machung A. (2003) *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*. N.Y.: Viking.

Hodges M., Budig M. (2010) Who Gets the Daddy Bonus? Organizational Hegemonic Masculinity and the Impact of Fatherhood on Earnings. *Gender & Society*. No 24. P. 717—745. DOI: 10.1177/0891243210386729.

Kaufman M. (1994) Men, Feminism, and Men's Contradictory Experiences of Power. Brod H., Kaufman M. (eds.) *Theorizing Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 142—163.

Kimmel M. (1987) The Contemporary "Crisis" of Masculinity in Historical Perspective / Brod H. (ed.) *The Making of Masculinities*. Boston: Alien & Unwin. P. 121—154.

Kimmel M. (2005) Globalization and its Mal(e)contents: The Gendered Moral and Political Economy of Terrorism / Kimmel M., Hearn J., Connell R. (eds.) *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks: Sage. P. 414—431. DOI: 10.4135/9781452233833.n24.

Kimmel M. (2013) *Angry White Men: American Masculinity at the End of an Era*. N.Y.: Nation Books.

Kimmel M., Hearn J., Connell R. (2005) *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Kimmel M., Messner M. (eds) (2009) *Men's Lives*. N.Y.: Macmillan/Maxwell.

Levant R. (1997) The Masculinity Crisis. *Journal of Men's Studies*. No 5(3). P. 221—229. DOI: 10.1177/106082659700500302.

Lykke N. (2010) *Feminist Studies: A Guide to Intersectional Theory, Methodology and Writing*. N.Y.: Routledge.

Messner M. (1997) *Politics of Masculinities: Men in Movements*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Morgan D. (2006) The Crisis in Masculinity. Davis K., Evans M., Lorber J. (eds.) *Handbook of Gender and Women's Studies*. London: Sage. P. 108—125.

Morrell R., Swart S. (2005) Men in the Third World: Postcolonial Perspectives on Masculinity. Kimmel M., Hearn J., Connell R. (eds.) *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 90—113. DOI: 10.4135/9781452233833.n6.

Pearse R., Connell R. (2016) Gender Norms and the Economy: Insights from Social Research. *Feminist Economics*. No 22(1). P. 30—53. DOI: 10.1080/13545701.2015.1078485.

Pleck J. (1987) *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: MIT Press.

Scourfield J., Drakeford M. (2002) New Labour and the “Problem of Men”. *Critical Social Policy*. No 22(4). P. 619—640. DOI: 10.1177/02610183020220040401.

Yuval-Davis N. (2006) Intersectionality and Feminist Politics. *European Journal of Women’s Studies*. No 13(3). P. 193—210. DOI: 10.1177/1350506806065752.

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.04

Правильная ссылка на статью:

Оберемко О. А., Терентьева Н. Н. Фокусированное интервью по Роберту Мертону: особенности и критерии эффективности метода // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 74—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.04>.

For citation:

Oberemko O. A., Terenteva N. N. (2018) Focused interview according to Robert Merton: features and criteria of quality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 74—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.04>.

О. А. Оберемко, Н. Н. Терентьева ФОКУСИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ ПО РОБЕРТУ МЕРТОНУ: ОСОБЕННОСТИ И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДА

ФОКУСИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ ПО РОБЕРТУ МЕРТОНУ: ОСОБЕННОСТИ И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДА

FOCUSED INTERVIEW ACCORDING TO ROBERT MERTON: FEATURES AND CRITERIA OF QUALITY

ОБЕРЕМКО Олег Алексеевич — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ooberemko@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7967-2533>

Oleg A. OBEREMKO¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: ooberemko@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7967-2533>

ТЕРЕНТЬЕВА Наталья Николаевна — аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; аналитик, ВЦИОМ, Москва, Россия
E-MAIL: terentyeva_n@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0001-6115-2428>

Natalia N. TERENCEVA^{2,3} — post-graduate student; analyst
E-MAIL: terentyeva_n@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0001-6115-2428>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ WCIOM, Moscow, Russia

Аннотация. Метод фокус-групп получил широкое распространение в социальных исследованиях. ФГ и похожими терминами называют семейство техник сбора качественных данных посредством группового обсуждения заранее определенной темы под руководством модератора. В то же время эти техники зачастую фокусируются на разных предметах: как минимум, исследователя могут интересовать социальные представления (вокабуляр описания и его структура), как о фактически произошедшем (что было и есть), так и о возможном (что будет, что делать, как должно быть); как готовые представления, так и вырабатываемые в ходе групповой динамики; как представления о конкретной предметной ситуации, так и абстрактные, имеющие понятийную природу и т. п. Все эти и другие особенности фокусировки по идее должны отражаться в инструкциях по организации сбора данных и критериях качества планируемого продукта. Однако, на наш взгляд, в обильном корпусе источников о методе фокус-групп особенности разных фокусировок даются больше в описательном ключе, без строгой и систематической операционализации в критерии качества собираемых данных. Единственным исключением видятся нами пионерные работы Роберта Мертон с коллегами о (групповом) фокусированном интервью).

Цель статьи — сделать реконструкцию особенностей метода фокусированного интервью и критериев оценки качества его результатов, чтобы обеспечить возможность для дальнейших систематических сравнений различных внешне сходных техник и систематизации критериев оценки качества

Abstract. The method of focus groups (FG) has become widespread in social studies. FG and similar terms denote a family of techniques for collecting qualitative data through a group discussion of a predetermined topic directed by a moderator. At the same time, these techniques often focus on different matters: researchers may be interested in social representations (the vocabulary of the transcripts and its structure), both about what actually (has) happened, and about the possible (what will happen, what's to be done, how it should be); both ready-made representations and those developed in the course of group dynamics; representations both about a concrete real situation, and about an abstract one, etc. All these features should be reflected both in the instructions how to organize the data collection and in the criteria of quality of the issue. However, as we are able to see it, most methodological writings on FG prefer to take these features descriptively, with no strict and systematic operationalization into the quality criteria of the data being collected. The only exception is the pioneering writings by Robert Merton and his colleagues about a (group) focused interview (FI).

The purpose of the article is to reconstruct the features of the FI method and the criteria for assessing the quality of its results in order to provide an opportunity for further systematic comparisons of various outwardly similar techniques and systematization of criteria for assessing the quality of their results. The article is devoted to a focused interview in the classic concept of Robert Merton. The specifics of a focused interview are analyzed in detail. We consider four key

их результатов. В статье разобрана классическая концепция фокусированного интервью Роберта Мертон: раскрыты отличия от других исследовательских интервью; проинтерпретированы критерии эффективности фокусированного интервью (полнота, специфичность, глубина, представленность личностного контекста), предложена их группировка по двум основаниям: качество отражения стимула (полнота, специфичность) и качество отражения образа стимула: (глубина, личностный контекст). В процессе организации фокусированного интервью предложено выделять (1) фазу организации определения ситуации (стимула) и (2) фазу организации сообщения о результатах определения ситуации; в первой фазе поощряется фокусирование на (едином для всех) стимуле, во второй фазе — разнообразии (расфокусирование) специфических вербальных реакций на стимул. В содержании ФИ (в транскриптах) предложено различать три плана описания: объективную ситуацию, субъективное определение ситуации, реакции на объективную ситуацию в соответствии с ее субъективным определением. К особенностям фокусированного интервью отнесены: (1) узость — обсуждается предельно конкретный стимул, (2) ограниченность — фокусированное интервью неприменимо для обсуждения объектов, не входящих в разделяемый всеми участниками опыт, (3) ретроспективность — ориентированность на первое восприятие предъявленного стимула, а не на позднейшие результаты его осмысления.

criteria for the effectiveness of a focused interview (completeness, specificity, depth, personal context), an attempt is made to group the criterion on two grounds. The first basis is the "quality of stimulus reflection", which includes such characteristics as completeness, specificity. The second basis is the "quality of the reflection of the stimulus image," which includes the following characteristics in Robert Merton's concept: depth, personal context.

In a holistic process of focused interview, it is advisable to distinguish two phases: the phase of the organization of perception of the stimulus (situation) and the phase of reporting the results of the perception of the situation.

In the phase of the organization of perception (the same) situation (the same referent), focusing (directionality) is encouraged, whereas in the phase of communicating response reactions to a single (objectively identical) stimulus, the defocusing is fundamentally encouraged for all stimuli.

The author conclude that in analyzing the data of a focused interview, three components are distinguished: an objective situation, a subjective definition of the situation, reactions to the objective situation in accordance with its subjective definition.

The author conclude that the "focused interview" method, with all visible pluses, has a number of limitations: (1) narrowness, in a focused interview, the most specific and specified stimulus is discussed, (2) the method is limited, a focused interview in the Mertonian sense is not applicable when discussion

of topics that are not and cannot be the subject of a common, shared by all experience, (3) time constraints — the incentive can be forgotten, revised due to the passage of a large amount of time from the moment of its impact to the moment of its discussion.

Ключевые слова: фокусированное интервью, Роберт Мертон, определение ситуации, критерии эффективности фокусированного интервью

Keywords: focused interview, Robert Merton, definition of situation, effectiveness criteria of the focused interview

Метод фокус-групп (focus group, далее — ФГ) получил широкое распространение в социальных исследованиях. ФГ и похожими терминами называют семейство техник сбора качественных данных посредством группового обсуждения заранее определенной темы под руководством модератора. В то же время эти техники зачастую фокусируются на разных предметах: как минимум, исследователя могут интересовать социальные представления (вокабуляр описания и его структура) как о фактически произошедшем (что было и есть), так и о возможном (что будет, что делать, как должно быть); как готовые представления, с которыми приходят участники, так и вырабатываемые в ходе групповой динамики; как представления о конкретной предметной ситуации, так и абстрактные, имеющие понятийную природу и т. п. Все эти и другие особенности фокусировки должны отражаться в инструкциях по организации сбора данных и критериях качества планируемого продукта. Однако, на наш взгляд, в обильном корпусе источников о методе ФГ особенности разных фокусировок даются больше в описательном ключе, без строгой и систематической операционализации в критерии качества собираемых данных. Единственным исключением видятся нами пионерные работы Роберта Мертона с коллегами о (групповом) фокусированном интервью (ФИ).

Цель статьи — по пионерным работам Роберта Мертона с коллегами [Merton, Kendall, 1946; Merton, Fiske, Kendall, 1956] выявить особенности метода группового фокусированного интервью (далее — ФИ) и критериев оценки его качества, чтобы в дальнейшем выработать категории для сравнения внешне сходных техник, получивших широкое распространение в современной исследовательской практике под зонтичным названием *фокус-группа*.

Вопросы генезиса, сходств и отличий метода ФГ от метода ФИ уже затрагивались в литературе (см. [Merton, 1987; Templeton, 1987; Carpini, Williams, 1994; Белановский, 1996: 27—35; Крюгер, Кейси, 2003: 27—30] и др.), но все еще требуют самостоятельного историко-социологического исследования. Сам Р. Мертон через 40 лет после изобретения метода в докладе на тему «Как мы перебрались из «фокусированных интервью» к «фокус-группам»?» «между фокусированным интервью и текущей практикой фокус-групп» скромно усматривал «одновременно моменты и преемственности, и разрывов», причем преемственность «скорее интел-

лектуальную... чем явно признанную историческую» [Merton, 1987: 558]. [Крюгер, Кейси, 2003: 28]). Р. Крюгер, корифей метода ФГ нашел возможным отождествить ФГ и ФИ. Ранее О. М. Маслова употребляла термины «групповое фокусированное интервью» и «фокус-группы» как синонимы [Маслова, 1995: 7]. С. А. Белановский синонимически использует метод «глубокого группового интервью» и «фокус-групп» [Белановский, 1996: 5, 27]. Согласно Е. В. Дмитриевой, один и тот же метод может называться и «фокус-группой», и «фокусированным интервью в группе», и «групповой дискуссией», и «глубинным групповым интервью» [Дмитриева, 1998: 12].

Многообразие названий объясняется тем, что «применение фокус-групп с момента их введения в социологию проходило под влиянием различных теоретических направлений» [Мельникова, 2007: 40, 53—64 и далее; Дмитриева, 1998: 12], разных академических дисциплин — психологии, социальной психологии, социологии [Белановский, 1996: 27—28; Bogart, 1984: 82 (см. [Merton, 1987: 560]); Merton, 1987: 552—561], и даже сфер деятельности — науки, коммерции, некоммерческого и общественного сектора [Крюгер, Кейси, 2003: 29—30, 189—203]. Отсюда понимание встречает вывод: «Современное определение «фокус-группа» отличается от первоначального, предложенного Р. Мертоном. [...] По его мнению, использование этого инструментария в тот период существенно отличалось от его современной интерпретации» [Дмитриева, 1998: 12]. Тот же Дж. Л. Морган (с соавтором) называл ФГ «относительно новым исследовательским инструментом» (то есть преемственности с ранними публикациями Р. Мертона не усматривал) [Morgan, Spanish, 1984: 253] (цит. по [Merton, 1987: 564]), а позднее даже утверждал, что «со времен Мертона фокус-группы изменили свое предназначение: из метода социологических исследований они превратились в метод, который служит потребностям компаний» [Крюгер, Кейси, 2003: 29].

За многообразием терминов, теоретических и дисциплинарных истоков, способов сбора и использования данных и т. п. логично ожидать различий и в определении ключевого вопроса для технических характеристик любого метода (в том числе любой разновидности ФГ): какую область *социальной реальности* [Бергер, Лукман, 1995] предполагается (ре)конструировать, или, более операционально, *какие планы описания* вовлекаются в (ре)конструирование предмета исследования. Этот вопрос применительно к ФИ является ключевым для настоящей статьи. Ответ на него позволит проводить систематические сравнения разновидностей техник, обозначаемых общим термином «фокус-группа».

Специфика группового фокусированного интервью (ФИ)

В 1941 г. Р. Мертон и П. Лазарсфельд работали в исследовательском подразделении армии США, в задачи которого входило выявление реакций солдат на учебные и пропагандистские фильмы. Там и был разработан ряд процедур, получивший известность как фокусированное интервью [Merton, 1987: 553]. ФИ использовалось для уточнения результатов проведенных экспериментов на восприятие сложных стимулов [Carpini, 1994: 57—58]. На материале этих работ в 1946 г. была опубликована статья [Merton, Kendall, 1946], а через десять лет — книга под тем же заголовком: «The Focused Interview» [Merton, Fiske, Kendall, 1956]; на русский язык книга была переведена только в 1991 г. [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991].

Р. Мертон с коллегами выделяет четыре отличительные особенности ФИ в сравнении с другими видами исследовательского интервью.

1. Для фокусированного интервью отбираются только участники или свидетели некоторой конкретной ситуации: «они просмотрели кинофильм, прослушали радиопрограмму, прочитали памфлет, статью или книгу, принимали участие в психологическом эксперименте или в неконтролируемой, но наблюдаемой социальной ситуации (например, в политическом митинге, каком-либо ритуале или мятеже)» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 13]. Важно, чтобы у всех участников ФИ был опыт воздействия одного и того же стимула, на котором обсуждение и *фокусируется*; отсюда и название — фокусированное интервью. Технически *фокусированность разговора на стимуле* обеспечивает модератор.

2. Предварительное знание морфологии конкретного стимула позволяет заранее выдвигать гипотезы о том, какие характеристики ситуации окажутся важными для ее определения, и разработать гайд ФИ, чтобы фокусировать внимание на тех аспектах стимульной ситуации, которые требуют прояснения: «Вопросник содержит перечисление тех аспектов ситуации, рассмотрение которых, как предполагается, обеспечит получение значимых реакций. Для каждого из этих аспектов разрабатывается проблемная серия вопросов. Предполагается, что при помощи этих вопросов будет получена информация, показывающая, имели ли на самом деле место эти (или другие) реакции» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 27—28]¹. Очевидно, что одно предварительное знание о стимуле не дает гарантий на то, что в гайде ФИ будут предусмотрены все важные аспекты определения ситуации: «Понятно, что такое предварительное знание достигает оптимума в случае экспериментально смоделированной ситуации, но оно может быть достигнуто и в случае неконтролируемой, но наблюдаемой ситуации» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 13].

3. «Интервью фокусируется на субъективных переживаниях лиц по поводу заранее проанализированной ситуации в попытке получить от респондентов их определение этой ситуации» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 13]. Тут может возникнуть вопрос к авторам: на чем фокусируется интервью — на стимульной ситуации или субъективных переживаниях? Ложный парадокс возникает из-за составного значения слова «интервью». Интервью как инструмент фокусирует внимание участников на стимуле, интервью как цель позволяет исследователю фокусироваться на выявлении максимально широкого спектра **вербальных реакций** — категорий, образов, ассоциаций, — которые возникли у участников в конкретной стимульной ситуации. Фокусированное интервью с несколькими испытуемыми, каждый из которых говорит исключительно о собственных впечатлениях от конкретного стимула, нацелено на получение максимального разнообразия **реакций на этот конкретный стимул**.

4. Единство стимула обеспечивает исследователю базу для сопоставления (нормирования) всех содержащих определение ситуации категорий, образов, ассоциаций. В отличие от других видов исследовательского интервью (где интервьюеру заранее неизвестно ни полное содержание беседы, ни категориальный аппарат

¹ Поскольку бумажная книга стала библиографической редкостью (ее нет даже в каталогах РГБ), страницы указаны по доступной в Рунете копии в формате pdf, URL: <http://socioline.ru/pages/rmerton-mfiske-pkendall-fokusirovannoe-intervyu> (дата обращения: 28.10.2018).

собеседника, ни объективные (интерсубъективные) характеристики лично пережитых собеседником значимых ситуаций), в этом случае интервьюеру-модератору не нужно тратить время на поиск точек общего для всех участников опыта, чтобы систематически соотносить, *созмерять* слова, сказанные разными участниками. Этот общий опыт сосредоточен в конкретном стимуле.

5. Предмет интереса ФИ — реакции участников на саму стимульную ситуацию. Модератору разрешено занимать активную позицию: апеллировать к опыту участников, воспроизводить в их памяти стимул посредством ретроспекции и даже повторно предъявлять сам стимул. В ФИ ретроспекция выступает инструментом, при помощи которого модератор поощряет участников припоминать **первоначальный опыт от воздействия стимульной ситуации**, а не воспроизводить «наслоившиеся» поздние впечатления. Как отмечают авторы, «Без стимулирования ретроспекции интервьюируемые могут сообщать о реакциях, не связанных со стимулом, или о поверхностных реакциях, или являющихся реакциями на ситуацию интервью, а не на первоначальный опыт» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 26]. То есть без стимулирования ретроспекции возникает риск обращения к информации, которая вспоминается первой; речь идет о риске «экономии мыслительных усилий», когда респонденты не ищут в памяти всю подходящую для ответа на вопрос информацию, а найдя *достаточную информацию для формирования суждения*, сразу прекращают поиск [Садмен, Брэдберн, Шварц, 2003: 77—78].

Представляется, что именно эти пять особенностей позволяют отличить ФИ от других методов исследовательского интервью. Их можно свести к двум базовым идеям: (1) идея единства опыта участников предстоящего разговора; (2) идея заблаговременной известности стимула, позволяющей аналитику предвидеть ход беседы.

Фокусированное интервью: решаемые задачи

Р. Мертон и коллеги целью фокусированного интервью видели «получение как можно более полного сообщения о том, что представляла собой конкретная ситуация» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 19]. Авторы выделили четыре ключевые задачи, связанные с встраиванием ФИ в экспериментальные планы.

1. Определить стимулы, повлиявшие на наблюдаемые реакции, т. е. определить, «какой X или какие части X в общей стимульной ситуации привели к наблюдаемому эффекту» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 14].

2—3. Истолковать расхождения между ожидаемыми и наблюдаемыми результатами воздействия, которые могут противоречить теориям, построенным на данных предыдущих исследований или с опорой на здравый смысл, а также **расхождения между преобладающими результатами воздействия стимула и специфическими, отклоняющимися от «нормы» результатами**, полученными в отдельных подгруппах; например, при истолковании случаев, когда (радикальная или лояльная) пропаганда дает обратный эффект [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 15].

4. Истолковать процессы, происходящие в экспериментальных ситуациях: объяснить реакции испытуемых на конкретную стимульную ситуацию посредством выявления того, как стимульная ситуация определяется участниками и какие

смыслы элементов ситуации выступают в качестве стимулов к наблюдаемым реакциям [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 15—16].

Полезность ФИ авторы продемонстрировали на примере естественного эксперимента Г. Госнелла по стимулированию голосования [Gosnell, 1927]. В 12 районах Чикаго были выделены сходные по своим социальным характеристикам экспериментальные и контрольные группы жителей. Накануне дня выборов членам экспериментальных групп были разосланы персональные приглашения зарегистрироваться на избирательном участке и проголосовать. Сравнение результатов с контрольными группами, которые подобных сообщений не получили, показало более высокую долю голосовавших в экспериментальных группах. Возникает вопрос: что именно оказало влияние: «беспристрастный характер проспекта, ясные инструкции, которые он содержал, особые символы и обращения, использованные в тексте, или что-то еще?» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 14]. Проведение ФИ, по мнению авторов, позволило бы выявить те характеристики стимула, которые обусловили разницу в поведении избирателей из экспериментальной и контрольной групп. Авторы тем самым предлагают сократить затраты на предварительные эксперименты, а с помощью опросной процедуры из множества возможных переменных выделять для экспериментальной проверки лишь те из них, на которые укажут участниками ФИ.

Далее авторы указывают, что Г. Госнелл «интервьюировал жителей разных районов, получивших проспекты. Однако он не сфокусировал интервью таким образом, чтобы иметь возможность определить существенные фазы общей стимульной модели», тогда как «правильно сориентированные фокусированные интервью позволили бы ему определить точки «интереса», слабые места проспектов и различия в реакции разных типов горожан» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 85]. Следовательно, только *правильно фокусированное интервью посредством «правильно» составленных вопросов* помогает истолковать результаты экспериментального воздействия.

В целом речь идет о рутинном встраивании ФИ в (квази)экспериментальные планы для ответов на общий вопрос: как испытуемые определяют экспериментальную ситуацию? Ответ на него с помощью ФИ освобождает исследователя от измышления гипотез: «не имея дополнительных интервью, сфокусированных на проблеме реакций в отклоняющихся группах, исследователь оказался [бы] вовлеченным в генерирование собственных предположений вместо того, чтобы получить экспериментально подтвержденные выводы на основе сообщений, интервьюируемых о действительном опыте» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 15].

Здесь, конечно, возникают сомнения, могут ли самоотчеты участников ФИ удостоверить действительную причину (cause) их поведения, если причины поведения необязательно осознаются. Например, как удостоверить, что причиной поведения стал факт получения агитационного материала? Что этот факт не стал лишь *объяснением* (reason) поведения?² Однако авторы на протяжении всей книги, похоже, с причинами (causes) отождествляют подобные объяснения (reasons), т. е. *субъективные определения ситуации*.

² О рисках подобного отождествления см.: [Davidson, 1963; Reasons... 2013].

Критерии эффективности. Ненаправленность ФИ

По результатам анализа множества интервью, взятых разными модераторами, авторы выделили четыре критерия для оценки эффективности проведенного ФИ:

«1. Полнота. Интервью должно давать возможность респондентам наиболее полно освещать различные стороны стимульной ситуации и свои реакции на нее.

2. Специфичность. В интервью должны быть получены точные сообщения об аспектах стимульной ситуации, которые вызвали определенные реакции интервьюируемых.

3. Глубина. Интервью должно помочь интервьюируемым описать эмоциональный, когнитивный и ценностный смысл ситуации и степень своей включенности в нее.

4. Личностный контекст. Интервью должно выявлять характерные черты и предшествующий опыт интервьюируемых, которые наполняют ситуацию конкретным смыслом» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 16].

Первые два критерия относятся к отражению в словах участников *значимых* элементов стимульной ситуации (референта), вторые два критерия — к отражению личностных смыслов (концепта), актуализированных отдельными элементами стимула и стимулом в целом. Эти операциональные критерии предложены для классификации фрагментов речи участников, которые «могут быть широкими или узко ограниченными; очень конкретными или общими и расплывчатыми; глубоко личными и поверхностными; указывающими на личностный контекст ответа или совершенно не связанными со статусом, ценностями и прошлым опытом индивида» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 16].

Залогом соответствия ФИ перечисленным критериям качества (успешности) служит его **ненаправленность**, или неструктурированность, которая обеспечивается использованием модератором ненаправленных вопросов. Модератору следует поддерживать спонтанность порождения разговора участниками, чтобы они самостоятельно определяли, какие аспекты стимульной ситуации для них важны, и говорили лишь о том, что вызвало у них сильный отклик. Ненаправленные вопросы дают испытуемому возможность: «(1) свободно высказаться по важнейшим для него проблемам, а не по тем вопросам, которые кажутся самыми важными интервьюеру» (раскрыть, «что думает сам интервьюируемый, а не то, каково его мнение о том, что думает интервьюер»), (2) «зафиксировать ответ в надлежащем контексте, а не загонять его в рамки, заранее придуманные интервьюером», (3) высказываться «более членораздельно и выразительно, чем в направленном интервью»³. Испытуемый принимает роль активного участника разговора: обосновывает свою позицию, дает более пространные ответы, чем при направленных вопросах, будучи не ограниченным рамками ожиданий давать буквальный ответ на заданный вопрос. Это, в свою очередь, порождает спонтанность высказываний, содержащих такие понятия и измерения, которые могут вообще не проявиться в узких рамках направленных вопросов.

Направленные, или закрытые, вопросы смещают коммуникацию к концептам, значимым для вопрошающего:

³ Р. Мертон с коллегами ссылается на К. Роджерса, который, в свою очередь, ссылаясь на Е. Портера, утверждает, что в десяти направленных интервью интервьюер говорил в три раза больше, чем интервьюируемый, тогда как в девяти ненаправленных интервью — вдвое меньше [Rogers, 1942: 122].

«Направленность в интервьюировании в значительной степени несовместима с получением непредвиденных ответов. При использовании направленных методов редко можно получить личные определения стимульной ситуации. По своей природе прямые вопросы подразумевают наличие структуризации. Прямые вопросы, даже если они не являются «наводящими», заставляют субъекта сфокусировать внимание на тех пунктах, на которых он, возможно, не остановился бы по собственной инициативе» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 17].

Указание на несовместимость направленности вопросов с получением от участников непредвиденных социологом субъективных ответов подчеркивает закрытость направленного вопрошания, когда получаешь ровно то, что сам же положил.

Следовательно, ненаправленность (неструктурированность) ФИ — принципиально важная характеристика, поскольку ФИ нацелено на порождение высказываний, отражающих, выявляющих субъективно важные для участника аспекты «объективной» ситуации на его языке. Исследователь ожидает, что испытуемый, с одной стороны, инициативно отразит важнейшие для себя аспекты **объективной** ситуации в терминах важнейших же **субъективных** категорий:

«Неструктурированные вопросы формулируются таким образом, что побуждают субъектов обращаться практически к любому аспекту стимульной ситуации или освещать любой из множества вопросов. Отвечая на вопрос такого типа, индивид как бы дает знать о том, какие из сторон рассматриваемой ситуации для него более значимы» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 17].

Испытуемый сам выделяет ключевые раздражители в стимульной ситуации, и исследователю остается проанализировать, насколько данный раздражитель типичен для других участников ФИ.

Выделяемые авторами типы структурированных вопросов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Типы структурированных вопросов*

Тип вопроса	Критерии	Пример
Неструктурированный	Свободный и по стимулу, и по ответу	«Что произвело на Вас наибольшее впечатление в фильме?»
Полуструктурированный	Структурированный по ответу и свободный по стимулу; Структурированный по стимулу и свободный по ответу	а) «Что Вы узнали из этого памфлета, чего не знали раньше?» б) «Каковы Ваши ощущения по поводу той части, где рассказывается об увольнении Джо из армии как психоневротика?»
Структурированный	Структурированный и по стимулу, и по ответу	«Когда Вы слушали речь Чемберлена, Вы воспринимали ее как пропагандистскую или информационную?»

* Таблица построена на основе конкретных примеров из [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 18].

Так, при ответе на **неструктурированный** вопрос («Что произвело на Вас наибольшее впечатление в фильме?») испытуемый самостоятельно определяет (а) ту часть стимульной ситуации (фильма) и (б) те ее аспекты, которые вызывали у него наибольший интерес, отклик. Неструктурированность выражается в полной свободе выбора участником любого фрагмента и аспекта стимульной ситуации. С таких вопросов начинают разговор или тему.

Полуструктурированные вопросы задаются для уточнения. Если представить, что гайд ФИ строится в форме воронки — от общего к частному, то вопросы этого типа служат для сужения воронки — для проверки частных гипотез. Авторы различают два подтипа полуструктурированных вопросов. Во-первых, вопрос, структурированный по ответу и свободный по стимулу; например, от ответа на вопрос «Что Вы узнали из этого памфлета, чего не знали раньше?» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 18] ожидается, что участник ограничится разговором только о новой информации, однако у него остается полная свобода говорить о любых аспектах стимула, в данном случае о любой части памфлета. Во-вторых, вопрос, структурированный по стимулу и свободный по ответу; например, вопрос «Каковы Ваши ощущения по поводу той части, где рассказывается об увольнении Джо из армии как психоневротика?» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 18] ограничивает испытуемого конкретной частью стимула, но абсолютно не ограничивает в определении характера своего ответа — о чем и что именно говорить.

Структурированным вопросом проясняют позицию испытуемого по конкретным аспектам стимула. Испытуемому четко задается и стимул, и область ответа (все возможные ходы уже размечены аналитиком), интервьюер почти полностью контролирует ход интервью. Мертон с соавторами приводят следующие примеры: «Исходя из того, что Вы увидели в фильме, как Вы считаете, была ли немецкая военная техника лучше, на том же уровне или слабее американской техники?» или «Когда Вы слушали речь Чемберлена, Вы воспринимали ее как пропагандистскую или информационную?» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 18]. Вопросы данного типа условно можно отнести к уточняющим, конкретизирующим, когда важно зафиксировать четкий ответ испытуемого, понять его позицию.

Не/структурированность вопроса по Р. Мертону напоминает деление на открытые и закрытые вопросы. Учитывая, что участники ФИ могут инициативно расширять рамки свободы самовыражения и творчески подходить к структурированию области своих ответов, в анализе транскриптов может пригодиться идея о том, что правильнее говорить об открытых и закрытых ответах, а не об открытых и закрытых вопросах [Рогозин, 2001; Sudman, Bradburn, 1982: 149—152; Schuman, Presser, 1979; Шуман, Прессер, 1982].

В мертоновской концепции структурированности вопроса, как и в концепции о критериях эффективности ФИ, мы видим выделение двух аспектов разговора как двуединого эмпирического объекта исследования методом ФИ: один аспект связан со стимулом — с объективной (в смысле независимой от индивидуального сознания) реальностью, второй аспект — с категориями, в которых объективная реальность субъективно осмысливается.

Итак, активное использование (не)структурированных вопросов позволяет достичь глубины, специфичности, полноты и личностного контекста в ответах — всех

четырёх критериев качества ФИ (см. табл. 2). Ясно, что оценка ФИ по предложенным критериям осуществляется по транскриптам, в которых под каждый критерий находятся специфические маркеры.

Таблица 2. **Критерии эффективности фокусированного интервью**

Критерий	Характеристика критерия	Маркеры в интервью
Определение ситуации (стимула)		
1) Полнота	Возможность испытуемым «наиболее полно освещать различные стороны стимульной ситуации и свои реакции на нее».	Типы реакций, предвиденные априорным анализом ситуации; типы реакций на ситуацию, непредвиденные в ходе априорного анализа.
2) Специфичность	Точные указания на аспекты стимульной ситуации, которые вызвали определенные реакции испытуемого.	Указание на: элементы ситуации, вызвавшие реакцию; отношение к стимульной ситуации; связь между стимульной ситуацией и определенной реакцией.
Отражение определения ситуации (стимула)		
3) Глубина	Описание эмоционального, когнитивного, ценностного смысла ситуации и степени своей включенности в нее.	Указание на: степень отчужденности или личностной включенности в стимульную ситуацию; эмоциональное значение конкретного опыта.
4) Личностный контекст	Персонификация: характерные черты, предшествующий опыт испытуемых, которые наполняют ситуацию конкретным смыслом.	Раскрытие прошлого опыта и социальных ролей испытуемого.

Очевидно, что предложенные маркеры годятся для сравнительной оценки нескольких ФИ. Абсолютная оценка отдельного ФИ (скажем, по критерию полноты) требует эталонного *ante hoc* анализа стимульной ситуации; но в эмпирических науках достижение эталона невозможно. То же относится и к остальным критериям.

Выводы: еще раз о специфике группового фокусированного интервью

Понятие ненаправленности (неструктурированности) вопроса нужно признать центральным в концепции ФИ, поскольку именно с ним связывается качество проведения ФИ. Внимание испытуемых фокусируется стимульной ситуацией, переживание которой входит в общий для всех испытуемых опыт. Тогда как ответы испытуемых жестко не фокусируются, а, напротив, поощряются свободные субъективные — индивидуально-специфичные — ассоциации. Но ведь специфичные ассоциации поощряются строго в рамках обговоренного еще на стадии рекрута предмета и цели обсуждения, в пространстве спроектированных в гайде вопросов. Кроме того, диапазон специфичности ассоциаций сужается в соответствии с тем, что Г. П. Грайс назвал принципом кооперации, который в обычной вопросно-ответной коммуникации более или менее реализуется в соблюдении четырех взаимных ожиданий: говорить, сколько нужно; не врать; говорить по делу; говорить понятно [Грайс, 1985; Grice, 1975].

И если в ходе индивидуального ФИ у участника может возникнуть соблазн разделить с интервьюером (погрузить его в) «океан своей субъективности», то в ходе

группового ФИ, т. е. в ситуации публичной беседы, скорее следует ожидать, что участники будут делиться более «социализированными», интерсубъективными ассоциациями. Так расколдовывается фраза: «фокусный характер опыта приводит к максимальному получению релевантной информации методами ненаправленного интервью» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 17].

Мы видим, что в целостном процессе ФИ (и деятельности модератора) целесообразно выделить две фазы: фазу организации определения ситуации и фазу сообщения о реакциях на определение ситуации. В фазе организации восприятия единого для всех стимула поощряется фокусирование (направленность), тогда как в фазе сообщения ответов-реакций на единый для всех стимул принципиально поощряется расфокусирование, которое (по-видимому, во избежание терминологической путаницы) называется авторами ненаправленностью.

Соответственно, в речи испытуемых (в транскриптах) нужно различать план определения ситуации и план реакций на него. Из четырех критериев эффективности ФИ первые два — полнота и специфичность — относятся к плану определения ситуации, вторые два — глубина и личностный контекст — к плану реакций на определение ситуации. К этим двум, естественно, добавляется и план *отстраненного* описания объективной стимульной ситуации:

«Вооруженный [заблаговременным] анализом ситуации интервьюер без труда отличает ее объективные характеристики от субъективных определений. Он, таким образом, готов к селективному слушанию. Благодаря знакомству с объективной ситуацией, интервьюер лучше подготовлен к тому, чтобы распознать символическое или функциональное молчание, искажение, умолчание или блокировки и, соответственно, лучше подготовлен к восприятию их смысла. Предварительный анализ помогает обнаружить и исследовать логику, символику и сферы напряженности каждого респондента. Он помогает также оценить на каждой последовательной стадии интервью важность того, что не было сказано, в той же степени, как и того, что было сказано» [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991: 13].

Как видим, конструкция мертоновской ФИ обосновывает способность исследователя отличать объективные характеристики ситуации от ее специфических, например, обусловленных групповыми или индивидуальными особенностями определений, выражающихся в искажениях и даже умолчаниях.

Таким образом, по авторскому замыслу, запланированность стимульной ситуации обеспечивает интервьюеру готовность выполнять внешне противоречивую роль: не направленно, но активно вести интервью для получения данных высокого качества в трех планах описания: объективной ситуации, субъективном определении ситуации и реакций на субъективные определения объективную ситуацию. Эти три плана описания, собственно, и составляют *структуру реальности ФИ* (см. табл. 3).

Таблица 3. Структура реконструируемой реальности, или планы описания в ФИ

Объективная ситуация (стимул)
Субъективное определение ситуации (стимула)
Реакции на субъективное определение объективной ситуации (стимула)

Мы предлагаем для систематического сравнения различных техник, называемых зонтичным термином «фокус-группа», брать за основу структуру реальности, которая реконструируется этими техниками.

По выявленной структуре реальности ФИ мы видим, что эта техника обладает рядом ограничений, которые трудно отнести к явным недостаткам. Укажем на три из них.

Во-первых, мертоновское ФИ совершенно не предназначено для моделирования (учета или изучения) групповой динамики, как на то претендуют многие разновидности фокус-групп. ФИ — это не кино, а одна моментальная фотография с тщательно выверенной экспозицией. Предмет (реальность) ФИ — субъективное определение заданной ситуации и первоначальные реакции на него. Если здесь и есть элементы динамики, то это возвращение в прошлое — к первоначальным реакциям — посредством ретроспекции; динамика обращена не в будущее, а в прошлое. Стремление сразу получить и фотографию с тщательно выверенной экспозицией, и динамику предполагает надежную защиту от риска получить вместо гибрида химеру. ФИ *натуралистически* претендует на реконструирование реальности, которая уже *есть*, или *была-и-есть*, а не на конструирование реальности *возможного*.

Во-вторых, мертоновское ФИ не предназначено для получения от участников мнений, содержащих прямые ответы на вопрос «что делать?»: как повысить или понизить уровень чего-нибудь, обеспечить или предотвратить наступление некоторого события? (См. [Крюгер, Кейси, 2003: 195—198].) На все подобные вопросы мертоновское ФИ ответы дать может, но для этого самые общие вопросы «что делать?» нужно операционализировать на языке эксперимента — на языке специфической реальности — и привязать к конкретной ситуации.

В-третьих, мертоновское ФИ неприменимо для обсуждения того, что не является общим опытом — для обсуждения реальности личного опыта. Например, ФИ не предназначено для выявления репертуаров определения личных ситуаций, пусть они даже будут типичными. Например, ситуация в семье, на работе, в транспорте и общепите не может служить темой для мертоновского ФИ, если каждый участник способен говорить только о своей семье, своей работе и т. п., а не об общей семье, работе и т. п. Ведь каждый будет говорить о своих особенных стимулах, а не об одном пережитом всеми стимуле, и интервью будет не фокусироваться, а, наоборот, расфокусироваться на индивидуальные опыты каждого участника. Расфокусировка, в свою очередь, лишит исследователя возможности соотносить слова с какой-либо одной конкретной ситуацией, а вызнать у каждого участника его персональную ситуацию за время, отпущенное на групповое ФИ, едва ли получится — понадобятся индивидуальные глубокие интервью. В итоге вместо словесного портрета известной нам конкретной ситуации мы получим коллекцию определений (словесных портретов) разных ситуаций, о которых мы (почти) ничего достоверно не знаем; мы не получим *дискурс*, мы получим слова, оторванные от порождающих их ситуаций. По сравнению с фокусировкой, расфокусировка дает нам доступ к иной реальности: к реальности разговора, инициированного *абстрактным понятием*, а не *конкретной предметной ситуацией*.

Строго говоря, для мертоновского ФИ проблемно и обсуждение реальности медийных персон и ситуаций. Даже если они представляются частью широко раз-

деляемого опыта, ситуация *встречи*⁴ с ними не обеспечивает обычному рекруту на ФГ той натуралистически понимаемой экспертности, которую дает личное участие в событии испытуемым мертоновских ФИ. Пушкин — конечно, «наше все», но Марина Цветаева со знанием дела написала «Мой Пушкин»; Путин, Собянин, «Кока-кола» и иже с преходящим «нашим всем», как *комплексные стимульные ситуации*, — тоже у каждого свои в силу обостренных постмодерным укладом особенностей формирования личного опыта, отмеченных еще в глубоком состоянии модерна (см., например, [Lazarsfeld, Berelson, Gaudet, 1948]).

Список литературы (References)

Бауман З. От паломника к туристу / пер. с англ. О. А. Оберемко // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133—154.

Bauman Z. From Pilgrim to Tourist / Trans. from English by O. A. Oberemko. *Sociological Journal*. 1995. No. 4. P. 133—154. (In Russ.)

Белановский С. А. (1996) Метод фокус-групп. М.: Магистр.

Belanovsky S. A. (1996) Method of focus groups. Moscow: Magister. (In Russ.)

Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. яз. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

Berger P., Luckman T. Construction of Social Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge / Transl. from English by E. D. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995. (In Russ.)

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217—237. URL: <http://kant.narod.ru/grice.htm> (проверено 20.10.2018).

Grice H. P. Logic and Conversation. *News in Linguistics Abroad*. No. XVI: Linguistic Pragmatics. Moscow: Progress, 1985. URL: <http://kant.narod.ru/grice.htm> (accessed: 20.10.2018). P. 217—237. (In Russ.)

Дмитриева Е. В. (1998) Фокус-группы в маркетинге и социологии. М.: Центр.

Dmitrieva E. V. (1998) Focus groups in marketing and sociology. Moscow: Centre. (In Russ.)

Крюгер Р., Кейси М. Э. (2003) Фокус-группы: Практическое руководство / пер. с англ. СПб.; Киев: Вильямс.

Krueger R. A., Casey M. A. (2003) Focus Groups: A Practical Guide for Applied Research. Saint Petersburg; Kyiv: Williams. (In Russ.)

Левинсон А., Стучевская О. (2003) Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 46—55.

Levinson A., Stouchevskaya O. (2003) Focus Groups: Evolution of the Method. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 46—55. (In Russ.)

⁴ Эти встречи сравнимы с тем, что З. Бауман назвал не-встречами (mismatch): «случайными пересечениями без взаимных влияний» [Бауман, 1994: 143].

Маслова О. М. (1995) Количественная и качественная социология: методология и методы (по материалам круглого стола). *Социология 4М*. № 5—6. С. 5—15.

Maslova O. M. (1995) Quantitative and Qualitative Sociology: Methodology and Methods (Proceedings of a Panel Discussion). *Sociology 4M*. No. 5—6. P. 5—15. (In Russ.)

Мельникова О. Т. (2007а) Методики и техники фокус-группового исследования // *Социология 4М*. № 24. С. 7—27.

Melnikova O. T. (2007a) Methods and Techniques of Focus-Group Research. *Sociology 4M*. No. 24. P. 7—27. (In Russ.)

Мельникова О. Т. (2007б) Фокус-группы: Методы, методология, модерирование. М.: Аспект Пресс.

Melnikova O. T. (2007b) Focus-Groups: Methods, Methodology, Moderating. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью / пер. с англ. Т. Н. Федоровской под ред. С. А. Белановского. М.: Институт молодежи, 1991. URL: <http://socioline.ru/pages/rmerton-mfiske-pkendall-fokusirovannoe-intervyu> (дата обращения: 22.07.2018).

Merton R., Fiske M., Kendall P. (1991) The Focused Interview. Trans. from English by T. N. Fedorovsky, ed. by S. A. Belanovsky. Moscow: Youth Institute. URL: <http://socioline.ru/pages/rmerton-mfiske-pkendall-fokusirovannoe-intervyu> (accessed: 22.07.2018). (In Russ.)

Рогозин Д. М. Открытые вопросы в массовых исследованиях // *Социологический журнал*. 2001. № 3. С. 29—70.

Rogozin D. M. (2001) Open Questions in Survey Research. *Sociological Journal*. No. 3. P. 29—70. (In Russ.)

Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы. Применение когнитивного анализа в массовых обследованиях / пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

Sudman S., Bradburn N., Schwarz N. (2003) Thinking about Answers: The Application of Cognitive Processes to Survey Methodology / Transl. from English. Moscow: Institute of Public Opinion Foundation. (In Russ.)

Шуман Г., Прессер С. Открытый и закрытый вопрос / пер. с англ. Г. А. Заикиной // *Социологические исследования*. 1982. № 3. С. 145—156.

Schuman H., Presser S. The Open and Closed Question. *Sotsiologicheskiiye Issledovaniya*. 1982. No. 3. P. 145—156. (In Russ.)

Bogart L. (1984) *Strategy in Advertising*. 2d ed. Chicago: Crain Books.

Carpini D., Williams B. (1994) The Method is the Message: Focus Groups as a Method of Social, Psychological, and Political Inquiry. *Research in Micropolitics: New Directions in Political Psychology* / Ed. M. X. Delli Carpini, L. Huddy, R. Shapiro. Greenwich, CT: JAI Press. Vol. 4. P. 57—85. URL: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1400&context=asc_papers (дата обращения: 21.07.2018).

- Davidson D. (1963) Actions, Reasons, and Causes. *The Journal of Philosophy*. Vol. 60. No. 23. P. 685—700.
- Gosnell H. S. (1927) *Getting Out the Vote: An Experiment in the Stimulation of Voting*. Chicago: University of Chicago Press.
- Grice H. P. *Logic and Conversation. Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*. Ed. by P. Cole, J. Morgan. N.Y.: Academic Press, 1975. P. 41—58.
- Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. (1948) *The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign*. New York: Columbia University Press.
- Merton R., Fiske M., Kendall P. (1956) *The Focused Interview*. Glencoe: Free Press.
- Merton R. K., Kendall P. L. (1946) The Focused Interview. *American Journal of Sociology*. Vol. 51. P. 541—557.
- Merton R. (1987) The Focused Interview and Focus Groups: Continuities and Discontinuities. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 51. No. 4. P. 550—556.
- Morgan D. L., Spanish M. T. (1984) Focus groups: a new tool for qualitative research. *Qualitative Sociology*. Vol. 7. P. 253—270.
- Reasons and Causes: Causalism and Anti-Causalism in the Philosophy of Action*. (2013) Ed. by G. D'Oro, C. Sandis. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Rogers C. R. (1942) *Counseling and Psychotherapy*. New York: Houghton Mifflin Co.
- Schuman H., Presser S. (1979) The Open and Closed Question. *American Sociological Review*. Vol. 44. P. 692—712.
- Sudman S., Bradburn N. M. (1982) *Asking Questions: A Practical Guide to Questionnaire Design*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers.
- Templeton J. (1987) *Focus Groups: A Guide for Marketing and Advertising Professionals*. Chicago: Probus.

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.05

Правильная ссылка на статью:

Алмакаева А. М., Мавлетова А. М. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 91—112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>.

For citation:

Almakaeva A. M., Mavletova A. M. (2018) Modernization process in Russia: Can we expect the shift to emancipative values?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 91—112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>.

А. М. Алмакаева, А. М. Мавлетова МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ: ОЖИДАТЬ ЛИ СДВИГА В СТОРОНУ ЭМАНСИПАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ?

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В
РОССИИ: ОЖИДАТЬ ЛИ СДВИГА В СТО-
РОНУ ЭМАНСИПАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ?

MODERNIZATION PROCESS IN RUSSIA:
CAN WE EXPECT THE SHIFT TO EMANCI-
PATIVE VALUES?

АЛМАКАЕВА Анна Михайловна — канди-
дат социологических наук, Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aalmakaeva@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-2710-1525>

Anna M. ALMAKAEVA¹ — Cand. Sci.
(Soc.), Deputy Head, Laboratory for
Comparative Social Research (LCSR);
Senior Lecturer, Department of Sociology
E-MAIL: aalmakaeva@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-2710-1525>

МАВЛЕТОВА Айгуль Маратовна — канди-
дат социологических наук, Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: amavletova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7407-2072>

Aigul M. MAVLETOVA¹ — Cand. Sci.
(Soc.), Senior Researcher, Laboratory
for Comparative Social Research (LCSR);
Associate Professor, Department of
Sociology
E-MAIL: amavletova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7407-2072>

¹ Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Согласно теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля более молодые когорты, социализировавшиеся в условиях экзистенциальной безопасности, являются основными носителями ценностей постматериализма и главной движущей силой модернизационного процесса. В настоящей статье проверяется справедливость этого тезиса для населения Российской Федерации. Базой для эмпирического исследования служат данные пяти волн Всемирного исследования ценностей, охватывающих период с 1990 по 2017 год. Основным методом выступает анализ «возраст-период-коhortа» (age-period-cohort analysis), позволяющий отделить эффекты возраста, временного периода и коhortа. Авторы используют усовершенствованную методику измерения эмансипативных ценностей, предложенную К. Вельцелем и состоящую из четырех отдельных компонентов: «автономия», «равенство», «выбор» и «голос». Результаты анализа показывают, что молодые когорты в России действительно обладают более высоким уровнем эмансипативных ценностей. Базой для трансформации ценностей являются три компонента из четырех: «автономия», «выбор» и «голос». «Равенство» не подвержено ни возрастным, ни коhortным эффектам.

Ключевые слова: постматериалистические ценности, эмансипативные ценности, когорты, возраст, модернизация, анализ «возраст-период-коhortа», Всемирное исследование ценностей

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: грант № 18-18-00341

Abstract. In their version of modernization theory, R. Inglehart and K. Welzel suggest that younger cohorts socialized under conditions of existential security are the main drivers of post-materialist values and modernization process. In this paper, we test this thesis based on five waves of the World Values Survey fielded in Russia and covering the period from 1990 to 2017. We use age-period-cohort analysis, which disentangles the effects of age, time period and cohorts. We implement a method of measuring emancipative values proposed by K. Welzel. His emancipative values consist of four different indices: «autonomy», «equality», «choice», and «voice». The results show that younger cohorts in Russia do have a higher level of emancipative values as suggested by the theory. The basis for the transformation of values is three indices out of four: «autonomy», «choice», and «voice». «Equality» is the only index that showed neither age nor cohort differences.

Keywords: post-materialist values, emancipative values, cohorts, age, modernization, «age-period-cohort» analysis, World Values Survey

Acknowledgments. This article is supported by the Russian Science Foundation under grant no. 18-18-00341

«Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива».

«Transformation of values and subjective quality of life: A regional perspective».

Данная работа строится на эволюционной теории модернизации Р. Инглхарта и дополняющей ее теории эмансипации К. Вельцеля, рассматривающих становление человеческих обществ как поступательный процесс, состоящий из трех базовых стадий: экономической, культурной (ценностной) и институциональной [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Вельцель, 2017], [Inglehart, 1977], [Inglehart, Baker, 2000]. Послевоенный экономический рост и отсутствие крупных вооруженных конфликтов привели к повышению уровня экзистенциальной¹ безопасности в целом ряде западных стран. Это в свою очередь способствовало развитию постматериалистических ценностей, послуживших толчком для институциональных трансформаций. В отличие от теорий, предполагающих, что в основе модернизационных процессов лежат изменения в институтах, Р. Инглхарт и К. Вельцель указывают на противоположную детерминацию. Ценностный сдвиг приводит, по мнению авторов, к изменению политических установок, к большему запросу на демократические институты, а также к большей вовлеченности людей в политические процессы, что способствует дальнейшей демократизации. Эта теория была валидизирована на обширных межстрановых данных Всемирного исследования ценностей и с применением продвинутых методов статистического анализа [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Вельцель, 2017]. Поэтому модернизацию в данной работе мы будем понимать именно как изменение ценностей от материалистических до постматериалистических.

Базовые ценности трансформируются медленно и постепенно, но их модификация, главным образом, происходит, когда более молодые когорты социализируются и живут в условиях физической и экономической безопасности в течение долгого времени [Inglehart et. al., 2017]. Несмотря на то что базовые ценности россиян, а также их возрастные различия уже не раз описывались в литературе [Магун, Руднев, 2008], [Магун, Руднев, 2010], [Мастикова, 2013], [Магун и др., 2015], [Федотова, 2017], динамике когортных различий практически не уделялось внимания. Более того, на данный момент нет работ, одновременно тестирующих влияние когорты, возраста и временного периода. Следовательно, нет надежных данных, позволяющих отделить эффект жизненного цикла индивида от эффекта социально-исторического периода социализации, который отражают когорты. Однако только такой анализ позволяет адекватно ответить на вопрос, стоит ли ожидать роста постматериалистических ценностей в России.

¹ В своих работах Р. Инглхарт и К. Вельцель не дают четкой и развернутой дефиниции термина «экзистенциальная безопасность». В самом общем виде они определяют ее как гарантированный уровень физического выживания, а при описании, как правило, говорят об отсутствии вооруженных конфликтов, показателях смертности, продолжительности жизни и экономического развития [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Инглхарт, 2018]. Исходя из этого можно сделать вывод, что авторы понимают безопасность в двух основных смыслах: 1. как уровень экономического развития, обеспечивающий выживание; 2. как непосредственную физическую безопасность индивидов. В этих смыслах термин «экзистенциальная безопасность» будет использоваться и в данной работе.

Кроме того, в данном исследовании использована усовершенствованная и более проработанная с теоретической точки зрения методика измерения эмансипативных (постматериалистических) ценностей [Вельцель, 2017], в которой К. Вельцель выделяет четыре компонента: автономию, равенство, выбор и голос. «Автономия» подчеркивает приоритет таких качеств как независимость и воображение, а также меньшую важность послушания при воспитании детей. «Равенство» — равенство между мужчинами и женщинами в сфере образования, политического лидерства и руководства предприятиями. «Выбор» описывает сексуальные, брачные и репродуктивные установки и измеряется через оправдание гомосексуальности, развода и аборта. «Голос» делает акцент на значимости свободы слова, участия граждан в принятии политических решений и необходимости учета мнения жителей на работе и в местных сообществах.

Наряду с общей траекторией трансформации ценностей, такой подход дает возможность определить, за счет каких элементов будут происходить изменения, что позволит точнее оценить накопленный в России модернизационный потенциал. В работе использованы данные пяти волн Всемирного исследования ценностей и анализ «возраст-период-коhortа» (age-period-cohort analysis, apc analysis).

Эволюционная теория модернизации Р. Инглхарта

Классики социологии, включая К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, описывали процессы перехода от традиционного общества к обществу модерна. Они отмечали такие процессы как урбанизация, секуляризация и рационализация («расколдовывание мира»). Р. Инглхарт ввел в предлагаемые ими теории второе измерение. В его концепции наряду с осью «традиционные/секулярно-рациональные ценности» появляется ось «материалистические/постматериалистические ценности», или «ценности выживания ценности самовыражения» [Inglehart, 1997], [Inglehart, Baker, 2000]. Уже начиная с конца 1960-х гг. в некоторых странах было зафиксировано снижение доли людей, придерживающихся материалистических ценностей, и рост числа людей, придерживающихся ценностей свободы и самовыражения [Inglehart, 1977]. Параллельно происходило развитие средств массовой информации и увеличение доступа к высшему образованию. Указанные тенденции привели к интенсификации политической жизни среди обычных граждан, недовольству работой институтов, а также к усилению давления на элиты, что, в свою очередь, способствовало политической мобилизации и демократизации этих стран [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Вельцель, 2017], [Inglehart, 1977], [Inglehart, Baker, 2000].

Р. Инглхарт описывает сущность ценностного сдвига следующим образом. Во-первых, в условиях экономического процветания все больше индивидов из различных возрастных групп начинают ценить свободу выбора, автономию, а также становятся толерантными к представителям аутгрупп, что невозможно при низком уровне жизни и наличии серьезных социально-экономических проблем. Во-вторых, трансформация ценностей — длительный процесс. В основном, ценности отражают условия социализации и взросления, поэтому изменения происходят и за счет смены поколений [Inglehart, 1997]. Действительно, младшие возрастные когорты больше ориентированы на постматериалистические ценности

по сравнению со старшими возрастными когортами [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Инглхарт, 2018], [Inglehart, 1997]. При этом как только удельный вес людей, придерживающихся постматериалистических ценностей, начинает приближаться к критической отметке (set-point), скорость трансформации увеличивается и, как результат, устанавливаются новые нормы, социально желательные установки и поведенческие паттерны [Инглхарт, 2018], [Inglehart et. al., 2017].

Модернизационные процессы в России

Коллапс советской социально-экономической системы в конце 1980-х — начале 1990-х годов привел к резкому снижению уровня экзистенциальной безопасности в России: доходы населения резко сократились, возросло экономическое неравенство, а институты социального обеспечения перестали работать [Карачаровский, Шкаратан, 2018], [Овчарова и др., 2014]. Как следствие вырос уровень смертности и преступности, сильно упала продолжительность жизни, уровень счастья, а также все остальные показатели социального благополучия² [Вишневский, 1999], [Лапин, 2010], [Беляева, 2011], [Foa et al., 2017].

Данные социальные изменения изучались многими российскими учеными. В ряде работ подчеркивалась ключевая роль институтов в развитии общества [Бессонова, 1997], [Заславская, 2004], [Кирдина, 2004], в других статьях — наряду с институтами — указывалось на значимость ценностей и норм россиян [Лебедева, Татарко, 2007], [Ясин, 2007], [Магун, Руднев, 2008], [Горшков, 2010], [Горшков и др., 2010], [Ядов, 2010], [Магун, Руднев, Шмидт, 2015], [Атлас модернизации России и ее регионов, 2016]. Для целей настоящей работы ключевым является именно второй подход. Как уже было отмечено, согласно теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля основным источником ценностей постматериализма являются молодые когорты, социализировавшиеся в условиях экзистенциальной безопасности. Соответственно, главный вопрос, на который нам предстоит ответить, — есть ли в современной России потенциал для таких изменений или страна до сих пор преодолевает последствия социально-экономического упадка 1990-х годов.

Проведенные исследования не дают однозначного ответа. С одной стороны, наличие экономических предпосылки для роста постматериалистических ценностей. Так, начиная с конца 1990-х гг., за исключением кризисного периода 2007—2008 гг., и ВВП, и реальные денежные доходы населения России увеличивались [Овчарова и др., 2014], [Карачаровский, Шкаратан, 2018]. Таким образом, к 2017 году фактически выросло поколение, которое почти не застало кризисные 1990-е годы. С другой — немногочисленные эмпирические свидетельства демонстрируют противоречивые результаты. Так, В. Магун и М. Руднев на базе третьего раунда Европейского социального исследования 2006 г. сравнили ценности молодых (15—23 года) и пожилых россиян (62 года и старше) с ценностями молодых и пожилых европейцев по методике Ш. Шварца. Авторы выявили, что молодые россияне по ценностям «открытости к изменениям» и «самоутверждения» ближе к европейцам, чем к пожилым россиянам [Магун и Руднев, 2010]. При этом ценность «самостоятельность», входящая наряду с ценностями «стимуляция» и «гедонизм» в сектор «открытость

² См. например, открытые данные Всемирного Банка (URL: <https://data.worldbank.org>) и Росстата (URL: <http://www.gks.ru>).

изменениям» в методике Ш. Шварца, пересекается по смысловому содержанию с постматериалистическими ценностями (ценностями самовыражения) в методике Р. Инглхарта [Dobewall, Rudnev, 2014]. В. Федотова на специально собранной выборке размером в 380 респондентов и расширенном варианте методики Ш. Шварца, состоящей из 57 суждений, также зафиксировала, что «самостоятельность» у молодого поколения выражена сильнее. Такая же тенденция была характерна для ценностей стимуляции и универсализма [Федотова, 2017].

Р. Инглхарт, напротив, отмечает отсутствие когортных изменений в России, хотя бывшие коммунистические страны, вступившие в Европейский Союз, показывают явный модернизационный сдвиг в виде роста постматериалистов в молодых когортах [Инглхарт, 2018]. По мнению Инглхарта, периода в 17 лет явно недостаточно для ценностных трансформаций. Россия пережила значительное снижение уровня экзистенциальной безопасности с 1990-х годов и лишь только в начале 2000-х годов российская экономика начала восстанавливаться, а уровень преступности и смертности сократился.

Как же можно объяснить противоречие в результатах исследований? Во-первых, разницей в методиках. При явном сходстве по ряду параметров, существенные различия между методиками все же остаются [Dobewall, Rudnev, 2014]. Во-вторых, имеет место несовершенство подхода Р. Инглхарта к измерению ценностей. В частности, отсутствие четкой концептуализации [Вельцель, 2017]. Действительно, показатели, вошедшие впоследствии в «традиционное/секулярно-рациональное» и «материалистическое/постматериалистическое» измерения были отобраны не с точки зрения теории, а по результатам эмпирического анализа с использованием метода главных компонент [Inglehart, Baker, 2000], [Инглхарт, Вельцель, 2011]. Кроме того, Р. Инглхарт ориентируется на бинарную оппозицию «материалисты/посматериалисты», игнорируя континуальность шкалы и промежуточные варианты [Андреенкова, 1994]. Более проработанная версия методики впоследствии была предложена соавтором и последователем идей Р. Инглхарта К. Вельцелем [Вельцель, 2017]. Наряду с общей оценкой уровня постматериалистических ценностей, предложенная методика позволяет оценить изменения по 4 частным индексам.

В-третьих, ни в одном из упомянутых исследований не тестировались одновременно эффекты временного периода, возраста и когорт, а это очень важное условие. Возраст отражает влияние жизненного цикла индивида, период — социальные и экономические флуктуации, например, экономический кризис, и только когорты в полной мере отражают те общие исторические условия, в которых происходила социализация индивидов [Ибрагимова, 2014].

Наконец, в-четвертых, ни одна из перечисленных выше работ не учитывает новейшие российские данные, полученные в ходе 7-й волны Всемирного исследований ценностей, собранной в конце 2017 года. В данной работе мы попытаемся преодолеть все эти недостатки.

Методика подсчета эмансипативных ценностей

Общий индекс постматериалистических ценностей подсчитывался по методике, предложенной К. Вельцелем [Вельцель, 2017]. Первоначально Р. Инглхарт

и У. Бэйкер, наряду с принятием гомосексуальности и приоритетом свободы и участия, включали в измерение ценностей уровень счастья, доверие, а также подписание петиций [Инглхарт, Вельцель, 2011; Inglehart, Baker, 2000]. К. Вельцель подверг пересмотру эту схему как излишне широкую. «Ценность самовыражения, — пишет он, — включает счастье, но ощущение счастья — это не ценностная ориентация, а показатель эмоционального благополучия. Сходным образом, доверие людям и подписание петиций не измеряют ценностные ориентации. Доверие людям отражают оценку того, можно ли полагаться на других людей, а не ценность. Подписание петиций — это также не ценность, а действие» [Вельцель, 2017: 93—94]. В итоге, К. Вельцель предложил усовершенствованный вариант, названный им эмансипативными ценностями. Они содержат 4 компонента: автономия, равенство, выбор и голос. Итоговый обобщенный индекс рассчитывается как среднее значение четырех частных индексов. В таблице 1 отражена полная схема расчетов.

Укажем на методическую трудность: во второй волне Всемирного исследования ценностей в России (1990 г.) два вопроса из блока «равенство» не задавались. Блок в 1990 г. представлен только одним суждением, что ставит вопрос о сравнимости данных. Наши расчеты по каждой из волн с полными российскими данными показали: (1) коэффициенты корреляции между обобщенным индексом эмансипативных ценностей, посчитанным на основе 3-х суждений из блока «равенство» и индексом эмансипативных ценностей, посчитанным на основе одного суждения из блока «равенство» (о приоритете мужчин перед женщинами при найме), варьируются в районе 0,9 для каждой из 5 волн; (2) коэффициенты корреляции между индексом равенства из трех вопросов и вопросом о приоритете при найме на работу — в районе 0,7—0,8. Такая тесная связь доказывает возможность адекватного сравнения данных второго и последующих раундов Всемирного исследования ценностей.

Некоторые ученые критикуют подход К. Вельцеля за отсутствие измерительной инвариантности [Aleman, Woods, 2015], [Sokolov, 2018]. Последнее, по их мнению, не позволяет адекватно использовать этот инструмент в кросс-культурных исследованиях, поскольку смысл, который респонденты вкладывают в вопросы индекса, различается в зависимости от страны проживания. К. Вельцель и Р. Инглхарт, наоборот, говорят о том, что новый подход, представляет собой нормативную концепцию, идеал, к которому необходимо стремиться, поэтому проблемы инвариантности должны отойти на второй план. В этом смысле, индекс эмансипативных ценностей следует формативной логике, поэтому не столь важно, насколько его показатели скоррелированы друг с другом³. Более того, как показывают исследования, предложенный инструмент обладает хорошей предсказательной силой в отношении других социальных явлений, и это является более важным показателем качества (подробнее об этом см.: [Вельцель, 2017], [Welzel, Inglehart, 2016]). Авторы данной работы также придерживаются точки зрения К. Вельцеля и Р. Инглхарта.

³ Следует различать два типа индикаторов: формативные и рефлексивные. Рефлексивные индикаторы являются непосредственным отражением измеряемого конструкта и, как следствие, должны быть тесно связаны друг с другом. Формативные индикаторы создают конструкт. Они комбинируются друг с другом не по причине высоких корреляций, а потому, что такое сочетание обосновано теорией [Bollen, 2002], [Вельцель, 2017].

Таблица 1. **Схема конструирования обобщенного индекса эмансипативных (постматериалистических) ценностей**

Частные индексы	Показатели	Тип шкалы
Автономия	Независимость как желательное качество при воспитании ребенка Воображение как желательное качество при воспитании ребенка Послушание как нежелательное качество при воспитании ребенка	Дихотомическая 0 — отсутствие выбора 1 — наличие выбора Обратная кодировка для последнего качества.
Равенство	Степень согласия с утверждениями: Образование важнее для мальчика, чем для девочки (тренд с 1995 г.) В целом, мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины (тренд с 1995 г.) Когда рабочих мест не хватает, мужчины при найме должны пользоваться приоритетом перед женщинами (тренд с 1990 г.)	4 балла для первых двух суждений. 3 балла для последнего суждения в 2—6 волнах, 5 баллов — в 7-й волне. Минимальное значение — традиционные гендерные установки, максимальное значение — эгалитарные.
Выбор	Степень оправдания следующих явлений: Развод Аборт Гомосексуальность	10 баллов. Минимальное значение — резкое осуждение, максимальное значение — полное оправдание
Голос	Приоритет следующих целей в развитии страны: а) Защита свободы слова; б) учет мнения людей при принятии правительственных решений. Учет мнения людей на работе и в местных сообществах.	Выбор указанных суждений на 1—2 место из 4-х возможных. Минимальное значение — невыбор суждений на 1—2 место. Максимальное значение — выбор суждений на 1 и 2 место. Выбор суждения из четырех возможных на 1—2 место. Минимальное значение — невыбор суждения ни на одно из двух первых мест. Максимальное значение — выбор суждения на 1-е место.

Данные

Для выявления эффекта возраста, когорт и временного периода были взяты данные пяти волн Всемирного исследования ценностей, проведенных по общероссийской репрезентативной выборке в 1990, 1995, 2006, 2011 и 2017 гг.⁴ Мы рассчитали обобщенный индекс эмансипативных ценностей, а также 4 частных

⁴ Более подробная информация отражена на официальном сайте Всемирного исследования ценностей <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.

Сбор данных 7-й волны Всемирного исследования ценностей, реализованный в 2017 г., финансировался из средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

индекса — автономии, равенства, выбора и голоса, — согласно методологии подсчета, предложенной Вельцелем⁵. Все индексы стандартизированы и варьируются от 0 до 1, где 0 — наименьшее значение индекса, а 1 — наибольшее значение.

Возрастные группы, когорты, временной период анализа и контрольные переменные

Как уже было отмечено выше, в качестве основного метода в работе применен так называемый анализ «возраст-период-коhortа» (age-period-cohort analysis) или арс-анализ. Для его реализации весь массив был поделен на семь возрастных групп (16—19, 20—29, 30—39, 40—49, 50—59, 60—69, 70 лет и старше) и восемь когорт (до 1926, 1927—1936, 1937—1946, 1947—1956, 1957—1966, 1967—1976, 1977—1986, 1987 г. и младше). Для сопоставимости временные периоды для когорт повторяют временные периоды, использованные в работах Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Инглхарт, 2018]. Наполненность когорт в разные волны опроса представлена в Таблице 1 в Приложении.

Поскольку временной период равен сумме возраста респондента и когорты, эти переменные, одновременно включенные в одну регрессионную модель, порождают проблему мультиколлинеарности, и, как следствие, незначимость регрессионных коэффициентов. В литературе предлагается ряд возможных решений. Одно из них, предложенное К. Мейсоном и коллегами, состоит во введении ограничений в регрессионную модель [Mason et al., 1973]. Исследователи предложили включать как минимум два ограничения, а именно, приравнивать друг к другу регрессионные коэффициенты двух возрастных групп, двух временных периодов (либо двух когорт). Наиболее уязвимое место данного решения — отсутствие теоретических предпосылок для уравнивания. Несмотря на это, к такому способу прибегают во многих работах, и его результаты показывают схожие с другими подходами оценки, например, с оценкой методом «intrinsic estimator» [Clark, Eisenstein, 2013]. Хотя метод «intrinsic estimator» активно обсуждается в литературе, посвященной анализу «возраст-период-коhortа», в некоторых работах подчеркивается наличие смещений и сложность в интерпретации полученных данных [Luo, 2013; Grotenhuis et al., 2016]. В связи с этим мы применим регрессионное моделирование с введением ограничений.

В качестве контрольных переменных будут использованы пол и занятость. К сожалению, вопрос об уровне образования был пропущен во второй российской волне Всемирного исследования ценностей, что не позволяет использовать этот показатель для анализа.

Результаты

Тренды эмансипативных ценностей в России. Для начала рассмотрим общие тренды ценностей и их отдельных элементов (см. рис. 1). Наибольшее значение среди всех индексов у компонента «равенство», а наименьшее — у компонента «голос». Обобщенный индекс варьируется от 0,34 до 0,41 в разных волнах. Мы видим падение уровня эмансипативных ценностей в 1995 г. по сравнению с 1990 г., а дальше его увеличение в 2006, 2011 и 2017 гг. При этом уже в 2011 г. он достиг

⁵ Подробное описание процедуры подсчета ценностей можно найти на официальном сайте Всемирного исследования ценностей (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=weizelidx>).

значения 1990 г. Эти тенденции подтверждают ключевую роль экзистенциальной безопасности в ценностной трансформации. Так, в 1994—1995 гг. снизилась ожидаемая продолжительность жизни по сравнению с 1990 г. (с 69,2 до 64,5 в 1995 г.), ВВП на душу населения (с 3485\$ до 2666\$), увеличился коэффициент смертности (с 11,19 до 14,98) и младенческой смертности (с 17,39 до 18,06), а также резко вырос уровень преступности (см. ссылки выше на Всемирный Банк и Росстат). В 1995 г. уменьшаются все частные индексы кроме выбора, отражающего оправдание разводов, аборт и гомосексуальности. Он единственный из четырех компонентов показал восходящий тренд. Подобная ситуация вполне объяснима, так как начало 1990-х гг. ознаменовалось либерализацией сексуальных и брачных норм.

Для России 1998—1999 гг. были тяжелыми в связи с экономическими кризисом и дефолтом, однако уже в начале 2000-х годов ситуация стала более благоприятной благодаря росту цен на нефть. Как следствие, замер 2006 г. продемонстрировал увеличение обобщенного индекса эмансипативных ценностей почти до уровня 1990 г. В 2006 г. Его рост происходил за счет компонентов «равенство» и «автономия», тогда как «голос» и «выбор» почти не изменились. Параллельно к 2006 г. до 66,7 выросла ожидаемая продолжительность жизни, ВВП на душу населения достиг 6920\$, сократилась безработица и преступность [Всемирный Банк, Росстат].

В 2011 и в 2017 гг. позитивные тенденции для ВВП, ожидаемой продолжительности и младенческой смертности жизни нашли свое продолжение, что сказалось на дальнейшем увеличении уровня эмансипативных ценностей. Практически все компоненты, кроме «равенства», превысили значения 1990 года. К сожалению, в данном случае эффект временных трендов смешан с эффектом когорт и возраста, поэтому сложно сказать, какие когорты являются потенциалом для дальнейших изменений. Чтобы ответить на этот вопрос далее рассмотрим различия между возрастными группами и когортами раздельно.

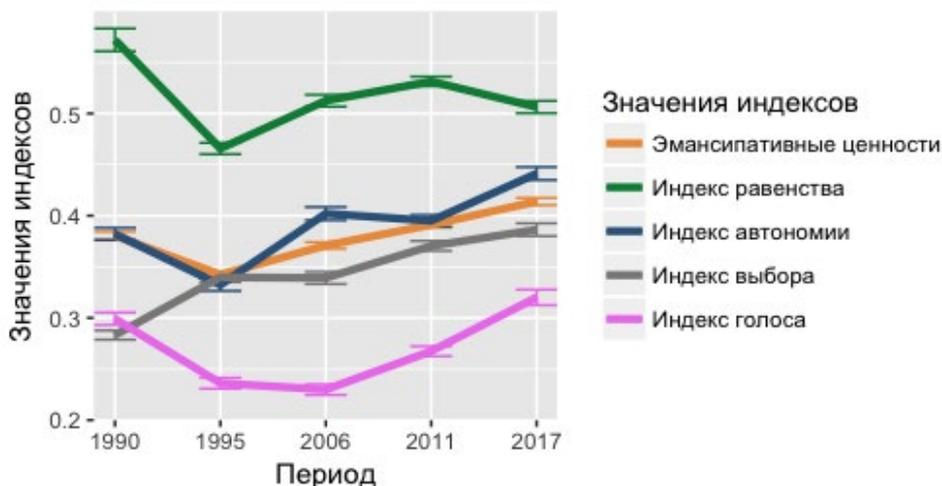

Рис. 1. Значения индексов эмансипативных ценностей в разрезе времени: 1990—2017 гг.

Рис. 2 показывает, что в каждой волне Всемирного исследования ценностей значимость эмансипативных ценностей с возрастом снижается. По частным индексам также фиксируется возрастное уменьшение важности для всех элементов за исключением равенства (см. Рис. 2а-2г). Анализ в разрезе по когортам показывает сходные тенденции: самые молодые когорты обладают более выраженными эмансипативными ценностями (рис. 3). Та же картина характерна для индексов автономии, выбора и голоса. Для индекса равенства различия опять отсутствуют (см. Рис 3а-3г). Почти по всем индексам когорта 1967—1976 гг. идентична когорте 1977—1986 гг.

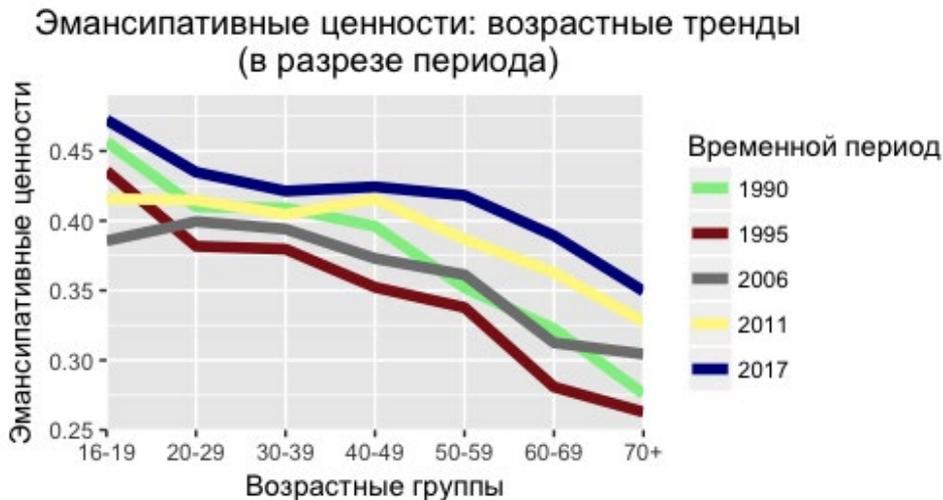

Рис. 2. Уровень эмансипативных ценностей в различных возрастных группах в пяти волнах Всемирного исследования ценностей

Рис. 3. Уровень эмансипативных ценностей в различных когортах в пяти волнах Всемирного исследования ценностей

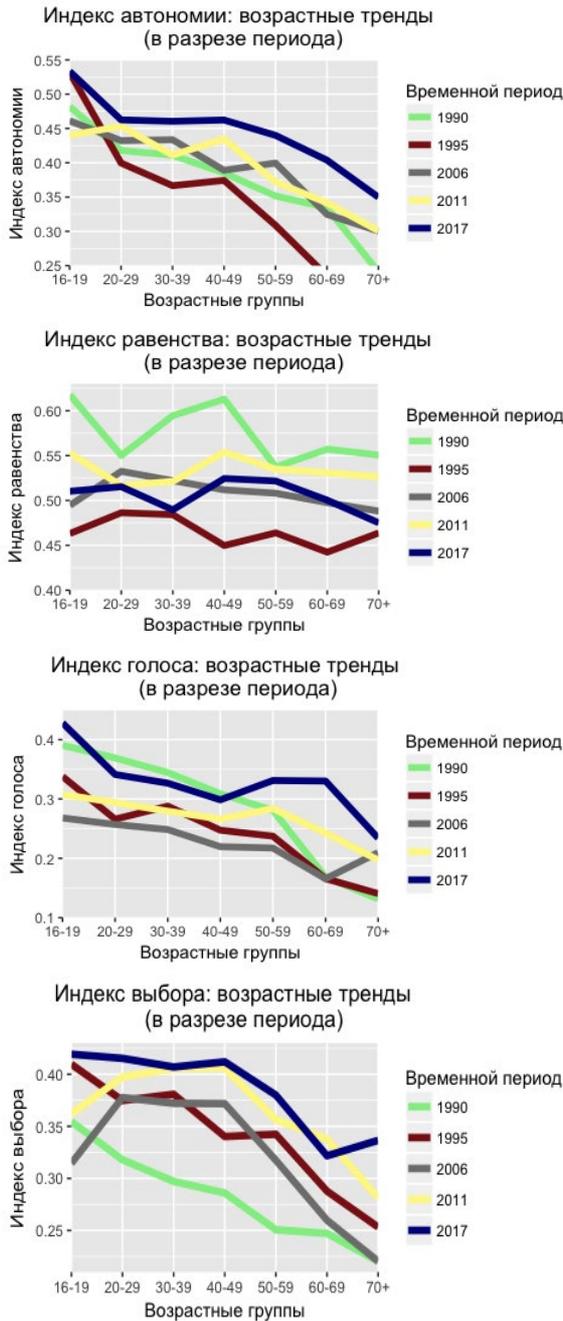

Рис. 2а-2 г. Уровень индексов автономии (2а), равенства (2б), выбора (2б) и голоса (2г) в различных возрастных группах в пяти волнах Всемирного исследования ценностей

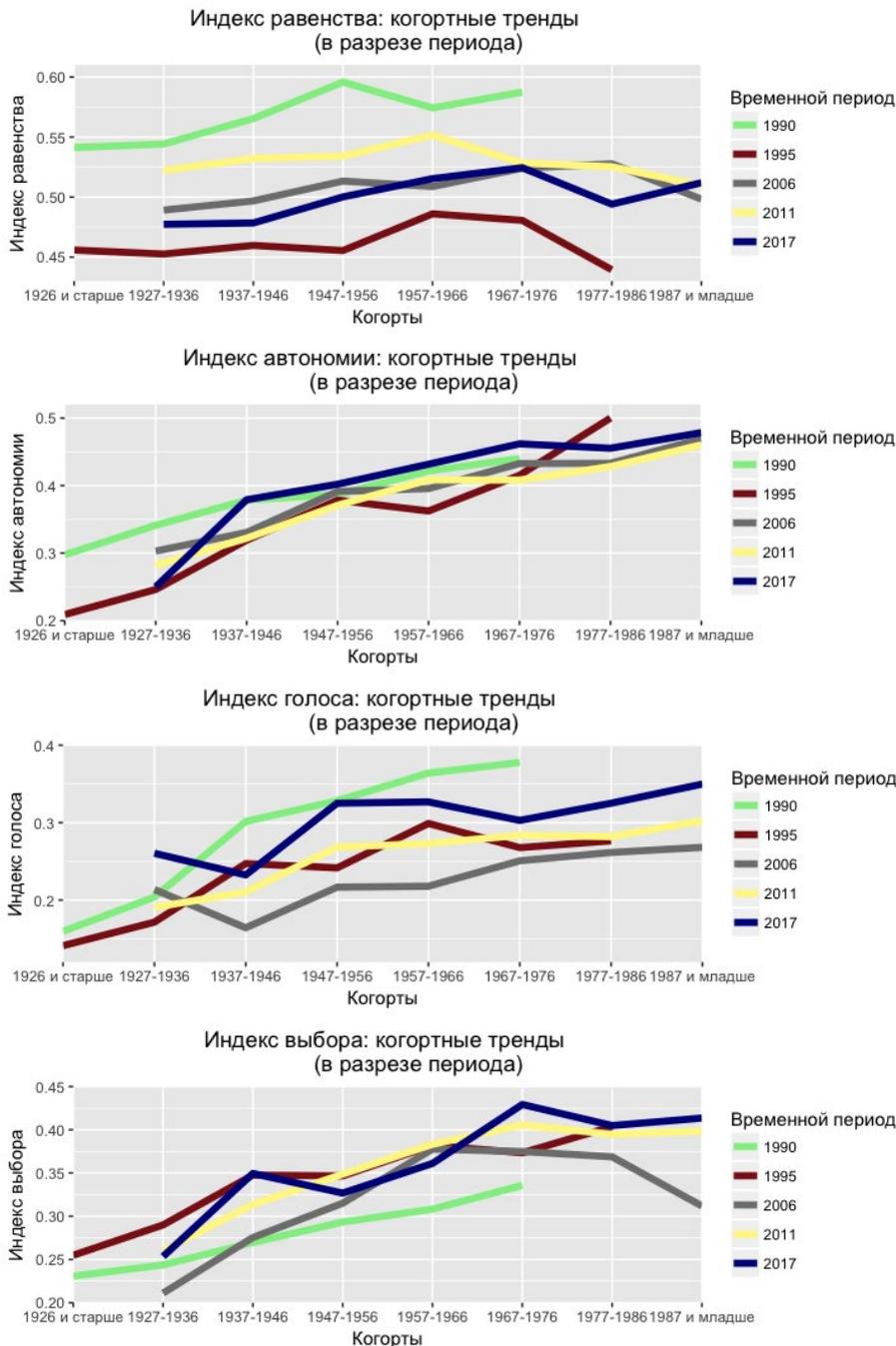

Рис. 3. Уровень индексов автономии (За), равенства (Зб), выбора (Зв) и голоса (Зг) в различных когортах в пяти волнах Всемирного исследования ценностей

Рассмотренные графики учитывают только два эффекта из трех: либо эффект возраста и периода, либо эффект когорты и периода. Для валидации обнаруженной динамики необходим регрессионный анализ. Как уже было сказано выше, мы будем использовать модели с введением ограничений. Для этого приравняем коэффициенты возрастных групп 30—39 лет и 40—49 лет, а также двух когорт 1967—1976 и 1977—1986 гг. Такой выбор обусловлен двумя причинами. Во-первых, с точки зрения теории модернизации нас интересует разница между самыми младшими и самыми старшими когортами, и, во-вторых, значимых различий между этими когортами и возрастными группами не обнаружено. Объясненная дисперсия в регрессионной модели, построенной для обобщенного индекса эмансипативных ценностей, составляет 9%, что является относительно неплохим результатом для моделирования на индивидуальном, а не агрегированном уровне. Для моделей с частными индексами она чуть ниже — 4—5%. Однако при интерпретации этих показателей следует учитывать, что здесь, фактически, используются модели, в которые включены только социально-демографические переменные, поэтому долю объясненной дисперсии в 4—5% в данном случае нельзя считать незначительной (см. табл. 2).

Результаты регрессионного анализа

Эффект периода. В качестве контрольной группы, с которой сравниваются значения временных периодов, выбрана седьмая волна Всемирного исследования ценностей 2017 г. (см. табл. 2). Эффект периода найден во всех компонентах индекса эмансипативных ценностей. Это означает, что ценностная трансформация происходит не только за счет когорт, но и за счет изменения экономической и социокультурной ситуации в стране. Так, обобщенный индекс эмансипативных ценностей достиг в 2017 г. наибольшего значения. Та же ситуация характерна и для элемента «автономия». Элемент «голос» в 2017 г. сравнялся со значением 1990 года, «выбор» остался на уровне 2011 г., а вот «равенство» отражающее гендерные установки, наоборот, стало менее выраженным, чем в 2011 и 1990 гг. Таким образом, можно говорить о двух противоречивых тенденциях: на фоне растущей либерализации в отношении норм брачного, сексуального и репродуктивного поведения, наблюдается некоторый откат в сторону традиционных гендерных норм.

Эффект возраста. В качестве контрольной группы для оценки роли возраста выступили респонденты в возрасте от 70 лет и старше (см. табл. 2). Результаты анализа для общего индекса ценностей повторяют тенденции, отраженные на рис. 2: чем старше становится индивид, тем менее выражены у него эмансипативные ценности. Из отдельных компонентов только «автономия» полностью повторяет эту тенденцию. А вот по остальным элементам устойчивых различий обнаружено не было. Для равенства и голоса они полностью нивелируются, а вот для выбора возрастная зависимость нелинейная: наиболее высокие значения наблюдаются в возрастных группах 30—39, 40—49 и 50—59 лет, а респонденты до 30 лет похожи по данным установкам на респондентов старше 60.

Эффект когорт. Здесь базовая категория — когорты 1927—1936 гг. (см. табл. 2). Эффект когорт также обнаруживается во всех компонентах индекса эмансипативных ценностей кроме равенства. Как и предсказывает теория модернизации

Р. Инглхарта и К. Вельцеля, в более молодых когортах значения индексов выше. При этом влияние когорт наиболее сильно выражено у выбора и голоса. Для автономии теория подтверждается с одной оговоркой: самая молодая когорта оказалась идентичной наиболее пожилой. Для элемента, отражающего гендерное равенство, когортные эффекты также, как и возрастные, оказались незначимы. Гораздо важнее оказалось влияние пола и занятости. У занятых оказались более эгалитарные гендерные установки, но мужчины более ориентированы на традиционные роли.

Таблица 2. Результаты регрессионного моделирования

	Эман-ценности	Автономия	Равенство	Выбор	Голос
Константа	0.34***	0.31***	0.52***	0.29***	0.22***
Период					
(Базовая категория — 2017 год)					
1990	-0.02*	-0.05**	0.07***	-0.08***	0.01
1995	-0.05***	-0.09***	-0.04*	-0.02	-0.05***
2006	-0.04***	-0.05***	0.01	-0.04***	-0.09***
2011	-0.02***	-0.05***	0.03***	-0.01	-0.05***
Возраст					
Базовая категория — 70 лет и старше					
16—19	0.07***	0.13***	0.03	0.04	0.05
20—29	0.05**	0.09**	0.01	0.05	0.02
30—39=40—49	0.03**	0.07**	0.01	0.05*	0.00
50—59	0.02**	0.04**	-0.00	0.03*	0.01
60—69	0.01	0.02	0.00	0.02	-0.01
Когорта					
Базовая категория — когорта 1927—1936 гг.					
До 1926	-0.02*	-0.01	0.00	0.00	-0.05***
1937—1946	0.03***	0.03*	0.01	0.03**	0.04***
1947—1956	0.04***	0.04**	0.02	0.03*	0.08***
1957—1966	0.05***	0.04*	0.02	0.06***	0.09***
1967—1976= 1977—1986	0.06***	0.05*	0.02	0.08***	0.09***
1987 и младше	0.05**	0.05	0.01	0.07**	0.09**
Мужской пол	-0.03***	0.03***	-0.11***	-0.04***	0.01
Занятые	0.02***	0.02***	0.02*	0.02***	0.00
R²	0.087***	0.050***	0.044***	0.055***	0.045***
N	10246	10240	10122	10027	10210

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$. Контрольные группы: Период: 2017 г. Возраст: 70 лет и старше. Когорта: 1927—1936. «=» означает равенство регрессионных коэффициентов

Необходимо также отметить ряд ограничений данного исследования. Во-первых, анализ «возраст-период-когорта» был применен на данных пяти волн и добавление новых раундов может внести корректировки в результаты регрессионных моделей. В то же время если найденные тренды продолжатся, то включение новых данных должно лишь усилить обнаруженную когортную дифференциацию. Во-вторых, для решения проблемы мультиколлинеарности было решено воспользоваться методом введения равенства четырех регрессионных коэффициентов. Такой подход часто подвергается критике из-за отсутствия теоретических предпосылок для приравнивания коэффициентов регрессионного уравнения. Однако в данном случае, имелись и теоретические предпосылки, и эмпирические свидетельства правомерности приравнивания двух средних возрастных когорт и двух средних возрастных групп друг к другу. В-третьих, не все когорты репрезентированы во всех пяти волнах: молодые когорты появляются, начиная с 1995 и 2006 гг., в то время как старшая когорта не представлена в данных, начиная с 2006 г. Кроме того, размер выборки каждой когорты варьируется в разных волнах, что может приводить к смещенным оценкам когортных трендов в разрезе периода. Наконец, в качестве дополнительных контрольных переменных в модели были включены лишь пол и занятость (вопрос об уровне образования не был включен в связи с тем, что этих данных нет во второй волне исследования), что также могло привести к относительно невысоким показателям коэффициента детерминации. К сожалению, преодолеть два последних ограничения не позволил характер используемых данных.

Заключение

Теория модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля утверждает, что трансформация базовых ценностей в сторону постматериалистических происходит за счет более молодых когорт, прошедших социализацию в ситуации экзистенциальной безопасности. Авторы теории обнаружили эти паттерны в целом ряде западных стран [Инглхарт, Вельцель, 2011], [Вельцель, 2017; Инглхарт, 2018]. Во многих постсоветских государствах, впоследствии вошедших в Европейский союз, такие тенденции также присутствуют [Инглхарт, 2018]. Россия, как утверждает Р. Инглхарт, пережила в 1990-е тяжелый трансформационный период, и ожидать роста постматериалистических ценностей у молодых когорт преждевременно. Его анализ, действительно, не выявил значимых различий на российской выборке [Инглхарт, 2018], однако в некоторых статьях значимые различия все же обнаружены [Магун, Руднев, 2008], [Магун, Руднев, 2010], [Мастикова, 2013], [Магун и др., 2015], [Федотова, 2017].

Одной из причин такого противоречия может быть несовершенство методики, измеряющей постматериалистические ценности. Вторая касается метода анализа данных: ни в одной работе не применялся подход, позволяющий четко разделить эффекты возраста, периода и когорты. Когда оценивается лишь один из параметров, сложно сказать, будут ли найденные различия результатом жизненного цикла респондентов, влиянием общественных трансформаций или исторических условий, в которых социализировались когорты.

Отталкиваясь от двух указанных предпосылок, авторы данной статьи прибегают к методу «возраст-период-когорта» (age-period-cohort analysis) и усовершенствованной методике оценки постматериалистических ценностей, предложенной К. Вельцелем и получившей название «эмансипативные ценности» [Вельцель, 2017]. По сравнению с оригиналом она (1) лучше концептуализирована и проработана с теоретической точки зрения, (2) содержит не дихотомию «материалисты/постматериалисты», а континуум, (3) включает четыре отдельных компонента, которые позволяют понять, за счет чего именно складываются восходящие или нисходящие ценностные тренды.

Компонент «автономия» отражает приоритет таких качеств как независимость и воображение, а также меньшую важность послушания при воспитании детей. «Равенство» подчеркивает идентичные права и возможности между мужчинами и женщинами в сфере образования, политического лидерства и руководства предприятиями. «Выбор» описывает сексуальные, брачные и репродуктивные установки и измеряется через оправдание гомосексуальности, развода и аборта. «Голос» делает акцент на значимости свободы слова, участия граждан в принятии политических решений и необходимости учета мнения жителей на работе и в местных сообществах.

По данным Всемирного исследования ценностей после падения в 1995 году уровень эмансипативных ценностей в дальнейших замерах возрастал, а в 2017 году превысил значение 1990 года. Этот тренд характерен для всех компонентов кроме гендерного равенства, который, с одной стороны, так и не достиг величины 1990 года, а, с другой — даже в 2017 году не показал увеличения и оказался идентичен 2006 году.

Анализ «возраст-период-когорта» зафиксировал и когортные, и возрастные различия. Эмансипативные ценности, действительно, связаны с жизненным циклом индивида, так как с возрастом их важность уменьшается. В то же время каждая новая когорта характеризуется большей выраженностью этих ценностей. Таким образом, наш вывод гораздо более оптимистичен, чем вывод Р. Инглхарта: в России есть потенциал для перехода к постматериалистическим ценностям.

Если обращаться к частным индексам, то вырисовывается довольно интересная ситуация. «Равенство» — единственный компонент, не подверженный, ни возрастным, ни когортным эффектам. Здесь, вероятно, сказывается долгое советское наследие, когда на протяжении более 70 лет декларировалось равноправие между мужчинами и женщинами. Однако гендерные различия здесь все же существуют: в целом, женщины по-прежнему более ориентированы на эгалитарное разделение ролей. На этом фоне картина, характеризующая компонент «выбор», выглядит довольно противоречивой. Зависимость от возраста здесь нелинейная, поскольку к оправданию аборта, развода и гомосексуальности более склонны люди в возрасте от 30 до 60. Когортная дифференциация в данном индексе повторяет дифференциацию эмансипативных ценностей. В целом, можно говорить о разнонаправленности трендов: на фоне либерализации брачных и репродуктивных норм наблюдается некоторый откат в сторону традиционных гендерных ролей.

«Голос» характеризуется лишь когортным влиянием: молодым когортам более важно иметь возможность выражать свое мнение и участвовать в принятии поли-

тических решений. Для «автономии» оказались значимыми оба эффекта, которые идентичны эффектам в общем индексе эмансипативных ценностей. В целом, проведенный анализ показывает, что базой для трансформации ценностей являются три компонента из четырех: «автономия», «выбор» и «голос».

Список литературы (References)

Андреенкова А. В. Материалистические/постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 73—81.

Andreenkova A. V. (1994) Materialist/postmaterialist values in Russia. *Sociological Studies*. No. 11. P. 73—81 (In Russ.)

Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Н. А. Касавина. М.: Весь мир, 2016.

Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Issues. Compiled by: N. I. Lapin, L. A. Belyaeva, N. A. Kasavina. M.: Ves Mir, 2016 (In Russ.)

Беляева Л. А. Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 11—25.

Belyaeva L. A. (2011) Dynamics of Russian attitudes to socio-economic and political changes. *Sociological Studies*. No. 10. P. 11—25 (In Russ.)

Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1997.

Bessonova O. E. Institutes of the Russian distribution economy: A retrospective analysis. Novosibirsk: IE and OPP SB RAS, 1997 (In Russ.)

Вельцель К. Рождение свободы. М.: АО «ВЦИОМ», 2017.

Welzel C. (2017). Freedom rising. M.: VCIOM (In Russ.)

Вишневский А. Г. Демографическая модернизация России и ее противоречия // Мир России: Социология, этнология, 1999. Т. 8. № 4. С. 5—21.

Vishnevsky A. G. (1999) Demographic modernization of Russia and its contradictions. *Universe of Russia: Sociology, Ethnology*. Vol. 8. No. 4. P. 5—21 (In Russ.)

Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 28—41.

Gorshkov M. K. (2010) Social factors for Russian society modernization from the standpoint of sociological science. *Sociological Studies*. No. 10, p. 28—41 (In Russ.)

Готово ли российское общество к модернизации? ИС РАН / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010.

Is Russian society ready for modernization? IS RAS. Edited by M. K. Gorshkov, R. Krumma, N. E. Tikhonova. M.: Ves Mir, 2010 (In Russ.)

Ибрагимова Д. Х. Потребительские ожидания населения России (1996—2009): как взаимосвязаны когорты, поколения и возраст // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 3. С. 24—69.

Ibragimova D. (2014) Consumer expectations of Russian population (1996—2009): How are cohort, generation and age related? *Economic Sociology*. Vol.15. No. 3. P. 24—69 (In Russ.)

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Zaslavskaya T. I. Contemporary Russian society. The social mechanism of transformation. M.: Delo, 2004 (In Russ.)

Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8—22.

Zaslavskaya T. I., Yadov V. A. (2008) Social transformations in Russia in the epoch of global changes. *Sociological Journal*. No. 4. P. 8—22 (In Russ.)

Карачаровский В. В., Шкаратан О. И. Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к её измерению // Мир России: Социология, этнология. 2017. Т. 26. № 2. С. 6—37.

Karacharovsky V. V., Shkaratan O. I. (2017) The social price of social changes and the search for approaches to its measurement. *The Universe of Russia: Sociology, Ethnology*. Vol. 26. No. 2. P. 6—37 (In Russ.)

Кирдина С. Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 89—98.

Kirdina S. G. (2004) Institutional structure of modern Russia: evolutionary modernization. *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. P. 89—98 (In Russ.)

Лапин Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России Результаты мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (1990—2002 гг.) // Мир России: Социология, этнология. 2003. Т. 12. № 4. С. 120—159.

Lapin N. I. (2003) How do they feel and what are the aims of the Russian citizens? Results of the monitoring survey «Our Values and Interests Today» (1990—2002). *The Universe of Russia: Sociology, Ethnology*. Vol. 12. No. 4. P. 120—159 (In Russ.)

Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Inglehart R. Cultural evolution. People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. M.: Mysl, 2018 (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence. M.: Novoe Izdatelstvo, 2011 (In Russ.)

Лебедева Н. М., Татарко А. А. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ: Фонд «Либеральная миссия», 2007.

Lebedeva N.M, Tatarko A. A. Cultural values and society development. M.: HSE; The Liberal Mission Foundation, 2007 (In Russ.)

Магун В. С., Руднев М. Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. Т. 121. № 3—4. С. 74—93.

Magun V. S., Rudnev M. G., Schmidt P. (2015) Typology of european values and basic values of Russians. *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions.* Vol. 121. No. 3—4. P. 74—93 (In Russ.)

Магун В. С., Руднев М. Г. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации // Образовательная политика. 2010. № 7—8. С. 96—103.

Magun V. S., Rudnev M. G. (2010) International comparisons of basic values of the Russian population and the dynamics of the socialization processes. *Obrazovatel'naya Politika.* No. 7—8. P. 96—103 (In Russ.)

Магун В. С., Руднев М. Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1. С. 33—58.

Magun V. S., Rudnev M. G. (2008) Values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries. *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions.* No. 1, p. 33—58 (In Russ.)

Мастикова Н. С. Ценности россиян и жителей европейских стран-лидеров (по данным европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2013. № 6. С. 148—156.

Mastikova N. S. (2013) Values of Russians and residents of leading European countries (based on the European social survey data). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 6. P. 148—156 (In Russ.)

Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я., Пишняк А. И., Попова Д. О., Попова Р. И., Рудберг А. М. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад / рук. Л. Н. Овчарова. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014.

Ovcharova L. N., Burdyak A. Y, Pishnyak A. I., Popova D. O., Popova R. I., Rudberg A. M. (2014) Dynamics of monetary and non-monetary characteristics of living standards of the Russian households in the post-Soviet years: Analytical report / Edited by: L. N. Ovcharova. Moscow: The Liberal Mission Foundation (In Russ.)

Федотова В. А. Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 1. С. 78—86.

Fedotova V. A. (2017) Values of Russians in the context of age differences. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology.* No. 1, p. 78—86 (In Russ.)

Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России: Социология, этнология. 2010. № 3. С. 46—56.

Yadov V. A. (2010) National characteristics of modernization of the Russian society. *The Universe of Russia: Sociology, Ethnology*. No. 3. P. 46—56 (In Russ.)

Ясин Е. Г. Модернизация и общество. VIII Международная научная конференция. Модернизация экономики и общественное развитие : в 3 кн. / под ред. Е. Г. Ясина. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2007. Кн. 1.

Yasin E. G. Modernization and society. VIII International Scientific Conference. Modernization of the economy and social development. *Edited by E. G. Yasin*. М.: HSE, 2007 (In Russ.)

Alemán J, Woods D. (2016) Value orientations from the world values survey: How comparable are they cross-nationally? *Comparative Political Studies*. Vol. 49. No. 8. P. 1039—1067. DOI: 10.1177/0010414015600458.

Bollen K. A. (2002). Latent Variables in Psychology and the Social Sciences. *Annual Review of Psychology*. Vol. 53. No. 1. P. 605—634. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135239>.

Clark K., Eisenstein M. A. (2012) Interpersonal trust: An age–period–cohort analysis revisited. *Social Science Research*. Vol. 42. No. 2. P. 361—375. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2012.09.006.

Dobewall H., Rudnev M. (2014) Common and unique features of Schwartz's and Inglehart's value theories at the country and individual levels. *Cross — Cultural Research*. Vol. 48. No. 1. P. 45—77. DOI: 10.1177/1069397113493584

Foa R., Inglehart R. F., Ponarin E., Karabchuk T. (2018) Set-point theory and societal collapse: The case of Russia. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 19. No. 6. P. 1639—1656. DOI: 10.1007/s10902-017-9888-4.

Grotenhuis M. Te, Pelzer B., Luo L., Schmidt-Catran A.W. (2016) The intrinsic estimator, alternative estimates, and predictions of mortality trends: A comment on Masters, Hummer, Powers, Beck, Lin, and Finch. *Demography*. Vol. 53. No. 4. P. 1245—1252. DOI: 10.1007/s13524-016-0476-8.

Inglehart R. F. The silent revolution. Changing values and political styles among Western publics. 1977. Princeton, New Jersey.

Inglehart R. F. (2008) Changing values among western publics from 1970 to 2006. *Western European Politics*. Vol. 31. P. 130—146. DOI: 10.1080/01402380701834747.

Inglehart R. F., Baker W. E. (2000) Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. Vol. 65. P. 19—51. DOI: 10.2307/2657288.

Inglehart R. F., Ponarin E., Inglehart R. C. (2017) Cultural change, slow and fast: The distinctive trajectory of norms governing gender equality and sexual orientation. *Social Forces*. Vol. 95. No. 4. P. 1313—1340. DOI: 10.1093/sf/sox008.

Luo L. (2013) Assessing validity and application scope of the intrinsic estimator approach to the age-period-cohort problem. *Demography*. Vol. 50. No. 6. P. 1945—1967. DOI: 10.1007/s13524-013-0243-z.

Mason K. O., Mason W. M., Winsborough H. H., Poole W. K. (1973) Some methodological issues in cohort analysis of archival data. *American Sociological Review*. Vol. 38. No. 2. P. 242—258.

Sokolov B. (2018) The index of emancipative values: Measurement model misspecifications. *American Political Science Review*. Vol. 112. No. 2. P. 395—408. DOI: 10.1017/S0003055417000624.

Welzel C., Inglehart R. F. (2016) Misconceptions of measurement equivalence: Time for a paradigm shift. *Comparative Political Studies*. Vol. 49. No. 8. P. 1068—1094. DOI: 10.1177/0010414016628275.

Приложение

Таблица 1. Численность когорт в различных раундах Всемирного исследования ценностей

	1990	1995	2006	2011	2017
До 1926 г. %, N	11.4%	11.6%	—	—	—
	223	236	—	—	—
1927—1936 %, N	15.2%	15.8%	5.4%	5.5%	2.2%
	298	321	110	136	40
1937—1946 %, N	15.2%	15.0%	11.8%	10.8%	6.9%
	298	305	239	267	124
1947—1956 %, N	25.3%	20.3%	16.1%	17.6%	12.9%
	497	414	328	437	233
1957—1966 %, N	21.6%	21.4%	21.4%	18.5%	16.3%
	423	437	434	459	295
1967—1976 %, N	11.3%	14.8%	16.2%	16.6%	16.6%
	222	301	329	412	301
1977—1986 %, N	—	1.2%	20.6%	19.5%	21.6%
	—	24	418	485	391
1987 и младше %, N	—	—	8.6%	11.5%	23.5%
	—	—	174	286	425
Итого	100%	100%	100%	100%	100%
	1961	2038	2032	2482	1809

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.06

Правильная ссылка на статью:

Коленникова Н. Д. Квалификационные статусы работающих россиян: иерархия и особенности распределения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 113—130. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.06>.

For citation:

Kolennikova N. D. (2018) Qualification status of the employed Russians: hierarchy and distribution features. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 113—130. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.06>.

Н. Д. Коленникова КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ СТАТУСЫ РАБОТАЮЩИХ РОССИЯН: ИЕРАРХИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ СТАТУСЫ РАБОТАЮЩИХ РОССИЯН: ИЕРАРХИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

QUALIFICATION STATUS OF THE EMPLOYED RUSSIANS: HIERARCHY AND DISTRIBUTION FEATURES

КОЛЕННИКОВА Нина Дмитриевна — аспирантка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; младший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: kolennikova-nina@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9458-8762>

Nina D. KOLENNIKOVA^{1,2} — Ph.D. Student; Junior Researcher
E-MAIL: kolennikova-nina@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9458-8762>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Автор анализирует статусную иерархию работающих россиян по показателям их квалификации. В статье уточнена формулировка понятия «квалификационный статус» и апробированы индикаторы для его

Abstract. The article provides an analysis of the hierarchy of the employed Russians based on their qualifications. The author clarifies the wording of the concept of qualification status and tests specific indicators for its evaluation in

оценки в современном российском обществе. Описана методика конструирования шкалы квалификационного статуса и приведены результаты анализа показателей этой шкалы для работающего населения России. Проанализированы структура полученной статусной иерархии и соотношение места в ней человека с другими его характеристиками (аскриптивные характеристики, профессиональная принадлежность, оценка своего профессионального мастерства и т. д.). Показано, что из аскриптивных характеристик для квалификационного статуса работника наиболее важен его возраст. Сделан также ряд выводов о специфике квалификационного статуса работающих россиян из разных образовательных и профессиональных групп. Отдельное внимание уделено сопоставлению объективных показателей квалификационного статуса россиян с субъективными оценками ими этого статуса. Эмпирической базой для анализа послужили данные 25-й волны ежегодного опроса Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, прошедшего в 2016 г.

Ключевые слова: квалификационный статус, социальный статус, образование, статусная консистентность, статусная иерархия, компетенции, профессиональные навыки

modern Russian society. A method of construction of the qualification status scale is described. The results of the analysis of indicators for Russia's working-age population are shown. The structure of the obtained status hierarchy and the relationship between individual's place within it and other individual's characteristics (ascriptive characteristics, professional affiliations, self-assessment of professional skills, etc.) are analyzed. The author argues that the employee's age is the most important of all ascriptive characteristics. The study also examines specific features of the qualification status of the working Russians from different educational and professional groups. Special attention is paid to a comparison of objective indicators of qualification status of Russians with their subjective assessments of status. The empirical basis for the analysis was the data of the 25th wave of the annual HSE RLMS (Russian Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics) held in 2016.

Keywords: qualification status, social status, education, status consistency, status hierarchy, competence, professional skills

В условиях кардинальной трансформации и глобализации рынка труда, на фоне общего роста значимости квалификации работника для его положения в системе экономических отношений происходит переоценка роли отдельных профессионально-квалификационных характеристик. Традиционные образовательные индикаторы, опирающиеся на формальные подтверждения имеющихся компетенций (дипломы, сертификаты, свидетельства и т. п.), долгое время служившие основой оценки качества человеческого капитала индивида [Аникин, 2017: 120],

хотя и продолжают выполнять эту роль, но уже не позволяют столь же успешно измерять квалификационный уровень работника, как это было раньше. Лишь отчасти отражают они и место индивида в статусной квалификационной иерархии, учитывающей не только общий объем накопленных знаний, но и их престижность, связанную теперь прежде всего с их составом и характером их получения.

Во многом это обусловлено тем, что в условиях начала четвертой технологической революции и формирования «экономики знаний» переосмысливается роль работника в системе производственных отношений. Относительно большую значимость, чем раньше, приобрели для нее креативный потенциал и широта компетенций личности. Если еще 50—70 лет назад высшее образование почти автоматически гарантировало его обладателю высокий социальный статус, то сейчас ситуация принципиально иная. Высшее образование стало для молодежи скорее нормой, чем «пропуском» к высокостатусным позициям. Резко выросли требования экономики к качественным характеристикам образования и его соответствию современным технологическим тенденциям. Одновременно возникли и новые, немислимые еще полвека назад проблемы. Специалисты заговорили об избыточном образовании [Горшков, Ключарев, 2011], «перегруженности» рынка высшего образования [Verhaest, Omeu 2006], превышении числа лиц с высшим образованием объективной потребности в них экономики¹, росте значимости диплома о высшем образовании и обесценивании соответствия образования профилю деятельности [Тихонова, Каравай, 2018].

Следствием подобных проблем, с одной стороны, стало то, что далеко не все работники получают справедливую в моральном плане отдачу от накопленного ими человеческого капитала [Лукиянова, 2009; Тихонова, 2016], а с другой — приобретенные в гонке за образовательными статусами документы уже далеко не всегда отражают уровень реальных компетенций своих владельцев [Тихонова, 2017]. Особенно характерно развитие этих тенденций для России, где старые системы сертификации труда (присвоение разрядов, категорий и т. п.) для значительной части работников уже не действуют, а новые так и не сложились. В этих условиях диплом как формальное подтверждение квалификации не дает нужных сигналов не только рынку, но и социальному окружению индивида, то есть тем людям, которые прямо или косвенно определяют его социальный статус. Именно это порождает потребность в более глубоком понимании того, что стоит за дипломом, — навыков, компетенций, знаний и т. п. При этом важна именно их востребованность на сегодняшний день, она определяет и отдачу от них, и влияет на их престижность, а следовательно — на итоговую позицию индивида в существующей социальной структуре, а также на получение дополнительных возможностей и ресурсов для ее улучшения.

¹ Так, по данным ФСГС, общая численность специалистов высшего уровня квалификации составляет 17,5 млн человек (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud11-okz.htm), в то время как количество трудоспособного населения, имеющего диплом о высшем образовании, составляет 24,2 млн человек. (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766). К тому же, если говорить еще и о подготовке специалистов высшей квалификации, то численность обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры составляла на начало 2017 г. 4,3 млн человек (см. Российский статистический ежегодник 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (дата обращения: 20.04.2018)).

В отечественной социологии эта новая ситуация с оценкой квалификации работников поставила на повестку дня вопрос о необходимости формирования четких представлений о квалификационной структуре (иерархии) российского общества, соотношении в ней групп с различными показателями их квалификационного статуса. Набор статусных позиций в этой квалификационной иерархии должен учитывать как новые экономические условия, так и во многом связанную с ними престижность тех или иных образовательных характеристик в российском обществе.

О необходимости построения статусной квалификационной иерархии, а не просто учета образовательного уровня россиян, говорит и то, что инвестиции в образование в некоторых случаях обусловлены для них не столько заботой о приобретении неких профессиональных навыков и умений ради материальной отдачи от них или интересной работы, сколько соображениями повышения своего социального статуса, связанного с переходом в желаемую социальную группу. Хотя в этом случае наличие высшего образования является скорее формальным и не расширяет возможности индивида на рынке труда [Радаев, 1998: 179], оно все же может приводить к реальному повышению интегрального социального статуса индивида, смене его круга общения, расширению спектра его жизненных возможностей. При этом факт наличия высшего образования может восприниматься самими работниками и их окружением не столько как показатель их квалифицированности, сколько как публично демонстрируемая статусная характеристика, позволяющая попасть на более высокие статусные позиции в социальной структуре общества.

Теоретико-методологические основы исследования квалификационного статуса

Учитывая вышесказанное, в своем исследовании мы сознательно отойдем от концепции человеческого капитала в трактовке Г. Беккера [Becker, 1962]², даже несмотря на то, что оценка квалификации традиционно, в том числе и в нашем исследовании, тесно связана с этой концепцией. Реалии современного российского общества в их противоречивости и двойственности толкают нас к рассмотрению квалификационных характеристик с иных, более широких позиций. Мы будем фиксировать в первую очередь те составляющие квалификации работника, которые являются не только детерминантами материальной отдачи от его знаний и навыков, но и индикаторами статусности и престижности позиции индивида в современном российском обществе. Так, почти 40% всех россиян устойчиво называют в качестве основания определения социального статуса уровень квалификации и образования, а среди представителей высококвалифицированных позиций этот показатель превышает 50% [Тихонова, 2014: 65—66].

Ввиду того, что выбранный фокус исследования квалификационного статуса несколько отличается от принятых традиционных схем его анализа в теоретико-методологическом плане, мы опирались на наиболее близкие по смыслу к нашему

² Человеческий капитал Г. Беккер рассматривал как совокупность знаний, навыков и умений, накопленных человеком, необходимых для его профессиональной деятельности и приносящей ему разного рода ренты. Соответственно, любая образовательная активность рассматривалась Г. Беккером через призму сопоставления выгод и издержек от соответствующих действий.

замыслу теории. В их числе прежде всего концепция Пьера Бурдьё, исследовавшего значимость разного рода ресурсов для определения места человека в обществе [Bourdieu, 1986]. Он выделил такие виды этих ресурсов, как экономический капитал (денежные средства, материальные средства производства и пр.), социальный капитал (социальные связи, контакты, которые могут выступать ресурсом получения выгод), культурный капитал (условия социализации, знания и навыки индивида), а также символический капитал, в который могут превращаться путем конвертации три первых его разновидности (включает в себя при определенных условиях и информацию о квалификационном ресурсе человека). Согласно Бурдьё, все перечисленные виды капитала определяют позицию человека на социальном поле, причем важен не только конкретный объем каждого вида капитала, но и их сумма и соотношение. Стоит отметить, что этот подход получил дальнейшее развитие в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей [Sorensen, 1986; Grusky, 2001; Тихонова, 2006, 2014 и др.].

Следуя логике подхода, учитывающего влияние квалификационных характеристик индивида не только и не столько на его доходы, сколько на его социальный статус, мы также сосредоточились не на оценке материальной отдачи от имеющихся у него знаний и навыков, а на наличии тех признаков, которые традиционно воспринимаются в российском обществе при оценке их престижности со знаком «плюс» [Тихонова, 2014], и именно этим определялся набор использованных индикаторов. В ряде случаев те же индикаторы используются другими авторами для оценок человеческого капитала индивида, что дает дополнительные возможности для интерпретации полученных нами результатов. Так, в работах ряда зарубежных авторов [Schultz, 1961; Becker, 1962] объем накопленных знаний часто идентифицируется с общим количеством лет, потраченных на обучение. Мы также использовали этот индикатор в своей шкале квалификационного статуса, поскольку он влияет на общую позицию индивида в современном российском обществе. Всего мы использовали для построения шкалы квалификационного статуса следующие индикаторы: общее количество лет обучения индивида, навык владения каким-либо иностранным языком, навык пользования информационными технологиями, а также факт прохождения в последние 12 месяцев повышения квалификации или какого-либо профильного обучения. За каждый из этих индикаторов респонденту начислялись баллы. От наличия диплома о высшем образовании в качестве индикатора квалификационного статуса, как, впрочем, и от учета наличия иных образовательных сертификатов, мы решили отказаться, поскольку этот показатель тесно связан с числом лет обучения³, но последнее более информативно — понятно, что человека, имеющего диплом о высшем образовании и отучившегося 17 лет, включая ординатуру или магистратуру, воспринимают иначе, чем имеющего «за плечами» 12—13 лет обучения даже при наличии диплома о высшем образовании, а таких, как будет показано ниже, в России сейчас немало.

В качестве эмпирической базы исследования были использованы данные репрезентативной части 25-й волны ежегодного опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ⁴, проходив-

³ Коэффициент Спирмена составлял для них в нашем массиве 0,722.

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп».

шей в 2016 г. Численность подмассива работающих россиян, ставших объектом нашего исследования, составила в этой волне 5168 человек. Предмет исследования — *иерархия квалификационных статусов в современном российском обществе, специфика их распределения в разных группах занятого населения России, а также консистентность объективного квалификационного статуса и его субъективных самооценок индивидами.*

Иерархия квалификационных статусов работающих россиян

Анализ отдельных индикаторов квалификационного статуса показал, что основная часть работающего населения России (58,3%) имеет более высокий уровень образования, чем полное среднее. Об этом же свидетельствуют и данные Федеральной службы государственной статистики РФ⁵. Это позволяет говорить о массовом охвате российского населения профессиональным образованием и превращении его скорее в своего рода норму, чем в дополнительный «плюс» к статусу индивида. Однако при этом довольно значительная часть работающего населения (42,6%) имеет продолжительность обучения не более 12 лет, а это значит, что такие работники имеют в лучшем случае специальное образование первой ступени, поскольку даже обучение в техникуме предполагает более продолжительный срок обучения⁶. Еще 12,1% имеют 13 лет обучения и лишь для 45,3% характерна относительно менее распространенная в России продолжительность обучения в 14 и более лет. Данные других исследований также свидетельствуют о том, что для населения России в целом модальным является обучение в течение 10—12 лет, а обучение продолжительностью 14 и более лет характеризует меньшинство населения [Тихонова, 2017]. Таким образом, как сколько-нибудь значимая статусная характеристика может рассматриваться только обучение продолжительностью от 14 лет и выше, свидетельствующее о «сверхнормативной» его длительности, в то время как просто наличие диплома о высшем образовании, как мы уже отмечали выше, далеко не всегда предполагает наличие продолжительного периода обучения (см. табл. 1). В то же время было бы неверно преуменьшать роль дипломов в формировании интегрального социального статуса индивида, поэтому мы использовали его как контрольный показатель в своем анализе.

Учитывая описанную неоднозначность ситуации с получением образования, в том числе и высшего, прежде чем рассматривать собственно иерархию квалификационных статусов, проанализируем ситуацию с каждым из примененных индикаторов. Из таблицы 1 видно, что, *хотя общее количество лет обучения в современной России служит основой для определения квалификационного статуса работника, однако данный критерий не является жестко и однозначно дифференцирующим население по показателям квалификационного статуса.* Так, например, существуют группы работающих, обучавшихся значительное число лет

⁵ См. Российский статистический ежегодник 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (дата обращения: 20.04.2018).

По данным ФСГС РФ, за 2016 г. 33,5% занятых имеют высшее образование, еще свыше 45% — среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена или квалифицированных рабочих.

⁶ Те же, кто получал образование несколько десятилетий назад, при другой организации системы образования должны были бы, чтобы оно не обесценилось, пройти переобучение. Судя по общей продолжительности их обучения, этого не произошло.

(от 14 и более), но не имеющих при этом формального подтверждения завершения определенного этапа своего обучения в виде диплома, и наоборот — около 11 % лиц с дипломом о высшем образовании проучились не более 13 лет. Поэтому для оценки квалификационного статуса следует обратиться также к другим индикаторам, отражающим наличие у индивида конкретных навыков, влияющих не только на его восприятие на рынке труда, но и на его престиж в сообществе в целом.

Таблица 1. Соотношение уровня образования и количества лет обучения, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2016 г., %

Количество лет обучения	Уровень образования					
	Неполное среднее и ниже	Полное среднее	Полное среднее-специальное	Полное высшее	Более чем высшее	Доля группы в массиве
До 13 лет включительно	99,1	95,1	70,4	11,5	0,6	54,7
14—16 лет включительно	0,9	4,9	27,2	62,3	35,9	31,8
От 17 лет и более	—	—	2,5	26,2	63,5	13,5
Доля группы в массиве	6,5	24,2	30,6	31,8	7,0	100

В качестве индикаторов таких навыков, как говорилось выше, мы использовали знание иностранных языков, владение информационными технологиями и регулярность прохождения процедур повышения квалификации. Начнем с последнего показателя. Как показали данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, повышение квалификации в последние 12 месяцев перед опросом 2016 г. проходили лишь 5,4 % работающего населения, причем более 60 % из них имели высшее образование, а 26,3 % обучались даже 17 лет и более. Таким образом, сам состав прошедших повышение квалификации подтвердил оправданность включения этой характеристики в число индикаторов квалификационного статуса — ведь в российских условиях это скорее особенность поведения людей, и без того имеющих высокие и относительно редкие для России характеристики квалификационного статуса.

С другими индикаторами квалификационного статуса ситуация обстоит несколько иначе. Как видно из рисунков 1 и 2, навыки использования информационных технологий и знание иностранных языков совершенно по-разному представлены среди работающего населения. В случае с иностранным языком ситуация более-менее ясна — уже сама его редкость при его востребованности в эпоху глобализации является бесспорным доказательством оправданности включения данного индикатора в расчет квалификационного статуса. С навыком же пользования компьютером и интернетом оказалось, что подавляющее большинство населения страны имеет хотя бы минимальные знания в этой области. А это значит, что хотя их отсутствие может понижать квалификационный статус индивида, но повысить его способен только продвинутый уровень владения информационными технологиями, для определения которого в нашем массиве отсутствовали необходимые

данные. Учитывая это обстоятельство, было решено использовать данный индикатор со знаком «минус», то есть понижать показатель интегрального квалификационного статуса индивида на 1 балл в случае, если он вообще не использует информационные технологии.

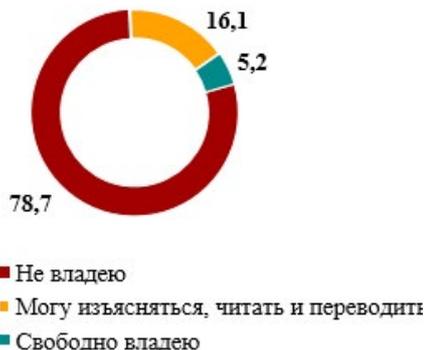

Рис. 1. Распределение работающего населения России по индикатору «Знание иностранных языков», РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2016 г.

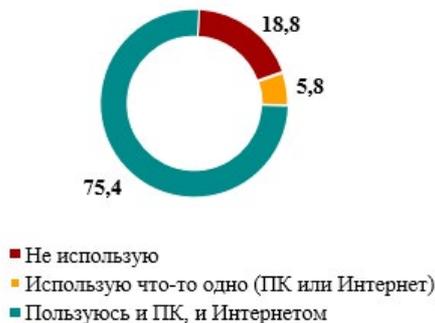

Рис. 2. Распределение работающего населения России по индикатору «Использование компьютера и сети интернет», РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2016 г.

В итоге избранные нами для расчета показателя интегрального квалификационного статуса шкалы выглядели следующим образом: по субшкале «Количество лет обучения» респондент получал 0 баллов, если он обучался не более 13 лет, за обучение продолжительностью от 14 до 16 лет начислялся 1 балл, от 17 лет — 2 балла. Также респондент получал дополнительный балл по субшкале «Повышение квалификации», если в последние 12 месяцев проходил ее по своей профессии. По субшкале «Знание иностранного языка» баллы присваивались следующим образом: если респондент не владел никаким иностранным языком, помимо языков бывших республик СССР, то ему присваивалось 0 баллов; за способность изъясняться, читать и переводить (в том числе со словарем) присуждался 1 балл

и за свободное владение иностранным языком — 2 балла. Баллы по четвертой субшкале — «Использование персонального компьютера (далее ПК) и интернета» — оценивались следующим образом: если работник не пользовался ПК и интернетом в любых целях в течение последних 12 месяцев, то он получал –1 балл, если пользовался чем-то одним (в любых целях), то ему присуждался 1 балл, а за пользование и ПК, и интернетом респондент получал 2 балла.

На основе агрегирования показателей этих субшкал была сконструирована интегральная шкала квалификационного статуса, значения которой находились в диапазоне от –1 до +7 баллов. Из рисунка 3 видно, что граница, отделяющая доли работающих со скорее низким квалификационным статусом от тех, чей статус стремится к более высоким его значениям, проходит в середине шкалы, что соответствует точке между двумя и тремя баллами. Именно показатель в 2 балла является самым массовым, и большие баллы говорят о более высоком, чем типичный для современной России, квалификационном статусе. При этом для почти четверти работающих россиян характерен низкий квалификационный статус, а для 15,4% его показатели вообще минусовые, что, с учетом методики расчета Индекса квалификационного статуса (далее Индекс КС), свидетельствует об абсолютном отсутствии у работника не только необходимого для квалифицированного труда образования или каких-либо востребованных на сегодняшний день навыков, но и о том, что с точки зрения своего квалификационного статуса он занимает непрестижное в современном российском обществе положение, приводящее его «на дно» статусной квалификационной иерархии. В то же время около четверти работающего населения обладают весьма высокими показателями Индекса КС, свидетельствующими не только о хорошем качестве их человеческого капитала, но и о том, что с точки зрения престижности их знаний и навыков они занимают в обществе довольно высокие позиции, а каждый десятый (т.е. верхний дециль по нашей шкале квалификационного статуса), обладает даже очень высокими показателями Индекса КС.

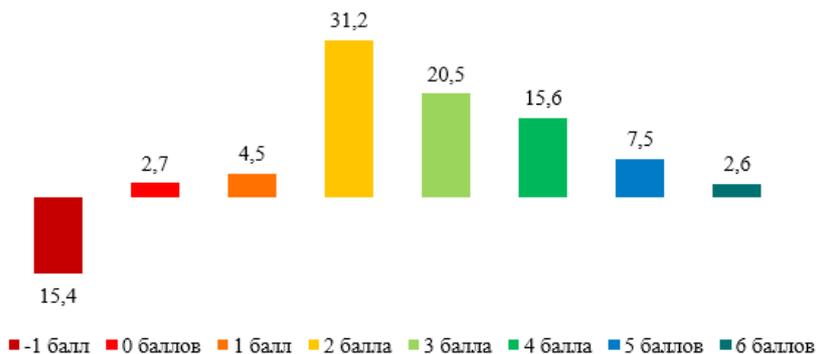

Рис. 3. Распределение по показателям Индекса квалификационного статуса работающих россиян, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2016 г., %⁷

⁷ Численность работающего населения с показателем квалификационного статуса в 7 баллов составила лишь 0,1%, поэтому на рисунке данная группа не представлена, но включена в группу работающих с показателями исследуемого статуса в 6 баллов.

Рассмотрим специфику распределения квалификационных статусов в различных социальных группах, однако прежде отметим, что соответствующий нижнему децилю показатель Индекса КС в –1 балл мы будем условно считать очень низким, 0—1 балла — низким, наиболее массовые 2 балла — средним, 3—4 балла — высоким, а в 5 баллов и выше, что соответствует верхнему децилю, — очень высоким.

Как правило, полученное базовое образование работника становится отправной точкой в его профессиональном пути и сильно влияет на профессиональный статус⁸. Однако не во всех случаях уровень образования является решающим (см. табл. 2). Так, свыше 10 % работников с полным средним образованием (10—11 классов) обладают показателем квалификационного статуса в 3 балла и выше, а среди работников с полным высшим образованием 14,9 %, напротив, имеют величину этого показателя ниже 3 баллов. Это свидетельствует о том, что работники в зависимости от различных факторов и обстоятельств (например, профиля занятости, места работы и т. п.) могут наращивать свой человеческий капитал, несмотря на уже имеющееся качественное образование, либо оставлять все «как есть», если на конкретном месте работы не требуется регулярного совершенствования профессионального мастерства, а также если внутренняя мотивация к нему слишком слаба даже при низком образовательном уровне. При этом вторая стратегия действий в России доминирует [Тихонова, Каравай, 2015].

Таблица 2. **Образовательный уровень групп с различными показателями квалификационного статуса, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2016 г., % от соответствующей группы**⁹

Баллы Индекса КС	Уровень образования				
	Неполное среднее и ниже	Полное среднее	Полное среднее-специальное	Полное высшее	Полное высшее и выше
–1 балл	32,7	28,5	18,4	2,3	—
0 баллов	—	1,4	4,3	2,9	1,7
1 балл	7,8	7,8	4,4	2,0	2,5
2 балла	55,0	51,8	40,8	7,7	2,2
3 балла	3,6	7,7	22,6	32,0	19,2
4 балла	0,9	2,6	7,0	33,2	32,9
5 баллов	—	0,2	2,0	15,4	27,3
6 баллов	—	0,1	0,4	4,5	14,2

Рассмотрим теперь, как распределяются показатели Индекса КС в отдельных профессиональных группах¹⁰ (см. табл. 3). Сразу стоит отметить, что первые три класса образуют единую группу со схожими характеристиками квалификационного статуса. За этим стоит схожесть качества их человеческого капитала,

⁸ Коэффициент корреляции Спирмена между принадлежностью к образовательной группе и показателем Индекса квалификационного статуса составил 0,682.

⁹ Фоном в таблице выделены ячейки, показатели в которых превышают долю соответствующей группы в массиве.

¹⁰ Мы использовали при выделении профессиональных групп рекомендованный МОТ и широко применяемый во всем мире, в том числе и в России, классификатор профессий ISCO-08 (Geneva: International Labour Office, 2008).

что уже фиксировалось как характерная особенность России [Тихонова, 2017]. Представители 4 класса, который преимущественно составляют работники рутинного нефизического труда (кладовщики, почтовые служащие и т. п.), подчас обладают схожими со свойственными первым трем классам навыками и образованием [Аникин, 2011]. Однако основная их масса сосредоточена все же в группах с показателями квалификационного статуса в 2—3 балла по Индексу КС, причем самой массовой среди них является, в отличие от первых трех классов, группа с показателями этого Индекса в 2 балла. И, наконец, четыре класса (3 класса рабочих и рядовые работники торговли и бытового обслуживания) характеризуются низкими показателями квалификационного статуса, что корреспондируется с непрестижностью их места в обществе в целом.

Таблица 3. **Профессиональный состав групп с разными показателями Индекса КС, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2016 г., % от соответствующей группы**¹¹

Баллы Индекса КС	Профессиональные группы по ISCO-08*							
	Руководители (1 класс)	Профессионалы (2 класс) **	Полупрофессионалы (3 класс)	Занятые низкоквалифицированным нефизическим трудом (4 класс)	Работники сферы торговли и услуг (5 класс)	Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (7 класс)	Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (8 класс)	Неквалифицированные рабочие всех отраслей (9 класс)
-1 балл	3,2	1,4	7,8	8,5	19,1	22,1	27,4	39,2
0 баллов	0,9	2,1	2,4	1,1	3,7	3,3	1,6	5,2
1 балл	1,3	1,5	3,5	2,8	6,2	5,7	7,3	7,0
2 балла	17,0	10,3	26,9	35,6	38,9	46,0	44,1	32,9
3 балла	29,0	27,8	26,4	22,4	18,5	14,7	11,9	11,2
4 балла	28,7	29,8	21,7	18,9	10,0	5,5	5,6	3,9
5 баллов	15,1	18,7	8,5	10,0	2,8	2,3	1,9	0,5
6 баллов	4,7	8,4	2,7	0,7	0,8	0,4	0,1	—
Доля группы в массиве	6,2	18,0	18,3	5,5	17,7	13,5	13,5	7,4

* Учитывая незначительную численность в массиве квалифицированных работников сельского, лесного хозяйств и рыбоводства — 7 человек (6 класс), данные по ним в таблице не представлены.

** Учитывая незначительную численность в массиве представителей 0 класса (военнослужащие — 16 человек), а также тот факт, что это были в большинстве своем люди с дипломом о высшем образовании, данные по ним были учтены в группе специалистов с высшим образованием (2 класс).

Рассмотрим показатели квалификационного статуса отдельных профессиональных классов. Довольно интересна ситуация с руководителями (1 класс). Казалось бы, представители данной группы в силу специфики своего положения должны обладать высоким квалификационным статусом. Однако только 19,8% представителей данной группы обладают показателями Индекса КС в 5 баллов и выше. Более типична для них величина этого показателя в 3—4 балла (см. табл. 3), что ставит их в промежуточное положение между 2 (профессионалы) и 3 (полупрофессионалы) классом.

¹¹ Фоном в таблице выделены ячейки, показатели в которых превышают долю группы с соответствующим значением Индекса КС в массиве работающих в целом.

Это можно объяснить тем, что в выборки массовых опросов обычно не попадают руководители топ-уровня. Однако, хотя на это уже обращалось внимание в литературе [Тихонова, 2017], что подтверждает наши выводы, выглядит все же странно, что без представителей топ-менеджмента квалификационный статус руководителей тяготеет скорее к полупрофессионалам, чем к профессионалам, особенно если сравнить доли обладающих минусовыми показателями Индекса КС. Объяснение такой ситуации может крыться в специфике деятельности таких руководителей — по-видимому, в российских условиях работа руководителя среднего уровня состоит из рутинной административной нагрузки и не предполагает глубоких профессиональных знаний. Им не приходится заниматься стратегическим или хотя бы текущим планированием. В итоге на такие позиции, даже с большими зарплатами, чем у профессионалов, могут брать людей не с самым высоким уровнем образования и качеством человеческого капитала [Коленикова, 2017].

Обращаясь к другим профессиональным классам, состоящим из разных групп рабочих, стоит отметить, что разброс значений квалификационного статуса в них более выраженный, чем в первых трех классах. Однако типичные значения Индекса КС держатся у рабочих в диапазоне от очень низкого до средних квалификационных статусов. Ситуация у квалифицированных рабочих (7 и 8 классы) схожа с распределением квалификационных статусов в 9 классе, хотя, казалось бы, для вхождения в группу квалифицированных рабочих необходимо предварительное профессиональное образование. Все это подтверждает выводы ряда исследователей о низком качестве человеческого капитала современных российских рабочих, что обусловлено отсутствием на предприятиях эффективных систем их мотивирования к наращиванию своего человеческого капитала (см. [Каравай, 2015; Ваньке, Тартаковская, 2016; Латова, 2018] и др.).

В целом, как видно из полученных данных, характерные особенности квалификационного статуса профессиональных классов по показателям Индекса КС прослеживаются довольно четко. Условно можно выделить три группы с наиболее выраженной спецификой этого Индекса — квалифицированные работники нефизического труда (1—3 классы), работники рутинного нефизического труда низкой квалификации (4 класс), работники сферы торговли и услуг (5 класс) и фактически составляющие с ними единую группу работники физического труда (7, 8 и 9 классы). Хотя обладание определенным квалификационным статусом связано с профессиональной принадлежностью, что подтвердила и статистическая проверка¹², отдача от человеческого капитала внутри этих макрогрупп мало различается, что видно из уровня их доходов, особенно в «глубинке».

Помимо образования и профессиональной принадлежности, мы также предприняли попытку проверки взаимосвязи ряда аскриптивных характеристик (пола, возраста и типа населенного пункта) с положением индивида в иерархии квалификационных статусов. Из трех этих характеристик более тесную статистическую взаимосвязь с квалификационным статусом продемонстрировала принадлеж-

¹² Коэффициент корреляции Спирмена между принадлежностью к образовательной группе и значениями Индекса КС составил 0,515.

ность к той или иной возрастной группе¹³. Как видно из таблицы 4, наибольшая концентрация лиц с показателями Индекса КС от 3 баллов и выше наблюдается в наиболее молодых возрастных группах (18—24 и 25—34 года) — свыше 50% состава данных групп обладают показателями этого Индекса не менее 3 баллов. При этом чем моложе группа, тем выше в ней показатели квалификационного статуса. Что же касается наименьшей концентрации высоких значений Индекса КС, то стоит отметить, что она наблюдалась, напротив, в старших группах (45—59 лет и 60 лет и старше). Максимальна же доля лиц с очень высокими показателями Индекса КС в группе россиян от 25 до 34 лет, а у представителей старших возрастов могут накапливаться другие ресурсы (социальные связи, властный ресурс), которые гораздо сильнее могут влиять на их общий социальный статус, нежели квалификация.

Таблица 4. Доли лиц с разными показателями Индекса КС в различных возрастных группах, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2016 г., % от соответствующей группы¹⁴

Баллы Индекса КС	Возрастная группа				
	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 и старше
–1 балл	3,3	4,6	10,5	24,4	36,0
0 баллов	0,3	1,1	1,7	3,9	7,3
1 балл	2,2	4,2	5,1	4,5	6,0
2 балла	34,7	29,7	34,3	31,5	22,7
3 балла	24,3	23,9	20,3	19,1	13,9
4 балла	24,3	20,9	15,9	11,3	9,3
5 баллов	8,5	11,4	8,5	4,4	4,4
6 баллов	2,5	4,3	3,7	0,9	0,4
Доля группы в массиве	7,1	25,0	25,6	33,5	8,8

Рассматривая объективные показатели квалификационного статуса, стоит принимать во внимание и его субъективную сторону. Так, отдельно стоит рассмотреть, насколько объективные показатели исследуемого статуса совпадают или, наоборот, расходятся с субъективными самооценками людей, т. е. насколько отчетливо они сами осознают и ощущают престижность или непрестижность своего места в иерархии квалификационных статусов.

Как показывают данные таблицы 5, большинство состава каждой из групп с разными показателями Индекса квалификационного статуса оценивают свой текущий статус как средний и выше среднего. Даже представители групп с мину-

¹³ Коэффициент корреляции Спирмена между типом населенного пункта и величиной квалификационного статуса составил 0,229, между квалификационным статусом и полом респондента — 0,121, между квалификационным статусом и принадлежностью к той или иной возрастной группе — 0,305.

¹⁴ Фоном в таблице выделены ячейки, показатели в которых превышают долю группы с соответствующим значением Индекса КС в массиве работающих в целом.

совым и нулевым квалификационным статусом чаще всего склонны оценивать свое профессиональное мастерство в 6 баллов и выше по десятиступенчатой шкале. Это свидетельствует о том, что россияне склонны сильно завышать оценки уровня своей квалификации, об этом говорит и статистическая проверка¹⁵. В то же время у работников с очень высокими показателями Индекса КС ситуация все же заметно отличается от весьма пестрой картины в других группах — в них около двух третей всей группы уверено ставят себя на три верхние «ступеньки» квалификационной «лестницы». Если говорить о взаимосвязи между показателями Индекса КС и субъективной оценкой своего интегрального социального статуса, то она является более тесной¹⁶, чем для оценок по субъективной шкале квалификационного статуса.

Таблица 5. Субъективная оценка своего квалификационного статуса в группах с разными показателями Индекса КС, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2016 г., % от соответствующей группы¹⁷

Субъективная оценка профессионализма по ступеням	Баллы Индекса КС								Доля в массиве в целом
	–1 балл	0 баллов	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов	6 баллов	
Высшая ступень	13,4	10,3	15,6	12,2	13,1	14,0	14,2	17,2	13,2
8	19,4	17,5	16,1	20,7	19,4	19,4	24,9	27,3	20,2
7	13,7	19,0	17,9	19,0	21,8	23,0	24,7	23,4	19,9
6	16,8	23,0	10,3	13,4	13,6	16,0	11,3	14,1	14,3
5	17,2	19,0	17,9	15,3	15,0	12,5	11,8	8,6	14,9
4	7,9	4,0	9,4	8,4	8,2	8,8	5,8	5,5	8,0
3	6,4	4,8	7,1	5,8	5,3	2,9	3,4	3,9	5,1
2	3,3	1,6	3,6	3,6	1,9	1,9	2,9	—	2,7
Низшая ступень	1,9	0,8	2,2	1,6	1,7	1,4	1,0	—	1,6

Ситуация неконсистентности объективного и субъективного квалификационного статуса обусловлена многими факторами. Во-первых, наша шкала включает далеко не все факторы, которые могут оказывать влияние на самооценку индивидом своего квалификационного статуса. Например, мы не учитываем опыт и другие характеристики индивида, которые также влияют на его квалификационный статус в целом. Во-вторых, на рынке труда шире всего распространены вакансии в сфере услуг, для рекрута сотрудников на которые чаще всего основным критерием выступает просто наличие диплома об образовании. В-третьих, человек

¹⁵ Коэффициент корреляции Спирмена между объективными показателями Индекса КС и субъективными его оценками составил всего 0,039.

¹⁶ Коэффициент корреляции Спирмена между объективными показателями Индекса КС и субъективными оценками интегрального социального статуса составил 0,141.

¹⁷ Затруднившиеся с ответом (в совокупности 4,8%) в таблице не представлены. Фоном выделены ячейки, показатели в которых превышают долю соответствующей группы в массиве.

при субъективной самооценке своего квалификационного статуса ориентируется обычно на уровень квалификации своего окружения, а не работающего населения страны в целом, и обычно не готов поэтому считать себя «хуже других». Наконец, в-четвертых, и это, пожалуй, самое главное — в России слабо распространены разного рода формы сертифицирования знаний и квалификации человека помимо привычных дипломов об образовании, что делает невозможным корректное сравнение уровней профессионального мастерства и порождает дисбаланс его оценок.

Выводы

Проведенное исследование показало, что в России существует довольно четко выраженная иерархия квалификационных статусов, не полностью совпадающая с показателями формального уровня образования населения. Ее основу формирует общее количество лет обучения индивида, хотя большую роль играет также наличие у человека дополнительных навыков, отвечающих запросам современного рынка труда и пользующихся престижем в обществе.

В ходе анализа распределения работающего населения по показателям Индекса КС было установлено, что модальным его значением среди занятого населения России является 2 балла из 7 возможных, при том, что даже значение в 3 балла в большинстве случаев свидетельствует о наличии у индивида лишь диплома о каком-либо профессиональном образовании и наиболее популярного среди работающих россиян навыка (владения ПК). Участие в повышении квалификации и знание иностранных языков среди занятого населения страны можно встретить редко. Все это говорит о все еще невысокой их распространенности в российском обществе.

Рассмотрение специфики распределения квалификационных статусов в образовательных и профессиональных группах позволило зафиксировать тесную взаимосвязь между принадлежностью к указанным группам и квалификационным статусом работника. При этом, если объединить отдельные профессиональные классы в три укрупненные группы с наиболее выраженной спецификой показателей Индекса КС относительно друг друга, то видно, что в России существует два очень разных по их квалификационно-статусным характеристикам класса — руководители, профессионалы и полупрофессионалы, с одной стороны, а также рабочие и рядовые работники торговли — с другой. Между ними находится гетерогенная прослойка, состоящая из представителей рутинного нефизического труда. Престижность принадлежности к этим классам различается довольно существенно.

Исследование взаимосвязи аскриптивных характеристик в связи с показателями Индекса КС работника (пола, возраста, типа населенного пункта) показало особую роль возраста в формировании ключевых характеристик квалификационного статуса. Наличие востребованных, «модных» навыков чаще характерно именно для молодежи, в то время как навыки, которыми обладают старшие возрастные группы, относительно менее востребованы. За счет этого снижаются и показатели их квалификационного статуса. Это находит отражение в относительно меньшей востребованности многих представителей старших поколений на рынке труда, в более низких показателях их квалификационного статуса, а также в их зарпла-

тах. Однако сами представители старшего поколения, судя по их оценке своего квалификационного статуса, не готовы ни осознать эту ситуацию, ни принять ее. При этом максимальные показатели квалификационного статуса у лиц 25—34 лет.

Сопоставление объективных показателей квалификационного статуса с его субъективными оценками самими работающими продемонстрировало низкий уровень взаимосвязи между ними. Это сигнализирует, во-первых, о сложной структуре квалификационного статуса, который в субъективном восприятии индивида включает обширный диапазон критериев, часть которых могут не иметь явного и однозначного выражения, поэтому нам не удалось отобразить их в нашей шкале. Однако нам удалось выявить общую взаимосвязь между объективным квалификационным статусом и субъективной оценкой индивидом своего интегрального социального статуса, что подтвердило предположения об уровне образования и навыков как факторе престижа в современном российском обществе. Во-вторых, неконсистентность объективного и субъективного квалификационного статуса говорит о том, что в современной российской экономике нет прозрачной и общепризнанной системы сертификации квалификации работников, которая позволила бы им более реалистично оценивать свой квалификационный статус, а следовательно — и стремления к его повышению.

В целом взятые в совокупности результаты проведенного исследования позволяют градуировать иерархию квалификационных статусов в современной России. Согласно полученным результатам, в ней определенно выделяются три уровня, позиции индивидов на которых будут существенно отличаться, определять их разные возможности на рынке труда и отражать уровень престижности их места в обществе. Это: 1) позиции нижнего уровня, не требующие профильного образования и специфических навыков, которые соответствовали бы современному технологическому укладу; эти позиции воспринимаются обществом как непрестижные; 2) позиции среднего уровня, претендовать на которые можно, даже не имея большого объема человеческого капитала, но формально обладая дипломом о высшем образовании, который сам по себе обеспечивает некоторый уровень престижа в глазах общества, но в целом уже воспринимается обществом, особенно молодежью, скорее как норма, чем как показатель высокого статуса занимаемых в квалификационной иерархии позиций; 3) позиции высшего уровня, требующие максимальных показателей объема человеческого капитала — длительности образования, многообразия профессиональных навыков и т. д. Именно занятие позиций последнего типа в общей иерархии квалификационных статусов не только обеспечивает высокий уровень социального одобрения (престижа), но и открывает новые возможности наращивания разного рода капиталов. Однако дисбалансы квалификационного и экономического статусов в современной России, при огромной роли в формировании в глазах населения интегральной статусной позиции индивида его экономического статуса, снижают роль квалификации и образования как детерминантов места индивидов в обществе и демотивируют население в профессиональном развитии. Это может привести уже в среднесрочной перспективе к дефициту высококвалифицированных кадров в нашей стране при одновременном переизбытке специалистов с человеческим капиталом низкого и среднего качества.

Список литературы (References)

- Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 120—156.
Anikin V. A. (2017) Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations. Journal of Economic Sociology. Vol. 18. No. 4. P. 120—156. (In Russ.)
- Аникин В. А. Модернизационный потенциал профессиональной структуры занятого населения России // Общество и экономика. 2011. № 11—12. С. 35—64.
Anikin V. A. (2011) Professional structure modernization potentiality of employed population in Russia. Society and Economics. No. 11—12. P. 35—64. (In Russ.)
- Ваньке А. В., Тартаковская И. Н. Карьера рабочего как биографический выбор // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 9—48.
Vanke A. V., Tartakovskaya I. N. (2016) Working-Class Career as Choice Biography. Russian Sociological Review. Vol. 15. No. 3. P. 9—48. (In Russ.)
- Горшков М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование в контексте модернизации. М.: ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011.
Gorshkov M. K., Klyucharev G. A. (2011) Continuing education in the context of modernization. Moscow: IS RAN, FGNU CSI. (In Russ.)
- Коленникова Н. Д. Особенности властного статуса занятого населения современной России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 214—232.
Kolennikova N. D. (2017) Characteristics of the power status of employed population in modern Russia. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 5. P. 214—232. (In Russ.)
- Каравай А. В. Человеческий капитал российских рабочих: состояние и факторы // Вестник Института социологии. 2016. № 17. С. 91—112.
Karavay A. V. (2016) The Human Capital of the Russian Working Class: Status and Factors. Bulletin of the Institute of Sociology. No. 17. P. 91—112. (In Russ.)
- Кузина О. Е. Пенсионные стратегии россиян: результаты социологического исследования (2005—2010 гг.) // Пенсионное обозрение. 2011. № 2 (6). С. 1—27.
Kuzina O. E. (2011) Pension strategies of Russians: results of a sociological survey (2005—2010). Pension Review. No. 2 (6). P. 1—27. (In Russ.)
- Латова Н. В. Российские рабочие сквозь призму теории человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2018. № 3. С. 33—50.
Latova N. V. (2018) Human capital of the Russian workers and workers from other countries. Social Science and contemporary World. No. 3. P. 33—50. (In Russ.)
- Лукьянова А. Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14. № 3. С. 326—348.
Lukiyanova A. L. (2010) Returns to Education in Russia: Evidence from Meta-Analysis. Higher School of Economics Economic Journal. Vol. 14. No. 3. P. 326—348. (In Russ.)

Радаев В. В. Экономическая социология. Курс лекций: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1998.

Radaev V. V. (1998) Economic sociology. Course of lectures: textbook. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43—53.

Tikhonova N. E., Karavai A. V. (2016) Resources of Russians in times of crisis: dynamics and role in adaptation to new conditions. *Sociological Studies*. No. 10. P. 43—53. (In Russ.)

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010—2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84—98.

Tikhonova N. E. Karavai A. V. (2018) Dynamics of some Indicators of Russians' general human capital in 2010—2015. *Sociological Studies*. No. 5. P. 84—98. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28—40.
Tikhonova N. E. (2006) Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification research. *Sociological Studies*. No. 9. P. 28—40. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 140—165.

Tikhonova N. E. (2017) Human Capital of Professionals and Managers: the Condition and Dynamic. *Bulletin of the Institute of Sociology*. No. 21. P. 140—165] (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый Хронограф. 2014.

Tikhonova N. E. (2014) Social structure of Russia: theory and reality. Moscow: Novyi khronograf: Institut sotsiologii RAN. (In Russ.)

Becker G. S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. P. 9—49.

Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. Trans. R. Nice. In: Richardson J. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood. P. 46—58.

Grusky D. B. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality // *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* / Ed. by D. B. Grusky. Westview Press. P. 3—39.

Schultz T. W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. Vol. 51. No 1. P. 1—17.

Sorensen A. B. (1986) Theory and Methodology in Social Stratification. In: *Sociology: from crisis to science?* Volume I. The sociology of structure and action. Ed. Ulf Himmelstrand. London. P. 69—93.

Verhaest D., Omey E. (2006) The Impact of Overeducation and Its Measurement. *Social Indicators Research*. Vol. 77. No. 3. P. 419—448.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.07

Правильная ссылка на статью:

Петухов Р.В. К проблеме социального содержания местного самоуправления // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 131—146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.07>.

For citation:

Petukhov R. V. (2018) On the social content of local self-government. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 131—146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.07>.

Р. В. Петухов К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

ПЕТУХОВ Роман Владимирович — кандидат юридических наук, магистр социологии, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
E-MAIL: petukhovrv@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0940-9315>

Аннотация. Автор статьи акцентирует внимание на том, что в социологических исследованиях российского местного самоуправления превалирует некритическое заимствование базовой терминологии и аксиоматики муниципального права. Воспроизведение идеальных конструкций, закрепленных

ON THE SOCIAL CONTENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Roman V. PETUKHOV^{1,2} — Cand. Sci. (Law), MA in Sociology, Senior Researcher
E-MAIL: petukhovrv@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0940-9315>

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Abstract. The author argues that the social studies devoted to the Russian local self-government are dominated by uncritical borrowing of the basic vocabulary and the axiomatics of the municipal law. Such studies reproduce ideal concepts enshrined in the legislation and legal doctrine to substitute for the critical anal-

в законодательстве и юридической доктрине, нередко подменяет собой критический анализ процессов, происходящих в социальной реальности. Чтобы приблизиться к пониманию действительного смысла того, что принято называть местным самоуправлением, автор предлагает соотнести юридико-догматическую концепцию с результатами эмпирических исследований. Для этого в статье выделяются три конститутивных признака местного самоуправления — инклюзивность, доступность и автономность местной власти. Анализируя данные опросов общественного мнения, автор фиксирует разрушение доверия к муниципальным властям, их дистанцированность от местных жителей и близость к региональным властям. В качестве примера рассматривается практика отмены прямых выборов глав муниципальных образований, наглядно демонстрирующая противоречия между реальными процессами и теорией местного самоуправления. При этом отмечается неоднозначность отношения общества к местному самоуправлению как к ценности и как к непосредственно наблюдаемому явлению. Результаты проведенного анализа позволяют автору сделать вывод о наличии принципиального расхождения между реальностью и нормативной концепцией местного самоуправления, ставящего вопрос о необходимости ее переосмысления с позиций социальных наук. Базой для анализа выступили данные всероссийских репрезентативных опросов, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН, ВЦИОМ и ФОМ.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное управление, гражданское участие, общественное мнение, муниципальные выборы

ysis of the social reality processes. To understand the true meaning of what is referred to as local self-government the author proposes to consider the correlation between the legal-dogmatic concept and the results of empirical research. For that purpose, three constitutive features of local self-government are singled out: inclusiveness, accessibility and autonomy of local authorities. Analyzing the data of the public opinion surveys, the author observes the lack of public confidence in the municipal authorities, their distancing from the local communities and proximity to the regional government. As an example, the author examines cancellation of direct elections of heads of municipalities which brings into sharp focus contradictions between actual processes and the local self-government theory. At the same time, public perceptions of local self-government as a value and a directly observed phenomenon remain uncertain. Based on the results of the analysis, the author concludes that there is a principal divergence between the reality and the normative conception of local self-government which raises the issue of its rethinking in social sciences. The basis of the study is the data of the nationwide representative surveys conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, the Russian Public Opinion Research Center and the Public Opinion Foundation.

Keywords: local self-government, municipal government, civic participation, public opinion, municipal elections

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00218-II «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах»).

Acknowledgments. The paper is supported by the Russian Science Foundation, project no. 14-28-00218-II “Dynamics of social transformation in modern Russia in socio-economic, political, socio-cultural and ethno-religious contexts”.

Последние три десятилетия юриспруденция активно предлагает другим общественным наукам сконструированную в рамках своей предметной области концепцию местного самоуправления. В наиболее распространенной интерпретации данная концепция представляется как особая форма организации власти (политический институт), сочетающая в себе публично-властные начала с активной и деятельной гражданской самоорганизацией на местном (локальном) уровне [Васильев, 2005: 165—166; Баженова, 2010: 43—44; Бондарь, 2008: 2; Замотаев, 1999: 13 и др.]. Довольно удачно суть этих представлений передает метафора «связующего звена», соединяющего органы государственной власти и население [Савранская, 1997: 111], при этом не являющегося в полном смысле ни тем, ни другим. Такое представление о местном самоуправлении сформировалось в конце 1980-х — начале 1990-х годов как результат рецепции теоретических взглядов дореволюционных русских государствоведов [Фадеев, 1994: 4], на которые наслонились положения марксистско-ленинской теории самоуправления народа («управление народа посредством самого народа» [Маркс, 1960: 174]) и идеалистические представления об организации местной власти, сформулированные в Европейской хартии местного самоуправления¹.

На протяжении всего постсоветского периода считалось, что сложившиеся практики функционирования муниципальных властей в целом соответствуют или стремятся к соответствию «юридической» концепции местного самоуправления. Именно поэтому все более-менее серьезные изменения в регулировании местного самоуправления назывались реформами, тем самым претендуя на эволюционное развитие существующих организационных моделей. Критике же подвергались в основном неудачные законодательные решения, которые характеризовались в качестве основных барьеров, сдерживающих развитие самоуправленческих практик, либо прямо им препятствующих [Бабун, 2015; Гриценко, 2014; Костюков, 2014 и др.].

В указанной парадигме местное самоуправление мыслится не только юристами, но и многими представителями других общественных наук, в том числе социологами [Баженов, Мартынова, 2015; Майкова, Симонова, 2016; Смолий, 2006 и др.]. Такое некритичное заимствование базовой терминологии и аксиоматики муниципального права представляет собой серьезную проблему отечественных социологических исследований местного самоуправления, так как оно возводит

¹ Европейская хартия местного самоуправления принята Советом Европы в 1985 г. Содержит принципы организации местной власти, которым должны следовать государства — члены данной международной организации. Несмотря на свое прогрессивное содержание, является синтетическим по своей сути документом, содержащим представления об организации местной власти и управления, заимствованные из опыта разных стран, но в полном объеме нигде не реализованные. Подробнее о Хартии см. [Автономов, Захаров, Черкасов, 1998].

в ранг реально существующих феноменов идеально-типические конструкции, описанные в нормативных актах и в юридической доктрине.

Также в социологической литературе можно встретить использование термина «местное самоуправление» или производного от него словосочетания «орган(-ы) местного самоуправления» без какой бы то ни было проблематизации их содержания. В таких случаях «местное самоуправление» выступает в качестве общеупотребимой словарной формы, отсылающей к некоторому феномену, содержание которого находится вне зоны исследовательского интереса соответствующего автора. Такой подход, в частности, характерен для социологических исследований, сфокусированных на исследовании власти в городских сообществах [Ледяев, 2012; Чирикова, Ледяев, 2017]. Для поиска ответа на традиционный для этого типа исследований вопрос «кто правит?» [Ледяев, 2012: 107] принципиально неважно, например, различие местного самоуправления и муниципального управления, которое может быть редуцировано до противопоставления выборных и невыборных муниципальных руководителей или органов власти. Конечно, такое словоупотребление несколько не влияет на высокую научную ценность таких работ, но оно хорошо демонстрирует, насколько сегодня термин «местное самоуправление» в смысловом плане бессодержателен.

Поэтому для того, чтобы понять социальный смысл происходящих на локальном уровне процессов, необходимо дистанцироваться от юридико-догматической концепции местного самоуправления и «подвергнуть» этот концепт эмпирическим исследованиям, позволяющим соотнести предлагаемую ей идеальную конструкцию с тем, что происходит в действительности.

Какие же конститутивные признаки могут быть выбраны для такого исследования? Если отталкиваться от приведенной выше интерпретации местного самоуправления, то в качестве первого базового признака может быть предложена *инклюзивность* местной власти, под которой будет пониматься возможность жителя локалитета (местного сообщества, территориального публичного коллектива, или — в терминологии российского муниципального права — муниципального образования) принимать участие не только в формировании органов власти, но и в их непосредственной деятельности². Вторым важным признаком является понимаемая в широком смысле *доступность органов власти*, включающая их географическую, административную и коммуникативную достижимость. Наконец, третьим конститутивным признаком местного самоуправления является вертикальная и горизонтальная *автономность* местных органов власти.

В качестве эксперимента попробуем применить выделенные конститутивные признаки местного самоуправления к данным, полученным в результате опросов, проводившихся Институтом социологии РАН в рамках мониторингового исследования «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах»³

² Важно оговориться, что в рамках рассматриваемой парадигмы непосредственное или опосредованное участие граждан в формировании органов власти является обязательным, но не достаточным признаком.

³ В настоящей статье использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданные при финансовой поддержке РФФИ. Исследование проводилось по общероссийской выборке ($N = 4000$), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Подробнее о методологии этого исследования см. [Российское общество... 2015].

(далее — Мониторинговое исследование). Среди множества собранных данных основного внимания заслуживает отслеживавшийся в динамике показатель *институционального доверия* к органам местного самоуправления, так как его многомерность позволяет делать выводы относительно каждого из вышеуказанных конститутивных признаков. Кроме того, на разных этапах исследования респондентам задавались вопросы о возможности влияния жителей на политику местных властей, об опыте личного участия в работе органов местного самоуправления, о важности различных прав и свобод, демократических институтов, об отношении к понятию «самоуправление» и ассоциациях, связанных с этим словом.

Мониторинговое исследование позволило зафиксировать стабильно низкий, особенно по сравнению с другими властными институтами, уровень институционального доверия к органам местного самоуправления (см. табл. 1). В последние два года наблюдается некоторое восстановление доверия к ним, но к докризисному уровню этот показатель пока не вернулся. Муниципалитетам доверяют существенно меньше респондентов, чем президенту страны, федеральному правительству и руководителям регионов, российской армии и даже полиции. По уровню доверия они сопоставимы с Советом Федерации и несколько превосходят Государственную думу.

Таблица 1. *Доверие основным властным институтам, осень 2014 г. — весна 2018 г., %*

Вы в целом доверяете или не доверяете следующим государственным и общественным институтам? (приведены данные динамики показателя «доверяю»)	Осень 2014	Весна 2015	Осень 2015	Весна 2016	Осень 2016	Весна 2017	Осень 2017	Весна 2018
Президенту России	78	78	75	72	67	72	69	69
Правительству России	55	49	52	38	40	43	38	39
Руководителю республики, губернатору Вашей области, края	49	43	43	30	31	36	34	39
Органам местного самоуправления	33	27	29	22	20	28	26	30
Государственной Думе РФ	32	29	32	22	22	25	24	27
Совету Федерации	34	30	31	22	23	27	26	30
Полиции, органам внутренних дел	28	32	32	29	31	36	33	34
Российской армии	62	65	65	67	65	67	63	66
Судебной системе	24	26	26	22	24	26	25	25

Существенное преобладание респондентов, не доверяющих органам местного самоуправления, над теми, кто выражает доверие (46% и 30% соответственно), позволяет сделать вывод о разрушении доверия (термин П. Штомпки) к муниципальным властям (см. рис. 1). Пиковым моментом кризиса стала осень 2016 г., когда о недоверии заявило более половины респондентов.

Рисунок 1. Динамика уровня доверия и недоверия к органам местного самоуправления, осень 2014 г. — весна 2018 г., %

Феномен доверия органам власти, как известно, многоаспектное явление. В первую очередь он определяется уверенностью граждан в их профессионализме, а также степенью доступности и достаточности информации, необходимой для оценки деятельности властных органов. Как отмечает Петр Штомпка, доверие к государству и его институтам возникает в основном из оценки гражданами результатов своего непосредственного взаимодействия с представителями власти и информации, получаемой из СМИ [Штомпка, 2012: 366—367]. Непрозрачность и дистанцированность представителей власти от граждан порождает недоверие к соответствующему институту, так как блокируется возможность получения информации и оценки ее достоверности [там же: 207].

Учитывая, что инклюзивность и доступность, согласно нашей гипотезе, являются конститутивными признаками местного самоуправления, соответствующие органы власти должны быть максимально открыты для коммуникации с жителями и прозрачны для контроля со стороны общества. В идеале участие в их работе простых граждан должно носить систематический характер и служить залогом снижения издержек при решении первостепенных вопросов жизнеобеспечения и благоустройства. Соответственно, реализация на практике этих теоретических выкладок должна была бы создавать предпосылки для поддержания высокого уровня доверия к органам местного самоуправления. Однако полученные данные демонстрируют обратный результат.

Фиксируемое опросами разрушение доверия к муниципальным властям свидетельствует, что в обществе укоренилось сомнение в том, что органы местного самоуправления действуют в интересах локалитетов и их жителей, а также в том, что простые граждане имеют возможность влиять на принимаемые решения. На это,

в частности, указывают данные опроса, проведенного осенью 2017 г. в рамках Мониторингового исследования, согласно которым в возможность российских граждан влиять на политику муниципальных (городских) властей в той или иной степени верят 35 % респондентов, в то время как не верят 65 %. Причем в селах, в которых органы местного самоуправления максимально приближены к жителям, процент уверенных в возможности повлиять на их решения не слишком отличается от среднего показателя по выборке (см. табл. 2). Это дает основание предположить, что в существующих условиях физическо-географическая приближенность органов местного самоуправления к местам непосредственного расселения мало влияет на оценку их доступности для граждан.

Таблица 2. **Оценка возможности российских граждан влиять на политику муниципальных (городских) властей в зависимости от типа поселения, осень 2017 г., %**

Как Вы думаете, есть ли у российских граждан сегодня возможность влиять на политику муниципальных (городских) властей?	В среднем по выборке	Мегаполисы	Областные центры	Районные центры	ПГТ	Село
Безусловно, да	7	5	7	8	6	6
Скорее да	28	32	28	25	19	31
Скорее нет	40	42	39	39	47	41
Безусловно, нет	25	21	26	27	28	23

Сомнения в возможности повлиять на политику муниципальных (городских) властей помимо опыта повседневной коммуникации с их представителями имеют и институциональные причины. Ощущение оторванности муниципальной власти от жителей существенно усиливает практика отмены во многих муниципальных образованиях прямых выборов их глав. По информации Минюста России, по состоянию на 1 марта 2018 г. из 21 703 глав муниципальных образований непосредственно населением избирались 6 789 (в том числе 71 глава на сходах граждан), 8 896 глав избирались депутатами представительных органов местного самоуправления из своего состава и 6 018 — назначались на свои должности решением представительного органа из числа кандидатов, отобранных специальной комиссией по результатам конкурса⁴. Особенность последнего варианта заключается в том, что представители вышестоящих уровней власти участвуют в работе конкурсных комиссий, отбирающих кандидатуры на должность главы муниципального образования. Для муниципальных районов и городских округов половина комиссии назначается главой соответствующего субъекта Российской Федерации, а для городских или сельских поселений — главой муниципального района, в состав которого они входят.

⁴ Доклад о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2017 г. — начало 2018 г.) [Электронный ресурс] // Минюст России. URL: http://minjust.ru/sites/default/files/monitoring-msu-2018_18.docx (дата обращения: 23.11.2018).

Практика замены прямых выборов глав муниципальных образований опосредованными формами замещения этой должности вступает в прямой конфликт сразу со всеми выделенными нами конститутивными признаками. Во-первых, любая замена прямых процедур на опосредованные увеличивает дистанцию между гражданами и властью. Выборы важны не только для обеспечения представительства интересов различных слоев общества, они служат, по выражению Э. Гидденса, «институционализированными точками доступа, соединяющими политиков и народные массы» и обеспечивающими между ними доверительность [Гидденс, 2011: 221]. Отказ от выборов негативно сказывается на уровне доверия к органам власти, так как сводит к минимуму возможность соприкосновения политиков и простых граждан, вследствие которого оно только и может возникнуть. Во-вторых, отказ от прямых выборов превращает местных жителей из активных акторов муниципальной политики в ее пассивных наблюдателей, существенно сужая возможности для их участия в деятельности органов местного самоуправления. В-третьих, законодательное закрепление участия в отборе кандидатов в главы муниципальных образований представителей региональной власти не только сужает автономность местного самоуправления, но и подтверждает бытующее в общественном мнении представление о том, что муниципальные чиновники и депутаты являются «агентами» региональной власти и/или элитарных групп — бизнеса, промышленных предприятий, криминала и т. д.

Такое отношение к местным органам власти сложилось в обществе уже довольно давно. Из результатов всероссийского опроса, проведенного ФОМ в январе 1999 г.,⁵ следует, что 43% респондентов считали, что руководители городского (районного) масштаба в своей деятельности руководствуются в основном своими собственными интересами и интересами ближайшего окружения. Еще 22% полагали, что местные руководители следуют указаниям вышестоящего (областного, краевого, республиканского) начальства. И только 15% верили в то, что основным содержанием их деятельности является забота об интересах избирателей. Во многом близкие данные получил ВЦИОМ по результатам всероссийского опроса, проведенного в июне 2004 г.⁶ Более половины респондентов (58%) сомневались в том, что органы местного самоуправления имеют возможность принимать самостоятельные решения (см. рис. 2). Сомнения многих россиян в отношении самостоятельности органов местного самоуправления продемонстрировал и опрос, проведенный ВЦИОМ в сентябре 2005 г.: отвечая на вопрос, что такое местное самоуправление, 46% респондентов согласились с тем, что это «представительство государства на местах, предназначенное для исполнения распоряжений государственной власти» [Как управлять Россией, 2009: 181—183]. В свою очередь, с конституционной формулой, в соответствии с которой местное самоуправление представляет собой «форму осуществления народом своей власти, обеспечивающую самостоятельное и под свою ответственность решение населением вопросов местного значения», согласился 41% опрошенных.

⁵ Россияне о местных руководителях [Электронный ресурс] // ФОМ. 1999. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/of19990506> (дата обращения: 01.02.2018).

⁶ Является ли местное самоуправление в вашем городе, поселке реальной независимой силой, способной принимать самостоятельные решения? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2004. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=118&q_id=10100&date=15.06.2004 (дата обращения: 07.02.2018).

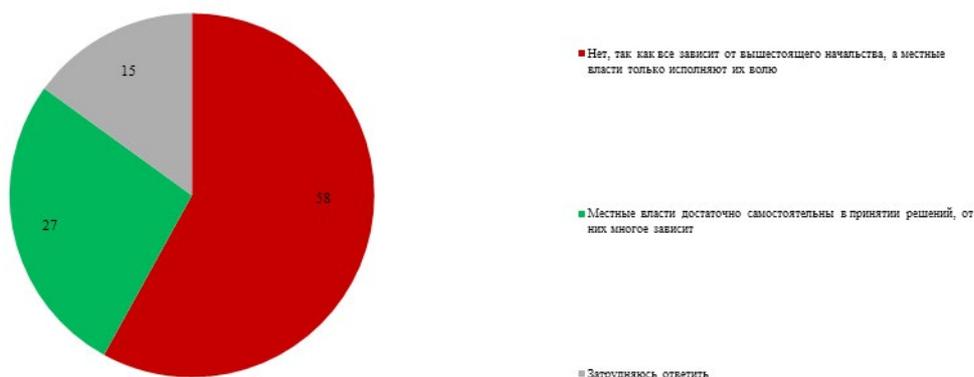

Рисунок 2. Оценка россиянами реальной независимости местного самоуправления, способного принимать самостоятельные решения, ВЦИОМ, 2004 г., %⁷

Наконец, как было сказано выше, инклюзивность и доступность, являющиеся в соответствии с нормативной концепцией местного самоуправления конститутивными признаками этого феномена, предполагают активное участие жителей в решении вопросов местного значения. В теории именно размытие границ между гражданской активностью и деятельностью органов власти позволяет выделить местное самоуправление среди других способов организации власти и управления на локальном уровне как наиболее эффективный. Однако на практике участие граждан в местном самоуправлении не носит массовый характер. По данным опроса, проведенного в рамках Мониторингового исследования весной 2016 г., лишь около 3% респондентов имеют опыт работы в выборных органах местного самоуправления, еще 4% в течение последних полутора лет участвовали в референдумах, публичных слушаниях и направляли обращения в органы власти.

Повседневная наблюдаемая деятельность муниципальных властей, в том числе опыт непосредственного взаимодействия с ними, приводит к разрушению доверия, но в то же время ценностные паттерны заставляют респондентов высоко оценивать местное самоуправление среди наиболее известных прав, свобод и демократических институтов. Например, по данным опроса, проведенного в апреле 2016 г. в рамках Мониторингового исследования, на важность местного самоуправления указали 73% опрошенных при 23% посчитавших его неважным. С этими показателями местное самоуправление опередило право на участие в мирных акциях протеста, наличие парламентских институтов и многопартийность и сравнялось со свободой выезда за рубеж (см. табл. 3). Более важными правами, свободами и демократическими институтами, по мнению опрашиваемых,

⁷ Источник: Является ли местное самоуправление в вашем городе, поселке реальной независимой силой, способной принимать самостоятельные решения? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2004. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=118&q_id=10100&date=15.06.2004 (дата обращения: 07.02.2018).

являются независимость суда, свобода слова и СМИ, свобода вероисповедания, выборность органов власти и свобода предпринимательства.

Таблица 3. Оценка россиянами важности различных прав и свобод, демократических институтов, %, апрель 2016 г.

	Важно	Не важно
Независимость суда	86	14
Свобода слова и средств массовой информации	86	14
Свобода вероисповедания	84	17
Выборность органов власти	80	21
Свобода предпринимательства	79	21
Местное самоуправление	73	27
Свобода выезда за рубеж	73	27
Право на участие в мирных акциях протеста (демонстрациях, митингах, забастовках)	68	32
Наличие парламентских институтов (Совета Федерации, Государственной Думы)	60	41
Многопартийность	49	52

Из данных этого же опроса следует, что, достаточно высоко оценивая важность местного самоуправления в контексте демократических прав и свобод, значительная часть опрошенных испытывает сложности с его восприятием. Определяя свое отношение к слову (понятию) «самоуправление», 38 % респондентов указали на скорее положительное его восприятие, 7 % — на скорее отрицательное и 53 % — на нейтральное, что в этом случае может трактоваться как следствие отсутствия достаточных оснований для более позитивной или более негативной оценки. Расплывчатость представлений о местном самоуправлении фиксировалась и ранее. В частности, можно сослаться на результаты исследования Центра политической конъюнктуры России, специалисты которого, проанализировав опросы общественного мнения, посвященные муниципальной проблематике за период с 1992 г. по 2002 г., пришли к выводу, что их результаты, независимо от времени и места проведения, демонстрируют наличие «слабого» представления о том, что такое местное самоуправление и как оно организуется» [Общественное мнение о местном самоуправлении, б. г.].

Пожалуй, единственным более-менее четким представлением о местном самоуправлении является установка на выборность муниципальных органов власти. Так, опрос, проводившийся в рамках Мониторингового исследования в октябре 2017 г., показал, что более половины опрошенных считают очень важной выборность мэров / глав муниципальных образований (58 %). Не очень важна она для 31 % и совсем не важна для 11 %. Следует отметить, что выборы высших должностных лиц муниципальных образований не менее важны для респондентов, чем выборы глав субъектов Российской Федерации, и заметно более важны, чем

выборы в Государственную думу (см. табл. 4). В свою очередь, выборность органов местного самоуправления очень важна для 48%, не очень важна для 34% и совсем не важна для 18% респондентов. Несколько отстают представительные органы, выборы в которые очень важны для 41%, не очень важны для 40% и совсем не важны для 19% населения.

Таблица 4. **Степень важности для россиян выборности органов власти разного уровня, октябрь 2017 г., %**

<i>Выборы президента страны</i>	
Очень важно	84
Не очень важно	12
Совсем не важно	5
<i>Выборы Государственной думы</i>	
Очень важно	51
Не очень важно	36
Совсем не важно	13
<i>Выборы губернатора, главы региона</i>	
Очень важно	58
Не очень важно	32
Совсем не важно	10
<i>Выборы мэра, главы города, населенного пункта</i>	
Очень важно	58
Не очень важно	31
Совсем не важно	11
<i>Выборы регионального или городского законодательного собрания</i>	
Очень важно	41
Не очень важно	40
Совсем не важно	19
<i>Выборы органов местного самоуправления</i>	
Очень важно	48
Не очень важно	34
Совсем не важно	18

Если вернуться назад и соотнести описанную выше практику замены прямых выборов глав муниципальных образований и депутатов муниципальных образований районного уровня процедурами опосредованного замещения этих должностей с представлениями значительной части россиян о важности муниципальных выборов, то становится ясно, что в отношении общества к местному самоуправлению существует когнитивный диссонанс, который в дальнейшем будет только усиливаться.

Хорошо ассимилировавшись как словарная форма в научной, политической и даже обыденной речи, «местное самоуправление» в качестве понятия стало практически безграничным, и поэтому перестало справляться со своей различающей функцией. Сегодня с его помощью можно определять противоположные явления. В частности, отмена прямых выборов глав муниципалитетов или набирающий темпы процесс объединения и территориального укрупнения муниципальных образований подаются их инициаторами как инновации, направленные на повышение качества и эффективности местного самоуправления. Причем эти утверждения не могут быть однозначно идентифицированы как прямая ложь, так как догматичность соответствующей теоретической концепции и зыбкость базового понятия не позволяют определить пропорции деятельности органов муниципальной власти и гражданского участия в том явлении, которое можно было бы назвать местным самоуправлением.

Подводя итоги, отметим, что наложение «юридической» концепции местного самоуправления на данные массовых социологических опросов дает основания сделать вывод о наличии принципиального расхождения между доктринальными представлениями и тем, как соответствующие практики воспринимаются через призму общественного мнения⁸. Происходящие процессы в полной мере не соотносятся ни с одним из выделенных конститутивных признаков местного самоуправления, так как деятельность муниципальных властей не может быть охарактеризована ни как инклюзивная, ни как доступная, ни как автономная. Наиболее ярко это выражается в фиксируемом на протяжении последних четырех лет существенном снижении уровня доверия к местным органам власти. Этот кризис доверия является квинтэссенцией неуверенности общества в способности муниципалитетов защищать интересы жителей и реакцией на отчужденность представителей власти от граждан⁹. Закрытость органов местного самоуправления, ограниченность доступа граждан к информации о содержательной части их деятельности и смутное представление о специфике этого уровня власти приводят к размыванию их образа в представлениях граждан. Сказывается и противоречивая позиция руководства страны, которое неизменно провозглашает важность местного самоуправления, но одновременно с этим все чаще поддерживает предложения субъектов Российской Федерации об ограничении полномочий деятельности глав муниципалитетов и органов местной власти в целом. Как следствие, россиянам не вполне очевидны роль и место органов местного самоуправления в системе власти и управления, в результате чего их ожидания расходятся с реальными практиками функционирования этих властных структур.

Что означает выявленное расхождение? При формальном следовании «юридической» концепции местного самоуправления оно должно означать отсутствие в социальной реальности соответствующего ей явления. Однако, учитывая, что

⁸ Безусловно, расхождения имеются не только между теоретической моделью местного самоуправления и тем, как одноименные практики воспринимаются общественным мнением, но и между доктринальными положениями и существующей в реальности организацией власти на муниципальном уровне. Однако эти расхождения довольно хорошо изучены и описаны в современной литературе [Диденко, Бабичев, 2017; Джагарян, 2018 и др.], и поэтому автор настоящей работы посчитал возможным не останавливаться на них подробно.

⁹ Авторскую позицию касательно сути и причин кризиса доверия к местному самоуправлению см. [Петухов, 2017].

в основе настоящего анализа лежит объективно ограниченная по целому ряду признаков эмпирическая база, воздержимся от однозначных выводов.

Расхождение между концепцией местного самоуправления и процессами, происходящими в социальной реальности, нуждается в серьезном осмыслении. Не оспаривая гуманистический потенциал этой теории, следует признать необходимость ее переосмысления с позиций социальных наук. Представляется, что необходима широкая дискуссия, предметом которой должна стать проблема возможности местного самоуправления как социального явления. В частности, следует задуматься над тем, могут ли существующие в реальности практики быть схвачены настолько универсальным понятием и непротиворечиво интерпретированы с помощью столь идеалистской теории? Может быть, имеет смысл использовать в этих целях более емкие концепции, такие как муниципальное управление, муниципальная политика, местная демократия, гражданское участие и др. По факту это уже происходит, и довольно часто. Как было сказано выше, в социологических работах «местное самоуправление» нередко редуцируется до более широкого и более однозначного понятия «муниципальное управление». Но нельзя сходу отбрасывать и вероятность появления в ходе такой дискуссии новой, более реалистичной концепции местного самоуправления. Поэтому важно рассмотреть проблему местного самоуправления с точек зрения разных направлений в социологии, методологических подходов и способов исследования.

Список литературы

Автономов А. С., Захаров А. А., Черкасов А. И. Европейская Хартия местного самоуправления и ее значение // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 168—172.

Avtonomov A. S., Zakharov A. A., Cherkasov A. I. (1998) The European Charter of Local Self-Government and Its Significance. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 168—172. (In Russ.)

Бабун Р. В. 2014 год в истории местного самоуправления России: вперед или назад // Местное право. № 1. 2015. С. 13—20.

Babun R. V. (2015) 2014 in the history of local self-government in Russia: forward or backward *Polis. Mestnoe pravo*. No. 1. P. 13—20. (In Russ.)

Баженов А. М., Мартынова Т. М. Местное самоуправление в траектории гражданского общества // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 2 (4). С. 101—123.

Vazhenov A. M., Martynova T. M. (2015) Local self-government in the trajectory of civil society. *Problems of the Post-Soviet Space*. No. 2 (4). P. 101—123. (In Russ.)

Баженова О. И. Муниципальное образование как субъект права. М.: Изд-во Московского университета, 2010. 256 с.

Vazhenova O. I. (2010) Municipal formation as a subject of law. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)

Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие. Конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008. 592 с.

Bondar' N.S. (2008). Local government and constitutional justice. Constitutionalization of municipal democracy in Russia. Moscow: Norma. (In Russ.)

Васильев В. И. Законодательная основа муниципальной реформы. М.: Формула права, 2005. 336 с.

Vasil'ev V. I. (2005) The legislative basis of municipal reform. Moscow: Formula prava. (In Russ.)

Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 352 с.

Giddens A. (2011). Consequences of modernity. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Гриценко Е. В. В поисках утраченных идеалов: российская муниципальная реформа и опыт Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 6. С. 17—43.

Gritsenko E. V. (2014) In search of lost ideals: Russian municipal reform and German experience. *Comparative constitutional review*. No 6 (4). P. 17—43. (In Russ.)

Диденко А. Н., Бабичев И. В. Современные тренды и желательные перспективы развития отечественной модели местного самоуправления // Местное право. 2017. № 6. С. 3—60.

Didenko A. N., Babichev I. V. (2017) The Modern trends and desirable prospects for the development of the national model of local self-government. *Mestnoe pravo*. No. 6. P. 3—60. (In Russ.)

Джагарян А. А. Местное самоуправление: между конституционным идеалом и реальностью // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 3 (122). С. 24—31.

Dzhagaryan A. A. (2018) Constitutional court local self-government: between constitutional ideal and reality. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*. No. 3 (122). P. 24—31.

Замотаев А. А. Местное самоуправление основные понятия и термины. М.: Муниципальная власть, 1999. 400 с.

Zamotaev A. A. (1999). Local self-government basic concepts and terms. Moscow: Municipal'naya vlast'. (In Russ.)

Как управлять Россией. Социология одного города / под. ред. В. В. Федорова. М.: Алгоритм, 2009. 192 с.

How to manage Russia. Sociology of one city. (2009). Ed. by V. V. Fedorov. Moscow: Algoritm. (In Russ.)

Костюков А. Н. Реформа в никуда... // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 58—63.

Kostyukov A. N. (2014) Reform in nowhere... *Constitutional and municipal law*. No. 4. P. 58—63. (In Russ.)

Ледяев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.

Ledyayev V. G. (2012) Sociology of power. Theory and experience of empirical research of power in urban communities. Moscow: HSE Publ. (In Russ.)

Маркс К. Гражданская война во Франции // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. второе. Т. 17. М.: Госполитиздат. 1960. С. 317—370.

Marx K. (1960). The civil war in France. In: K. Marx and F. Engels. Compositions. Second edition. Moscow: Gospolitizdat. Vol. 17. P. 317—370. (In Russ.)

Майкова Э. Ю., Симонова Е. В. Информированность о главах муниципальных образований как фактор участия населения в местном самоуправлении // Система ценностей современного общества. 2016. № 50. С. 97—101.

Majkova E. Yu., Simonova E. V. (2016) Awareness of the heads of municipalities as a factor of public participation in local government. *The system of values of modern society*. No. 50. P. 97—101. (In Russ.)

Общественное мнение о местном самоуправлении 1992—2002 [Электронный ресурс] // ЦИРКОН. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/1ee/Obshhestvennoe_mnenie_o_mestnom_samoupravlenii_1992-2002.pdf (дата обращения: 07.02.2018). Public opinion on local self-government (1992—2002). CIRCON. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/1ee/Obshhestvennoe_mnenie_o_mestnom_samoupravlenii_1992-2002.pdf (accessed: 07.02.2018). (In Russ.)

Петухов Р. В. Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 61—75. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.05>.

Petukhov R. V. The Russian Society's Confidence in the Local Governments as a Problem. — Polis. Political Studies. 2017. No. 6. P. 61—75. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.05>.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.

Russian society and challenges of the time. Book one. Ed. by Gorshkov M. K., Petukhov V. V. Moscow: Ves Mir Publ. 2015. 336 p. (In Russ.)

Савранская О. Л. Правовые основы местного самоуправления // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 111—119.

Savranskaya O. L. (1997) Legal basis of local self-government. *Sociological studies*. No. 1. P. 111—119. (In Russ.)

Смолий С. И. Институт местного самоуправления в современной России: проблема реального статуса (к вопросу о природе муниципальной власти) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2006. № 2. С. 69—77.

Smolij S. I. (2006) Institute of local self-government in modern Russia: the problem of real status (on the nature of municipal government). *Vestnik RUDN*. No. 2. P. 69—77. (In Russ.)

Фадеев В. А. Муниципальное право России. М.: Юрист, 1994. 168 с.
Fadeev V. A. (1994) Municipal law of Russia. Moscow: Yurist. (In Russ.)

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.
Chirikova A. E., Ledyayev V. G. (2017) Power in a small Russian city. Moscow: HSE Publ. (In Russ.)

Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012. 445 с.
Sztompka P. (2012) Trust is the Foundation of society. Moscow: Logos. (In Russ.)

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.08

Правильная ссылка на статью:

Когай Е. А. Потенциал модернизационных преобразований российского макрорегиона: на примере Центрального Черноземья // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 147—160. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.08>.

For citation:

Kogay E. A. (2018) The potential of modernization transformations of the Russian macroregion: a case study of the Central Black Earth region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 147—160. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.08>.

Е. А. Когай
**ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
РОССИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА: НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ЧЕРНОЗЕМЬЯ**

ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОГО
МАКРОРЕГИОНА: НА ПРИМЕРЕ ЦЕН-
ТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

THE POTENTIAL OF MODERNIZATION
TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN
MACROREGION: A CASE STUDY OF THE
CENTRAL BLACK EARTH REGION

КОГАЙ Евгения Анатольевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск, Россия

E-MAIL: eakogay@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2950-5710>

Evgeniya A. KOGAY¹ — Professor, Head of Department of Sociology

E-MAIL: eakogay@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2950-5710>

¹ Kursk State University, Kursk, Russia

Аннотация. В статье поднимается проблема осуществления социокультурной модернизации в одном из макрорегионов России — Центральном Черно-

Abstract. The article raises the problem of socio-cultural modernization in a Russian macroregion - the Central Black Earth region. The author focuses atten-

земье. Автор акцентирует внимание на неравномерности и противоречивости модернизационных процессов. Основываясь на результатах полевых социологических исследований, автор выявляет возможности и барьеры на пути осуществления модернизационных преобразований в макрорегионе. Структура модернизационного потенциала проявляется через реформаторский, социально-инновационный и адаптационный потенциалы. Реформаторский потенциал модернизации характеризуется как невысокий, социально-инновационный — как амбивалентный. Адаптационный потенциал проявлен через социальное самочувствие. В региональных сообществах зафиксирован диссонанс между постулируемым и реальным положением дел, между инерционными практиками социальных институтов и социокультурными вызовами современности. Для оптимизации модернизационных процессов требуется стратегическое управление развитием. В статье также отмечается, что осуществление модернизации требует активизации и поддержки инициатив жителей регионов.

Ключевые слова: макрорегион, модернизация, потенциал, социокультурное развитие, региональные сообщества, условия жизнедеятельности, качество жизни, человеческие ресурсы, управление развитием

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья).

tion on unevenness and discrepancy in the modernization processes. Based on results of the field studies, the paper describes opportunities and barriers to the implementation of modernization transformations in the macroregion. The structure of modernization potential is shown through reformatory, socially innovative and adaptive potentials. The reformatory potential of modernization is considered as low; the socially innovative potential as ambivalent; and the adaptive potential manifests itself through social well-being. Regional communities are characterized by the dissonance between the declared and the actual state of affairs, between inertial practices of social institutions and socio-cultural challenges of the present day. The author concludes that strategic management of development is important to optimize modernization processes in regional communities. The article also notes that active support of the inhabitants of the regions is also essential to successful implementation of modernization.

Keywords: macroregion, modernization, potential, socio-cultural development, regional communities, activity conditions, quality of life, human resources, development management

Acknowledgments. The article is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-011-00739 titled “The socio-cultural foundations for strategic planning of the development of the Russian macroregion (the Central Black Earth case study)”.

Введение

Важной задачей современной российской социологии является определение ведущих тенденций социокультурного развития регионов, а также выявление трендов и детерминант модернизационных процессов, реализуемых на территории страны. Модернизация, как правило, связана с осуществлением экономических, политических и экономических трансформаций, с мобилизацией человеческих ресурсов. Модернизационные преобразования составляют совокупность изменений, приводящих к утверждению новых способов создания ключевых средств жизнедеятельности людей. Вместе с тем выбор перспектив развития России через модернизацию — «ответственное дело, которое политические деятели должны осуществлять на основе учета ценностей населения, научного анализа исторических тенденций и реального состояния страны и ее регионов» [Лапин, 2015]. Важной целевой функцией модернизации предстает обеспечение устойчивого функционирования социальных институтов, достижение высокого качества жизни жителей страны и ее регионов. Обеспечение результативности выполнения данной функции в значительной мере определяется глубиной постижения состояния и динамики модернизации территориальных сообществ.

Проблема социокультурного развития российских регионов, осуществления модернизационных изменений активно исследуется отечественными социологами. Так, проблематике экономической, социальной, социокультурной, политической эволюции регионов России посвящены работы ведущих ученых — З. Т. Голенковой, А. Г. Гранберга, Н. В. Зубаревич, Д. С. Львова, И. П. Рязанцева и других [Гранберг, 2004; Голенкова, 2014; Зубаревич, 2010; Львов, 2001; Рязанцев, 2009]. Исследования актуальных проблем регионального развития постоянно осуществляют Институт социологии ФНИСЦ РАН и Независимый институт социальной политики.

Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФРАН) с 1990 г. проводит всероссийский социологический мониторинг ценностных изменений «Ценности и интересы населения России», нацеленный на выявление тенденций и актуальных проблем социальной трансформации российского общества. С 2001 г. центр реализует всероссийскую исследовательскую программу «Проблемы социокультурного развития России и ее регионов», ядро которой составляет разработка социокультурных портретов регионов, основанных на типовой программе и методике [Лапин, 2010]. В течение 2006—2016 гг. свыше 20 субъектов Российской Федерации (Астраханская, Вологодская, Курская, Новосибирская, Омская, Томская, Тульская, Тюменская области, Пермский край, Чувашская республика и ряд др.) провели социологические исследования по составлению региональных социокультурных портретов и воссозданию динамики социокультурного развития в данных регионах.

Важным моментом в реализации исследовательской программы стало обращение к методикам получения индексов модернизации, разработанным Центром исследований модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК) [Обзорный доклад, 2011] и примененным к реалиям субъектов Российской Федерации. Это позволило определить шесть типов — комплексных состояний модернизованности регионов, каждый из которых характеризуется measurable уровнем продвижения

по шкале первичной (индустриальная) и вторичной (информационная) модернизации. При измерении и анализе уровней и фаз модернизации России в целом и отдельных регионов использовались индикаторы и индексы первичной и вторичной стадий модернизации, а также и их интегрированный индекс по трем сферам общества — экономической, социальной и когнитивной (знания). Результаты данного исследования были представлены в коллективной монографии «Атлас модернизации России и ее регионов» [Атлас модернизации, 2016].

В фокусе внимания курских исследователей оказались процессы, происходящие в Центральном Черноземье (ЦЧ), составляющем существенную часть Центрального федерального округа. Данный макрорегион в рамках экономического районирования позиционируется в качестве отдельной экономической зоны, включающей в себя регионы Юго-Запада России — Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую области. Понятие экономического района фиксирует достаточно условный характер разделения российской территории и не проявляет значительного многообразия и силы социокультурных взаимосвязей между территориально и исторически близкими субъектами федерации. Соответственно, возникает потребность в обращении к более емкой в этом отношении, хотя и не получившей до настоящего времени должной оценки, категории *макрорегиона*. В этом качестве макрорегион Центральное Черноземье объединяет субъекты РФ, имеющие близкий природный, социально-экономический, а также социокультурный облик, он наряду с уже обозначенными областями включает также Орловскую область.

Мы полагаем, что Центральное Черноземье (ЦЧ) находится перед *модернизационным вызовом*, требующим усилий в реализации технических, экономических, социальных, культурных и политических процессов. При этом проведенные исследования свидетельствуют о неоднородности социокультурного потенциала модернизационных преобразований регионов ЦЧ, существенно дифференцированных по стадиям и фазам модернизации. Тем не менее, несмотря на ряд отличий, можно сказать, что в рамках макрорегиона фиксируются сходные процессы. Нами была поставлена задача определения состояния и обнаружения трендов модернизационных преобразований регионов ЦЧ, а также уточнения и описания модернизационных процессов по таким основаниям, как реформаторский, социально-инновационный и адаптационный потенциалы [Заславская, 2001]. Важно выявить социокультурные возможности и препятствия на пути осуществления модернизационных преобразований Центрального Черноземья, а также сделать попытку обозначить необходимые основания для преодоления неравномерности региональной модернизации и продвижения в направлении модернизации интегрированного характера.

Данные исследования

Исследование проводится в рамках реализации всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», осуществляемой под эгидой ЦИСИ ИФ РАН. Весомой эмпирической основой его реализации выступает социокультурный мониторинг ключевых параметров жизнедеятельности как отдельных субъектов РФ, так и более крупных образований — макрорегио-

нов. Инструментарием исследования является модернизированная Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (ЦИСИ ИФ РАН, 2006, 2010, 2015 гг.), авторские исследовательские методики, индикаторы и комплексные индексы модернизации России, полученные в ходе новейших российских и зарубежных исследований (2001—2016 гг.).

Эмпирическая основа данной статьи — статистические данные, а также результаты четырех волн полевых социологических исследований, проведенных на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета в Курской области. Исследования были проведены в 2007 (N=1128), 2009 (N=1000), 2012 (N=1000), и 2016 (N=500) гг.¹ Результаты отчетливо проявляют динамику социокультурных процессов в регионе, а также изменение восприятия данных процессов его жителями.

Следует отметить, что Курская область рассматривается нами как медианная для Центрального Черноземья. Согласно всероссийской типологии регионов, основанной на показателях уровня экономического развития и экономического положения домохозяйств, Курская область находится по данному критерию в «середине», при этом она характеризуется как «аграрный регион Черноземья». По значительному количеству социально-экономических показателей Курская область обнаруживает срединные значения, согласно данным экспертного агентства «Эксперт РА», по инвестиционному потенциалу регион находится на 36—38 месте в рейтинге субъектов Российской Федерации². Среди регионов Центрального Черноземья Курская область выступает именно как типовой регион в большинстве своем со средними (срединными) показателями социально-экономического развития. Обращение к данным полевых исследований, осуществленных в регионе, позволяет обозначить опорные проблемные точки социокультурного развития и модернизационных преобразований макрорегиона, а также сопоставить результаты наших изысканий с данными полевых исследований и экспертных опросов, проведенных в других регионах Центрального Черноземья.

Помимо того, при осуществлении компаративного анализа, проявляющего положение Курской области в качестве типичного региона Центрального Черноземья на фоне общероссийских показателей, в данной работе задействованы результаты полевых социологических исследований, полученных в рамках осуществления шестой (2010) и седьмой (2015) волн Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» ЦИСИ ИФ РАН (руководитель — Н. И. Лапин).

Анализ результатов исследования

Ведущие тенденции развития Центрального Черноземья убедительно проявляет статистика, свидетельствующая в целом о позитивной динамике ведущих макроэкономических показателей данного макрорегиона. Так, согласно Росстату, в данном макрорегионе в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом было зафиксиро-

¹ Выборочная совокупность каждого из исследований формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка. Эти выборки в достаточной мере репрезентируют население региона (с учетом пола, возраста, уровня образования, а также места жительства респондента); в каждом из опросов ошибка выборки по одному признаку не превышала 3%.

² Инвестиционный климат регионов — 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2017/att1> (дата обращения: 15.09.2018).

вано снижение показателей по реальным денежным доходам населения на 2,6% и по обороту розничной торговли на 6,2%³. При этом отмечен рост промышленного производства на 3,2%, сельскохозяйственного производства на 3,5%, ввода в действие жилья на 4,2%, инвестиций в основной капитал на 0,2%. Валовый региональный продукт за период 2013—2014 гг. вырос на 3,9%⁴. В последние годы макрорегион проявляет относительную стабильность развития, отсутствие социально-политической напряженности и плавное повышение большинства ведущих социально-экономических показателей.

Актуальным представляется вопрос, насколько тенденции развития регионов Центрального Черноземья отвечают вызовам модернизации. Применение индикаторов и индексов первичной, вторичной и интегрированной модернизации к оценке процессов, происходящих в данном макрорегионе, позволяет дать ответ на данный вопрос. Согласно методике получения индексов модернизации, к индикаторам *первичной модернизации (ПМ) в экономической сфере* следует отнести показатели валового регионального продукта на душу населения; доли лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общем числе занятых; доли добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП; доли добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП; в *социальной сфере* — доли городского населения; числа врачей на 1000 человек; уровня младенческой смертности; ожидаемой продолжительности жизни; в *когнитивной сфере* — уровня грамотности среди взрослых; доли студентов, вовлеченных в получение высшего образования среди населения в возрасте от 18 до 22 лет. В свою очередь, позиции *вторичной модернизации (ВМ)* проявляются в таких областях, как инновации в знаниях, трансляция знаний, качество жизни, качество экономики. Используются 16 индикаторов, величины которых соотносятся с их современными, ежегодно уточняемыми значениями в 18—20 развитых странах; также ведется подсчет итогового индекса и фазы стадии. Плюс к этому задействуется *интегрированный индекс модернизации (ИМ)*, в который включены 12 индикаторов, при этом большинство из них взяты из методик измерения двух стадий. Данный индекс позволяет измерить совокупный уровень обеих стадий модернизации [Лапин, 2012].

Проведенные в Центральном Черноземье исследования показали, что до 2015 г. все субъекты макрорегиона находились на стадии первичной модернизации, их положение не превышало уровня первых трех типов состояний модернизированнойности. Дифференцированность развития демонстрируют выявленные две формы проявления динамики первичной модернизации (ПМ) регионов: Воронежская, Белгородская и Курская области показывают небольшой рост, хотя и без явного развития, тогда как Липецкая, Орловская и Тамбовская области с начала столетия не изменяют своих позиций, что свидетельствует о длительной стагнации состояния модернизированнойности в начальных фазах ПМ [Когай Е. А., Когай А. А., 2015]. Помимо того, в данных регионах фиксируется разбалансированность модернизации как комплексного процесса. В Воронежской области индекс сбалансированности является самым высоким в макрорегионе, в Белгородской,

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 22—23.

⁴ Там же.

Курской, Орловской областях он существенно ниже среднего, тогда как в Липецкой и Тамбовской областях он наиболее низкий⁵. Во всех обозначенных регионах выявлено отставание экономической и когнитивной сфер модернизации при опережении социальной сферы. Показано, что в макрорегионе в целом весом риск длительной задержки в рамках первичной модернизации, — недостаток финансовых ресурсов, невысокая эффективность развития экономического сектора, снижение численности трудовых ресурсов, низкий уровень жизни населения и ряд других факторов выступают препятствиями на пути продвижения модернизационных процессов. Обратимся к выделенным нами компонентам потенциала модернизации.

Реформаторский потенциал, включающий в себя установки и деятельностные проявления региональных элит (с учетом верхних слоев региональной бюрократии), в регионах Центрального Черноземья невысокий. На это указывают данные полевых социологических исследований и экспертных оценок. Прежде всего обращает на себя внимание косность большей части управленческой элиты [Глухова, 2014: 72], доминирование административного начала в поле публичной политики [Никовская, 2016], имитативный характер управленческих практик, а также взаимодействия региональной бюрократии с общественностью [Бабинцев, 2017]; пролонгация дистанцирования граждан от структур власти [Зайцева, Толочко, 2016]. Региональные элиты в нестабильный для страны период продолжают свою деятельность в привычном режиме, реагируя в большинстве своем формально на различные модернизационные вызовы. Так, оценка эффективности деятельности региональной власти на уровне муниципалитетов, осуществляемая при помощи ИКТ-технологий, взята властью под свой контроль, что привело, по сути, к блокированию сигналов неблагополучия от региональных сообществ. Такой формализм неизбежно оборачивается низким институциональным доверием. Так, полевое исследование, проведенное в мае-июне 2016 г. в Курской области среди жителей региона (N=500), проявило «недоверие» граждан ведущим социальным институтам — СМИ (43,8%), губернатору (40,9%), региональным отделениям партий (38,8%), органам местного (муниципального) самоуправления (37,6%) и региональному парламенту (36,2%). Полевое социологическое исследование, проведенное в 2015 г. в Белгородской области, проявило балансирование большинства властных институтов региона между легитимностью и нелегитимностью, то есть примерно равное количество доверяющих и не доверяющих органам власти: губернатору выразили доверие 48% респондентов, правительству области — 32%, региональному парламенту — 29%, главам местного самоуправления городского округа (муниципального района) — 32%, главам городского (сельского) поселения — 36%, депутатам муниципальных советов — 31%, членам земских собраний — 20%» [Бабинцев, 2017: 37—38].

Социально-инновационный потенциал, состоящий из потенциала предпринимателей, менеджеров, профессионалов, чиновников, руководителей и представителей НКО, является в Центральном Черноземье амбивалентным. Так, официальные порталы администраций регионов вдохновленно рапортуют о повышении инве-

⁵ Индекс сбалансированности модернизации разработан Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН, о содержании и формуле данного индекса см.: [Проблемы... 2013: 26—30].

стиционного потенциала регионов, о повсеместной поддержке предпринимательства, об активизации деятельности социально ориентированных НКО. Вместе с тем проводимые социологические исследования проявляют далеко неоднозначную картину в данной сфере. Предпринимательская среда макрорегиона в условиях новых вызовов сталкивается с серьезными препятствиями, политика поддержки малого и среднего предпринимательства не отвечает современным реалиям. Социологический опрос представителей малых предприятий, проведенный нами в 2016 г. на территории Курской, Белгородской и Воронежской областей (N=200)⁶ — регионов, демонстрирующих позитивный тренд модернизационных процессов, — указал на наличие ряда препятствий развития малого бизнеса — высокой налоговой нагрузки, недостатка собственных средств, административных барьеров и др. Фактически лишь каждый второй респондент (57,5%) указал на то, что его предприятие развивается ровно и стабильно, почти треть (27,5%) сочли, что их предприятия переживают спад активности, и только 15% выразили уверенность в том, что их предприятия переживают подъем в своей деятельности. Перспективы развития предприятий на «отлично» оценили 8% опрошенных, на «хорошо» — 46,5%, на «удовлетворительно» — 36%. При этом практически каждый десятый (9,5%) оценил перспективы как неудовлетворительные или затруднился дать им оценку.

Деятельность некоммерческих организаций в макрорегионе нацелена на решение социально значимых проблем и повышение качества жизни населения. Согласно результатам полевого социологического исследования, проведенного в рамках подготовки Доклада о состоянии гражданского общества в Курской области в 2015 г. (N=500), жители региона обозначили такие приоритетные сферы деятельности НКО, как здоровый образ жизни (19,5%), поддержка социально уязвимых слоев населения (16,1%), обучение и воспитание граждан (13,5%), защита, благоустройство и охрана окружающей среды (11,9%). Вместе с тем проводимые исследования деятельности НКО в регионах Центрального Черноземья свидетельствуют о явной недостаточности реального общественного активизма как организаций, так и самих жителей. О своем участии в осуществлении гражданских инициатив заявляет не более 10% НКО, зарегистрированных в макрорегионе, при этом сами жители ЦЧ в большинстве своем оказываются за пределами участия в данных инициативах. Полевое исследование, проведенное в Курской области в 2016 г., показало, что 81,2% респондентов не охвачены деятельностью ни одной общественной организации, из оставшейся части 13% состоят лишь в профсоюзах. На долю участников остальных общественных организаций остается менее 6% опрошенных. Проведенные исследования указывают на необходимость активизации работы общественных палат макрорегиона в рамках обсуждения и решения наиболее острых социальных проблем, содействия гражданским инициативам и координации усилий деятельности самих НКО.

Адаптационный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья проявляется через объективные и субъективные

⁶ Исследование было проведено в октябре 2016 г. на основе целевой (экспертной) выборки. В нем приняли участие 100 представителей малого предпринимательства Курской области и по 50 представителей Белгородской и Воронежской областей. При этом подавляющее большинство участников исследования (88%) являлись руководителями малых предприятий.

показатели, он являет собой способность и готовность населения к принятию модернизационных изменений. Измерение этого структурного компонента модернизационного потенциала позволяет раскрыть особенности социально-экономического положения и социокультурных установок населения, определить его адаптивные возможности к модернизационным процессам. Показателями при этом выступают статистические данные, а также субъективные оценки происходящих социокультурных процессов. Социологические опросы, проведенные в Курской области в 2007, 2009, 2012 и 2016 гг., выразительно показывают социально-экономический и социально-психологический контекст осуществления модернизации в регионе.

Так, важной характеристикой адаптационного потенциала выступает социальное самочувствие жителей регионального сообщества. Социальное самочувствие, как и социальное настроение, формируется через воздействие различных факторов человеческой практики, оно вплетено в жизнедеятельность, его фиксация осуществляется в понятиях, эмоциях, чувствах, а также в ощущениях и представлениях [Тощенко, 1998]. Его можно рассматривать в качестве интегрального показателя адаптированности личности к изменяющимся условиям среды жизни. Такая установка позволяет проявить динамику показателей социального самочувствия населения российских регионов в контексте происходящих социальных изменений. В качестве составляющих элементов социального самочувствия выступают *степень защищенности населения от опасностей, степень удовлетворенности населения своей жизнью в целом, а также степень социального оптимизма*. Общероссийские социологические исследования, в частности исследования ЦИСИ ИФ РАН, демонстрируют амбивалентность оценок условий жизни и социального самочувствия населения. Эта амбивалентность проявляется и на уровне всего Центрального Черноземья. Обратимся к проблеме социального самочувствия, его составляющим. Начнем с вопроса о том, в какой степени жители региона чувствуют себя *защищенными от опасностей* (см. табл. 1).

Данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют, что в Курской области в 2016 г. лидировала опасность бедности («Пожалуй, не защищен» и «Не защищен» — 60,4%), по России эта опасность в 2015 г. также оказалась на первом месте (56,6%). Можно сказать, что эта незащищенность от бедности находится на уровне, называемом критическим. Второе место в регионе заняла опасность произвола чиновников (52,2%), причем она также является критической, третье — угроза преступности (46,6%), далее идут экологическая угроза (41,6%), опасность произвола правоохранительных органов (39,6%), а также опасность одиночества и заброшенности (39,2%). По России в целом мы наблюдаем схожую картину, при этом экологическая угроза фиксируется второй по значимости, а опасность произвола чиновников — третьей, далее идут угроза преступности, опасность произвола правоохранительных органов и опасность одиночества и заброшенности.

Обратимся к еще одной составляющей социального самочувствия — *удовлетворенности жизнью*. Согласно результатам полевых исследований, социальное самочувствие жителей Курской области в период с 2007 по 2012 гг. проявляло тенденцию к улучшению и только к 2016 г. несколько ухудшилось: удовлетворенными жизнью в 2016 г. назвали себя 51,6% респондентов против 54,7%. При

этом число неудовлетворенных жизнью возросло с 27,6% в 2012 г. до 33,6% (см. табл. 2). Получается, что в регионе каждый третий выражает неудовлетворенность жизнью, тогда как по России в целом — каждый четвертый (25,9%).

Таблица 1. Защищенность от проблем-опасностей жителей Курской области (2012/2016 гг.) и России (2010/2015 гг.) (% от числа опрошенных)

Виды опасностей	Защищен	Пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен	Совсем не защищен	РФ, 2010/2015* Не защищен
Преступность	6,6/10	12,4/17,6	21/25,8	31/25,2	29/21,4	62,3/44,6
Бедность	8,9/8,2	13/12	19,6/19,4	27,9/31,4	30,6/29	59,1/56,6
Экологическая угроза	8,5/13,8	16,6/17	24,2/27,6	26/25,6	24,7/16	64,5/49,4
Произвол чиновников	6,6/10,6	13,7/11,8	23,2/25,4	31/28	25,5/24,2	51/46,2
Произвол правоохранительных органов	10/14	13,7/21,2	25/25,2	29,6/24	20/15,6	44,4/37,3
Одиночество и заброшенность	21,4/19,6	17,7/20,4	21,9/20,8	18,6/22,6	18,6/16,6	41,8/34
Притеснения из-за возраста или пола	32,4/35,8	26,1/29,2	22,9/16,6	12,5/13,6	6,1/4,8	29,5/23,6
Преследования за политические убеждения	27,5/25,6	22,1/24,2	28,3/29,2	12,9/12,4	9,2/8,6	20/19,4
Ущемление из-за национальности	48,8/53,2	24,7/27,8	16,5/8,4	7/6,2	3/4,4	14,3/11,4
Притеснения за религиозные убеждения	52/49,4	23,7/27,6	15,6/11,8	6,4/6,8	6,4/4,4	12,8/12

* При указании «РФ (Россия), 2010/2015» используются результаты шестой и седьмой волны Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», полученные ЦИСИ ИФ РАН в 2010 и 2015 гг.

Таблица 2. Удовлетворенность жизнью населением Курской области (в % от числа опрошенных, 2007—2016 гг.)

Варианты ответов	2007	2009	2012	2016	РФ, 2015
Полностью удовлетворены	10,7	10,4	11,6	10,2	16,7
Скорее удовлетворены	39,0	41,7	43,1	41,4	43,0
Затруднились сказать точно	16,3	15,5	17,1	13,6	14,3
Не очень удовлетворены	27,9	27,9	24,6	31,0	21,7
Совсем неудовлетворены	5,9	4,4	3,0	2,6	4,2
Отказались от ответа	0,2	0,1	0,6	1,2	0,2

Анализ результатов социологических опросов показывает, что респонденты дают довольно реалистическую оценку своих возможностей и перспектив. При этом уверенность в будущем достаточно стабильна, о чем свидетельствуют данные следующей таблицы (см. табл. 3).

**Таблица 3. Уверенность в будущем населения Курской области
(в % от числа опрошенных, 2007—2016 гг.)**

Варианты ответов	2007	2009	2012	2016	РФ, 2015
Вполне уверены	9,6	7,8	11,7	11,2	17,8
Скорее уверены, чем нет	23,0	25,6	25,1	25,4	34,7
Не могут сказать точно	30,3	38,4	35,5	31,4	18,7
Скорее не уверены, чем уверены	21,3	18,4	18,4	20,8	21,8
Совершенно не уверены	15,4	9,1	8,5	10,2	6,7
Отказались от ответа	0,4	0,7	0,8	1,0	0,2

Сравнение с общероссийскими показателями показывает, что доля уверенных в своем будущем в регионе ниже таковой по России — 36,6% (2016 г., Курская область) против 52,5% (2015 г., Россия). Доли неуверенных в будущем примерно равны — в среднем около 30%. При этом практически треть опрошенных жителей региона (32,4%) затруднились с ответом или отказались его дать. Последнее, на наш взгляд, можно объяснить реакцией на ситуацию социальной неопределенности, на отсутствие артикулируемых образов будущего в поле публичной политики; погружением жителей региона в переживание проблем повседневного характера.

В контексте проявления адаптационного потенциала модернизации в ходе полевого социологического исследования 2016 г. мы также выявили такие тенденции социокультурного развития регионального сообщества, как воспроизводство и некоторое усиление проблем социального неравенства, свидетельствующего об отсутствии позитивных сдвигов в экономическом благополучии населения; неудовлетворенность жителей региона действиями государства для сокращения неравенства доходов (76%); доминирование установки на введение умеренной прогрессивной дифференциации налогов (64%); довольно высокий уровень протестных настроений жителей Курского региона — 44,4% (для сравнения: в среднем по России на 2015 г. — 30%).

Заключение

Проведенные исследования свидетельствуют о наличии потенциала модернизационных преобразований в регионах Центрального Черноземья, о следовании макрорегиона тренду, которому следуют многие страны мира и Россия в целом. При этом темп реализации модернизации в ЦЧ несколько замедлился, и это замедление отчетливо проявилось в состоянии социального самочувствия его жителей. Наблюдается определенный диссонанс между постулируемым и реаль-

ным положением дел, между реальными инерционными практиками социальных институтов и социокультурными вызовами современности.

Важно признать, что в современной социально-экономической ситуации все больше усиливается взаимозависимость регионов, когда действия каждого из них затрагивают интересы других регионов и региональных систем. Соответственно, задачей региональной социальной политики должно стать повышение эффективности стратегического управления развитием каждого отдельного региона и макрорегиона в целом. Возрастает также потребность в разработке действенных моделей управления, основывающихся на консенсусе органов власти, представителей бизнеса и общественности. Решение обозначенных задач связано с существенным ростом качества использования социокультурного и экономического пространства, а также с поиском инновационных организационных форм, отвечающих современным модернизационным вызовам.

Список литературы (References)

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural tendencies and problem (2016). N. I. Lapin (editor-in-chief). Moscow: Ves' Mir Publ., 360 p. (In Russ.)

Бабинцев В. П. Власть и общество в «провинциальном» регионе: специфика взаимодействия // Власть. 2017. № 3. С. 34—41.

Babintsev V. P. (2017) The power and society in the «provincial» region: specifics of interaction. Power. No. 3. P. 34—41. (In Russ.)

Глухова А. В. Модернизационный проект: перспективная стратегия или упущенная возможность? (на примере Воронежского case study) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 4. С. 68—73.

Glukhova A. V. (2014) Modernization project: perspective strategy or the missed opportunity? (on the example of the Voronezh case study). The Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology. No. 4. Page 68—73. (In Russ.)

Голенкова З. Т. Избранные труды. М.: Новый хронограф, 2014. 272 с.

Golenkova Z. T. (2014) Selected Works. M.: New chronograph. 272 p. (In Russ.)

Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.

Granberg A. G. (2004) Fundamentals of regional economy. Moscow: HSE Publ. 495 p. (In Russ.)

Зайцева И. А., Толочко А. В. Включение граждан в процессы местного самоуправления как способ повышения эффективности управления муниципальным образованием в условиях малого города // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 52—58.

Zaitseva I. A., Tolochko A. V. (2016) Inclusion of citizens in the processes of local self-government as a way to improve the efficiency of municipal education management in a small town. *The Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. No. 2. P. 52—58. (In Russ.)

Заславская Т. И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 3—11.

Zaslavskaya T. I. (2001) Sotsiostrukturny aspect of transformation of the Russian society. *Sociological Studies*. No. 8. P. 3—11. (In Russ.)

Когай Е. А., Когай А. А. Два тренда первичной модернизации регионов. Центральное Черноземье // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 37—44.

Kogay E. A., Kogay A. A. (2015) Two trends of primary modernization of regions. Central Black Earth. *Sociological Studies*. No. 3. P. 37—44. (In Russ.)

Лапин Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5—10.

Lapin N. I. (2015) Crucial theoretical and methodological aspects of Russian modernization studies. *Sociological Studies*. No. 1. P. 5—10. (In Russ.)

Лапин Н. И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. Уфа: ГИЛЕМ, 2012. С. 6—23.

Lapin N. I. (2012) Modernization in the world, its state in the regions of Russia. In: Problems of modernization in sociocultural portraits of Russian regions. Ufa: GIL. P. 6—23 (In Russ.)

Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовый инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010). М.: ИФ РАН, 2010. 111 с.

Lapin N. I., Belyaeva L. A. (2010) The program and the standard tools «Sociocultural Portrait of the Region of Russia» (Modification — 2010). Moscow: IF RAN. 111 p. (In Russ.)

Львов Д. С. Институциональная экономика. М.: Инфра-М, 2001. 320 с.

Lvov D. S. (2001) Institutional economy. Moscow: Infra-M, 320 p. (In Russ.)

Никовская Л. И., Якимец В. Н., Молокова М. А. Публичная политика как институт и механизм реализации стратегии партнерства власти, бизнеса и некоммерческого сообщества (на примере Курской области) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 198—203.

Nikovskaya L. I., Yakimets V. N., Molokova M. A. (2016) Public policy as institute and the mechanism of realization of strategy of partnership of the power, business and noncommercial community (on the example of Kursk region). *The Public and municipal administration. Scientific notes of SKAGS*. No. 2. P. 198—203. (In Russ.)

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / под ред. Хэ Чуаньци. М.: Весь мир, 2011. 256 с.

The survey report on modernization in the world and China (2001—2010). (2011) Ed. by of He Chuanqi. Moscow: Ves' Mir Publ., 2011. 256 p. (In Russ.)

Рязанцев И. П. Социология региона. М.: КДУ, 2009. 408 с.

Ryazantsev I. P. (2009) *Region sociology*. Moscow: KDU, 2009. 408 pages (In Russ.).

Тощенко Ж. Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21—35.

Toshchenko Zh. T. (1998) Social mood — a phenomenon of the modern sociological theory and practice. *Sociological Studies*. No. 1. P. 21—35. (In Russ.)

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): ноябрь — декабрь 2018 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 161—182.

For citation:

Public opinion poll (VCIOM): November — December 2018. (2018) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 161—182.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 2018

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ—Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1200 респондентов. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 3,5%.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Социальная справедливость в России	162
Российская наука: лидер или аутсайдер?	164

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Потребительское поведение: выбор россиян	166
Ко дню социолога: россияне — о социологических опросах	168
Счастье: чему радуются россияне?	170
Корпоративное волонтерство: реалии и потенциал роста	172

КУЛЬТУРА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Первая мировая в исторической памяти россиян	175
Имена для аэропортов России	179
Культурная жизнь россиян: динамика основных показателей	180

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Социальная справедливость в России 162

Российская наука: лидер или аутсайдер? 164

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РОССИИ

5 ноября 2018 г.

Более половины (54 %) россиян считают, что за последний год уровень социальной справедливости не изменился. По мнению 29 % россиян, политика российских властей способствует укреплению социальной справедливости в обществе. Чтобы наше общество стало более социально справедливым, в первую очередь государству необходимо бороться с коррупцией — так думают 14 % респондентов.

Рисунок 1. За последний год наше общество стало менее или более социально справедливым? Или уровень социальной справедливости не изменился? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 2. По Вашему мнению, политика российских властей сегодня способствует или препятствует укреплению социальной справедливости в нашем обществе? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 3. На Ваш взгляд, что должно сделать государство, чтобы наше общество стало более справедливым? (открытый вопрос, до трех ответов, % от всех опрошенных)

РОССИЙСКАЯ НАУКА: ЛИДЕР ИЛИ АУТСАЙДЕР?

6 декабря 2018 г.

Российская наука, согласно опросу, лидирует в космической и военной сферах (по 30%). 72% россиян положительно относятся к решению детей и внуков стать учеными.

Рисунок 4. Как Вы считаете, уровень компетентности российских ученых выше, чем в развитых странах, на том же уровне или ниже? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 5. Как Вы считаете, в каких сферах лидирует российская наука? (открытый вопрос, до трех ответов, представлены ответы, названные не менее 1% респондентов, % от всех опрошенных)

Рисунок 6. А какие сферы российской науки нужно поддерживать, развивать?
(открытый вопрос, до трех ответов, представлены ответы, названные не менее 1% респондентов, % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Потребительское поведение: выбор россиян.....	166
Ко дню социолога: россияне — о социологических опросах.....	168
Счастье: чему радуются россияне?.....	170
Корпоративное волонтерство: реалии и потенциал роста.....	172

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ВЫБОР РОССИЯН

2 ноября 2018 г.

За последний год россияне стали внимательнее относиться к выбору продуктов. Так, уже 83 % наших соотечественников (77 % мужчин и 87 % женщин) обращают внимание на срок годности (в 2017 г. — 81 %). Подавляющее большинство россиян скептически относится к информации о составе продуктов, которую производитель указывает на упаковке: 76 % опрошенных разделяют мнение, что указанная информация скорее неточная, неполная. Только 16 % доверительно относятся к этим данным. Россияне предпочитают отечественные продукты, но импортную технику и обувь.

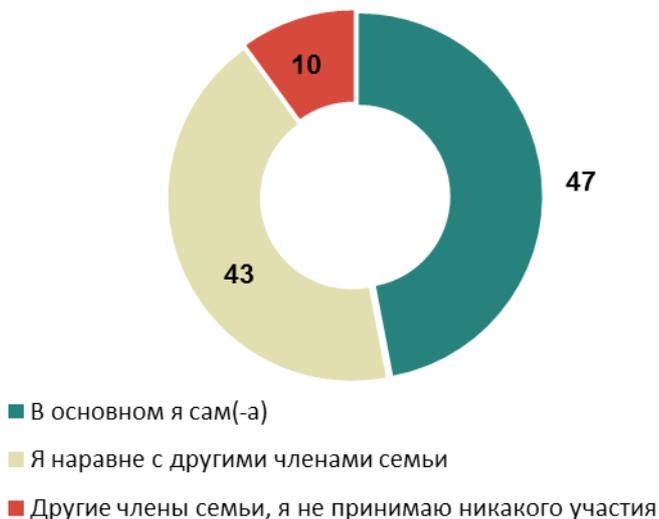

Рисунок 1. Кто в Вашей семье в основном занимается покупками продуктов питания? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 2. Выбирая продукты в магазине, Вы, как правило, читаете или не читаете информацию на этикетке? Если да, то на какую информацию на этикетке Вы ориентируетесь при покупке продуктов? (закрытый вопрос, любое число ответов, % от имеющих отношение к покупкам)

Рисунок 3. На упаковках продуктов питания производитель всегда сообщает их состав, содержание отдельных ингредиентов. Как Вы считаете, информация о составе, которую размещает производитель, скорее точная, полная или скорее неточная, неполная? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 1. Скажите, пожалуйста, при равной цене Вы бы купили отечественный или импортный продукт? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Скорее отечественный	Скорее импортный	Затрудняюсь ответить
Рыба, мясо	94	3	3
Фрукты	82	12	6
Овощи	95	3	2
Макароны	85	11	4
Молоко, сыры и другие молочные продукты	91	6	2
Цветы	72	14	14
Шоколад	76	17	7
Лекарства	51	32	17
Одежда	40	46	14
Обувь	38	52	10
Бытовая техника, электроника	18	73	9

КО ДНЮ СОЦИОЛОГА: РОССИЯНЕ — О СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСАХ

8 ноября 2018 г.

91% россиян считают, что опросы общественного мнения нужны. 58% верят, что они отражают реальную ситуацию в обществе.

Рисунок 4. Сегодня довольно часто проводятся опросы населения на различные темы. Как Вы думаете, а в принципе опросы общественного мнения нужны или не нужны? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 5. Как Вы думаете, результаты опросов общественного мнения в целом отражают или не отражают действительные мнения граждан? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 2. Ниже приведены несколько суждений об опросах общественного мнения. Скажите, с какими из них Вы согласны, а с какими — нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, ответ «скорее согласен»)

	2005 г.	2008 г.	2014 г.	2018 г.
Опросы общественного мнения помогают узнать мнение людей о положении в их городе, регионе, в стране, чтобы власти могли учесть мнение народа при решении наболевших проблем	84	76	77	78
Результаты опросов используются органами власти, политиками, предпринимателями для повышения эффективности своей деятельности	59	56	58	61
Результаты опросов общественного мнения часто фабрикуются и публикуются в СМИ, чтобы оказывать влияние на людей, склоняя их к определенному поведению	-	-	-	53
Опросами общественного мнения в основном занимаются ученые для научного познания общества	67	51	60	52
Опросы общественного мнения не приносят ни пользы, ни вреда, поскольку на них все равно никто не обращает серьезного внимания, и вся эта деятельность является просто модой	35	32	41	46

	2005 г.	2008 г.	2014 г.	2018 г.
Большинство организаций, проводящих опросы населения, просто зарабатывают на этом деньги, выполняя определенный заказ, это обычная коммерческая деятельность	40	44	45	42
Большинство опросов проводится для того, чтобы выпытать у людей информацию об их личной жизни и имуществе, чтобы использовать эту информацию в корыстных целях	16	16	22	17

СЧАСТЬЕ: ЧЕМУ РАДУЮТСЯ РОССИЯНЕ?

14 ноября 2018 г.

Уровень счастья россиян, по субъективным ощущениям, по-прежнему находится на высоком уровне — 84% респондентов ответили, что они счастливы. Согласно данным опроса, среди знакомых и близких 32% респондентов преобладают счастливые люди, больше недовольных жизнью в своем окружении наблюдают 16%. Как и раньше, счастливыми россиян делает прежде всего семья.

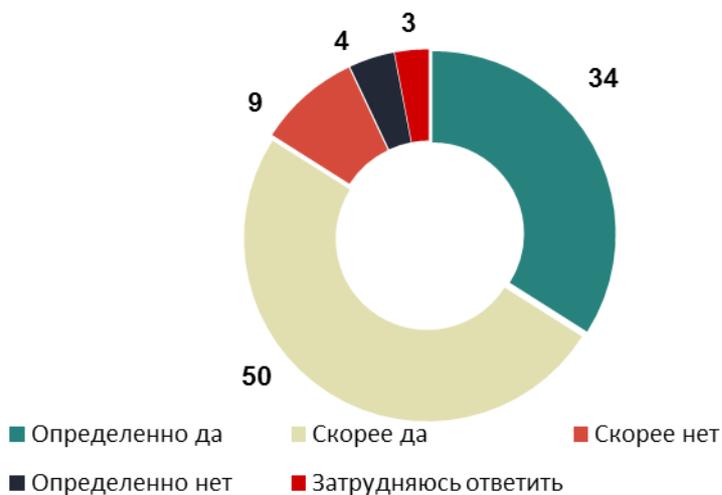

Рисунок 6. В жизни бывает всякое — и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, Вы счастливы или нет? (закрытый вопрос, один ответ по каждой строке, %)

Рисунок 7. Как Вам кажется, среди Ваших знакомых и близких больше счастливых людей или несчастных? (закрытый вопрос, один ответ, %)

Рисунок 8. Если Вы ощущаете себя счастливым человеком, то скажите, пожалуйста, почему? (открытый вопрос, не более пяти ответов, %, представлен топ содержательных ответов)

Рисунок 9. Если Вы НЕ ощущаете себя счастливым человеком, то скажите, пожалуйста, почему? (открытый вопрос, не более пяти ответов, %, представлен топ содержательных ответов)

КОРПОРАТИВНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО: РЕАЛИИ И ПОТЕНЦИАЛ РОСТА

26 ноября 2018 г.

В волонтерских мероприятиях, реализующихся компанией, участвовали более четверти (28%) сотрудников (в том числе 17% — неоднократно, 11% — разово). Потенциально корпоративное волонтерство может привлечь 68% работников (20% заявляют о безоговорочной готовности). При организации корпоративного волонтерства в месте работы россияне готовы в первую очередь оказать поддержку в сборе вещей и обеспечении продуктами питания (38%).

Рисунок 10. Вспомните, пожалуйста, за последние несколько лет Вам доводилось или нет принимать участие в волонтерских мероприятиях, организованных компанией, в которой Вы работаете? Если да, то насколько активное участие Вы принимали? (закрытый вопрос, один ответ, % от работающих, не имеющих собственного бизнеса, в компаниях-работодателях есть направления волонтерской деятельности)

Таблица 3. Постарайтесь вспомнить, какие направления волонтерства и благотворительной деятельности есть в компании, в которой Вы работаете? (закрытый вопрос, один ответ по каждой строке, % от работающих, не имеющих собственного бизнеса)

	Есть	Нет	Затрудняюсь ответить
Организация участия сотрудников компании в благоустройстве территории города, района (субботники, экологический патруль и пр.)	59	35	6
Сбор личных пожертвований (продукты, вещи и пр.)	32	60	8
Благотворительные акции, мероприятия в поддержку (выставки, лотереи, донорство, спорт и пр.)	36	54	10
Организация участия сотрудников компании в образовательных, просветительских программах (выступления в школах, «день карьеры» в вузах и пр.)	38	52	10
Шефская поддержка и помощь (поездки, личное общение с подшефными)	28	60	12
Организация сбора денег в пользу благотворительных организаций	25	62	13
Организация программ помощи про-бона (использование профессиональных знаний, опыта для помощи уязвимым группам)	18	65	17

Рисунок 11. Если в Вашей компании были бы интересные, подходящие для Вас волонтерские программы, в которых можно было бы участвовать на добровольной основе, то Вы бы стали в них участвовать или нет?

(закрытый вопрос, один ответ, % от работающих, не имеющих собственного бизнеса)

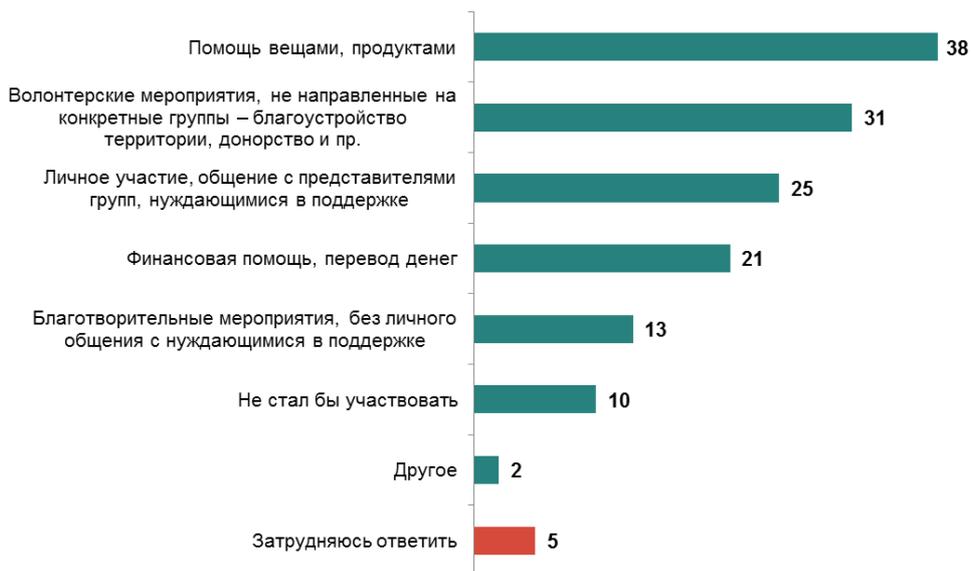

Рисунок 12. Если бы компания, в которой Вы работаете, предложила выбрать из следующих способов участия в благотворительной программе, волонтерском проекте, то какой формат Вы бы выбрали скорее всего? (закрытый вопрос, не более двух ответов, % от всех опрошенных)

КУЛЬТУРА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

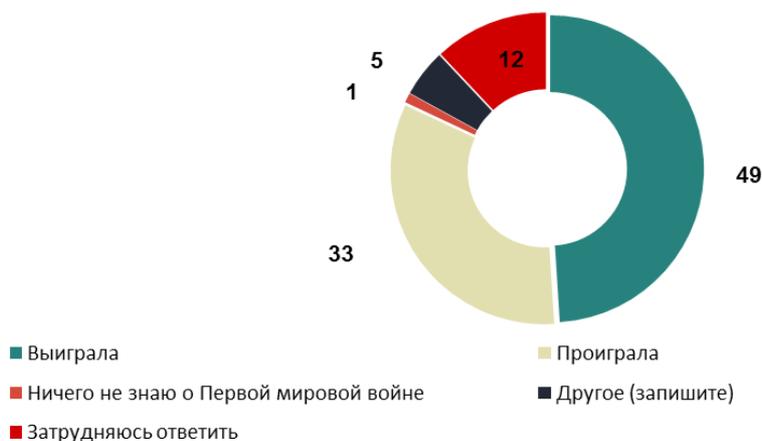
Первая мировая в исторической памяти россиян 175

Имена для аэропортов России.....179

Культурная жизнь россиян: динамика основных показателей.....180

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЯН*3 ноября 2018 г.*

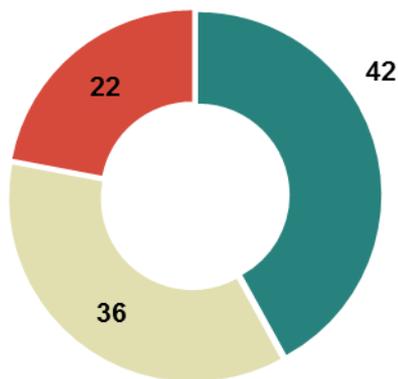
Сегодня все больше наших соотечественников придерживается мнения, что Россия выиграла Первую мировую войну — так считает 49 % респондентов, в то время как четыре года назад этот ответ выбрали только 34 % опрошенных. Количество сторонников необходимости участия России в Первой мировой (42 %) сегодня перевешивает число противников (36 %). 51 % опрошенных полагают, что Россия победила бы в Первой мировой войне, если бы не произошла революция.

Рисунок 1. Первая мировая война началась в 1914 году. В этом месяце исполняется 100 лет со дня завершения Первой мировой войны (в 1918 году). Как Вы считаете, Россия выиграла или проиграла Первую мировую войну? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

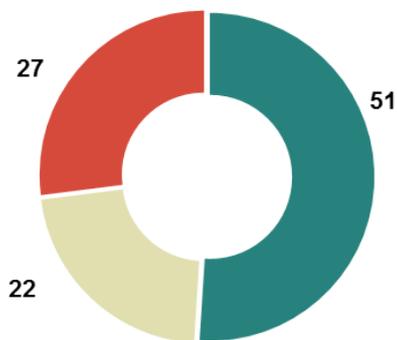

Рисунок 2. Как Вы считаете, почему Россия вступила в Первую мировую войну? (открытый вопрос, до трех ответов, % от знающих о войне)

- России нужно было участвовать в Первой мировой войне
- России не нужно было участвовать в Первой мировой войне
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 3. С каким из следующих утверждений Вы в большей степени согласны? России нужно было участвовать в Первой мировой войне ИЛИ России не нужно было участвовать в Первой мировой войне? (закрытый вопрос, один ответ, % от знающих о войне)

- Россия победила бы в Первой мировой войне, если бы не произошла революция
- Россия не победила бы в Первой мировой войне, даже если бы не произошла революция
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 4. С каким из следующих утверждений Вы в большей степени согласны? Россия победила бы в Первой мировой войне, если бы не произошла революция ИЛИ Россия не победила бы в Первой мировой войне, даже если бы не произошла революция? (закрытый вопрос, один ответ, % от знающих о войне)

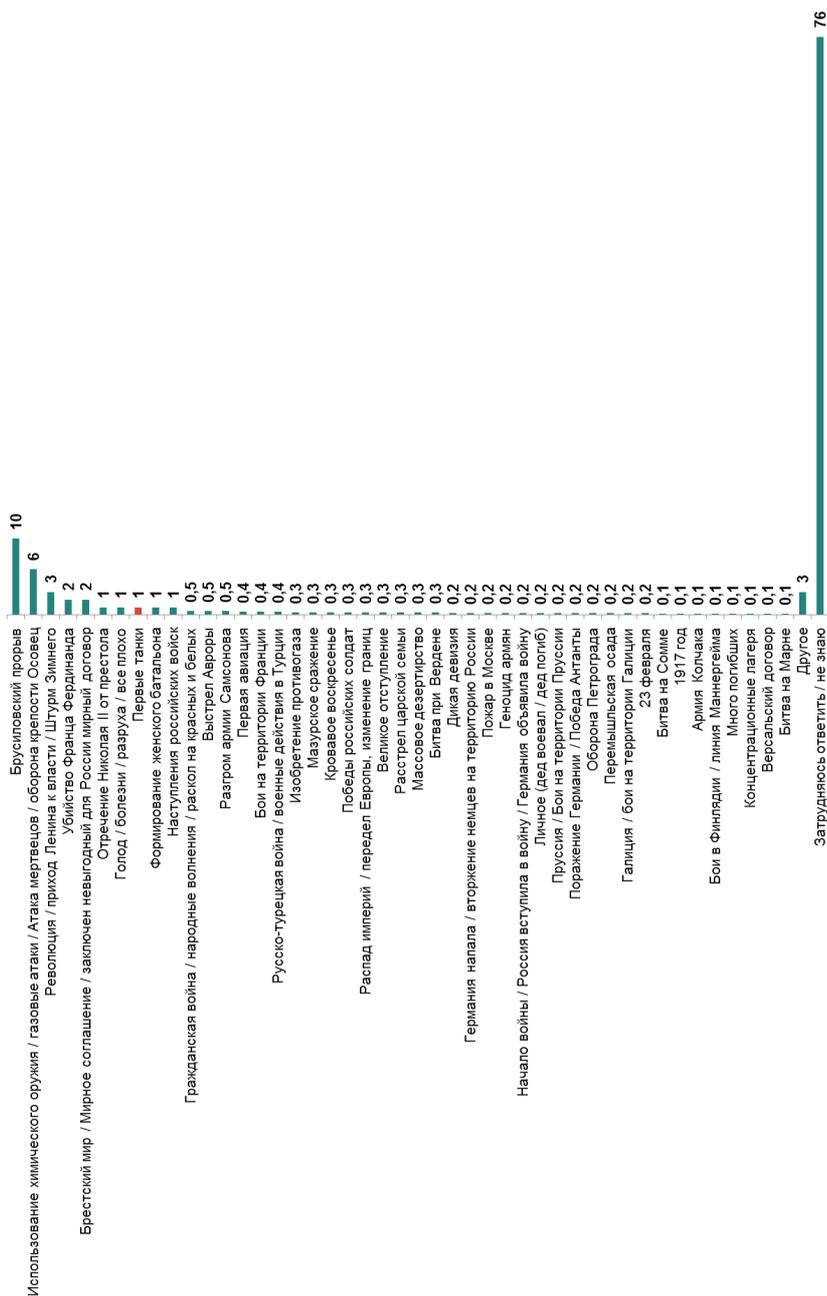

Рисунок 5. Назовите, пожалуйста, известные Вам события, связанные с историей Первой мировой войны (открытый вопрос, до трех ответов, % от знающих о войне)

ИМЕНА ДЛЯ АЭРОПОРТОВ РОССИИ

с 31 октября по 8 ноября 2018 г.

В третьем туре конкурса россиянам предложили выбрать из 389 имен выдающихся соотечественников (в среднем по восемь человек на регион) тех, чьим именем они хотели бы назвать аэропорты своих регионов. Среди представителей различных сфер россияне чаще выбирают авиаторов, космонавтов и военных. В целом по всем регионам предпочтение чаще отдается фигурам общенационального масштаба, в то время как жители национальных республик и северных регионов склонны поддерживать местных деятелей.

Рисунок 6. Сейчас я зачитаю Вам список предлагаемых имен и попрошу Вас выбрать те, которые Вы считаете наиболее подходящими для того, чтобы присвоить их международному аэропорту [название аэропорта]. Вы можете дать до трех ответов (% от числа опрошенных, указана СРЕДНЯЯ доля респондентов, поддерживающих одного представителя данной сферы)

Таблица 1. Сейчас я зачитаю Вам список предлагаемых имен и попрошу Вас выбрать те, которые Вы считаете наиболее подходящими для того, чтобы присвоить их международному аэропорту [название аэропорта]. Вы можете дать до трех ответов (% от числа опрошенных, топ-10 аэропортов)

	Число аэропортов, для названия которых человек был номинирован	Средний уровень поддержки
Жуков Георгий Константинович	5	45
Туполев Андрей Николаевич	5	37
Менделеев Дмитрий Иванович	5	27
Королёв Сергей Павлович	4	41
Петр I Великий	4	34
Салманов Фарман Курбан Оглы	4	24
Пушкин Александр Сергеевич	4	21
Муравьев-Амурский Николай Николаевич	3	42

	Число аэропортов, для названия которых человек был номинирован	Средний уровень поддержки
Невельской Геннадий Иванович	3	41
Екатерина II Великая	3	26
Чехов Антон Павлович	3	23
Василевский Александр Михайлович	3	17
Чайковский Петр Ильич	3	12
Лермонтов Михаил Юрьевич	2	73
Чкалов Валерий Павлович	2	60
Циолковский Константин Эдуардович	2	53
Ломоносов Михаил Васильевич	2	46
Суворов Александр Васильевич	2	46
Филипенко Александр Васильевич	2	43
Покрышкин Александр Иванович	2	40

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЯН: ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

14 ноября 2018 г. по заказу Министерства культуры РФ

25% россиян положительно оценивают положение дел в сфере культуры, обратного мнения придерживаются 15% респондентов. Уровень «культурной» вовлеченности россиян за последние четыре года вырос на 17 п. п. (с 71% до 88%). У большинства (82%) опрошенных есть знакомые люди, которые интересуются событиями в сфере культуры. 35% опрошенных знают о программе «Виртуальный концертный зал».

Рисунок 7. По Вашему мнению, как изменилась ситуация в сфере культуры в нашей стране за последний год? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 8. Как бы Вы оценили нынешнее положение дел в сфере культуры в нашей стране? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 9. Вспомните, пожалуйста, что из перечисленного Вы посещали хотя бы раз за последний год? (закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

Рисунок 10. Представьте, что Вы выиграли в лотерею два билета и можете пойти в любое культурное учреждение страны. Что из перечисленного Вы бы выбрали? (закрытый вопрос, не более двух вариантов, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.09

Правильная ссылка на статью:

Флоринская Ю. Ф., Карачурина Л. Б. Новая волна интеллектуальной эмиграции из России: мотивы, каналы и механизмы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 183—200. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.09>.

For citation:

Florinskaya Y. F., Karachurina L. B. (2018) New wave of intellectual emigration from Russia: motives, channels and mechanisms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 183—200. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.09>.

Ю. Ф. Флоринская, Л. Б. Карачурина НОВАЯ ВОЛНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ: МОТИВЫ, КАНАЛЫ И МЕХАНИЗМЫ

НОВАЯ ВОЛНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ: МОТИВЫ,
КАНАЛЫ И МЕХАНИЗМЫ

NEW WAVE OF INTELLECTUAL EMIGRA-
TION FROM RUSSIA: MOTIVES, CHAN-
NELS AND MECHANISMS

ФЛОРИНСКАЯ Юлия Фридриховна — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия; старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: jflorin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3809-6314>

Yulia F. FLORINSKAYA^{1,2} — *Cand.Sci. (Geogr.), Senior Researcher, Institute for Social Analysis and Forecasting; Senior Researcher*
E-MAIL: jflorin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3809-6314>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Russia

КАРАЧУРИНА Лилия Борисовна — кандидат географических наук, доцент кафедры демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: likaratc@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7760-7925>

*Liliya B. KARACHURINA*² — Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Demographics Chair
E-MAIL: likaratc@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7760-7925>

² National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Работ, анализирующих современные эмиграционные намерения россиян и их реализацию, мало. Одна из причин — отсутствие адекватной статистической информации о людях, выезжающих за границу и не снимающихся с регистрационного учета по месту жительства. А таких людей — большинство. Восполнить этот недостаток можно как анализом статистики основных принимающих мигрантов из России стран, что уже отчасти сделано другими исследователями, так и с помощью методов качественной социологии. В статье анализируются результаты полуструктурированных интервью с квалифицированными эмигрантами, уехавшими из России в 2011—2017 гг., взятыми в рамках исследовательского проекта Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2017 г. Анализ интервью, основанный на разделении мотивов, каналов и механизмов эмиграции из России специалистов с высшим образованием, позволяет ответить на вопросы о сходствах и различиях в выборе тех или иных моделей между представителями отдельных профессиональных групп, людьми разных возрастов и эмигрирующими в разные страны. Среди основных результатов исследования — отсутствие значимых различий в мотивации отъезда между всеми перечисленными категориями. В последние годы для большинства квалифицированных эмигрантов экономические и, частично, политические

Abstract. The papers analyzing modern emigration intentions of Russians and their fulfillment are not numerous. One of the reasons behind that is the lack of reliable statistical data concerning persons who leave their home country and do not notify the registration body of their departure for the new place of residence. However they are great in number. What can be done to fill the gap is to provide a statistical analysis of the main countries accepting Russian emigrants, which was already done by certain researchers, or to use qualitative sociological methods. The present paper analyzes the results of semi-structured interviews with skilled emigrants who left Russia in 2011—2017; the interviews were part of a research project conducted by the Institute for Social Analysis and Forecasting of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in 2017. The analysis of participant interviews helps to identify the motives, channels and mechanisms of Russian emigrants with higher education diplomas and to answer the questions referring to similarities and differences between individuals of different professions, age groups and those leaving for different countries when they choose certain patterns. The authors conclude that the lack of relevant differences in intentions across all the above-mentioned groups is one of the main findings. Over recent years most of skilled emigrants have been driven primarily by econom-

мотивы оказались ведущими. Однако выбор каналов и механизмов эмиграции в гораздо большей степени зависит от профессиональных занятий, типа занятости, возраста и даже конкретного направления миграции. IT-специалисты и занятые в финансово-экономической сфере чаще используют для эмиграции трудовые контракты, молодые ученые — образовательные каналы с поиском грантовых программ и бесплатных учебных стажировок; представители творческих и гуманитарных профессий более старшего возраста — образовательные каналы с опорой на собственные финансовые ресурсы. Наибольшим разнообразием используемых для выезда каналов и механизмов отличается группа удаленно занятых квалифицированных эмигрантов.

Ключевые слова: квалифицированные мигранты, высококвалифицированные специалисты, эмиграция, миграция, социальные сети, миграционные намерения, миграционные потоки, ресурсы

ical and partially by political motives. Nevertheless, the choice of channels and mechanisms of emigration are greatly shaped by the professional background, type of employment, age and even the migration direction. IT workers and employees working in finance and economic sector tend to relocate using labor contracts; young scientists opt for grant schemes or free internships; older generation involving creative professionals and people of liberal professions turn to education channels using their own funds. The group of remote job skilled emigrants is distinctive as they use the whole variety of channels and mechanisms to move abroad.

Keywords: skilled migrants, high-skilled experts, emigration, migration, social networks, migration intentions, migration flows, resources

Интеллектуальная эмиграция из России имеет длительную историю, начавшуюся еще в XIX веке. Распад СССР и открытие для передвижения внешних границ России в начале 1990-х годов дали старт ее новому этапу. Долгое время она воспринималась обществом с заметным негативным оттенком, заложенным уже в формулировке характеризующего ее понятия — «утечка умов». Постепенно под влиянием общих глобализационных процессов, роста участия в этой форме миграции представителей различных половозрастных групп, выходцев из разных регионов (а не только Москвы и Санкт-Петербурга), широкого распространения практик студенческого обмена и пр. отношение к этой форме миграции стало меняться. Появились публикации, связанные как с общим анализом ситуации в этой сфере и местом России на международном рынке интеллектуального труда [Гапонова, 2010; Жестерев, Топилин, 2015; Коробков, 2014; Рязанцев, Безвербный, 2009; Цапенко, 2011а, 2011б], так и с изучением отдельных кейсов — миграции студентов [Винокуров, 2017; Чудиновских, Денисенко, 2003], профессиональных групп [Цапенко, 2011а; Антошук, 2017], интеллектуальной миграции в отдельные страны [Полян, 2009;

Морозов, 2012; Войлокова, 2013; Антошук, 2017] и из отдельных регионов [Бабаева, 2014] и др.

Однако в целом пласт работ, анализирующих современные эмиграционные намерения россиян и их реализацию, даже без деления на потоки (квалифицированные или нет), узкий. Одна из причин этого — отсутствие адекватной статистической информации о людях, выезжающих за границу и не снимающихся с регистрационного учета по месту жительства. А таких людей — большинство, так как страны назначения не требуют документов о снятии с регистрационного учета на родине. Восполнить этот недостаток можно только кропотливым анализом статистики основных стран, принимающих мигрантов из России, что в 2000—2010-е годы сделал М. Б. Денисенко [2003, 2012]. Расчеты показали, что за 1992—1998 гг. эмиграция из России в пять ключевых стран (Германия, США, Израиль, Канада, Финляндия) составила около 950 тысяч человек [Денисенко, 2003], за 2003—2010 гг. — превысила 500 тысяч человек (по более широкому перечню стран) [Денисенко, 2012]. Произведенные О. Д. Воробьевой и А. А. Гребенюком [Воробьева, Гребенюк, 2016] косвенные оценки эмиграционного потока из России за 2011—2014 гг. составили свыше 300 тысяч человек. Таким образом, реальный ежегодный эмиграционный отток из России на протяжении последних 25 лет в среднем не опустился ниже 50 тысяч человек.

При этом каналы выезда существенно трансформировались. Если в 1990-е годы из России выезжали в первую очередь с помощью этнического канала, и это происходило независимо от уровня образования и квалификации, то сейчас диапазон каналов эмиграции из России стал почти таким же широким, как при выезде из других стран мира. А значит, должно было произойти более четкое разграничение используемых каналов между квалифицированными¹ и неквалифицированными эмигрантами. С. Виртович [Vertovec, 2002], сравнивая эти два потока, пришел к выводу, что специалисты в большей мере задействуют деловые контакты с коллегами и организациями, в отличие от неквалифицированных мигрантов, которые используют преимущественно семейные и родственные связи. Опыт высококвалифицированных специалистов из Индии в США показал, однако, что это разделение каналов и поныне в значительной степени условно, миграционные пути врачей, инженеров и ученых из Индии связаны с сетями родственных, кастовых и эндогамных транснациональных брачных союзов [Roohi, 2017]. И. А. Антошук [Антошук, 2017], опираясь на интервью с 17 русскоязычными учеными в области компьютерных наук в Лондоне, описывает, что отличительными чертами используемого ими механизма были пробная миграция в Великобританию или страны ЕС через участие в краткосрочных программах научного обмена, временные позиции в университетах, опора на индивидуальные качества мигрантов и социальные сети.

М. Лу и соавторы [Lu et al., 2016] утверждают: попытки принимающих стран повысить свои регуляторные способности привели к тому, что каналы для въезда высококвалифицированных мигрантов становятся все более разнообразными, а сами мигранты — более «предприимчивыми» в этом вопросе; вновь проявля-

¹ Здесь и в дальнейшем условимся понимать под «квалифицированными» (интеллектуальными) мигрантами совокупность имеющих высшее образование.

ются ранее забытые стратегии мобильности, например, активно используются брачные каналы, совмещаются государственно и/или коммерчески организованные и сетевые родственные модели. При этом каналы миграции различны у представителей разных профессиональных групп высококвалифицированных мигрантов и отличаются между группами, мотивированными получением гражданства (то есть миграции на постоянное место жительства) и карьерными причинами [Findlay, Li, 1998]. Анализируя миграционные траектории, А. Коу и коллеги [Кюи et al., 2015] пришли к выводу о важности родственников и социальных сетей в качестве каналов и ресурсов для миграции высококвалифицированных специалистов в Нидерландах, но акцентировали внимание на активной роли присоединяющейся супруги в решении о семейной (высококвалифицированной) миграции. Здесь «срачиваются» мотивы и каналы миграции и уточняются ее ресурсы. М. С. Савоскул [Савоскул, 2015] на основе интервью с мигрантами из России и Украины выявила шесть каналов миграции квалифицированных специалистов в Германию. Часть из них используются и квалифицированными, и неквалифицированными мигрантами, другие — только квалифицированными. В этом случае канал миграции — проезд для учебы или написания диссертации, — по мнению автора, в некоторой степени совпадает с мотивом миграции.

Таким образом, большинство исследователей, анализируя пути встраивания квалифицированных мигрантов в новый для них социум, параллельно оперируют несколькими понятиями: каналы миграции, механизмы миграции, ресурсы миграции, мотивы миграции.

Их операционализация, на наш взгляд, имеет самостоятельное значение для русскоязычной литературы и выявляет следующие различия: каналы — это юридические «дороги», по которым мигранты попадают в принимающие страны (этнический, брачный, образовательный, воссоединение семьи, трудовой контракт). Механизм — это «совокупность ресурсов, которые объясняют «белое пятно» между индивидуальным намерением и его реализацией в акте миграции» [Антошук, 2017: 144]. Ресурсы для осуществления миграции — список всевозможных объективных и субъективных условий для ее реализации: финансовых (грант, стипендия, личные накопления, зарплата), информационных (сейчас в первую очередь — интернет и предоставляемые им почтовые сервисы), личностных (накопленный опыт, наличие статей, патентов, индивидуальные качества). Наконец, мотивы миграции — это ее побудительные причины, и они в случае реализации переезда у квалифицированных мигрантов могут быть близки каналам. Но чаще все же не совпадают и определяются комплексом в широком смысле выталкивающих (прямо или косвенно) и притягивающих обстоятельств в странах исхода и вселения [Iredale, 2001; Bartolini et al., 2017; Syed, 2008]. Мотивы все больше индивидуализируются: возможности выбора личного пути, своих индивидуальных траекторий, работы строго по тому направлению, которое нравится, доступ к международной исследовательской среде становятся в некоторых случаях более значимыми, чем общеэкономические [Ozcurrence, Yetkin, 2016; Guth, Gill, 2008].

В целом этот комплекс событий и проявлений, с возникновением определенных мотивов миграции и до встраивания (хотя бы первичного) в новый социум у квалифицированных мигрантов — выходцев из России представляется нам, во-первых,

отличающимся между ними и неквалифицированными переселенцами; во-вторых, между представителями отдельных профессиональных групп, людьми разных возрастов; в-третьих, возможно, между эмигрирующими в разные страны. Эти аспекты, на наш взгляд, по-прежнему не вполне изучены российскими учеными. Задачи данного исследования — хотя бы частично ответить на второй и третий поставленные вопросы.

Дизайн исследования

Поскольку количественные опросы квалифицированных мигрантов за границами России крайне затруднительны, а генеральная совокупность такой категории и вовсе неизвестна, наиболее релевантным с точки зрения изучения эмиграционных стратегий российских специалистов представляется метод глубинного интервью. В апреле — сентябре 2017 г. через Skype было взято 41 глубинное интервью с эмигрантами последних нескольких лет. Количество интервью было определено в ходе проведения исследования. Сбор интервью осуществлялся до тех пор, пока принципиальные признаки и ответы респондентов не начали повторяться, и перестали возникать качественно новые категории. Продолжительность интервью — примерно 60 минут. Гайд интервью был структурирован тематически; наиболее крупные тематические блоки: возникновение идеи эмиграции, ее реализация, «уроки жизни» в эмиграции и планы на будущее. При отборе респондентов использовались такие критерии, как страна эмиграции (для получения наибольшего разнообразия стратегий, исходя из основных направлений эмиграции, согласно имеющейся статистике Росстата), возраст (23—45 лет), образование (наличие высшего образования), годы отъезда из России (не ранее 2011 г.). Поиск респондентов осуществлялся как методом снежного кома с несколькими точками входа, так и с помощью социальных сетей «ВКонтакте» и Facebook; для поиска некоторых профессиональных групп в области IT (в частности, программистов и исследователей данных) использовались тематические и профессиональные группы внутри социальных сетей («Типичный программист» и «Data Science»); различные электронные ресурсы, посвященные эмиграции.

Перечисленные каналы поиска респондентов позволили охватить достаточно большое количество стран (19 стран) и увидеть разнообразие профессиональных профилей эмигрантов. Полученные интервью анализировались методом осевого кодирования по основным тематическим блокам.

Мотивы эмиграции

Набор мотивов, которыми руководствуются квалифицированные специалисты при принятии решения об эмиграции, довольно консервативен и почти не меняется с годами [Савоскул, 2016; Ушкалов, Малаха, 2016]. Основные отличия наблюдаются именно в их сочетании, в изменении иерархии значимости, когда одни мотивы выходят на первое место, а другие вдруг оказываются второстепенными. Для рассматриваемой нами волны интеллектуальной эмиграции ведущим мотивом стало заметное ухудшение экономической ситуации в России, повлекшее сжатие рынка труда, снижение зарплат, сокращение возможностей для карьерного развития. «Ну, основная, естественно, причина — экономическая, и соответствен-

но, поскольку я достаточно амбициозный человек, мне всегда мало, я решил, что в такой ситуации расти как специалист в стране сложно» (С., Швеция). «Я в 14-м только пришла в Ernst&Young, и становилось как-то хуже и хуже... и начали резко проекты заканчиваться, резко контракты закрываться... в целом экономика замедляется. И просто начало работы особо не быть» (Н., США).

Для довольно существенной группы респондентов важным мотивом, «подтолкнувшим» эмиграцию, послужила политическая ситуация, разочарование после выборов 2012 г. и события 2014 г. «Я политически активен был долгое время, с первого курса... Пожив в Москве четыре-пять лет, пообщавшись с людьми побольше, я понял, что большинство — не так, как говорят по телевизору, но все-таки большинство устраивает, как оно есть. И просто как бы я себя чувствую лишним» (А., Эстония). «...Основная причина — это больше политические взгляды, можно так сказать, на то, что происходит в стране, на само государство, на их политику и так далее» (В., Германия).

Отмечалось также «сращивание» экономических и социально-политических мотивов эмиграции: «Начались определенные события в России, была кризисная ситуация, стали вводиться санкции, и в нашей компании начались кадровые изменения... Мы стали это чувствовать буквально сразу же, как начались события на Украине. У нас началось резкое падение продаж. И где-то через полгода был у нас бюджет, в июле, и было принято решение о кадровых изменениях, о сокращениях» (Е., Китай).

Следует отметить, что 2014 г. оказался самым значимым для заметной части респондентов с точки зрения принятия решения об эмиграции (как по политическим, так и по экономическим мотивам) и, соответственно, на 2015 и 2016 гг. уже пришлось сама эмиграция. Это же подтверждает статистика Росстата по эмиграции российских граждан в страны дальнего зарубежья в текущем десятилетии, а также данные основных принимающих стран за эти годы (значимый рост выезда наблюдался именно после 2014 г., в 2015—2016 гг.).

При этом мотивы эмиграции между представителями разных профессиональных групп различаются не кардинально, а скорее нюансами. Так, для представителей ИТ-рынка и занятых в финансово-экономической сфере более значимыми оказались потери в заработке и сжатие перспектив карьерного роста. «Я понимал, что за ту же работу я сейчас могу получать, работая не в России, гораздо большие деньги. То есть развитие получать как профессионал и получать финансовое развитие, рост» (А., Германия).

Для респондентов других профессиональных групп, у которых трудности на рынке труда (низкие зарплаты, ограниченные карьерные возможности и т. д.) носят перманентный характер, экономический кризис оказался дополнительным толчком, не столько ухудшившим их положение, сколько лишившим надежд на позитивные изменения в их сферах занятости в будущем. В эту категорию попали научные работники, врачи, занятые в творческих профессиях. «...Основная причина переезда в том, что в России на тот момент — может быть, и на нынешний, — нет особых перспектив в этой научной специализации. Маленькие оклады, низкая оснащенность лабораторий, вот эти все вещи» (А., Финляндия). «...Я в принципе видел, как это все вокруг складывается и развивается в плане работы в прак-

тическом здравоохранении... Но определенных планов у меня не было... Где-то с конца, наверное, 11-го года чуть-чуть поднялась зарплата. Потом у нас появились всякие такие прикольные инструменты, которых раньше не было. И как-то вдруг — вроде что-то делается. И вот на пике этой программы в 12-м году один раз у меня зарплата официальная... она у меня составила около, по-моему, 35 тысяч. Вот в этот момент тяжело бросить. Потому что как бы ты уже специалист, ты думаешь: «О, что-то там... Сейчас, может быть, станет получше». Но потом все вернулось на круги своя. Бросить стало гораздо легче... Все звезды сошлись к 14-му году... На работе условия стали настолько такими, скажем так, неприемлемыми, что я в принципе ушел со своей работы раньше, чем я уехал» (П., Германия). «Зарплата в принципе у нас по профессии довольно низкая, как мне кажется, у многих творческих профессий» (А., США). «Да, я работала преподавателем в университете... Мне нравилась эта работа по своему содержанию. Естественно, она мне совершенно не нравилась по зарплате, по карьере и по всему, что собственно вокруг работы» (Ю., Италия). Такая же картина наблюдалась среди высокообразованных южноевропейцев, для которых неудовлетворенность занятостью в кризис 2010-х годов послужила дополнительным толчком для поиска лучшего качества жизни и построения карьеры в других странах [Bartolini et al., 2017; Rodríguez-Fariñas et al., 2015; Triandafyllidou, Gropas, 2014].

Выделяется также группа, иерархия мотивов эмиграции которой показывает явное отличие от других. Но обособляется она не по профессиональному признаку, а по типу занятости: это удаленно работающие. Для них выбор страны проживания в первую очередь определяется не работой (это возможно делать для них из любой точки мира), а комфортной обстановкой вокруг. В их понимании обстановка в России в последние годы перестала быть благоприятной. Далее в расчет были приняты плохие климатические условия, агрессивная среда по отношению к детям и т. д. — но все эти обстоятельства существовали и ранее, однако решение об отъезде не принималось. Эмиграция таких людей — сравнительно новое явление в истории России, но можно предположить, что по мере распространения удаленной занятости именно они станут более заметной группой в потоке российской квалифицированной эмиграции. «У меня не было совсем никаких экономических причин уезжать, и я продолжаю работать, то есть мы сохранили свою работу, уехав, мы работаем удаленно просто» (К., Франция).

Все вышеперечисленные категории респондентов руководствовались при принятии решения «выталкивающими» мотивами. «Притягивающие» — в том числе возможность получения опыта проживания и работы за рубежом, лучшие перспективы в другой стране и т. д. — оказывались при ситуативном принятии решения об эмиграции вторичными. «Мы, в общем-то, всегда с женой хотели пожить, поработать где-то еще, то есть пожить в другой стране, посмотреть, как это» (С., Швеция). Исключений по соотношению «выталкивающих» и «притягивающих» мотивов мы обнаружили два.

Первое — небольшая группа мечтавших об эмиграции уже давно, фактически воспользовавшаяся «толчком» в виде ухудшения экономических и политических условий для осуществления давно задуманного. «Задумывалась я еще в школьные годы... Я всегда задумывалась о том, что я хочу пожить где-то хотя бы временно,

но в дальнейшем это сформировалось в позицию, что я хочу переехать насовсем. Просто вопрос был страны и времени» (Н., Израиль). Эта группа никак не поддается типизации ни по профессиональному составу, ни по типу занятости, ни по возрасту.

Второе — это также относительно небольшая группа респондентов, ведущим мотивом эмиграции которых было желание продолжить обучение за рубежом («притягивающий» мотив). В этой группе также невозможно выделить людей из определенной профессиональной сферы, но среди них больше молодых. «Мне кажется хорошей идеей учиться в нескольких местах, просто чтобы узнать, как оно — в разных местах, попутешествовать. И, кроме того, мне кажется, что образование в США может быть более ценным формально» (Д., США). «Я видела, как архитекторы работают, я была очень разочарована. Это было одной из причин, почему я захотела учиться дальше, потому что была огромная разница между учебой и настоящей практикой» (Г., Великобритания).

Каналы эмиграции

В целом по сравнению с мотивами отъезда выбираемые респондентами для эмиграции каналы и механизмы в гораздо большей степени находятся в зависимости от профессиональной принадлежности и индивидуального опыта, а также от выбираемой страны и предлагаемых ею институциональных условий.

Судя по результатам интервью, самый распространенный канал эмиграции для квалифицированных специалистов — образовательный, почти треть респондентов уехали именно так. Речь идет не только о магистратуре или аспирантуре по своей или какой-либо другой специальности², но и о языковых образовательных программах. Для определенной части мигрантов каналом стало заключение рабочих контрактов. Причем каждый второй из уехавших в европейские страны таким способом получал так называемую Blue card для квалифицированных специалистов³. По-видимому, именно широкое использование этих двух каналов является важной отличительной чертой интеллектуальной эмиграции. Остальные каналы теоретически могут быть использованы как квалифицированными, так и неквалифицированными эмигрантами.

На третьем месте по частоте использования — переезд в качестве члена семьи (иностранного гражданина или россиянина, заключившего контракт на работу за рубежом. Как и в 1990-е годы [Тольц, 2002, 2003; Полян, 2005], выделилась также репатриация — это специфический канал эмиграции (этническая эмиграция), которым могут воспользоваться только граждане определенных национальностей при переезде в свое национальное государство (в нашем опросе это переезды в Израиль и Латвию): «...У меня просто здесь родственники, бабушка из Латвии, и поэтому мне проще сюда было уехать» (А., Латвия).

Все остальные каналы использовались единично. По сравнению с описанными для 1990—2000-х годов новых каналов не появилось, и это вряд ли возможно. Представляется, что произошла трансформация их значимости. То, что когда-то

² Окончание бакалавриата или специалитета в России уже состоялось, это было одним из условий отбора респондентов.

³ Blue card («голубая карта») — удостоверение личности, дающее право на временное проживание и трудоустройство в странах ЕС. Действует с 2012 г. для квалифицированных специалистов.

было самым важным и едва ли не единственно возможным (этнический канал), сегодня для квалифицированных эмигрантов во многом вытеснено на периферию.

Механизмы и ресурсы эмиграции

Несмотря на обозначенное разграничение механизмов и ресурсов эмиграции между собой, отделить их друг от друга на практике оказалось сложно. В отличие от каналов, механизмы, используемые респондентами для успешной эмиграции, и конкретный набор ресурсов, формирующих эти механизмы, гораздо более разнообразны и индивидуальны. Тем не менее существуют и универсальные ресурсы, на которые опирались почти все респонденты.

В первую очередь это предшествовавшее эмиграции личное знакомство с жизнью в одной или нескольких развитых странах (при этом совсем необязательно в той стране, куда позднее произошла эмиграция). Оно могло быть осуществлено во время туристических поездок (с родителями в детстве или позже самостоятельно); длительного проживания в детстве или учебы за рубежом (в школе, магистратуре, аспирантуре, во время годовых программ обмена или летних рабочих программ); рабочих стажировок; наконец, краткосрочного проживания в разных странах при наличии удаленной работы, не требующей присутствия на родине. «Вся идея эмиграции у меня заложена была с детства, мне кажется, потому что и в Чехии мы жили, и путешествовать меня брали частенько. Я с детства уже привыкал к загранице» (А., США). «Я на первом курсе летом ездил к подругам, они живут в США, я к ним в гости ездил на месяц... Меня очень впечатлило, у меня до этого не было представления о загранице» (И., Германия). «...Я выиграл стипендию Ломоносова, это на полгода работы в Германии... Потом еще пару раз был, меня звали в другие города... Как бы пожил там, посмотрел, понравилось, какой здесь уровень работы, какой здесь уровень жизни, социального обеспечения и так далее» (В., Германия).

Другой универсальный ресурс — это владение иностранным языком (или повышение уровня владения им специально для осуществления эмиграции). «Когда я закончил МГУ, у меня, наверное, еще не было английского языка подходящего... Поэтому потом я начал его активно учить... А потом уже сдавал все экзамены международные — TOEFL и др.» (А., США). Новизна ситуации проявилась в том, что за редким исключением под иностранным языком понимается теперь исключительно английский, вне зависимости от страны эмиграции. Таким образом, в современном мире оказалась вполне возможной и даже успешной эмиграция с целью учебы или работы в страну без знания ее языка, только с английским «в багаже». «Предложили из Чехии, из Праги. Точнее, рекрутер украинский, но предлагал для одной чешской компании. Ну, там много работает иностранцев, поэтому, скажем так, основной язык — английский» (М., Чехия). «Предложили Мюнхен... Я говорю: я немецкого не знаю. Они говорят: это не важно, на английском работа. Я говорю: ну окей, почему нет» (И., Германия). Конечно, впоследствии опрошенные эмигранты начинают учить язык страны, в которой живут (если не планируют скорый переезд в другую страну, а такие случаи не единичны), но на первых порах незнание языка страны назначения не является теперь критически влияющим на эмиграцию фактором.

Еще один ресурс, ставший универсальным для всех интеллектуальных эмигрантов, — это использование опыта предшественников (ранее уехавших друзей и знакомых), а также растущий объем информации о механизмах эмиграции в социальных сетях. «... Меня еще подталкивали такие обстоятельства, как круг знакомых, товарищей, потому что у меня были друзья-однокурсники, которые уехали» (А., Германия). «Абсолютно случайно в 15-м году я наткнулся на пост в социальных сетях, где человек описывает, как он переехал жить в Норвегию или в Швецию... Он работал программистом и зазывал присоединиться в их компанию... Я понял, что это реально» (М., Чехия). «Я тогда просто услышал несколько историй, со знакомым поразговаривал, он мне рассказал про брата, как они там жили, выживали. Я как бы вдохновился, решил, что вот этого мне сейчас и не хватает» (И., США).

Для профессионалов в области IT-технологий, части специалистов в области экономики и финансов, выезжающих за рубеж (как правило, с заключением рабочих контрактов), наиболее важным ресурсом становится подготовка и размещение своего CV в специализированных социальных сетях⁴. При этом выбор страны для эмиграции часто вторичен и происходит вслед за предложением работы. «... Я начал отправлять резюме в Канаду. Создал профиль на LinkedIn, но никакого ответа мне не было. Сколько бы резюме я ни оставлял, там, десять-пятнадцать вакансий разных нашел, отправлял, мне никто не ответил вообще. Но мне начали звонить, спрашивать из Великобритании, потому что в Лондоне самая наибольшая концентрация агентств, которые работают по поиску сотрудников. И вот мне звонят из Лондона, связь плохая, плохо слышно, но суть такая — интересно ли вам работать в Мюнхене... С Мюнхеном потом что-то не получилось, потом меня спросили: а Берлином не интересуетесь? Я тоже согласился. Мне говорят: окей, будет у вас интервью» (И., Германия).

С одной стороны, существование специализированных социальных сетей и агентств, работающих с этими сетями, — это сравнительно новый институциональный ресурс, облегчающий заключение рабочих контрактов до выезда в эмиграцию. С другой стороны, достижение цели в осуществлении задуманного во многом зависит от профессиональных навыков, имеющегося опыта работы и «таланта» составления самого резюме — т. е. индивидуальных ресурсов квалифицированного эмигранта. «Стал обращаться на разные сайты с предложениями работы за рубежом, в Европе конкретно. Европа очень серьезно смотрит на LinkedIn, CV я заполнил максимально подробно, как мог» (М., Чехия). «Я себе поставил четкую цель: я собираюсь уехать. Я написал себе план из пунктов, что мне нужно сделать, чтобы этого достичь. У меня было там — улучшить язык... Сделать свое портфолио хорошее, то есть я стал готовиться к экзамену по программированию, такой сертификат получить. Стал делать свой веб-сайт, чтобы у меня был веб-сайт какой-то, чтобы я мог как-то презентовать себя» (И., Германия).

Несколько другой набор ресурсов использовался выезжавшими по образовательному каналу. Однако поскольку именно этот канал был наиболее массовым среди респондентов, то и внутри этой группы эмигрантов можно выделить несколько категорий, различавшихся между собой по использованным ресурсам. Первая

⁴ Чаще всего использовалась сеть LinkedIn, которая в настоящее время на территории России заблокирована.

категория — ученые, представители творческих профессий, преподаватели, которые хотели повысить уровень профессиональных компетенций в своей специальности. Их выезду предшествовала работа по поиску грантовых программ, учебных стажировок. Среди таких эмигрантов больше молодых, менее обеспеченных (большинство стремилось выехать на бесплатную учебу, оплаченную различными фондами). «Когда я была на Стрелке, мне предложили грант в Канаде на учебу на PhD... я уехала в Канаду учиться сразу же... Я думаю, что грант и опять возможность учиться бесплатно [повлияли]» (Г., Великобритания). «Это довольно спонтанно получилось, потому что я вообще подал документы только на одну программу, вот эту одну стипендию, и ее выиграл» (И., Нидерланды). Набор институциональных ресурсов конкретной принимающей страны играет при выборе второстепенную роль. «Не только в Австралию, я много куда подавал. В Австралию только в один вуз подал, и то, просто зная, что здесь знакомые были, как бы уже тропинка протоптанная... Больше хотел я, наверное, в Германию — поближе, немецкий я начал как раз изучать к тому времени... Где-то вообще предлагали сразу PhD, как здесь, в Австралии. Поэтому это было самое выгодное предложение» (П., Австралия). «Так сложилось, потому что стипендия, которую я выиграл, по ней восемь российских вузов сотрудничали с восемью европейскими вузами в разных странах... Голландцы просто первые... Я выбрал написать им, я написал в Британию два письма и два письма в Голландию. Из Британии мне не ответили, из Голландии мой научный руководитель мне довольно быстро ответил» (И., Нидерланды).

Вторая категория образовательных мигрантов — это те, кто недоволен своей полученной специальностью и хотел бы поменять ее, а также те, кто ехал на языковые программы. В этой категории чаще встречались эмигранты гуманитарных профессий, чуть более старшие по возрасту, более обеспеченные, так как такое образование могло быть только платным (многие использовали финансовые ресурсы родителей). «Всего мне нужно было на всю программу обучения чуть-чуть больше, чем 36 тысяч. Какие-то деньги у меня уже были, они мне остались от родителей. Просто мне родители откладывали на университет, но полной суммы не получилось... И мне нужно было доложить туда около 25. Ну вот, и я работал, работал, работал и откладывал» (А., США).

И, наконец, третья категория образовательных мигрантов — это те, кто просто использовали образовательный канал для осуществления эмиграции. Если в первой категории основной мотив эмиграции фактически совпадал с каналом и это определяло особенности используемого механизма (поиск грантов и программ поддержки), во второй — мотив получения нового образования учитывался наряду с экономическими и политическими факторами, а механизм эмиграции отличался опорой на индивидуальные финансовые возможности при поиске «качественного» образовательного учреждения, то третья категория вообще не рассматривала образовательный мотив как существенный. Соответственно, для таких эмигрантов выбор образовательного учреждения или языковых курсов был вторичен, в первую очередь учитывалась стоимость обучения и гарантии легализации в выбранной стране. «Я хотел уехать куда-нибудь, и я понял, что лучший вариант для этого было найти учебу» (А., Испания). «Весь 2015-й год мы занимались попытками оформить документы. Со второй попытки нам это удалось. В итоге мы сейчас здесь

находимся по студенческой визе, которая позволяет нам здесь жить, не выезжая. А до этого мы пытались получить визу без права на работу, но нам в ней отказали» (Т., Испания). Эта третья категория выделяется по принципу занятости — в ней представлены работающие удаленно; по социальному и возрастному статусу это более старшие и часто семейные эмигранты.

Институциональные особенности принимающих стран в какой-то степени также влияют на выбор механизмов эмиграции выезжающих по образовательным или трудовым каналам, однако они все же вторичны. Эти особенности могут облегчать эмиграцию, как например, уже упомянутая Blue card в странах ЕС, или усложнять ее, ограничивая сроки пребывания и поиска работы в стране после получения местного образования и т. д. Поэтому с точки зрения выезда путем заключения рабочих контрактов лидируют европейские страны; а на учебу (особенно платную и престижную) чаще выезжают в США или Великобританию. «Мне повезло просто в лотерею грин кард. Это только недавно мне повезло, когда я там был на стажировке, у меня этого близко не было. То есть я поэтому тогда и уехал, так как не было возможности остаться... В отличие от Европы, в Америку гораздо сложнее, потому что очень сложно рабочую визу получить» (И., США).

В то же время выбор других каналов и механизмов эмиграции — этническая эмиграция, покупка недвижимости, открытие бизнеса — в гораздо большей степени зависит именно от институциональных особенностей принимающей страны. «Мы получили вид на жительство в Литве и потом уже с ним выбирали, куда поехать в рамках Шенгена... Получили на основании бизнес-эмиграции, мы открыли там фирму, и в то время они давали за это сразу вид на жительство. Сейчас, насколько я знаю, они ужесточили это все... Мы его закрыли сразу, как только получили вид на жительство французский. Здесь просто можно поменять один на другой» (К., Франция).

Заключение

Понимая всю ограниченность полученных эмпирических данных, мы, тем не менее, можем сделать некоторые обобщения. Произошедшие в России экономические и политические события оказали влияние не только на статистические параметры эмиграции в развитые страны, но и, с большой долей вероятности, на мотивацию эмигрантов с высшим образованием. Для большинства опрошенных эмигрантов экономические и, частично, политические мотивы оказались ведущими, при этом были практически стерты различия в мотивации у представителей разных профессиональных групп, возрастных групп, у эмигрантов, направляющихся в разные страны. Одновременно выбор каналов и механизмов эмиграции в гораздо большей степени зависел от профессиональных занятий, типа занятости, возраста и даже, хотя и в меньшем числе случаев, конкретного направления миграции (принимающей страны). IT-специалисты и занятые в финансово-экономической сфере чаще используют для эмиграции трудовые контракты, заключаемые после размещения своих CV на профессиональных сетевых ресурсах. Молодые ученые — образовательные каналы с использованием грантовых программ и бесплатных учебных стажировок; более старшие представители творческих или гуманитарных профессий — образовательные каналы

с опорой на собственные финансовые ресурсы. Все более заметной становится группа удаленно работающих квалифицированных эмигрантов, использующих более разнообразные каналы для выезда (образовательный, открытие бизнеса, покупка недвижимости).

В целом опыт современной интеллектуальной эмиграции говорит об упрощающихся механизмах, несмотря на более жесткое миграционное регулирование во многих странах. Опора на относительно быстро и легко развиваемые индивидуальные ресурсы (повышение квалификации, получение сертификатов, обучение языку) и социальные сети делает интеллектуальную эмиграцию все более распространенным явлением, а экономические и политические проблемы России пока только подстегивают это явление. Личная активность и настойчивость в достижении своих целей, как это описывал еще Р. Парк [Park, 1967], по-прежнему выступают главными ресурсами успешной эмиграции.

Список литературы (References)

Антошук И. А. Анализ механизма миграции русскоязычных ученых в области компьютерных наук в Великобританию // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 140—155. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.09>.

Antoschuyk I. A. (2017) Russian computer scientists in the UK: analysis of the migration mechanism. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 140—155. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.09> (In Russ.)

Бабаева П. А. Социологический анализ интеллектуальной миграции Санкт-Петербурга // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 1. С. 72—75.

Babaeva P. A. (2014) A Sociological analysis of the intellectual migration of St. Petersburg. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomiçeskogo universiteta*. No. 1. P. 72—75. (In Russ.)

Винокуров В. В. Интеллектуальная миграция студенческой молодежи Калининградской области: ожидания и реальность // Власть. 2017. № 7. С. 69—74.

Vijokurov V. V. (2017) Intellectual migration of students of Kaliningrad region: expectations and reality. *Vlast*. No. 7. P. 69—74. (In Russ.)

Войлокова Т. Н. Человеческий капитал высококвалифицированных русскоязычных специалистов в эмиграции: траектории профессионального и карьерного развития иммигрантов // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2013. № 6. С. 87—100.

Voilokova T. N. (2013) Highly skilled Russian-speaking professionals: careers of immigrants. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 87—100. (In Russ.)

Воробьева О. Д., Гребенюк А. А. Эмиграция из России в конце XX начале XXI века. Аналитический доклад КГИ. М., 2016. 78 с.

Vorob'eva O.D., Grebenyuk A. A. (2016) Emigration from Russia during the late XX — the early XXI century. Analytical Report of the Committee of Civil Initiatives. Moscow. 78 p. (In Russ.)

Гапонова А. Ю. Международная миграция высококвалифицированных специалистов: направления, масштабы, регулирование [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2010. № 441—442. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit07.php> (Дата обращения: 01.11.2018).

Gaponova A. Yu. (2010) International migration of highly-skilled specialists: directions, scope, management. Demoscope Weekly. No. 441—442. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit07.php> (accessed: 01.11.2018). (In Russ.)

Денисенко М. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // Мир России. Социология. Этнология. 2003. Т. 12. № 3. С. 157—169.

Denisenko M. (2003) Emigration from Russia according to foreign statistics. Universe of Russia. Vol. 12. No. 3. P. 157—169. (In Russ.)

Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2012. № 513—514. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/demoscope513.pdf> (дата обращения: 01.11.2018).

Denisenko M. (2012) Emigration from Russia to foreign countries. Demoscope Weekly. No. 513—514. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/demoscope513.pdf> (accessed: 01.11.2018) (In Russ.)

Жестерев Д. В., Топилин А. В. Миграция высококвалифицированных специалистов и инновационное развитие России и ее регионов // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3—2. С. 119—124.

Zhesterov D. V., Topilin A. V. (2015) Migration of highly-skilled specialists innovative development of Russia and its regions. Economy and Entrepreneurship. No. 3—2. P. 119—124. (In Russ.)

Коробков А. В. Плюсы и минусы российской интеллектуальной миграции // Мир перемен. 2014. № 4. С. 138—153.

Korobkov A. V. (2014) Pro et cons of the Russian intellectual migration. The World of Transformations. No. 4. P. 138—153. (In Russ.)

Морозов В. М. Интеллектуальная миграция в Израиль: российский аспект // Вестник МГИМО. 2012. № 6 (27). С. 238—241.

Morozov V. M. (2012) Intellectual migration to Israel: the Russian aspect. MGIMO Review of International Relations. No. 6 (67). P. 238—241. (In Russ.)

Полян П. М. Русскоговорящие иммигранты в Германии. Первые результаты социологического обследования, проведенного совместно с журналом «Партнер» [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2009. № 375—376. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit06.php> (дата обращения: 01.11.2018).

Polian P. M. (2009) Russian-speaking immigrants in Germany. The first results of a sociological joint survey conducted with the journal «Partner». Demoscope Weekly. No. 375—376. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit06.php> (accessed: 01.11.2018). (In Russ.)

Полян П. М. (2005) Эмиграция: кто и когда в XX в. покидал Россию // Россия и ее регионы в XX в.: территория — расселение — миграции / под ред. О. Б. Глезер, П. М. Поляна. М. : ОГИ, 2005. С. 493—519.

Polian P. (2005) Emigration: who and when left Russia in the XX century. In: Russia and its regions in the XX century: territory — settlement — migrations. Ed. by O. Glezer, P. Polyan. Moscow: OGI. P. 493—519. (In Russ.)

Рязанцев С. В., Безвербный В. А. Международная интеллектуальная миграция в России: тенденции и последствия // Вестник РУДН. Сер. Экономика. 2009. № 2. С. 16—23.

Ryazantsev S. V., Bezverbnyi V. A. (2009) International intellectual migration in Russia: history, reasons, consequences. RUDN Journal of Economics. No. 2. P. 16—23. (In Russ.)

Савоскул М. С. Успешные мигранты из России и Украины во Франкфурте-на-Майне (Германия) // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2015. № 1. С. 118—131. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.1.10>.

Savoskul M. S. (2015) Successful migrants from Russia and Ukraine in Frankfurt am Main (Germany). Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 1. P. 118—131. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.1.10>. (In Russ.)

Савоскул М. С. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2. С. 44—53.

Savoskul M. S. (2016) Emigration from Russia to the non-CIS countries during the late 20th — the early 21st century. Moscow University Bulletin. Series 5. Geography. No. 2. P. 44—53. (In Russ.)

Тольц М. Эмиграция в Израиль как отражение динамики и дифференциации ситуации в России // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2002. № 6. С. 37—43.

Tolts M. (2002) Emigration to Israel as a reflection of dynamics and differentiations in Russia. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 6. P. 37—43. (In Russ.)

Тольц М. Российская эмиграция в Израиль [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2003. № 105—106. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0105/tema01.php> (дата обращения: 01.11.2018).

Tolts M. (2003) Russian emigration to Israel. Demoscope Weekly. No. 105—106. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0105/tema01.php> (accessed: 01.11.2018). (In Russ.)

Ушкалов И. Г., Малаха И. А. Утечка умов. Масштабы. Причины. Последствия. М. : Едиториал-УРСС, 2016. 178 с.

Ushkalov I. G., Malakha I. A. (2016) Brain drain — the scope, causes, consequences. Moscow: Editorial URSS. 178 p. (In Russ.)

Цапенко И. П. ИКТ и глобальная мобильность труда // Информационное общество. 2011а. № 2. С. 18—28.

Tsarenko I. P. (2011a) ICT and the global mobility of labor. Information Society. No. 2. P. 18—28. (In Russ.)

Цапенко И. П. Экономический цикл и международная миграция населения // Мировая экономика и международные отношения. 2011б. № 8. С. 31—42.

Tsarenko I. P. (2011b) Economic cycle and international migration of population. World Economy and International Relations. No. 8. P. 31—42. (In Russ.)

Чудиновских О. С., Денисенко М. Б. Где хотят жить выпускники российских вузов? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2003. № 119—120. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0119/tema05.php> (дата обращения: 01.11.2018).

Chudinovskikh O.S., Denisenko M. B. (2003) Where Russian University Graduates Want to Live. Demoscope Weekly. № 119—120. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0119/tema05.php> (accessed: 01.11.2018). (In Russ.)

Bartolini L., Gropas R., Triandafyllidou A. (2017) Drivers of highly skilled mobility from Southern Europe: escaping the crisis and emancipating oneself. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 4. P. 652—673. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2016.1249048>.

Findlay A. M., Li F. L. N. (1998) A migration channels approach to the study of professionals moving to and from Hong Kong. *International Migration Review*. Vol. 32. No. 3. P. 682—703. <https://doi.org/10.1177/019791839803200305>.

Guth J., Gill B. (2008) Motivations in East-West doctoral mobility: Revisiting the question of brain drain. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 34 (5). P. 825—841. <https://doi.org/10.1080/13691830802106119>.

Iredale R. (2001) The migration of professionals: Theories and typologies. *International Migration*. Vol. 39 (5). P. 7—26. <https://doi.org/10.1111/1468-2435.00169>.

Kōu A., van Wissen, L., van Dijk J., Bailey A. (2015) A Life Course Approach to High-skilled Migration: Lived Experiences of Indians in the Netherlands. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 41. No. 10. P. 1644—1663. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1019843>.

Lu M. C.W., Zhang J., Chee H. L., Yeoh B. S.A. (2016) Multiple mobilities and entrepreneurial modalities among Chinese marriage migrants in Malaysia. *Current Sociology*. Vol. 64. No. 3. P. 411—429. <https://doi.org/10.1177/0011392115594466>.

Ozcurumez S., Yetkin Aker D. (2016) What Moves the Highly Skilled and Why? Comparing Turkish Nationals in Canada and Germany. *International Migration*. 2016. Vol. 54 (3). P. 61—72. <https://doi.org/10.1111/imig.12234>.

Park R. (1928) Human migration and the marginal man. *American Journal of Sociology*. Vol. 33. No. 6. P. 881—893.

Roohi S. (2017) Caste, kinship and the realisation of 'American Dream': high-skilled Telugu migrants in the U.S.A. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 16. P. 2756—2770. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1314598>.

Syed J. (2008) Employment prospects for skilled migrants: a relational perspective. *Human Resource Management Review*. Vol. 18. P. 28—45. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2007.12.001>.

Vertovec S. (2002) Transnational networks and skilled labour migration. Transnational Communities Programme. University of Oxford. P. 1—15.

Rodríguez-Fariñas M. J., Romero-Valiente J. M., Hidalgo-Capitán A. L. (2015) Los exiliados económicos. La tercera oleada de emigración española a Chile (2008—2014). *Revista de Geografía Norte Grande*. Vol. 61. P. 107—133.

Triandafyllidou A., Gropas R. (2014) "Voting with Their Feet": Highly Skilled Emigrants From Southern Europe. *American Behavioral Scientist*. Vol. 58. No. 12. P. 1614—1633. <https://doi.org/10.1177/0002764214534665>.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.10

Правильная ссылка на статью:

Сон Х. И., Чернова Ж. В. Мобильные устройства как способ установления баланса между работой и личной жизнью: оборотная сторона // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 201—215. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.10>.

For citation:

Son H. I., Chernova Z. V. (2018) Mobile devices as a tool for establishing work – life balance: the downside. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 201—215. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.10>.

Х. И. Сон, Ж. В. Чернова

МОБИЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА КАК СПОСОБ УСТАНОВЛЕНИЯ БАЛАНСА МЕЖДУ РАБОТОЙ И ЛИЧНОЙ ЖИЗНЬЮ: ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

МОБИЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА КАК СПОСОБ УСТАНОВЛЕНИЯ БАЛАНСА МЕЖДУ РАБОТОЙ И ЛИЧНОЙ ЖИЗНЬЮ: ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

MOBILE DEVICES AS A TOOL FOR ESTABLISHING WORK - LIFE BALANCE: THE DOWNSIDE

СОН Хён Ик — кандидат филологических наук, профессор-исследователь, Институт российских исследований Университета иностранных языков Ханкук, Сеул, Республика Корея
E-MAIL: sonic2141@hufs.ac.kr
<http://orcid.org/0000-0002-3410-5105>

Hyun Ik SON¹ — PhD (Linguistics), Research Professor
E-MAIL: sonic2141@hufs.ac.kr
<http://orcid.org/0000-0002-3410-5105>

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге,
E-MAIL: zhchernova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

Zhanna V. CHERNOVA² — Dr. Sci. (Soc.), Professor
E-MAIL: zhchernova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

¹ Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea

² National Research University Higher School of Economics in St Petersburg, St Petersburg, Russia

Аннотация. Современная корпоративная среда в контексте текучей современности по З. Бауману в большой степени определяется уровнем свободы: гибкостью, мобильностью, новыми технологиями и средствами массовых коммуникаций. Возникает практика повсеместного использования сетевых подключений в рабочей и личной сфере, обозначаемая понятием «гиперконнеktivность». Гиперконнеktivность влечет за собой ряд не только позитивных, но и негативных последствий в отношении эффективности работы как одного человека, так целых организаций. Целью данной статьи является рассмотрение негативных аспектов использования мобильных устройств как способа установления «баланса между работой и личной жизнью» в контексте текучей современности. Ключевым концептом при рассмотрении данного вопроса выступает «право на отключение», предполагающее возможность нивелировать негативные последствия гиперконнеktivности. «Право на отключение» — это дополнение в списке трудовых прав человека, дающее возможность «отключиться» от работы, в первую очередь — от использования таких типов электронных коммуникаций, как электронные письма и сообщения в рабочих целях в нерабочие часы. В статье рассматриваются трудовые контексты Южной Кореи и двух европейских стран (Германии и Франции) в связи с потребностью введения «права на отключение» и установления лучшего баланса между работой и личной жизнью.

Ключевые слова: мобильные устройства, гиперконнеktivность, корпоративная культура, мобильность, соотношение труда и отдыха, трудовое право, право на отключение

Abstract. Modern corporate culture in the context of Bauman's liquid modernity is greatly defined by the level of freedom, in particular, flexibility, mobility, new technologies and mass communications. Staying connected 24/7 both in professional and private life known as 'hyperconnectivity' becomes commonplace. Hyperconnectivity entails not only positive but also negative consequences regarding the effectiveness of an individual's work as well as the work of entire organizations. The purpose of the article is to consider the negative aspects of the use of mobile devices as a way to establish work-life balance in the context of modern liquidity. Individual's 'right to disconnect' minimizing the adverse effects of hyperconnectivity is essential to the analysis of the issue. The right to disconnect is a new addition to the list of labor rights allowing an individual to disconnect from the work primarily by switching off e-mail or disabling work-related messages during non-working hours. To study the need to introduce 'the right to disconnect' and to achieve a better work-life balance the authors examine the labor practices in South Korea and two European countries (Germany and France).

Keywords: mobile devices, hyperconnectivity, corporate culture, mobility, work-life balance, labor rights, the right to disconnect

Благодарность. Исследование подготовлено при финансовой поддержке Университета иностранных языков Ханкук в 2018 г. и получении гранта Правительства Республики Корея (NRF-362-2009-1-B00005).

Acknowledgments. This work was supported by the Hankuk University of Foreign Studies in 2018 and funded by the Korean Government (National Research Foundation of Korea) (NRF-362-2009-1-B00005).

Введение

Стремительное развитие информационных технологий — характерная черта современности. Благодаря информационным технологиям становление глобального коммуникационного пространства оказывает сильное влияние на все стороны жизни общества, особенно на рабочую среду. Зигмунд Бауман описывает эти новые социальные реалии термином «текущая современность», в которой все стало открытым, проницаемым и динамичным. Текучесть и проницаемость мира, по З. Бауману, воплощают в себе главную ценность современности — свободу [Бауман, 2008]. Современная корпоративная среда в контексте текучей современности также определяется в большой степени уровнем свободы: гибкостью, мобильностью, использованием новых технологий и средств массовых коммуникаций. Возникает практика повсеместного использования сетевых подключений в рабочей и личной сфере, обозначаемая понятием «гиперконнективность». Гиперконнективность влечет за собой ряд не только позитивных, но и негативных последствий в отношении эффективности работы как одного человека, так целых организаций [Beaudry, Pinsonneault, 2005].

Такие мобильные устройства, как смартфоны и планшеты, усиливают размытие границ между работой и личной жизнью, характерное для индустриальных обществ. В этом, безусловно, есть ряд плюсов. Например, достаточно широкий круг сотрудников теперь имеет возможность работать дистанционно, что дает больше гибкости в распределении времени. Это особенно актуально для работающих родителей, которым необходимо совмещать работу и выполнение семейных обязанностей, поскольку предоставляет им возможность не выпадать из рабочего процесса. Бенефициарами в первую очередь выступают работающие женщины, для которых обычно период «активного материнства» сопрягается с уходом с рынка труда, что приводит к карьерным потерям.

Время является важным ресурсом, эффективное управление которым стало необходимым навыком современного человека. В ситуации проживания в мегаполисе дистанционный формат занятости позволяет работникам сэкономить время на дорогу до офиса, дает возможность использовать его для саморазвития и общения с семьей и друзьями. Другой важный аспект использования интернет-коммуникации и мобильных устройств для работы заключается в повышении эффективности рабочего процесса. Оперативное реагирование на поступающие запросы со стороны начальства, деловых партнеров и коллег позволяет сэкономить время на решение рабочих вопросов и демонстрирует включенность работника в процесс служебной коммуникации, его компетентность и ответственность как сотрудника организации.

Однако гиперконнективность — это сложный социальный феномен, неоднозначный по своим последствиям для субъективного восприятия качества жизни индивидов. Если положительные эффекты такого формата занятости уже неоднократно описывались социальными исследователями, то негативные последствия редко становятся предметом рассмотрения.

Мы всегда на связи

Формат занятости «всегда на связи» можно описать следующим образом. Электронные письма и сообщения — это то, с чего начинается наш день и чем он заканчивается. Мы проверяем рабочую электронную почту перед сном, а потом — утром следующего дня, как только проснемся, боясь пропустить что-то важное. Даже когда мы спим, смартфон постоянно лежит на расстоянии вытянутой руки на случай, если вдруг с работы напишут или позвонят. При этом электронные письма и сообщения, приходящие по ночам, в выходные и во время отпуска, порождают стрессы и разрушают семейную жизнь, снижают субъективную оценку качества жизни индивидов.

Мобильные устройства позволяют сотрудникам быстро реагировать, постоянно иметь доступ и обмениваться информацией, быстрее принимать решения. Также среди плюсов использования мобильных устройств — способность повышать продуктивность сотрудников и поощрение кооперации между ними. Компания «BlackBerry» утверждает, что использование смартфонов позволяет сотрудникам быть более продуктивными на 250 часов в год [Yun, Kettinger, Lee, 2012]. Осознавая это, многие организации начали снабжать свой персонал корпоративными смартфонами и планшетами.

В последние несколько лет ученые, занимающиеся вопросами изучения корпоративной культуры, повышения ее эффективности, а также качеством жизни сотрудников, утверждают, что культура, предполагающая постоянное участие в профессиональной жизни, в долгосрочной перспективе снижает производительность, поскольку у работников не остается времени на отдых и восстановление [Bailey, Kurland, 2002: 383—400; Brillhart, 2004: 493—524]. Специалисты в области управления соглашаются с этими результатами. Они также отмечают, что гиперконнективность, постоянная включенность работников в служебную коммуникацию в формате 24/7 представляет угрозу для организации. В наше время эта проблема чрезвычайно актуальна, например, и в Южной Корее [오성탁, 박상철, 2014; 정희석, 2012; 진보래, 이연경, 박남기, 2014; 하예나, 2016; 한국법제연구원, 2013].

Многие авторы обращают внимание на снижение эффективности работы сотрудников, вынужденных быть постоянно «на связи». Так, результаты исследований профессора Гарвардской школы бизнеса Лесли Перлоу подтвердили зависимость между использованием смартфона и субъективной удовлетворенностью от работы. В ходе эксперимента сотрудникам была предоставлена возможность раз в неделю не отвечать на письма и звонки после окончания рабочего дня и проводить вечер так, как захочется. В результате выяснилось, что у участников эксперимента повысилась удовлетворенность работой, они стали больше времени уделять себе и близким, а благодаря их отзывам люди узнавали больше нового

об этих профессиях. В результате отношение сотрудников к работе заметно улучшилось [Perlow, 2012].

Нейропсихолог Дэвид Льюис и вовсе оценивает стресс от получения телефонного звонка от начальника во вне рабочее время больше, чем от прыжка с «банджи-джампинг» и спора между супругами или внезапной поломки автомобиля¹.

Таким образом, дистанционная занятость позволяет успешнее совмещать работу и семейные обязанности благодаря тому, что работник не должен постоянно находиться в офисе, а выполнение работы может быть вписано в распорядок дня. Работники становятся более мобильными и преодолевают ограничения при выполнении их работ. С другой стороны, постоянная доступность работника из-за использования мобильных устройств, оказывает негативное влияние на качество жизни.

Целью данной статьи является рассмотрение негативных аспектов использования мобильных устройств как способа установления «баланса между работой и личной жизнью» в контексте текучей современности. Ключевым концептом при рассмотрении данного вопроса выступает «право на отключение», предполагающее возможность нивелировать негативные последствия гиперконнективности как одной из характерных особенностей корпоративной среды постиндустриальных обществ.

«Право на отключение» — это дополнение в списке трудовых прав, дающее человеку возможность «отключиться» от работы, в первую очередь — от использования таких типов электронных коммуникаций, как электронные письма и сообщения в рабочих целях в нерабочие часы.

В Германии и во Франции приняты законы, предоставляющие работникам «право на отключение» от электронной почты, мессенджеров и телефонной связи после окончания рабочего дня.

Эмпирической основой для анализа стали статистические данные исследования, проведенного Организацией экономического сотрудничества и развития в декабре 2017 г.,² и данные опроса, проведенного Южнокорейской софтверной компанией «EST soft», с 7 по 13 сентября 2015 г. Опрос проводился по сопоставимым выборкам, объем выборочной совокупности — 1632 человека.

«Право на отключение»: европейский контекст

В европейском контексте изменение взаимодействия «работник — работодатель», по мнению М. Кастельса, происходило уже в 1980-е годы вследствие двух ключевых причин: «индивидуализации труда в трудовом процессе» и «децентрализации рабочих задач» [Кастельс, 2000].

Переход от «традиционной» к «гибкой» форме занятости нашел свое отражение в четырех аспектах: изменении рабочего времени, стабильности рабочего места, его местоположения, социального контракта между работником и работодателем [Кастельс, 2000]. Гибкая форма занятости не предполагает постоянное присут-

¹ Payne E. Getting a phone call from the boss while on holiday is MORE stressful than doing a bungee jump (as well as arguing with a partner or your car breaking down) // Mail Online. 21.08.2014. URL: http://www.dailymail.co.uk/travel/travel_news/article-2730743/Getting-phone-call-boss-holiday-MORE-stressful-doing-bungee-jump-arguing-partner-car-breaking-down.html (дата обращения: 25.10.2018).

² OECD (2018), Hours worked (indicator). <http://www.doi.org/10.1787/47be1c78-en>.

стве работника в офисе компании, отработку установленного количества часов, а ключевой ориентацией становится выполнение конкретной задачи. Тогда же появились первые специальные термины для обозначения новых групп работников: сетевики-универсалы (networkers) и работники с гибким рабочим временем (flex-timers). Сформировались новые группы профессионалов, характерные для современного гиперконнективного общества — фрилансеры и аутсорсеры [Савельева, 2011].

Для урегулирования системы новых отношений между работником и работодателем две европейские страны пришли к введению «права на отключение», защищающему автономию сотрудников от излишнего вторжения в их частную жизнь со стороны работодателя, а также признающему ценность вне рабочего времени, которое сотрудник может тратить на семью, отдых и саморазвитие.

Первой страной, провозгласившей «право работника на отключение», стала Германия. Немецкий автогигант «Volkswagen» несколько лет назад прославился тем, что добровольно начал блокировать доставку служебной корреспонденции на телефоны сотрудников в нерабочее время³.

Немецкий автомобильный гигант «Daimler» добавил к корпоративной системе электронной почты опцию «Почта по выходным» — все письма, входящие в выходные дни, автоматически удаляются из почтового ящика. Автоответчик предлагает альтернативные контакты или просит переслать сообщение снова в момент, когда сотрудник вернется на работу. Такая возможность доступна для 100 тысяч работников компании в Германии⁴. А некоторые предприятия даже применяют практику удаления переписки из ящика во время отпуска, чтобы сотрудник, вернувшийся после отдыха на рабочее место, мог адаптироваться к рабочей обстановке в более спокойном режиме.

Во Франции действует одно из самых строгих трудовых законодательств в мире. С 2000 г. рабочая неделя составляет 35 часов в неделю, а работать сверхурочно можно только с официального разрешения начальства. В сентябре 2015 г. было опубликовано исследование, согласно которому более трети французов каждый день решают рабочие вопросы во вне рабочее время⁵.

В 2017 г. во Франции вступил в силу закон «право на отключение», разрешающий работникам игнорировать рабочую переписку во вне рабочее время⁶. Новый закон, направленный на предотвращение профессионального выгорания⁷ и сохранение семейных отношений, обязует компании, где работает более 50 человек, совместно со своими сотрудниками определить и озвучить, в какие часы те имеют право не отвечать на деловые письма, чтобы избежать вмешательства работы в их частную жизнь.

³ См. подробнее: Золотов Евгений. Право на отключение: почему не стоит читать почту в нерабочие часы? 2017. URL: <http://gosvopros.ru/non-job/antistress/disconnect/> (дата обращения: 29.08.2017).

⁴ Giese (2014) Privat ist nicht privat // Ai B. Nr. 3, p. 32; Giese (2014) Abschalten gegen Dauerstress // Ai B. Nr. 9, p. 64.

⁵ См. подробнее: «Право на отключение»: во Франции разрешили игнорировать деловые письма во вне рабочее время, 2017. URL: <https://finance.tut.by/news526132.html> (дата обращения: 29.08.2017).

⁶ Там же.

⁷ Синдром эмоционального выгорания — понятие, введенное в психологию американским психиатром Гербертом Фрейденбергером в 1974 г. Оно проявляется нарастающим эмоциональным истощением и может влечь за собой личностные изменения в сфере общения с людьми [Freudenberg, 1974].

Таким образом, опыт двух вышеупомянутых европейских стран в вопросах регулирования политики баланса между семьей и работой показывает, что гиперконнективность перестает оцениваться как положительное явление. Стремление работодателей повысить эффективность работы сотрудников за счет их постоянной включенности в решение служебных вопросов не приводит к однозначно положительным результатам. Напротив, необходимость постоянно быть «на связи» и оперативно реагировать на электронные письма и сообщения во внерабочее время существенным образом снижает уровень субъективной удовлетворенности качеством жизни работников, повышает уровень стресса и увеличивает вероятность профессионального выгорания. Законодательное оформление «права работника на отключение» представляет собой один из механизмов снятия напряжения между профессиональными и семейными обязанностями, потребностями работника в отдыхе. Изменение правил корпоративной коммуникации, связанное с блокированием или переадресацией сообщений, приходящих сотрудникам во внерабочее время, является одним из инструментов установления баланса между работой и личной жизни.

Ситуация в Южной Корее

В соответствии с первым пунктом 50-й статьи Трудового кодекса Республики Корея, количество рабочих часов в неделю не может превышать 40 часов в неделю, а в соответствии со вторым пунктом — рабочее время не может составлять более восьми часов в день [하예나, 2016]. Несмотря на это, в Южной Корее большинство сотрудников вынуждены вести рабочую переписку и в нерабочее время, и при этом не получают никаких дополнительных выплат, подвергая себя риску стресса, бессонницы, профессионального выгорания и проблем в личной жизни.

Согласно результатам исследования Корейского института труда, 86 % из 2402 опрошенных респондентов ответили, что они сталкивались с ситуацией, когда справлялись с служебными обязанностями с помощью своего смартфона после окончания рабочего дня», и при этом «среднестатистическое время сверхурочной работы в неделю при случае выполнения служебных обязанностей с помощью смартфона — 11,3 часа»⁸.

Согласно статистическим данным Организации экономического сотрудничества и развития в 2017 г.,⁹ по показателю «Среднегодовое фактически отработанное время» («Hours worked») Южная Корея (2024 часов) занимает второе место после Мексики (2257 часов), а по показателю «Производительность труда» («GDP per hour worked») — 17-е место из 22 членов ОЭСР¹⁰. Это показывает, что продолжительное рабочее время не приводит к повышению производительности труда. При этом подавляющее большинство сотрудников работают сверхурочно, оставаясь на рабочем месте после окончания рабочего дня и в выходные. Давайте рассмо-

⁸ См. подробнее: 김도균. [리포트+] «단톡방을 나가셨습니다»...휴가 중 'SNS 감옥' 탈출하는 직장인들, 2017. URL: http://news.sbs.co.kr/news/endPage.do?news_id=N1004331034&plink=ORI&cooper=DAUM (дата обращения: 30.08.2018) [Kim Tokyun. Dantokbangeul nagasyeotseumnida... hyuga jung 'SNS gamong' talchulhaneun jikjangindeul 2012. № 33. P. 467—493] (In Korean).

⁹ OECD (2018), Hours worked (indicator). <http://www.doi.org/10.1787/47be1c78-en>.

¹⁰ OECD (2018), GDP per hour worked (indicator). <http://www.doi.org/10.1787/1439e590-en>.

трим типичный рабочий день южнокорейского среднестатистического сотрудника в контексте гиперконнективности.

«Я постоянно на связи, — рассказывает А., сотрудник торговой фирмы. — У меня есть смартфон и планшет, с помощью которого я в любое время могу решить возникшую проблему или сделать что-то по работе. Недавно я заметил, что мой начальник стал этим злоупотреблять. Он может в любой момент, в том числе и в два часа ночи, написать мне письмо или сообщение через мессенджер Kakao Talk¹¹, а потом еще и позвонить, чтобы проверить, приступил ли я к работе. Такое происходило несколько раз, даже в ночь с субботы на воскресенье»¹².

Экономики многих стран мира, в том числе и корейская экономика, перестали быть индустриальными и переориентировались на сервис и сферу услуг, а на смену индустриальным заводам и предприятиям пришли интернациональные корпорации. В условиях современного «гибкого места работы» («flexible workplace») на передовую вышли принципы «свободы» и «гибкости». Однако такие социологи как З. Бауман, Дж. Урри и М. Кастельс, подвергают сомнению истинность такой свободы.

Ранее стратегией осуществления управления в трудовой сфере выступала «фиксация подчиненных в неподвижном состоянии в пространстве через отрицание их права передвигаться и через установление строгого распорядка, которому они должны были повиноваться» [Бауман, 2008]. Однако после перехода от индустриального общества к обществу современности сотрудники вырвались из плена ультражестких бюрократических рамок и теперь могут наслаждаться основным преимуществом нового строя — гибким графиком работы. Тем не менее З. Бауман задается вопросом, в полной ли мере они теперь лично и эмоционально «свободны»? Сегодня перед людьми встают еще более сложные задачи, связанные с поиском механизмов для приспособления к новым условиям труда, где необходимо научиться грамотно распоряжаться собственной «свободой», чтобы не злоупотреблять ей в процессе работы. З. Баумана тревожит вопрос «внутренней вовлеченности» в отношениях начальника и подчиненного, а также вероятность того, что новоприобретенные за счет использования мобильных устройств «свобода» и «гибкость» могут использоваться нерационально и вносить хаос в организационную структуру компании.

Приведенная цитата из интервью с сотрудником демонстрирует, что границ между его рабочим и личным временем стираются. Работодатели часто злоупотребляют тем, что работники доступны 24 часа в сутки, и используют это как способ контроля за жизнью работников. Доступность работника делает его более подотчетным работодателю, обеспечивая тотальный контроль не только за его профессиональной жизнью, но и за личной. Таким образом, работа вторгается

¹¹ Kakao Talk — самый популярный в Южной Корее мессенджер, бесплатное мобильное приложение для смартфонов. Позволяет обмениваться мгновенными текстовыми сообщениями и звонить. Сегодня это приложение использует 95% населения Южной Кореи и особенно пользуется большой популярностью среди компаний и сотрудников благодаря поддержке групповых чатов с неограниченным количеством участников.

¹² См. подробнее: 변지영. «카톡...» 소리만 들어도 짹짹, 카톡 감옥에 갇힌 근로자들, 2016. URL: <http://www.ilyoseoul.co.kr/news/articleView.html?idxno=137230> (дата обращения: 02.04.2017). [Byeon Jiyeong. «Katok...» soriman deureodo kkamjjak, katong gamoge gachin geullojadeul (2016) URL: <http://www.ilyoseoul.co.kr/news/articleView.html?idxno=137230> (дата обращения: 02.04.2017)] (In Korean).

в личное пространство, а необходимость выполнения рабочих обязанностей подчиняет себе личную жизнь, существенным образом реструктурируя повседневную жизнь в пользу интересов работодателя, а не сотрудника. А мобильные устройства выступают средством контроля и мониторинга над сотрудником, урезая его свободу, несмотря на то, что изначально введение использования мобильных устройств в рабочей среде должно было увеличить гибкость и автономность.

В связи с этим корейским сотрудникам постоянно приходится работать сверхурочно и в авральном режиме. Зачастую они не получают дополнительного вознаграждения за сверхурочную работу, так как в корейской корпоративной культуре непереносимое выполнение поручения старшего по позиции лица воспринимается как должное и необходимое, а существующее на сегодняшний день в Корее трудовое законодательство никак не регулирует компенсации за использование средств связи по рабочим вопросам во вне рабочее время. Сотруднику корейской компании также нельзя рассчитывать на отгул, компенсирующий сверхурочную работу [하예나, 2016: 3].

Все вышеперечисленное оказывает непосредственное влияние на субъективное благополучие отдельно взятого сотрудника и становится причиной стрессов и недовольства работой¹³.

Большинство корейских компаний, следуя неолиберальной логике рынка, не престапно требуют повышения эффективности работы сотрудника. Для достижения этого работодателя используют постоянную включенность сотрудника в рабочий процесс, сотрудники вынуждены соответствовать ожиданиям и требованиям руководства быть всегда на связи и в доступе. Многие корейские работники, проверяющие электронную почту в отпуске, в выходные и по ночам, следуют этим предписаниям из-за опасения потерять работу или оказаться не в курсе текущих событий в офисе [한국법제연구원, 2013]. В этом случае гиперконнективность способствует не установлению баланса между работой и личной жизнью, а средством подчинения приватной жизни сотрудника требованиям его служебных обязанностей.

Южнокорейская софтверная компания «ESTsoft» провела опрос по поводу фактического состояния служебной коммуникации в фирме¹⁴. Результаты исследования показали, что подавляющее большинство респондентов пользуются смартфоном и планшетом для работы. При этом 21,8% используют устройства более десяти раз в день, 30% — более пяти раз в день, 31% — менее раза в день. Среди способов корпоративной коммуникации наиболее распространена переписка с использованием мессенджеров (83,2%), электронной почты — 12,4%. Почти половина (49,7%) сотрудников считает, что использование мобильных

¹³ См. подробнее: 김유나. «집에 있나?»... 카카오톡이 무서운 직장인들, 2016. URL: <http://www.segye.com/content/html/2016/06/22/20160622003668.html? OutUrl=daum> (дата обращения: 02.04.2017). [Kim Yuna. «Jibe inna?»... kakaotogi museoun jikjangindeul (2016) URL: <http://www.segye.com/content/html/2016/06/22/20160622003668.html? OutUrl=daum> (дата обращения: 02.04.2017)] (In Korean).

¹⁴ Инициативный опрос Южнокорейской софтверной компанией EST soft проводился 7—13 сентября 2015 г. Объем выборочной совокупности — 1632 человека. См. подробнее: ESTsoft블로그. [업무용 사내 메신저 팀업 설문조사 결과] 기업 내 커뮤니케이션 실태 조사 보고서, 2015. URL: <http://blog.estsoft.co.kr/510> (дата обращения: 29.04.2017). [EST Blog. [Eommu Yong sanae mesinjeo timeop seolmunjosa gyeolgwa] Gieop nae communication siltae josa bogoseo (2015). URL: <http://blog.estsoft.co.kr/510> (дата обращения: 29.04.2017)] (In Korean).

устройств на работе провоцирует зависимость, в то время как 42,2 % признались, что испытывают стресс в связи с использованием мессенджеров в рабочих целях. Среди причин стресса самой весомой оказался риск перепутать личную и рабочую переписки (34,1 %), а 29,1 % объяснили стресс вторжением в личную жизнь.

Таким образом, проблема гиперконнективности и ее неоднозначные последствия для субъективного благополучия работников и попыток сбалансировать профессиональные и семейные обязанности носит глобальный характер. Как и в европейских странах, в Южной Корее необходимость работника быть постоянно на связи начинает рассматриваться как проблема, требующая пересмотра законодательства и изменения корпоративной культуры. Так, Сын Кёнмин, член Национального собрания Республики Корея от Совместной демократической партии «Тобуро минджудан», в 2016 г. представил инициативу исправленного законопроекта о трудовых стандартах, который запрещает вмешательство работы в частную жизнь сотрудников во вне рабочее время¹⁵. Ю Сынмин, член Национального собрания Республики Корея от партии «Парын чондан», в 2017 г. инициировал внесение поправок в трудовое законодательство, в соответствии с которыми компания должна дополнительно оплачивать сверхурочную работу через электронную почту, мессенджеры и телефонную связь в нерабочее время¹⁶. Член Национального собрания Республики Корея от Народной партии «Гунгминыданг» Ли Ёнхо инициировал ряд законодательных запретов, включая так называемый запрет отправления рабочих сообщений после завершения рабочего дня.

Министерство труда Южной Кореи разрабатывает новый пакет законов о трудовых отношениях, в котором будет зафиксировано право наемных сотрудников отключать электронные устройства и игнорировать служебную почту и сообщения через мессенджер в нерабочее время.

Эти примеры демонстрируют политический интерес, связанный с осознанием того, что гиперконнективность имеет ощутимые негативные последствия, сказывающиеся не только на субъективном благополучии работника, но и на эффективности работы корпораций. Однако реализация политических мер по ограничению вмешательства работодателя в личную жизнь сотрудников может столкнуться с рядом преград и сложностей. Во-первых, необходимо преодолеть преобладающие установки по этому вопросу в среде управленцев и высшего менеджмента корейских компаний, ведь до сих пор многие менеджеры в корейских организациях утверждают, что новые трудовые законы — это не более чем формальность, которая никак не сочетается с корейской корпоративной действительностью¹⁷.

¹⁵ См. подробнее: 박주희. 퇴근 뒤 업무카톡, 독일-프랑스에선 불법입니다, 2017. URL: <http://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LPOD&mid=sec&oid=469&aid=0000182262> (дата обращения: 30.03.2017). [Park Juhee. Toegeun dwi eommukatok, dogil-peurangseuseon bulbeobimnida (2017) URL: <http://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LPOD&mid=sec&oid=469&aid=0000182262> (дата обращения: 30.03.2017)] (In Korean).

¹⁶ См. подробнее: 김범수. 퇴근 후 '카톡 업무지시' 손본다...내년부터 근로감독, 2017. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2017/08/02/0200000000AKR20170802165100004.HTML?input=1195m> (дата обращения: 30.08.2017). [Kim Beomsoo. Toegeun hu 'katong eommuji' sonbonda...naeyeonbuteo geullogamdok 2012. № 33. P. 467—493] (In Korean).

¹⁷ См. подробнее: 오경희. [TF이슈] '퇴근 후 카톡 금지법' 국회 문턱 '못 넘는' 이유는?, 2017. URL: <http://news.tf.co.kr/read/ptoday/1699618.htm> (дата обращения: «13.09.2018»). [Oh Kyunghee. [TF ISSUE] Toegeun hu katong geumjibeop gukoe munteong 'mon neomneun' iyuneun (2017) URL: <http://news.tf.co.kr/read/ptoday/1699618.htm> (дата обращения: «13.09.2018)] (In Korean).

В существующих законах, регулирующих трудовые отношения в Корее, много недоработок. Например, в них не прописаны потенциальные штрафы или другие меры наказания для компаний за несоблюдение новых предписаний. Права на полное отключение наравне с европейскими странами в Корее пока добиться трудно, особенно это касается международных торговых компаний, которые работают с партнерами в разных часовых поясах, и ИТ-корпораций, обеспечивающих круглосуточную техническую поддержку и обслуживание серверов¹⁸.

Тем не менее нельзя не отметить общую положительную динамику в виде признания необходимости введения права на отключение и установления более гармоничного баланса между работой и личной жизнью. Многие корейские компании прилагают усилия, чтобы создать в рамках компании пространство, в котором было бы комфортно и приятно работать. Специалисты в области управления персоналом разрабатывают методы, призванные сделать компанию для сотрудников вторым домом, а рабочий коллектив — второй семьей [김난도 외 7인, 2017]. Некоторые компании уже начали вводить положения, которые запрещают их сотрудникам отвечать на запросы по электронной почте или мессенджеру, если они не находятся на работе. Например, в апреле 2016 г. южнокорейская телекоммуникационная компания «LG Uplus» ввела правило отключаться от всех сетей на определенный период времени (после 22 часов)¹⁹.

Можно сделать вывод, что Корея находится только в начале пути по установлению баланса между работой и отдыхом в контексте использования мобильных устройств.

Заключение

В обществе текущей современности мы наблюдаем, как размываются границы между работой и личной жизнью, которые были характерны для индустриальных обществ. Среди положительных сторон этого процесса — предоставление возможности работникам быть более гибкими и мобильными, подстраивать рабочее место под свои потребности и ограничения. Среди отрицательных сторон — риск эксплуатации предоставленной свободы со стороны работодателя.

Несмотря на то, что некоторые европейские страны добились значительных успехов в вопросе защиты прав сотрудников и введении «права на отключение», стоит признать, что корейским компаниям еще далеко до разработки и воплощения сбалансированного соотношения между работой и личной жизнью. Хотя уже давно предложили данный законопроект на рассмотрение Национального собрания, но пока его не приняли и он все еще находится на этапе рассмотрения — по причине того, что не совпадают мнения работодателей и работников. Для улучшения соотношения работы и отдыха данная проблема требует дальнейшего

¹⁸ См. подробнее: 김학재. '퇴근 후 업무카톡 금지법' «연결되지 않을 권리» vs. «전업종 일괄적용은 무리», 2016. URL: <http://www.fnnews.com/news/201701221746423042> (дата обращения: «30.03.2017»). [Kim Hakjae. 'Thoykun hwu epmwukhathok kumcipep' « yeongyeoldoeji aneul gwolli» vs. « senepcong ilkwalcekyongun mwuli» (2016) URL: <http://www.fnnews.com/news/201701221746423042> (дата обращения: «30.03.2017») (In Korean).

¹⁹ См. подробнее: 김시연. 한국도 '퇴근 후 업무 카카오톡 금지법' 만든다, 2016. URL: http://www.ohmynews.com/NWS_View/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0002220360&CMPT_CD=P0001 (дата обращения: 01.05.2017). [Kim Siyen. Hankwukto 'thoykun hwu emmwu khakhaothong kumcipep' mantunt (2016) URL: http://www.ohmynews.com/NWS_View/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0002220360&CMPT_CD=P0001 (дата обращения: 01.05.2017») (In Korean).

изучения и тщательного внимания не только со стороны корейских работодателей, но также и со стороны правительства Кореи.

Список литературы (References)

Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. проф. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Castells M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. M.: State University Higher School of Economics. (In Russ.)

Савельева Е. П. Новые группы профессионалов в условиях мобильного сетевого общества [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 3. С. 67—82. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2011_3/Savelyeva_2011_3.pdf (дата обращения: 25.10.2018).

Savelyeva E. P. (2011) New groups of professionals in a mobile network society. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XIV. No. 3. P. 67—82. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2011_3/Savelyeva_2011_3.pdf (accessed: 25.10.2018).

Bailey D. E., Kurland N. B. (2002) A review of telework research: findings, new directions, and lessons for the study of modern work. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 23. No. 4. P. 383—400. <https://doi.org/10.1002/job.144>.

Beaudry A., Pinsonneault A. (2005) Understanding User Responses to IT: A Coping Model of User Adaptation. *MIS Quarterly*. Vol. 29. No. 3. P. 493—524.

Brillhart P. E. (2004) Technostress in the workplace: managing stress in the electronic workplace. *Journal of American Academy of Business*. Vol. 5. No. 1. P. 302—307.

Freudenberger Herbert J. (1974) Staff burn-out. *Journal of Social Issues*. Vol. 30. № 1. P. 159—165. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-4560.1974.tb00706.x>.

Perlow L. A. (2012) *Sleeping with your smartphone: how to break the 24/7 habit and change the way you work*. Boston: Harvard Business School Publishing.

Yun H., Kettinger W. J., Lee C. C. (2012). A new open door: The smartphone's impact on work-to-life conflict, stress, and resistance. *International Journal of Electronic Commerce*. Vol. 16. No. 4. P. 121—152. <https://doi.org/10.2753/JEC1086-4415160405>.

Giese (2014) Privat ist nicht privat // Ai B. Nr. 3, p. 32; Giese (2014) Abschalten gegen Dauerstress. Ai B. Nr. 9. P. 64.

김난도, 전미영, 이향은, 이준영, 김서영, 최지혜, 이수진, 서유현. 트렌드 코리아 2018: 서울대 소비트렌드분석센터의 2018전망. 서울: 미래의 창, 2017.

Kim Nando, Jeon Miyeong, Lee Hyangeun, Lee Joonyoung, Kim Seoyeong, Choi Jihye, Lee Soojin, Seo Yoohyun (2017). *Trend Korea 2018: Consumer Trend Center in Seoul National University*. (In Korean).

오성탁, 박상철. SNS 업무활용 문화의 순기능과 역기능에 관한 연구 // 문화산업연구. 2014. 14(3), P. 37—48.

Oh Seongtak, Park Sangcheol. Pros and Cons on SNS Usage for Utilizing Individuals' Task. Journal of Culture Industry. 2014. Vol. 14. No. 3. P. 37—48. (In Korean).

정희석. 한국형 SNS의 진화: 카카오톡 사례를 중심으로 // 디지털정책연구. 2012. 제10권 제10호. P. 147—154.

Jung Heeseog. The Evolution of Korean Social Network Service focusing on the Case of Kakao Talk. Journal of Digital Convergence. 2012. Vol. 10. No. 10. P. 147—154. (In Korean).

진보래, 이연경, 박남기. 모바일 메신저 이용의 스트레스 요인—사회적 성향, 메신저의 관계적 유용성 및 중요성과의 관계 // 한국방송학보. 2014. 28(6). P. 168—210.
Jin Borae, Lee Yeonkyung, Park Namkee. Exploring Mobile Instant Messaging Stress. Korean Journal of Broadcasting and Telecommunication Studies. 2014. Vol. 28, № 6. P. 168—210. (In Korean).

하예나. 퇴근 후 업무카톡 금지법안의 주요내용과 시사점 // 법제이슈브리프. 2016. Vol. 18. P. 1—4.

Ha Yena. Toegeun hu eommukatong geumjibeobanui juyonaeyonggwa sisajeom. Legislative issue brief. 2016. Vol. 18. P. 1—4. (In Korean).

한국법제연구원. 정보통신기기에 의한 노동인권침해 실태조사. 서울: 국가인권위원회, 2013. URL: <http://library.humanrights.go.kr/hermes/imgview/13-74.pdf> (дата обращения: 01.05.2017).

Korea Legislation Research Institute. Survey on human rights violations by ICT (2013). (In Korean).

ESTsoft블로그. [업무용 사내 메신저 팀업 설문조사 결과] 기업 내 커뮤니케이션 실태조사 보고서, 2015. URL: <http://blog.estsoft.co.kr/510> (дата обращения: 29.04.2018).

EST Blog. [Eommuyong sanae mesinjeo timeop seolmunjosa gyeolgwa] Gieop nae communication siltae josa bogoseo (2015). URL: http://blog.estsoft.co.kr/510 (дата обращения: 29.04.2018). (In Korean).

Приложение

Опрос Южнойкорейской софтверной компании ESTsoft

№	Вопрос	Ответ
1	Каков Ваш пол?	Мужской — 671 чел. (41,1%)
		Женский — 961 чел. (58,9%)
2	Каков Ваш возраст?	21—30 лет — 660 чел. (40,4%)
		31—40 лет — 721 чел. (44,2%)
		41—50 лет — 197 чел. (12,1%)
		Старше 51 года — 54 чел. (3,3%)
3	Каков Ваш социальный статус?	Работник — 1380 чел. (84,6%)
		Предприниматель — 13 чел. (0,8%)
		Бизнесмен — 102 чел. (6,3%)
		Другие (студент, домохозяйка, безработный и др.) — 137 чел. (8,4%)
4	Вы пользуетесь смартфоном, планшетом для работы?	Очень часто пользуюсь (более 10 раз в день) — 327 чел. (21,8%)
		Часто пользуюсь (более 5 раз в день) — 449 чел. (30,0%)
		Иногда пользуюсь (менее 3 раз в день) — 464 чел. (31%)
		Почти не пользуюсь (менее раза в день) — 207 чел. (13,8%)
		Никогда не пользуюсь — 50 чел. (3,3%)
5	Выберите, пожалуйста, в каких целях Вы им пользуетесь	Отвечать и проверять электронную почту — 820 чел. (24,5%)
		Передача материалов(документов) — 746 чел. (22,3%)
		Пользование мессенджерами — 942 чел. (28,1%)
		Составление делового документа — 320 чел. (9,6%)
		Записка — 426 чел. (12,7%)
		Свой вариант — 93 чел. (2,8%)
6	Как Вы считаете, повышается ли зависимость от мобильных устройств на работе?	Резко повышается — 421 чел. (28,1%)
		Повышается — 744 чел. (49,7%)
		Нейтрально — 232 чел. (15,5%)
		Не очень повышается — 82 чел. (5,5%)
		Совсем не повышается — 18 чел. (1,2%)

№	Вопрос	Ответ
7	Каким служебным коммуникационным инструментом в основном пользуются в Вашей компании?	Kakao Talk — 459 чел. (30,2%)
		LINE — 70 чел. (4,6%)
		BAND — 127 чел. (8,4%)
		NATE ON — 124 чел. (8,2%)
		Корпоративный мессенджер — 484 чел. (31,8%)
		E-mail — 189 чел.(12,4%)
		Нет используемого коммуникационного инструмента — 26 чел. (1,7%)
		Свой вариант — 41 чел. (2,7%)
8	Подвергаетесь ли Вы, по Вашему мнению, стрессу, когда пользуетесь личным мессенджером для работы?	Сильно подвергаюсь стрессу — 333 чел. (22,2%)
		Подвергаюсь стрессу — 631 чел. (42,2%)
		Нормально — 333 чел. (22,2%)
		Иногда подвергаюсь стрессу — 158 чел. (10,6%)
		Никогда не подвергаюсь стрессу — 42 чел. (2,8%)
9	Что причиняет Вам стресс при использовании личного мессенджера в рабочих целях?	Неудобство из-за того, что служебные сообщения можно перепутать с личными — 495 чел. (34,1%)
		Вторжение в личную жизнь — 422 чел. (29,1%)
		Служебное сообщение в позднее время — 346 чел. (23,9%)
		Сигнал оповещения частых сообщений — 174 чел. (12,0%)
		Свой вариант — 13 чел. (0,9%)

МИГРАЦИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.11

Правильная ссылка на статью:

Эндрюшко А. А. Социально-экономический потенциал азербайджанских мигрантов, прибывших в Россию в 2014—2017 гг. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 216—233. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.11>.

For citation:

Endryushko A. A. (2018) Social and economic potential of Azerbaijani migrants who entered Russia in 2014-2017. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 216—233. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.11>.

А. А. Эндрюшко

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ МИГРАНТОВ, ПРИБЫВШИХ В РОССИЮ В 2014—2017 ГГ.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ МИГРАНТОВ, ПРИБЫВШИХ В РОССИЮ В 2014—2017 ГГ.

SOCIAL AND ECONOMIC POTENTIAL OF AZERBAIJANI MIGRANTS WHO ENTERED RUSSIA IN 2014—2017

ЭНДРЮШКО Анна Александровна — младший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: anna.endryushko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Anna A. ENDRYUSHKO¹ — Junior Research Fellow

E-MAIL: anna.endryushko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

---

¹ Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье анализируются социально-экономические характеристики азербайджанских трудовых мигрантов, прибывших в Россию в 2014—2017 гг., их трудовая заня-

Abstract. The article analyzes social and economic features, employment, well-being and housing conditions of the Azerbaijani migrants who came to Russia in 2014—2017. The empirical

тость, материальное положение и жилищные условия. Эмпирическую базу исследования составили данные общероссийского опроса трудовых мигрантов, проведенного НИУ ВШЭ и ЦЭПРИ в 19 субъектах Российской Федерации. Всего опрошено 8577 респондентов. Среди них азербайджанцы составляют 4,5% (388 человек). Показан статус азербайджанских мигрантов в сравнении с мигрантами других национальностей и местным населением с целью понимания их интеграционного ресурса. Установлено, что во всех сферах жизни они занимают более благоприятные позиции в сравнении с этнокультурными группами из Средней Азии, что позволяет говорить об их достаточно высоком интеграционном потенциале, особенно в связи с потребностями принимающего российского общества. Это снижает значимость их культурной отличительности и может содействовать интегрированности в локальные социумы.

Ключевые слова: трудовые мигранты, азербайджанские мигранты, недавно прибывшие мигранты, адаптация мигрантов, интеграция мигрантов, занятость мигрантов, материальное положение мигрантов, жилищные условия мигрантов, интеграционный ресурс

Благодарность. Работа выполнена в ходе реализации проектов Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН.

basis of the study is the data of a Russian nationwide survey of migrants. The survey was conducted by the National Research University Higher School of Economics and the Centre for Inter-Ethnic Studies in 19 subjects of the Russian Federation. A total of 8,577 respondents were interviewed; 4.5% of them were Azerbaijanis (388 respondents). To assess the integration resources of the Azerbaijani migrants the author examines their status as compared to other migrants and the local population. The study reveals that, unlike Central Asian ethnic groups, Azerbaijanis have more favorable positions in all spheres of social life, and it proves their high integration potential especially in a demanding Russian society. This in turn decreases the importance of their cultural distinctiveness and facilitates further integration and immersion in the local communities.

Keywords: labor migrants, Azerbaijani migrants, arrived migrants, migrant adaptation, migrant integration, migrant employment, migrant well-being, migrant housing conditions, integration resources

Acknowledgments. The study was part of the projects carried out by the Centre for Inter-Ethnic Studies of the Institute of Sociology (Russian Academy of Sciences).

Российская Федерация является центром притяжения мигрантов из стран СНГ, перемещение которых вызвано по большей части экономическими обстоятельствами, социальным неблагополучием в стране исхода, поиском более благоприятных условий жизни для себя и своей семьи. В то же время сложная

демографическая ситуация в России приводит к тому, что миграция становится важным ресурсом для преодоления депопуляции и поддержания экономического благосостояния страны. Мигранты, особенно ориентированные на Россию как постоянное место жительства, занимают значимое место на российском рынке труда, постепенно включаясь в жизнь локального общества. Их адаптация и интеграция охватывает разные аспекты жизни — трудовую деятельность, знание языка, культуру, психологическую предрасположенность к жизни в другой культурной среде.

В такой ситуации важно представлять социально-экономический потенциал иммигрантов в сравнении со стратификацией местного населения, чтобы иметь возможность прогнозировать адаптацию и интеграцию конкретных групп мигрантов в российское общество.

Проблемам интегрированности мигрантов в принимающую среду посвящены исследования С. Н. Абашина, Е. А. Варшавера, А. Г. Вишневого, М. Б. Денисенко, Л. М. Дробижевой, Ж. А. Зайончковской, Т. Д. Ивановой, П. Д. Кивисто, Н. М. Лебедевой, В. И. Мукомеля, А. Л. Рочевой, А. В. Резаева, Е. В. Тюрюкановой, Ю. Ф. Флоринской, Т. Н. Юдиной и других ученых. В ряде работ отдельно изучались социально-экономическое положение мигрантов, их позиции на российском рынке труда — (К. С. Григорьева, Т. Д. Иванова, В. И. Мукомель и др.).

Ни в отечественной, ни в зарубежной науке нет единой теории адаптации и интеграции мигрантов. Однако иметь представление о них важно не только ученым и управленцам, но и самим мигрантам, которым необходимо «встроиться» в новое общество, получить доступ к социальным ресурсам, не задевая при этом интересы местных жителей.

Работая в концепции кросскультурной адаптации Й. Кима, К. Уорд и коллеги выделили три основных аспекта адаптации: психологический, социально-культурный и экономический. Психологическая адаптация относится к эмоциональному благополучию во время культурного перехода, она обусловлена восприятием одиночества и возможной дискриминацией. Социально-культурная адаптация связана с умением «вписываться» в новую культурную среду и эффективно взаимодействовать с ней. Она включает такие важные показатели, как образование, свободное владение языком и контакты с местным сообществом. Наконец, *экономическая* адаптация — важный и наиболее долгий процесс, так как мигранты сталкиваются с большими препятствиями на пути к экономическому успеху, чем местные (трудность признания квалификации и профессионального опыта) [Ward, Bochner, Furnham, 2001].

Р. Альба и В. Ни, выступая с критикой политики интеграции мигрантов, предложили поменять представление о возможности интеграции мигрантов в средний класс, так как большая их часть попадает в беднейшие слои населения [Alba, Nee, 2003].

В современном понимании принимающее общество несет ответственность за мигрантов, соблюдение их формальных прав, возможность участия в основных сферах жизни. В Европе для измерения этих параметров используется «Индекс миграционной политики» (MIPEX), принятый министрами стран Европейского союза в Сарагосской декларации. Он учитывает 167 индикаторов интеграции мигрантов и позволяет сравнивать интеграционную политику разных стран. Индикаторы делятся на восемь направлений, среди которых доступ к рынку труда, образо-

вание, участие в жизни страны, долгосрочность пребывания, воссоединение с семьей, гражданство, доступность здравоохранения и защита от дискриминации [Мукомель, 2016а: 466].

В отечественной науке вопросы адаптации и интеграции мигрантов рассматриваются учеными через такие показатели, как материальное положение и социальное положение, статус, характер труда, взаимодействие мигрантов с принимающим сообществом, ориентация мигрантов на интеграцию или возвращение в страну исхода и другие [Иванова, 2008: 646]. Но понимание самого процесса различается. Так, например, В. И. Мукомель пишет, что не существует альтернативы политике интеграции [Мукомель, 2016а: 414], а С. Н. Абашин ставит под сомнение идею необходимости «интегрировать мигрантов» в российское общество, так как «сами иммигранты не спешат стать полностью похожими на местных жителей, их практики и нарративы построены на связях со страной исхода» [Абашин, 2017: 204]. Он акцентирует внимание на концепции транснационализма, при которой иммигранты развивают и поддерживают связи (семейные, социальные, экономические), пересекая географические, политические и культурные границы, они могут быть включены сразу в несколько социальных контекстов. Исследователи говорят также о том, что интеграционный и транснациональный подходы не исключают друг друга, а наоборот — в своей совокупности определяют положение мигранта [Бредникова, Ткач, 2010: 78].

В связи с этим имеет смысл по возможности рассматривать конкретные группы мигрантов. Цель данной работы — оценить интеграционный ресурс азербайджанских мигрантов, прибывших в Россию в середине второго десятилетия XXI века, в сравнении с другими этнокультурными группами.

В данной статье мы рассматриваем социально-экономические характеристики азербайджанских мигрантов как мигрантов из страны, имеющей давнюю историю миграции своего населения в Россию и традиционно входящей в пятерку стран — ее крупнейших миграционных доноров. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в Россию ежегодно въезжает 20—25 тысяч азербайджанских мигрантов, а на ее территории находится около 520 тысяч¹. Азербайджанцы были одними из первых иммигрантов на российском рынке труда. Наиболее крупная миграционная волна пришлась на 1950—60-е годы, однако это были в большинстве своем студенты. Позднее, в середине 1980-х, азербайджанцы активно развивали сферу торговли (в основном фрукты и цветы), затем стали расширять свое присутствие в сфере общественного питания (рестораны, шашлычные и т. п.) [Юнусов, 2010]. После распада СССР миграция азербайджанцев продолжилась. Все это дает основание полагать, что они в большей степени, чем представители других этнокультурных групп, готовы к адаптации в принимающее российское общество, так как в России уже живут их соотечественники, обладающие преимуществами в экономической и социальной сферах, а также хорошим интеграционным потенциалом.

Для анализа отобраны три основные сферы, которые, на наш взгляд, позволят оценить интеграционный потенциал азербайджанских мигрантов — трудовая (про-

¹ Федеральная служба государственной статистики (2017). Миграция // Международная миграция. URL: <https://goo.gl/m6tyhD> (дата обращения: 20.12.2018).

изводственная) занятость, материальное положение и жилищные условия. Мы рассмотрим социально-демографический портрет азербайджанских мигрантов, профили их занятости и уровень доходов, ситуацию в сфере жилья в сравнении с другими этнокультурными группами, а также с общероссийскими показателями на основе имеющейся эмпирической базы, которую составили данные всероссийского исследования трудовых мигрантов НИУ ВШЭ, полученные на основе проведенного весной 2017 г. Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) опроса (рук. В. И. Мукомель). Обследование проводилось в 19 субъектах РФ, опрашивались граждане стран СНГ и Грузии независимо от их правового статуса. Общий объем выборочной совокупности — 8577 респондентов. 83% респондентов было опрошено в региональных столицах, то есть крупных городах, а 7,9% — в городах с населением свыше 100 тысяч человек. Азербайджанцев в выборке 4,5% — 388 человек.

Для формирования квотной выборки использовались данные Главного управления МВД по вопросам миграции (бывшая Федеральная миграционная служба), ведущего учет разных категорий иностранных граждан. В основу распределения квот выборочной совокупности была положена представленность данной этнической группы в числе стоящих на миграционном учете.

Следует сразу отметить, что среди азербайджанских мигрантов в выборке представлены главным образом те, кто прибыл в Россию в 2014—2017 гг. (78,6%).

Социально-демографические характеристики азербайджанских мигрантов

Азербайджанская миграция — мужская: 82,7% приехавших — мужчины. В этом они схожи с таджикскими мигрантами — 83,7%, узбекскими — 79,5%, киргизскими — 69%, в отличие, например от украинских и грузинских, где доля мужчин 43,2 и 52,7% соответственно. Исследуя отношение принимающего населения к азербайджанским мигрантам, мы учитывали, что их отличает исламская культура, которая влияет и на гендерное распределение миграции, поскольку мужчины преобладают в потоках из стран с преимущественно мусульманским населением [Эндрюшко, 2017].

Азербайджанцы были одними из первых и самых массовых потоков иммигрантов, но в последнее время они очевидно уступают по своей численности мигрантам из Средней Азии. Эти различия отражаются и на возрастном распределении мигрантов. Так, выходцы из Средней Азии представлены по большей части молодежью 20—29 лет (до 50%), в то время как азербайджанцы (схожи с ними в этом украинцы) — это люди разных возрастов, с очевидным преобладанием людей трудового возраста от 20 до 40 лет (79,4% опрошенных). При этом сравнительно много среди них людей в возрасте 50 лет и старше — 18,3% (у представителей Средней Азии — в среднем 5—7%). Это могут быть либо родственники молодых мигрантов трудового возраста, либо те, кто приехал в Россию раньше.

Почти половина мигрантов имеют общее среднее образование. Среди инокультурных мигрантов азербайджанцы чаще имеют неполное высшее и высшее образование (18,3%), чем представители среднеазиатских стран — киргизы (15,9%), таджики (13,7%), узбеки (9,4). Это дает основание полагать, что и людей, занимающихся квалифицированным трудом, среди них больше, чем в некоторых других группах мигрантов. Эту гипотезу мы проверим далее.

Среди мигрантов из стран Закавказья в сравнении со славянскими и среднеазиатскими группами выше доля тех, кто пребывает из столиц своих стран (31—35%). При этом среди азербайджанцев самая низкая доля приезжих из крупных городов с населением свыше 100 тыс. человек (26,1%) и самая высокая приезжих из сел (14%) (к ней также близки по показателям мигранты из Киргизии — 13,9% и Таджикистана — 13,2%) (см. табл. 1). То есть северокавказские мигранты в большей степени представлены «столичными» жителями, что предполагает более высокий культурный и образовательный уровень приезжающих. В то же время и сельская миграция в большей степени характерна для инокультурных мигрантов, к которым относятся и азербайджанцы, и выходцы из Средней Азии.

Таблица 1. *Населенные пункты исхода мигрантов, в % от всех опрошенных**

Национальность	Из какого населенного пункта Вы прибыли в Россию — столицы, города, села (кишлака, аула)?			
	Столица	Большой город (более 100 тыс. жителей)	Малый/средний город, пгт (менее 100 тыс. жителей)	Село, кишлак
Белорусы	16,3	53,6	28,1	2,0
Украинцы	6,6	60,2	28,7	10,7
Азербайджанцы	31,3	26,1	28,7	14,0
Армяне	35,4	29,5	25,9	9,2
Грузины	32,7	32,7	29,1	5,5
Киргизы	17,6	36,4	32,2	13,9
Таджики	24,6	28,1	34,0	13,2
Узбеки	9,9	56,4	22,7	10,9

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

На основании имеющихся данных и с учетом истории миграции азербайджанцев в Россию, мы предполагаем, что в сравнении с некоторыми другими новоприбывшими мигрантами азербайджанцы имеют более благоприятные показатели в трудовой сфере, в направлениях экономической деятельности и жилищного устройства. Проверим это на основе результатов опроса.

Азербайджанские мигранты в трудовой сфере

За сравнительно (с западными странами) небольшой период массовой миграции в Россию многие группы иммигрантов смогли создать для себя определенные условия и освоить ряд сфер деятельности — строительство, сельское и коммунальное хозяйство, транспорт, торговлю и другие.

Согласно данным исследований в области занятости мигрантов, большая часть приезжих занимаются оптовой и розничной торговлей, ремонтом автотранспорта и бытовых изделий, строительством, коммунальными и социальными услугами, домашним хозяйством, в сфере гостиничного бизнеса, общественного питания, транспорта и связи. На эти сферы в совокупности приходится более 85% процентов трудовых мигрантов [Мукомель, 2017].

Азербайджанцы проходили длительный и сложный процесс вовлечения в разные сферы деятельности. Еще в середине XIX века были известны немногочисленные торговцы из среды азербайджанцев в России. Более активное прибытие азербайджанцев началось в послевоенное время (1950—1960-е годы). Тогда на нефтегазовые месторождения в Сибири приезжали специалисты нефтяной отрасли и студенты, которые позднее возглавили азербайджанские общины в России. С конца 1970-х годов миграция из Азербайджана стала качественно иной, что было связано с развитием торговли цветами, овощами и фруктами. С тех пор образ азербайджанцев в России, по мнению специалистов, в значительной мере связан именно с торговлей [Юнусов, 2006].

Поскольку опрос, на материалы которого мы опираемся, проводился преимущественно среди трудовых мигрантов, то более 80 % респондентов работают, среди них мала доля студентов и пенсионеров. Однако студентов (учащихся) среди азербайджанцев несколько больше (3,9%), чем среди представителей Средней Азии и других групп из Закавказья, и столько же, сколько среди мигрантов из Украины (см. табл. 2).

Таблица 2. Занятость славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в России, в % от всех опрошенных*

Национальность	Сейчас Вы работаете, учитесь в России?						
	Работаю (постоянно или время от времени)	Временно не работаю, ищу работу	Временно не работаю, НЕ ищу работу	Учусь	Занимаюсь домашним хозяйством	На пенсии	Другое, нет ответа, з/о
Белорусы	89,7	5,2	1,4	2,3	0,9	0,3	0,3
Украинцы	83,3	7,5	1,7	3,9	2,1	0,5	1,0
Азербайджанцы	82,7	8,2	1,5	3,9	2,8	0,3	0,5
Армяне	82,7	8,6	2,4	0,8	4,0	0,5	0,8
Грузины	83,6	5,5	1,8	1,8	5,5	1,8	0,0
Киргизы	88,0	8,8	0,6	0,9	1,1	0,0	0,6
Таджики	86,2	9,3	1,1	1,7	0,9	0,1	0,8
Узбеки	86,0	11,0	0,7	1,0	0,8	0,1	0,3

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

Трудовые мигранты, приезд которых в Россию вызван сложной экономической ситуацией на родине, вынуждены соглашаться на низкоквалифицированную работу, даже если имеют образование, высокую квалификацию и хороший опыт. Обычно они занимают худшие трудовые места по сравнению с теми, которые занимали в своей стране [Мукомель, 2016б]. Этому способствует и тот факт, что многие мигранты не имеют возможности работать в России на законных основаниях.

Так, среди азербайджанцев до приезда в Россию в сфере оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспорта и бытовых изделий было занято 28,4% опрошенных, а после переезда в Россию — в 2,5 раза больше, до 72,5%. В целом после миграции в Россию у азербайджанцев наблюдается снижение числа заня-

тых по всем сферам деятельности, кроме вышеупомянутых: в обрабатывающих производствах — с 10,8 до 0,3 %, в строительстве — с 10,8 до 4,1 %, в сфере транспорта и связи — с 11,3 до 8,8 %. Это касается и более высококвалифицированных сфер занятости: небольшое количество работающих в финансовой сфере в Азербайджане (1,4 %) снизилось до нуля в России, в сфере государственного управления — с 4,1 до 0,3 %, в образовании — с 2,7 до 0,3 %. Меньше всего изменений видно в сфере инфраструктуры — работы в гостиницах и ресторанах, предоставлении коммунальных услуг, деятельности домашних хозяйств.

Вероятно, азербайджанцы, приехав в Россию, ищут работу при помощи родственников и друзей или кого-то из азербайджанской диаспоры (либо едут уже по их приглашению), которые, в свою очередь, предлагают работу в основных сферах своего влияния.

Азербайджанские мигранты в России заняты в основном в инфраструктуре (оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны, транспорт и связь, предоставлении коммунальных услуг) и строительстве — на эти сферы в совокупности приходится 94,5 % респондентов (см. табл. 3). Азербайджанцы по-прежнему больше всего связаны с торговлей (72,5 %), в 1,5—3 раза больше, чем армяне (34,9 %), украинцы (36 %), киргизы (33,4 %), узбеки (26,6 %). Наиболее близки к ним грузины — 57,4 % опрошенных заняты в торговле в России. При этом представители среднеазиатских и славянских культур больше заняты в строительстве (особенно белорусы 33,2 %, таджики 18,5 %, узбеки 19,2 %), у мигрантов из Средней Азии высока доля в сфере коммунальных и социальных услуг — больше всего среди киргизов (25 %).

По данным опроса, азербайджанские новоприбывшие мигранты не представлены или практически не представлены в таких сферах, как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, финансовая деятельность, государственное управление и обеспечение военной безопасности (см. табл. 3).

Таблица 3. **Сферы деятельности славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в России, в % от всех опрошенных***

Национальность	Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	Строительство	Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей, транспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Операции с недвижимым имуществом, аренда машин и оборудования, наука, архитектура, инженеринг, IT, вычислительная техника	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг (включая судебную медицину, ветеринария, санатории, курорты, пансионат)	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (включая химчистки, парикмахерские, салоны красоты,	Деятельность домашних хозяйств
Белорусы	4,0	33,2	25,0	3,7	6,4	3,7	0,6	0,6	6,7	7,3
Украинцы	1,9	14,7	36,0	7,3	4,0	3,5	1,9	3,0	7,8	7,9
Азербайджанцы	0,6	4,1	72,5	4,4	8,8	1,2	0,3	0,6	4,7	2,0
Армяне	0,3	16,0	34,9	6,6	9,3	1,8	0,3	2,1	9,7	11,4
Грузины	0,0	12,8	57,4	8,5	12,8	0,0	0,0	0,0	4,3	2,1

Национальность	Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	Строительство	Оптовая и розничная торговля; ремонт транспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Операции с недвижимым имуществом, аренда машин и оборудования, наука, архитектура, инженеринг, IT, вычислительная техника	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг (включая судебную медицину, ветеринария, санатории, курорты, пансионат)	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (включая химические, парикмахерские, салоны красоты)	Деятельность домашних хозяйств
Киргизы	0,3	10,4	33,4	11,4	8,9	2,9	0,9	0,4	25,0	3,2
Таджики	2,7	18,5	36,0	5,5	6,8	2,9	0,3	0,5	11,9	9,2
Узбеки	2,4	19,2	26,6	7,9	7,3	2,5	0,4	0,3	18,2	8,6

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

Для иммигрантов довольно характерна занятость на небольших предприятиях (согласно законодательству РФ, к микропредприятиям относятся те, на которых работает до 15 человек, к малым — до 100 человек), но среди азербайджанцев наиболее высока доля работающих на микропредприятиях с численностью до 9 человек — 58%. Среди узбеков, например, таких гораздо меньше — 33,8%, как и украинцев — 33,5%, среди армян цифра выше и ближе к азербайджанцам — 49,5%. Азербайджанцев, работающих на предприятиях с численностью 10—15 человек, — 9,6%, и показатель уменьшается обратно пропорционально увеличению численности сотрудников (см. табл. 4). Это говорит о том, что для азербайджанцев в большей мере, чем для других этнокультурных групп мигрантов, характерна занятость при небольшой численности сотрудников. Это может быть вызвано более тесными родственными и дружескими связями, а также особенностями основной сферы деятельности — торговли, в которой высока доля мелких предпринимателей (в отличие, например, от строительства).

Таблица 4. Занятость славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в РФ на предприятиях разной численности, в % от всех опрошенных*

Национальность	Сколько, примерно, людей работают вместе с Вами на том же предприятии, в компании?						
	1—9	10—15	16—49	50—100	101—250	Более 250	Нет ответа, з/о
Белорусы	27,8	11,1	17,0	12,1	9,2	10,1	12,7
Украинцы	33,5	15,0	18,4	11,9	5,6	6,7	9,1
Азербайджанцы	58,0	9,6	8,3	5,1	3,2	5,4	10,3
Армяне	49,5	11,5	17,3	3,4	4,7	3,4	10,2
Грузины	27,5	12,5	27,5	10,0	2,5	5,0	15,0
Киргизы	27,4	19,6	20,7	8,1	6,8	5,	12,1
Таджики	36,8	13,7	18,2	9,1	5,0	3,9	13,3
Узбеки	33,8	15,3	16,0	8,8	4,8	4,7	16,7

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

Предыдущий вывод подтверждает и тот факт, что среди азербайджанцев существенно выше (в большей мере в сравнении со среднеазиатскими, немного в меньшей — со славянскими мигрантами) доля тех, у кого имеются сотрудники в подчинении — 20,2%. Они сходны с армянами, среди которых 18,6% имеют сотрудников в подчинении, среди украинцев показатель в два раза меньше — 10,4%. Среди среднеазиатских групп доля имеющих подчиненных самая низкая (например, у киргизов 4,7%).

Поскольку азербайджанцы больше заняты в торговле, для них легче, чем в других сферах (таких как транспорт, гостиницы и рестораны и др.) организовать собственное дело. Этот факт, несмотря на отрицательный образ торговца в представлении местного населения, дает азербайджанским мигрантам определенное преимущество — от дохода до более престижного социального статуса (быть предпринимателем престижнее, чем быть наемным работником). На оптовую и розничную торговлю приходится 72,5% трудящихся в России азербайджанцев. Помимо этого, востребованы также сферы транспорта и связи, гостиниц и ресторанов, предоставления коммунальных услуг.

Для сравнения приведем структуру занятости мужского (поскольку среди опрошенных азербайджанских мигрантов 82,7% мужчин) российского населения (см. рис. 1). Занятость российских граждан не имеет существенного «перекоса» в одну производственную сферу, а распределена довольно равномерно. Преобладают обрабатывающие производства (17,1%), транспорт и связь (13,7%), строительство (12,2%), оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий (12,2%). Но также, как и у трудящихся из других стран, наблюдаются довольно низкие показатели занятости в более высококвалифицированных сферах — финансовой деятельности, образовании и здравоохранении.

Рисунок 1. Структура занятых мужчин населения России по видам экономической деятельности на основной работе, 2016 год, в %, данные Росстата²

² Источник: Труд и занятость в России : Стат. сб. / Росстат. Москва, 2017. С. 253.

По данным опроса, азербайджанские мигранты, в сравнении с российскими работниками, практически не представлены в более высококвалифицированных сферах (финансовая деятельность, образование, государственное управление), в добыче полезных ископаемых, обрабатывающих производствах, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. Если в советский период из Азербайджана приезжало большое количество инженеров, специалистов нефтяной отрасли, в том числе открывавших крупные месторождения (например, Ф. Салманов), то сегодня это в основном менее квалифицированные работники. Мы могли бы говорить о нисходящей профессиональной мобильности разных волн азербайджанских мигрантов, но она скорее связана с социально-экономическими переменами и в стране исхода, и в России в 1990-е годы — многим российским инженерам, специалистам также приходилось менять квалификацию в связи с закрытием производств, приспосабливаться к трансформации российского общества.

Такие результаты могут быть связаны и с особенностями выборки в данном исследовании — в нее попадали только трудовые мигранты, не имеющие российского гражданства. Большая часть из них проживает в России не более трех лет, не имеет нужной квалификации и, зачастую, разрешительных документов.

Материальное положение новоприбывших иммигрантов

Распространенным мифом о мигрантах является их очень низкая оплата труда. Немногочисленные исследования в этой области показывают, что в среднем их заработная плата такая же, как у местных работников [Мукомель, 2016б: 38]. Как правило, отличие здесь составляет гораздо более продолжительный по сравнению с россиянами рабочий день.

В целом доходы всех групп новоприбывших мигрантов невысоки — более 50 % опрошенных получают оплату до 30 тыс. руб., при среднемесечной заработной плате по России в 37 640 рублей³ на март 2017 г. (в Москве — 72 129 руб.⁴). В ветке доходов 21—30 тыс. руб. находится наибольшая доля от всех опрошенных групп мигрантов, но «лидируют» представители Средней Азии, малая доля которых имеет доходы выше 40 тыс. руб. По этому показателю азербайджанцы (29,7 %) схожи с армянами (29,4 %) и украинцами (31,8 %). Примерно равны они и в представительстве людей с более высокими доходами: 13 % азербайджанцев зарабатывают 41—50 тыс. руб. (см. табл. 5), таких же среди армян 14 %, среди украинцев 12,6 %, в то время как у киргизов данный показатель на уровне всего 6,4 %. Среди этнокультурных групп мигрантов азербайджанцы имеют самые высокие показатели в доходах свыше 50 тыс. руб. (11,2 %), а также только среди них (пусть и небольшой процент) встречается доход свыше 100 тыс. руб. Они близки, опять же, к украинцам, 10 % которых имеют доходы свыше 50 тыс. руб.

Среди азербайджанцев заработную плату выше средней российской получают 13,1 %. Они близки по этому показателю к украинцам и армянам.

³ Российский статистический ежегодник. 2017 : Стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 50.

⁴ Данные Мосгорстат. URL: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics/standards_of_life/ (дата обращения: 13.05.2018).

Таблица 5. **Доходы славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в России, в % от всех опрошенных***

Национальность	До 10 тыс.	11—20 тыс.	21—30 тыс.	31—40 тыс.	41—50 тыс.	51—60 тыс.	61—70 тыс.	71—80 тыс.	81—100 тыс.	Выше 100 тыс.
Белорусы	3,2	7,8	24,3	23,0	23,9	11,5	3,3	1,0	1,0	0,3
Украинцы	5,8	22,2	31,8	19,3	12,6	6,7	1,6	0,9	0,8	0,0
Азербайджанцы	5,2	23,3	29,7	17,7	13,1	5,0	2,2	1,1	2,2	0,7
Армяне	6,7	25,5	29,4	17,7	14,0	4,4	1,1	0,4	1,1	0,0
Грузины	0,0	27,3	33,4	15,1	12,2	9,1	0,0	0,0	3,0	0,0
Киргизы	1,6	22,4	45,8	21,0	6,4	0,7	0,3	0,0	0,1	0,0
Таджики	4,4	27,4	43,9	16,3	6,1	1,6	0,2	0,2	0,3	0,0
Узбеки	2,0	23,3	49,0	17,7	5,9	1,5	0,2	0,0	0,1	0,0

*Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

Это подтверждает наше предположение, что, несмотря на отрицательный в глазах принимающего населения образ азербайджанских мигрантов как занятых в сфере торговли, это дает им более высокий доход в сравнении с другими этнокультурными группами мигрантов.

Ситуация в сфере жилья

О. Бредникова и О. Ткач, исследуя жизненное пространство и понятие дома для мигранток в Санкт-Петербурге, пишут, что нестабильность в понятии «дом» вынуждает уделять внимание иммигрантскому жилищу как физическому пространству. Жилье, с одной стороны, рассматривается с точки зрения гарантии выживания, поддержания определенного уровня комфорта и стабильности, с другой — оно является показателем локализации в пространстве и времени, дает мигранту ощущение семьи и причастности к сообществу [Бредникова, Ткач, 2010].

Обладание собственным жильем для мигранта — нечто большее, чем просто понятие физического пространства. Оно дает ощущение связи с местом, возможности для воспроизводства ежедневных практик, формирования локализованного пространства и идентичности. Возможность обладать жильем (собственным или съемным) увеличивает интеграционный потенциал мигрантов.

Ситуация с жильем у новоприбывших азербайджанских мигрантов довольно благоприятная — 67 % имеют отдельное жилье (сумма ответов «отдельный дом» и «отдельная квартира») (см. табл. 6). Близка, но менее благоприятна ситуация у украинских мигрантов — 55 % проживают отдельно, чуть лучше показатели у ар-

мян — 77,1% опрошенных. Представители Средней Азии существенно отстают: отдельный дом или квартира имеется у 37,6% киргизов и 39,4% узбеков.

Азербайджанцы (как и армяне) значительно реже (7,2%) живут в общежитиях: почти в четыре раза по сравнению узбеками (20,5%) и почти в два раза по сравнению с украинцами (12,7%). Также среди азербайджанцев самая низкая доля проживающих в бытовых помещениях (подвалах, вагончиках и т.п.) — 0,5%.

Таблица 6. Наличие жилья у славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в России, в % от всех опрошенных*

Национальность	Какое жилье сейчас у Вас в России?					
	Отдельный дом/часть дома	Отдельная квартира	Комната, часть квартиры	Комната в общежитии	Вагончик, бытовка, подвал и т.п.	Живу где придется/другое
Белорусы	4,0	26,9	29,8	24,9	6,9	7,4
Украинцы	7,4	47,6	28,1	12,7	1,9	1,3
Азербайджанцы	7,2	59,8	23,2	7,2	0,5	1,8
Армяне	16,7	60,4	15,4	5,1	1,6	0,8
Грузины	10,9	49,1	34,5	1,8	1,8	1,8
Киргизы	2,1	35,5	39,2	19,1	1,5	2,3
Таджики	7,4	36,3	30,1	20,4	3,1	2,3
Узбеки	6,8	32,6	33,1	20,5	4,5	2,3

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

При этом среди азербайджанских мигрантов самая высокая доля владельцев собственного жилья — 13,4% (см. Табл. 7). Это практически в десять раз больше по сравнению с киргизами (0,9%) и узбеками (1,5%), почти в два раза — по сравнению с украинцами (7,1%).

Азербайджанцы намного реже (всего 2,1% респондентов) пользуются жильем, которое предоставляет работодатель, в то время как у узбеков и киргизов цифры достигают 21,1 и 19,3% соответственно, а у украинцев — 11,4% (показатель низкий также у армян — 4,6%). Одним из подтверждений того, что родственные связи азербайджанцев в России крепче, чем у представителей Средней Азии, является то, что 6,4% опрошенных проживают у родственников (против, например, 2,3% киргизов). Однако украинцы и армяне здесь имеют показатели выше — 9,2 и 10,8% соответственно.

Часто мигранты (в одиночку или с семьями) снимают совместное жилье (будь то квартира или дом) с другими приезжими, при этом смена жилья может происходить довольно часто, как и смена соседей. В таких условиях они лишены личного, приватного пространства, места, где они могут отдохнуть и провести время с семьей. Проживание с семьей без посторонних людей, в свою очередь, увеличивает шансы иммигрантов на мотивацию к интеграции, поскольку в семье легче обустроить жизненное пространство, воспроизводить повседневные практики, получать поддержку и помощь.

Таблица 7. **Виды жилищных условий славянских, кавказских, среднеазиатских новоприбывших мигрантов в России, в % от всех опрошенных***

Национальность	Это Ваше жилье, Вы его снимаете или живете на каких-то других условиях?						Всего
	Собственное жилье	Снимаю (в т. ч. у знакомых, родственников)	Жилье предоставил работодатель	Живу у своего мужчины/женщины (гражданской жены/мужа)	Живу бесплатно у родственников, друзей, знакомых	Другое/нет ответа	
Белорусы	6,3	50,9	32,5	3,4	5,5	1,0	100,0
Украинцы	7,1	68,0	11,4	2,9	9,2	1,3	100,0
Азербайджанцы	13,4	73,7	2,1	2,8	6,4	1,6	100,0
Армяне	10,0	73,0	4,6	1,3	10,8	0,3	100,0
Грузины	16,4	67,3	1,8	5,5	9,1	0,0	100,0
Киргизы	0,9	76,8	19,3	0,3	2,3	0,4	100,0
Таджики	3,4	73,3	17,0	0,9	4,1	1,2	100,0
Узбеки	1,5	72,5	21,1	0,9	3,3	0,6	100,0

* Таблица сформирована и рассчитана на основе данных опроса ЦЭПРИ, проведенного весной 2017 г.

Большая доля опрошенных азербайджанских мигрантов (59% опрошенных) проживают с семьей или родственниками. Сходны с ними в этом другие представители Закавказья — армяне (72,8%) и грузины (67,3%). Среди представителей Средней Азии показатели значительно ниже: 35,9% у узбеков и 47,3% у киргизов. Это может быть вызвано тем, что азербайджанские мигранты представлены людьми разных возрастов, а не только молодежью.

Мы видим, что азербайджанцы в большей мере, чем выходцы из Средней Азии и представители славянских групп мигрантов обеспечены жильем, в особенности собственным, также у них выше доля проживающих с родственниками и ниже — проживающих с неродственниками. Прочность их родственных связей в России выше, чем у некоторых других групп инокультурных мигрантов, что может быть позитивным показателем в определении их интеграционного потенциала.

***

Мы сделали попытку раскрыть те аспекты интеграционного ресурса азербайджанских мигрантов, которые позволял источник, понимая, что для полного и объемного социологического портрета необходимо представление не только о социально-экономическом положении мигрантов в принимающем обществе, но и об их связях со страной исхода, установках на возвращение, на интеграцию в новое общество или «жизнь на две страны», характере межгендерных отношений (ориентация на межнациональные браки), стратегиях воссоединения семьи и т. д.

Имеющиеся данные позволяют проанализировать некоторые из этих показателей.

Анализ планов мигрантов относительно проживания в России «до первого выезда» и «на момент опроса» показывают тенденцию к их «оседанию». 45,6 % сказали, что когда они ехали в Россию первый раз, в их планах уже было «остаться навсегда», а говоря о планах в настоящий момент, такой вариант выбрали уже 58,8 %. Планы «заработать денег и вернуться в свою страну» снизились с 12 до 5 % соответственно, «поработать год-другой и вернуться» — с 17,5 до 9,3 %. Устойчивой осталась только изначально выраженная транснациональная стратегия «постоянно ездить между Россией и своей страной», но таких немного — 16,5 и 17 % до и после миграции.

У 23,7 % опрошенных остались жена/муж на родине, а у 28 % — дети, у 62 % — родители, у 63 % — братья/сестры, у 44 — другие члены семьи, а 59,5 % сказали, что у них есть члены семьи, которые проживают с ними в России. 40 % ответили, что среди членов семьи, проживающих с ними в России, есть муж или жена (включая зарегистрированный, религиозный, гражданский браки).

Азербайджанские мигранты едва ли ориентированы жить «на два дома» в отношении семьи (жены и детей), но высокая доля тех, у кого на родине есть родители, братья, сестры и другие члены семьи, вероятно, будет сохранять высокий уровень транснациональных связей.

Об этом же говорит и то, что 32,3 % респондентов общаются с родственниками, проживающими в Азербайджане, каждый день или почти каждый день, 35 % — 1—3 раза в неделю. А 49,5 % опрошенных посылают на родину деньги (47 % этого не делают).

Хорошее владение русским языком — еще один фактор, положительно влияющий на интеграционный ресурс мигрантов. Несмотря на то, что среди опрошенных были в основном новоприбывшие мигранты, 15,7 % ответили, что считают родным языком русский (в Азербайджане были и остаются русские школы). 60 % считают, что им не нужно учить русский язык (сумма ответов «нет» и «скорее нет»), — вероятно, потому что они им уже владеют (интервьюерами оценено знание русского языка в 95 % случаев от 3 до 5 по пятибалльной шкале).

Языком межнационального общения выступает как русский, так и азербайджанский. На работе на русском языке говорят 59,8 % опрошенных, 33,2 % — на русском и азербайджанском в равной степени. Правда, с друзьями и дома на русском говорят лишь по 20 %, чаще мигранты отвечают, что общение происходит на «на русском и азербайджанском в равной степени» (59 % и 41 % соответственно).

Заключение

Анализируя различия в социально-экономическом положении азербайджанских мигрантов в сравнении с другими этнокультурными группами в России, мы учитывали разные факторы, из которых наиболее важным, на наш взгляд, является длительность истории масштабной миграции в нашу страну. Эти выводы подтверждаются и данными других исследований. Так, например, С. Н. Абашин пишет, что поскольку масштабная миграция из Центральной Азии в Россию прошла сравнительно недолгую историю, мигранты сохраняют регулярные и интенсивные связи со страной исхода и вкладывают в это значительные материальные и социальные

ресурсы [Абашин, 2017]. Миграция из Азербайджана имеет достаточно длительную историю, что увеличивает интеграционный потенциал азербайджанских мигрантов и дает основание говорить об их устойчивых связях в России. Среди азербайджанцев, проживающих в нашей стране более длительное время, также высока доля образованных и занятых интеллектуальным трудом людей, обладающих высоким интеграционным потенциалом для российского общества. В памяти россиян сохранились образы азербайджанских нефтяников (Ф. Салманов), деятелей культуры (М. Магомаев, Ф. Амиров, А. Алекперов), ученых (Р. Исмаилов) и других.

Несмотря на тот факт, что имеющиеся у нас данные позволяли анализировать в основном недавно прибывших мигрантов, мы видим положительные тенденции в социально-экономическом положении азербайджанцев. Во всех рассмотренных сферах (трудовая, экономическая, жилищная) наблюдаются более благополучные позиции азербайджанцев в сравнении с этнокультурными группами мигрантов из республик Средней Азии. Азербайджанцы, так же как и другие представители Закавказья, имеют более благоприятное историческое прошлое — раньше в Россию выезжали инженеры, специалисты нефтяных отраслей из Азербайджана и специалисты в гуманитарных областях из Армении и Грузии. Но численность грузинских мигрантов в последние годы уменьшается в связи с осложнившейся ситуацией в отношениях между странами, а численность азербайджанцев остается более устойчивой. Это также свидетельствует о достаточно благоприятном интеграционном ресурсе азербайджанских мигрантов в сравнении с некоторыми другими (преимущественно среднеазиатскими) группами. Они имеют потенциал в трудовой занятости в соответствии с потребностью принимающего российского общества и могут претендовать на то, что их положение не будет значимо определяться культурными отличиями.

Список литературы (References)

Абашин С. Н. Интеграция vs транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии // Пути России. Война и мир. Том XXII / М. Г. Пугачева, В. П. Жаркова (ред.). М.; СПб: Нестор-История, 2017. С. 203—220.

Abashin S. N. (2017) Integration vs Transnationalism: Migration Strategies of Central Asian People. In: Ways of Russia. War and Peace. Vol. XXII / M. G. Pugacheva, V. P. Zharkov (ed.). Moscow; St. Petersburg: Nestor History. P. 203—220. (In Russ.)

Бредникова О., Ткач О. Дом для Номады // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 72—95.

Brednikova O., Tkach O. (2010) What Home Means to the Nomads. *Laboratorium*. Vol. 3. P. 72—95. (In Russ.)

Иванова Т. Д. Таджики в Москве: интеграционный потенциал (по результатам социологического исследования) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2008. Т. 6. С. 646—667.

Ivanova T. D. (2008) Tajiks in Moscow: Integration Potential (as a result of a sociological study). In: Scientific Works: Institute for National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. Vol. 6. P. 646—667. (In Russ.)

Мукомель В. И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016а. Вып. 14. С. 411—467.

Mukomel V. I. (2016) Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to performance assessment and the role of the host society. In: Russia reforming: Yearbook (collection of scientific articles) / resp. ed. M. K. Gorshkov; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow: New Chronograph. Vol. 14. P. 411—467. (In Russ.)

Мукомель В. И. Трудовые мигранты в контексте проблем демографического, экономического и социального развития России // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / ред. и сост. М. С. Розанова; пер. с англ. яз. М. С. Розановой и А. Б. Лесохина. СПб.: СТРАТЕГИЯ; Скифия-принт, 2016б. С. 33—42.

Mukomel V. I. (2016) Labor Migrants in the Context of Russian Demographic, Economic, and Social Development Problems. In: Labor migration and migrant integration policy in Germany and Russia / ed. by Marya S. Rozanova. Saint Petersburg: Scythia-Print. P. 23—33. (In Russ.)

Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и Экономика. 2017. № 6. С. 69—79.

Mukomel V. I. (2017) Migrants at the Russian labor market: occupations, mobility, intensity of labor and wages. Statistics and Economics. No. 6. P. 69—79. (In Russ.)

Эндрюшко А. А. Отношение россиян к азербайджанским мигрантам // ИНАБ № 3—2017. Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте [Электронное издание] / [Л. М. Дробизижева и др.]; отв. ред. Л. М. Дробизижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 56—66.

Endryushko A. A. (2017) Attitude of Russians to Azerbaijani migrants. In: INAB No. 3. Ethnicity and interethnic relations in a social context [Electronic edition]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow: FCTAS RAS. P. 56—66. (In Russ.)

Юнусов А. Азербайджанцы в России — смена имиджа и социальных ролей // Россия и мусульманский мир. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2006. № 2. С. 80—96.

Yunusov A. (2006) Azerbaijanis in Russia — change of image and social roles. In: Russia and the Muslim world. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. No. 2. P. 80—96. (In Russ.)

Юнусов А. Миграционные тренды и тенденции в постсоветском Азербайджане [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2010. № 415—416. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/analit02.php> (дата обращения: 28.10.2017).

Yunusov A. (2010) Migration trends and trends in post-Soviet Azerbaijan. Demoscope Weekly. 2010. No. 415—416. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/analit02.php>. (In Russ.)

Alba R., Nee V. 2003. Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration. Cambridge. Mass.: Harvard University Press. 359 p.

Ward C., Bochner S., Furnham A. 2001. The psychology of culture shock. Hove, UK: Routledge. 384 p.

МИГРАЦИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.12

Правильная ссылка на статью:

Лисицын П. П. От суннизма ханафитского мазхаба к салафитизму: общественное мнение и опыт мигрантов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 234—250. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.12>.

For citation:

Lisitsyn P.P. (2018) From the Sunni Hanafi Madhhab to Salafism: Public Opinion and Migrant Experience. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 234—250. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.12>.

П. П. Лисицын

**ОТ СУННИЗМА ХАНАФИТСКОГО МАЗХАБА К САЛАФИТИЗМУ:
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ОПЫТ МИГРАНТОВ**

ОТ СУННИЗМА ХАНАФИТСКОГО МАЗХА-
БА К САЛАФИТИЗМУ: ОБЩЕСТВЕННОЕ
МНЕНИЕ И ОПЫТ МИГРАНТОВ

FROM THE SUNNI HANAFI MADHAB
TO SALAFISM: PUBLIC OPINION AND
MIGRANT EXPERIENCE

*ЛИСИЦЫН Павел Петрович — кан-
дидат социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, Санкт-
Петербург, Россия; доцент, Санкт-Пе-
тербургский государственный универ-
ситет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: fox_sociology@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-8617-5730>*

*Pavel P. LISITSYN^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.);
Associate Professor
E-MAIL: fox_sociology@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-8617-5730>*

Аннотация. Ключевой вопрос, ответ на который автор статьи пытается дать: «Каковы социальные условия перехода участников миграционного процесса в радикализованные сети?». Для ответа на этот вопрос, исследователь-

Abstract. The author examines social prerequisites of labor migrant involvement in the activities of organizations adhering to radical beliefs. The paper is based on a study carried out by a team of researchers from St Petersburg

ским коллективом СПбГЭУ и СПбГУ было проведено исследование в Таджикистане и Киргизии — ключевых донорах иностранной рабочей силы для России. Автор выявляет социальные предпосылки идеологической радикализации транснациональных мигрантов (т. е. тех условий, в которых они могут стать идеологическими радикалами) анализирует общественное мнение относительно радикальных групп в этих странах. В качестве примеров приводятся собранные материалы, описывающие фон двух совершенных переходов в радикализированные группы. В силу специфики исследуемых регионов в качестве радикализированной группы рассматривается движение «Салафи», запрещенное в рассматриваемых государствах. Таким образом, в статье, показываются примеры перехода в салафитизм из более распространенного суннизма ханафитского мазхаба, анализируются социальные условия этого перехода, а также отношение к нему местных жителей.

Ключевые слова: салафитизм, суннизм, радикализм, социальная конверсия, трудовая миграция

Благодарность. Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-78-20107.

State University of Economics and St Petersburg University in two countries being the key donors of labor force for Russia, Tajikistan and Kyrgyzstan. The author identifies the social prerequisites for ideological radicalization of transnational migrants (i. e. favorable conditions to become an ideological radical) and analyzes public opinion concerning the radical groups in these countries. As an example the author uses the collected materials exploring the background of two conversions to radical groups. Taking into account the countries' specifics, the paper considers the Salafism movement (banned in both countries) as a radical group. Thus, the author illustrates examples of conversion to Salafism from the more popular Hanafi Madhhab School of Sunni Islam, describes the social conditions of the conversion and the attitudes of the local residents towards this movement.

Keywords: Salafism, Sunni Islam, radicalism, social conversion, labor migration

Acknowledgments. The article was supported by the Russian Science Foundation, project no. 17-78-20107.

Теоретические основания исследования

Представленное в настоящей статье исследование в большей степени относится к направлению, которое принято называть migration studies. Несмотря на то что все исследовательские процедуры проходили на территории государств — доноров иностранной рабочей силы, а информантами выступали граждане этих же государств, отнесение к данной области знания может быть аргументировано следующим образом. Во-первых, автор стоит на позиции, когда участие в миграционном процессе разделяется на два этапа: «стремление к обретению статуса мигранта»

и «стремление к отказу от статуса мигранта» [Лисицын, 2016]. Первый этап характеризуется системой действий, направленных на отъезд из региона-донора, а значит, изучение процессов в странах исхода напрямую относится к migration studies. Во-вторых, исследование проводилось в двух государствах, занимающих лидирующие позиции в поставке рабочей силы в Россию (республика Таджикистан, Республика Киргизия)¹, кроме того, информантами выступали граждане, имеющие опыт работы в России, следовательно, представленное исследование описывает качественные характеристики потенциальной иностранной рабочей силы в России.

Необходимо также отметить, что работы, связанные с изучением радикализации и социальной конверсии (две основополагающие для этой статьи категории), уже на протяжении 30 лет предоставляют дискуссионное поле для исследователей различных направлений.

Используемое автором понятие «радикализация» доминирует в дискуссиях о процессах, ведущих к причастности к терроризму. Ученые, политики, журналисты и широкая общественность обсуждают участие в терроризме как результат радикализации [Crone, 2016], однако очевидно, что принятия радикальных взглядов не всегда достаточно для вовлечения в терроризм. Большинство «радикалов» не становятся причастными к терроризму, а террористы, в свою очередь, не всегда руководствуются своими убеждениями [Abrahms, 2008; Bartlett, Miller, 2012]².

В исследованиях вовлечения в террористические организации доминируют попытки понимания и объяснения процесса радикализации и сопутствующих мотивов. Классическим при таком подходе можно считать определение радикализации, данное в исследовании Нью-Йоркского полицейского департамента 2007 г.: «процесс поиска, нахождения, принятия, укрепления и развития системы верований экстремистской направленности, являющийся потенциальным катализатором вовлечения в террористический акт» [Silber, Bhatt, 2007: 16].

Взгляды радикального толка (какими бы они ни были) могут считаться частью демократического политического режима до тех пор, пока они не приводят к нарушению закона. Терроризм же не приемлет никакого компромисса и допускает отсутствие любых ограничений в целях и средствах их достижения [Schmid, 2013]. Соотношение радикализма и терроризма можно описать как различные точки на шкале, отражающей, до какой степени насилие рассматривается как легитимное и необходимое на пути достижения кардинальных изменений. Таким образом, радикалы рассматривают насилие как легитимное только при определенных обстоятельствах, в то время как террористы всегда выступают за достижение своих целей посредством насилия.

В последнее десятилетие исследователи [Dawson, 2009; Porta, LaFree, 2012] и государственные учреждения пришли к тому, чтобы рассматривать радикализацию более широко — как процесс, ведущий к вовлечению в террористическую

¹ Щербакоева Е. Миграция в России, предварительные итоги 2017 г. // Демоскоп № 763 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0763/barom01.php> (дата обращения: 05.08.2018).

² См. также: Kniefel J. Everything You've Been Told About Radicalization Is Wrong // Rolling Stone, 6 May 2013. URL: <https://www.rollingstone.com/politics/politics-news/everything-youve-been-told-about-radicalization-is-wrong-80445> (accessed 10.12.2018).

деятельность. Несколько комплексных моделей вовлечения в терроризм (например, модель «лестницы» Ф. Могаддама (Moghaddam's staircase) [Moghaddam, 2005] и модель «пирамиды» К. МакКоули и С. Москаленко [McCauley, Moskalenko, 2011]), также согласуются с этой интерпретацией радикализации.

Основная часть исследовательского интереса и государственного финансирования направлена на создание баз данных на уровне инцидентов (incident-level database) или количественный анализ [McCauley, Moskalenko, 2011]. Лишь немногие рассматривают, как индивиды вовлекаются в террористические и радикализованные сети и сообщества, а также социальные условия, способствующие этому процессу, однако именно эта проблема и стоит перед автором настоящей статьи.

Небольшое количество исследований по представленной тематике связано с тем, что терроризм и радикалистические проявления остаются достаточно редким явлением — лишь малая часть людей готовы вступить в группы экстремистской направленности, даже если они разделяют их политические и иные цели [Atran, 2006]. Радикальные взгляды поддерживает гораздо большее количество людей, чем готово участвовать в насильственных действиях.

Исследования психологов посвящены индивидуальным факторам подверженности радикализации и вступления в террористические организации, они также не лишены своих недостатков и сложностей [Victoroff, 2005]. Однако основным пробелом психологических теорий является «оторванность» от более широкого контекста, в том числе сравнительно-исторической перспективы. Кроме того, при изучении радикализации и связанных с ней процессов необходимо учитывать специфику социальных структур на различных уровнях, способствующих или препятствующих актуализации индивидуальных особенностей индивидов. Каждый человек подвергается влиянию на нескольких уровнях: индивидуальный психический (биографический), групповая динамика и социально-структурные условия. К примеру, если у иммигранта есть опыт индивидуальный дискриминации, это может привести к дальнейшей замкнутости в определенном сообществе и/или ощущению маргинализированности и собственной незначительности. Маргинальное положение в дальнейшем негативно влияет на полноценное включение иммигранта в институты и структуры принимающего сообщества, что делает его более восприимчивым к поддержке радикальных и экстремистских взглядов [Lyons-Padilla et al. 2015].

Радикализацию логично исследовать в связке с примерами перехода, социальной конверсии. В настоящее время религиозная конверсия в радикализованные формы ислама считается одним из основных факторов, влияющих на вероятность вовлечения в террористические действия. В литературе религиозная конверсия изучается неразрывно с радикальными индивидуальными изменениями. Р.К. Джонс [Jones, 1978] проводит параллель с идеей Т. Куна о смене парадигм, Д.А. Сноу и Р. Мачалек [Snow, Machalek, 1983], используя концепт Г. Мида «универсум дискурса», пишут о смене одного универсума другим, или восхождении прежде периферийного дискурса в статус основного.

Кроме того, с конца 1970-х годов в литературе по социологии религиозной конверсии намечается критика теорий, рассматривающих индивида как «пассивного и вовлекаемого в группу, манипулирующую ей/им с целью навязать когнитивную

и поведенческую приверженность своей системе верований и институциональной структуре» [Straus, 1979]. Фокус смещается на индивидуальное действие — как человек вовлекается в поиск более подходящего мира повседневности. В модели Р. Страуса индивид рассматривается как активный в поиске, целенаправленно использующий социальные сети, случайные встречи, массмедиа и т. д. А. Л. Грейль [Greil, 1977] добавляет к социально сетевому подходу измерение социализации. Заимствуя понятие «испорченной идентичности» у И. Гофмана, автор утверждает, что те индивиды, чья идентичность была «испорчена», более склонны к конверсии. Социализация в этом случае влияет на конверсию посредством того, что задает определенный ограниченный набор возможных перспектив конверсии. М. Хайрих [Heirich, 1977] замечает, что социальные сети важны, но только в том случае, если человек уже изначально ориентирован на религиозный поиск.

На эмпирическом уровне фиксации в основном подвергается уже факт перехода, конечный результат, измеряемый тремя основными показателями: статусом членства, направленными на его демонстрацию действиями и риторическими паттернами [Snow, Machalek, 1983].

Представленное описание принятой структуры исследования радикализма и социальной конверсии определило дизайн настоящего исследования, выбор методологии и методов. Фокусировка на социальных условиях, способствующих процессу радикализации, и на механизмах вовлечения в радикализованные сети сформировала структуру статьи. Так, анализ вторичной информации, в том числе статистических данных, позволил осветить социальные условия, в которых пребывают участники миграционных процессов в Таджикистане и Киргизии. Вместе с тем авторский сбор первичных данных, проходивший в течение 2017 г. в Таджикистане и Киргизии (в Душанбе, Бишкеке и Чолпон-Ате), дал возможность шире раскрыть социальные условия перехода, а также исследовать конкретные случаи вовлечения молодых мужчин в радикализованные сети.

Выбранные качественные социологические методики для сбора информации стали возможны к применению благодаря данным количественных исследований ряда организаций. Кроме того, метод глубинных интервью был единственно возможным при работе с косвенными свидетелями перехода в радикализованные сети. В исследовании участвовали две группы информантов: а) граждане республик (24 информанта); б) знакомые или родственники последователей салафитизма в республиках (четыре информанта, по два для каждого случая). Целью проведения интервью с первой группой было определение отношения к идеям религиозного радикализма и к участникам движений подобной направленности, со второй группой — освещение конкретных случаев перехода, что является первым шагом к глобальной цели выявления механизмов привлечения граждан в радикализованные сети.

Разбор кейсов республик Таджикистан и Киргизия

Для сравнительного анализа выбраны две республики Средней Азии — Таджикистан и Киргизия. Причины выбора именно этих государств продиктованы следующими обстоятельствами. Во-первых, они входят в состав Содружества независимых государств, что предоставляет их гражданам особый режим при

пересечении границы с Россией и при легализации на ее территории. Во-вторых, обе страны лидируют в поставке трудовых ресурсов в Россию³. В-третьих, исламизация населения в этих странах превышает 80 %⁴. В-четвертых, в обеих странах в качестве исламского направления преобладает суннизм ханафитского мазхаба. Однако для данной статьи принципиальны различия между выбранными государствами, выраженные в государственной политике в отношении религии, так как действия государственных органов оказывают влияние на попадание участников миграционных процессов в группы риска (см. табл. 1).

Таблица 1. **Сопоставление религиозного фона государств**

Показатель / страна	Таджикистан	Киргизия
Количество мечетей	2035 мечети ¹⁾	2743 мечети ²⁾
Население	9 066 660 ³⁾	6 191 377 ⁴⁾
Вовлечение детей в религию	Да ⁵⁾	Да ⁶⁾
Прозелинизм	Да ⁵⁾	Да ⁷⁾
Запрет на распространение религиозной литературы в общественных местах	Да ⁵⁾	Да ⁶⁾
Светское государство	Да ⁵⁾	Да ⁶⁾
Получение религиозного образования за границей	Нет ⁸⁾	Да
Запрет движения «Салафи»	Да ⁹⁾	Да ¹⁰⁾

¹⁾ Треть мечетей Таджикистана закрыты [Электронный ресурс] // Красная весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/2d62ce30> (дата обращения: 04.08.2018)

²⁾ Астапкович В. За 26 лет число мечетей в Кыргызстане выросло в 70 раз — МВД [Электронный ресурс] // Sputnik Кыргызстана. URL: <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20161121/1030394466/za-gody-nezavisimosti-kr-chislo-mechetej-vyroslo-v-70-raz-mvd.html> (дата обращения: 04.08.2018).

³⁾ Население Таджикистана [Электронный ресурс]. URL: <http://countrysimeters.info/ru/Tajikistan> (дата обращения: 04.08.2018).

⁴⁾ Население Кыргызстана [Электронный ресурс]. URL: <http://countrysimeters.info/ru/KYRGYZSTAN>

⁵⁾ Закон «Республики Таджикистан о свободе совести и религиозных объединениях» [Электронный ресурс]. URL <https://docplayer.ru/28762514-Zakon-respubliki-tadzhikistan-o-svobode-sovesti-i-religioznyh-obedineniyah-v-redakcii-zakona-rt-ot-g-739.html> (дата обращения: 04.08.2018).

⁶⁾ Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498> (дата обращения: 04.08.2018).

³ Щербаква Е. Миграция в России, предварительные итоги 2017 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп № 763. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0763/barom01.php> (дата обращения: 05.08.2018).

⁴ Шустов А. Исламизация Таджикистана [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2010/09/02/islamizacija-tadzhikistana-59.html> (дата обращения: 04.08.2018).

⁷⁾ Президент Кыргызстана подписал закон о религии [Электронный ресурс] // Аззатык. URL: <https://rus.azattyk.org/a/2556185.html> (дата обращения: 04.08.2018).

⁸⁾ Правки в закон о свободе совести и религиозных учреждениях [Электронный ресурс]. URL: <http://tajikistan.russiaregionpress.ru/archives/3645> (дата обращения: 04.08.2018).

⁹⁾ Таджикистан официально включил движение «Салафия» в список экстремистских организаций [Электронный ресурс] // Азан KZ. URL: <https://azan.kz/ahbar/read/tadzhikistan-ofitsialno-vklyuchil-dvizhenie-salafiya-v-spisok-ekstremistskih-7030> (дата обращения: 04.08.2018).

¹⁰⁾ Бактыбаев З. В Кыргызстане запретили движение Салафи [Электронный ресурс] // Gezitter. URL: http://www.gezitter.org/society/15693_v_kyrgyzystane_zapretili_dvijenie_salafi (дата обращения: 04.08.2018).

Первое, на что стоит обратить внимание, это количество мечетей в исследуемых странах: на начало 2018 г. в Киргизии насчитывалось 2743 мечети при общем населении в 6 млн человек, в Таджикистане — 2035 мечетей при населении 9 млн человек. Если посмотреть на ежегодную динамику числа религиозных учреждений в этих двух странах, то становится очевидным, что на всем протяжении их существования в качестве независимых государств в Киргизии с каждым годом количество мечетей и других религиозных учреждений увеличивалось, в то время как в Таджикистане резкий рост числа мечетей регистрировался до 2000 г., а затем их количество стало сокращаться усилиями государства. К февралю 2018 г. власти Таджикистана приняли решение о закрытии 1938 мечетей⁵, так как их строительство и деятельность были признаны незаконными. Согласно поправке к закону «О свободе совести и религиозных объединениях Таджикистана» от 22 января 2018 г. «религиозные объединения, а также мечети, церкви и синагоги должны отчитываться об источниках дохода, имуществе, использовании средств и имущества, а также о заработной плате сотрудников и уплаченных налогах»⁶. Устанавливая особый порядок контроля над религиозными учреждениями, власти Таджикистана пытаются контролировать источники поступлений средств в мечети по всей стране, не приветствуя финансирование их из-за пределов государства. Реализация подобной политики, связанной с необходимостью постоянного согласования многих вопросов с государственным уполномоченным органом по делам религий, вместе с контролем над действиями имамов⁷ приводит к тому, что мечети, а также проповеди в них становятся подконтрольными государству.

Противоположная ситуация фиксируется в Киргизии. Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» в редакции

⁵ В Таджикистане закрыли почти две тысячи незаконных мечетей [Электронный ресурс] // Sputnik Таджикистана. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/main/20180205/1024650822/tajikistan-mechet-zakrytie-nezakonnnye.html> (дата обращения: 04.08.2018).

⁶ Закон Республики Таджикистан о свободе совести и религиозных объединениях [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/28762514-Zakon-respubliki-tadzhikistan-o-svobode-sovesti-i-religioznyh-obedineniyah-v-redakcii-zakona-rt-ot-g-739.html> (дата обращения: 04.08.2018).

⁷ В Таджикистане закрыли почти две тысячи незаконных мечетей [Электронный ресурс] // Sputnik Таджикистана. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/main/20180205/1024650822/tajikistan-mechet-zakrytie-nezakonnnye.html> (дата обращения: 04.08.2018).

от 7 декабря 2012 г.,⁸ вызвавший шквал критики правозащитных объединений⁹, выглядит гораздо мягче подобного закона Таджикистана и не предполагает особой формы финансового и идеологического контроля над религиозными учреждениями. Другими словами, власти Таджикистана эффективнее контролируют строительство и саму работу религиозных учреждений, введя де-факто запрет на частное финансирование их из-за границы и осуществляя контроль над текстами проповедников, регулируют религиозное настроение прихожан, противодействуя переходу последних из суннизма ханафитского мазхаба в другие направления ислама. В то же время властям Киргизии, по сути, неподконтрольны ни финансовые источники религиозных учреждений, поступающие в основном из арабских стран¹⁰, ни тексты проповедей, читаемых в этих учреждениях. При этом общее количество мечетей в проблемных, наиболее миграционно активных¹¹ южных регионах составляет «68% от всех религиозных объектов мусульманского духовенства в Киргизии»¹².

Помимо государственной политики контроля над религиозными учреждениями, в Таджикистане, в отличие от Киргизии, введено ограничение на получение религиозного образования за границей. Получение религиозного образования становится возможным лишь после получения религиозного образования внутри Таджикистана и письменного разрешения правительственных органов, отвечающих за религию и образование¹³. Так, к июлю 2018 г. в Таджикистан было возвращено 687 студентов медресе, обучавшихся за границей без должного разрешения. Этот закон, в свою очередь, позволяет еще тщательнее контролировать религиозных деятелей и тексты их проповедей.

Усиленный контроль в Таджикистане и относительная свобода в Киргизской республике имеют свои плюсы и минусы в отношении качественных характеристик трудовых мигрантов, прибывающих в Россию. С одной стороны, можно утверждать, что поступление трудовых мигрантов из южных регионов Киргизии в большей степени опасно для России (из-за возможного участия приезжих в радикализованных или даже экстремистских организациях), чем из контролируемого властями Таджикистана, при условии, что система контроля работает эффективно. С другой стороны, обратим внимание на данные, собранные в ходе мониторинга 2017 г. с сайта Avesta.Tj по правоприменению законов об экстремистской деятельности в Таджикистане. Мониторинг за два месяца продемонстрировал, что из шести осужденных по статьям за экстремизм подавляющее большинство было

⁸ Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498> (дата обращения: 04.08.2018).

⁹ Президент Кыргызстана подписал закон о религии [Электронный ресурс] // Азатык. URL: <https://rus.azattyk.org/a/2556185.html> (дата обращения: 04.08.2018).

¹⁰ Токмаков А. В Киргизии стремительно распространяется Ислам [Электронный ресурс] // Ансар. URL: <http://www.ansar.ru/rightway/v-kirgizii-stremitelno-rasprostranyaetsya-islam> (дата обращения: 04.08.2018).

¹¹ Ли Л. В плену дотаций [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/06/06/oblasti-kirgizii-stradaiut-iz-za-otsutstviia-chetkoj-regionalnoj-politiki.html> (дата обращения: 04.08.2018).

¹² Астапкович В. За 26 лет число мечетей в Кыргызстане выросло в 70 раз [Электронный ресурс] // Sputnik Кыргызстана. URL: <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20161121/1030394466/za-gody-nezavisimosti-kr-chislo-mechetey-vyroslo-v-70-raz-mvd.html> (дата обращения: 04.08.2018).

¹³ Правки в закон о свободе совести и религиозных учреждениях [Электронный ресурс]. URL: <http://tajikistan.russiaregionpress.ru/archives/3645> (дата обращения: 04.08.2018).

завербовано запрещенными организациями в России¹⁴. Другими словами, «трудо-вые мигранты, приехавшие из стран с репрессивными режимами, в которых существует только один, а именно санкционированный сверху ислам, оказываются в России в условиях непривычной для них религиозной свободы. В такой ситуации некоторые трудовые мигранты попадают под влияние исламистских проповедников, получают информацию, доступ к которой на родине был бы невозможен. То есть для некоторых Россия становится этапом транзита в ряды ИГ»¹⁵.

Таким образом, принимающая страна стоит перед дилеммой: с одной стороны, очевидно, что усиленный контроль в Таджикистане позволяет снизить риски для России в приглашении «неблагонадежных мигрантов», а низкий контроль в Киргизии эти риски увеличивает. С другой стороны, приезжие из Таджикистана подвергаются большему риску, чем приезжие из Киргизии, быть вовлеченными в радикализированные организации уже на принимающей территории.

Представленное описание позволяет утверждать, что выбранные исследовательские кейсы релевантны [Сравнительная социология, 2015] задачам сравнительного исследования, так как, с одной стороны, выделяются сходства двух территорий в отношении участия в миграционном процессе, связанном с Россией, с другой стороны, существенно различается внутривнутриполитическая ситуация в отношении контроля над религиозными практиками. Выбор методик исследования обусловлен спецификой изучаемого объекта. Исследование ориентировано, во-первых, на изучение граждан республик Таджикистан и Киргизия, вовлеченных в миграционные процессы, связанные с приездом в Россию; во-вторых, на родственников или друзей граждан республик, совершивших переход из суннизма ханафитского мазхаба в салафитизм. Так как обе группы представляются проблемными для сбора информации, были выбраны рекомендованные для исследования подобных сообществ [Юдина, 2002: 102—108] мягкие социологические методы — глубинные интервью.

При подготовке исследования мы опирались и на данные опросов по проблемам религиозности, которые проводятся в республиках силами местных исследовательских коллективов уже на протяжении 30 лет. Одно из первых исследований подобного рода было проведено в 1980-х годах по проблемам преодоления религиозных пережитков в сознании жителей Ошской области [Бектурганов, 2017: 46—51], где, в частности, собиралась статистика о религиозности опрашиваемой группы. В наше время в Киргизии количественные исследования религиозности граждан проводит Национальный институт стратегических исследований Кыргызской республики (НИСИ)¹⁶. В Таджикистане необходимо отметить исследования научных сотрудников центра социально-политических исследований «Коршинос», проводимых при поддержке ОБСЕ и правительства страны¹⁷.

¹⁴ Зыкина С. К вопросу о религиозной ситуации в Таджикистане // Ближний восток и Центральная Азия [Электронный ресурс]. URL: <http://kazanalytics.kz/к-вопросу-о-религиозной-ситуации-в-тад/> (дата обращения: 04.08.2018).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Национальный институт стратегических исследований Кыргызской республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nisi.kg/component/content> (дата обращения: 04.08.2018).

¹⁷ ОБСЕ представило исследование о тенденциях радикализации в Таджикистане // Азия-Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20120620/obse-predstavila-issledovanie-o-tendentsiyakh-radikalizatsii-v-tadzhikistane> (дата обращения: 04.08.2018).

По данным республиканских социологов, исламизация в обеих странах превышает 80 % от общего числа населения [Дюшенбиев, 2011]¹⁸. При этом преобладает суннизм ханафитского мазхаба. Результаты проведенных в Таджикистане и Киргизии исследований демонстрируют, что осуждают и испытывают беспокойство от «групп риска» около 83 % от общего числа опрошенных¹⁹, а экстремизм вызывает серьезную озабоченность у всего населения в целом [Чотаев Турсунбеков, 2015]²⁰.

Таким образом, таджикские и киргизские исследования подтверждают утверждение, что большинство мусульман в этих странах принадлежат к суннизму ханафитского мазхаба, а значит, остальные исламские течения находятся в позиции меньшинства к основному большинству. Принимая тезис о том, что «группы риска», к числу которых относится и интересующее нас салафитское течение, представляют группы меньшинства, мы можем утверждать, что они ущемлены в своем социальном статусе и подчиняются доминирующей группе. При этом большинство участников доминирующей группы в описанных республиках никогда не сталкивались лично с представителями «групп риска», однако, находясь в информационном поле ислама, имеют свое мнение относительно меньшинства. Информационное поле жителей республик формируется средствами массовой информации и высказываниями лидеров мнений. Риторика в СМИ и высказывания правящей элиты создают негативный образ «групп риска», что автоматически вызывает отторжение и настороженность большинства населения относительно меньшинства. Как было указано выше, подобное подтверждают и количественные социологические исследования. Однако интересно обратить внимание на более глубокие проявления отторжения (если такие есть), чем просто анонсирование настороженности по отношению к меньшинству со стороны жителей этих республик. С этой целью была проведена серия интервью с жителями Таджикистана и Киргизии (по 12 интервью в каждой республике). Отбор основных количественных характеристик информантов (гендер, возраст, вероисповедание) в точности соответствовал отбору для количественных исследований республиканских коллег, но были добавлены качественные показатели — опыт участия в миграционном процессе и отсутствие взаимодействия с представителями радикализированных групп.

В целом подтверждая данные исследований общественного мнения относительно общего негативного отношения к группам риска, отметим следующие принципиальные результаты глубинных интервью, дополняющие данные количественных исследований в двух республиках.

Главной причиной отторжения представителей нетрадиционного ислама являются не столько экстремистские действия и идеи радикального характера²¹

¹⁸ См. также: The Global economy. URL: <https://ru.theglobaleconomy.com/Tajikistan/muslim/> (accessed: 05.08.2018).

¹⁹ Хамрабаева Н. Исследование: радикализм в Таджикистане — светский или исламский [Электронный ресурс]. URL: <https://p.dw.com/p/15ldp> (дата обращения: 04.08.2018).

²⁰ См. также: ОБСЕ представило исследование о тенденциях радикализации в Таджикистане [Электронный ресурс] // Азия-Плюс. URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20120620/obse-predstavila-issledovanie-o-tendentsiyakh-radikalizatsii-v-tadzhikistane> (дата обращения: 04.08.2018); Султанов А. В Кыргызстане исследуют отношение общественности к экстремизму [Электронный ресурс] // Каравансарай. URL http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/newsbriefs/2016/11/07/newsbrief-01 (дата обращения: 04.08.2018).

²¹ Султанов А. В Кыргызстане исследуют отношение общественности к экстремизму [Электронный ресурс] // Каравансарай. URL http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/newsbriefs/2016/11/07/newsbrief-01 (дата обращения: 04.08.2018).

(как демонстрируют нам количественные исследования), сколько отличия в их поведении от принятого в этих регионах. Здесь и далее приводятся примеры прямой речи информантов (характеристики информантов: семейные, рабочих специальностей, имеют опыт участия в миграционном процессе, возраст от 23 до 32 лет, принадлежат к традиционному для исследованного региона исламу и не имеют опыта взаимодействия с людьми, совершившими переход в нетрадиционные ветви ислама):

«По движениям можно их вычислить [салафитов]... Вот мы, допустим, когда молимся, мы вот стоим, а они будут стоять... сложа руки... Да, да... Вот как-то так... А они, как-то по-другому... Но вот как-то он неестественно себя ведет» (Таджикистан).

«... Там [в исламе] есть каноны, их читают, а он [салафит] это не читает, он не слушает это... просто стоит и все» (Киргизия).

Помимо нетипичного поведения, информанты предполагают, что представители групп риска принимают наркотические вещества, что вызывает отторжение:

«Но если вот говорить, что они [салафиты] наркоманы, они уже в церковь не имеют право ходить... его не пускают. Если, допустим, кто-то узнает, то они [служители мечети] близко к себе его не подпускают. Они его начинают отталкивать. Если, например я бы был им, я уже не имею право туда [в мечеть] ходить. Потому что Кораном запрещается, и все».

Именно проявления инаковости в повседневном поведении, в том числе и в религиозных обрядах, является главной причиной отторжения меньшинства. Идеи радикального характера или экстремистские действия последних в качестве причины отторжения респондентами самостоятельно без подсказки интервьюера) не называются. Тому можно выделить три причины. Во-первых, отсутствие у большинства представлений о конкретных идеях или деяниях экстремистского характера.

«Понимаете, я не знаю [идеи групп риска]...»

«Нет, сознание Халифата — это игиловцы... Салафиты... тоже, да... какое-то течение, но сказать, что они именно хотят... нет, не могу».

Во-вторых, интуитивное отделение террористических групп от радикализованных групп. Для информантов из Таджикистана характерно также противопоставление запрещенной в РФ группировки «ИГИЛ» всем остальным группам.

«Нет... есть, конечно, сумасшедшие, везде есть... [и в радикальных организациях], но не так, чтобы он тот [террорист], а этот не тот, просто живут себе».

«Тут, допустим, верных больше, чем неверных. Представьте себе сто человек, из них, может быть, два верных, а остальные не все верные, что же — убивать всех?.. Так вот рассказываю, если он [представитель группы риска] увидел неверного, он старается от него отойти, он его не выгоняет даже, но он отходит от него в сторону... И потом другому говорит — сволочь он!»

«Ну, эти вообще ярые фанатики [ИГИЛ]. Да, у них совсем отдельное течение. Если смотреть по отношению к религии, у них близкого ничего к религии нет».

«Он вот кричит Аллах Акбар [про ИГИЛ], а сам, может быть, даже не знает этого слова. Вот что такое?.. Может быть, и не знает... Но они до фанатизма доводят все».

В-третьих, сопричастность большинства к общей несправедливости бытия, которое, по мнению информантов, испытывает и меньшинство. В данном случае

речь идет об имущественной пропасти между богатыми и бедными, доступе к образованию, физически тяжелой работе, эмоциональной усталости. Выражая эту сопричастность, информанты в определенной мере оправдывают ее или, по крайней мере, понимают причины перехода граждан в ранг меньшинства. В Таджикистане, по мнению информантов, несправедливость бытия присутствует внутри страны, в то время как для Киргизии — за ее пределами, во время миграции. Это утверждение вызывает особый интерес, так как, по данным статистики МВД, де-факто все происходит ровно наоборот: граждане Киргизии совершают переход в нетрадиционные ветви ислама в большинстве случаев на территории своей республики, в то время как граждане Таджикистана — во время миграционного процесса за пределами страны. Вот что говорят информанты из Таджикистана:

«Я вам сейчас объясню... Шибко много дорогих машин, видите?.. Это папы или мамы сидят где-то высоко, высоко... Это очень дорогие машины, это родители своим сыновьям купили... у нас нет такого, и у детей не будет... и что тут делать? И так все живут».

«Понимаете... все встало, все заводы встали, вся промышленность стоит. В буквальном смысле довели до упадка. Вот ты не поверишь, но с ГЭС экскаватор украли. Вот так и живем... конечно, тут возмутишься, и чего угодно сделаешь, особенно молодой если... и уйдешь куда не нужно» [про группы риска].

Информанты из Киргизии также отмечают низкие доходы, тяжелый физический труд, но, в отличие от информантов из Таджикистана — за пределами республики во время трудовой миграции. Все опрошенные в Киргизии информанты говорили о постоянно происходящих на территории России актах насилия на почве этнической вражды по отношению к киргизам. При этом из 12 опрошенных только две женщины сталкивались лично с проявлением насилия в России по отношению к себе. Одна описывала случай в Москве:

«Я ловила машину, такси... он все, сказал, что довезет, а потом позвонил при мне кому-то, сказал, что все хорошо, завез меня на стройку, там уже были друзья его, и били, били ногами. Я скатилась в овраг, овраг там был, это и спасло. Они бросили, не пошли за мной. Убили бы».

Другой случай произошел в Екатеринбурге:

«Зашли в вагон, я с работы ехала, поздно было. Они [нападавшие] напротив сели, а когда выходили, один меня ногой ударил, и выбежали».

Несмотря на то, что только два информанта сталкивались с проявлением насилия в России, во всех интервью в Киргизии присутствовало утверждение, что насилие в России по отношению к киргизам происходит повсеместно. Более того, 11 из 12 информантов утверждали, что акты насилия носят системный характер, существует занимающаяся этим организация — с головным офисом в Санкт-Петербурге (хотя ни один опрошенный не был в этом городе).

«Это же все централизовано [акты насилия]... и финансируется все из Петербурга... это все знают, странно... Вы же живете там — не знаете, кто точно финансирует?»

Таким образом, к причинам оправдания ухода в «группы риска», помимо экономического и социального расслоения, для киргизов добавляется реакция на акты мифологизированного этнического насилия на территории России.

Рассмотрев социальные условия перехода в радикализированные группы (группы риска), а также продемонстрировав отношение местных граждан к по-

добным организациям, представим два исследовательских случая перехода в радикализованные сети. Один случай произошел в Киргизии (Бишкек), другой — в Таджикистане (Душанбе).

Работа с данными о конкретных случаях перехода всегда затруднительна для исследователя, тем более когда речь идет о радикализованных группах, поэтому представленные случаи хотя и нерелевантны для описания механизмов перехода, все же представляют интерес для исследовательской практики, дают возможность использовать их как в сравнительных, так и в сугубо описательных проектах. Приведенные примеры позволяют наблюдать сложный для изучения процесс перехода в группы риска, сбор материалов о котором будет продолжаться и дальше.

Информантами в этой части исследования выступали друзья и родственники граждан Таджикистана и Киргизии, совершивших переход из суннизма ханафитского мазхаба в салафизм. В исследовании представлено два случая подобного перехода, информантами выступили брат и сосед совершивших переход. Оба участника перехода — мужчины в возрасте 21 года и 22 лет. После перехода они покинули свои семьи, не выходят на связь. Оба перехода произошли менее двух лет назад.

Характеристики исследуемых случаев представлены в таблице 2.

Таблица 2. Характеристики участников перехода

Показатели / случай	Киргизия	Таджикистан
Возраст	21 года	22 года
Опыт работы в России	Москва	Ростов на Дону
Образование	Среднее специальное	Среднее
Опыт родителей в миграционном процессе	Отец имеет опыт работы в России	Брат и отец имеют опыт работы в России
Личный опыт работы в РФ	Самостоятельно	Самостоятельно
Домохозяйство	Бишкек, совместно с братом, сестрой и родителями	Душанбе, совместно с двумя братьями и родителями
Место предполагаемого знакомства	Бишкек, точное место не известно	Душанбе, социальные сети, онлайн-общение
Религиозность семьи	Ислам, направление не выявлено	Ислам, суннизм
Посещение религиозных учреждений семьей	Два раза в год, на праздники	Четыре раза в год, на праздники
Соблюдение религиозных ритуалов	Нет	Нет
Материально положение	Денег хватает на продукты, но откладывать не получается.	Денег хватает на покупку техники, но большие покупки, затруднительны
Отношение к салафизму со стороны семьи после перехода	Негативное	Негативное
Отношение к переходу члена семьи	Негативное	Негативное

Для обоих случаев можно выделить общие черты. Во-первых, частичная вовлеченность семей в ислам, то есть позиционирование себя в качестве мусульман, однако отказ от участия в религиозных обрядах, за исключением основных мусульманских праздников. Во-вторых, самостоятельный опыт участника перехода в поездках в Россию. В-третьих, совместное проживание с семьей на ограниченной жилплощади и, как следствие, отсутствие личного пространства. Наконец, похожее материальное положение и образование.

Представители обеих семей не выделяли в ходе интервью семейные конфликты как возможную причину перехода, однако негативно отзывались о большом количестве свободного времени.

«Нельзя так было... я говорил ему [совершившему переход], делай сейчас что-то, а он махал рукой» (Таджикистан).

«Ходил [совершивший переход] туда-сюда, не помогал, говорил, что сейчас отдохнет и снова в Россию поедет, а куда ехать?.. его выслали, только паспорт новый ждать...» (Киргизия).

Интересно, что при возможном отсутствии семейных конфликтов информанты отмечали и низкую частоту коммуникации внутри домохозяйства при компактном проживании всех членов. Эта низкая частота общения сохранялась и на момент проведения интервью в отношениях между братом совершившего переход и родителями. Косвенным подтверждением служит то, что родственники заметили эмоциональные и поведенческие перемены в участнике перехода много позже, чем это сделали его бывшие друзья и соседи. Соседи в обоих случаях утверждали, что изменения в поведении перешедшего были заметны примерно за месяц до ухода. Отмечалось чувство подавленности у готовившихся совершить переход.

Несмотря на то, что члены семьи отрицали наличие конфликта в семье как причину перехода, изменения, замеченные ими за неделю до ухода их родственника, порождали конфликты.

«Я бы не хотел об этом говорить... конечно, сейчас уже думаю... замечаний он [совершивший переход] нам, конечно, не делал, тем более отцу... но он так смотрел... Не говорил практически, ужинать решил отдельно... сложно стало с ним, мы же вместе живем...» (Таджикистан).

Таким образом, в обоих случаях члены семей и друзья совершивших переход мужчин рассматривают их поступок как спонтанный и неожиданный. Это может быть вызвано двумя причинами: первая — малая коммуникационная активность совершившего переход и его окружения; вторая — спонтанное решение, принятое на фоне замалчивающегося в интервью события.

Заключение

Настоящая статья подчеркивает необходимость исследований социальных условий перехода участников миграционного процесса в радикализованные сети. Учитывая, что индивиды подвергаются идеологической радикализации как на индивидуальном уровне, так и на социально-структурном, определение социальных предпосылок этого процесса среди транснациональных мигрантов имеет большое значение в выявлении целостной картины.

В статье выдвигается предположение, что государственная политика в отношении религии непосредственно влияет на формирование траекторий вовлечения транснациональных мигрантов в группы риска. В проведенном исследовании основное внимание уделяется различию в политике контроля над религиозными учреждениями, а также над религиозным образованием за рубежом. Таджикистан отличается от Киргизии гораздо более сильным государственным контролем в отношении религии, что косвенно обуславливает большую вероятность вовлечения в радикализованные организации на территории принимающей страны — России, в то время как граждане Киргизии в связи с более свободной ситуацией в отношении религии на территории республики подвергаются большему риску в собственном государстве. Это подтверждает и статистика МВД, приведенная в тексте статьи.

Кроме того, отсутствие четкой связи между радикализованными, экстремистскими и террористическими группами проявляется и на уровне повседневного знания населения изучаемых республик. Информанты интуитивно разделяют эти группы, а в Таджикистане также и противопоставляют запрещенную в РФ группировку ИГИЛ всем остальным. Тем не менее основной причиной отторжения нетрадиционного ислама являются не сами идеи радикалистского толка, а скорее проявления различий на уровне повседневных практик. Сам же переход в радикализованные группировки, несмотря на неодобрение, в определенной мере оправдывается информантами. Основная причина — разделяемая риторика об общей несправедливости бытия, выражающаяся в недовольстве и озабоченности социальными проблемами как на территории собственного государства, так и на территории Российской Федерации. Стоит отметить, что именно чувство несправедливости и является одним из инструментов в вербовке. Создавая нарратив «победителя», эта группировка целенаправленно обращается к маргинализированным в определенных социальных условиях мусульманам, а также потенциальным новообращенным.

Таким образом, социально-структурные условия, сложившиеся в странах-участниках транснационального миграционного процесса, влияют не только на траекторию вовлечения участников процесса в радикальные группировки, но и при определенных условиях увеличивают риски вовлечения. При этом проблемы на макроуровне, ощущаемые на индивидуальном и групповом уровне в терминах несправедливости, выражаются информантами в таких категориях, как пропасть между богатыми и бедными, сложный доступ к образованию, физически тяжелая работа, эмоциональная усталость и т. д.

Список литературы (References)

- Бектурганов К. Б. О становлении и развитии социологии в Кыргызстане // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 46—51. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/963/631/1219/Bekturganov_6.pdf (дата обращения: 04.08.2018).
- Bekturganov K. B. (2008) On the formation and development of sociology in Kyrgyzstan. *Sociological Studies*. No. 10. P. 46—51. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/963/631/1219/Bekturganov_6.pdf (accessed: 04.08.2018). (In Russ.)

- Дюшенбиев С. У. Ислам в современном Кыргызстане: состояние и проблемы // Религиоведение. 2011. № 3. P. 107—126.
- Dushembiev S. U. (2011) Islam in contemporary Kyrgyzstan: the state and problems. *Religious Studies*. No. 3. P. 107—126. (In Russ.)
- Лисицын П. П. Миграционный процесс: мигрант, работодатель, государство. СПб. : СПбГЭУ, 2016.
- Lisitsyn P. P. (2016) The Migration process: the migrant, the employer, the state. St Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. (In Russ.)
- Сравнительная социология / под. ред. А. В. Резаева. СПб., 2015.
- Comparative sociology (2015) Ed. by V. Rezaev. St. Petersburg. (In Russ.)
- Чотаев З. Д., Турсунбеков З. А., Жумакунов Э. М., Сманова Н. Т., Гайббаева А. Т. Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане», 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/44221230-Gosudarstvennaya-komissiya-po-delam-religiy-kyrgyzskoy-respubliki-metodicheskoe-posobie.html> (дата обращения: 04.08.2018).
- Chotaev Z. D., Tursunbekov Z. A., Jumakhonov E. M., Smanova N. T., Gabaeva A. T. (2015) The State policy in the religious sphere and the main religious movements in Kyrgyzstan. URL: <https://docplayer.ru/44221230-Gosudarstvennaya-komissiya-po-delam-religiy-kyrgyzskoy-respubliki-metodicheskoe-posobie.html> (accessed: 04.08.2018). (In Russ.)
- Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102—108.
- Yudina T. N. (2002) On sociological analysis of migration processes. *Sociological Studies*. No. 10. P. 102—108. (In Russ.)
- Abrahms M. (2008) What Terrorists Really Want: Terrorist Motives and Counterterrorism Strategy. *International Security*. 32 (4). P. 78—105.
- Atran S. (2006) The Moral Logic and Growth of Suicide Terrorism. *Washington Quarterly*. 29 (2). P. 127—147.
- Bartlett J., Miller C. (2012) The Edge of Violence: Towards Telling the Difference between Violent and Non-Violent Radicalization. *Terrorism and Political Violence*. 24 (1). P. 1—21. <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.594923>.
- Crone M. (2016) Radicalization Revisited: Violence, Politics and the Skills of the Body. — *International Affairs*. 92 (3). P. 587—604.
- Dawson L. L. (2009) The Study of New Religious Movements and the Radicalization of Home-Grown Terrorists: Opening a Dialogue. *Terrorism and Political Violence*. 22 (1). P. 1—21.
- Greil A. L. (1977) Previous Dispositions and Conversion to Perspectives of Social and Religious Movements. *Sociological Analysis*. 38(2). P. 115—125.
- Heirich M. (1977) Change of Heart: A Test of Some Widely Held Theories about Religious Conversion. *American Journal of Sociology*. 83(3). P. 653—680.

Jones R. K. (1978) Paradigm Shifts and Identity Theory: Alternation as a Form of Identity Management. In: *Identify and Religion*. P. 59—82.

Lyons-Padilla S., Michele J. G., Hedieh M., Mehreen F., Marieke van E. (2015) Belonging Nowhere: Marginalization & Radicalization Risk among Muslim Immigrants. *Behavioral Science & Policy*. 1 (2). P. 1—12.

McCauley C., Moskalkenko S. (2017) Understanding Political Radicalization: The Two-Pyramids Model. *American Psychologist*. 72 (3). P. 205—2016.

McCauley C., Moskalkenko S. (2011) *Friction: How Radicalization Happens to the Them and to Us*. New York: NY: Oxford University Press.

Moghaddam F. M. (2005) The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration. *American Psychologist*. 60 (2). P. 161—169.

Porta D. D., LaFree G. (2012) Guest Editorial: Processes of Radicalization and De-Radicalization. *International Journal of Conflict and Violence*. 6 (1). P. 4—10.

Schmid A. P. (2013) Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. In: ICCT Research Paper, The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, 10.

Silber D. M., Bhatt A. (2007) *Radicalization in the West: The Homegrown Threat*. New York: New York Police Department, 16.

Snow D. A., Machalek R. (1983) The Convert as a Social Type. In: *Sociological Theory*, ed. R. Collins. San Francisco: Jossey-Bass.

Straus R. A. (1979) Religious Conversion as a Personal and Collective Accomplishment. *Sociological Analysis*. 40 (2). P. 158—165.

Victoroff J. (2005) The Mind of the Terrorist: A Review and Critique of Psychological Approaches. *Journal of Conflict Resolution*. 49 (1). P. 3—42.

МИГРАЦИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.13

Правильная ссылка на статью:

Тавровский А. В. Миграционные исследования на XIX Конгрессе Международной социологической ассоциации. Актуальные темы и исследовательские программы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 251—268. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.13>.

For citation:

Tavrovskiy A. V. (2018) Migration Studies at the XIX ISA World Congress of Sociology: Selected Topics and Research Agendas. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 251—268. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.13>.

A. V. Tavrovskiy

MIGRATION STUDIES AT THE XIX ISA WORLD CONGRESS OF SOCIOLOGY: SELECTED TOPICS AND RESEARCH AGENDAS

МИГРАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА XIX КОНГРЕССЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕМЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ

MIGRATION STUDIES AT THE XIX ISA WORLD CONGRESS OF SOCIOLOGY: SELECTED TOPICS AND RESEARCH AGENDAS

ТАВРОВСКИЙ Александр Владимирович — ассистент кафедры культурной антропологии и этнической социологии, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет
E-MAIL: alexavr@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6918-1116>

*Alexander V. TAVROVSKIY*¹ — Teaching Assistant, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Faculty of Sociology
E-MAIL: alexavr@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6918-1116>

¹ Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

Аннотация. Дается краткий обзор актуальных тем и исследовательских программ в исследованиях миграции, представленных на XIX Конгрессе международной социологической ассоци-

Abstract. This is a brief overview of selected topics and research agendas in migration studies presented at the XIX ISA World Congress of Sociology (July 15—21, 2018, Toronto, Canada).

ции (15—21 июля 2018 года, Торонто, Канада). Миграционные исследования занимали важное место на Конгрессе в Торонто: более 100 сессий (из 1000) с более чем 500 презентациями были непосредственно связаны с проблемами миграции. Они в подавляющем большинстве касались транснациональной миграции во всем ее многообразии. Обеспечить даже беглый обзор столь богатого материала практически невозможно, поэтому представлены только наиболее актуальные темы и научно-исследовательские программы. В этом обзоре основное внимание уделяется новым концепциям и исследовательским программам в изучении миграции, а также вынужденной и привилегированной миграции.

Ключевые слова: глобальные неравенства, транснациональная социальная защита, капиталы мигрантов, «обретение дома», вынужденная миграция, привилегированная миграция

Благодарность. This publication was supported by the Russian Science Foundation, Project No 16-18-10092 “Social risks of the international youth migration in contemporary Russia”.

Migration studies occupied a prominent place at the Toronto Congress: More than 100 sessions (out of app. 1000) with more than 500 presentations were directly related to the issues of migration. They overwhelmingly concerned transnational migration in all its diversity. To provide even a cursory overview of this rich material is practically impossible. However, an attempt at presenting several salient topics and research agendas is worth making. This overview will focus on new concepts and research agendas in migration studies, on forced displacement, and on privileged migration.

Keywords: global inequalities, transnational social protection, migrant capitals, homing, forced displacement, privileged migration

Acknowledgments. Данная публикация поддержана Российским научным фондом (проект № 16-18-10092).

NEW CONCEPTS AND RESEARCH AGENDAS IN MIGRATION STUDIES

Sociology of Global Inequalities: Theorizing Migrants' Place

In an attempt to theorize migrants' 'class' position in a multidimensional theory of social inequalities, *Anja Weiss* (University of Duisburg-Essen, Germany) offers a sociological theory of global inequalities [Weiss, 2017]. Instead of placing persons in one national welfare-state and thereby turning migrants into an exception, the proposed theory argues that all humans are situated in a plurality of functionally differentiated (Luhmann, Walby), politically contested (Bourdieu, Wallerstein), and territorially segmented (action settings) contexts. Functionally differentiated systems and organizations consider «properties» of persons, partially including them and creating unequal outcome; politically segmented, symbolically contested spaces such as the nation state ascribe characteristics to persons, creating hierarchies of symbolic

in- and exclusion, while embodied actors matter for territorially segmented contexts which offer a specific infrastructure and specific action settings. For some people the nation-state succeeds in conflating these contexts but for migrants, elites, and those living in dysfunctional states contexts are plural, in part deterritorialized, and/or extending beyond national borders.

After distinguishing three types of person-context relations, Anja Weiss proceeds to construct a model of social structure in a situation in which the social and territorial boundedness of social position blurs (Figure 1).

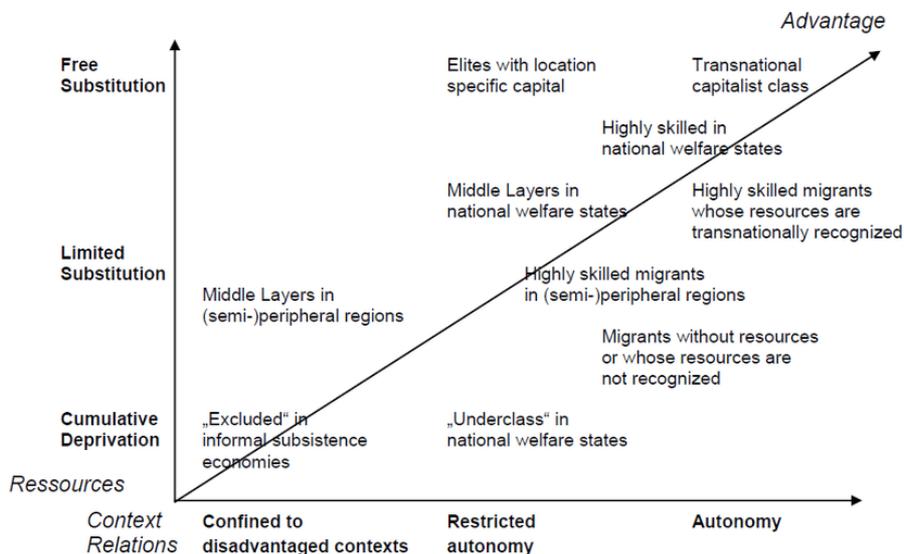

Figure 1. Social layers in the world [Weiss, 2014].

She differentiates between three social layers according to available resources and the ability of their substitution. For the upper layers, one primary dimension of inequality such as money or formal power can completely substitute for a lack in other dimensions; for the middle layers, multiple dimensions are significant and can substitute only partially while the lower layers are characterized by inequality in many dimensions and cumulative deprivation.

The second important dimension of the global inequalities model is a socio-spatial autonomy offered by context relations. Those who enjoy a high degree of socio-spatial autonomy may well advance their capabilities, e. g. move to contexts that are most favorable to them. Socio-spatial autonomy depends on both the kind of resources a person owns and group identities. If persons are physically or symbolically bound to contexts or if a person's resources do not transport well, their capabilities will depend on the quality of the contexts to which the person and her resources are bound. Socio-spatial autonomy can also mean an access to enabling contexts and the ability to choose contexts. The migrants, as all other people, strive to enhance their capabilities but they do so by changing their political and territorial contexts. Thus, in the political

context, migrants try to get residence status and citizenship, to pass as «white», to get access to closed labor markets; in the territorial domain, it is an embodied action, climbing the fence or moving clandestinely between territories.

In her concluding remarks, Anna Weiss highlights the significance of the human endeavor to enhance their context relations and socio-spatial autonomy. This struggle does not concern only migrants: her comprehensive theory takes it as a fundamental element of a global social structure.

Transnational Social Protection

Peggy Levitt (Wellesley College, USA) proposed a transnational social protection (TSP) research agenda designed to map the kinds of protection that exist for people on the move, determine how these protections travel across borders, and analyze variations in access. The analysis includes four sources of protection: the state, the market, third sector actors, and individuals' personal networks. States provide social protection through a number of institutions, operating at multiple levels of government, from supranational to subnational. Markets provide social protection like private health insurance or contracted childcare to those who can afford them. Third sector organizations, including NGOs, church groups, and labor unions, often provide low-cost protection to a defined group, including healthcare, employment training, education, housing, and more. And individual social ties include networks of family, friends, neighbors, co-workers, and others upon whom an individual can call for a wide variety of supports, including housing, childcare, cash transfers, or employment opportunities.

The author defines 'transnational social protection' as the policies, programs, people, organizations, and institutions that provide for and protect individuals in the above areas in a transnational manner. She argues that migrants move between spaces with varying state capacity, where the scope of formal social protection may be far-reaching or quite limited. They are protected through their access to formal and informal institutions in both the sending and receiving countries.

The author suggests that the concept of a 'resource environment' can help scholars map and analyze the rapidly transforming world of transnational social protection, and how access to TSP varies over time, through space, and across individuals and groups. An individual's resource environment is constituted by a combination of all the possible protections available to them from four potential sources (states, markets, third sector, and social networks). The cluster of protections that is ultimately available depends on the nature of the market, the strength and capacity of sending and receiving states, the third sector (i. e. the number and types of organizations, what they do, and their capacity to provide), and the characteristics of individual migrants and their families. These characteristics include the migrant's nation of origin, place of residence, and the breadth and depth of his or her social networks, in addition to the individual's gender, race, ethnicity, religion, wealth, income, and education. An individual's resource environment may change as they move across different sub-state or state environments as their legal or economic status changes and as their social networks transform. Resource providers will also, undoubtedly, change over time, leaving some groups well protected and others increasingly vulnerable.

To exemplify this concept, Peggy Levitt draws a map of a resource environment of a primary-educated, undocumented, Mexican migrant living in California and working in the informal sector (see Fig. 2).

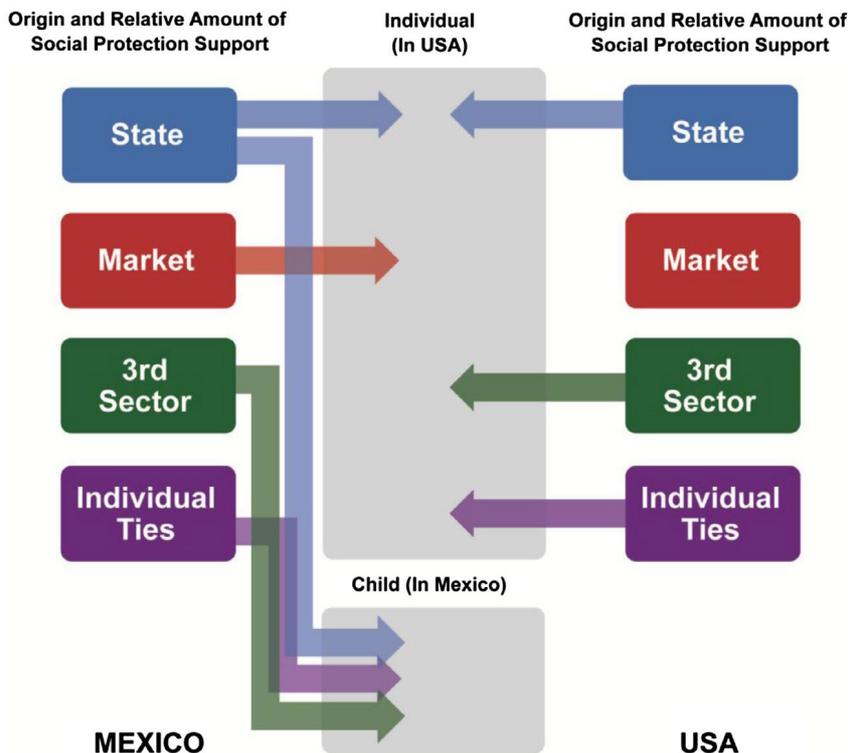

Figure 2. Resource environment of a primary-educated, undocumented, Mexican migrant living in California and working in the informal sector [Levitt et al. 2017: 10].

Peggy Levitt's innovative research agenda invites scholars to uncover the patterns in individuals' resource environments, make clear how they change over space and time, develop methods for measuring their size and substance, and identify patterns of exclusion — who gets left out and what kinds of services they are excluded from.

Analyzing Migrant Capitals: A Multi-Level Spatio-Temporal Framework

Umut Erel (Open University, Milton Keynes, United Kingdom) and *Louise Ryan* (University of Sheffield, United Kingdom) explore migrants' opportunities and strategies in generating cultural, economic and social capital [Erel, Ryan, 2018]. Following a Bourdieusian approach to capital, they conceptualize capitals as resources that can be converted into advantageous positions in social fields. They argue that migrants routinely experience a mismatch between the spatial contexts where their resources were formed and the new contexts where they look to validate them as capitals. The processes of capital formation depend on migrants' social position, including their gender, class, and

ethnic and national position as well as their citizenship status, and how this is articulated in relation to different fields in different spatial and temporal contexts.

Combining the macro-level factors of economic and political structures, the meso-level of networks and the micro-level of personal narratives, the authors propose a multi-level analytic framework, useful for highlighting the fractures, hierarchies and exclusions in specific fields. What makes their approach truly innovative is the focus on the temporal and spatial dynamics of how migrants use different capital. The spatio-temporal approach challenges the idea that migrants' integration and accumulation of capital follow linear trajectories. By paying attention to a spatial dimension in researching mobility, they think of place as an ongoing production based on a particular constellation of social relations at a specific locus. The authors emphasize that, in contrast to the foregrounding of the spatial in migration studies, the temporal aspects of migration have received less attention; it is particularly true for gender and time issues and use of longitudinal research methodology. The authors highlight the «synchronicity» of time across different dimensions. Thus, whether and to what extent migrants' biographical time synchronizes with the requirements and opportunities of meso (networks) and macro (labor markets, political systems) time scales makes an important difference to how well they can use their social, cultural and economic capital.

Cautioning against the idea that migration follows a linear trajectory of loss or accumulation of capitals, the authors argue that it is necessary to look at how gains, losses and reorientations of capitals are connected across different social fields. They look at the interrelation of migrants' positioning across different fields of work, family and citizenship, showing that gains in one field may be accompanied by losses in others. In addition, migrants can also attempt to compensate for losses in one field by investing more heavily in another. The authors provide a visualization of their multi-level spatio-temporal framework for analyzing migrant capitals (Fig. 3).

The proposed framework draws upon a large corpus of qualitative data on migration to the UK, and, to a lesser extent, Germany, by third country nationals and EU citizens, generated over several decades by both of the authors separately. For this paper they use the biographical approach to migrant women's life stories and individual case studies.

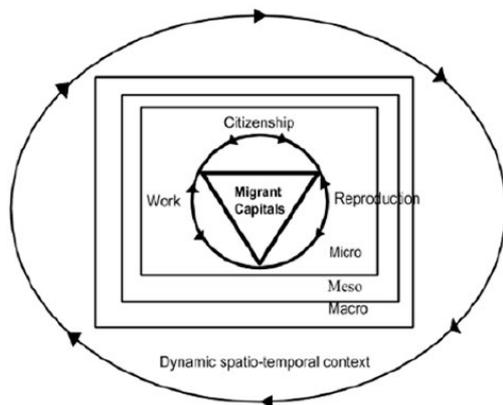

Figure 3. Multi-level spatio-temporal framework for analyzing migrant capitals [Erel, Ryan, 2018].

«Homing»: A Research Agenda for Migration Studies

Paolo Boccagni (University of Trento, Trento, Italy) proposed a new concept of «homing» as a bridge between migration studies and social theory on belonging and place-making¹ [Boccagni, 2016]. He starts with the concept of «home» as a socio-material setting, a special social relationship with place, based on an attribution of security, familiarity and control of one's living circumstances, and a value-laden category for the discursive production of identity, belonging and the insider/outsider boundary. Taking one step further, he defines «homing» as an assemblage of social practices through which people — including migrants — try to make themselves at home in their life circumstances. Homing depicts the ongoing ways in which home is conceived, felt and enacted in the everyday, by individual or collective actors, in interaction with their external environments. It is people's evolving potential and a disposition to attach a sense of home to their life circumstances in light of their assets and the external structure of opportunities.

The author distinguishes three analytical dimensions of homing: 1) cognitive and normative — what home is expected to be like given one's social milieu, value orientations and cultural backgrounds; 2) emotional — how it is that certain material and social arrangements are perceived and sensed as more or less «feeling like home»; 3) practical — how, under what conditions and why people struggle to make their life milieu home-like, and what the material and relational accomplishments of this effort are.

Homing is a life-long, relational, appropriative, and future-oriented process. It is affected by three variables: the gap between the «real» and the «ideal» side of home, the latent but systematic tension individuals feel to bridge it, and the resources available for them to do so.

Paolo Boccagni provides a visual image of homing as a way of managing the distance between real and aspired homes in the biographical field (Fig. 4). The dotted lines stand for three analytical dimensions of home: as a material and/or immaterial entity; as a proximity-based condition and/or one reconstructed over a distance (for instance, through migrants' transnational ties with the countries of origin); as a private/domestic and/or a public/extra-domestic experience. During the life course, a shifting position (home experience) can be traced; it signifies an individual's everyday experience as a situated way of managing the distance between the real and ideal home. This position reflects the more or less effective attribution of an evolving sense of home to one's life circumstances. The position is affected by a number of external variables: agency-related vs structure-related ones.

At the end of his presentation, *Paolo Boccagni* suggested several research questions for studying migrant homing: 1) How is home conceived, felt, reproduced, negotiated, enacted under circumstances of migration?; 2) What factors affect individual/group variable potential and interest, and the impact in doing so?; 3) How does migrant home-making interact with trajectories of «integration» and/or transnational engagement...and even diasporic retention?; 4) And with majority/minority relations at large (social cohesion, everyday multiculturalism etc.)?

¹ New call: a postdoc for quantitative research on home and migration. URL: <https://homing.soc.unitn.it>.

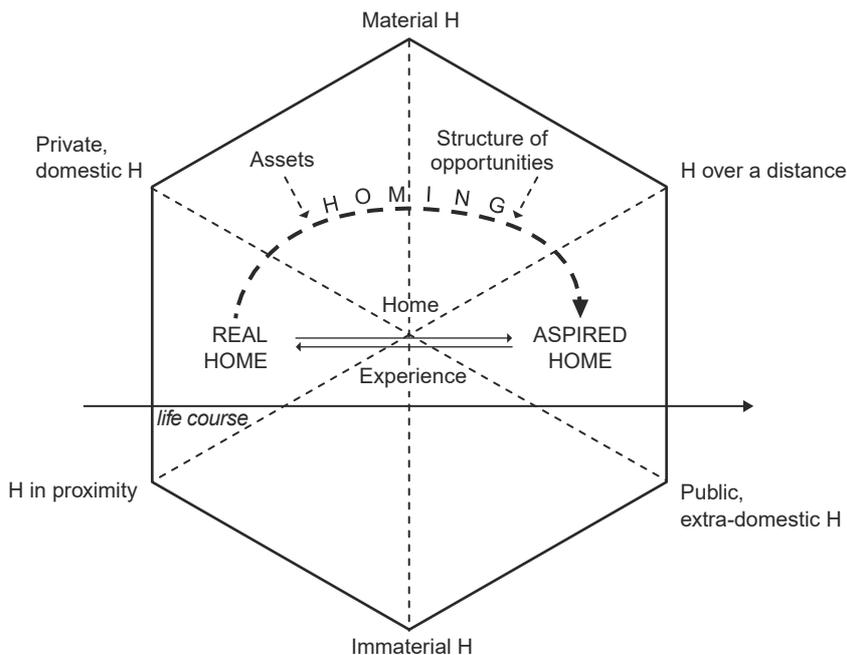

Figure 4. Homing as a way of managing the distance between real and aspired homes in the biographical field [Boccagni, 2016: 24—25].

This research agenda provided the framework for the session «Migrant home-making in the era of fortified borders: Reproducing the past, resisting the present, redefining the future?» organized by *Paolo Boccagni* and *Pierrette Hondagneu-Sotelo* (University of Southern California, USA). As a counterpoint to recent emphasis on transnational flows, circuits and networks, the organizers drew attention to place-based activities and practices. How are the cognitive, emotional and practical dimensions of past «homelands» and «homes» recreated under the harsh circumstances of this new world order of border fortification? What social practices and sensory experiences enable the grassroots reproduction of home(land) memories and emotions? To what extent do these home-making practices sustain immigrant communities? And finally, how do these accumulated practices transform social life, institutions and the built environment in the new locales?

Bubbles Beverly Asor (De La Salle University Manila, Philippines) examines migrant home-making as a process of not only forging communities and expressing ethnic identities but also as an (in)visibilizing and (re)politicizing strategy of the presence of migrants in the public sphere of a host society. She conducted a multi-sited ethnographic study on Filipino migrant communities in South Korea, where she explores how migrants employ religious resources and Catholic affiliation to carve ethnic identity, new subjectivities and migrant collectivities through various home-making strategies both in the sacred and secular spaces. These home-making strategies have the performative power to challenge spatial and integration regimes through which the Korean

state manages the migrant population in the public sphere. The author looks at two of the creative strategies of recreating 'imagined' Filipino communities and 'homes' in South Korea: (1) how Filipino migrant communities observe calendrical religious rituals such as *Santacruzán* and processions as an embodied performance of Filipino identity and collectivity in public spaces; and (2) how Filipino migrants replicate and restage their 'homeland' through the most mundane and quotidian activities such as buying and selling Filipino products at Filipino stores and markets, sending remittances and meeting co-ethnics. The author identifies two domains of home-making: the inner domain of co-ethnic Filipinos in the (re)creation of an idealized notion of home through collective memory, nostalgia and the continuity of religious and cultural practices and beliefs, and the outer domain when home-making is performed for non-Filipino spectators to assert social and cultural identities which Filipino migrants perceive as 'unique' from Korean culture. She argues that although migrant home-making strategies enable migrants to 'survive and thrive' in the host society, they are also powerful tools to negotiate and resist migrant invisibility and marginal positionality.

Drawing on the life experiences of conflict-induced displaced people in Colombia, *Luis Eduardo Perez Murcia* (The University of Manchester, United Kingdom) explores the extent to which and in which these people remake home. He argues that despite displacement consistently resulting in a significant loss of home, home can be remade on the move. A study based on in-depth interviews shows that following conflict and displacement, the process of remaking home not only entails the reconstruction of a material shelter but also a social world, a familiar landscape, and the emotional and existential feeling of being at 'home'. The empirical evidence suggests that the reconstruction of home tends to take years, decades or even generations and it is in part shaped by experiences of violence, the extent and persistence of persecution, and the ethnic identity and life stage of those compelled to move. Many of those who fled after being raped or witnessing relatives being killed consistently struggle to remake a home. The same appears to be true for those who belong to the black and indigenous communities and those who tend to root home in their 'ancestral land' and the elderly, who aspire to die 'at home'. The author highlights the significance of the interplay over time and space between social constraints and individual decisions and aspirations in the process of remaking a home.

Chrysanthi Zachou (American College of Greece-Deree, Greece) focuses on the home-making practices of female refugees in Greece. She carried out participant observation and in-depth interviewing of female refugees in different reception facilities in Athens and the surrounding areas. Having experienced violence, multiple losses, separation from family, and the destruction of their social and communal networks, they face multiple challenges in the host society associated with their transient status as asylum seekers and their racialization and exclusion due to their ethnicity or religion and their uncertainty about the future. Using various home-making practices, they try to turn controlled and surveilled refugee shelters and camps into homes for themselves and their families. Through their daily routines and material artifacts, they try to instill a sense of normality into their lives, renegotiate identity and belonging and symbolically recreate home away from home to counter their feelings of homelessness and uprootedness.

FORCED DISPLACEMENT

According to the UNHCR's Global Trends² 2017, 68.5 million individuals were forcibly displaced worldwide as a result of persecution, conflict or generalized violence. This includes 25.4 million refugees, 40 million internally displaced people, and 3.1 million asylum seekers. An estimated 16.2 million people were newly displaced in 2017. Asylum-seekers submitted 1.7 million new asylum claims. The United States of America was the world's largest recipient of new individual applications (331.700), followed by Germany (198.300), Italy (126.500), and Turkey (126.100). During 2017, 102,800 refugees were admitted for resettlement and only 667.400 returned to their countries of origin.

The main countries of asylum for refugees were Turkey (3.5 m), Pakistan (1.4 m), Uganda (1.4 m), Lebanon (998,900; it hosts the largest number of refugees relative to its national population; in 2017, 1 in 6 people was a refugee), Iran (979,400), Germany (970,400), Bangladesh (932,200), and Sudan (906,600). Altogether, more than two-thirds (68 %) of all refugees worldwide came from just five countries: Syria (6.3 m), Afghanistan (2.6 m), South Sudan (2.4 m), Myanmar (1.2 m), and Somalia (986,400). Children below 18 years of age constituted about half of the refugee population in 2017; among them, 173,800 were unaccompanied and separated children (UNHCR, 2017).

Keeping this dramatic situation in mind, it is no wonder that the major topic of discussion in many sessions of the congress was related to forced displacement. Following a gendered approach to refugee and asylum studies [Freedman, 2015], *Manashi Ray* (West Virginia State University), the organizer of the «Refugees and Gender» panel, argues that while refugees claim much global attention today, women refugees do not. She deplores that this systemic lack of gender sensitivity has gravely affected the framing of research concerning refugees. Although women are over-represented among refugee and displaced populations, they are a minority among asylum claimants, reflecting gender barriers in the process for seeking refuge and resettlement, that favor men.

Keltouma Guerch (Ministry of Education, Morocco) discusses Sub-Saharan women migrants' stories where they share their migration experiences and aspirations for a better life in Morocco as a destination or transit country on their way to Europe. Some narratives were gathered in vivo in Oujda, North-East of Morocco; others were posted on the Internet. Women migrants' narratives may take the form of stories, songs or dances. Through these stories the author considers women's lives in public and private spheres, identifies the problems they endure, including violence, exclusion — or inclusion — based on their gender, marital status, cultural and religious backgrounds, and their capacity to transform oral stories into texts.

Susanne Willers (Universidad Nacional Autónoma de México) describes the new challenges for Central American women fleeing violence. After the humanitarian crisis of 2015, the mobility regime in Central America is changing. Due to strengthening of migration enforcement policies, traditional migration routes to the USA have become too dangerous for women, especially those traveling with children and lacking the financial resources to migrate up north. One survival strategy is to look for access to

² UNHCR (2017) Global Trends. Forced Displacement in 2017. URL: <https://www.unhcr.org/globaltrends2017>.

formal rights through the refugee protection status in Mexico. However, despite the efforts made by the UNHCR and regional NGOs, the Mexican refugee system and the particular local contexts in refugee-receiving communities contribute to the re-victimization of migrant women and their children. During her fieldwork in the southern Mexican town of Tapachula, *Susanne Willers* focused on the particular experiences of refugee claimants, the strategies they put into practice to manage the situation and the role of the extended family network. She analyzed how processes of re-victimization due to segmented labor markets and other aspects of structural and gender-based violence impact women's agency during this process.

A new perspective on gender and vulnerability is offered by *Gerda Heck* (AUC Egypt, Egypt). For many years, scholars and especially feminist activists have been demanding that international humanitarian agencies and nation states particularly ensure the protection of women, children and other vulnerable migrant groups. Referring to recent critical debate on the dangers of the discursive logic of vulnerability in the field of migration politics (Didier Fassin, Miriam Ticktin), she discusses the question of gender and vulnerability in the context of the current international refugee regime in Turkey. Drawing on ethnographic research conducted in the spring and summer of 2016, she shows how the introduction of the categories «gender and vulnerability» in UNHCR politics in Turkey has restricted access to asylum and resettlement only to vulnerable cases that by definition exclude certain profiles like young male refugees.

Franziska Schreyer and *Tanja Fendel* (Institute for Employment Research, Germany) explore the chances of upward social mobility of women refugees within activating integration policies in Germany. According to The Integration Act for forced migrants, introduced in Germany in 2016, a permanent residence permit is only granted if refugees have sufficient German language skills and are able to secure most of their own livelihood. Using a mixed-methods strategy, the authors provide empirical evidence about gender differences in educational and employment participation and in language skills. They argue that female refugees have lower chances to achieve upward social mobility, are less likely to fulfill the new requirements for a permanent residence permit and need special support in the integration process.

A different perspective on European integration policies is given by *Johanna Hiitola* (University of Jyväskylä, Finland), who carried out a multi-sited ethnographic study on how resistance and belonging are embodied by Afghan refugees in Finland. Their «embodied citizenship» is particularly manifested in struggles over gaining residency or asylum. It depends on refugees' social positions and life experiences before fleeing, their experiences while traveling and waiting for residence permits, and, finally, on the local community and integration practices. The author argues that all these experiences are intersectionally inscribed into the body along the lines of gender, race, class, and age. However, the integration policies do not fully recognize the complex issues involved in refugees' «embodied citizenship».

Irene Tuzi (Sapienza University of Rome, Italy) and *Mireille Al-Rahi* (Sapienza University of Rome, Italy; Migration Institute of Finland, Finland) carried out multi-sited fieldwork in Lebanon and Finland to examine the push and pull factors of the Iraqi refugees' decision to return home. On the one hand, it is the wish to reconnect with left-behind families, friends and with the land of origin; on the other hand, the host

government policies, civil society attitudes and integration failure can motivate them to go back to the country of origin. In addition, they add an interesting symbolic dimension to their research. Drawing on Peter Kivisto and Vanja La Vecchia-Mikkola's ideas [Kivisto, La Vecchia-Mikkola, 2013], the authors investigate the process of redefining the refugees' relationship with their country of origin and their ambivalence towards this decision. In their imagination they view their return as a visit or a temporary sojourn not in a country of violence and suffering but in an idealized, mythic place at odds with reality on the ground.

Djordje Stefanovic (Saint Mary's University, Canada) and *Neophytos Loizides* (University of Kent, United Kingdom) pursued their research on post-war refugee returns to communities in Bosnia-Herzegovina. Using a representative survey, they had established that older Bosnians with positive memories of pre-conflict inter-ethnic relations are more likely to return than younger persons or those with negative memories; women and those experiencing wartime victimization are less likely to return, and the rural displaced are more inclined to return than urban dwellers. Going a step further and bringing in new data sources, they now focus on the impact of the local war-time violence (killing and property destruction) on the likelihood of returning to places of pain.

To explore the integration experiences of recent Syrian refugees who have been displaced since 2011, *Aysegul Balta Ozgen* (University at Buffalo, SUNY, USA) suggests a comparative qualitative research design. She conducts in-depth interviews with Syrian refugees and representatives of the NGOs who work with refugees in four cities from four countries: Toronto, Canada; Buffalo, New York; Istanbul, Turkey; and Berlin, Germany. The central question is how do refugees perceive their life chances depending on different policy contexts? In the author's opinion, when refugees think that their future in one place is uncertain, when they perceive a loss of economic and cultural status, and when they feel negative public attitude toward themselves, their perceived prospects of integration seem worse. The comparative study allows developing a typology of different countries' reactions to refugees as they are experienced by refugees themselves, as well as identifying similarities and differences in the mechanisms of integration.

Ibrahim Soysüren (University of Neuchâtel, Switzerland) and *Mihaela Nedelcu* (University of Neuchâtel, Institute of Sociology, Switzerland) study the deportation of foreigners (so-called «voluntary return») in France, Switzerland and Turkey. They bring forward a Foucauldian notion of governmentality to explain a concomitant use of incitement and coercion to pressure unwanted foreigners out of the country. This comparative qualitative research shows that despite the use of some incentives to leave, direct and indirect coercion remain central to the deportation process.

A special session was dedicated to the inclusion of skilled refugees in the labor market. The organizers, *Oliver Schmidtke* (University of Victoria, Canada) and *Anja Weiss* (University of Duisburg-Essen, Germany), pointed to a paradox between labor and humanitarian migration: while skilled economic migrants are regularly targeted as 'assets' for the economy, refugees are primarily perceived as being in need of assistance and contributing to the unskilled sector of the economy. Nevertheless, the policy makers realize that the long-term social and, particularly, the labor market integration of refugees is a necessary condition for society's well-being. In this respect

the organizers invited to reflect on the main obstacles and opportunities that refugees face in their attempts to enter the skilled labor market.

Helen Schwenken (University of Osnabrück, Germany) addresses the question of exploring the normative foundations of labor market inclusion projects for skilled female refugees in Germany. Currently there are many gender-specific projects of integration in Germany. This indicates that state and non-state actors are well aware that gender-specific efforts are necessary to promote equal opportunities for female refugees. However, skilled female refugees and mothers are placed in low-skill and feminized sectors and experience a devaluation of their skills. Drawing on expert and participant interviews, the author explains this paradoxical situation not by a traditional understanding of gender roles amongst refugees but rather by the unintentional effects of traditional gender knowledge that implicitly drive counseling and placement processes.

Jannes Jacobsen (German Institute for Economic Research, Germany) casts the question of the economic integration of skilled refugees in Germany in terms of institutional framework. The author argues that labor market access and outcomes are shaped by two key dimensions: 1) the residence title the humanitarian migrant is granted; and 2) the recognition of professional and academic qualifications. He uses data from the IAB-BAMF-SOEP Refugee Survey, which is representative of all people that applied for asylum between January 1, 2013 and January 31, 2016 in Germany. Indeed, the analysis suggests that the institutional framework is crucial for labor market integration. Those that are granted a safe status invest in the recognition of certificates. Recognized certificates increase the chances of employment in general and reduce an education-occupation mismatch. This in turn provides a higher income.

Karolina Lukasiewicz (New York University, USA), *Tanzilya Oren* (Fordham University, USA) and *Saumya Tripathi* (Social Worker, India) provide an answer to a session's problematics coming from the different context of the New York City area. The authors indicate that in the United States, refugees are eligible to participate in federally funded programs that aim «to achieve economic self-sufficiency as quickly as possible after arrival in the United States» (The Refugee Act of 1980). This goal is reached with the help of case management, employment services, language training, cultural orientation classes, and direct cash allowances. Past research suggests that although the overall employment rate among refugees is higher than among the native population, employment is often low paid and includes jobs at the bottom of the labor market structure since refugees have no time to learn English and increase their long-term opportunities. Grounding their study on in-depth interviews with refugees, case workers and participant observations in three non-profit organizations assisting refugees, the authors argue that despite some positive outcomes, in the long run the integration programs can be counterproductive to their objectives by exacerbating inequalities. They should consider the long-term employment situation of clients, i. e. the quality of the jobs they perform and the adjustment of the employment to their skills and education level.

PRIVILEGED MIGRATION

Expatriation and Lifestyle Migration

The organizer of the panel on expatriation in the field of migration studies *Sylvain Beck* (University of Paris IV-Sorbonne, France) urged participants to unravel the mean-

ing of expatriation as a specific form of displacement. One of the panelists, *Caroline Schöpf* (Hong Kong Baptist University, Max Weber Foundation, Hong Kong), rightfully remarked that even though the term «expatriate» or «expat» enjoys frequent popular usage, there is a lack of sociological research on the groups identified by it, and an ever-greater scarcity of attempts to critically investigate and deconstruct what this term signifies. Expatriation is associated with lifestyle migration, transnational elites, skilled professionals, and cosmopolitanism and tourism; but it is also connected to whiteness and postcolonialism. Considering rather negative connotations of labor migration and rather positive connotations of mobility, *Sylvain Beck* invited presenters to think about the categorization of expatriates.

Caroline Schöpf used in-depth interviews and fieldwork to analyze how the terms «expat» and «expatriate» are adopted, assigned and negotiated in Hong Kong by receiving society members as well as highly educated migrants of various ethnic groups from Western and South Asian countries. She found that informants claim to use the term in color-blind, meritocratic ways to signify attributes such as professional employment, high levels of education and expertise, temporary mobility, positive and enriching impacts to receiving societies, and an absence of associated social problems. However, she adds, race and nationality, along with class, tend to strongly pattern categorizations. The author noticed that individuals associated with the Global South are frequently categorized as «ethnic minorities» or «immigrants» while those linked to the Global North are viewed as «expats». White migrants, even those who are low-skilled, unemployed or come from a society with a lower level of development than Hong Kong, report being automatically categorized as «expats». Highly skilled, professionally employed, non-white migrants from Western and non-Western societies tell of shifting, situational categorizations that depend on factors such as their perceived social class or enactment of Western cultural capital, the individuals they are accompanied by, and the venue or even city quarter they happen to be in. *Caroline Schöpf* argues that a conceptual division and separate study of «immigrants» and «expatriates», or «migration» and «mobility», may obscure and reify deep inequalities based on racialization and nationality, and that there is much to gain from a systematic comparison of the migration experiences of those labeled «expatriates» with those labeled «(im)migrants».

Michaela Benson (Goldsmiths, United Kingdom) critically reflects on how our understandings of what counts as migration should take into account what current global economic structures do to population movements. She starts from her experience of studying relatively privileged populations that have moved to and settled in other parts of the world, primarily searching for better lifestyles. Initiating a decade ago with Karen O'Reilly the study on lifestyle migration, they defined it as the spatial mobility of relatively affluent individuals of all ages, moving either part-time or full-time to places that are meaningful because, for various reasons, they offer the potential of a better quality of life [Benson, O'Reilly, 2009: 2].

She argues that such movements are often positioned as a case apart from migration studies; however, careful observation reveals how neoliberalism articulates with post coloniality in the practice of privileged migration. *Michaela Benson* illustrates this through her research into North American migration to Panama, outlining the structural and material conditions that support such migrations alongside their agency in this

process [Benson, O'Reilly, 2018]. While the process of economic industrialization generated labor migration, the process of financialization in contemporary capitalist economies generates lifestyle migrants. The difference is that these migrants are drawn as consumers, attracted to relocating their finances to other economies through individual property and business investments. She demonstrates how state-led promotion of property investment in international markets is a significant feature of the structures that support and facilitate lifestyle migration. The explicit pursuit of migrant capital through property investment is embraced by nation-states as a channel for foreign direct investment (FDI). With many countries involved in courting FDI through such mechanisms, there is a competitive arena for such investments, an international and global market in international property investment. A vast industry has grown up around international property investment, including the myriad smaller property fairs, magazines, investment seminars and workshops, and broadcast media.

The emerging body of work on transnational gentrification highlights how (middle-class) migrant capital is being courted in the service of neoliberal economic development strategies. Exploring the case of lifestyle migration to Panama, *Michaela Benson* points to the development of the lifestyle industry that supports the place-making and marketing through which Panama was made one of the best places in the world to retire to. This understanding of Panama becomes part of the cultural logic of lifestyle migrants, translating into their everyday lives in the destination. The author notes that income distribution in Panama is one of the most unequal in central and south America, widening as neoliberalism penetrates further into the economy, and concludes that such foreign investment through property is part of the problem in ways migrants themselves are unaware.

Matthew Hayes (Canada Research Chair, Global and International Studies, Canada) carried out his interpretive qualitative research by drawing on in-depth interviews with North American transnational retirement migrants in Cuenca, Ecuador, who seek out a lower income community in which to pursue culturally specific forms of 'successful' and 'active' aging. He argues that achieving these cultural forms of aging require time and money, leading a growing number of financially vulnerable North American 'baby boomers' to pursue their later life course in low-income countries — many in Latin America. In the author's opinion, the pursuit of these cultural ideals is increasingly dependent on coloniality and global inequalities. Moving to 'a different culture' is a crucial aspect of North Americans' sense of risk-taking and adventure in Ecuador, and is tightly tied up with notions of successful aging.

Paying attention to the gender differences in narratives of adventure and cultural integration, *Matthew Hayes* emphasizes that both men and women seek new, more 'expansive' horizons in Ecuador as a way to 'stay young,' and avoid aging in North American societies that devalue aging bodies and the experience and expertise of older workers, especially women. He stresses the ambivalent situation of North American lifestyle migrants: While they often report positive experiences related to their relocation, their uprootedness is evident both in the risks of isolation to which they are exposed and in their striving for ever-more transnational destinations. Moreover, their condition in Latin American communities like Cuenca are marked by relative economic privilege and the symbolic power of their racialized whiteness, which shapes how their aging bodies are received and read in transnational contexts.

One more fieldwork conducted by *Matthew Hayes* focused on cosmopolitan narratives as cultural codes that justify and give meaning to the transnational experiences of French European (France, Belgium, Switzerland) and Italian migrants who have relocated to Morocco. He argues that cosmopolitan openness, a specific type of moral disposition towards the receiving community, helps migrants narrate their transnationalism in terms that emphasize their acquisition of appropriate cosmopolitan cultural dispositions, as opposed to others, who do it wrong. His fieldwork illustrates the importance that European lifestyle migrants place on openness to cultural difference and avoiding ethnocentric comportment as ways of making sense of and justifying their transnational relocations. However, he points out that these narratives contrast with other dispositions and narratives that present important continuities with colonial emplacement, and that contradict their stated cosmopolitan aims.

The case of Karlovy Vary, a spa town in Western Bohemia, Czech Republic, was chosen by *Ludek Sykora* and *Klara Fiedlerova* (Charles University in Prague, Czech Republic) to discuss the patterns and politics of migrant investment, gentrification and place-making. A fragmented privatization of spa and hotel complexes attracted Russian investors, entrepreneurs, and lifestyle immigrants. The authors note that the cultural proximity provided a secure environment for families while keeping business operations in Russia. Contracts with Russian partners and direct flights from Russia produced a massive inflow of spa guests and tourists from post-soviet spaces, thus making Russian the most heard language in the spa zone. It further enhanced business opportunities as well as increased jobs for lower paid labor drawn from post-soviet republics. The superiority of foreign over domestic finance capitalized in the spa zone residential sector led to the wholesale gentrification and displacement of locals by wealthier Russian lifestyle immigrants. This rapid place-(re)making provoked negative media representations of a socially polarized town counterbalanced by functioning multiethnic partnerships in everyday business life. The authors build their research on interviews with Russian-speaking immigrants as well as the original local population, managers, employees, and residents as well as political representatives.

The ethnography of Japanese lifestyle migrants in Denpasar, Bali by *Kosuke Hishiyama* (Kindai University, Japan) focuses on their mobility patterns and social activities in the context of gated communities. In the 2000s the neoliberal policy encouraged Japanese lifestyle migration to Southeast Asian countries. This trend was further accelerated by a thriving real estate promotion culture leading to the marketization of the traditional housing sector in Bali and the emergence of gated communities. Most Japanese lifestyle migrants are middle class, with strong transnational connections, and prefer to live in gated communities; they are either retired couples or younger people married to locals. The author identifies several clusters of Japanese migrants who differ in terms of their lifestyles and mobilities. While in one case high mobility facilitates social activities (clubs, environmental circles etc.), reinforces cultural enclosure and generates a critical attitude to the local people, in another it promotes an individualized lifestyle, a positive evaluation of local culture and «urban diversity» (in contrast to traditional Balinese «pluralistic collectivity»).

Highly-skilled Migration

Highly-skilled migration is also understudied in comparison to other types of transnational movements. However, in recent years this situation is changing, as exemplified by several contributions to this topic. Thus, the research by *Annie Chan* (Lingnan University, Hong Kong) focuses on female, non-single (i. e. married, partnered, and/or with dependent children) transnational professionals in Hong Kong who initiate the migration. This qualitative study explores how transnational contexts shape the subjectivities and everyday lives of these transient professionals.

Caroline Pluss (University of Liverpool in Singapore, Singapore) challenges the assumed cosmopolitanism of highly-skilled migrants who live in global cities. The research focuses on the transnational lives of middle-class Chinese-Singaporean migrants in Hong Kong, London, New York, and Singapore («the returnees»), considering several transnational contexts: education, work, family, and/or friendships/lifestyle. The author shows that rather than experiencing these different transnational contexts as cosmopolitan, the Chinese Singaporeans often experienced these contexts as incongruous, characterized by multiple displacements, and develop ambiguous views of self, others, places, and societies. The strong methodological side of this qualitative research is its comparative, multi-sited character.

The paper by *Abdul-Bari Abdul-Karim* (University of Manitoba, Canada) deals with the important topic of foreign qualification recognition in the Canadian context. It examines the job-skills match rates among immigrants working in one of the self-regulated professions in Manitoba. Despite their higher educational background, immigrants experience long-term downward social and economic mobility, receiving comparatively lower rates of return to foreign educational credentials. The author uses Critical Race Theory to identify the challenges immigrants face in the foreign credential evaluation process.

Drawing on the results of the Bradramo project (brain drain and academic mobility from Portugal to Europe), a group of Portuguese researchers deal with highly skilled emigration related to academic mobility. *Rui Gomes et al.* argue that the profile of Portuguese skilled emigration dramatically changed from the crisis of 2008 onwards, and nowadays reveals a trend towards a permanent and a long-term mobility, an insertion in the primary segment of the labor market of the destination countries, and a latent mobility (after a period of study in the country of destination) rather than direct mobility flows (after having entered the Portuguese labor market).

This overview emphasizes new concepts and research agendas in migration studies, forced displacement and privileged migration. It had to leave behind many significant topics discussed at the congress. This is the case of migrant solidarities and mobilization, comparative migration policies, immigration and populist policies, transnational care, migration and quality of life, migration and language issues, sexual migration, trafficking in persons, immigration detention and many others, to name only those that were submitted to the Research Committee «Sociology of Migration». Conceptually, the contemporary migration research presented at the congress follows the transnational paradigm, in many cases focusing on inequalities and categorizations; methodologically, qualitative research strategies remain very popular. Many studies use the mixed-methods approach and are multi-sited and multi-scalar. These social science

trajectories translate the increasing significance of transnational migration in a global unequal world.

References

- Benson M., O'Reilly K.* (eds.) (2009) *Lifestyle Migration: Expectations, Aspirations and Experiences*. Ashgate.
- Benson M., O'Reilly K.* (2018) *Lifestyle Migration and Colonial Traces in Malaysia and Panama*. Palgrave MacMillan.
- Boccagni P.* (2017) *Migration and the Search for Home. Mapping Domestic Space in Migrants' Everyday Lives*. London: Palgrave.
- Erel U., Ryan L.* *Migrant Capitals: Proposing a Multi-Level Spatio-Temporal Analytical Framework*. *Sociology*. Article first published online: July 16, 2018. <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0038038518785298>.
- Freedman J.* (2015) *Gendering the International Asylum and Refugee Debate*. Palgrave MacMillan.
- Kivisto P., La Vecchia-Mikkola V.* (2013) Immigrant Ambivalence toward the Homeland: The Case of Iraqis in Helsinki and Rome. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. No 11(2). P. 198—216. <https://doi.org/10.1080/15562948.2013.759000>.
- Levitt P., Viterna J., Mueller A., Lloyd Ch.* (2017) *Transnational Social Protection: Setting the Agenda*. *Oxford Development Studies*. No 45 (1). P. 2—19. URL: <https://doi.org/10.1080/13600818.2016.1239702>.
- Weiss A.* (2014) *Social Layers in a World of Territorial Containers, Political Closure, and Socially Differentiated Functionings*. Distributed Paper. XVIII ISA World Congress of Sociology. <https://www.researchgate.net/publication/268085070>.
- Weiss A.* (2017) *Soziologie Globaler Ungleichheiten*. Suhrkamp.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.14

Правильная ссылка на статью:

Солодников В. В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>.

For citation:

Solodnikov V. V. (2018) Russian sociological and psychological research of the family: meta-analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>.

В. В. Солодников РОССИЙСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ В XXI ВЕКЕ: МЕТА-АНАЛИЗ

РОССИЙСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕМЬИ В XXI ВЕКЕ: МЕТА-АНАЛИЗ

RUSSIAN SOCIOLOGICAL AND PSYCHO-
LOGICAL RESEARCH OF THE FAMILY:
META-ANALYSIS

СОЛОДНИКОВ Владимир Владимирович — д. с. н., профессор кафедры прикладной социологии социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-MAIL: solodnikovv@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Vladimir V. SOLODNIKOV¹ — Doctor of Social Sciences, professor

E-MAIL: solodnikovv@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

¹ Russian State University for Humanities, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлен анализ специфики публикаций в российских социологических и психологических научных журналах, посвященных исследованию семьи. Проанализированы тексты четырех научных изданий соответствующего профиля за 2000-

Abstract. The article provides an analysis of specific features of the publications devoted to family in Russian sociological and psychological journals. The author analyzes the materials from four scientific publications during the 2000-2016 period from the related field. The

2016 г. Данные этого обзора частично сопоставимыми с результатами анализа статей за 1986-1991 гг., что позволяет оценить некоторые изменения. На основе качественно-количественного анализа ряда показателей сделаны выводы о специфике научных парадигм и состоянии «нормальной» науки» (по Т. Куну) применительно к российской социологии и психологии семьи. Для последней семья, судя по публикациям в научных журналах, – малозначимый объект изучения, она рассматривается как фон для изучения личности (преимущественно ребенка) и межличностных отношений. Гетерогенность такого объекта исследования обуславливает выраженный интерес психологов к методической оснащенности и большему разнообразию методов сбора эмпирической информации, а также сопровождается фрагментацией профессионального сообщества по «школьно-журнальному» (речь здесь про научные школы) принципу. В российской социологии семьи значимость исследований семьи варьирует, но ее парадигма дуалистична (при доминировании естественно-научной); более согласована и стабильна, междисциплинарно открыта, ориентирована преимущественно на изучение структуры семьи и взаимодействие семьи с другими социальными институтами. При такой исследовательской оптике для исследователей фоном становится личность (супругов и детей). А «школьно-журнальная» фрагментированность российских социологов семьи проявляется по отношению не к отечественным, а к зарубежным авторам, что требует усиления междисциплинарного взаимодействия исследователей семьи.

data of the review partially check with the results of the analysis of the articles published from 1986 to 1991, which allows the author to evaluate certain changes. Based on qualitative and quantitative analysis of certain markers, the author draws conclusions concerning the specifics of scientific paradigms and the state of (according to T.Kuhn) applied to Russian sociology and psychology of family. The number of publications in the Russian psychological journals shows that family is a low-priority topic which is only viewed as a “context” for studying personalities (mainly child’s personality) or interpersonal relationships. The concept’s heterogeneity translates into a pronounced interest of psychologists towards methodological framework and a wide variety of tools to collect empirical evidence and is accompanied by the fragmentation of the professional community on the “school-journal” principle. The significance of family studies in the Russian sociology varies greatly but its paradigm is dual (with the natural sciences being dominant), more consistent and stable; it is more open for cross-disciplinary research and more oriented towards studying the family structure and interaction between family and other social institutions. From this perspective, it is personality (of spouses and children) that becomes the “context”, and the “school-journal” fragmentation characteristic of the Russian sociologists manifests itself in relation to foreign rather than domestic researchers. This requires from the family researchers more inter-disciplinary efforts and cooperation.

Ключевые слова: психология семьи, социология семьи, российские исследования семьи, парадигмы изучения семьи, мета-анализ

Keywords: psychology of family, sociology of family, meta-analysis, family studies in Russia, family research paradigms

Критический анализ тематических обзоров по теме семьи¹

Почти четверть века назад предпринята попытка [Солодников, 1994] вторичного анализа российских психологических (в двух ведущих журналах соответствующего профиля) и одном социологическом («Социологические исследования») публикаций о семье за семилетний период 1986—1992 гг. С тех пор увеличилось количество журналов по соответствующей тематике, а процессы внутринаучной рефлексии получили распространение и перешли на качественно иной уровень. Отметим наиболее значимые результаты, полученные на этом пути в последние годы, так или иначе касающиеся психологического и социологического изучения семьи.

Сначала обратимся к российским социологам. Рассмотрение всех (!) публикаций о семье в «Социологические исследования» за всё время существования издания ($N = 136$) с выделением двух этапов 1975—1991 и 1992—2006 гг. [Бурова, Демидова, 2008] позволило отметить изменение тематики исследований: усиление в постсоветский период интереса к экономическим проблемам семьи и влиянию на нее социально-экономических макропроцессов; появление новых предметных областей (внутрисемейное насилие; религиозные семейные ценности). Новые темы исследований, в свою очередь, оказались тесно связаны с особенностями трансформации института семьи (увеличение количества нерегистрируемых браков и внебрачных рождений, рост численности малоимущих семей, возникновение новых типов семьи и т. д.). Среди методологических особенностей российской социологии семьи отмечены: понятийная разобщенность; доминирование публикаций прикладного характера и явное преобладание опросных методов сбора эмпирической информации, прежде всего, анкетного опроса [там же: 101—102].

Е. Ю. Лисицкая провела сравнительный анализ публикаций журнала «Социологические исследования» (715 статей) и двух американских социологических журналов (500 статей) за 1990—2010 гг. с целью выявления особенностей «специальных социологических дисциплин» [Лисицкая, 2014: 131]. При переходе ко второму, качественному, этапу анализа для выявления «теоретического (парадигмального) ядра в анализируемых статьях» [там же: 132] их количество было сокращено (по 150 статей в каждой группе). Основания такого сокращения остались неясны. Но нас в данном случае интересует два приводимых автором факта:

1. Если в американской социологической традиции социология семьи по частоте публикаций делит первые три места с социологией культуры и труда, а гендерная занимает 5-е место (из 17), то в российской социология семьи отсутствует (?), а гендерная социология находится на 15-м месте (из 18);

2. При переходе к анализу «методологической направленности статей» (теоретическая, эмпирическая, прикладная) американская социология семьи с большим

¹ В статье в квадратных скобках дано цитирование по источникам научной литературы, в круглых — анализируемые источники. В приложении список анализируемых источников дан отдельно. (Прим. ред.)

отрывом по количеству публикаций выходит на первое место (а вместе с гендерной социологией преобладание этой тематики усиливается). В отечественной же традиции обе социологические субдисциплины занимают последние места. Причем в социологии семьи статей теоретического характера не выявлено совсем [там же: 133].

Немаловажным выводом автора стало утверждение о доминировании в российской социологии «интерпретативной парадигмы», «которая опирается на феноменологию А. Шюца, символический интеракционизм Дж. Мида, теорию структуризации Э. Гидденса и культуральную теорию К. Гирца», а в американской — «конструктивистского структурализма П. Бурдьё» [там же: 135—136].

Аналогичная, но несколько иная попытка была предпринята А.Г. Эфендиевым и его коллегами [Эфендиев и др., 2015], выбравшими для сравнительного анализа по ключевым словам публикаций четыре российских журнала [там же: 36] за 2009—2014 гг. («Социологические исследования», «Мир России», «Общественные науки и современность», «Журнал социологии и социальной антропологии», суммарно — 2 211 публикаций) и шесть зарубежных с наиболее высоким Индексом цитируемости научных изданий (5-Year Impact Factor): «Annual Review of Sociology»; «American Sociological Review»; «American Journal of Sociology»; «European Sociological Review»; «British Journal of Sociology»; «Sociology» (1 295 публикаций).

На втором шаге анализа количество публикаций («в которых присутствуют хотя бы одно из проанализированных ключевых слов») сокращается до 1302 российских и 790 зарубежных [там же: 42]. Отметим, авторы не комментируют тот факт, что проблематика «социологии семьи» в российских публикациях представлена практически в два раза реже (с учетом поправочного коэффициента, учитывающего различное количество российских и зарубежных публикаций) [там же: 47]. Примечательно, что в своих выводах они делают акцент на том, что российские социологи проявляют более высокий интерес (в 1,3 раза) «к явлениям локального уровня» [там же: 44], но не обсуждают их меньший интерес к микроуровню (личность, малая группа и т. п. — в 1,1 раза).

Общая особенность рассмотренных публикаций, стремящихся выявить специфику российской социологии в целом и социологического изучения семьи, в частности, — значительное заявленное количество анализируемых работ, однако их перечень не приводится, а иногда в ходе анализа резко сокращается, отталкиваясь от не до конца ясных оснований².

Что касается парадигмальных оснований российских социологических исследований (в т. ч. семьи), то они либо не находят отражение в выводах (кроме фиксации «понятийной разобщенности»), либо (как утверждение о доминировании «интерпретативной парадигмы») нуждаются в спецификации и уточнении применительно к российской социологии семьи.

В рамках российской психологической традиции в последние годы также выполнен ряд обзорных работ. Отметим их ключевые особенности, имеющие отношение к нашей теме. Так, в одной из работ (Потемкин и др., 2015) проанализированы психологические термины, используемые в научных публикациях журнала «Вопросы психологии» за 1980—2010 гг. (13,2 млн словоупотреблений).

² Например, почему авторы [Эфендиев и др., 2015] полагают, что ключевые слова российских и зарубежных публикаций должны совпадать? Почему в противном случае публикации исключаются из анализа?

В результате прослеживания частоты использования понятий по десятилетиям среди прочего обнаружено, что [там же: 98—101]:

- использование понятия «социальный» осталось относительно стабильным (24 001 словоупотребления; при максимуме — «психология» — 61 070 и минимуме — «аттракция» — 70);
- понятия «счастье» и «социально-психологический» стали использоваться чаще более чем в два раза (соответственно 651 и 3 535 словоупотреблений);
- по мнению авторов, из основных отечественных концепций получил большее распространение культурно-исторический подход Л. С. Выготского (частота использования его ключевых понятий нарастает), а для теории деятельности А. Н. Леонтьева и теории коллектива характерен противоположный тренд [там же: 103].

Коннов В. И. и Юревич М. А. проанализировали специфику научного цитирования в психологических международных («Psychological review» (PR) и «Journal of personality and social psychology» (JPSP) и российских («Вопросы психологии» (ВП) и «Психологический журнал» (ПЖ) журналах за период 2010—2012 гг. (Коннов, Юревич, 2014). В сводной таблице [там же: 45], отражающей особенности цитирования, одним из показателей стало «количество источников на одну статью». Его значения составляют соответственно для двух международных журналов — 107.73 (PR), 68.78 (JPSP), а для двух российских — 27.01 (ВП) и 34.32 (ПЖ). По мнению авторов, у более длинных (в 2—4 раза) списков литературы зарубежных авторов есть две причины: 1. более основательный подход к подготовке текста и 2. оказание поддержки коллегам для карьерного продвижения [там же: 46]. Наверное, не следует сбрасывать со счетов и то, что количество американских социологов, работающих в определенном «предметном поле» (например, в социологии семьи), как минимум, в разы больше, чем российских. Это тоже способствует более обширному цитированию в научной периодике.

Особенности цитирования в российской психологической/социологической научной периодике о семье

Наиболее цитируемые за рубежом психологические публикации посвящены моделированию ситуации в эксперименте, теориям когнитивных процессов с приведением экспериментальных данных, тестовым методикам и социально-психологическим теориям. Подавляющее большинство из них — статьи.

В России, напротив, наиболее цитируемы книги (включая учебную литературу). В ПЖ доминируют Ломов Б. Ф. и С. Л. Рубинштейн (но присутствует и Л. С. Выготский); в ВП — Л. С. Выготский (с двумя работами) и А. Н. Леонтьев. Иностранцы авторы (на русском языке) присутствуют только в ВП. Это М. Хайдеггер и В. Франкл [там же: 47—49].

По мнению авторов, «затяжной кризис российской науки» усилил ее «школьную» (по принципу «научных школ») организацию: Б. Ф. Ломов, чаще всего цитируемый в ПЖ, был организатором и первым директором Института психологии РАН, основателем ПЖ³. А у ВП тесные связи с факультетом психологии МГУ, первый декан

³ В настоящее время учредителем «Психологического журнала» является Федеральное государственное унитарное предприятие Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Наука.

которого (А. Н. Леонтьев) — один из наиболее цитируемых авторов этого журнала. Кроме этого, в современных российских условиях организации науки соискатели кандидатской степени, публикуясь в немногочисленных психологических журналах из перечня ВАК, для усиления своей позиции опираются на проверенные монографии классиков [там же: 50].

Наконец, при построении прогноза развития психологии к 2030 г. на основе опроса 50 экспертов (обладающих научной степенью и «достаточным опытом исследовательской и/или практической деятельности») [Журавлев и др., 2016: 45] отмечалось, что среди приоритетных/перспективных направлений психология семьи занимает весьма скромное положение. Так об активном развитии «семейной и гендерной психологии» в ближайшие годы есть только два упоминания (1% ответов); «семейные отношения» как сферу практического применения психологии отметили только три эксперта (соответственно 1,9%) [там же: 54, 57].

Авторский подход к анализу современных психологических/социологических исследований семьи

Сравнение российских психологических и социологических исследований семьи остается актуальным, а их предметная специфика на уровне дефиниций в словарях и энциклопедиях, как было показано ранее (Солодников, 1994), не может быть прояснена. Представляется эвристичным в рамках анализа использовать понятие парадигмы (по Т. Куну), отмечавшего не только необходимость наличия закона и теории, но и «их практическое применение и необходимое оборудование», предопределяющие возникновение конкретных «традиций научного исследования» [Кун, 1977: 29]. Тесно связано с ним понятие «нормальной науки»: «исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений..., которые в течение некоторого времени признаются определённым научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности [там же: 208].

Предпринятый ранее анализ позволяет говорить о двух наиболее общих парадигмах социально-гуманитарного знания. Для краткости в дальнейшем обозначим их как «естественно-научная» и «гуманистическая». Каждая из них обладает набором теоретико-методологических принципов и спецификой методов эмпирического изучения реальности (см. подробнее: Солодникова, Солодников, 2017).

Предмет данной статьи — эмпирические признаки парадигм, присутствующие в российских психологических и социологических исследованиях семьи. Выбор объекта исследования, прежде всего, — научных журналов (и соответствующих публикаций) диктовался двумя обстоятельствами: 1. необходимостью сохранения определенной преемственности с предыдущим анализом; 2. в связи с изменившейся ситуацией в области научных периодических изданий — введением четких и измеряемых критериев отбора журналов. Последнее оказалось возможным при использовании ресурса elibrary⁴.

⁴ С опорой на него определен временной интервал для сравнительного анализа — 2000—2016 гг. Именно с 2000 г. «оцифрованы» публикации журнала «Социологические исследования». К сожалению, оба психологических журнала не выкладывают полные версии статей в РИНЦе, а начало 2000-х гг. у них представлено только выборочным оглавлением (иногда почему-то на английском языке).

После ранжирования журналов с узкой специализацией (психология и социология) в рубрикаторе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и определения тех из них, которые обладают максимальными рейтингами в своей тематической области (в качестве ключевого параметра использовалось количество цитирований) выбраны четыре журнала (табл. 1). Рассматриваемые издания схожи: по количеству годовых выпусков (соответственно 16 и 12); по учредителям (издательство Наука и коллектив журнала/университет); представлены в базе SCOPUS, Перечне ВАК (в последнем случае — за исключением МР). Но социологические журналы: относительно молоды; более открыты для пользователей (выкладывают в сеть полные версии статей); обладают более высоким 5-летним импакт-фактором (но не количеством цитирований — при лидерстве «Социологических исследований» и более чем 6-кратном отставании МР от остальных). При этом МР обладает максимальным среди рассматриваемых журналов индексом Хирфендаля⁵ (т. е. в его публикациях более выражены ссылки на авторов, принадлежащих одной организации, в данном случае — НИУ ВШЭ) и наоборот, — вновь минимальным (в два с лишним раза меньше, чем остальные журналы) показателем индекса Хирша за 10 лет.

Таблица 1. Ключевые параметры журналов, выбранных для анализа

Параметр	Журнал			
	Вопросы психологии (ВП)	Психологический журнал (ПЖ)	Социологические исследования (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)	Мир России: социология, этнология (МР)
Учредитель	ООО «Вопросы психологии»	ФГУП...Наука	ФГУП...Наука	ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ
Выпусков за год	6	6	12	4
Год основания	1955	1980	1974	1992
Представленность on-line	Общее описание содержания + платный доступ	Аннотации статей + платный доступ	Полные тексты с 2000 года (с опозданием на 1,2 года после печати)	Полные тексты с 1992 года (одновременно с печатной версией)
Представленность в SCORPUS	+	+	+	+
Представленность в перечне ВАК	+	+	+	-
Раздел рубрикатора ГРНТИ	Общие вопросы психологии (15.01.00)	Психология (15.00.00)	Социология (04.00.00)	
Количество цитирований в РИНЦ	99991	59747	120680	8944
5-летний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования (на 2015 г.)	0.895	1.400	1.460	1.306

⁵ По этому показателю к нему приближается «Психологический журнал».

Параметр	Журнал			
	Вопросы психологии (ВП)	Психологический журнал (ПЖ)	Социологические исследования (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)	Мир России: социология, этнология (МР)
Индекс Херфиндаля по организациям авторов (2015 г.)	936	1137	418	1612
10-летний индекс Хирша (2015 г.)	22	23	22	10

Содержание «академических» и рейтинговых журналов, выбранных для анализа, может не в полной мере отражать всю картину российской социологии/психологии семьи, т. к. количество только научных журналов, индексируемых в РИНЦ на 30.01.2018 по психологии и социологии, составило соответственно 126 и 146.

Задача по отбору публикаций была несколько модифицирована. Требования незначительно смягчились за счет отказа от обязательного наличия авторских эмпирических данных и включения в анализ тематических обзоров научной литературы, изложения концепций иностранных авторов (но не информации о прошедших конференциях, конгрессах и т. п.). Критерии отбора публикаций были ужесточены: из подробного анализа были исключены статьи гендерной тематики, посвященные сексуальной культуре, нетрадиционной сексуальности, детству, проституции и другим «около семейным» сюжетам. Их количество будет только упомянуто в качестве фона для лучшего понимания общей картины.

В качестве методики исследования следует рассматривать облегченный вариант контент-анализа. Единицей анализа выступила отдельная публикация. Категориями анализа были тематика исследований (с использованием специального рубрикатора — см.: (Мацковский, 1989)); наличие авторских эмпирических данных; описание выборки; исследовательская стратегия (срез, повторное исследование, лонгитюд); использованные методики и методы, а также величина списка литературы (в целом и отдельно по авторам, описанным в кириллице и латинице) и наиболее цитируемые авторы (российские и зарубежные).

Единицы счета варьировали для каждой категории (от статьи для темы публикации до словосочетаний при описании объекта исследования и т. п.). Авторская парадигма квалифицировалась, прежде всего, по использованным методам получения данных и их обработки, но также по использованной исследовательской стратегии и особенностям выборки.

Результаты и их обсуждение

Сравним количество российских психологических и социологических публикаций, посвященных изучению семьи за выбранный временной интервал (табл. 2).

Абсолютный лидер по количеству публикаций семейной и гендерной проблематики — «Социологические исследования». Как в целом, так и по годам в нем публикуется больше статей по соответствующей тематике, чем суммарно в остальных трех журналах (напомним, «Социологические исследования» обладает наибольшей периодичностью).

Таблица 2. Социологические и психологические публикации, посвященные изучению семьи*

Год	Журнал			
	ВП	ПЖ	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	МР
1986	3 (2)	2	7 (2)	Основан в 1992 г.
1987	2 (1)	1	4 (2)	
1988	—	—	5 (3)	
1989	2 (2)	—	2 (4)	
1990	3 (1)	2	4	
1991	3 (2)	1	1 (1)	
1992	—	1	2 (1)	
ИТОГО:	13 (8)	7	25 (13)	
2000	4 (3)	3	8 (9)	1
2001	5 (3)	2	6 (6)	—
2002	—	1 (1)	14 (12)	—
2003	4 (2)	2 (2)	12 (7)	—
2004	4 (2)	1 (2)	8 (1)	1
2005	2 (2)	2 (1)	10	—
2006	8 (1)	(2)	6 (5)	—
2007	4	1 (3)	7 (3)	2
2008	2	3 (1)	14 (2)	1
2009	4	1	14 (2)	—
2010	8 (1)	1 (2)	15 (1)	2
2011	2 (2)	3	11 (3)	—
2012	2 (2)	3 (3)	10 (4)	—
2013	1 (2)	3	8 (2)	3
2014	3	1 (1)	15 (1)	2
2015	1	4 (2)	10 (4)	1
2016	—	2	6	—
ИТОГО:	54 (20)	33 (20)	(62)	13

* в скобках приведено количество «около семейной» тематики (в 2000-е гг. — преимущественно гендерной).

Для МР семейная (при полном отсутствии гендерной) проблематика периферийна — в течение девяти лет из анализируемых семнадцати она отсутствовала полностью. В последние четыре года интерес к ней сравним с интересом психологических изданий (1—3 публикации в год).

У всех изданий отсутствует устойчивый тренд, описываемый частотой публикаций (в т. ч. для трех журналов при сравнении с отрезком 1986—1992 гг.). Но есть две новации: 1. В ПЖ почти стабильно стали присутствовать статьи по гендерной тематике; 2. В журнале «Социологические исследования» выросло абсолютное количество публикаций как семейной, так и гендерной тематики (их резкий скачок отмечается в 2000—2003 гг. с последующим снижением).

Обратимся к количеству и полу авторов публикаций.

В качестве фона возьмем американские данные. В середине 1990-х гг. принят [Klein, 1996] анализ публикаций трех специализированных в области из-

учения семьи журналов («Journal of marriage and the family» (1939—1995), «Family relations» (1969—1995) и «Journal of family issues» (1981—1995)) с точки зрения пола авторов, их количества и дисциплинарной специализации⁶. Основные выводы резюмированы следующим образом:

- Примерное количественное равенство авторов — мужчин и женщин — достигнуто в 1980-е гг. и сохраняется во всех трех журналах;
- Сотрудничество ученых (количество авторов публикации) возросло практически линейно, как по частоте коллективных публикаций, так и по среднему размеру команды авторов;
- Гендерный состав авторских коллективов тоже изменился, появились публикации, в которых женщины-ученые являются первым автором. Однако полностью женские коллективы остаются наиболее редкими;
- Междисциплинарное сотрудничество умеренно возросло (особенно в рубрике Family Studies — аналог русскоязычной «Прикладные исследования (семьи)»), но оставалось, скорее, исключением.

Проследим динамику количества и гендерного состава авторов ведущих российских психологических и социологических журналов (табл. 3).

Таблица 3. **Количественный и гендерный состав авторов научных публикаций о семье, %**

Параметр	1939—1995 гг. (JMF, FR, JFI) N = 547	1986—1992 гг. (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ВП, ПЖ), N = 45	2000—2016 гг. (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, МР, ВП, ПЖ), N = 274
1 автор	54	76	64
2 автора	46	18	24
3+ автора		6	12
ИТОГО:	100	100	100
Только мужчина(ы)	48	69	13
Только женщина(ы)	9	24	72
Смешанный состав	43	7	15
ИТОГО:	100	100	100

Как видим, за прошедшие годы несколько сократилось (оставаясь доминирующим) количество «сольных» публикаций (оставшись самым высоким в журнале «Социологические исследования» — 75%), выросла доля статей с двумя и более авторами (с 24% до 36%). Тем не менее «коллективизм» даже современных российских публикаций о семье не достигает его значений, характерных для американских исследователей семьи в 1939—1995 гг.

⁶ Для анализа выбран каждый первый номер за каждые три года, что составило 8,5% всех публикаций. Рассматривались только научные статьи (без обзоров книжных новинок, беллетристики, редакционных статей и рекламы новых изданий). Общее количество составило 511.

Важно понимать, что в американской традиции изучения семьи помимо социологов и психологов присутствуют «исследователи семьи» (family scientists), преимущественно занятые на факультетах развития человека и исследований семьи (Human Development and Family Studies), а до этого работавшие на факультетах домашней экономики (Home Economics). Доля этих исследователей в анализируемых публикациях со временем неуклонно росла (табл. 4).

При этом групповые публикации, оставаясь преимущественно моно-гендерными, стали несколько более гетерогенны по полу соавторов (рост с 7 % до 15 %). И вновь это существенно ниже соответствующего американского показателя (43 %).

Таблица 4. *Научная принадлежность американских авторов публикаций о семье, %**

№	Временной интервал	Научная принадлежность авторов, %		
		Социологи	Психологи	Исследователи семьи
1	1939—1945	35	57	9
2	1946—1975	49	35	16
3	1976—1995	33	31	34

*Источник: D. Klein, частное письмо от 12. 01.2018. Публикуется с разрешения автора.

Наиболее радикальные изменения произошли в гендерном составе авторов. Социология и психология семьи из преимущественно «мужских» наук (69 % авторов) стали преимущественно «женскими» (72 %). Этот параметр, как и предыдущий, существенно отличается в меньшую сторону для МР: там «чисто женские публикации» составляют 46 % (а «сольные» — 38 %). В остальных трех журналах «женские» публикации составляют три четверти и более (при лидерстве ПЖ — 81 %).

«Феминизация» авторов не является уникальным феноменом, присущим социологическим и психологическим исследованиям семьи, но характеризует развитие российской психологии и социологии в целом. Так, например, С. Л. Прошанов, на основе анализа 888 защищенных в России докторских диссертаций по социологии за период 1990—2010 гг. отмечает, что «в первое десятилетие (1990—2000 гг.) в сообществе социологов преобладали мужчины. Доля женщин среди докторов социологических наук за эти десять лет составляла 27,8 %. Однако с начала 2000 г. до 2005 г. положение стало выравниваться. Почти 40 % диссертаций к защите было представлено женщинами. В 2005 г. количество защищающихся женщин-социологов достигло и несколько превысило количество защищающихся мужчин. Если тенденция сохранится, к 2020 г. российская социология станет по преимуществу наукой с «женским лицом»» [Прошанов, 2011: 32, 34].

Аналогично этому специальный анализ [Анцупов и др., 2014] защищенных в России докторских диссертаций по психологии за период 1935—2013 гг. ($N = 1\ 313$) помимо прочего выявил, что при продолжительном преобладании мужчин в защитах докторской степени, начиная с 2001—2005 гг. наблюдается обратная тенденция. Начиная с 2000 г. продолжающийся рост количества таких защит в целом обеспечивается за счет женщин. В результате в 2010—2013 гг.

мужчины защитили только 19,7% докторских диссертаций по психологии [Анцупов и др., 2014: 66—67]. Скорость этого процесса остается неизменной на протяжении последних 77 лет [там же: 69].

Для российских научных социологических и психологических публикаций о семье (в т. ч. по сравнению с американскими) характерно:

- Более выраженное (по сравнению с США) преобладание индивидуальных публикаций;
- В коллективных публикациях российских авторов доля таких, в которых присутствуют и мужчины, и женщины существенно ниже;
- Превращение социально-гуманитарной науки о семье в последние годы из «мужской» в «женскую». В США, согласно экспертной оценке Д. Клейна, «в середине 1980-х гг. А. Дж. Волкер и Л. Томпсон [Walker, Thompson, 1984] выразили озабоченность недостаточной представленностью в исследованиях семьи женщин-ученых. Десятилетие спустя наше исследование показало, что достигнуто гендерное равенство, хотя бы с точки зрения авторства публикаций в профессиональных журналах, посвященных науке о семье. Поэтому неудивительно, что сегодня в этой науке женщин-ученых больше, чем мужчин-ученых. Но в других областях науки этого вряд ли следует ожидать» (D. Klein, частное письмо от 4.02.2018. Публикуется с разрешения автора);
- Междисциплинарное сотрудничество, умеренный рост которого отмечался американскими учеными (специально и более подробно рассмотрим позднее).

Теперь рассмотрим тематику публикаций, посвященных исследованию семьи (табл. 5). Для этого воспользуемся разработанным ранее рубрикаторм (укрупнив его) и данными, приводимыми в нем [Мацковский, 1989: 111—113].

Сначала остановимся на изменении тематики социологических исследований семьи. Увеличилась доля исследований проблемных семей, отношений с родственниками и/или ближайшим социальным окружением, взаимодействия семьи с другими социальными институтами (школа и дошкольные учреждения, сфера бытового обслуживания и т. п.), разводимости, а также ее типов/структуры. При этом последние три тенденции наиболее выражены в МР, а первые две характерны только для журнала «Социологические исследования». Сократилась доля исследований, связанных с социальной (классовой, этнической, региональной и т. п.) дифференциацией семьи. Наконец, разнонаправленными являются изменения исследований функций семьи: в журнале «Социологические исследования» их количество сократилось, а в МР они составляют почти половину всех публикаций (при этом основное внимание уделяется экономической функции семьи).

Обратившись к тематике психологических исследований семьи, отметим, две наиболее популярные темы (семья и личность; межличностные отношения в семье). Их доля среди всех проводимых психологами исследований семейной тематики в 3—7 раз превышает долю социологических исследований. Две эти темы исчерпывают более половины всех российских психологических исследований семьи. В целом тематические профили исследований семьи двух психологических журналов похожи. Так, ВП больше внимания уделяют функциям семьи (но гораздо

меньше, чем социологи), а ПЖ — жизненному циклу семьи, а также методологии/методике ее исследования.

Таблица 5. Тематика научных социологических и психологических публикаций о семье, %

№	Тема	Источник				
		ВП	ПЖ	Мацковский М. С., 1989	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	МР
1	Семья и общество	2	-	16	18	8
2	Семья и социальные институты	2	-	1	4	8
3	Численность, структура, типы семьи	7	6	3	8	15
4	Функции семьи	5	-	27	14	46
5	Отношения: родственно-семейные и с ближайшим социальным окружением	-	3	1	7	-
6	Семья и личность	33	15	10	8	7
7	Межличностные отношения в семье	25	41	5	6	-
8	Жизненный цикл семьи	2	9	8	8	8
9	Развод	-	-	1	3	8
10	Социальная дифференциация семейных отношений	11	9	17	10	-
11	Проблемные семьи	-	-	3	9	-
12	Методология и методика исследований	13	17	8	5	-

Если говорить о содержащихся в анализируемых публикациях авторских эмпирических данных, то они присутствуют более чем в $\frac{3}{4}$ текстов (минимальная доля — у журнала «Социологические исследования» — 78%, максимальная — у ПЖ — 94%). Таким образом, «латентным нормативом» публикации о семье в ведущих социологических/психологических журналах является наличие авторских эмпирических результатов или анализа базы данных «чужого» (обычно масштабного, репрезентативного и количественного) исследования.

Приведенные данные о тематике и «эмпирической аргументации» проводимых социологами/психологами исследований семьи выявляют некоторые признаки (не всегда прямые и однозначные) соответствующих парадигм. Рассмотрим подробнее более частные эмпирически верифицируемые методические и методологические их индикаторы.

Проанализируем цитирования: их количество в целом и состав цитируемых авторов (табл. 6). Отметим, что в 2015 г. для журнала «Социологические исследования» характерно минимальное среднее количество ссылок в статьях ($N=16$) в списках цитируемой литературы (близкое к «ВП», $N=22$). Остальные два журнала очень близки друг к другу по этому показателю ($N=36/37$). Статьи о семье за 2015 г. у психологов содержат не меньше цитат, чем остальные публикации (а в ВП даже больше). Социологи, занимающиеся изучением семьи, ссылаются на коллег реже (особенно в МР). По мнению некоторых авторов, большой список цитирований свидетельствует о более тщательной подготовке текста и/или о стремлении цитировать коллег с целью карьерного продвижения [Коннов, Юревич, 2014:46].

Таблица 6. Цитирования в социологических и психологических публикациях о семье

№	Признак	Журнал			
		ВП	Ж	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	МР
1	Среднее число ссылок в списках цитируемой литературы (по данным РИНЦ, 2015 г.)	22	36	16	37
2	Среднее общее количество ссылок в публикациях о семье (2015 г.)	28	36	14	25
3	Среднее общее количество ссылок в публикациях о семье (2000—2016 г.г.)	19	26	12	32
4	Из них на русском языке	13	13	8	19
5	Из них на иностранном языке	6	13	4	13

Для публикаций по семейной тематике за 2000—2016 гг. иерархия журналов практически сохраняется, но начинает лидировать МР ($N=32$). При этом почти универсальной тенденцией (за исключением МР) является меньшее (1.2—2 раза) количество ссылок по сравнению с аналогичным показателем каждого из журналов за 2015 г., как в целом, так и относительно публикаций о семье.

При этом только в ПЖ сохраняется паритет русских и иностранных ссылок⁷. В остальных журналах российские авторы преобладают над иностранными в 1,5—2 раза. Примечательно, что четверть века назад только треть психологических публикаций о семье обладала ссылками на иностранные источники [Солодников, 1994: 133]. Сейчас, напротив только 22 % публикаций ВП и 12 % ПЖ не содержат таких ссылок.

Теперь обратимся к авторам, наиболее цитируемым в публикациях о семье (табл. 7).

Сначала отметим, что из 46 наиболее цитируемых во всех изданиях авторов только 8 являются «междисциплинарными», т. е. цитируются и в психологических и в социологических журналах. Среди них — подавляющее большинство — социологи (Антонов А. И., Голод С. И., Дементьева И. Ф., Здравомыслова Е. А. Римашевская Н. М. и др.). Из «чистых» психологов в этом перечне только А. Я. Варга и демограф — С. В. Захаров. Междисциплинарность работ И. С. Кона никогда не вызывала сомнений.

Для количественной оценки этой тенденции построен простейший индекс (см. примечания к табл. 7). По этому параметру оказались близки два социологических журнала и ВП. В то же время оба психологических издания в большей степени привержены дисциплинарным границам (цитируют тех же авторов — Брутман В. И., Выготский Л. С., Захаров А. И., Ослон В. Н., Прихожан В. М. и др.), а для ПЖ характерна максимальная уникальность (цитирование только авторов «своего» журнала — Ляксо Е. Е., Сергиенко Е. А., Махнач А. В. и др.).

⁷ В качестве иностранных ссылок в данном случае учитывались только выполненные в латинице.

Таблица 7. Наиболее цитируемые российские авторы научных социологических и психологических публикаций о семье

№	Наиболее цитируемые российские авторы*	Журнал			
		ВП	ПЖ	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	МР
1	Антонов А.И.	2		32	1
2	Архангельский В. Н.			8	
3	Безрукова О. Н.			11	
4	Брутман В. И.	2	4		
5	Варга А. Я.	9	3	2	
6	Волков А. Г.				8
7	Выготский Л. С.	10	2		
8	Голод С. И.	2		26	1
9	Горьковская И. А.		6		
10	Гурко Т. А.			40	3
11	Дементьева И. Ф.	1		6	2
12	Захаров А. И.	5	3		
13	Захаров С. В.	1		8	8
14	Здравомыслова Е. А.	1		3	2
15	Карцева Л. В.			6	
16	Ковалева Ю. В.		7		
17	Кон И. С.	14		14	
18	Константиновский Д. Л.			4	2
19	Левкович В. П.		7		
20	Лисовский В. Т.			6	
21	Лысова А. В.			11	
22	Ляско Е. Е.		16		
23	Махнач А. В.		8		
24	Мацковский М. С.			5	1
25	Медков В. М.			15	1
26	Носкова А. В.			9	
27	Овчарова Л. Н.				10
28	Ослон В. Н.	7	1		
29	Прихожан А. М.	7	3		
30	Римашевская Н. М.	1		11	2
31	Ромицына (Скворцова) Е.Е.		7		
32	Рощина Я. М.			2	4
33	Сергиенко Е. А.		14		
34	Синельников А. Б.			7	1
35	Собкин В. С.	10		8	
36	Соколова Е. Т.	5	2		
37	Солдатова Г. В.	3	3		
38	Столин В. В.	7	2		
39	Темкина А. А.			4	2
40	Толстых Н. Н.	4	3		
41	Филиппова Г. Г.	4	4		
42	Харчев А. Г.			14	
43	Холмогорова А. Б.	16			
44	Чернова Ж. В.			11	
45	Эйдемиллер Э. Г.	12	9		
46	Юстицкий(ий) В.В.	5	4		
47	Ярская Е. Р.	1		2	4
	ИТОГО:	129	108	265	52
	Индекс междисциплинарности**:	32	3	43	38
	Индекс дисциплинарной приверженности***	55	37	29	27
	Индекс уникальности****:	13	60	28	35

* из 192 авторов были отобраны 46, цитируемые чаще среднеарифметического суммарно по всем журналам (6 и более раз).

** Индекс междисциплинарности (%): доля ссылок на междисциплинарных (цитируемых психологами и социологами) авторов по отношению к общему количеству ссылок, умноженная на 100.

*** Индекс дисциплинарной приверженности (%): доля ссылок на авторов, цитируемых только психологами или социологами, по отношению к общему количеству ссылок, умноженная на 100

**** Индекс уникальности (%): доля ссылок на авторов, цитируемых только в этом журнале по отношению к общему количеству ссылок, умноженная на 100.

Наиболее цитируемыми российскими авторами являются для: ВП — Холмогорова А.Б. («уникальный» автор) и Кон И.С. («междисциплинарный»); для ПЖ — Ляксо Е.Е. и Сергиенко Е.А. («уникальные» авторы). Примечательно, что только Л.С. Выготский упоминается среди наиболее цитируемых психологов в соответствующих психологических журналах [Коннов, Юревич, 2014: 48] в течение 2010—2012 гг. Это может быть следствием тематической специфики публикаций, увеличивающей вероятность самоцитирования (эмоциональные состояния подростков и родительские параметры — Холмогорова А.Б., но также статья в соавторстве о замещающих семьях; речевое взаимодействие матери с ребенком первого года жизни — Ляксо Е.Е.; психологическая адаптация женщин, перенесших аборт — Сергиенко Е.А.; отбор кандидатов в замещающие родители — Махнач А.В. и др.). Но отсутствие таких «пересечений» среди наиболее цитируемых авторов может свидетельствовать и об относительной автономии «общей» и «отраслевой» («семейной») психологии. Вместе с тем, отметим, что у Л.С. Выготского нет специальных работ, посвященных анализу функционирования семьи, детско-родительскому взаимодействию и т.п. Фокус его научных интересов — культурно опосредованное психическое развитие ребенка.

Наконец, следует отметить усиление внутридисциплинарного взаимодействия психологов в исследованиях семьи. Если почти четверть века назад число авторов, цитируемых более двух раз в течение семи лет [Солодников, 2001: 13], было невелико (11- ВП и 6 — ПЖ), а их «объединительной» фамилией была — Столин В.В., то сейчас, кроме него, таких авторов еще одиннадцать; при этом перечень наиболее цитируемых авторов обновился практически полностью.

Для журнала «Социологические исследования» наиболее часто цитируемые авторы — Гурко Т.А. («внутридисциплинарный» автор) и Антонов А.И. («междисциплинарный»); для МР — Овчарова Л.Н., Волков А.Г. («уникальные» авторы) и Захаров С.В. («междисциплинарный»).

Таким образом, если для ПЖ (и МР — в меньшей степени) характерно стремление к соблюдению не только дисциплинарных, но и внутривидовых границ, то для журнала «Социологические исследования», напротив, как и четверть века назад, наиболее выражена тенденция междисциплинарной открытости. Но при этом, если единственной (не считая Ф. Энгельса) «объединительной» с психологами фамилией была — Шмелев А.Г. [Солодников, 2001: 14], то сейчас «общих авторов» стало десять. Наряду с этим в публикациях «Социологических исследований» прослеживается выраженная преемственность традиции (по сравнению с психологами). Тройка явных лидеров цитирования (Харчев А.Г., Мацковский М.С., Голод С.И.), выделенных ранее [Солодников, 1994: 132], по-прежнему «в обойме», но уступила первенство Гурко Т.А. и Антонову А.И., которые тогда тоже были наиболее цитируемыми авторами.

Если попытаться оценить те же тренды на материале зарубежных (изданных на русском языке) авторов (табл. 8)⁸, то данные о МР (видимо, в силу их малочисленности) отличаются крайними значениями.

⁸ Анализ ссылок на непереведенные публикации зарубежных авторов может выступить в качестве отдельной задачи и может дать иные результаты.

Таблица 8. Наиболее цитируемые зарубежные авторы научных социологических и психологических публикаций о семье

№	Наиболее цитируемые иностранные авторы (на русском языке)*	Журнал			
		ВП	ПЖ	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	МР
1	Беккер Г.			2	1
2	Берн Ш.	2	1		
3	Бернс Р.	1	2		
4	Боулби Дж.	4	3		
5	Бурдые П.			4	1
6	Гидденс Э.			5	
7	Коулман Дж.			3	
8	Матейчек Э.	4	3		
9	Мид М.	5		4	
10	Сорокин П. А.	1		3	
11	Фрейд З.	2	1		
12	Фромм Э.	2	1	1	
13	Фуко М.			3	
14	Энгельс Ф.	1		6	
15	Эриксон Э.	4	4		
ИТОГО:		26	15	31	2
Индекс междисциплинарности***:		35	7	45	0
Индекс дисциплинарной приверженности****:		65	93	20	100
Индекс уникальности*****:		0	0	35	0

* из 55 авторов были отобраны 15, цитируемые чаще среднearифметического суммарно по всем журналам (3 и более раз).

*** Индекс междисциплинарности (%): доля ссылок на междисциплинарных (цитируемых психологами и социологами) авторов по отношению к общему количеству ссылок, умноженная на 100.

**** Индекс дисциплинарной приверженности (%): доля ссылок на авторов, цитируемых только психологами или социологами, по отношению к общему количеству ссылок, умноженная на 100

***** Индекс уникальности (%): доля ссылок на авторов, цитируемых только в этом журнале по отношению к общему количеству ссылок, умноженная на 100.

Для психологических журналов в 3—4.5 раза более выражена тенденция к цитированию иностранцев-классиков, чаще относимых к психологам (Берн Ш., Бернс Р., Боулби Дж., Матейчек Э., Фрейд З. и абсолютный лидер — Эриксон Э.), при полном отсутствии «своих», внутрижурнальных, предпочтений. Попутно отметим, что при общей приверженности «психологичным» иностранцам, в их ряду отсутствует М. Хайдеггер, который (наряду с Э. Фроммом) чаще всего цитируется в ВП [Коннов, Юревич, 2014: 48]. Это вновь может свидетельствовать об относительной автономии отраслевой психологии семьи и психологии в целом.

Для журнала «Социологические исследования» характерны крайности: при умеренно выраженной приверженности цитированию «чисто социологических» авторов (Беккер Г., Бурдые П.) максимальными являются значения междисциплинарного (Мид М., Сорокин П. А., Фромм Э., Энгельс Ф.) и уникального цитирования (Гидденс Э., Коулман Дж., Фуко М.).

Говоря о стратегии эмпирического исследования, выделим три ее основных вида: «срез», повторная и лонгитюд. Если четверть века назад отмечались единич-

ные случаи использования какой-либо стратегии, помимо «среза» [Солодников, 1994: 134], то теперь ситуация изменилась (табл. 9).

Таблица 9. Стратегии исследования в социологических и психологических публикациях о семье, %

№	Наиболее цитируемые иностранные авторы (на русском языке)*	Журнал			
		ВП	ПЖ	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	МР
1	«Срез»	67	82	68	46
2	Повторное	—	—	8	39
3	Лонгитюдное	4	12	4	—
4	Без авторской эмпирии	29	6	20	15

По этому параметру более гомогенными выглядят социологические журналы: почти каждая пятая публикация о семье не содержит авторского эмпирического исследования, а преобладающей (модальной) стратегией является «срезовая», доминирующая в журнале «Социологические исследования».

Отмечено только 14 случаев использования повторных исследований (Ржаницына, 2015; Меренков, 2013; Филоненко, Лепин, 2013; Гурко, Орлова, 2011; Голод, 2008; Дементьева, 2001 и 2008; Шаханова, 2008 (без сравнения данных); Дерман, 2007; Митрикас, 2004; Тихонова, 2003; Виноградский, Виноградская, 2002 (две публикации); Бодрова, 2002; Лисовский, 2002). Еще реже встречается использование лонгитюдной стратегии (обычно предполагающей два «среза») — 4 случая (Исупова, 2015; Чурилова, 2015; Каримова, 2007; Лыткина, 2004).

Для МР иерархия используемых стратегий исследования сохраняется, однако лонгитюды не встречается совсем, а «срезы» используются чуть чаще (6 случаев), чем повторные исследования (5 случаев).

У психологов картина иная. С одной стороны, как и у социологов, в психологических изданиях еще ярче выражено доминирование «срезовой» стратегии: в ВП — 67 %, а в ПЖ — 82 % публикаций. Однако в обоих изданиях совсем нет повторных исследований, но в ВП есть два случая лонгитюдных данных (Киселева, 2015; Мещерякова, 2000); а в ПЖ — четыре лонгитюда, но одного автора (Ляксо, 2002, 2003, 2005; Ляксо и др., 2006).

Далее (при наличии авторских эмпирических данных) обратимся к описанию объекта исследования и его выборки (в т. ч. репрезентативности). Ранее [Солодников, 1994: 133] отмечались многочисленные погрешности в описании объекта исследования, в большей степени присущие психологическим публикациям (отсутствие эксплицированного описания в целом, или даже количества опрошенных, не говоря об их возрасте, этнической принадлежности, брачном статусе, уровне образования и т. п.). Теперь таких грубых пробелов в описании

объекта исследования стало меньше, но они по-прежнему встречаются и вновь чаще в психологических публикациях (особенно — в ВП).

Так, в ВП часты такие описания объекта: младшие школьники и подростки: дети из детдомов 2-х типов (30 и 25 человек) и дети из семьи (40 и 30 человек; из обычной и спецшколы) без указания их пола [Радина, 2000: 25]; около 500 школьников Москвы и Подмосковья [Абраменкова, 2003: 105]; отсутствие описания объекта [Каширская, 2003]; 253 родителя детей-дошкольников [Пороцкая, 2004]; 2983 учащихся 7, 9 и 11 классов (возраст 14—18 лет)⁹ московских общеобразовательных школ [Собкин, 2006: 56]; 416 детей, объединенных в четыре поло-возрастные группы (Калина, Холмогорова, 2007); 87 семей, обратившихся в органы опеки и попечительства¹⁰ [Палиева, Соломатина, 2010: 147]; «работа проводилась индивидуально с детьми и родителями... (исследовано) 30 семей с детьми 6—7 лет, всего 390 человек»¹¹ (с. 22, 24), 166 женщин и 140 мужчин (с указанием их среднего возраста и возрастного диапазона) (17—52 года) из двух российских городов [Знаков, 2010: 92] и т. п.

В ПЖ: 400 психически здоровых подростков из трех российских городов [Вассерман, 2000: 88]; 147/145 беременных женщин [Васильева, 2001: 88]; 70 подростков и взрослых в возрасте 9—30 лет с заиканием, а также их родители и родственники — всего 165 человек [Карпова, 2008: 112] и т. п.

В журнале «Социологические исследования»: при изучении репродуктивной мотивации женщин (680 респондентов из трех районов Санкт-Петербурга) (Безрукова, 2000); 85 пожилых москвичей (Краснова, 2000); количество женщин Москвы и других городов, различавшиеся по деловой активности (Турецкая, 2001); количество школьников Подмосковья (Дементьева, 2001) и т. п. или же объект и метод исследования не описывается совсем (Козлова, 2011).

Возможно, в некоторых случаях (например, при разработке нового исследовательского инструментария или реализации экспериментального плана исследования), может быть, достаточно половозрастных характеристик респондентов. Но приведенные выше примеры касались исследований, направленных на выявление содержательных особенностей семейных отношений. А в таком случае, как для понимания ограниченности эмпирических данных, так и для их сравнения с результатами других исследований, нужно более подробное описание объекта (брачный статус, стаж брака, (не)биологическое родство, (не)первый брак, количество детей, этнос, образование супругов и т. п.).

Если в МР подобных описаний объекта исследования не встречается совсем, в «Социологические исследования» и в ПЖ они относятся большей частью к началу 2000-х гг., то в ВП их примеры можно обнаружить вплоть до 2010 г.

На наш взгляд, специального внимания заслуживает упоминание авторами исследований семьи *способа построения выборки*, предполагающего ее квалификацию как (не)репрезентативной. Ранее отмечались лишь единичные попытки авторов в явном виде обсудить репрезентативность своих данных. Корректными

⁹ Без указания их пола, но с последующим анализом раздельно по юношам и девушкам.

¹⁰ При этом остается неясным, что имелось в виду под «семьей».

¹¹ И вновь неясно, что означала «семья» для авторов.

описаниями построения репрезентативной выборки были признаны лишь две социологические публикации [Солодников, 1994: 133—134].

По этому параметру сейчас социологи вновь, но уже более явно опережают психологов.

При этом наилучшим образом дело обстоит в МР: в 6 статьях корректно описывается репрезентативная выборка (наиболее часто — Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РЭМЗ) и Левада-Центра — трех волн европейского исследования, включающего Россию). Только в одном случае скупо констатируется, что исследование является «репрезентативным для всей страны» [Захаров, 2007: 76]. Можно предположить, что имелась в виду первая волна исследования 2004 г., выборка которого впоследствии была описана корректно и развернуто (Захаров, Чурилова, 2013).

В остальных случаях либо авторская эмпирия отсутствует (Овчарова, 2008; Смирнов, 2010), либо корректно описывается целевой характер выборки (Ипатов, Тынди, 2015; Дюпра-Куштанова, Лутошкина, 2014; Очкина, 2010; Ярская-Смирнова, Романов, 2004; Радаев, Барсукова, 2000).

В публикациях журнала «Социологические исследования» сегодня корректных описаний репрезентативной выборки стало больше ($N=16$). Например: «Общее количество опрошенных — 1260 человек (далее распределение по половым, этническим и возрастным группам — прим. — В.С.)... В качестве генеральной совокупности выбрано общее количество расторжений браков в год, предшествовавший опросу (2008 г. — 15 671 развод). Ошибка выборки 2,5%; выборка случайная, бесповторная [Зарипова и др., 2011: 96]. Еще один пример: «генеральная совокупность исследования — матери, имеющие одного ребенка от 3-х до 7 лет, проживающие в городах Центрального федерального округа РФ. Выборка исследования комбинированная — многоступенчатая и квотная... квота по структуре семейной ячейки в выборке: 65% — нормативные, 10% — сводные и 25% — материнские... Общая выборочная совокупность — 600 матерей. В целях сравнения столицы и регионов был предусмотрен опрос половины матерей в Москве и половины в выбранных областных городах (по 100 матерей в каждом)...» и т. д. [Гурко, 2014: 78]. В некоторых исследованиях используются выборочные данные «чужих» известных исследований или измерителей (РЭМЗ, ВЦИОМ).

В то же время ряд авторов называет (а редакция журнала, видимо, с этим соглашается) свою выборку случайной, не поясняя способа ее построения, не упоминая генеральной совокупности и т. п., что вряд ли оправдано (Сухих, Чеха, 2011; Скворцова, Зубкова, 2010; Козлова, 2009; Шахбанова, 2008; Вдовина, 2005) и др.

Еще в части публикаций выборка описана неполно или некорректно, например: «в качестве генеральной совокупности взято все российское общество, в качестве обследуемой совокупности — население Татарстана... Обоснованность выводов подтверждается репрезентативностью выборки по основным характеристикам — полу, социальному и профессиональному составу и пространственной локализации» [Карцева, 2003: 9—10].

В ряде случаев авторами эксплицировано признается целевой нерепрезентативный характер выборки (и такие статьи с наличием авторской эмпирии составляют большинство): «целеориентированная» (Елютина, 2010); нерепрезентативная,

самовыборка читательниц журнала (Голод, 2008); «преднамеренная» (Лялюгене, Рупшене, 2008); «целевая теоретическая» (Луныкова, 2001) и т. п.

У российских психологических исследований семьи с репрезентативностью данных дела обстоят хуже. Прежде всего, это касается ВП, где не удалось обнаружить ни одной попытки построения репрезентативной выборки. В ПЖ встречается только один случай передачи «поля» на аутсорсинг в Левада-центр (Солдатова, Рассказова, 2016) с построением всероссийской репрезентативной выборки. Досадным «сбоем» выглядят описание выборок, квалифицируемых как «случайные» [Левкович, 2008: 42; Левкович, 2009: 88; Левкович, 2011: 111], в которые попали супружеские пары, члены которых состоят в первом браке, ограниченные по продолжительности брака, возрасту и уровню образования.

В остальных случаях в обоих психологических журналах при описании объекта исследования отсутствуют указания на целевой нерепрезентативный характер выборки. Наиболее часто в качестве объекта таких исследований выступают дети (основными характеристиками которых являются количество и возраст; пол упоминается уже реже, а остальные параметры, включая особенности родительской семьи, отмечаются в единичных случаях), иногда совместно или параллельно с родителями. Характеристики родителей чуть более подробно описываются в ПЖ. В целом для психологов, изучающих семью (и особенно публикующихся в ВП), ключевым объектом исследования являются именно дети. Родители или супруги практически не выступают в качестве такового¹², и являются «фоном» для изучения детей.

Обращение к используемым методам исследования семьи вновь, как и ранее (Солодников, 1994) не только у социологов, но и у психологов обнаруживает абсолютное доминирование опроса (преимущественно в форме анкеты). При этом для публикаций журнала «Социологические исследования» (к сожалению, без учета временной динамики) остается характерным отсутствие указания на тип опроса (26 % статей), использование анкеты (27 %), интервью (20 %). В 15 % публикаций используемый автором метод совсем не указан [Бурова, Демидова, 2008: 100]¹³.

При этом для социологов вторым по популярности остается метод анализа документов, редко с использованием его формализованной версии, например, контент-анализ материалов интервью (Попова, 2013).

Эксперимент используется в единичных случаях и либо является методическим (Рогозин, 2006), либо при описании контрольной группы указывается только количество человек (Ильяшенко, 2003). Наблюдение не используется совсем.

У психологов первые два места тоже занимают опрос и анализ документов. Особенности использования опроса рассмотрим позже при характеристике методики исследования. Здесь же отметим, что у социологов в качестве документов обычно выступают официальные (в т. ч. научные) тексты и созданные респондентами. У психологов спектр документов (точнее — «продуктов деятельности») шире: это могут быть звуки, подвергаемые спектрографическому анализу (Ляксо, 2002;

¹² Исключением являются публикации В. П. Левкович [Левкович, 2004; 2008; 2009; 2011], посвященные изучению молодых супружеских пар с их более подробным социально-демографическим описанием.

¹³ Авторы анализируют 136 публикаций, но сумма в процентах составляет 120 %, поскольку в некоторых исследованиях использовалось более одного метода.

Ляксо и др., 2003; Ляксо, 2005) или выполнение заданий с использованием специальной доски с фигурками (Шведовская, Загвоздкина, 2014).

Но если авторы ПЖ, как и социологи, при исследовании семьи не используют *наблюдение*, то в публикациях ВП оно использовалось четыре раза. Однако его параметры описаны весьма скупо: «клинические наблюдения» [Варга, Федорович, 2010: 64]; в ходе «игродиагностики» (Трущкина, 2010); стандартизированное наблюдение в 24 ситуациях (Мещерякова, 2000) или без упоминания вида (Петровский, Полевая, 2001).

В отличие от социологов психологи чаще декларируют использование *эксперимента* («квази» в интерпретации Д. Кемпбелла), используя экспериментальную и контрольную группы, описывая (не)зависимые переменные (Леонтьев и др., 2014; Бакланова, 2012; Гриценко, Молчанова, 2010; Николаева, Меренкова, 2010; Николаева, Меренкова, 2015; Соболева, Батуев, 2004; Луценко, Цокота, 2013; Бакланова, Муханова, 2011; Левкович, 2004; Сухарев и др., 2003). Но в ряде случаев описание исследования вряд ли может быть квалифицировано даже как «квазиэксперимент». Например, при отсутствии описания экспериментальной/контрольной групп или (не)зависимых переменных говорится о «формирующем и исследовательском эксперименте» [Карпова, Янченко, 2008]; о проведении с середины 1970-х гг. экспериментального анализа [Абраменкова, 2003: 105]; упоминается «однократное экспериментально-психологическое обследование» [Аббков и др., 2004: 46] и т. п.

Далее представляется важным проследить корректность описания использования конкретной *методики исследования* (при наличии авторской эмпирии): описание пилотажа новой авторской методики, либо ссылки на использование ранее апробированной (в т. ч. авторской).

Ранее [Солодников, 1994: 134] социологи при проведении эмпирических исследований только один раз ссылались на уже *апробированные/разработанные методики или пилотаж авторских*. Сегодня, несмотря на по-прежнему относительную непопулярность такой методической рефлексии ситуация изменилась: в 20 статьях журнала «Социологические исследования» есть такие ссылки. Чаще всего при этом понимается использование чужих ранее разработанных российских или адаптированных зарубежных (в т. ч. психологических) методик (Кулагина, 2016; Авдеева, 2012; Гурко, Орлова, 2011; Багнетова, 2011; Дик, 2010; Истомина, 2010; Лысова, 2006; Виноградский и др., 2002). Реже используются формулировки вопросов (варианты ответа) международных исследований (Сизова, Егорова, 2016; Балабанов и др., 2009; Митрикас, 2004; Прокофьева, Валетас, 2002; Бадыштова, 2002). Наконец, имеются ссылки на пилотаж авторского опросного инструментария (Гурко, 2014; Климова, 2002; Краснова, 2000). При этом упоминается либо сам факт пилотажа, либо его респонденты, участвовавшие на этом этапе исследования, охарактеризованные по социально-демографическим параметрам. Имеются примеры неполного и/или формального описания использованной методики: ссылка на модель родительства, описанную ранее (Безрукова, 2016); упоминание о том, что «исследование проведено в три этапа с обработкой методики и углублением его программы» [Карцева, 2003: 10]; замечание о проведении исследования

по специально разработанной (Горлач, 2002) или стандартизированной анкете в комбинации с интервью (Луныкова, 2001).

В немногочисленных публикациях МР о семье по одному разу используются «оригинальный вопросник... на английском языке (разработанный) экспертами консорциума...» [Захаров, 2007: 77] и ранее апробированная методика измерения бюджетов времени (Радаев, Барсукова, 2000).

У психологов при изучении семьи ситуация с этим методическим разделом публикаций была лучше: зафиксировано четыре случая использования ранее разработанного измерительного инструментария [Солодников, 1994: 134]. Сейчас их «отрыв» от социологов только увеличился.

В обоих психологических изданиях практически стало нормальным ссылаться на ранее разработанные и валидизированные (зарубежные или авторские) методики. Если же они используются в сочетании с новой авторской измерительной техникой, приводится ее описание (вплоть до формулировок вопросов и процедуры создания). Недочеты единичны и несравнимы с промахами социологов. Так, при использовании оригинального зарубежного инструментария отмечается только факт его перевода и дается ссылка на методологию (Солдатов, Рассказова, 2013); или упоминается опросник С. Хартер, но без ссылки и его описания (Радина, Терешенкова, 2006); или при использовании оригинального авторского инструментария говорится о продолжении «цикла наших работ» [Собкин, Баранова, 2006: 56], наконец, описана общая структура и приведены отдельные вопросы авторской анкеты (Смирнова, Быкова, 2000). Примечательно, что все приведенные примеры касаются ВП.

Еще одним важным косвенным признаком парадигмы исследований семьи, на наш взгляд, являются *названия журнальных рубрик* соответствующих публикаций. В журнале «Социологические исследования» публикации в «профильной» рубрике («Социология семьи (и гендерные исследования)»¹⁴) составляют 62%. Вместе с тем обращает на себя внимание значительная представленность публикаций о семье в таких рубриках как «Факты, комментарии, заметки» (9%) и «Первые шаги» (6%). При этом единственная публикация иностранного автора была размещена в разделе «Теория и методология» (Сасаки, 2014). А к «методам социологических исследований» были отнесены только две статьи (Лысова, 2007; Рогозин, 2006).

По контрасту с этим в МР все статьи, посвященные семье, размещены в непрофильной рубрике, связанной с образованием, обществом, властью, инновационным потенциалом России или совсем не имеют ее.

У психологов ситуация выглядит более согласованной. В ВП практически модальной рубрикой статей, посвященных изучению семьи, является «Возрастная и педагогическая психология» (48% публикаций). К ней примыкают разделы «Тематические сообщения» (28%). Обращает на себя внимание относительно сла-

¹⁴ В ряде случаев редакция журнала называла рубрику «Социология семьи Гендерные исследования» или в оглавлении опубликованных статей за год помещала публикацию в две рубрики. Тогда подробному анализу подвергались публикации, относящиеся только к социологии семьи, и предпочтение отдавалось рубрикации отдельного номера журнала. В редких случаях статьи из рубрики о гендерных исследованиях были отнесены к семейной тематике — см. напр. [Пау-Эффингер, 2003; Тихонова, 2003; Закирова, 2004; Лыткина, 2004; Балабанова, 2005; Дадаева, 2005; Голод, 2009; Климова, 2009]. Только одна публикация, размещенная редакцией в рубрике «Социология семьи» [Тюрина, 2002], была признана непрофильной.

бая представленность семейной тематики в разделах «Методики» и «Теоретические исследования» — по две публикации в каждом.

В ПЖ доминируют рубрики «Психология развития» (27 % статей), «Социальная психология/Психология и общество» (21 %) и «Психология личности» (12 %). К разделу «Методы и методики» редакцией были отнесены четыре (12 %) статьи о семье.

Таким образом, семья психологами изучается преимущественно сквозь призму личности (ее возрастных особенностей и положения в обществе). Четверть века назад ситуация в российской социологии/психологии была схожая — встречались единичные публикации в специфических тематических рубриках [Солодников, 1994: 132]. Теперь у психологов она только ухудшилась. А у социологов ситуация с использованием специфического тематизирования соответствующих исследований противоречива. В журнале «Социологические исследования» преобладают публикации с отнесением к специфической рубрике, что следовало бы рассматривать как формальный показатель большей зрелости этой отраслевой социологии (резко возросшей по сравнению с периодом четвертьвековой давности). Но в МР специфическая рубрикация совсем отсутствует.

При этом важным отличием российских психологических/ социологических исследований семьи является более выраженная озабоченность первых своей методической оснащенностью, в т. ч. связанной с разработкой надежных стандартизированных опросников.

Далее на основе ранее выделенных признаков используемых исследователями методов [Солодникова, Солодников, 2017: 105—106] постараемся эксплицировать парадигму социологов и психологов при изучении семьи. В обобщенном виде полученные данные представлены в табл. 10.

Таблица 10. *Парадигмы российских социологических и психологических публикациях о семье, %*

№	Парадигма	Журнал			
		ВП	ПЖ	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	МР
1	Естественно-научная (объективистская, классическая, позитивистская...)	57	81	59	54
2	Гуманистическая (гуманитарная, понимающая, постклассическая...)	28	9	30	46
3	«Смешанная»	15	—	11	—

Естественно-научной парадигме принадлежат модальные и медианные значения рассматриваемого массива исследований. При этом пиковое значение (почти на треть превышающее показатели остальных журналов) принадлежит ПЖ. Социологические публикации по этому параметру более гомогенны.

Исследования, квалифицированные как выполненные в рамках гуманистической парадигмы, в среднем чаще встречаются у социологов (что неожиданно), но их доля существенно варьирует в разных журналах (как и у психологов).

Отличительной особенностью МР является сбалансированность обеих парадигм и их представленность «в чистом виде». Между тем в ВП и журнале «Социологические исследования» 12—15% публикаций были отнесены к «смешанной» парадигме. В целом использование комплексной стратегии в рамках одного исследования является нетривиальной задачей и существуют различные варианты ее решения (см. об этом подробнее: Солодникова, 2013).

У психологов при изучении семьи наиболее встречаемыми способами «совмещения» парадигм были: использование стандартизированной проективной (или опросной) методики, интервью с детьми и родителями (или опроса экспертов) и квазиэкспериментальной процедуры (Кузьмишина, 2007; Петровский, Полевая, 2001; Холмогорова, Воликова, Полкунова, 2005); незаконченных предложений (или открытых вопросов) и закрытого опросника (Ивченкова, Ефимова, Аккузина, 2001; Смирнова, Соколова, 2007); техники коллажа (или интервью) и стандартизированного опросника (Васильева и др., 2003; Минюрова, 2005).

У социологов арсенал такого «совмещения» меньше и преобладают различные формы опроса. Наиболее распространенный вариант — использование методов анкетного опроса и интервью (или фокус-групп, или традиционного анализа документов) (Безрукова, 2016; Бурханова, 2015; Гурко, Тасеев, 2007; Гурко, 2014; Игебаева, 2014; Климова, 2009; Лунякова, 2001; Стрельник, 2016; Шевченко, 2015; Савинская, 2014; и др.). У психологов использование «смешанных методов» исследования встречается в первой половине 2000-х гг., у социологов — охватывает весь рассматриваемый интервал и чаще — во второй его половине.

Приведенные данные, с одной стороны, противоречат выводу Е. Ю. Лисицкой о доминировании в российской социологии «интерпретативной» парадигмы (см. выше). А с другой — позволяют отчасти усомниться в реалистичности прогноза развития российской психологии до 2030 г., построенного на основании опроса экспертов. Так, 66% из них прогнозировали приблизительное равенство естественно-научной и гуманитарной парадигм в психологии; 12% предположили доминирование первой, а 16% — второй (ещё 2% предсказали ее полную победу); 4% уклонились от ответа [Журавлев и др., 2016: 46].

Вместе с тем, не следует забывать, что в нашем случае речь идет только об одной из отраслей российской психологии/социологии. Тогда это можно интерпретировать как еще один индикатор относительной автономии развития отдельных отраслей этих наук.

Сведем предпринятый анализ исследований семьи в российской социологии и психологии в таблицу (см. табл. 11), выделив их наиболее характерные параметры.

Комментарии и резюме к этой таблице позволяют сделать основные **выводы**. Для психологических исследований семья — малозначимый объект изучения. Более того, она рассматривается, как некий «фон» для изучения «фигуры» — личности (преимущественно ребенка) и межличностных отношений. Тогда корректность описания объекта исследования, репрезентативность получаемых данных и междисциплинарная открытость автора становятся менее существенными. Гетерогенность такого объекта исследования обуславливает более выраженный интерес психологов к своей методической оснащенности и разнообразию методов сбора эмпирической информации, а также обеспечивает более высокую

цитируемость авторов, предлагающих надежный измерительный инструментарий. Вместе с тем это сопровождается фрагментацией профессионального сообщества по «школьно»-журнальному принципу¹⁵, что было отмечено и почти четверть века назад. Если тогда констатировалось отсутствие специальной психологической теории семьи [Солодников, 1994: 136], то сегодня можно говорить об отсутствии «нормальной» психологической науки о семье, при наличии традиции проведения методически оснащенных исследований личности/межличностных отношений в семейном контексте и ориентированных преимущественно на каноны естественно-научной парадигмы. К сожалению, не удалось обнаружить эмпирической верификации предложенного ранее социально-психологического анализа семьи как малой группы (Гозман, Алешина, 1985).

Таблица 11. **Обобщенные параметры российских психологических и социологических исследований семьи**

№	Параметр сравнения	Психология	Социология	Комментарии
1	Количество публикаций	неизменно	рост в СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, минимум — в МР	В сравнении с 1986—1992 г.г.
2	Тематика: Семья и социальные институты Численность, структура, типы семьи Функции семьи Развод	минимум выше существенно ниже отсутствие	рост рост разнонаправленные изменения рост	В сравнении с данными М. С. Мацковского, 1989
	Семья и личность Межличностные отношения в семье Методология и методика исследований	существенно выше	уменьшение или разнонаправленные изменения уменьшение	
3	Среднее общее количество ссылок в публикациях о семье	больше	меньше	По данным РИНЦ (2015 г.)
4	Цитируемые авторы (ТОП-3): Российские	Эйдемиллер Э.Г. (21) Ляксо Е. Е. (16) Холмогорова А. Б. (16)	Гурко Т.А. (43) Медков В. М. (16) Харчев А. Г. (14)	«Междисциплинарные» Антонов А. И. (35) Голод С. И. (29) Кон И. С. (28)
	Зарубежные	Эриксон Э (8) Матейчек З. (7) Боулби Дж. (7)	Энгельс Ф. (6) Гидденс Э. (5) Бурдые П./Мид М. (4)	
5	Стратегия исследования: «Срез» Повторное Лонгитюдное Без эмпирии	чаще нет чаще около 17 %	реже есть есть около 17 %	Особенно часто в МР Только в СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Варьирует у психологов
6	Корректность описания... объекта исследования выборки	ниже ниже	выше выше	Особенно в ВП и МР. Особенно в ВП и МР.

¹⁵ Так на двух из трех наиболее цитируемых психологов есть ссылки только в одном из проанализированных журналов.

№	Параметр сравнения	Психология	Социология	Комментарии
7	Метод сбора эмпирии: Опрос Анализ документов Наблюдение Эксперимент	наиболее популярен традиционный (разные продукты деятельности) используют используют	наиболее популярен традиционный (официальные документы) нет нет	В СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ часто без указания вида Только в ВП
8	Использование ранее валидизированной методики	чаще	реже	
9	Доминирующая журнальная рубрика «Методы / методики»	непрофильная чаще	(не)профильная реже	В СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ — профильная, в МР — нет. Особенно в ПЖ. И МР
10	Парадигма: Естественно-научная Гуманистическая «Смешанная»	доминирует менее выражена в 1 журнале	доминирует более выражена в 1 журнале	ВП и СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В российской социологической традиции значимость исследований семьи варьирует. Но российская социологическая парадигма изучения семьи дуалистична (при доминировании естественно-научной); более согласована и стабильна (см. Ф. Энгельс как наиболее цитируемый переведенный зарубежный автор), междисциплинарно открыта (в том числе в отношении психологии) и ориентирована на изучение взаимодействия семьи с другими социальными институтами, ее структуры и в менее очевидной степени — ее функций и девиаций. При такой «оптике» личность (супругов и детей) для исследователей, скорее становится фоном¹⁶. А «школьно»-журнальная фрагментированность российских социологов семьи проявляется в отношении не отечественных, а зарубежных авторов. Среди них из четырех наиболее цитируемых только П. Бурдьё упоминается в публикациях обоих социологических журналов. В то же время отмечается более узкий диапазон методов сбора эмпирии (без наблюдения и эксперимента), более редкое использование лонгитюдной стратегии исследования (но относительно частое — повторной), а также слабо выраженные методологическая рефлексия и стремление к разработке надежного измерительного инструментария. О последней особенности, помимо прочего, свидетельствуют сегодня практически не востребованные методические разработки 1980-х годов (см.: Методические аспекты стандартизации..., 1986; Методические программы и методики исследований..., 1986; Прикладные программы исследований..., 1986 и др.).

Заключение. Представляется любопытным отметить специфику и динамику некоторых имплицитных норм в области российских социальных (психологических и социологических) исследований семьи.

Работа социального исследователя является преимущественно **индивидуальной**. Это находит свое отражение в преобладании индивидуальных научных

¹⁶ Возможно, интерес к личности (ее социально конструируемым характеристикам) у социологов отчасти «канализируется» в рамках социологии гендера. В СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ количество соответствующих публикаций достаточно заметно (табл. 2), но не было здесь предметом специального анализа. Вместе с тем, в таких публикациях не исключена «дискурсивная мимикрия» при изучении «вечных» тем социологии семьи. Тогда участие супругов в ведении домашнего хозяйства с акцентом на «совмещение профессиональных и семейных ролей женщины» (Харчев, Голд, 1971) заменяется «гендерным разделением домашнего труда».

публикаций семейной тематики, как в России, так и в США (табл. 3). При этом «индивидуализм» россиян выражен сильнее (особенно у социологов и в частности — авторов журнала «Социологические исследования»). Это может противоречить стереотипу «коллективизма» россиян, наследуемому из советского прошлого, что, скорее, в большей степени связано с формами и критериями оценки научной продуктивности ученых/преподавателей. Так, еще одним проявлением отмеченной тенденции является множество издаваемых в России учебников по общей психологии/социологии или по отраслевому разделу соответствующей науки, написанных нередко единственным автором, в том числе без собственных исследований в соответствующей тематической области. В США картина, скорее, противоположная: учебники (в том числе отраслевые) пишутся авторским коллективом, каждый из участников которого является исследователем узкой предметной специализации.

Нельзя пройти мимо превращения за последние четверть века социологии/психологии семьи из преимущественно **«мужской науки»** в **«женскую»**. А смешанное по полу авторство разительно и в меньшую сторону отличается от аналогичных американских данных. Возможно, столь резкое изменение гендерного состава российских авторов социологических/психологических публикаций о семье заслуживает более пристального внимания исследователей.

Еще раз отметим и конкретизируем неоднократно ранее повторявшееся утверждение о существовании разрыва между исследовательской практикой и «большой теорией» на примере изучения семьи. Сравним персоналии социологов, пишущих о семье в двух наиболее известных отраслевых журналах и чаще всего цитируемых в журнальных публикациях (табл. 7), с одной стороны, и фигурирующих в ТОП-100 РИНЦа (по количеству цитирований в нем), с другой. Обнаруживается только четыре общих фамилии — Гурко Т. Н., Константиновский Д. Л., Лисовский В. Т. и Ярская (— Смирнова) Е. П.¹⁷. Сходная картина отмечена для психологов. У них в обоих перечнях оказались Прихожан А. М. Сергиенко Е. А., Соколова Е. Т., Солдатова Г. В. и Холмогорова А. Б. Не спасают положение дел «междисциплинарные авторы Кон И. С., Собкин В. С. (отнесенные в РИНЦе к психологам) и Римашевская Н. М. и Захаров С. В. (присутствующие у социологов).

При всей небесспорности используемых в РИНЦе количественных показателей и погрешностях измерения только девять авторов, наиболее цитируемых в публикациях о семье, присутствуют среди 200 психологов/социологов, занимающих наиболее высокие места по цитируемости. Этот факт может быть интерпретирован двояко: 1. Как свидетельство низкой значимости семейной проблематики (что, судя по количеству публикаций, отчасти верно, особенно для психологов); 2. содержание работ наиболее известных (по показателю цитирования) психологов/социологов слабо востребовано исследователями семьи. «Вес» каждой из этих интерпретаций заслуживает специального анализа.

Нижняя граница цитирования для попадания в ТОП-100 у социологов почти в полтора раза меньше (1909), чем у психологов (2995). Но и количество соответствующих зарегистрированных пользователей тоже меньше — соответственно

¹⁷ Антонов А. И. отсутствует в базе e-library. Данные на 28.01.2018.

5897 и 8323. По-видимому, наряду с незначительным количеством психологических публикаций о семье (табл. 2) и при несущественных различиях в длине библиографического списка (см. табл. 6) именно психологи отличаются более высокой «дисциплинарной приверженностью» (табл. 7).

В целом для современного этапа российских социологических/психологических исследований семьи представляется актуальной (особенно для психологов) необходимость **усиления междисциплинарного взаимодействия**. Рассмотрим это только на одном примере исследовательской «повестки дня» — успешности/качества брака и его факторов. Именно этот запрос является одним из важнейших со стороны «человека с улицы» — от чего зависит сохранение моего брака (как минимум) или семейное счастье (удовлетворенность браком)? В 1980-е гг. эта тема была одной из самых популярных в мировой социологии семьи. В дальнейшем в зарубежной социальной науке о семье эта исследовательская традиция сохранилась, усложнившись методологически. Об этом свидетельствуют два американских мета-аналитических обзора (проведенные с интервалом в 10 лет) — психологический в 1995 г. (Карни, Бредбури, 2016) и социологический в 2005 г. (Умберсон и др., 2016). При этом очевидно, что социологи в своих последующих исследованиях учитывали результаты анализа, проделанного психологами. Тем более, что реализация лонгитюдной стратегии исследования нередко требует именно междисциплинарного подхода. Более того, эта тема в последнем социологическом обзоре связывается с еще одной — развитием личности в течение всего жизненного пути (life-span development), более активно разрабатываемой психологами.

Совершенно иная ситуация складывается в российской социологии/психологии семьи. «Стабильность брака», изначально в 1980-е г.г. интенсивно изучалась в рамках социологии (с последующим уточнением понятия см. об этом подробнее — (Солодников, 2016), но позднее была практически «снята с повестки дня». При этом оказалась востребована и получила дальнейшее развитие в русле психологии (Левкович, 2004, 2008, 2009, 2011), к сожалению, без ссылок на соответствующие ранние публикации российских социологов. При некоторой уязвимости дизайна исследования, архаичности терминологии и сомнительности аксиом, лежащих в основе измерительного инструмента (об обратной связи частоты супружеских конфликтов — полученных в самоотчете — и «стабильности брака», т.е. удовлетворенности супругов своим браком) попытка продолжить эту исследовательскую традицию, уточняя перечень «факторов риска» успешности брака заслуживает всяческой поддержки. Более того, с учетом изменившихся социальных реалий этот перечень нуждается в коррекции и расширении, например, за счет изучения таких переменных как потребительские, религиозные установки молодых супругов и т.п.

Несомненно, одно: необходима интенсификация междисциплинарной коммуникации исследователей в различных тематических областях, в т.ч. при изучении семьи.

Это важно, в том числе для использования надежных, валидных измерительных инструментов, обеспечивающих сравнимость получаемых результатов и отслеживание временных трендов, особенно в трудоемких исследовательских стратегиях (таких как лонгитюд). Пока же применительно к российским социологам и психоло-

гам, изучающим развод, даже методические требования, высказанные в 1970-е гг., сохраняют свою актуальность (см. об этом подробнее: (Solodnikov, 2016)).

При этом методическая изощренность, как и сложность используемых методов обработки полученных данных, не являются самоцелью. Социологи, по нашим, данным продолжают использовать при изучении семьи более простые методы обработки полученных количественных результатов. Но согласимся с М. Соколовым: «...многократное усложнение статистических процедур дало, в конечном счете, очень мало для приращения... «достоверного знания об обществе»... Часто вместо этого новые методы использовались только для того, чтобы вначале отвергнуть все результаты, полученные предшественниками, как недостоверные, а затем объявить себя первооткрывателем тех же истин, полученных немного более сложным способом» [Соколов, 2012: 25].

Поэтому, на наш взгляд, именно исследовательская методика теоретически обоснованная, валидная с «вшитым» алгоритмом обработки данных является своеобразным «мостом» между «теорией», исследовательской практикой и обработкой полученных с ее помощью результатов.

С учетом сказанного, своевременным оказывается издание с 2015 г. электронного научного (по психологии, социологии и экономике) журнала «Социальные исследования»¹⁸. Возможно, следует присмотреться и к американскому опыту, согласно которому помимо социологов и психологов на протяжении 1970—1990-х гг. при изучении семьи все более заметной становилась доля тех, кто позиционировал себя в качестве исследователей семьи (family scientists) (табл. 4).

Список литературы (References)

Абабков В. А., Кайдановская Е. В., Перре М., Шёби Д. Семейная жизнь и профессиональная деятельность (на материале исследования полных семей с детьми дошкольного возраста) // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 44—53.

Ababkov V. A., Kaidanovskaya E. R., Perre M., Shebe D. (2004) Family life and professional activity (a case of study of two-parent families with children of pre-school age). *Voprosy Psichologii*. No 6. P. 44—53 (In Russ.).

Абраменкова В. В. Половая дифференциация и сексуализация детства: горький вкус запретного плода // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 103—120.

Abramenkova V. V. (2003) Sex differentiation and sexualization of childhood: bitter taste of forbidden fruit. *Voprosy Psichologii*. No 5. P. 103—120 (In Russ.).

Абрамова М. В., Ениколопов С. Н., Казьмина О. Ю. Влияние семейных отношений на социальную адаптацию юношей, больных шизофренией // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 81—90.

Abramova M. V., Enikolopov S. N., Kaznina O. Yu., nfluence of family relations on social adaptation of young men schizophrenics. *Voprosy Psichologii*. 2009. No 6. P. 81—90 (In Russ.).

¹⁸ «Социальные исследования» — рецензируемый сетевой научный журнал. Публикует результаты теоретических и эмпирических научных исследований в сфере социологии, социальной психологии, социальной экономики. URL: <http://www.jsr.su> (Дата обращения: 31.01.2018).

Алексеева Л. С. О насилии над детьми в семье // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 78—85.

Alekseeva L. S. (2003) About child abuse in the family. *Sociological Studies*. No 4. P. 78—85 (In Russ.).

Алексеева О. С. Родительское отношение и его связь с интеллектом сиблингов // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 25—32.

Alekseeva O. S. (2010) Parental relation and its connection with intelligence of siblings. *Voprosy Psichologii*. No 5. P. 25—32 (In Russ.).

Антонов А. И., Лебедь О. Л. Несовершеннолетние преступники: кто они? // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 91—95.

Antonov A. I., Lebed O. L. (2003) Junior criminals: who are they? *Sociological Studies*. No 4. P. 91—95 (In Russ.).

Анцупов А. Я., Кандыбович С. Л., Крук В. М., Тимченко Г. Н., Харитонов А. Н. Статистический анализ докторских диссертаций по психологии (1935—2013 гг.) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 62—76.

Antsupov A. Ya., Kandybovich S. L., Kruk V. M., Timchenko G. N. (2014) Statistical analysis of PhD dissertations in psychology (1935—2013). *Psychological Journal*. V.35. No 5. P. 62—76 (In Russ.).

Артюхов А. В. Семейная политика на российском Севере: эффективность и резервы // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 80—85.

Artuhov A. V. (2001) Family policy on Russian North: efficiency and reserves. *Sociological Studies*. No 4. P. 80—85 (In Russ.).

Артюхов А. В. Государственная семейная политика и ее особенности в России // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 108—110.

Artuhov A. V. (2002) State family policy and its features in Russia. *Sociological Studies*. No 7. P. 108—110 (In Russ.).

Архангельский В. Н. Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 56—64.

Arhangelskiy V. N. Assistance to families with children: estimation of demographic effectiveness. *Sociological Studies*. 2015. No 3. P. 56—64 (In Russ.).

Архиреева Т. В. Влияние родительского воспитания на самоотношение младшего школьника // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 67—77.

Arhireeva T. V. (2006) Influence of parenting on attitude to yourself of junior schoolchild. *Voprosy Psichologii*. No 3. P. 67—77 (In Russ.).

Архиреева Т. В. Личностные детерминанты отношения отца к ребенку // Вопросы психологии. 2012. № 5. С. 52—61.

Arhireeva T. V. (2012) Personality's determinants of father's attitude to child. *Voprosy Psichologii*. No 5. P. 52—61 (In Russ.).

Багирова А. П., Шубарт О. М. Образ родительства и его развитие в концепции родительского труда // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 103—110.

Bagirova A. P., Shubart O. M. (2014) Image of parenthood and its development in theory of parental labor. *Sociological Studies*. No 4. P. 103—110 (In Russ.).

Балабанова Е. С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 109—119.

Balabanova E. S. (2005) Home labor as symbol of gender and power. *Sociological Studies*. No 6. P. 109—119 (In Russ.).

Барсукова С. Ю. Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 34—45.

Barsukova S. Yu. (2005) Network exchanges of Russian households: experience of empirical research. *Sociological Studies*. No 8. P. 34—45 (In Russ.).

Бахадова Е. В. Неблагополучная семьи как фактор формирования девиантного поведения детей // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 37—50.

Bahadova E. V. (2009) Unfavorable family as forming factor of children's deviant behavior. *Voprosy Psichologii*. No 2. P. 37—50 (In Russ.).

Безрукова О. Н. Репродуктивные мотивации женщин // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 122—124.

Bezrukova O. N. (2000) Reproductive motivations of women. *Sociological Studies*. No 12. P. 122—124 (In Russ.).

Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118—130.

Bezrukova O. N. Fatherhood in transforming society: mother's expectations and father's practices. *Sociological Studies*. No 12. P. 122—124 (In Russ.).

Безрукова О. Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 85—97.

Bezrukova O. N. (2014) Models of parenthood and parental potential: intergenerational analysis. *Sociological Studies*. No 9. P. 85—97 (In Russ.).

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Авторитарность в родительской культуре матерей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 43—53.

Bezrukova O. N. Samoilova V. A. (2016) Authoritarianism in parental culture of mothers. *Sociological Studies*. No 8. P. 43—53 (In Russ.).

Бикметов Е. Ю. Взаимодействие семьи и школы в социализации индивида // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 86—92.

Bikmetov E. Yu. (2007) Interaction of family and school in socialization of individual. *Sociological Studies*. No 9. P. 86—92 (In Russ.).

Блохина М. В. О курсе «Социология семьи» в техническом вузе // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 134—136.

Blohina M. V. (2001) About educational course «Sociology of the family» in technical university. *Sociological Studies*. No 8. P. 134—136 (In Russ.).

Богданова Л. П., Щукина А. С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 100—105.

Bogdanova L. P., Shukina A. S. (2003) Civilian marriage in moderb demographical situation. *Sociological Studies*. No 7. P. 100—105 (In Russ.).

Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 122—130.

Borisenko Yu. V., Portnova A. G. (2006) Problem of fatherhood in modern society. *Voprosy Psychologii*. No 3. P. 122—130 (In Russ.).

Бороздина Е. А., Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Как распорядиться «материнским капиталом» или граждане в семейной политике // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 108—118.

Borozdina E. A., Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2012) How to manage «mother's capital» or citizens in family policy. *Sociological Studies*. No 7. P. 108—118 (In Russ.).

Брутман В. И., Варга А. Я., Хамитова И. Ю. Влияние семейных факторов на девиантное поведение матери // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 79—88.

Brutman V. I., Varga A. Ia., Hamitova I. Yu. (2000) Influence of family factors on mother's deviant behavior. *Psychological Journal*. Vol. 21. No 2. P. 79—88 (In Russ.).

Брыкова Т. Ю. Возможно ли счастливое супружество в эпоху сексуальной революции? // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 140—145.

Brykova T. Yu. (2011) Is happy marriage possible in era of sexual revolution? *Sociological Studies*. No 11. P. 140—145 (In Russ.).

Бурова С. Н., Демидова А. В. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 97—103.

Burova S. N., Denidova A. V. (2008) Tendencies of family researches in soviet and post-soviet periods. *Sociological Studies*. No 12. P. 97—103 (In Russ.).

Бухалова Н. А. Повторные браки пожилых людей // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 65—71.

Buhalova N. A. (2014) Remarriages among aged persons. *Sociological Studies*. No 3. P. 65—71 (In Russ.).

Быстров А. А. Концепция семьи: марксизм и советская социологическая школа // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 73—81.

Bystrov A. A. (2014) Theory of the family: Marxism and soviet sociological school. *Sociological Studies*. No 3. P. 65—71. (In Russ.)

Быстров А. А. Материнский капитал: стимулирование рождаемости // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 91—96.

Bystrov A. A. (2008) Mother's capital: stimulation of birthrate. *Sociological Studies*. No 12. P. 91—96 (In Russ.).

Варга А. Я., Федорович Е. Ю. Домашний питомец в семейной системе // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 56—65.

Varga A. V., Fedorovich E. Yu. (2010) Home pet in family system. *Voprosy Psychologii*. No 1. P. 56—65 (In Russ.).

Варламова С. М., Носкова А. В., Седова Н. Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006. № 11. 61—73.

Varlamova S. N., Noskova A. V., Sedova N. N. (2008) Family and children in life attitudes of Russians. *Sociological Studies*. No 12. P. 91—96.

Варламова С. Н., Носкова А. В., Седова Н. Н. Брачный договор в России: от прошлого к будущему // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 50—56.

Varlamova S. N., Noskova A. V., Sedova N. N. (2008) Marital contract in Russia: from the past to the future. *Sociological Studies*. No 1. P. 50—56 (In Russ.).

Васильева В. В., Орлов В. И., Сагамонова К. Ю., Черноситов А. В. Психологические особенности женщин с бесплодием // Вопросы психологии. 2003. № 6. С. 93-98.

Vasilieva V. V., Orlov V. I., Sagamonova K. Yu., Chernositov A. V. Psychological features of infertile women. *Voprosy Psichologii*. 2003. № 6. P. 93—98 (In Russ.).

Васильева О. С., Могилевская Е. В. Групповая работа с беременными женщинами: социально-психологический аспект // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 82-89.

Vasilieva O. S., Mogilevskaya E. V. (2001) Group work with pregnant women: social-psychological aspect. *Psychological Journal*. Vol.22. No 1. P. 82—89. (In Russ.)

Вассерман Л. И., Горькова И. А., Ромицына Е. Е. Методика «Подростки о родителях» (ПоР): основные этапы апробации русскоязычной версии // Психол. журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 87—96.

Vasserman L. I., Gorkova I. A., Romitsina E. E. (2000) Technique «Adolscents about parents»: main approbation stages of Russian version. *Psychological Journal*. Vol.21. No 5. P. 87—96 (In Russ.).

Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Этнокультурная специфика демографического поведения дагестанской семьи // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 78—85.

Vereshagina A. V., Shahbanova M. M. (2013) Etnocultural features of demographic behavior of Dagestan family. *Sociological Studies*. No 6. P. 78—85 (In Russ.).

Верещагина Н. В., Николаева Е. И. Тест-опросник, оценивающий отношение матери к ребенку первых двух лет жизни // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 151—159.

Vereshagina N. V., Nikolaeva E. I. (2009) Test-questionnaire for estimation of mother's attitude to the child of first two years old. *Voprosy Psichologii*. No 4. P. 151—159 (In Russ.).

Виногорова Н. А. Региональные аспекты социальной защиты детей-сирот // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 146—148.

Vinogorova N. A. (2015) Regional aspects of social protection of orphans. *Sociological Studies*. No 2. P. 146—148 (In Russ.).

Воликова С. В., Холмогорова А. Б., Галкина А. М. Родительский перфекционизм — фактор развития эмоциональных нарушений у детей, обучающихся по усложненным программам // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 23—32.

Volikova S. V., Holmogorova A. B., Galkina A. M. (2006) Parental perfectionism — factor of development of emotional disorders among pupils on sophisticated programs. *Voprosy Psichologii*. No 5. P. 23—32 (In Russ.).

Володарская Е. А., Логвинова Н. Ю. «Родительская» и «студенческая» модели представлений о семейном воспитании // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 26—34.

Volodarskaya E. A., Logvinova N. Iu. (2005) «Parental» and «student» models of representations about family parenting. *Psychological Journal*. Vol.26. No 5. P. 26—34 (In Russ.).

Воронцов Д. В. Квир-теория: перспективы психологического анализа сексуальности // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 153—162.

Vorontsov D. V. (2012) Queer theory: perspectives of psychological analysis. *Voprosy Psichologii*. No 2 P. 153—162 (In Russ.).

Воронцова М. Г. Выполнение родительских обязательств // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 145—148.

Vorontsova M. G. (2000) Fulfillment of parental obligations. *Sociological Studies*. No 11. P. 145—148 (In Russ.).

Головей Л. А., Савенышева С. С., Василенко В. Е. Детско-родительские отношения в стабильные и кризисные периоды детства // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 32—43.

Golovey L. A., Savenysheva S. S. (2015) Child-parental relations during stable and crisis periods. *Psychological Journal*. Vol.36. No 2. P. 32—43 (In Russ.).

Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40—49.

Golod S. I. (2008) Sociological-demographical analysis of state and evolution of family. *Sociological Studies*. No 1. P. 40—49 (In Russ.).

Голод С. И. Эмансипация сексуальности в России: рубеж XIX—XX вв. // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 69—78.

Golod S. I. (2009) Emancipation of sexuality in Russia. *Sociological Studies*. No 9. P. 69—78 (In Russ.).

Гольцова Е. В., Лешенко Я. А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 125—130.

Gajtsova E. V., Leshenko A. Ia. (2010) Factors of social environment as determinants of marriage and birth rates. *Sociological Studies*. No 2. P. 125—130 (In Russ.).

Гурко Т. А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 90—97.

Gurko T. A. (2000) Variability of representations in sphere of parenthood. *Sociological Studies*. No 11. P. 90—97 (In Russ.).

Гурко Т. А. Женский опыт сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 83—91.

Gurko T. A. (2002) Female experience of sexual relations, maternity and marriage among teenagers. *Sociological Studies*. No 11. P. 83—91 (In Russ.).

Гурко Т. А. Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 110—120.

Gurko T. A. (2008) Alimony: factor of qualitative and quantitative reproduction of population. *Sociological Studies*. No 9. P. 110—120 (In Russ.).

Гурко Т. А., Белобородова О. А. Становление института приемной семьи в регионах // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 135—138.

Gurko T. A. Beloborodova O. A. (2009) Emergence of institute of foster family in regions. *Sociological Studies*. No 9. P. 135—138 (In Russ.).

Гурко Т. А. Репродуктивные планы супругов // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 77—85.

Gurko T. A. (2014) Reproductive plans of spouses. *Sociological Studies*. 2014. No 9. P. 77—85 (In Russ.).

Дагбаева С. Б. Этническая социализация как объект исследования в психологии и смежных науках // Вопросы психологии. 2014. № 6. С. 126—134.

Dagbaeva S. B. (2014) Ethnic socialization as research object in psychology and neighboring sciences. *Voprosy Psichologii*. No 6. P. 126—134 (In Russ.).

Дадаева Т. М. Кто выносит мусор, или Парадоксы гендерного разделения труда // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 120—126.

Dadaeva T. M. (2005) Who is taking out the garbage or paradoxes of gender distribution of labor? *Sociological Studies*. No 6. P. 120—126 (In Russ.).

Данилова С. С. Одинокое материнство в общественном мнении // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 138—141.

Danilova S. S. (2009) Lonely maternity in public opinion. *Sociological Studies*. No 5. P. 138—141 (In Russ.).

Джидарьян И. А., Беловол Е. В., Маслова О. В. Разработка опросника для изучения представлений о любви // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 111—119.

Djidarian I. A., Belova E. V., Maslova O. V. (2014) Elaboration of questionnaire for study representations about love. *Psychological Journal*. Vol.35. No1. P. 111—119 (In Russ.).

Денисенко М. Б., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 83—87.

Denisenko M. B., Dalla Zuanna J.-P. (2001) Sexual behavior of Russian youth. *Sociological Studies*. No 2. P. 83—87.

Дерман Н. А. Этносоциальные различия в установках матерей Таллинна на занятость // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 116—127.

Derman N. A. (2001) Ethno-social differences in attitudes for employment among Tallinn's mothers. *Sociological Studies*. No 11. P. 108—113 (In Russ.).

Дик П. В. Влияние семьи на подростковое курение // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 131—133.

Dik P.V. (2010) Influence of family on teenager's smoking. *Sociological Studies*. No 12. P. 131—133 (In Russ.).

Долбик-Воробей Т.А. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости// Социологические исследования. 2003. № 11. С. 78—84.

Dolbik-Vorobey T.A. (2003) Student' youth about problems of family and birthrate. *Sociological Studies*. No 11. P. 78—84 (In Russ.).

Драгоевич Н., Глигорович Н., Милачич-Видоевич И. Стигматизация семей, члены которых страдают шизофренией// Вопросы психологии. 2011. № 5. С.24—33.

Gragoevich N., Gligorovich N., Milachich-Vidoevich I. (2011) Stigmatization of schizophrenic' family. *Voprosy Psichologii*. No 5. P. 24—33 (In Russ.).

Дубоград Е. В. Семья и социальное положение офицера// Социологические исследования. 2003. № 12. С. 80—82.

Dubogray E. V. (2003) Family and social status of officer. *Sociological Studies*. No 12. P. 80—82 (In Russ.).

Закирова В. М. Развод и насилие в семье — феномены семейного неблагополучия// Социологические исследования. 2002. № 12. С. 131—133.

Zakirova V. M. (2002) Divorce and violence in family — phenomena of family ill-being. *Sociological Studies*. No12. P. 131—133 (In Russ.).

Закирова В. М. Башкирская «сваха» — опыт, результаты, проблемы// Социологические исследования. 2004. № 9. С. 91—94.

Zakirova V. M. (2004) Bashkir matchmaker — experience, results, problems. *Sociological Studies*. No 9. P. 91—94 (In Russ.).

Залученкова Е. А., Калинова О. В. Исследование семейных ритуалов в работах М. Морваль// Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 97—106.

Zaluchenkova E. A., Kalinova O. V. (2000) Research of family rituals in publications of M. Morval. *Psychological Journal*. Vol.35. No 1. P. 111—119 (In Russ.).

Зарипова Э. А., Ильдарханова Ф. А., Ильдарханова Ч. И., Нурутдинова А. Н. Разводы в Татарстане// Социологические исследования. 2011. № 3. С. 95—102.

Zaripova E. A., Ildarhanova F. A., Ildarhanova Ch. I., Nurutdinova A. N. (2011) Divorces in Tatarstan. *Sociological Studies*. No 9. P. 91—94 (In Russ.).

Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России// Мир России. 2007. Т. 16. № 4. С. 73—112.

Zaharov S. V. (2007) Newest tendencies of family forming in Russia. *Universe of Russia*. Vol.16. No 4. P. 73—112 (In Russ.).

Знаков В. В. Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортов// Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 90—100.

Znakov V. V. (2010) Understanding of moral acceptability of abortions by men and women. *Voprosy Psichologii*. 2010. No 2. P. 90—100 (In Russ.).

Егорова Н. Ю., Сизова И. Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной?// Социологические исследования. 2014. № 4. С. 97—102.

Egorova N. Yu., Sizova I. L. (2014) Does Russian family has chance to become solidary? *Sociological Studies*. No 4. P. 97—102 (In Russ.).

Елутина М. Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 101—108.

Elutina M. E. (2009) Aged people and old things in everyday life. *Sociological Studies*. 2009. № 7. P. 101—108 (In Russ.).

Елутина М. Э., Быкова И. О. Асимметричный по возрасту брак в оценках супругов // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 83—93.

Elutina M. E. Bykova I. O. (2012) Asymmetrical by age marriage in spousal estimations. *Sociological Studies*. No 1. P. 83—92 (In Russ.).

Елутина М. Э., Исаева С. А. Причины развода в третьем возрасте // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 91—98.

Elutina M. E. Isaeva S. A. (2012) Reasons of divorce in third age. *Sociological Studies*. No 9. P. 91—98 (In Russ.).

Ильиных С. А. Представления о семье студентов Минска и Новосибирска // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 59—65.

Iliyynh S. A. (2014) Student' of Mink and Novosibirsk representations about the family. *Sociological Studies*. No 3. P. 59—65 (In Russ.).

Исупова О. Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам») // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98—107.

Isupova O. G. (2000) Social sense of maternity in modern Russia («Your child is needed only to you»). *Sociological Studies*. No 11. P. 98—107 (In Russ.).

Иудин А. А., Шпилев Д. А. Основные направления исследования проблем семьи в современной Германии // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 94—105.

Iudin A. A., Shpilev D. A. (2012) Main research directions of family problems in modern Germany. *Sociological Studies*. No 1. P. 94—105 (In Russ.).

Карпова Н. Л. Библиотерапия в семейной логопсихотерапии // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 70—82.

Karpova N. L. (2006) Bibliotherapy in family logopsycotherapy. *Voprosy Psychologii*. No 4. P. 70—82 (In Russ.).

Карпова Н. Л., Янченко И. В. Формирование диалогического общения в семейной групповой логопсихотерапии // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 1. С. 109—118.

Karpova N. L., Ianchenko I. V. (2008) Forming of dialog communication in family group logopsycotherapy. *Psychological Journal*. Vol.29. No 1. P. 109—118 (In Russ.).

Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92—100.

Kartseva L. V. (2003) Family model in transforming Russian society. *Sociological Studies*. No 7. P. 92—100 (In Russ.).

Каширская И. К. Социально-психологический анализ основных источников информации и процесс гендерной социализации // Вопросы психологии. 2003. № 6. С. 56—63.

Kashirskaya I. K. (2003) Socio-psychological analysis of main informational sources and process of gender socialization. *Voprosy Psichologii*. No 6. P. 56—63 (In Russ.).

Климова С. В. Домашний труд в городской семье // Социологические исследования 2012. № 4. С. 118—121.

Klimova S. V. (2012) Home work in city family. *Sociological Studies*. No. P. 11—121 (In Russ.).

Ковалева Ю. В. Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 50—70.
Kovaleva Yu. V. (2012) Conjoint regulation of spousal behavior during different stages of family life cycle. *Psychological Journal*. Vol. 33. No 5. P. 50—70 (In Russ.).

Козина И. М. Что определяет статус «кормильца» семьи? // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 83—89.

Kozina I. M. (2000) What is defining the status of family «breadwinner»? *Sociological Studies*. No 11. P. 83—89 (In Russ.).

Колесникова Е. Ю., Новикова Е. М. Влияние семьи на формирование мотивации к получению высшего профессионального образования у учащихся с инвалидностью // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 124—131.

Kolesnikova E. Yu., Novikova E. M. (2014) Influence of family on forming of motivation for getting University education by disabled pupils. *Sociological Studies*. No 4. P. 124—131 (In Russ.).

Коннов В. И., Юревич М. А. Тенденции цитирования в российских и зарубежных психологических журналах // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 42—51.

Konnov V. I., Yurevich M. A. (2014) Citation tendencies in Russian and foreign psychological journals. *Voprosy Psichologii*. No 2. P. 42—51 (In Russ.).

Кравченко Ю. В. Влияние супружеских потребностей на стабильность молодой семьи в контексте сельского и городского пространства // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 118—124.

Kravchenko Yu. V. (2012) Influence on spousal needs on stability of young family in context rural and city space. *Sociological Studies*. No 12. P. 118—124 (In Russ.).

Кралева Л. Семья в Восточной Словакии // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 105—108.

Krалеva L. (2003) Family in Eastern Slovakia. *Sociological Studies*. No 7. P. 105—108 (In Russ.).

Кулагина Е. В. Занятость родителей в семьях с детьми-инвалидами // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 85—89.

Kulagina E. V. (2004) Employment of parents in families with disabled children. *Sociological Studies*. No 6. P. 85—89 (In Russ.).

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

Kuhn T. (1977) The structure of scientific revolutions. M.: Progress, 1977. (In Russ.)

Куфтяк Е. В. Совладающее поведение супружеской пары: динамика и структура // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 17—24.

Kuftyak E. V. (2010) Coping behavior of spousal dyad: dynamics and structure. *Psychological Journal*. Vol.31. No 3. P. 17—24 (In Russ.).

Кучмаева О. В., Марыганова Е. А., Петрякова О. Л., Синельников А. Б. О современной семье и ее воспитательном потенциале // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 49—55.

Kuchmaeva O. V., Maryganova E. A., Petryakova O. L., Sinelnikova A. B. (2010) About modern family and its parental potential. *Sociological Studies*. No 7. P. 49—55 (In Russ.).

Латышева А. В. Исследования понимания моральной допустимости аборт в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 138—145.

Latysheva A. V. (2010) Research of understanding of moral acceptability of abortions in foreign psychology. *Voprosy Psychologii*. No 5. P. 138—145 (In Russ.).

Лебедь О. Л., Дудина Ю. В., Куликова Е. М. Имидж семьи в современных русских песнях // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 121—123.

Lebed O. L., Dudina Yu. V., Kulikova E. M. (2002) Family image in modern Russian songs. *Sociological Studies*. No 3. P. 121—123 (In Russ.).

Левкович В. П. Особенности добрачных отношений супругов как фактор дестабилизации семьи // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 2. С. 87—91.

Levkovich V. L. (2009) The features of pre-marital spousal relationships as factor of family destabilization. *Psychological Journal*. Vol.30. No 2. P. 87—91 (In Russ.).

Левкович В. П. Добрачная беременность как один из факторов дестабилизации семьи // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 109—115.

Levkovich V. L. (2011) Pre-marital pregnancy as factor of family destabilization. *Psychological Journal*. Vol.32. No2. P. 109—115 (In Russ.).

Лежнина Ю. П. Семья в ценностных ориентациях // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 69—76.

Leznina Yu. P. (2009) Family in value orientations. *Sociological Studies*. No 12. P. 69—76 (In Russ.).

Лелеков В. А., Кошелева Е. В. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 103—113.

Legkov V. A., Kosheleva E. V. (2006) Family' influence on juvenile criminality. *Sociological Studies*. No 1. P. 103—113 (In Russ.).

Лин Д. Г., Парахневич А. В., Предыбайло С. Д. Опыт анализа не состоявших в браке в Беларуси // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 99—101.

Lin D. G. Parahnevich A. V., Predybailo S. D. (2007) Experience of analysis of unmarried persons in Belorussia. *Sociological Studies*. No 9. P. 99—101 (In Russ.).

Лисицкая Е. Ю. Опыт сравнения социологического теоретизирования в российских и зарубежных научных журналах // Социологические исследования 2014. № 9. С. 130—138.

Lisickaya E. Yu. (2014) Experience of comparison of sociological theorization in Russian and foreign journals. *Sociological Studies*. No 9. P. 130—138 (In Russ.).

Логинова С. В., Слободская Е. Р., Федорова Н. А., Козлова Е. А. Адаптация краткой версии алабамского опросника методов родительского воспитания (APQ-BF) // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 79—90.

Lognova S. V., Slobodskaya E. P., Fedorova N. A., Kozlova E. A. (2016) Adaptation of short version Alabama' questionnaire of methods of parenting (APQ-BF). *Psychological Journal*. Vol.37. No 5. P. 79—90 (In Russ.).

Логунова Л. Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 126—136.

Logunova L. Yu. (2009) Influence of historical trauma on family-kin memory of Siberians. *Sociological Studies*. No 9. P. 126—136 (In Russ.).

Лысова А. В. Насилие в семье — объект социальной политики в США // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 108—115.

Lysova A. V. (2005) Domestic Violence as a Social Policy in the USA. *Sociological Studies*. No 12. P. 108—115.

Лысова А. В. Физическое насилие над женами в российских семьях // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 121—128.

Lysova A. V. (2008) Physical violence against wives in Russian families. *Sociological Studies*. No 9. P. 121—128 (In Russ.).

Лысова А. В., Щитов Н. Г. О внутрисемейном насилии // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 55—62.

Lysova A. V., Shitov N. G. (2010) About intrafamily violence. *Sociological Studies*. No 10. P. 55—62 (In Russ.).

Лысова А. В. О границах радикальной феминистской теории в объяснении насилия в семье // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 110—117.

Lysova A. V. (2012) About the limits of radical feminist theory in explanation of family violence. *Sociological Studies*. No 12. P. 108—115 (In Russ.).

Лыткина Т. С. Трансформация семьи и домашнего хозяйства. Опыт социознотологического описания жизни табасаранцев // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 119—124.

Lytkina T. S. (2008) Transformation of family and household. The experience of socioethnological description tabasarantce' life. *Sociological Studies*. No 5. P. 119—124 (In Russ.).

Маклаков А. Г., Чермянин С. В., Шамрей В. Л., Кондратьев А. Ю. Особенности оказания медико-психологической помощи родственникам погибших моряков атомной подводной лодки «Курск» // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 2. С. 5—13.

Maklakov A. G., Chermyanin S. V., Shamrey V. L., Kondratiev A. Yu. (2001) Features of medical-psychological assistance to relatives of dead sailors of submarine «Kursk». *Psychological Journal*. Vol.22. No 2. P. 5—13 (In Russ.).

Маслова Т. Ф., Смагина М. В. Наказание детей // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 96—100.

Maslova T. F., Smagina M. V. (2011) Punishment of children. *Sociological Studies*. No 7. P. 96—100 (In Russ.).

Махнач А. В. Опыт представления и обсуждения концептов на супервизиях семейных консультантов // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 100—109.
Mahnach A. V. (2002) Experience of representation and discussion of concepts during supervisions of family consultants. *Psychological Journal*. Vol.23. No 2. P. 100—109 (In Russ.).

Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В. Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 108—122.

Mahnach A. V., Laktionova A. I., Postyliakova I. Yu. (2015) The role of family' resources during the selection of candidates for foster parent. *Psychological Journal*. Vol.36. No1. P. 108—122 (In Russ.).

Мацковский М. С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука. 1989.

Matskovskiy M. S. (1989) Sociology of family: the problems of theory < methodology and technique. M.: Nauka (In Russ.).

Медкова М. В. Семьи «звезд» шоу-бизнеса (контент-анализ материалов прессы) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 131—135.

Medkova M. V. (2002) Families of show business «stars» (content-analysis of press materials). *Sociological Studies*. No 1. P. 131—135 (In Russ.).

Меладзе Г. Г. Эволюция рождаемости вне зарегистрированного брака в Грузии // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 138—141.

Meladze G. G. (2010) Evolution of birthrate outside of formal marriage n Georgia. *Sociological Studies*. No 8. P. 138—141 (In Russ.).

Миронова А. А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136—142.

Mironova A. A. (2014) Kin intergenerational solidarity in Russia. *Sociological Studies*. No 10. P. 136—142 (In Russ.).

Мищенко В. А. Образ семьи в средствах массовой информации // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 137—141.

Mishenko V. A. (2014) Family' image in mass-media. *Sociological Studies*. No 6. P. 137—141 (In Russ.).

Могильчак Е. Л. Влияние семьи на поступление в ВУЗ // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 126—133.

Mogilchak E. L. (2009) Family' influence on admission to university. *Sociological Studies*. No 8. P. 126—133 (In Russ.).

Молдокеева Ж. Ф. Влияние жилищных условий на здоровье (по итогам одного исследования)// Социологические исследования. 2004. № 10. С. 120—122.

Moldokeeva Z. F. (2004) Living conditions' influence on health. *Sociological Studies*. No 10. P. 120—122 (In Russ.).

Мустаева Ф. А. Социальные проблемы современной семьи // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 109—113.

Mustaeva F. A. (2009) Social problems of modern family. *Sociological Studies*. No 7. P. 109—113 (In Russ.).

Мустаева Ф. А. Семья в условиях финансово-экономического кризиса// Социологические исследования. 2010. № 7. С. 66—68.

Mustaeva F. A. (2010) Family under conditions of finance-economical crisis. *Sociological Studies*. No 7. P. 66—68 (In Russ.).

Нечаева Е. Л., Каппасов И. Ж., Айкенова Д. М. Ситуационный анализ государственной политики в отношении детей в Казахстане // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 90—95.

Nechaeva E. L., Kappasov I. Z., Aikenova D. M. (2014) Situational analysis of state policy toward the Kazakhstan' children. *Sociological Studies*. No 11. P. 90—95 (In Russ.).

Никитина Е. А. Оpozнaвание пола в зависимости от способа предъявления изображения лица // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 6. С. 37—44.

Nikitina R. A. (2006) Recognition of sex in dependence of the way of presentation of face image. *Psychological Journal*. Vol.27. No 6. P. 37—44 (In Russ.).

Николаева Е. И., Япарова О. Г. Личностные особенности родителей и детей в приемных семьях// Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 37—42.

Nikolaeva E. I., Iaparova O. G. (2007) Personality' features of parents and children in foster families. *Voprosy Psichologii*. No 6. P. 37—42 (In Russ.).

Николаева Е. И., Меренкова В. С. Особенности эмоционального интеллекта матерей с разным уровнем привязанности к ребенку// Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 70—77.

Nikolaeva E. I., Merenkova V. S. (2012) The features of emotional intellect of mothers with different attachment level to the child. *Psychological Journal*. Vol.33. No 4. P. 70—77 (In Russ.).

Носкова А. В. Год семьи: некоторые итоги// Социологические исследования. 2008. № 12. С. 80—81.

Noskova A. V. (2008) The year of family: some conclusions. *Sociological Studies*. No 12. P. 80—81 (In Russ.).

Носкова А. В. Семейная политика в Европе: эволюция моделей, дискурсов, практик// Социологические исследования. 2014. № 5. С. 56—67.

Noskova A. V. (2014) Family policy in Europe: evolution of models discourses and practices. *Sociological Studies*. No 5. P. 56—67 (In Russ.).

Носкова А. В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10. 177—185.

Noskova A. V. (2015) New methodological approaches, research focuses, discussion problems of sociology of the family. *Sociological Studies*. No 10. P. 177—185 (In Russ.).

Носкова А. В., Титова М. А., Васильев А. А., Кишкин М. И. Дети вне семьи: фостерные практики в России // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 54—64.

Noskova A. V., Titova M. A., Vasiliev A. A., Kishkin M. I. (2016) Children outside the family: foster' practices in Russia. *Sociological Studies*. No 8. P. 54—64 (In Russ.).

Овчарова Л. Н., Попова Д. О. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. 2013. Т. 22. № 3. С. 3—34.

Ovcharova L. N., Popova D. O. (2013) Cash Income and Expenditure of the Russian Population: What Are the Changes in Consumer Standards? *Universe of Russia*. Vol.22. No 3. P. 3—34 (In Russ.).

Одинцова М. А. Образ мира у подростков из неполных семей // Вопросы психологии. 2011. № 2. С. 82—89.

Odintsova M. A. (2011) Image of the world of teenagers from incomplete families. *Voprosy Psichologii*. No2. P. 82—89 (In Russ.).

Орлова Н. А. Родительские практики в восприятии подростков // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 99—108.

Orlova N. A. (2012) Teenager' perception of parental practices. *Sociological Studies*. No 9. P. 99—108 (In Russ.).

Ослон В. Н., Холмогорова А. Б. Замещающая профессиональная семья как одна из моделей решения проблемы сиротства в России // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 79—90.

Oslon V. N., Holmogorova A. B. (2001) Substituting professional family as model for decision the problem of orphan hood in Russia. *Voprosy Psichologii*. No 3. P. 79—90 (In Russ.).

Ослон В. Н., Холмогорова А. Б. Психологическое сопровождение замещающей профессиональной семьи // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 39—52.

Oslon V. N., Holmogorova A. B. (2001) Psychological supervision of substituting professional family. *Voprosy Psichologii*. No 4. P. 39—52 (In Russ.).

Осина Д. И., Рекунчак М. П. Миннесото-техасский проект исследований усыновления: аналитический обзор // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 72—88.

Osina D. I., Rekunchak M. P. (2013) Minnesota-Texas research project of adoption: analytic review. *Psychological Journal*. Vol.34. No 3. P. 72—88 (In Russ.).

Палиева Н. А., Соломатина Г. Н. Психологические факторы эффективности замещающих семей // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 146—152.

Palieva N. A., Solomatina G. N. (2010) Psychological factors of effectiveness of substituting families. *Voprosy Psichologii*. No 5. P. 146—152 (In Russ.).

Панкратова Н. В. Социальный и биологический аспекты родительства// Социологические исследования. 2006. № 10. С. 116—123.

Pankratova N. V. (2006) Social and biological aspects of parenthood. *Sociological Studies*. No10. P. 116—123 (In Russ.).

Парахонская Г. Л. Пожилой человек в семье// Социологические исследования. 2002. № 6. С. 103—110.

Parahoskaya G. L. (2002) Old man in family. *Sociological Studies*. No 6. P. 103—110 (In Russ.).

Пахомов А. А. Особенности трансформации семьи и государственной семейной политики (на примере республики Саха (Якутия))// Социологические исследования. 2005. № 12. С. 101—107.

Pahomov A. A. (2005) Features of transformation of family and family policy. *Sociological Studies*. No 12. P. 101—107 (In Russ.).

Пациорковский В. В., Пациорковская В. В. Большая семья в демографической ситуации России// Социологические исследования. 2009. № 3. С. 121—128.

Patsiorkovskiy V. V., Patsiorkovskaya V. V. (2009) Big family in demographic situation of Russia. *Sociological Studies*. No 3. P. 121—128 (In Russ.).

Пациорковский В. В., Пациорковская В. В. Домохозяйства и семья в сельской России// Социологические исследования. 2010. № 2. С. 111—117.

Patsiorkovskiy V. V., Patsiorkovskaya V. V. (2010) Households and family in rural Russia. *Sociological Studies*. No 23. P. 111—117 (In Russ.).

Пороцкая Е. Л., Спиридонов В. Ф. Выявление представлений родителей о развитии дошкольника // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 31—39.

Porotskaya E. L., Spiridonov V. F. (2004) Detection of parental representations about development of preschool child. *Voprosy Psichologii*. No 4. P. 31—39 (In Russ.).

Прошанов С. Л. Докторские диссертации по социологии (1990—2010 гг.)// Социологические исследования. 2011. № 1. С. 30—39.

Proshanov S. L. (2011) PhD sociological dissertations. *Sociological Studies*. No 1. P. 30—39 (In Russ.).

Пучков П. В. Вы чье, старичье? Опыт анализа геронтологического насилия// Социологические исследования. 2005. № 10. С. 35—41.

Puchkov P. V. (2005) Vi chie starichie? *Sociological Studies*. No 10. P. 35—41 (In Russ.).

Пфау-Эффингер Б. Культурные перемены и семейная политика в Восточной и Западной Германии// Социологические исследования. 2003. № 10. С. 78—87.

Phau-Effinger B. (2003) Cultural changes and family policy in Eastern and Western Germany. *Sociological Studies*. No 10. P. 78—87 (In Russ.).

Рабжаева М. В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89—98.

Rabzaeva M. V. (2004) Historical-social analysis of family police in Russia in XX age. *Sociological Studies*. No 6. P. 89—98 (In Russ.).

- Радина Н. К. Изучение самопринятия у детей, воспитывающихся в закрытых детских учреждениях и в семье // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 23—33.
Radina N. K. (2000) Research of self-acceptance of children, educating in childcare facilities and family. *Voprosy Psichologii*. No 3. P. 23—26 (In Russ.).
- Ржаницына Л. С. Алименты на детей как элемент гражданской ответственности // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 56—65.
Rzanitsina L. S. (2010) Alimony for children as element of civilian responsibility. *Sociological Studies*. No 7. P. 56—65 (In Russ.).
- Ржаницына Л. С. Молодые семьи с детьми: кто такие, как живут, чего хотят? // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 85—94.
Rzanitsina L. S. (2011) Young families with children: who they are? How they are living? What they want? *Sociological Studies*. No 3. P. 85—94 (In Russ.).
- Ржаницына Л. С. Как живут пенсионеры сегодня? // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 98—110.
Rzanitsina L. S. (2012) How pensioners are living today? *Sociological Studies*. No 4. P. 98—110 (In Russ.).
- Ржаницына Л. С., Рыбальченко С. И. Состояние семейной политики и предложения по ее совершенствованию // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 47—57.
Rzanitsina L. S., Rybalchenko S. I. (2013) Status of family policy and propositions for its development. *Sociological Studies*. No 6. P. 47—57 (In Russ.).
- Рошин С. Ю., Рошина Я. М. Заключение и расторжение брака в современной России: микроэкономический анализ // Мир России. 2007. Т. 16. № 4. С. 113.147.
Roshin S. Yu., Roshina Ya. M. (2007) Marriages and divorces in modern Russia: micro-economic analysis. *Universe of Russia*. 2007. Vol.16. No 4. P. 113—147 (In Russ.).
- Сабельникова Н. В., Каширский Д. В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 84—97.
Sabelnikova N. V., Kashirskiy D. V. (2015) Questionnaire of attachment to close peoples. *Psychological Journal*. V.36. No 4. P. 84—97 (In Russ.).
- Савинская О. Б. Забота о детях работающих москвичек // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 137—142.
Saninskaya O. B. (2011) Caring for children of employed Moscow women. *Sociological Studies*. No 1. P. 137—142 (In Russ.).
- Самоукина М. В. Симбиотические аспекты отношений между матерью и ребенком // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 67—81.
Samoukina M. V. (2000) Symbiotic aspects of mother-child relations. *Voprosy Psichologii*. No 3. P. 67—81 (In Russ.).
- Сатыбалдина Е. В. Семья в системе жизненных ценностей жителей среднего уральского города // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 90—95.
Satybalдина E. V. (2011) Family in the system of life values of Middle Ural city. *Sociological Studies*. No 7. P. 90—95 (In Russ.).

Сатыбалдина Е. В. Особенности семейной культуры жителей уральского моногорода // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 141—147.

Satybaldina E. V. (2013) Features of family culture of citizen' Ural mono-city. *Sociological Studies*. No 11. P. 141—147 (In Russ.).

Сергиенко Е. А., Микова Т. С. Психологическая адаптация женщин с травматическим опытом искусственного прерывания беременности // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 4. С. 70—82.

Sergienko E. A., Mikova T. S. (2011) Psychological adaptation of women experienced trauma of abortion. *Psychological Journal*. Vol.32. No 4. P. 70—82 (In Russ.).

Сидоров К. Р. Особенности родительской семьи у старшеклассников с разным сочетанием самооценки и притязаний // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 6. С. 98—102.

Sidorov K R. (2008) Features of parental family of high-school students with different combination of self-esteem and claims. *Psychological Journal*. Vol.29. No 6. P. 98—102 (In Russ.).

Сизоненко З. Л. Межнациональная семья в крупном городе // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 140—142.

Sizonenko Z. L. (2007) Cross-national family in big city. *Sociological Studies*. No 2. P. 140—142 (In Russ.).

Скутнева С. В. Раннее материнство // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 114—118.

Skutneva S. V. (2009) Early motherhood. *Sociological Studies*. No 7. P. 114—118 (In Russ.).

Слободская Е. Р., Ахметова О. А., Кузнецова В. Б., Риппинен Т. О. Взаимодействие чувствительности к подкреплению и семейных факторов благополучия детей и подростков // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 60—69.

Slobodskaya E. R., Ahmetova O. A., Kuznetsova V. B., Rippinen T. O. (2012) Interaction of sensitivity for reinforcement and family factors of wellbeing of children and teenagers. *Psychological Journal*. Vol.33. No 4. P. 60—69 (In Russ.).

Смолькин А. А. Межпоколенческие конфликты в повседневной жизни // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 110—114.

Smolkin A. A. (2010) Intergenerational conflicts in everyday life. *Sociological Studies*. No 11. P. 110—114 (In Russ.).

Собкин В. С., Марич Е. М. Опыт структурного анализа ценностных ориентаций родителей дошкольников // Вопросы психол. 2003. № 1. С. 3—12.

Sobkin V. S., Marich E. M. (2003) Experience of structural analysis of value orientations of parents of pre-school children *Voprosy Psichologii*. No 1. P. 3—12 (In Russ.).

Собкин В. С., Баранова Е. С. Социально-психологические особенности переживания сексуального опыта в подростковом возрасте // Вопросы психол. 2006. № 3. С. 55—67.

Sobkin V. S., Baranova E. S. (2006) Socio-psychological features of teenager's sexual experience. *Voprosy Psichologii*. No 1. P. 3—12 (In Russ.).

Собкин В. С., Скобельщина К. Н., Иванова А. И. Влияние социальных факторов на семейный досуг дошкольника // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 62—70.

Sobkin V. S., Skobeltsina K. N., Ivanova A. I. (2013) Social factors' influence on family spare time of pre-school children. *Sociological Studies*. No 6. P. 62—70 (In Russ.).

Соболева Н. Э., Пашинова Т. Р., Карабчук Т. С. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. Т. 22. № 1. С. 155—175.

Soboleva N. E., Pashinova T. R., Karabchuk T. S. (2013) Poverty of Russian Households: What We Know About It from RLMS Database. *Universe of Russia*. V.22. No 1. P. 155—175 (In Russ.).

Соколов М. М. О процессе академической (де)цивилизации // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 21—30.

Sokolov M. M. (2012) About the process of academic (de)civilization. *Sociological Studies*. No 8. P. 21—30 (In Russ.).

Солодников В. В. Семья: социологическая и социально-психологическая парадигмы // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 130—138.

Solodnikov V. V. (1994) The family: sociological and socio-psychological paradigms. *Sociological Studies*. No 4. P. 130—138 (In Russ.).

Солодников В. В. Социально-дезадаптированная семья в современном обществе. Рязань: Изд-во «Пресса», 2001. — 170с.

Solodnikov V. V. (2001) Socially maladaptive family in modern society. Ryazan: Pressa, 2001. — 170P. (In Russ.).

Солодников В. В. Социально дезадаптированная семья в контексте общественного мнения // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 76—85.

Solodnikov V. V. (2004) Socially maladaptive family in context of public opinion. *Sociological Studies*. No 6. P. 76—85 (In Russ.).

Солодникова И. В., Солодников В. В. Исследование личности и ее развития: парадигмальный анализ // Вестник РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование. 2107. № 2 (8). С. 92—109.

Solodnikova I., Solodnikov V. (2017) The study of personality and its development, paradigm analysis. *RSUH/RGGU Bulletin*. Series: Psychology. Pedagogics. Education. No 2(8). P. 92—109 (In Russ.).

Солодухина Д. П., Черных Л. Л. Роль родственников в уходе за хроническими больными // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 83—87.

Soloduhina D. P., Chernyh L. L. (2010) Role of kinfolk in caring for chronically ill people. *Sociological Studies*. No 7. P. 23—26 (In Russ.).

Соломатина Г. Н. Психологические барьеры, возникающие в патронатной семье в период адаптации // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 155—160.

Solomatina G. N. (2008) Psychological barriers in patronal family during period of adaptation. *Voprosy Psichologii*. No 3. P. 155—160 (In Russ.).

Соломатина Г. Н. Адаптация детей-сирот к условиям приемной семьи// Вопросы психологии. 2008. № 6. С. 76—82.

Solomatina G. N. (2008) Children-orphan' adaptation for conditions of adoptive family. *Voprosy Psichologii*. No 6. P. 76—82 (In Russ.).

Станкунене В. К современной модели семьи в Литве (признаки, факторы, установки)// Социологические исследования. 2004. № 5. С. 54—65.

Stankunene V. K. (2004) About modern family model in Lithuania (indicators, factors, attitudes). *Sociological Studies*. No 5. P. 54—65 (In Russ.).

Стрельник Е. А. Государственный неотрадиционализм и семейная политика в Украине// Социологические исследования. 2014. № 9. С. 97—102.

Strelnik E. A. (2014) State neotraditionalism and family policy in Ukraine. *Sociological Studies*. No 9. P. 97—102 (In Russ.).

Тартаковская И. Н. Гендерные аспекты стратегии безработных// Социологические исследования. 2000. № 11. С. 73—82.

Tartakovskaya I. N. (2000) Gender aspects of unemployed people' strategy. *Sociological Studies*. No 11. P. 73—82 (In Russ.).

Тихомирова В. В. Социальное самочувствие и ценностные ориентации молодой семьи// Социологические исследования. 2010. № 2. С. 118—124.

Tihomirova V. V. (2010) Social well-being and value orientations of young family. *Sociological Studies*. No 2. P. 118—124 (In Russ.).

Трушкина С. В. Модели материнства у женщин с нормальным и нарушенным родительским поведением// Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 95—104.

Trushkina S. V. (2010) Maternity models of women with normal and disturbed parental behavior. *Voprosy Psichologii*. No 5. P. 95—104 (In Russ.).

Убайдуллаева Р. А. Общество и семья в Узбекистане// Социологические исследования. 2011. № 10. С. 88—98.

Ubaidullaeva R. A. (2011) Society and family in Uzbekistan. *Sociological Studies*. No 10. P. 88—98 (In Russ.).

Уваров А. Г., Ястребов Г. А. Социально-экономическое положение семей и школа как конкурирующие факторы образовательных возможностей: ситуация в России // Мир России. 2014. Т. 23. № 2. С. 103—132.

Uvarov A. G., Yastrebov G. A. (2014) Schools and Socioeconomic Standing of Russian Families as Competing Factors in Promoting Social Inequality in Russia. *Universe of Russia*. Vol.23. No 2. P. 103—132 (In Russ.).

Ушаков Д. В. Роль семьи в воспроизводстве этничности народов Республики Алтай// Социологические исследования. 2009. № 3. С. 101—107.

Ushakov D. V. (2009) The role of family in reproduction of ethnicity Republic Altay' nations. *Sociological Studies*. No 3. P. 101—107 (In Russ.).

Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей// Социологические исследования. 2000. № 6. С. 78—87.

Uellman B. (2000) The place of kinfolks in system of personal relations. *Sociological Studies*. No 6. P. 78—87 (In Russ.).

Федотова Ю. В. Проблема понимания кризиса семьи// Социологические исследования. 2003. № 11. С. 137—141.

Fedotova Yu.V. (2003) The problem of crisis family' understanding. *Sociological Studies*. No 11. P. 137—141 (In Russ.).

Филиппова Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии// Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 22—36.

Filippova G. G. (2001) Maternity and main aspects of its research in psychology. *Voprosy Psichologii*. No 2. P. 22—36 (In Russ.).

Харламенкова Н. Е. Роль отца в дифференциации гендерной идентичности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 56—64.

Harlamenkova N. E. (2007) Father' role in differentiation of gander identity. *Psychological Journal*. Vol.28. No 3. P. 56—64 (In Russ.).

Харламенкова Н. Е. Признаки сепарации дочери в отношениях с маскулинной и фемининной матерью// Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 58—68.

Harlamenkova N. E. (2007) Daughter' indications of separation in relations with masculine and feminine mother. *Psychological Journal*. Vol.28. No 3. P. 56—64 (In Russ.).

Хван С. У., Ким Д. С. Феномен семьи-кироги в современной Корее// Социологические исследования. 2015. № 2. С. 91—96.

Hvan S. U., Kim D. S. (2015) Family-kirofa phenomena in modern Korea. *Sociological Studies*. No 2. P. 91—96 (In Russ.).

Хвостенко А. А. Здоровье контрактников и членов их семей// Социологические исследования. 2003. № 12. С. 82—84.

Hvostenko A. A. (2003) Health of contract servicemen and their family members. *Sociological Studies*. No 12. P. 82—84 (In Russ.).

Хилажева Г. Ф. Насилие в семье как социальная проблема современного общества// Социологические исследования. 2015. № 8. С. 61—65.

Hilajeva G. F. (2015) Violence in family as social problem. *Sociological Studies*. No 8. P. 61—65 (In Russ.).

Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Полкунова Е. В. Семейные факторы депрессии // Вопросы психологии. 2005. № .6. С. 63—71.

Holmogorova A. B., Volikova S. V., Polkunova E. V. (2005) Family factors of depression. *Voprosy Psichologii*. No 6. P. 63—71 (In Russ.).

Циринг Д. А. Семья как фактор формирования личностной беспомощности у детей// Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 22—31.

Ciring D. A. (2009) Family as factor of forming personality' helplessness of children. *Voprosy Psichologii*. No 1. P. 22—31 (In Russ.).

Чадова Т. А. Опекунские семьи в Москве: риски бедности и социальная защищенность// Социологические исследования. 2010. № 11. С. 74—82.

Chadova T. A. (2010) Custodial families in Moscow: risks of poverty and social protection. *Sociological Studies*. No 11. P. 74—82 (In Russ.).

Черняева Т. И. Социальная реабилитация «нетипичных» детей// Социологические исследования. 2005. № 6. С. 85—94.

Chernyaeva T. I. (2005) Social rehabilitation of «atypical» children. *Sociological Studies*. No 6. P. 85—84 (In Russ.).

Швец А. М., Могилёвкин Е. А., Каргаполова Е. Ю. Мотивация вступления в брак и ее влияние на кризис будущей семьи// Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 89—97.

Svets A. M., Mogilevkin E. A., Kargapolova E. Yu. (2006) Marriage' motivation and its influence on crisis of future family. *Voprosy Psichologii*. No 2. P. 89—97 (In Russ.).

Шевченко И. О., Шевченко П. В. Большая семья — какая она?// Социологические исследования. 2005. № 1. С. 95—101.

Shevchenko I. O., Shevchenko P. V. Big family — what is it? *Sociological Studies*. No 1. P. 95—101 (In Russ.).

Шумакова Н. Б. Влияние представлений родителей об обучении на развитие одаренности у детей// Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 119—127.

Shumakova N. B. (2004) Influence of parental representations on child's development of talent. *Voprosy Psichologii*. No 2. P. 119—127 (In Russ.).

Эфендиев А. Г., Сорокин П. С., Балабанова Е. С. Основные проблемы развития российских и зарубежных социологических журналов// Социологические исследования. 2015. № 9. С. 36—49.

Efendiev A. G., Sorokin P. S., Balabanova E. S. (2015) Main development problems of Russian and foreign sociological journals. *Sociological Studies*. No 9. P. 36—49 (In Russ.).

Янк К. Опасность ранних сексуальных отношений для психического развития и будущей жизни в браке// Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 160—163.

Yank K. (2006) Dander of premature sexual relations for psychic development and future marital life. *Voprosy Psichologii*. No 4. P. 160—163 (In Russ.).

Ярмиева Р. М. Роль семьи в формировании и развитии языка// Социологические исследования. 2008. № 1. С. 65—68.

Yarmieva R. M. (2008) Family' pole in forming and development of language. *Sociological Studies*. No 1. P. 65—68 (In Russ.).

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В., Антонова Е. П. Домашнее насилие над детьми. Стратегии объяснения и противодействия// Социологические исследования. 2008. № 1. С. 57—64.

Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V., Antonova E. P. (2008) Domestic violence over children. *Sociological Studies*. No 1. P. 57—64 (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список проанализированных источников (List of analyzed sources)

Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95—104.

Avdeeva A. R. «Plugged fatherhood» in modern Russia: the strategies of caring for children. *Sociological Studies*. 2012. No 11. P. 95—104 (In Russ.).

Анцупов А. Я., Кандыбович С. Л., Крук В. М., Тимченко Г. Н., Харитонов А. Н. Статистический анализ докторских диссертаций по психологии (1935—2013 гг.) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 62—76.

Antsupov A. Ya., Kandybovich S. L., Kruk V. M., Timchenko G. N. Statistical analysis of PhD dissertations in psychology (1935—2013). *Psychological Journal*. 2014. Vol.35. No 5. P. 62—76 (In Russ.).

Багнетова Е. А. Влияние семейных факторов на образ жизни и здоровье старшеклассников // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 139—142.

Bagnetova E. A. Influence of family factors on way of life and health of high school students. *Sociological Studies*. 2011. No 8. P. 139—142 (In Russ.).

Бадыштова И. М. Специфика домохозяйств трудовых мигрантов в России // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 83—90.

Badyshtova I. M. Features of households of labour migrants in Russia. *Sociological Studies*. 2002. No 9. P. 83—90 (In Russ.).

Бакланова О. Э., Муханова Н. А. Личностные особенности и характер поведения супругов в семейных конфликтах // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 49—58.

Baklanova O. E., Muhanova N. A. Personality's features and behavioral patterns of spouses in family conflicts. *Psychological Journal*. 2011. Vol.32. No 2. P. 49—58 (In Russ.).

Бакланова О. Э. Согласованность ролевых представлений супругов // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 63—74.

Baklanova O. E. Coherence of role representations of spouses. *Voprosy Psichologii*. 2012. No 1. P. 63—74 (In Russ.).

Балабанов С. С., Наук Б., Саралиева З. Х. -М. Типология мотивов иметь или не иметь детей // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 129—135.

Balabanov S. S., Nauk B., Saraliev Z. H. -M. Tipology of motives to have and not to have children. *Sociological Studies*. 2009. No 3. P. 129—135 (In Russ.).

Безрукова О. Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 118—127.

Bezrukova O. N. Values of parenthood: structure, types, resources. *Sociological Studies*. 2016. No P. 118—127 (In Russ.).

- Бодрова В. В. Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 96—102.
Bodrova V. V. Reproductive behavior as factor of depopulation in Russia. *Sociological Studies*. 2002. No 6. P. 96—102 (In Russ.).
- Бурова С. Н., Демидова А. В. Тенденции исследования семьи в советский и пост-советский периоды // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 97—103.
Burova S. N., Denidova A. V. Tendencies of family researches in soviet and post soviet periods. *Sociological Studies*. 2008. No 12. P. 97—103 (In Russ.).
- Бурханова Ф. Б. Брак и семья у башкир // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 66—74.
Burhanova N. A. Bashkir's marriage and the family. *Sociological Studies*. 2015. No 8. P. 66—74. (In Russ.)
- Васильева В. В., Орлов В. И., Сагамонова К. Ю., Черноситов А. В. Психологические особенности женщин с бесплодием // Вопросы психологии. 2003. № 6. С. 93—98.
Vasilieva V. V., Orlov V. I., Sagamonova K. Yu., Chernositov A. V. Psychological features of infertile women. *Voprosy Psichologii*. 2003. No 6. P. 93—98 (In Russ.).
- Вдовина М. В. Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 102—104.
Vdovina M. V. Intergenerational conflicts in Russian family. *Sociological Studies*. 2005. No 1. P. 102—104 (In Russ.).
- Виноградский В. Г., Виноградская О. Я., Никулин А. М., Фадеева О. П. Жизненные круги Любы Курановской // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 61—76.
Vinogradskrti V. G., Vinogradskeya O. Ia., Nikulin A. M., Fadeeva O. P. Life circles of Liuba Kuranovskaya. *Sociological Studies*. 2002. No 1. P. 61—76 (In Russ.).
- Виноградский В. Г., Виноградская О. Я., Никулин А. М., Фадеева О. П. Жизненные круги Любы Курановской // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 100—109.
Vinogradskrti V. G., Vinogradskeya O. Ia., Nikulin A. M., Fadeeva O. P. Life circles of Liuba Kuranovskaya. *Sociological Studies*. 2002. No 11. P. 100—109 (In Russ.).
- Гозман Л. Я, Алешина Ю. Е. Социально-психологические исследования семьи: проблемы и перспективы // Вестник МГУ. Серия 14 «Психология». 1985. № 4. С. 10—20.
Gozman L. Ia., Aleshina Ju. E. Sicial-psychological researches of family: problems and perspectives. *Vestnik MGU. Series 14. «Psihologija»*. 1985. No 4. P. 10—20 (In Russ.).
- Голод С. И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта. История и современное состояние // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 82—90.
Golod S. I. Procreation, plurality of erotic landscape. The history and modern state. *Sociological Studies*. 2008. No 12. P. 82—90 (In Russ.).
- Горлач М. Г. Гендерный аспект семейно-ролевого диссонанса // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 135—136.

Gorlach M. G. Gender aspect of family-role dissonance. *Sociological Studies*. 2002. No 1. P. 135—136 (In Russ.).

Гриценко В. В., Молчанова Н. В. Социально-психологическая адаптация подростков в условиях трудовой миграции их родителей // Вопросы психологии. 2010. № 4. С. 45—54.

Grishenko V. V., Molchanova N. V. Socio-psychological adaptation of teenagers with parents — labor migrants. *Voprosy Psichologii*. 2010. No 4. P. 45—54 (In Russ.).

Гурко Т. А., Тасеев В. Б. Опыт организации приемных семей в Самарской области // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 78—85.

Gurko T. A., Taseev V. B. Experience of organization of foster families in Samara region. *Sociological Studies*. 2007. No 9. P. 78—85 (In Russ.).

Гурко Т. А., Орлова Н. А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 99—107.

Gurko T. A., Orlova N. A. Development of teenager's personality in different family types. *Sociological Studies*. 2011. No 10. P. 99—107 (In Russ.).

Гурко Т. А. Репродуктивные планы супругов // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 77—85.

Gurko T. A. Reproductive plans of spouses. *Sociological Studies*. 2014. No 9. P. 77—85 (In Russ.).

Дементьева И. Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 108—113.

Dementyeva I. F. Negative factors of parenting in incomplete family. *Sociological Studies*. 2001. No 11. P. 108—113 (In Russ.).

Дементьева И. Ф. Социальное самочувствие семьи // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 102—109.

Dementyeva I. F. Social wellbeing of family. *Sociological Studies*. 2008. No 9. P. 102—109 (In Russ.).

Дерман Н. А. Этнический аспект эволюции семьи в современной Эстонии // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 93—98.

Derman N. A. Ethnic aspect of evolution of family in modern Estonia. *Sociological Studies*. 2007. No 9. P. 93—98 (In Russ.).

Дюпра-Куштанина В. А., Лутошкина С. Ю. Женская бездетность и сценарии жизненного пути // Мир России. 2014. Т. 23. № 2. С. 183—203.

Dupra-Kushtanina V. A. Female childlessness and Life Course Scenarios. *Universe of Russia*. 2014. V.23. No 2. P. 183—203 (In Russ.).

Захаров С. В., Чурилова Е. В. Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. 2013. Т. 22. № 4. С. 86—113.

Zaharov S. V., Churilova E. V. Single Motherhood in Russia: Statistical and Demographic Analysis of its Prevalence and Formation Patterns. *Universe of Russia*. 2013. Vol.22. No 4. P. 86—113 (In Russ.).

Елютина М. Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 83—92.

Elutina M. E. Spousal relationships in old age. *Sociological Studies*. 2010. No 11. P. 83—92 (In Russ.).

Ивченкова Н. П., Ефимова А. В., Аккузина О. П. Установки подростков по отношению к началу половой жизни // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 49—57.

Ivchenkova N. P., Efimova A. V., Akkuzina O. P. Teenager' attitudes toward the beginning of sexual life. *Voprosy Psichologii*. 2001. No 3. P. 49—57 (In Russ.).

Игебаева Ф. А. Семья в трансформирующемся российском обществе (на примере Республики Башкортостан) // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 73—76.

Igebaeva F. A. Family in transforming Russian society (on the example of Bashkortostan Republic). *Sociological Studies*. 2014. No 9. P. 73—76 (In Russ.).

Ильяшенко А. Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 85—91.

Iliashenko A. N. The main features of violent criminality in family. *Sociological Studies*. 2003. No 4. P. 85—91 (In Russ.).

Ипатова А. А., Тынди́к А. О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. 2015. Т. 24. № 4. С. 23—148.

Ipatovaa A. A., Tyndik A. O. Reproductive Age: 30 Years Old in Preferences and Biographies. *Universe of Russia*. 2015. Vol.24. No4. P. 23—148 (In Russ.).

Истомина А. В. Гендерные различия в телесном наказании детей // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 127—130.

Istomina A. V., Gender differences in bodily punishment of children. *Sociological Studies*. 2003. No 4. P. 85—91 (In Russ.).

Исупова О. Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 185—194.

Isupova O. G. Maternal career: children and labor strategies. *Sociological Studies*. 2015. No 10. P. 185—194 (In Russ.).

Калина О. Г., Холмогорова А. Б. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и поло-ролевую идентичность подростков // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 15—26.

Kalina O. G., Holmogorova A. B. Influence of father' image on emotional well-being and sex-role identity of teenagers. *Voprosy Psichologii*. 2007. No 1. P. 15—26 (In Russ.).

Каримова З. Х. Жизненные ценности одиноких матерей // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 131—134.

Karimova Z. H. Life values of single mothers. *Sociological Studies*. 2007. No 6. P. 131—134 (In Russ.).

Карни Б. Р., Бредбури Т. Н. Лонгитюдные изменения качества и стабильности брака: обзор теорий, методов и исследований // Мониторинг общественного

мнения: Экономические и социальные перемены. № 1 (131) январь—февраль 2016. С. 21—99.

Karney B., Bradbury Th. N. The longitudinal course of marital quality and stability: a review of theory, method and research. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2016. No 1. P. 21—99 (In Russ.).

Киселева Н. А. Динамика эмоциональных состояний приемных детей, воспитывающихся в замещающих семьях // Вопросы психологии. 2015. № 4. С. 70—80.
Kiseleva N. A. Dynamics of emotional states of adoptive children who are parenting in foster families. *Voprosy Psichologii*. 2015. No 4. P. 70—80 (In Russ.).

Климова С. В. Анализ отношений юных женщин с мужчинами среднего возраста // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 48—54.

Klimova S. V. Analysis of relations between young females and middle-aged men. *Sociological Studies*. 2002. No 11. P. 48—54 (In Russ.).

Климова С. В. Социальный феномен любви // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 79—88.

Klimova S. V. Love as social phenomena. *Sociological Studies*. 2009. No 9. P. 79—88 (In Russ.).

Климова С. В. Домашний труд в городской семье // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 118—121.

Klimova S. V. Domestic work in an urban family. *Sociological Studies*. 2012. No 4. P. 118—121.

Козлова Т. З. Проблемы создания и жизнедеятельности опекунской семьи // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 136—139.

Kozlova T. Z. Problems of forming and life of custodial family. *Sociological Studies*. 2009. No 3. P. 136—139 (In Russ.).

Козлова Т. З. Межпоколенческие отношения в опекунской семье // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 144—145.

Kozlova T. Z. Intergenerational relations in custodial family. *Sociological Studies*. 2011. No 4. P. 144—145 (In Russ.).

Коннов В. И., Юревич М. А. Тенденции цитирования в российских и зарубежных психологических журналах // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 42—51.

Konnov V. I., Yurevich M. A. Citation tendencies in Russian and foreign psychological journals. *Voprosy Psichologii*. 2014. No 2. P. 42—51 (In Russ.).

Краснова О. В. Бабушки в семье // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 108—116.

Krasnova O. V. Grandmothers in family. *Sociological Studies*. 2000. No 11. P. 108—116 (In Russ.).

Кузьмишина Т. Л. Поведение дошкольников в ситуации детско-родительского конфликта // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 38—45.

Kuzmishina T. L. Behavior of pre-school children in situation of child-parental conflict. *Voprosy Psichologii*. 2007. No 1. P. 38—45 (In Russ.).

- Кулагина Н. В. Роль семьи в социальной адаптации отбывших наказание // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 143—150.
Kulagina E. V. Role of family in adaptation of former convicted people. *Sociological Studies*. 2016. No 9. P. 143—150 (In Russ.).
- Левкович В. Л. Взаимоотношения супругов в семьях предпринимателей // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 24—31.
Levkovich V. L. Spousal relationships in families of business owners. *Psychological Journal*. 2004. Vol.25. No 5. P. 24—31 (In Russ.).
- Левкович В. П. Роль родительской семьи во взаимоотношениях молодых супругов // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 41—47.
Levkovich V. L. The role of parental family in relationships of young spouses. *Psychological Journal*. 2008. Vol.29. No 3. P. 41—47 (In Russ.).
- Левкович В. П. Особенности добрачных отношений супругов как фактор дестабилизации семьи // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 2. С. 87—91.
Levkovich V. L. The features of pre-marital spousal relationships as factor of family destabilization. *Psychological Journal*. 2009. Vol.30. No2. P. 87—91 (In Russ.).
- Левкович В. П. Добрачная беременность как один из факторов дестабилизации семьи // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 109—115.
Levkovich V. L. Pre-marital pregnancy as factor of family destabilization. *Psychological Journal*. 2011. Vol. 32. No 2. P. 109—115 (In Russ.).
- Леонтьев Д. А., Сулимина О. В., Бастракова А. С. Траектории личностного развития у подростков, воспитывающихся в семье, и подростков-сирот // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 30—48.
Leontiev D. A., Sulimina O. V., Bastrakova A. S. Personality' development trajectories of teenagers-orphans and parenting in family. *Voprosy Psichologii*. 2014. No 4. P. 30—48 (In Russ.).
- Лисовский В. Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 111—116.
Lisovsky V. T. «Fathers» and «children» for dialog in relations. *Sociological Studies*. 2002. No 7. P. 111—116 (In Russ.).
- Луныкова Л. Г. О современном уровне жизни семей одиноких матерей // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 86—95.
Luniakova L. G. About modern standard of living of single mothers. *Sociological Studies*. 2001. No 8. P. 86—95 (In Russ.).
- Луценко Е. Л., Цокота В. Р. Адаптационный потенциал женщин, готовящихся стать суррогатными матерями // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 5—23.
Lutsenko E. L., Tsokota V. R. Adaptive potential of women who are preparing to become surrogate mothers. *Psychological Journal*. 2013. Vol.34. No 3. P. 5—23 (In Russ.).
- Лысова А. В. Насилие на свиданиях в России // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 13—14.

Lysova A. V. Violence during dating. *Sociological Studies*. 2006. No 2. P. 13—14 (In Russ.).

Лысова А. В. Применение конфликтных тактических шкал в исследовании сексуального насилия // Социологические исследования. 2007. № 8. С. 97—103.

Lysova A. V. Applying the conflict tactic' scales for.researchx of sexual abuse. *Sociological Studies*. 2007. No 8. P. 97—103 (In Russ.).

Лыткина Т. С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 85—91.

Lytkina T. S. Home labor and power' distribution in family. *Sociological Studies*. 2004. No 9. P. 85—91 (In Russ.).

Ляксо Е. Е. Некоторые характеристики материнской речи, адресованной младенцам первого полугодия жизни // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 55—64.

Lyakso E. E. Some features of maternal speech which is addressed to infants of first year old. *Psychological Journal*. 2002. Vol. 23. No 2. P. 55—64 (In Russ.).

Ляксо Е. Е., Челибанова О. В., Галунов В. И. Акустические характеристики материнской речи, адресованной младенцам второго полугодия жизни // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 58—67.

Lyakso E. E., Chilibanova O. V., Galunov V. I. Acoustic parameters of maternal speech which is addressed to infants of second half year old. *Psychological Journal*. 2003. Vol. 24. No 5. P. 58—67 (In Russ.).

Ляксо Е. Е. Вокально-речевая имитация в диаде «мать-ребенок»: первый год жизни // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 81—93.

Lyakso E. E. Vocal-speech imitation in dyad 'mother-child': first year old. *Psychological Journal*. 2005. Vol. 24. No 3. P. 81—93 (In Russ.).

Ляксо Е. Е., Громова А. Д., Куракова А. В., Романова О. А., Остроухова А. В. Влияние материнской депривации и неврологических заболеваний на речевое развитие детей первых трех лет жизни // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 102—112.

Lyakso E. E., Gromova A. D., Kurakova A. V., Romanova O. A., Ostrouhova A. V. Influence of maternal deprivation and neurological illnesses on child' speech development of first three years old. *Psychological Journal*. 2006. Vol. 27. No 2. P. 102—112 (In Russ.).

Лялюгене И. Ю., Рупшене Л. А. Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 69—75.

Lyalukene I. Yu., Rupshene L. A. Influence of parent' labor migration on teenager's socialization. *Sociological Studies*. 2008. No 1. P. 69—75 (In Russ.).

Мацковский М. С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука. 1989.

Matskovskiy M. S. Sociology of family: the problems of theory, methodology and technique. M.: Nauka, 1989. (In Russ.).

Меренков А. В. Тенденция изменения семейного воспитания в современном обществе // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 101—110.

Merenkov A. V. Tendencies of parenting in modern society. *Sociological Studies*. 2013. No 2. P. 101—110 (In Russ.).

Методические аспекты стандартизации эмпирических индикаторов исследований брака и семьи: (Программы и методики исследований брака и семьи) / отв. ред. М. С. Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1986.

Methodical aspects of standardization of empirical indicators of marriage and family researches / Ed. by *Matskovskiy M. S.* M.: ISI AN, SSA, 1986. (In Russ.).

Методические программы и методики исследований брака и семьи: (Программы и методики исследований брака и семьи) / отв. ред. М. С. Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1986.

Methodical programs and techniques of researches of marriage and family / Ed. by *Matskovskiy M. S.* M.: ISI AN, SSA, 1986. (In Russ.).

Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18—27.

Mesheryakova S. Yu. Psychological readiness for maternity. *Voprosy Psichologii*. 2000. No 5. P. 18—27 (In Russ.).

Минюрова С. А. Представления об отношениях полов у женщин разного социального статуса // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 57—65.

Miniurova S. A. Representations about sex' relations of women of different social status. *Voprosy Psichologii*. 2005. No 5. P. 57—65 (In Russ.).

Митрикас А. А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 65—73.

Mitrikas A. A. Family as value: the state and perspectives of value choice in European countries. *Sociological Studies*. 2004. No 5. P. 65—73 (In Russ.).

Николаева Е. И., Меренкова В. С. Влияние особенностей привязанности матери к ребенку первых лет жизни и ее реагирования в эмоциональной ситуации на здоровье ребенка // Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 65—72.

Nikolaeva E. I., Merenkova V. S. Influence of maternal attachment features to the child of first years old and her reaction in emotional situation on child' health. *Voprosy Psichologii*. 2010. No 2. P. 65—72 (In Russ.).

Николаева Е. И., Меренкова В. С. Психологические и психофизиологические механизмы влияния качества ухода за ребенком на его здоровье // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 49—56.

Nikolaeva E. I., Merenkova V. S. Psychological and psychophysiological mechanisms of influence of the quality of caring for child on his/her health. *Psychological Journal*. 2015. Vol. 36. No 3. P. 49—56 (In Russ.).

Овчарова Л. Н. Новая политика поддержки семей с детьми: кардинальный прорыв или первый шаг? // Мир России. 2008. Т. 17. № 2. С. 41—68.

Ovcharova L. N. New policy of support families with children: cardinal breakthrough or first step? *Universe of Russia*. 2008. Vol. 17. No 2. P. 41—68 (In Russ.).

Очкина А. В. Культурный капитал семьи как фактор социального поведения и социальной мобильности (на материалах исследования в провинциальном российском городе) // Мир России. 2010. Т. 19. № 1. С. 67—88.

Ochkina A. V. Family's Cultural Capital as a Factor of Social Behavior and Social Mobility (an empirical study in a provincial Russian city). *Universe of Russia*. 2010. Vol. 19. No 1. P. 67—88 (In Russ.).

Петровский В. А., Полевая М. В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 19—26.

Petrovskiy V. A., Polevaya M. A. Alienation as phenomena of child-parental relations. *Voprosy Psichologii*. 2001. No 1. P. 19—26 (In Russ.).

Попова И. Л. Профессиональный выбор: влияние культурных ресурсов семей российских специалистов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 130—140.

Popova I. L. Professional choice: influence of cultural resources of Russian specialists families. *Sociological Studies*. 2013. No 11. P. 130—140 (In Russ.).

Потемкин С. Б., Хасин Л. А., Хасина П. Л., Щедрина Л. В. Анализ тенденций развития психологии на основе выделения динамики частоты использования психологических терминов // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 95—103.

Potemkin S. B., Hasin L. A., Hasina P. L., Shedrina L. V. Analysis of tendencies of psychology development on the base of frequency dynamics of using of psychological concepts. *Voprosy Psichologii*. 2015. No 6. P. 95—103 (In Russ.).

Прикладные программы исследований брака и семьи (программы и методики исследований брака и семьи) / Отв. ред. Мацковский М. С. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1986.

Applied programs of researches of marriage and the family/ Ed. by Matskovskiy M. S. M.: ISI AN USSR, SSA, 1986. (In Russ.).

Прокофьева Л. М., Валетас М.-Ф. Отцы и их дети после развода // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 112—116.

Prokofieva L. M., Valetas M.-F. Fathers and children after divorce. *Sociological Studies*. 2002. No 6. P. 112—116 (In Russ.).

Радаев В. В., Барсукова С. Ю. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. Т. 9. № 4. С. 65—102.

Radaev V. V., Barsukova S. Yu. Legend about gender. Principles of distribution of labor among spouses in modern city family. *Universe of Russia*. 2000. Vol. 9. No 4. P. 65—102 (In Russ.).

Радина Н. К., Терешенкова Е. Ю. Возрастные и социокультурный аспекты гендерной социализации подростков // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 49—59.

Radina N. K., Tereshenkova E. Yu. Age and socio-cultural aspects of teenager' gender socialization. *Voprosy Psichologii*. 2006. No 5. P. 49—59 (In Russ.).

Ржаницына Л. С. Улучшение положения детей в разведенных семьях // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 65—69.

Rzanitsina L. S. Improving children' position in divorced families. *Sociological Studies*. 2015. No 3. P. 65—69 (In Russ.).

Рогозин Д. М. Влияние численности семьи на уровень кооперации в телефонном интервью // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 13—14.

Rogozin D. M. Influence of number of family members on level of cooperation in telephone interview. *Sociological Studies*. 2006. No 3. P. 13—14 (In Russ.).

Савинская О. Б. Частный детский сад в России: обыденные практики и перспективы развития // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 83—90.

Saninskaya O. B. Private kindergarten in Russia: everyday practices and perspectives of development. *Sociological Studies*. 2014. No 11. P. 83—90 (In Russ.).

Сасаки М. Семейная социализация и опыт предательства: кросс-национальный анализ доверия // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 10—24.

Susuki M. Family socialization and experience of betrayal: cross-national analysis of confidence. *Sociological Studies*. 2014. No 2. P. 10—24 (In Russ.).

Сизова И. Л., Егорова Н. Ю. Насилие в школе и проблемы семьи // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 128—131.

Sizova Z. L., Zubkova N. Yu. Violence at school and family problems. *Sociological Studies*. 2016. No 3. P. 128—131 (In Russ.).

Скворцова Е. С., Зубкова Н. Э. Сексуальное поведение учащихся профучилищ как фактор их репродуктивного здоровья // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 142—144.

Skvortsova E. S., Zubkova N. E. Sexual behavior of college students as factor of reproductive health. *Sociological Studies*. 2010. No 4. P. 142—144 (In Russ.).

Смирнов С. Н. Российские домохозяйства: компаративный анализ социальных последствий экономических кризисов // Мир России. 2010. Т. 19. № 3. С. 115—131.

Smirnov S. N. Russian households: a comparative analysis of social consequences after economic crises. *Universe of Russia*. 2010. Vol. 19. No 3. P. 115—131 (In Russ.).

Смирнова Е. О., Быкова М. В. Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 3—14.

Smirnova E. O., Bykova M. V. Research experience of structure and dynamics of parental relationship. *Voprosy Psichologii*. 2000. No 3. P. 3—14 (In Russ.).

Смирнова Е. О., Соколова М. В. Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребенка // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 57—68.

Smirnova E. O., Sokolova M. V. Structure and dynamics of parental relationship during ontogenesis of child. *Voprosy Psichologii*. 2000. No 3. P. 3—14 (In Russ.).

Соболева М. В., Батуев А. С. Влияние семейного конфликта на психомоторное развитие ребенка первых полутора лет жизни // Вопросы психологии. 2004. № 5. С. 11—19.

Soboleva M. V., Batuev A. S. Family conflict' influence on psychomotor development of child of first one and half year old. *Voprosy Psichologii*. 2004. No 5. P. 11—19 (In Russ.).

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Роль родителей в повышении безопасности ребенка в интернете // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 3—15.

Soldatova G. U., Rasskazova E. I. Parent' role in rising of child' security in internet. *Voprosy Psichologii*. 2013. No 2. P. 3—15 (In Russ.).

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 83—93.

Soldatova G. U., Rasskazova E. I. «Digital gap» and intergenerational relations of parents and children. *Psychological Journal*. 2016. Vol. 37. No 6. P. 83—93 (In Russ.).

Солодников В. В. Семья: социологическая и социально-психологическая парадигмы // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 130—138.

Solodnikov V. V. The family: sociological and socio-psychological paradigms. *Sociological Studies*. 1994. No 4. P. 130—138 (In Russ.).

Солодников В. В. Лонгитюдная стратегия исследования качества и изменений браков: отечественная традиция и зарубежный опыт (Обзор теорий, методов и исследований) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 3—20.

Solodnikov V. V. Longitudinal strategy of studies of the quality and evolution of marriage: Russian tradition and foreign practices (theories, methods and studies). *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2016. No 1. P. 21—99 (In Russ.).

Солодникова И. В. Комплексные стратегии социологического исследования // Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: темат. слов.-справ. / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 23—26.

Solodnikova I. V. Complex strategies of sociological research. In: Thesaurus of sociology. V.2. Methodology and methods of sociological researches /Ed. by Toshenko J. T. M.: UNITY-DANA, 2013. P. 23—26 (In Russ.).

Солодникова И. В., Солодников В. В. Исследование личности и ее развития: парадигмальный анализ // Вестник РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование. 2107. № 2 (8). С. 92—109.

Solodnikova I., Solodnikov V. The study of personality and its development, paradigm analysis. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series: Psychology. Pedagogics. Education*. 2017. No 2(8). P. 92—109 (In Russ.).

Стрельник Е. А. Практики сочетания матерями оплачиваемой работы и заботы о детях (опыт социологического анализа) // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 64—70.

Strelnik E. A. Practice of maternal combining paid work and care for children (experience of sociological research). *Sociological Studies*. 2016. No 8. P. 64—70 (In Russ.).

Сухарев А. В., Кравченко О. Ф., Овчинников Е. В., Тимохин В. В., Шапорева А. А., Щербак С. Ю. Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 68—80.

Suharev A. V., Kravchenko O. F., Obchinnikov E. V., Timohin V. V., Shaporeva A. A., Sherbak S. Yu. Ethno-funtional approach in parenting and psycho-prevention. *Psychological Journal*. 2003. Vol. 24. No 5. P. 68—80 (In Russ.).

Сухих В. Г., Чеха С. В. Особые потребности семей с детьми-инвалидами (по результатам мониторинга в Красноярском крае) // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 140—143.

Suhih V. G., Cheha S. V. Special needs of families with disabled children (monitoring' results in Krasnoyarsk region). *Sociological Studies*. 2011. No 2. P. 140—143 (In Russ.).

Тихонова Н. Е. Последствия реформ 90-х годов для женщин из бедных городских семей // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 67—78.

Tihonova N. E. Consequences of reforms 1990-s for women from poor city families. *Sociological Studies*. 2003. No 10. P. 67—78 (In Russ.).

Турецкая Г. В. Деловая активность женщин и семья // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 67—73.

Turetskaya G. V. Women' business activity and family. *Sociological Studies*. 2001. No 2. P. 67—73 (In Russ.).

Умберсон Д., Вильямс К., Пауэрс Д. А., Чен М. Д., Кемпбелл А. М. Разве не будет лучше? Качество брака в контексте жизненного пути // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 100—125.

Umberson D., Williams K., Powers D. A., Chen M. D., Campbell A. M. As Good as it Gets? A Life Course Perspective on Marital Quality. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2016. № 1. P. 100—125 (In Russ.).

Филоненко В. И., Лепин А. П. Семья как основной агент базовой социализации студентов вузов // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 71—77.

Filonenko L. I., Lepin A. P. Family as main agent of base student' socialization. *Sociological Studies*. 2013. No 6. P. 71—77 (In Russ.).

Харчев А. Г., Голод С. И. Профессиональная работа женщин и семья. М.: Наука, 1971. Harchev A. G., Golod S. I. Professional woman' work and family. M.: Nauka, 1971. (In Russ).

Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Полкунова Е. В. Семейные факторы депрессии // Вопросы психологии. 2005. № .6. С. 63—71.

Holmogorova A. B., Volikova S. V., Polkunova E. V. Family factors of depression. *Voprosy Psichologii*. 2005. No 6. P. 63—71 (In Russ.).

Чурилова Е. В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 78—81.

Churilova E. V. Structure and wellbeing of incomplete families in Russia. *Sociological Studies*. 2015. No 3. P. 78—81 (In Russ.).

Шахбанова М. М. Отношение к межнациональным бракам в этническом сознании дагестанцев // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 72—76.

Shahbanova M. M. Attitude toward international marriages in ethnic consciousness of Dagestan's. *Sociological Studies*. 2008. No 11. P. 72—76 (In Russ.).

Шведовская А. А., Загвоздкина Т. Ю. Диагностика образа семьи у детей дошкольного возраста с помощью методики «Семейная доска» // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 117—124.

Shvedovskaya A. A., Zagvozdikina T. Yu. Diagnostic of family' image of pre-school's children by technique «Family chalkboard». *Voprosy Psychologii*. 2014. No 2. P. 117—124 (In Russ.).

Шевченко И. О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70—77.

Shevchenko I. O. Situation after divorce: fathers and children. *Sociological Studies*. 2015. No 3. P. 70—77 (In Russ.).

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная защищенность городской моно-родительской семьи // Мир России. 2004. Т. 13. № 2. С. 66—95.

Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V. Social protection of urban single parent family. *Universe of Russia*. 2004. Vol. 13. No 2. P. 66—95 (In Russ.).

Vladimir V. Solodnikov (2016) Social Research of Divorce in USSR and Russia. In: Giovanna Giancesini, Sampson Lee Blair (ed.) *Divorce, Separation, and Remarriage: The Transformation of Family (Contemporary Perspectives in Family Research, Volume 10)* Emerald Group Publishing Limited, pp.301—326. URL: <http://www.emeraldinsight.com/doi/full/10.1108/S1530-353520160000010012>.

Klein D., Janning M. Changing Family Science: Gender, Co-authorship, and Disciplinary Patterns. Paper presented at the annual meeting of the National Council on Family Relations, November 8, 1996.

Walker A. J., Thompson L. Feminism and family studies. *Journal of Family Issues*. 1984. No 5. P. 545—570.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.15

Правильная ссылка на статью:

Устинова К. А., Попов А. В. Включение молодежи в трудовую деятельность: ментальные барьеры и направления их преодоления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 333—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.15>.

For citation:

Ustinova K. A., Popov A. V. (2018) Inclusion of young people in the work: mental barriers and ways to overcome them. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 333—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.15>.

К. А. Устинова, А. В. Попов

ВКЛЮЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ТРУДОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: МЕНТАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

ВКЛЮЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ТРУДОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: МЕНТАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

INCLUSION OF YOUNG PEOPLE IN THE WORK: MENTAL BARRIERS AND WAYS TO OVERCOME THEM

УСТИНОВА Ксения Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
E-MAIL: ustinova-kseniya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-6462>

Ksenia A. USTINOVA¹ — Cand. Sci. (Econ. Sci.), researcher of the Department study of the level and way of life
E-MAIL: ustinova-kseniya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-6462>

¹ Vologda scientific center of RAS, Vologda, Russia

ПОПОВ Андрей Васильевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

E-MAIL: ai.popov@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-4803-1354>

Andrey V. POPOV¹ — researcher of the Department study of the level and way of life

E-MAIL: ai.popov@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-4803-1354>

¹ Vologda scientific center of RAS, Vologda, Russia

Аннотация. Исследование нацелено на выявление факторов, препятствующих включению молодых специалистов в трудовую деятельность. На основе данных фокус-групповых дискуссий с молодыми специалистами, проведенных сотрудниками ВолНЦ РАН в сентябре–октябре 2017 г., приводятся черты молодых специалистов, затрудняющие трудоустройство и осуществление трудовой деятельности, используемые каналы поиска работы с позиций доверия им населения и их эффективности. Показано, что барьеры во многом связаны со стереотипным взглядом на молодых специалистов, он накладывает отпечаток не только на отношение к данной группе населения в целом, но и на восприятие возможностей для их трудоустройства, карьерного роста и должностного продвижения. Показано рассогласование между системой образования и рынком труда региона.

Ключевые слова: молодые специалисты, трудовая деятельность, барьеры инклюзии

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизи-

Abstract. The study is devoted to identifying barriers to the inclusion of young professionals in the work. The work is based on the data of focus group discussions with young professionals held by the staff of the Russian Academy of Sciences In September-October 2017. the features of young professionals that make it difficult to find employment and work, the channels used to find work from the standpoint of the trust of the population and their effectiveness. It is shown that the barriers to the inclusion of young people in the labor activity may be associated with a stereotypical view of young professionals, which affects not only the attitude to this group of the population as a whole, but also the perception of opportunities for their employment, career growth and career advancement. It is emphasized that one of the important problems that prevent the inclusion of young people in the labor market is the mismatch between the educational system and the labor market.

Keywords: young professionals, work, barriers, inclusion

Acknowledgments. The Publication was prepared within the framework of the RPF-supported scientific project № 16-18-00078 «Mechanisms of overcoming the mental obstacles to inclusion of so-

зации процессов модернизации регионального сообщества».

cially vulnerable categories of population for activation of modernization processes in regional community».

Постановка исследовательской проблемы

Вступление молодежи в самостоятельную жизнь тесно связано с состоянием сферы занятости, которая в последние годы демонстрирует мало дружелюбия по отношению к молодым людям, вступающим на рынок труда впервые [Константиновский и др., 2014]. Трудности, возникающие в процессе поиска работы, связываются и с дефицитом отдельных навыков (способность принимать нестандартные решения, знание иностранных языков, открытость новым идеям и др.¹), и с субъективными факторами, которым в нашей литературе уделяется меньше внимания. К таким факторам относятся стереотипные представления о трудовых качествах молодежи, лежащие в основе дискриминационных практик [Ярская, Ловцова, 2010: 156, 158]. Цель исследования — выявление барьеров включения молодых специалистов в трудовую деятельность; барьеры в настоящем исследовании трактуются как проявления рассогласований между системой образования и рынком труда.

Теоретические аспекты исследования

Изучение рассогласований между системой образования и рынком труда и их последствий были актуальны, начиная с 1970-х гг. Учеными поднимались вопросы изучения положения выпускников колледжей и университетов на рынке труда (Р. Фримен), последствий избыточного образования (А. Берг), эмпирического анализа расхождений между фактическим и требуемым уровнями образования (Г. Данкэн, С. Хоффман) [Гимпельсон и др., 2010: 3—13].

Теоретические предпосылки рассмотрения решения подобной проблемы лежат в плоскости нескольких теоретических направлений, в первую очередь теории человеческого капитала, теории сигналов, рыночной дискриминации и др. (табл. 1).

Таблица 1. Теоретические направления, объясняющие наличие рассогласований

Наименование теоретического направления	Краткое содержание
1. Теория человеческого капитала	Высокий уровень образования обеспечивает высокую производительность и оплату труда. В условиях конкуренции оплата труда соответствует предельному продукту. В рамках теории объясняются краткосрочные рассогласования между фактическим и требуемым образованием в связи с выходом на рынок труда выпускников вузов, женщин из декретных отпусков. Предположение о том, что фирмы готовы полностью использовать накопленный человеческий капитал, каким бы высоким или даже сверхвысоким он не был. Производительность и оплата труда зависят от индивидуальных характеристик работников.

¹ Всемирный банк. Развитие навыков для инновационного роста в России: доклад. М.: Алекс, 2015. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/147705431>.

Наименование теоретического направления	Краткое содержание
2. Теория назначений	Объясняются долгосрочные расхождения между фактическим и требуемым образованием, изучаются «ненаблюдаемые» характеристики человеческого капитала. На рынке труда в условиях роста предложения высококвалифицированной рабочей силы работодатели не могут создавать большое количество рабочих мест, требующих высокой квалификации. Накопленный потенциал недоиспользуется, фактическая производительность труда остается ниже потенциальной. Производительность и уровень оплаты труда будет определяться не только индивидуальными характеристиками работников, но и тем, на каких рабочих местах они заняты.
3. Теория рыночной дискриминации	Дискриминация со стороны работодателя — о приеме на работу определенных демографических и этнических групп работников. Следствием этого может быть недополучение части прибыли. Дискриминация со стороны работника — работники определенных социально-демографических и этнических групп избегают вступления в трудовые отношения с представителями других групп. Дискриминация со стороны потребителя распространена в тех сферах, в которых высокая частота и интенсивность контактов с потребителем (в случае, когда потребитель предпочитает быть обслужен женщинами).
4. Теория сигналов	Несовершенство информации и сигналов на рынках. Информационная асимметрия. Рыночные сигналы рассматриваются как механизм, позволяющий продавцам и покупателям устранять информационную асимметрию. На рынке труда в качестве таких сигналов для работодателя могут выступать образование, стаж работы, престижность учебного заведения. В зависимости от наличия (отсутствия) информации о требованиях работодателей, условиях работы, а также об образовании, квалификации сотрудников будет зависеть принятие решений о трудоустройстве, а также эффективность использования человеческого капитала.
Составлено по: [Гимпельсон и др., 2010: 3—13; Гударенко, 2011].	

В своём исследовании мы обращаем внимание на индивидуальные черты, присущие молодым специалистам, способствующие и препятствующие осуществлению трудовой деятельности, и на то стереотипное отношение, которое складывается в обществе в отношении молодых специалистов.

Эмпирическая база исследования

В качестве эмпирической базы исследования выступили данные фокус-групповых дискуссий с молодыми специалистами, проведенных сотрудниками ВолНЦ РАН в сентябре—октябре 2017 г. Опрошены 30 молодых специалистов в возрасте 18—25 лет, проживающих в г. Вологда, в равной степени представлены мужчины и женщины с высшим и средним профессиональным образованием (табл. 2). Поиск респондентов, отвечающих обозначенным выше критериям, осуществлялся двумя способами: (1) обзвон респондентов, имеющих среднее и высшее профессиональное образование и только выходящих на рынок труда (координаты участников были взяты из электронных баз данных на сайтах по трудоустройству и занятости населения, содержащих информацию о социально-демографических характеристиках молодых специалистов, ищущих работу); (2) для уже трудоустроенных по специальности/не по специальности молодых специалистов — рассыл-

ка писем по электронной почте, содержащих информацию о критериях отбора молодых специалистов, месте, времени проведения фокус-групповых дискуссий, в образовательные организации высшего и среднего профессионального образования г. Вологды (соответствующим специалистам, занимающимся вопросами, связанными со сбором и обработкой информации о трудоустроенных выпускниках вузов/ссузов, с просьбой о содействии в проведении исследования).

Структура гайда состояла из нескольких блоков вопросов, позволяющих охарактеризовать ценностное поле и отношение к труду молодежи, оценить, как в обществе относятся к молодым специалистам (позитивные и негативные черты молодых специалистов в восприятии окружающих, стереотипы в отношении молодых специалистов), охарактеризовать особенности их трудовой жизни (позитивные и негативные черты молодых специалистов в восприятии окружающих, стереотипы в отношении молодых специалистов), а также направления по преодолению существующих барьеров.

Принимая во внимание цель работы, в статье содержательно представлены аспекты, связанные с сильными и слабыми сторонами, способствующими и препятствующими трудоустройству молодых специалистов, с барьерами, обусловленными стереотипным отношением к молодежи, а также направления их преодоления.

Таблица 2. **Критерии отнесения населения к группе «молодые специалисты»**

Критерии	Границы значения критерия	
	Возраст	Нижняя граница
Верхняя граница		30 лет
Наличие профессионального образования	Высшее профессиональное образование	Диплом вуза
	Среднее профессиональное образование	Диплом ссуза
	Учащиеся на последних курсах образовательной организации	Прохождение аттестации
Трудоустройство по специальности	После окончания профессиональной образовательной организации	Не позднее года
Предыдущий стаж работы	Нижняя граница	Нет опыта работы
	Верхняя граница	3 года
Источник: составлено по [Джиоева, 2014]		

Черты, присущие молодым специалистам, способствующие и препятствующие осуществлению трудовой деятельности. Зачастую о постсоветской молодежи можно услышать как о «потерянном» поколении, которому свойственна социальная апатия, кризис нравственных ценностей (падение престижа честного труда, презрение к ежедневному упорному труду, дегуманизация отношений между людьми и др.) [Соколов, 2005: 91]. Если учитывать подобные суждения, получается, что возможности для модернизации страны ограничены. Возникает вопрос, насколько это действительно так, как молодые люди оценивают свои качества в трудовой сфере, что препятствует реализации накопленного ими потенциала.

Среди негативных черт, препятствующих трудоустройству и трудовой деятельности, молодежь отмечались переоценка (недооценка) своих сил и возможностей, недостаток знаний, умений, определенных навыков, отношение к работе (малая

ценность рабочего места, и, как следствие, мобильность, несерьезность, недисциплинированность, неумение правильно распределять время и др.). Тем не менее, выделялись и позитивные — наличие хорошего образования, теоретических знаний, эрудированность, обучаемость, умение слушать и слышать, обсуждать (табл. 3).

Таблица 3. Позитивные и негативные черты, присущие молодым специалистам

Молодые специалисты	
Позитивные черты	Негативные черты
Фокус-группа 1	
<ul style="list-style-type: none"> — хорошее образование — багаж теоретических знаний — системное мышление — креативность / творческий подход [предлагать что-то для изменений в практике] — оригинальность — коммуникабельность — умение убеждать — честность — пунктуальность — амбициозность — энергичность — готовность работать [трудолюбие] — ответственность — опыт общественной деятельности 	<ul style="list-style-type: none"> — отсутствие определенных навыков — отсутствие практики — неуверенность в себе — высокие запросы — недооценка собственных сил [беру больше, чем могу сделать, не рассчитал просто] — излишняя распыленность [нет концентрации на чем-то] — замкнутость — неумение завести связи и их поддержать
Фокус-группа 2	
<ul style="list-style-type: none"> — обучаемость — умение слушать и слышать — ценность опыта, а не зарплаты — трудолюбие — исполнительность — внимательность на работе, внимательность к мелочам — мобильность 	<ul style="list-style-type: none"> — переоценка своих возможностей — ранимость (очень близко принимаю все к сердцу, особенно если это сказано администрацией) — желание быстрого результата — привязанность к престижной работе — малая ценность рабочего места (в том плане, что, если не понравилось, то ушел) [мобильность] — несерьезность
Фокус-группа 3	
<ul style="list-style-type: none"> — эрудированность, интеллект — умение работать в каких-то программах — честность — адаптируемость, привнесение чего-то нового — «тяга» к новым технологиям / желание применить новые технологии — разносторонность — энергичность — умение быстро и качественно выполнять поставленные задачи 	<ul style="list-style-type: none"> — недооценка своих знаний и умений или переоценка порой (говорил, что с проектом справлюсь за две недели, в результате полгода провозился) — недисциплинированность (трудовая дисциплина, когда нужно обязательно придти, не опоздать) — неумение распределять правильно время / неумение поставить сроки (проблемы с планированием) — не всегда труд востребован — зависимость от социальных сетей
<p>Источник: стенограммы фокус-групповых исследований молодых специалистов, проведенных сотрудниками ВолНЦ РАН в сентябре-октябре 2017 г.</p>	

Помимо прямых оценок нами использовались и косвенные, которые как в первом, так и во втором случае исходили от молодежи, однако последние выражали позицию общества на позитивные и негативные черты. Было установлено, что в обоих случаях перечень качеств практически не отличался, что может свидетельствовать о распространении взгляда молодежи на остальные слои населения, «приписывание» им своей позиции.

Другая особенность — противоречивость мнений молодежи о своих чертах. С одной стороны, речь идет о низком качестве образования, с другой, — о грамотности и быстрой обучаемости, на «одном полюсе» — неконфликтность, на другом — вспыльчивость и нетерпимость.

Отношение к молодежи в обществе разное, также как и представление о том, насколько этой группе населения тяжело адаптироваться к современным реалиям при входе на рынок труда. С одной стороны, можно встретить исследования, в рамках которых показано, что молодые специалисты обладают большей гибкостью и конкурентоспособностью в условиях рыночной экономики. С другой стороны, молодежь рассматривается как крайне неоднородная группа, поэтому считается, что существующие внутри неё подгруппы по-разному воспринимают происходящие изменения, обладают разными возможностями и способностями для самореализации. В ряде случаев высказываются суждения, о трудностях, которые молодые специалисты испытывают при входе на рынок труда и при трудоустройстве.

Стереотипное отношение к молодым специалистам. Еще одним барьером, препятствующим трудоустройству и осуществлению молодыми специалистами трудовой деятельности, является стереотипное отношение к молодежи. Среди примеров — отдельные высказывания сотрудников кадровых агентств, в которых находит отражение распространенный стереотип «молодой, значит...», связанный со штатно-возрастными рамками (молодой специалист не может занимать перспективную позицию ранее 25 лет), с успешным социальным портретом (молодая замужняя женщина без детей), со стандартной «линейкой зарплат» (Гойдина²).

В статье обращено внимание как на характер отношений к молодежи в целом (позитивное / негативное), так и на различные стереотипы, связанные с социально-демографическими характеристиками этой группы населения. Результаты проведенных нами фокус-групповых исследований свидетельствуют об отсутствии однозначности в отношении к молодым. В ряде случаев суждения носили негативную окраску: *[в целом отношение негативное, и если бы встал выбор между молодым сотрудником и «возрастным», то выбрали бы второго; когда приходили на практику, женщина сидела на телефоне и все время ругалась, что мы молодые <...>; у нас на практике девочка пропуском проходила <...>, но при этом не доходила до этажа, просто ходила и гуляла. На этом фоне сложилось отношение обо всем нашем курсе]*. Некоторые придерживались позиции о трансформации отношения от позитивного в процессе обучения до негативного в трудовой сфере, при этом хорошее отношение связывалось с наличием качеств, значимых для работодателя (харизматичность, коммуникабельность, оригинальность, самоорганизация).

² Гойдина Т. Top-5 ошибок при подборе молодых специалистов / HR-портал. URL: <http://hr-portal.ru/blog/top-5-oshibok-pri-podboire-molodyh-specialistov> (дата обращения: 21.05.2018)

Кроме того, учитывались такие параметры как группа населения, осуществляющая оценку, сфера деятельности, величина компании и др.

Как уже было отмечено выше, реализации потенциала молодежи могут препятствовать и стереотипы, связанные с социально-демографическими характеристиками, например, с возрастом, что позволяет «приписывать» представителям молодежи качества, которые могут быть характерны не для всей этой группы [*«раз ты молодой человек, значит ты непостоянный, ты можешь на другое место убежать», «если ты молодой, значит ты энергичный в любом случае, тебя можно переобучить <...>»*]. Упрощенное, стереотипное представление предполагает, что обращается внимание преимущественно на один признак, в то время как другим не придается должного значения: [*«российское общество оно такое консервативное, эйджизм распространен <...> недавний пример — подал заявку, пришел ответ: «извините, мы Вас не берем, просто Вы молоды», не посмотрели ни на образование, ни на личные качества, ни на научную деятельность, которой я занимался»*]. Такой взгляд на молодежь накладывает отпечаток и на отношение к работе, на возможность занимать определенную должность, продвигаться по карьерной лестнице [*все думают, что молодежь направлена на то, чтобы ничего не делать, и при этом получать огромные деньги; многие молодые люди хотят <...> схалтурничать на работе, т. е. где-то может быть схитрить <...> молодо — зелено, легковерные, легкомысленные <...>; если молодой человек занял должность начальника, то нижестоящие про него могут думать, что по знакомству, связи <...> не может молодой человек быть начальником*].

Другие стереотипы связаны с гендерным и образовательным признаками. Иллюстрацией первого является следующее высказывание молодежи: *«ты придешь, замуж выйдешь и в декрет уйдешь»*, подчеркивая, что женщина, в соответствии с распространенным общественным представлением, стремится вначале завести семью, а потом уже участвовать в той или иной деятельности [Здравомыслова, 2007]. Еще один стереотип связан с образовательным уровнем, в данном случае высшее образование рассматривается в большей степени не столько как свидетельство обладания профессиональными знаниями, умениями и навыками, сколько как характеристика культурного уровня, социальной адаптированности и самодисциплины. Подобная практика найма дискриминирует работника тем сильнее, чем больше разрыв между качествами, необходимыми для получения образования, с одной стороны, и выполнения работы — с другой [Стукен, 2007].

Каналы поиска работы: доверие к ним и оценка эффективности молодыми специалистами. Даже несмотря на наличие образования и требуемых работодателем навыков, возможности для реализации молодежью потенциала будут зависеть и от того, каким образом осуществлялось трудоустройство. Немало исследований посвящены способам трудоустройства, среди отечественных работ начала 2000-х гг., можно отметить те, в которых был проведен сравнительный анализ обращения в ГСЗ и негосударственные агентства ([Кабалина, Козина, 2000] цит. по [Роцин, Маркова, 2004: 9]), исследована роль социальных сетей в процессе поиска работы ([Якубович, 2002] цит. по [Роцин, Маркова, 2004: 9]), выявлены факторы, влияющие на выбор каналов трудоустройства ([Матвеевко,

Савельева, 2003] цит. по [Рощин, Маркова, 2004: 9]). Тем не менее, несмотря на рост интереса к данному вопросу, довольно часто исследуются особенности поиска работы безработными, в то время как трудоустройство со стороны уже работавших, в т. ч. и молодых сотрудников, только что входящих на рынок труда, анализируется реже.

В рамках проводимых нами фокус-групповых исследований поднимались вопросы об использовании способов поиска работы, их эффективности. Показано, что наиболее распространенным каналом трудоустройства является поиск работы через родственников и знакомых [*работала раньше по совету свекрови, можно сказать, больше так я никого не слушала, сама по себе, через друзей нашла; <...> через друзей, поскольку, какая-то меньшая вероятность обмана, меньшая вероятность, что придется заниматься тем, о чем тебя не предупреждали*]. Этот канал трудоустройства по оценкам молодых специалистов является и более эффективным [*самый эффективный — связи, быстрее всех можно устроиться по знакомству <...>*].

В меньшей степени у молодых людей востребованы формальные способы трудоустройства, например, службы занятости населения, что обусловлено бюрократизмом, предложением вакансий, не соответствующих запросам [*оперативнее через сайты получается, поиск локальный, адресный; я хотела туда пойти, посмотреть... сказали, что туда нужно очень много бумаг собрать, и в принципе это очень сложно; там они все-таки больше места работы для инвалидов предлагают, больше рабочие профессии (сварщик, столяр)*].

Высказывания молодых людей относительно деятельности центра занятости в ряде случаев носят стереотипный характер, поскольку, даже не прибегая к содействию в трудоустройстве к данному институту рынка труда, у молодежи уже существуют некоторые предубеждения об его функционировании [*есть стереотипное что-то такое <...> было не модно туда идти, даже как-то не распространено среди моих знакомых <...> были мысли сходить туда, но мне сказали, что там предложат тоже самое, что и на сайтах; ты зависишь все время от этого центра занятости <...>*]. Формирование подобных стереотипов может быть связано с негативным опытом трудоустройства среди родственников, который накладывает отпечаток на принятие решений о способах поиска работы [*есть негативный опыт родных, и, действительно, ту работу, которую там предлагают, она очень тяжелая и, так скажем, не по статусу*]. Об эффективности данного института рынка труда представления также могут носить стереотипный характер, что подтверждают наши оценки: [*менее эффективный конечно через центр занятости <...> я на самом деле им не пользовался, у меня сложилось такое представление <...> кадровые службы вроде бы эффективны, а вот центр занятости, как мне рассказывали <...>*].

Еще один способ трудоустройства молодых специалистов — подача резюме через сайты, что привлекает молодежь разнообразием предложений и оперативностью поиска [*сайты поиска работы, потому что их много <...> там проще отсеивать ненужное, подходишь под вакансию — звонишь, узнаешь; ищу через сайты <...> ты хочешь в конкретную организацию, на ее сайте ищешь вакансии, и там рассматриваешь; я посмотрела объявление в Интернете, два дня искала работу <...>*].

Другой канал трудоустройства связан с предварительным обучением, прохождением стажировки [*я преподаю в школе, я училась в этой школе, меня там*

знают <...> проходила в школе практику, меня позвали на работу; у серьезных фирм есть свои программы обучения, <...> стажировки, бывает сразу программа для молодых специалистов...]. Это позволяет продемонстрировать работодателю готовность к повышению квалификации, собрать информацию о рабочем месте, соотнести свои цели с целями деятельности организации, что создает предпосылки для трудоустройства в будущем.

Варианты решения проблем в сфере труда и занятости в России и других странах. Наше исследование показало, что ключевой проблемой является несогласование образовательной системы и рынка труда. Это иллюстрируют как ответы на вопросы о качествах, влияющих на трудоустройство, так и о направлениях по преодолению выявленных проблем.

В ответах респондентов подчеркивается не только необходимость обеспечения доступности образования, но и его практической направленности, в т. ч. и за счет совмещения учебы и работы [большой отрыв образования от практики <...> нужны программы, в которых будут представители от бизнеса, от производства <...> приглашенные лекторы <...>; нужно, чтобы практика была уже сразу привязана к Вашему месту работы... в том числе и за счет создания базовых кафедр]. Одной из актуальных проблем для молодых людей является вопрос, связанный с повышением уровня материального благосостояния и уровня жизни, который может быть решен через регулирование минимального размера оплаты труда, расширение форм занятости, в части, например, удаленного труда [нужно найти средства, дотации, субвенции для повышения минимального размера оплаты труда; гибкий график <...> развитие гибких форм занятости; прозрачные условия работы <...> оговаривают четкие условия карьерного роста <...>; провести качественный, глубокий анализ среди конкретных отраслей, либо направленностей, выявить спрос на труд <...>; развивать производство]. Выше обозначенные участниками фокус-групп мероприятия коррелируют не только с теорией человеческого капитала за счет акцентирования внимание на повышении образовательного и квалификационного уровня населения, но и с теорией назначений, в которой обращается внимание как на несогласование между фактическим и требуемым уровнем человеческого капитала, так и на том, что уровень оплаты труда является следствием не только индивидуальных характеристик населения, но и зависит от форм занятости.

В контексте теории сигналов одной из важных проблем, которая также требует решения, становится преодоление информационной асимметрии за счет улучшения информационного процесса трудоустройства [больше информированности молодежи о том, где искать место работы, чтобы молодежь знала, к какому сайту можно смело обращаться <...>; по-моему, на ярмарках вакансий часто одни и те же организации, нужно расширить перечень]. Важную роль в этом процессе отводят налаживанию диалога между как работодателем и соискателем, так и между работодателем и учебными заведениями [работодатель может приходить в вуз или другую образовательную организацию и узнавать у преподавателей личное мнение <...>; должна быть возможность создания каких-то образовательных, практико-ориентированных полигонов в системе «вуз-предприятие-бизнес-сообщество»].

Обращаясь к тем направлениям по решению проблем, которые обозначались участниками фокус-групп, отметим, что, с нашей точки зрения, акцент должен

быть сделан на преодолении сложившихся противоречий между образовательной системой и рынком труда. Решение этого вопроса лежит в плоскости теории назначений, в рамках которой учитываются не только индивидуальные социально-демографические и прочие характеристики работников, но и аспекты, связанные с конъюнктурными особенностями рынка труда, в т. ч. с характеристиками рабочих мест, на которых заняты эти работники.

Выводы

Материалы фокус-групп показали, что затруднения, возникающие у молодежи по включению в трудовую деятельность, связаны и с ментальными барьерами, к числу которых отнесены стереотипное противоречивое отношение к молодым специалистам, которое проявляется в восприятии данной группы населения, в «приписываемых» им чертах. В исследовании иллюстрацией такого противоречивого отношения является рассмотрение молодых специалистов, с одной стороны, как образованных, амбициозных, энергичных, трудолюбивых, творческих, с другой, — как тех, кто переоценивает свои силы, не обладает требуемым со стороны работодателя уровнем умений и навыков и др.

Выявлено, что стереотипное отношение к молодым специалистам может быть связано с отдельными социально-демографическими характеристиками. Наиболее яркий пример — возраст, который, с одной стороны, обуславливает приписывание молодежи определенных качеств, которые могут быть ей не свойственны (например, мобильность, адаптивность, высокая обучаемость и др.), с другой стороны, сказывается на возможностях карьерного роста, должностного продвижения. Как показано в нашем исследовании, формирование стереотипов может быть обусловлено неудачным предыдущим опытом работы, закреплением подобной «практики», что приводит к неуверенности молодых людей в собственных силах, а иногда и к возникновению страха в связи с возможным несоответствием требованиям работодателя. Имеют место и противоположные ситуации — положительный опыт как трудовой деятельности, так и осуществления трудоустройства может аналогичным образом сказываться на позиционировании молодых специалистов на рынке труда, отражаясь на возможностях воспроизводства накопленного молодежью потенциала.

Показано, что в воспроизводстве потенциала молодых специалистов могут возникать затруднения в связи с сужением возможностей для трудоустройства данной группы населения из-за их стереотипного отношения к отдельным способам поиска работы. Причины этого кроются как в представлениях о службах занятости как о структурах, не оперативно осуществляющих свою деятельность, характеризующихся бюрократизмом, предлагающих вакансии, не соответствующие запросам, так и в ряде случаев в негативном опыте трудоустройства родственников и знакомых, использующих данный канал трудоустройства.

Наибольшее доверие у молодых специалистов вызывают обращение за содействием в поиске работы к ближнему окружению (к родственникам и знакомым), прохождение стажировки или предварительного обучения на рабочем месте. Показано, что в случае увеличения вероятности взаимодействия с потенциальным работодателем либо напрямую (через непосредственное обращение, например,

посредством прохождения стажировки), либо опосредованно (через родственников и знакомых), возрастает и доверие к данному способу трудоустройства, и оценка его эффективности.

Выявлено, что наряду со стереотипным отношением к молодым специалистам, одной из значимых проблем трудоустройства является рассогласование между образовательной системой и рынком труда. Отдельные аспекты данной проблемы находят отражение, когда речь идет о выделении качеств молодежи, способствующих и препятствующих трудоустройству (например, завышенные требования, низкое качество образования, недооценка / переоценка своих знаний и умений и др.), а также направлений по преодолению проблем в сфере молодежной занятости. Среди последних назывались увеличение доступности образования, практической направленности образовательного процесса, повышение качества прохождения молодежью практики, формирование заинтересованности молодых людей в прохождении стажировок, расширении форм занятости.

Список источников

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л. Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный? Препринт WP3/2010/09. М.: НИУ ВШЭ, 2010.

Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I., Lukyanova A. L. (2010) Educational level of Russian employees: is it optimal, too high or insufficient? Preprint WP3/2010/09. Moscow: HSE. (In Russ.)

Гойдина Т. Top-5 ошибок при подборе молодых специалистов / HR-портал. URL: <http://hr-portal.ru/blog/top-5-oshibok-pri-podbore-molodyh-specialistov> (дата обращения: 21.05.2018).

Goidina T. (2018) Top 5 mistakes recruiting young professionals. HR-portal. URL: <http://hr-portal.ru/blog/top-5-oshibok-pri-podbore-molodyh-specialistov>. (accessed: 21.05.2018) (In Russ.)

Гударенко Ю. А. Проблемы и противоречия взаимодействия института высшего профессионального образования и молодежного рынка труда [Электронный ресурс] URL: <http://www.rppe.ru/wp-content/uploads/2011/05/gudarenko-yua.pdf> (дата обращения: 21.05.2018)

Gudarenko Yu. A. (2018) Problems and contradictions of interaction of institutions of higher professional education and youth labor market. URL: <http://www.rppe.ru/wp-content/uploads/2011/05/gudarenko-yua.pdf> (accessed: 21.05.2018). (In Russ.)

Джioева Ф. А. Формирование механизма наставничества для молодых специалистов в нефтегазовых компаниях: дисс. ... к. с. н. М., 2014. URL: http://www.gubkin.ru/upload/iblock/21d/Dissertation_Djioeva_FA.pdf.

Dzhioeva F. A. (2014) Formation of mechanism of mentorship for young specialists in oil and gas companies. Cand. Diss. Moscow. URL: http://www.gubkin.ru/upload/iblock/21d/Dissertation_Djioeva_FA.pdf. (In Russ.)

Здравомылова О. М. (2007) Гендерные стереотипы в публичной дискуссии. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/166/699/1219/Zdravomyslova.pdf> (дата обращения: 21.05.2018).

Zdravomyslova O. M. (2007) Gender stereotypes in public discussion URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/166/699/1219/Zdravomyslova.pdf> (accessed: 21.05.2018). (In Russ.)

Кабалина В., Козина И. М. и др. Государственные и частные службы занятости на рынке труда, Исследование эффективности формальных посредников при трудоустройстве. М.: РОССПЭН. 2000.

Kabalina V., Kozina I. M. et al. (2000) Public and private employment services in the labor market; Studying the effectiveness of formal employment mediators. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. (2014) Молодежь России на рубеже XX—XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М.

Konstantinovskii D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. (2014) Russian youth at the turn of XX—XXI centuries: education, labor, social well-being. Moscow: TsSP i M. (In Russ.)

Матвеевко В., Савельев П. Стратегии поиска работы на российском рынке труда и роль государственной службы занятости, М.: НИСП, mimeo, 2003.

Matveenko V., Saveliev P. (2003) Strategies of job search in the Russian labor market and the role of public employment service. Moscow: NISP, mimeo. (In Russ.)

Рощин С. Ю., Маркова К. В. Выбор каналов поиска работы на российском рынке труда. М.: EERC, 2004.

Roshchin S. Yu., Markova K. V. (2004) Choice of job search channels in the Russian labor market. Moscow: EERC. (In Russ.)

Соколов А. В. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 91—97.

Sokolov A. V. (2005) Intellectual and moral differentiation of the modern students. *Sociological Studies*. No. 9. P. 91—97. (In Russ.)

Стукен Т. Дискриминация при трудоустройстве причины проблемы пути решения [Электронный ресурс] // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2007. № 11. URL: <http://hr-portal.ru/article/diskriminaciya-pri-trudoustroystve-prichiny-problemy-puti-resheniya> (accessed: 21.05.2018).

Stuken T. (2007) Employment discrimination: reasons, problems, solutions. *Kadrovik. Kadrovyy menedzhment* [Recruiter. HR management]. No. 11. URL: <http://hr-portal.ru/article/diskriminaciya-pri-trudoustroystve-prichiny-problemy-puti-resheniya> (accessed: 21.05.2018). (In Russ.)

Якубович В. Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭН, 2002, 210—251.

Yakubovich V. (2002) Institutions, social networks and market exchange: Selection of workers and jobs in Russia. In: *Economic sociology: new approaches to institutional and network analysis*. Moscow: ROSSPEN, P. 210—251. (In Russ.)

Ярская В. Н., Ловцова Н. И. Молодежная политика: разные и пока не равные // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 2. С. 151—164.

Yarskaya V. N., Lovtsova N. I. (2010) Youth policy: different and still not equal. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 8. No.2. P. 151—164. (In Russ.)

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.16

Правильная ссылка на статью:

Нотман О. В., Багирова А. П. Привлекательность общественных пространств мегаполиса в оценках его жителей (на примере ТРЦ и парковых зон Екатеринбурга) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 347—364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.16>.

For citation:

Notman O. V., Bagirova A. P. (2018) Attractiveness of megalopolis public spaces as evaluated by its residents (through the example of shopping and entertainments centers and park zones of Yekaterinburg). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 347—364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.16>.

О. В. Нотман, А. П. Багирова
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ
МЕГАПОЛИСА В ОЦЕНКАХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТРЦ
И ПАРКОВЫХ ЗОН ЕКАТЕРИНБУРГА)

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ МЕГАПОЛИСА В ОЦЕНКАХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТРЦ И ПАРКОВЫХ ЗОН ЕКАТЕРИНБУРГА)

ATTRACTIVENESS OF MEGALOPOLIS PUBLIC SPACES AS EVALUATED BY ITS RESIDENTS (THROUGH THE EXAMPLE OF SHOPPING AND ENTERTAINMENTS CENTERS AND PARK ZONES OF YEKATERINBURG)

НОТМАН Ольга Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: o.v.notman@urfu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-3393-9933>

Olga V. NOTMAN¹ — Cand. Sci (Soc. Sci.), Associate Professor, Department of Applied Sociology

E-MAIL: o.v.notman@urfu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-3393-9933>

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

БАГИРОВА Анна Петровна — доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: a.p.bagirova@urfu.ru
<http://orcid.org/0000-0001-5653-4093>

Anna P. BAGIROVA — Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Soc. Sci.), Professor, Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies
E-MAIL: a.p.bagirova@urfu.ru
<http://orcid.org/0000-0001-5653-4093>

Аннотация. Проведен анализ восприятия общественных пространств жителями мегаполиса, определены степень и критерии привлекательности ТРЦ и парковых зон, а также выявлены демографические и социально-экономические детерминанты предпочтений горожан. На основе результатов опроса жителей Екатеринбурга ($N = 3570$) построен рейтинг привлекательности объектов на карте города, позиции в котором обоснованы с точки зрения базовых характеристик центральных общественных пространств (доступность, мультифункциональность, «сервисная» оборудованность и пр.). Построена типология потребителей общественных пространств по широте выбора объектов для реализации публичных активностей. Сделаны выводы о наличии дифференциации в практиках использования общественных пространств, обусловленной (1) возрастом и материальным положением горожан (при выборе ТРЦ); (2) родом занятий, уровнем образования, материальным положением, наличием детей дошкольного и школьного возраста (при выборе мест отдыха). Авторы отмечают, что активные пользователи общественных пространств города одного типа, часто пользуются и другими типами общественных пространств. Практическая значимость полученных

Abstract. This paper presents an analysis of the perceptions of public spaces by megalopolis' residents. The research aim was to reveal the degree and criteria of urban public spaces' attractiveness (shopping and entertainment centers and park zones), as well as to identify demographic and socio-economic determinants of residents' preferences. Based on the results of a survey of Yekaterinburg residents ($N = 3570$), the authors draw up the attractiveness rating of the objects on the city map where the positions are justified in terms of basic characteristics of focal public spaces (accessibility, multifunctionality, "service" equipment, etc.) and propose a typology of public spaces' consumers according to a variety of objects needed for multiple public activities. The authors reveal explicit disparities in the practices of public spaces' use. Choices of shopping and entertainment centers depend on respondent's age and wealth status. Choices of recreation facilities depend on respondent's occupation, education level, wealth status, whether respondents have pre-school or school-age children. The more active users of one type of urban public spaces tend to use the other one more frequently. The practical significance of the obtained results is connected with the possibility to use them for the improvement of certain ob-

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

результатов связана с возможностью их использования для совершенствования конкретных объектов, так и для общегородского стратегического планирования и развития в целом.

Ключевые слова: городские общественные пространства, мегаполис, городские жители, индекс привлекательности, городское развитие, урбанистика

Благодарность. Исследование проведено в рамках НИР «Формирование концепции перспективного развития жилых микрорайонов муниципального образования "город Екатеринбург" до 2035 года» (муниципальный контракт № 15/2016-2 от 17 ноября 2016 г.). Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006.

Введение

Важнейшая составляющая жизни мегаполиса — его общественные пространства. Доступные, открытые и комфортные они создают условия для социальных взаимодействий и формируют уникальную атмосферу разнообразных практик — активностей горожан (каждодневных рутинных, релаксационных, культурно-рекреационных, политических, гражданских и прочих). Значимость общественных пространств в полноценной жизни и привлекательности городов подчеркивается в известных и ставших уже классическими работах американских и европейских авторов: Д. Джекобс [Джекобс, 2011], К. Линч [Линч, 1982], Р. Сеннет [Sennett, 1994], Л. Лофланд [Lofland, 1998], Ш. Зукин [Zukin, 1995]. Важная роль в осмыслении роли общественных пространств и движении российских городов к признанию ценности публичных городских территорий, а также активному их обустройству принадлежит А. В. Иконникову [Иконников, 2006], Л. Б. Коган [Коган, 1990], А. А. Высоковскому [Высоковский, 2015], В. Л. Глазычеву [Глазычев, 2008] и др.

Развитие общественных пространств — краеугольный камень современных наук о городе, поскольку они — «одновременно узлы важных городских проблем и те точки, которые могут определить будущее городов, их привлекательность для жителей, безопасность и экономическую успешность» [Капков, 2016: 58]. При переходе к постиндустриальной экономике — экономике знаний, услуг и технологий — успешность городов во многом определяется обеспечением развития

jects and for municipal strategic planning and development in general.

Keywords: urban public spaces, megapopolis, urban residents, index of attractiveness, urban development, urbanistics

Acknowledgments. The study was part of the research project "Formation of the concept of prospective development of community areas of the municipal settlement "the city of Yekaterinburg" until 2035 (municipal contract № 15/2016-2 dated November 17th, 2016). The work was supported by the regulation no. 211 of the Government of the Russian Federation, contract no. 02.A03.21.0006.

в них человеческого и социального капитала. «В этом процессе общественные пространства играют ключевую роль, поскольку их предназначение в городе — это коммуникация и обмен» [Ревзин, 2017: 8].

Актуальный научный дискурс по тематике общественных пространств характеризуется пересечением фокусов анализа урбанистов, архитекторов, философов, социологов, культурологов. Это находит отражение в развитии новых отраслей урбанистического знания (например, когнитивной урбанистики) и его практического использования. Архитектурно-градостроительные концепции современности основываются на признании важности изучения взаимосвязей между морфологией городского пространства и поведением горожан [Пучков, 2014: 34—35].

Изучение восприятия и использования горожанами общественных пространств позволяет увидеть «живые» и «мертвые» зоны городской жизни, раскрыть характер и траекторию происходящих в городе изменений. На уровне сити-менеджмента все острее звучит проблема человеческого измерения общественных пространств. Оценки и поведенческие практики горожан рассматриваются муниципальной властью как необходимая информационная основа городского проектирования и переустройства.

Понятие и критерии привлекательности общественных пространств

Понятие «общественное пространство», несмотря на вариабельность и историческую эволюцию самого феномена, на сегодняшний день является вполне устойчивой и однозначно употребляемой в науках о городе научной категорией. Под общественными пространствами, как правило, понимаются городские локации, имеющие неограниченный доступ и являющиеся местами концентрации общественной жизни. Это могут быть как открытые (улицы, парки, скверы, площади, набережные, бульвары, дворы, детские площадки, стадионы и пр.), так и закрытые (культурные учреждения, кафе, торговые центры и пр.) пространства.

Отечественные и зарубежные исследователи современной урбанистической среды выделяют ряд признаков, определяющих привлекательность общественных пространств городов для их жителей. На основе существующих точек зрения система общих критериев привлекательности (относящихся к любым типам общественных пространств) может быть описана в трехмерной плоскости.

Первый вектор формируют эргономические требования к городской предметной среде, обеспечивающие физическую и психологическую безопасность (комфортность) пребывания жителей в общественном пространстве. Это техническое, сервисное, эстетическое, экологическое обустройство общественных пространств, которое способствует гармонизации городской повседневности и стимулирует рост положительных эффектов от инвестиций в городскую среду [Jackson, 2003], [Koohsari et al., 2015], [Vlasov, Panikarova, 2016], [Вяткина, Соснина, 2015: 193—195].

Второй вектор формируют критерии доступности, обеспечивающие функционирование места в режиме истинно публичного (открытого для всех) пространства. Во-первых, это физическая доступность (удобные транспортные коммуникации, смежность с основными маршрутами горожан [Chen, Chang, 2015]), которая позволяет общественному пространству не быть исключенным из городской жизни как объективно недосыгаемый («невидимый») для жителей объект. Во-вторых, это соци-

альная доступность — отсутствие любых форм социального неравенства в доступе к городским благам [Zukin, 1995], [Mitchell, 2003], [Manzo, 2005], [Лободанова, 2015], [Наберушкина, Сорокина, 2012], включая решение проблем несбалансированного развития и поляризации внутригородских территорий [Loughran, 2014], экологической дискриминации отдельных районов [Wolch, Byrne, Newell, 2014].

Третий вектор определяется критерием мультифункциональности — представленности различных социальных институций и видов деятельности в границах общественного пространства [Ревзин, 2017: 16], [Пучков, 2014: 42]. Разнообразие активностей и поведенческих практик — залог успешности общественного пространства при условии соответствия исходным (описанным выше) требованиям.

Проектируя исследование и анализируя его результаты, мы основывались как на общих критериях привлекательности, характеризующих любые типы общественных пространств, так и на специфических критериях, отражающих особенности активностей в границах пространств определенного типа и соответствующих им требованиям пользователей.

Методические вопросы исследования

Данное исследование стало частью комплексного научно-исследовательского проекта «Формирование концепции перспективного развития жилых микрорайонов муниципального образования «город Екатеринбург» до 2035 года». В рамках исследовательского этапа «Места тяготения жителей города» мы ставили перед собой две ключевые задачи: дать характеристику наиболее популярных мест Екатеринбурга и типов потребителей городских общественных пространств. В процессе реализации поставленных задач обозначился круг вопросов, определивших разработку инструментария исследования и способы анализа данных. Для выявления степени привлекательности общественных пространств (ТРЦ и парковых зон) респондентам предлагался полный список объектов городского пространства, из которых они должны были выбрать пять приоритетных (часто посещаемых). Дифференциация выборов на этапе анализа соотносилась с ответами на вопрос о месте (микрорайоне) проживания респондентов и фактическим местоположением общественного пространства.

Для выявления критериев привлекательности общественных пространств респондентам задавались полузакрытые вопросы, варианты ответов на которые были сформулированы на основе результатов, полученных нами в предварительных свободных интервью с активными пользователями общественных пространств. Респонденты могли выбрать не более трех вариантов с возможностью сформулировать свой критерий.

Характеризуя социальную дифференциацию в использовании общественных пространств мегаполиса, мы ставили перед собой следующие задачи:

- описать социально-демографические характеристики «пользователей» и «непользователей» общественных пространств;
- построить типологию горожан по широте выбора объектов для реализации публичных активностей;
- выявить демографические и экономические детерминанты широты выбора общественных пространств.

Первичные данные были собраны в ходе анкетного опроса жителей Екатеринбурга, проведенного в ноябре-декабре 2016 г. Была использована двухступенчатая постстратифицированная по микрорайонам города выборка с пропорциональным размещением единиц внутри каждой страты (микрорайона). Внутри групп респондентов по микрорайонам проживания осуществлялся контроль половозрастных квот. Общий объем выборочной совокупности составил 3570 человек (44 % мужчин и 56 % женщин; 16 % учащихся старших классов и студентов; 62 % работающих горожан; 22 % респондентов-пенсионеров; эти пропорции отражают половозрастную структуру населения г. Екатеринбурга в возрасте 15 лет и старше по данным официальной статистики на конец 2015 г.).

Сбор эмпирической информации проводился в два этапа: онлайн-опрос с последующим добором респондентов из слабопредставленных возрастных когорт (от 55 лет) посредством традиционного анкетного опроса, который проводился в местах концентрации жителей соответствующего возраста (поликлиники, продуктовые супермаркеты и магазины шаговой доступности во время дневных «пенсионных» скидок) с помощью анкетеров.

Респонденты для онлайн-опроса были набраны с помощью потоковой выборки. Учитывая неслучайный характер формирования подобных выборок и нерешенность в опросной индустрии ряда проблем, с ними связанных, нами были предприняты следующие меры, повышающие качество полученных в исследовании данных.

1) На этапе рекрутирования респондентов: использование совокупности сайтов, выступающих в качестве кластеров (анкета была размещена на ведущем информационном портале города — e1.ru; сайте городской администрации; во всех виртуальных сообществах в социальных сетях, посвященных Екатеринбургу; в тематических группах городских активистов, лидеров общественного мнения, чья деятельность направлена на улучшение городской среды обитания). Это позволило достичь репрезентации широких слоев населения с различными демографическими и прочими характеристиками. Тем самым была повышена разнородность выборки.

2) На этапе корректировки выборки: а) использование весовой калибровочной корректировки с помощью процедур частотного выравнивания, в частности — постстратификации по признакам пола, возраста, микрорайона проживания респондентов. Распределение этих переменных в совокупности жителей города было предоставлено нам заказчиком исследования; б) исключение из панели респондентов, прошедших опрос более одного раза; в) исключение из панели респондентов, применивших те или иные стратегии минимизации усилий (короткое время заполнения анкеты, линейное прохождение табличных вопросов, частые пропуски вопросов).

3) На этапе анализа: а) прозрачность применяемых методов, прозрачность методологии, описание допущений (в частности, такими допущениями стала заинтересованность жителей города в изменениях в непосредственной среде их проживания, предопределяющая их интерес к опросу; наличие доступа к интернету и возможность ответить на вопросы анкеты жителей города разных возрастов и с различным родом занятий); б) оценка внешней валидности посредством сравнения полученных результатов с эталонными данными (в частности, озвученными

мэром города); в) преимущественное использование групповых, а не суммарных оценок для описания результатов.

Все эти методы в определенной степени позволили скорректировать погрешности неслучайного дизайна выборки. Мы считаем, что в целом использованный дизайн соответствует стандартам качества результатов опросов населения, сформулированным зарубежными специалистами в этой области (например, Л. Кишем, писавшим, что «статистический дизайн всегда включает компромиссы между желаемым и возможным» [Kish, 1987: 1]; П. Баймером и Л. Либергом, определявшими качество исследования точностью для достижения поставленных целей, готовностью результатов к необходимому сроку и их доступностью для тех, для кого оно проводилось [Biemer, Lyberg, 2003: 13]).

Обработка и анализ данных осуществлялись в SPSS 23.0. Для анализа были использованы следующие статистические процедуры: описательные статистики, анализ сопряженности, тесты для независимых выборок (непараметрические тесты Манна-Уиттн, Краскалла-Уоллеса и медианный тест; использование непараметрических критериев было предопределено тем, что распределения данных в подсовокупностях респондентов были достаточно далеки от нормальных).

На основе собранной в ходе опроса информации мы рассчитывали индекс привлекательности общественных пространств. Он включал три индикатора:

1) доля респондентов, отметивших публичное место (ТРЦ/место отдыха) как часто посещаемое;

2) количество микрорайонов города, из которых в общественное пространство (ТРЦ/место отдыха) приезжают жители;

3) доля респондентов, приезжающих в ТРЦ / место отдыха из других микрорайонов города (не тех, в которых расположено данное общественное пространство).

При расчете рейтинга использовалась процедура стандартизации значений. Расчет интегрального рейтинга конкретного общественного пространства производился по формуле:

$$R_i = \alpha_1 \frac{d_i}{d_{\max}} + \alpha_2 \frac{n_i}{n_{\max}} + \alpha_3 \frac{d_{r_i}}{d_{r_{\max}}}, \text{ где}$$

R_i — рейтинговая оценка i -го общественного пространства;

α_1 — вес показателя доли респондентов, отметивших публичное место как часто посещаемое;

d_i — доля респондентов, отметивших i -ое публичное место как часто посещаемое;

$d_{\max}$ — максимальная доля респондентов, указавших одно публичное место как часто посещаемое;

α_2 — вес показателя количества микрорайонов города, из которых в общественное пространство приезжают жители;

n_i — количество микрорайонов города, из которых в i -ое общественное пространство приезжают жители;

$n_{\max}$ — максимальное количество микрорайонов города, из которых в одно общественное пространство приезжают жители;

α_3 — вес показателя доли респондентов, приезжающих в общественное пространство из других микрорайонов города;

d_{tr_i} — доля респондентов, приезжающих в i -ое общественное пространство из других микрорайонов города;

$d_{tr_{max}}$ — максимальная доля респондентов, приезжающих в одно общественное пространство из других микрорайонов города.

Весовые коэффициенты всех индикаторов были приняты равными.

Результаты исследования

Привлекательность ТРЦ Екатеринбурга, оцененная с помощью расчета их рейтинга, представлена на рисунке 1. Привлекательность ТРЦ в восприятии горожан определяется прежде всего ценовым критерием (53,2%) и брендовыми предпочтениями (49,9%). По мнению респондентов, практически равнозначными инфраструктурные блага внутри и около торгового пространства, качество товаров (услуг), транспортная доступность и близость к месту проживания (каждый из этих параметров выбрали 30% — 35% опрошенных).

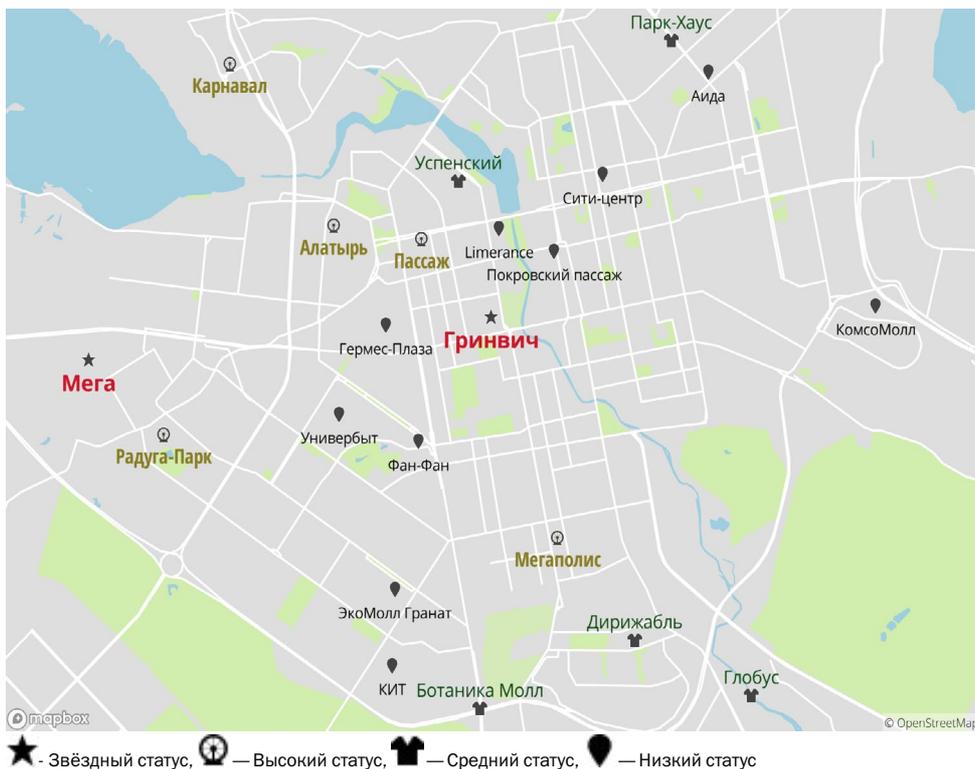

Рис. 1. Статус привлекательности ТРЦ Екатеринбурга

Сопоставление фактических характеристик ТРЦ (территориальное расположение, транспортная доступность, уровень цен, широта представленных брендов, количество предоставляемых активностей, инфраструктурная оснащенность места) и субъективных оценок горожан о критериях выбора позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, привлекательность ТРЦ в пространстве города определяется широким диапазоном выбора марок и сопутствующих активностей/услуг при их ценовой доступности в границах среднего потребительского сегмента. Именно такие ТРЦ имеют самый высокий индекс привлекательности в общегородском пространстве. По мнению В. И. Ильина и В. И. Чой, возможность выбора и наличие конкурирующих магазинов порождают особую форму проведения досуга — длительное фланирование по просторам торгового центра, при котором покупка является лишь одним из множества других видов активностей [Ильин, Чой, 2017: 88].

Во-вторых, территориальное расположение (близость к центру города, месту проживания, работы, учебы) не является решающим фактором привлекательности, более значимы транспортная доступность объекта и наличие удобных маршрутов.

В-третьих, ТРЦ, отдаленные от центра города и имеющие проблемную доступность (отсутствие прямого транспорта, малое количество маршрутов), но при этом хорошую потребительскую «оснащенность» и ценовую доступность, оказываются драйверами потребительской активности крупных спальных районов и центрами притяжения жителей из ближайших жилых микрорайонов.

В-четвертых, низкий статус общегородской привлекательности имеют объекты либо ограниченного потребительского ассортимента и инфраструктурного наполнения, либо жестко ориентированные на высокодоходный сегмент, независимо от их территориального расположения и транспортной доступности.

Социально-демографический портрет горожанина — посетителя ТРЦ города выглядит следующим образом: средний возраст — 33 года, среди них мужчин 35,6 %, женщин 64,4 %; 82,3 % — работающие горожане. Социально-демографический портрет «исключенного» из торгово-развлекательного пространства горожанина таков: средний возраст равен 45,1 года, мужчин среди них 55,1 %, женщин — 44,9 %, доля работающих горожан составляет 63,8 %, пенсионеров — 18,8 %.

Привлекательность мест отдыха (парковых зон) Екатеринбурга в оценках горожан определяется множеством конкурирующих параметров, среди которых эстетическая привлекательность и ухоженность территории; историческая ценность места (памятники архитектуры и искусства, музеи, арт-объекты); удобства (скамейки, кафе и пр.); наличие большого количества развлечений и возможность заниматься разными видами деятельности; транспортная доступность; размер территории. Эти критерии практически равнозначны — каждый из них был выбран 30 % — 40 % соответственно (см. рис. 2).

Безусловные лидеры открытых общественных пространств Екатеринбурга соответствуют требованиям ключевых пространств, отражая два вектора городских приоритетов в сфере проведения досуга. Набережная городского пруда («Плотинка») задает первое направление «фокусности», соединяя в себе историческую ценность, эстетику, масштаб и символичность места. «Плотинка» — исторический центр, объединяющий культовые для города объекты, среди которых

исторический сквер — с этого места начинался Екатеринбург; памятник основателям города В. Н. Татищеву и В.И. де Генину, под руководством которых и была построена в 1723 г. плотина на реке Исеть; архитектурный памятник и музей «Водонапорная башня»; музеи изобразительных искусств, архитектуры и дизайна, природы Урала; сквер с фонтаном «Каменный цветок» и часовня Святой Екатерины. На другом участке набережной расположены современные арт-объекты — аллея любви, памятник «Битлз», креативный памятник клавиатуре.

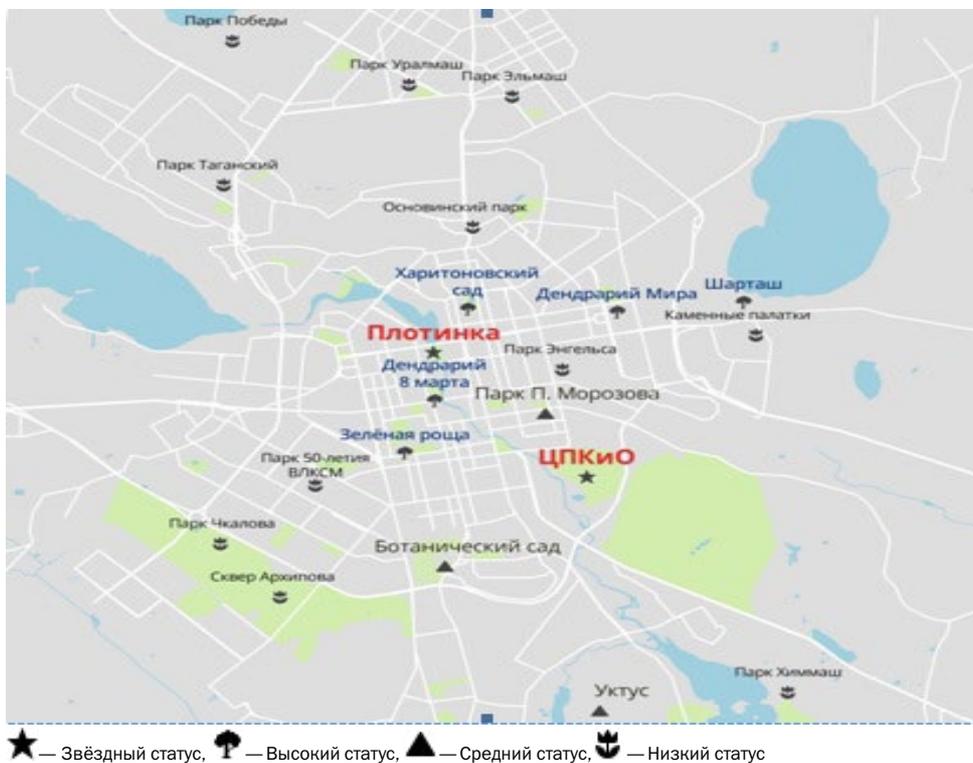

Рис. 2. Статус привлекательности мест отдыха Екатеринбурга

«Плотинка», соединяя Городской пруд и реку, создает различные по функциональному назначению пространства. В летний период можно наблюдать цветомузыкальные фонтаны, взять напрокат катамаран или лодку, покормить уток, восхищаться трюками скейтбордистов и роллеров, в любое время года — поучаствовать в городских мероприятиях и праздниках. Синтез прошлого и ультрасовременного, инфраструктурная оборудованность и наполненность места различными возможностями для проведения досуга определяют «звездный» статус этого общественного пространства в восприятии горожан.

Центральный парк культуры и отдыха им. В. В. Маяковского (ЦПКИО), разделяя с «Плотинкой» первое место в рейтинге, определяется иным фокусом привле-

кательности, сочетающим экологическую ценность, масштаб и многофункциональность места. Крупнейший парк в регионе Урала и Сибири с великолепной природой и удобным месторасположением (семь маршрутов общественного транспорта, удобные подъездные пути для автотранспорта) является зоной отдыха на природе в черте города. Его можно назвать оазисом в пустыне мегаполиса, доступным для любого горожанина. Площадь парка составляет 97 га, 70 из которых — это лесной массив. Помимо экологического благополучия, ЦПКиО имеет сложившуюся и хорошо развитую инфраструктуру, включающую широкие возможности для созерцательных, развлекательных, спортивных, релаксационных практик.

Объекты высокого статуса привлекательности (вторая группа рейтинга), объединены двумя ключевыми параметрами — наличием зеленой инфраструктуры и близостью к центральной части города. Эти объекты представляют собой камерные, уютные и красивые уголки отдыха с небольшими, но ухоженными зелеными пространствами в центре городской активности. К этой же группе принадлежит расположенное на окраине города озеро Шарташ, поскольку это близлежащий к городу водоем с пляжем и уникальным природным заповедником.

Средний и низкий статусы общегородской привлекательности имеют общественные пространства, значительно уступающие лидерам по инфраструктурным качествам, ухоженности и территориальному расположению. Исключение из этой тенденции характерно лишь для Ботанического сада, который, обладая столь важным для жителей мегаполиса качеством, как эстетическая привлекательность зеленого пространства, не имеет высокого рейтинга. Снижение его позиций во многом связано с неудобным графиком работы (ограниченными рабочими часами и невозможностью посещения в выходные дни).

Социально-демографический портрет горожанина — посетителя мест отдыха выглядит следующим образом: средний возраст посетителей парковых зон составляет 33 года, среди них мужчин 35,5 %, женщин — 64,5 %. Чаще всего это работающие горожане (82,7 %). Социально-демографический портрет «исключенного» из публичного рекреационного пространства горожанина несколько иной: мужчин среди них уже 44,6 %, женщин — 55,4 %, работающих — 67,4 %, учеников старших классов — 12,5 %, 9,8 % в этой категории составляют студенты вузов и колледжей. Средний возраст «исключенных» из рекреационного пространства почти не отличается от посетителей парковых зон и составляет 34 года.

Широта выбора общественных пространств стала основой для построения типологии горожан. Респонденты указывали объекты, которые они чаще всего посещают (с возможностью выбора не более пяти позиций). К группе горожан с максимально широким выбором были отнесены респонденты, отметившие в качестве часто посещаемых пять объектов (мы назвали эту группу «широко ориентированными посетителями»); группу с умеренно широким выбором составили респонденты, указавшие три-четыре объекта («посетители умеренного выбора»); опрошенные, выбравшие один-два объекта, вошли в группу с узким выбором (это «целевые посетители»). Респонденты, отметившие, что они вообще не посещают ТРЦ и места отдыха, были названы «игнорирующими». Распределение респондентов по четырем группам представлено в таблице 1.

Таблица 1. Типология горожан по широте выбора общественных пространств, в %

Категория горожан	Выбор ТРЦ	Выбор мест отдыха
«Игнорирующие»	2,3	7,8
«Целевые посетители»	28,2	38,9
«Посетители умеренного выбора»	41,3	38,3
«Широко ориентированные посетители»	28,2	15,0

Сравнение распределения респондентов в двух типологиях показывает, что широта выбора респондентами ТРЦ несколько выше, чем широта выбора мест отдыха: модальной категорией при выборе ТРЦ стала группа умеренного выбора, при выборе же мест отдыха таких групп две — целевые посетители и посетители умеренного выбора.

Выявлена значимая отрицательная корреляция между возрастом респондентов и широтой выбора ТРЦ: чем старше респонденты, тем меньшее число ТРЦ они выбирают в качестве часто посещаемых. Средний возраст широко ориентированных посетителей составляет 31,8 лет, в то время как средний возраст «игнорирующих» ТРЦ — 45,1 года (см. рис. 3).

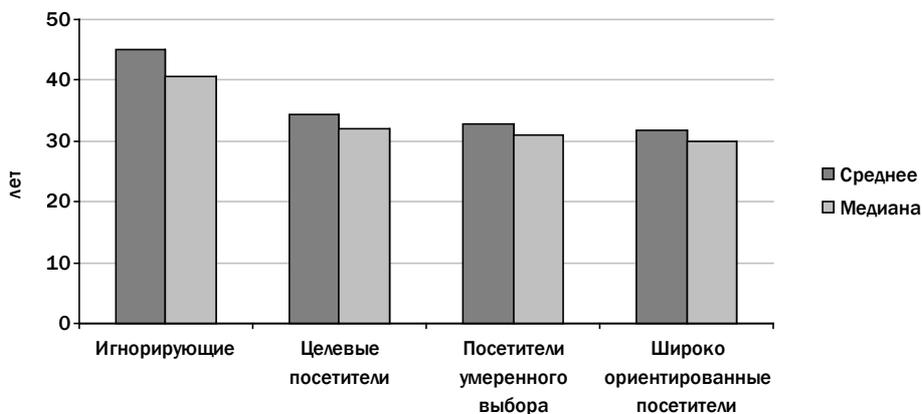

Рис. 3. Возрастные характеристики категорий горожан, выделенных по широте выбора ТРЦ (значимость различий зафиксирована на уровне не более 0,05)

Выявлена положительная корреляция между самооценкой материального положения и широтой выбора ТРЦ: с ростом доходов увеличивается и широта выбора ТРЦ. На рисунке 4 для примера представлена информация по категории респондентов с широким выбором — заметно, что если среди наименее обеспеченных горожан таких респондентов 19,2%, то уже среди наиболее обеспеченных — 33,1%.

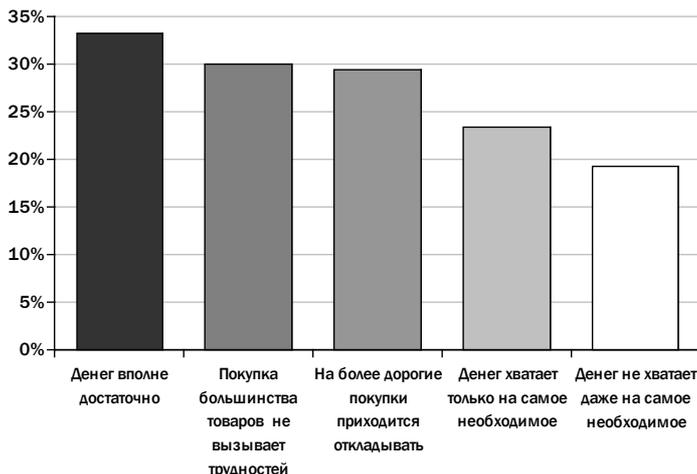

Рис. 4. Доля широко ориентированных посетителей ТРЦ среди групп с разным уровнем дохода

Детерминанты широты выбора мест отдыха оказались более разнообразными. Как и в случае с ТРЦ, наблюдается положительная корреляция между материальным положением и широтой выбора мест отдыха. Среднее число приоритетных мест отдыха для группы наиболее обеспеченных горожан составляет 2,7, тогда как для группы наименее обеспеченных — 2,2. Среди наименее обеспеченных горожан каждый пятый не посещает места отдыха. Среди других категорий респондентов доля таковых составляет лишь 6,2% — 9,3%.

Помимо влияния материального положения, зафиксировано некоторое отличие в выборе мест отдыха, связанное с родом занятий респондентов. Среди старшеклассников, неработающих горожан и пенсионеров выше доля тех, кто совсем не посещает места отдыха («игнорирующих»), чем среди других категорий населения. Почти половина опрошенных пенсионеров попали в категорию «целевых посетителей» мест отдыха (среди других категорий населения аналогичная доля заметно меньше). Студенты чаще остальных категорий горожан демонстрировали большую широту охвата мест отдыха.

Широта выбора мест отдыха также оказалась связана с уровнем образования. Респонденты с высшим и неполным высшим образованием демонстрируют более высокую вариативность выбора, степень которой заметно снижается у других категорий опрошенных (см. рис. 5).

Значимые различия в широте выбора мест отдыха выявлены по категориям респондентов, имеющих и не имеющих детей дошкольного и школьного возраста. Вариативность выбора мест отдыха в группе респондентов, не имеющих детей, оказалась выше, чем у горожан, имеющих детей. Среднее число приоритетных мест отдыха у первых составляет 2,7, тогда как у вторых — 2,5. Среди респондентов с детьми преобладают «целевые посетители». Видимо, наличие детей предопределяет сужение выбора мест отдыха и концентрацию на более удобных вариантах использования городского пространства.

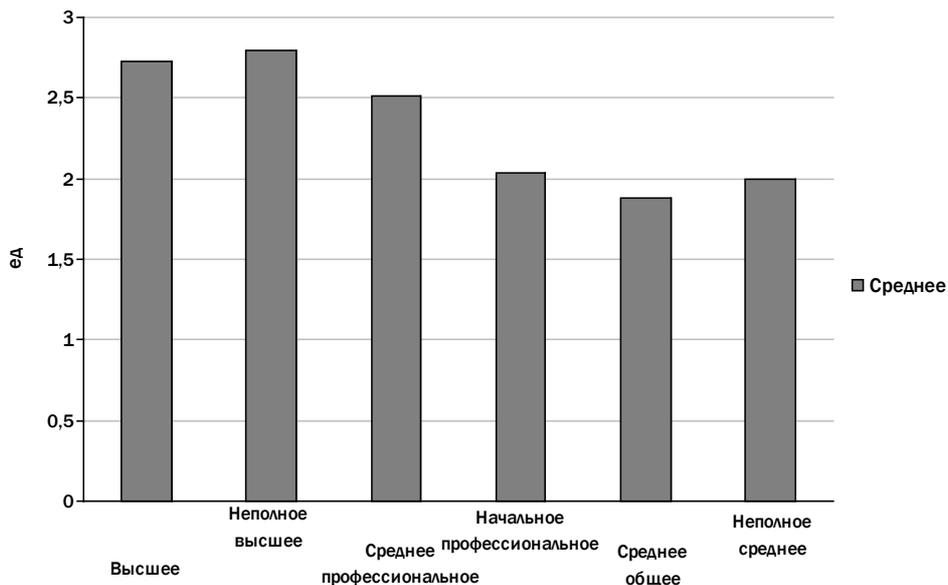
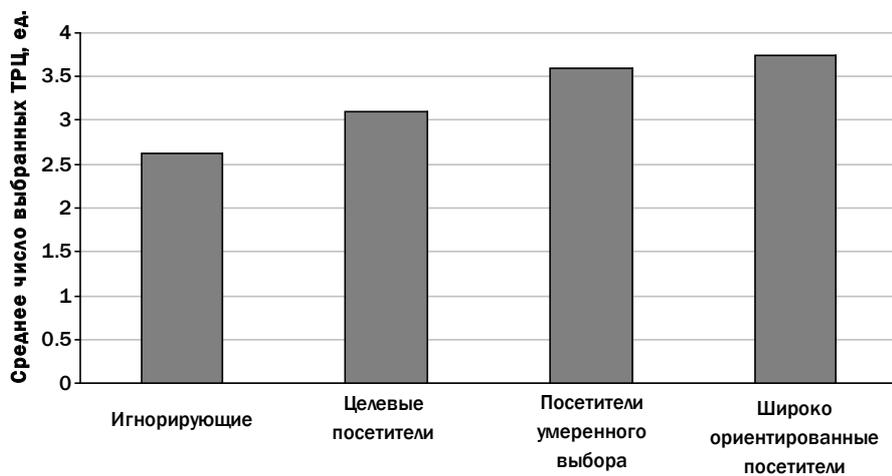

Рис. 5. Среднее число приоритетных мест отдыха респондентов с разным уровнем образования (значимость различий зафиксирована на уровне не более 0,05)

Категории респондентов по широте выбора мест отдыха

Рис. 6. Дифференциация среднего числа наиболее часто посещаемых ТРЦ по категориям, выделенным по широте выбора мест отдыха (значимость различий зафиксирована на уровне не более 0,05)

Мы обнаружили сильную и значимую положительную корреляцию между шириной выбора ТРЦ и мест отдыха: оказалось, что с увеличением ширины выбора ТРЦ растет вариативность выбора мест отдыха респондентов (и наоборот). Эта взаимосвязь показана на рис. 6.

Основные выводы исследования

Иерархия общественных пространств мегаполиса в восприятии жителей обусловлена их местоположением на карте города (прежде всего, территориальной доступностью) и максимизацией возможных благ-ресурсов в границах конкретного публичного объекта. Спектр необходимых благ-ресурсов определяется общим предназначением места — зона рекреационной, либо потребительской активности. Наиболее точное соответствие требованиям ключевых пространств (территориальная и социальная доступность, мультифункциональность, инфраструктурная оборудованность) в определенной сфере публичного бытия гарантирует успешность конкретного общественного пространства в общегородском рейтинге.

Практики использования общественных пространств (широта их охвата) свидетельствуют о наличии выраженной дифференциации, обусловленной рядом социально-демографических и социально-экономических причин. Основными детерминантами ширины выбора ТРЦ оказались возраст и материальное положение горожан, а мест отдыха — род занятий, уровень образования, материальное положение респондентов, наличие детей дошкольного и школьного возраста. Более активные пользователи одного типа общественных пространств города чаще пользуются и другим его типом, что, на наш взгляд, отражает общую предрасположенность городских жителей к доминированию поведенческих паттернов активности либо пассивности в любой сфере жизнедеятельности. Ряд выявленных в ходе исследования детерминант (возраст, материальное положение, уровень образования) подтверждается результатами общероссийских исследований в сфере публичных практик проведения досуга [Корсунова, 2017].

Заключение

В условиях высокоурбанизированной и насыщенной городской среды общественные пространства представляют собой развивающуюся сеть на городском поле [Масталерж, 2013: 61]. Разработка и проектирование моделей общественных пространств — живая, подвижная область урбанистического знания, значимую роль в которой играют исследования мнений и оценок горожан — основных участников «театра» городской жизни.

Реализованное нами исследование не претендует на заверченный исследовательский проект с четко очерченными методологическими принципами и методической «безгрешностью», а лишь показывает один из возможных путей реализации масштабных исследований городских пространств. Изначальный замысел исследования заключался в реализации инициированных сити-менеджментом прикладных задач: характеристика популярных мест и описание потребителей городского пространства. Однако в ходе полевых работ произошла реверсия исследовательской стратегии: традиционное количественное исследование все больше обретало «облик» и логику качественного поискового — как с точки зрения

поиска теоретических оснований для продолжения исследований в этом направлении, так и с точки зрения методических решений.

Полученные результаты, с одной стороны, предоставляют основу для принятия управленческих решений в целях совершенствования рекреационных и потребительских общественных пространств г. Екатеринбурга; с другой — открывают новые перспективы и направления дальнейших исследований общественных пространств мегаполиса. Одно из актуальных направлений, на наш взгляд, — изучение общественных пространств локального значения (на уровне конкретных жилых микрорайонов) с точки зрения их потенциала для формирования определенных сообществ, обеспечения безопасности и психофизиологического комфорта в месте проживания, снижения городского прессинга во всех его формах. Интерес представляет также изучение интенсивности и способов (предпочитаемых форм активности) использования городских общественных пространств различными социально-демографическими группами, выявление объективных и субъективных причин отказа определенной части горожан от публичных практик времяпрепровождения.

Список литературы (References)

Высоковский А. А. Сочинения : в 3 т. Том 1. Theory. Том 2. Practice. Том 3. Public. М. : Gray Matter. 2015.

Vysokovsky A. A. (2015) Works in 3 volumes. Vol. 1. Theory. Vol. 2. Practice. Vol. 3. Public. Moscow: Gray Matter. (In Russ.)

Вяткина Б. М., Соснина К. В. Концепции реабилитации и интеграции открытых городских пространств // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2015. № 4 (15). С. 192—202.

Vyatkina B.M, Sosnina K. V. (2015) Conceptions of Rehabilitation and Integration of Open Public Spaces. *Izvestiya vuzov. Investment. Comstruction. Estate.* No. 4 (15). P. 192—202. (In Russ.)

Глазычев В. Л. Урбанистика. М. : Издательство Европа. 2008.

Glazychev V. L. (2008) Urbanistics. Moscow: Publishing house Europe. (In Russ.)

Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М. : Новое издательство. 2011.

Jacobs J. (2011) The Death and Life of Great American Cities. Moscow: New publishing house. (In Russ.)

Иконников А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М. : КомКнига. 2006.

Ikonnikov A. V. (2006) Space and Form in Architecture and City building. Moscow: Komkniga. (In Russ.)

Ильин В. И., Чой В. И. Торгово-развлекательные центры как пространство формирования качества жизни в России // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 82—92.

Ilyin V. I., Choi W. I. (2017) Shopping and entertainment center as space making quality of life in Russia. *Sociological studies*. No. 4. P. 82—92. (In Russ.)

Капков С. А. Развитие городских общественных пространств: социально-философские аспекты // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 11. С. 58—63.
Kapkov S. A. (2016) Development of Urban Public Spaces: Socio-philosophic Aspects. *Society: Philosophy, History, Culture*. No. 11. P. 58—63. (In Russ.)

Коган Л. Б. Быть горожанами. М.: Мысль. 1990.
Kogan L. B. (1990) To be citizens. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Корсунова В. И. Публичные досуговые практики в России: статусные различия и структурные особенности // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 5. С. 194—213. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.11>.

Korsunova V. I. (2017) Public Leisure Practices in Russia: Status Distinctions and Structural Features. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 194—213. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.11>.

Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычев; Сост. А. В. Иконников; Под редакцией А. В. Иконникова. М.: Стройиздат. 1982.

Lynch K. (1982) Image of the city. Transl. from English by V. L. Glazychev; Comp. by A. V. Ikonnikov; ed. by A. V. Ikonnikov. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)

Лободанова Д. Новые форматы коммуникационных площадок в городах // *Экономическая политика*. 2015. Т. 10. № 2. С. 174—192.

Lobodanova D. (2015) New Formats of Communicatory Spaces in Cities. *Economic Politics*. Vol. 10. No. 2. P. 174—192. (In Russ.)

Масталерж Н. А. Формирование концепции общественного пространства как структурного элемента городской среды // *Архитектон: известия вузов*. 2013. № 43. С. 61—73.

Mastalerzh N. A. (2013) Forming of the Concept of Public Space as a Structural Element of Urban Environment. *Arkhitekton: Isvestiya Vuzov*. No. 43. P. 61—73. (In Russ.)

Наберушкина Э. К., Сорокина Н. В. Картографирование доступности городской среды: аспекты социального неравенства // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. № 1. С. 27—42.

Naberushkina E. K., Sorokina N. V. (2012) Mapping of Urban Environment Accessibility: Aspects of Social Disparity. *Journal of Socio-Political Research*. No. 1. P. 27—42. (In Russ.)

Пучков М. В. Город и горожане: общественные пространства как модератор поведения людей // *Архитектон: известия вузов*. 2014. № 45. С. 34—43.

Puchkov M. V. (2014) The City and its Residents: Public Spaces as a Human Behavior Moderator. *Arkhitekton: Isvestiya Vuzov*. No. 45. P. 34—43. (In Russ.)

Ревзин Г. Что такое современное общественное пространство. Strelka КБ, 2017. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Power Point. URL: <http://моногорода>.

[pf/uploads/knowledge_file/content/11/2_1_Monotowns_Presentation_Revzin.pdf](http://monogoroda.pf/uploads/knowledge_file/content/11/2_1_Monotowns_Presentation_Revzin.pdf) (дата обращения: 01.02.2018).

Revzin G. (2017) What is a Modern Public Space. Strelka KB. [Electronic source]. System requirements: Power Point. URL: http://monogoroda.pf/uploads/knowledge_file/content/11/2_1_Monotowns_Presentation_Revzin.pdf (accessed: 01.02.2018). (In Russ.)

Biemer P. P., Lyberg L. E. (2003) Introduction to Survey Quality. New York: Wiley.

Chen J. Y., Chang Z. (2015) Rethinking urban green space accessibility: Evaluating and optimizing public transportation system through social network analysis in megacities. *Landscape and Urban Planning*. Vol. 143. P. 150—159. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2015.07.007>.

Jackson L. E. (2003) The relationship of urban design to human health and condition. *Landscape and Urban Planning*. Vol. 64. No. 4. P. 191—200. [https://doi.org/10.1016/S0169-2046\(02\)00230-X](https://doi.org/10.1016/S0169-2046(02)00230-X).

Kish L. (1987) Statistical Design for Research. New York: John Wiley & Sons.

Koohsari M. J., Mavoa S., Villanueva K., Sugiyama T., Badland H., Kaczynski A. T., Owen N., Giles-Corti B. (2015) Public open space, physical activity, urban design and public health: Concepts, methods and research agenda. *Health Place*. Vol. 33. P. 75—82. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2015.02.009>.

Lofland L. H. (1998) The Public Realm. New York: Aldine De Gruyter.

Loughran K. (2014) Parks for Profit: The High Line, Growth Machines, and the Uneven Development of Urban Public Spaces. *City & Community*. Vol. 13. No. 1. P. 49—68. <https://doi.org/10.1111/cico.12050>.

Manzo J. (2005) Social Control and the Management of «Personal» Space in Shopping Malls. *Space and Culture*. Vol. 8. No. 1. P. 83—97.

Mitchell D. (2003) The right to the city: social justice and the fight for public space. New York: Guildford press.

Sennett R. (1994) Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization. New York: W. W. Norton.

Vlasov M., Panikarova S. (2016). State policy of innovative development for Northern Regions: Russian case. *Proceedings of the 4th International Conference on Management, Leadership and Governance, ICMLG 2016*. P. 370—376.

Wolch J. R., Byrne J., Newell J. P. (2014) Urban green space, public health, and environmental justice: The challenge of making cities 'just green enough'. *Landscape and Urban Planning*. Vol. 125. P. 234—244. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2014.01.017>.

Zukin S. (1995) The Cultures of Cities. Cambridge, Massachusetts; Oxford: Blackwell.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.17

Правильная ссылка на статью:

Мареева С. В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>.

For citation:

Mareeva S. V. (2018) Life chances of population in capitals and provinces in mass consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 365—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>.

С. В. Мареева ЖИЗНЕННЫЕ ШАНСЫ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦ И ПРОВИНЦИЙ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

ЖИЗНЕННЫЕ ШАНСЫ ЖИТЕЛЕЙ
СТОЛИЦ И ПРОВИНЦИЙ В МАССОВОМ
СОЗНАНИИ

LIFE CHANCES OF POPULATION IN
CAPITALS AND PROVINCES IN MASS
CONSCIOUSNESS

МАРЕЕВА Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий центром стратификационных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: smareeva@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

*Svetlana V. MAREEVA*¹ — Cand. Sci. (Soc. Sci.); Center Director, Centre for Stratification Studies
E-MAIL: smareeva@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье на эмпирических данных общероссийских репрезентативных исследований рассмотрена проблема отражения в массовом сознании жизненных возможностей населения в различных типах населенных пунктов. Показано, что образ

Abstract. In the article, based on the empirical data of all-Russian representative studies, the problem of perception of life chances in different types of settlements in mass consciousness is analyzed. It is shown that the image of the provinces in terms of life chances available to their

провинции характеризуется в общественном сознании наличием возможностей создать достаточно комфортный микромир, в то время как жизнь в столицах, в представлениях россиян, дает более широкий спектр жизненных возможностей, связанных с реализацией достижительных целей. По сравнению с 2003 г., основной тенденцией в этом отношении стало сближение в глазах населения тех возможностей, которые существуют у жителей различных населенных пунктов, т.е. снижение остроты восприятия поселенческого неравенства. Хотя среди россиян однозначно доминирует мнение о преимуществе жизни в столицах с точки зрения открывающихся там жизненных возможностей, и сами жители столиц в большей степени удовлетворены различными аспектами своей жизни и выше оценивают имеющиеся у них жизненные шансы (причем это относится не только к сфере материального положения и потребления), однако степень реализации собственных жизненных планов оказывается у столичных жителей ниже, чем у жителей провинций. Более того, жизнь в столицах сопряжена не только с более широким пространством жизненных возможностей, но и с большей распространенностью определенных рисков, связанных с немонетарными аспектами жизни.

Ключевые слова: жизненные шансы, жизненные возможности, жизненный успех, социальные риски, типы поселений, поселенческое неравенство, массовое сознание, качество жизни

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20125).

residents is characterized in the mass consciousness by the opportunities to create a fairly comfortable microcosm, while life in capitals, in views of Russians, gives a wider range of life opportunities associated with different types of goals. Compared with 2003, the main trend in this regard was the convergence of perception of the opportunities that exist in capitals and provinces, i.e. a decrease in the acuity of settlement inequality in mass consciousness. The belief in more advantageous life in capitals in terms of the life opportunities is clearly dominant among Russians, and the residents of the capitals are more satisfied with various aspects of their life and higher assess the existing life chances (which go beyond material well-being and consumption). However, the degree of realization of their own life plans is lower for the capital residents than for residents of the provinces. Moreover, life in capitals is associated not only with a wider space of life opportunities, but also with the greater prevalence of certain risks associated with non-monetary aspects of life.

Keywords: life chances, life opportunities, success, social risks, settlement types, settlement inequality, mass consciousness, quality of life

Acknowledgments. This article is supported by the Russian Science Foundation under grant no. 17-78-20125.

В новых, достаточно непростых экономических условиях, сложившихся к настоящему времени в России, на первый план выходят проблемы уровня и качества жизни населения, причем с точки зрения не только их объективных характеристик, но и субъективного восприятия самим населением. И в этом вопросе нельзя обойти вниманием пространственно-поселенческий срез анализа. Одна из «линий разлома» пространственного неравенства может проходить между крупнейшими российскими городами-мегаполисами и меньшими по численности городскими и сельскими населенными пунктами¹. И действительно, исследования подтверждают, что по социально-экономическому развитию и уровню жизни населения между собой дифференцируются не только разные регионы и города по отношению к селам, но и различные по своей величине города, хотя в наиболее крупных из них (без учета федеральных) неравенство в целом ниже [Зубаревич, 2013]. Показательно также, что, по оценкам экспертов, тип поселения — единственный аскриптивный фактор, вклад которого в общее неравенство доходов в годы постсоветского развития только возростал (до 2013 г., когда крупные города впервые пострадали больше других типов поселений от введения экономических санкций и снижения цен на нефть), в то время как роль других аскриптивных характеристик, наоборот, снижалась — при одновременном увеличении значимости факторов, связанных с человеческим капиталом [Овчарова, Попова, Рудберг, 2016].

Однако преимущества и недостатки повседневной жизни жителей «столиц» и «провинций» могут быть связаны не только с уровнем доходов как таковым, но и с благополучием в широком смысле слова. Более широкое рассмотрение данной проблемы предлагает концепция «жизненных шансов». Подробный обзор теоретических оснований и трансформации понимания жизненных шансов в научной литературе, так же как и попытки ее операционализации для применения к данным эмпирических исследований, представлены в публикациях научного коллектива под рук. Н. Е. Тихоновой (включающего и автора данной статьи), активно работающего в этом направлении в последние годы (см., например, [Anikin et al., 2017], [Тихонова, 2018]). Однако кратко отметим, что начало разработки этой концепции было положено в работах М. Вебера, который ввел понятие жизненных шансов в рамках классового анализа. В его понимании однородные классовые ситуации характеризуются специфическим компонентом, касающимся жизненных шансов и связанным с типичными возможностями «1) обеспечить себя благами, 2) достичь внешней позиции и 3) внутренней самоидентификации» [Вебер, 2016: 334]. Нужно подчеркнуть, что для М. Вебера жизненные шансы связаны в первую очередь с экономическими интересами и обусловлены ситуациями на рынках, распределяющих шансы в соответствии с ресурсами индивидов². Развивая этот подход, отталкивающийся от экономической сферы жизни, Э. Гидденс предлагает рассматривать жизненные шансы как шансы для индивида участвовать в потреб-

¹ Понимая значимость регионального неравенства для России, в данном случае мы оставляем его за рамками рассмотрения.

² Говоря об истоках концепции жизненных шансов, нельзя не упомянуть Р. Дарендорфа, в работах которого жизненные шансы раскрываются через связь совокупности «опций» (альтернативных возможностей выбора, заданных имеющимися ресурсами и возможностями их использования) и «лигатур» (социальных привязок, своего рода системы социально-культурных координат, определяющих выбор в пользу конкретной опции) [Dahrendorf, 1979]. К значимому вопросу важности ценностей для жизненных шансов, поднятому Р. Дарендорфом, мы еще обратимся далее.

лении экономических или культурных благ, создаваемых в обществе [Giddens, 1973]. Однако при дальнейшем развитии концепции жизненных шансов рядом авторов подчеркивается, что *жизненные шансы охватывают целый ряд сфер и областей, несводимых только к экономическим условиям жизни и потреблению — это и характеристики положения в производственных отношениях, и возможности получения образования или дальнейшего наращивания человеческого капитала, и перспективы социальной мобильности* [Erikson, Goldthorpe, 1992], [Mayer, 1997], [Dunkan et al., 1998], [Waldfoegel, 2004]. В трансформировавшейся, более широкой их трактовке жизненные шансы — это «шансы на качественную жизнь и благоприятный опыт на протяжении всего жизненного пути» [Eitzen, Zinn, 1989]. Таким образом, жизненные шансы сегодня понимаются как *возможности реализации целей и формирования желаемой модели жизни* (набор целей и индикаторов для их измерения при этом может варьироваться). Растущий акцент на важность субъективного аспекта при оценке благосостояния [Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016] позволяет расширить концепцию жизненных шансов и на сферы социально-психологического благополучия.

Необходимо отметить, что концепция жизненных шансов вышла из границ академической науки и заняла прочные позиции в политической повестке. В качестве примера показательна речь Д. Кэмерона в 2016 г., посвященная жизненным шансам в контексте борьбы с бедностью в Великобритании³; понятие жизненных шансов вошло в оборот публикаций международных организаций — Всемирного банка, ОЭСР. В эмпирических исследованиях пространство жизненных шансов также уже привычно рассматривается как многомерное, включающее в себя не только обеспечение основных потребностей, но и безопасность, самореализацию и карьеру, повышение человеческого капитала, социальную мобильность, комфортную жизнь [Оксамитная, Бродская, 2004], [Anikin et al., 2017].

Попытки построить модель социальной стратификации общества на основании жизненных шансов нами уже предпринимаются, и разработанная модель используется, в том числе, для анализа объективной дифференциации жизненных шансов у жителей различных типов поселений [Anikin et al., 2017], внося свой вклад в понимание объективно существующего пространственного среза неравенства в российском обществе. Однако в данном случае *основной интерес для нас представляют не столько объективные характеристики жизненных шансов, сколько их отражение в массовом сознании населения, т. е. субъективное восприятие*. Важно, что в последние годы именно субъективные оценки социально-экономических явлений все чаще оказываются в центре внимания не только в научной практике [Van Praag, Frijters, Ferrer-i-Carbonell, 2003], но и при принятии управленческих решений — в частности, подчеркивается роль субъективного благосостояния в формировании интегрального качества жизни, а его измерение предлагается включить в исследования официальных статистических организаций [Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016]. В контексте нашего исследования, *подобные оценки жизненных возможностей в столицах и провинциях, которые дает само население, не только отражают повседневные реалии*

³ Prime Minister's speech on life chances. Prime Minister's Office, 10 Downing street. 11 January 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-on-life-chances>.

жизни россиян в разных типах поселений, но и демонстрируют потенциальные точки формирования социального напряжения между ними, остроту проблемы поселенческого неравенства в общественном сознании.

Эмпирической базой анализа выступили данные общероссийских репрезентативных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН и Института комплексных социальных исследований РАН, проведенных в 2003 и 2017 гг.⁴

Как же выглядит пространство жизненных шансов у жителей столиц и регионов в представлениях самого населения? Как свидетельствуют эмпирические данные, в общественном мнении россиян сформировано представление о сохранении в этом отношении поселенческого неравенства: пространство типичных жизненных шансов у жителей российских столиц (Москвы и Санкт-Петербурга⁵) представляется в целом шире, чем у жителей провинций⁶, и проживание в столицах связано с большими возможностями для населения в разных сферах. Более половины россиян оценивают существующие в столицах и провинциях жизненные шансы как равные только в трех жизненных сферах, связанных с формированием своего микромира: создание счастливой семьи (82% отмечают, что для достижения этой цели столицы и провинции предоставляют равные шансы), воспитание хороших детей (68%) и возможность жить так, как хочется (61%). Те россияне, кто считает, что даже в этих сферах возможности жителей столиц и провинций все же различаются, расходятся в оценке того, где они выше — говоря о воспитании хороших детей, огражденных от дурного влияния, чаще упоминают провинции, а о возможности жить свободно — столицы (рис. 1).

Что касается остальных жизненных сфер, то, по мнению населения, более высокая вероятность жить спокойно и без волнений, а также решить жилищную проблему характерна для провинций. В ряде других, более важных для интегрального благосостояния аспектах (получение образования, устройства на работу по специальности, получения властного ресурса, обеспечение высокого уровня жизни), заметно большие возможности, по оценкам россиян, дают их жителям столичные города. В промежуточном в этом отношении положении находятся задачи обеспечения здоровья и открытия своего дела — россияне чаще всего (но все же менее, чем в половине случаев) оценивают такие возможности в разных типах поселений как равные, но среди остальных преобладают представления о том, что в мегаполисах с этими задачами справиться все же проще.

⁴ Общероссийские исследования Института социологии ФНИСЦ РАН в рамках Мониторингового проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», репрезентирующие население страны по региону проживания, а в рамках каждого региона — по полу, возрасту и типу поселения (волны, проведенные весной 2017 г., и в октябре 2017 г.; $n = 4000$); общероссийское исследование «Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность» (проведено ИКСИ РАН в декабре 2003 г., $n = 1600$). Выборки исследований репрезентировали население России по региону проживания, а в рамках каждого региона — по полу, возрасту и типу поселения.

⁵ Хотя формально Москва и Санкт-Петербург являются не единственными мегаполисами в стране, но значимо отличаются от остальных городов-миллионников по численности населения. В статье под «столицами»/«мегаполисами», в соответствии с выборкой исследования, далее подразумеваются эти два города.

⁶ Термином «провинции», понимая его условность, мы в данном случае обозначаем все остальные населенные пункты, кроме Москвы и Санкт-Петербурга. В некоторых случаях далее используется также разделение населения провинций на городское (жителей областных, краевых и региональных центров Российской Федерации и жителей других городских поселений) и сельское (жители сел и поселков городского типа).

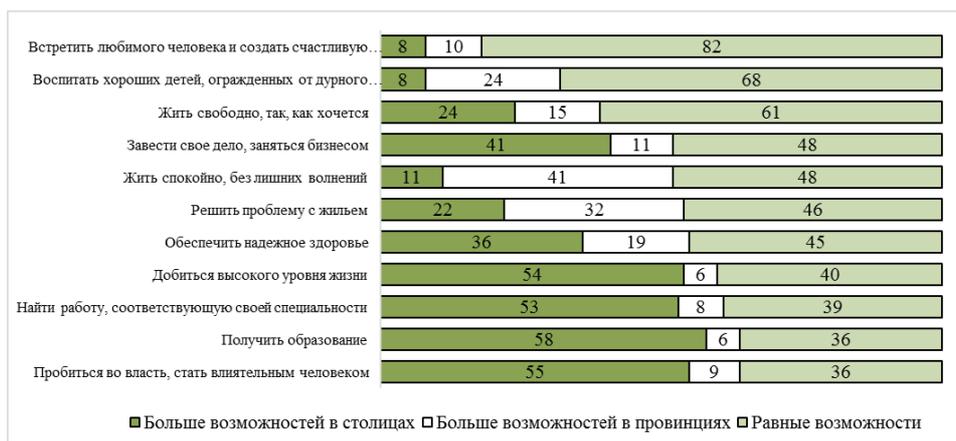

Рис. 1. Оценка россиянами возможностей реализовать жизненные цели в столицах и провинциях, 2017 г., % (отранжировано по оценке «равные возможности»)

Итак, образ провинции с точки зрения имеющих у ее жителей жизненных шансов характеризуется в общественном сознании возможностями создать достаточно комфортный микромир (связанный прежде всего с семьей и жильем) и обеспечить для себя спокойный образ жизни. Жизнь в столицах, в представлениях россиян, дает более широкий спектр жизненных возможностей, связанных с достижительными целями и более свободным образом жизни. Эти представления хорошо отражают восприятие общественным сознанием тех различий между «городским» и «провинциальным» образом жизни, которые проводятся и в теоретико-методологических подходах к изучению процессов урбанизации, подчеркивая особенности городской среды как более разнообразной, дифференцированной, динамичной. Хорошо согласуется в этих образах и тот факт, что, описывая провинцию, россияне чаще всего называют «более теплые человеческие отношения» и «нормальный ритм жизни» (49%, и это представление устойчиво — в 2003 г. с этим были согласны 47%), еще раз подчеркивая положительное отличие провинций в отношении комфортного микромира и личных отношений — традиционно значимого различия городской и сельской культур, скрывающего за собой вопрос соотношения непосредственно-эмоциональных и функционально-ролевых отношений.

Однако приведенные выше средние оценки могут скрывать в себе различия, связанные с тем, что жители крупных городов могут «со стороны» оценивать возможности провинции иначе, чем проживающее там население, и наоборот. Сравнение оценок, которые дают в этом вопросе жители разных типов поселений, показывает, что и проживающие в столицах, и жители городских и сельских провинций в целом выше оценивают жизненные шансы в крупных городах (табл. 1). Жители всех типов поселений сходятся в том, что получить образование и работу по специальности, пробиться во власть и в целом достичь высокого уровня жизни проще для столичного населения. Оценки возможностей завести свое дело и решить проблему с жильем у россиян из разных типов поселений расходят-

ся — столичные жители считают, что такие шансы выше там, где проживают они сами, а жители провинций более склонны оценивать их как равные. По сферам, связанным с семьей, здоровьем, свободной и спокойной жизнью, доминирующим как для жителей столиц, так и для жителей провинций является представление о равных возможностях.

Таблица 1. Оценка россиянами из разных типов поселений возможностей реализовать жизненные цели в столицах и провинциях, 2017 г., % (отранжировано по оценкам в столицах)

Жизненные цели	Место проживания*								
	Столицы			Провинции — городское население			Провинции — сельское население		
	в столицах	в провинции	равные возможности	в столицах	в провинции	равные возможности	в столицах	в провинции	равные возможности
Получить образование	66	7	27	55	6	39	61	4	35
Пробиться во власть, стать влиятельным человеком	63	8	28	53	11	36	55	7	38
Найти работу, соответствующую своей специальности	59	2	39	50	10	40	57	7	36
Добиться высокого уровня жизни	56	3	41	54	7	39	53	5	42
Завести свое дело, заняться бизнесом	48	5	46	40	12	48	41	10	50
Решить проблему с жильем	45	21	34	20	35	46	18	32	50
Обеспечить надежное здоровье	32	21	47	36	19	45	39	18	43
Жить свободно, так, как хочется	25	12	63	24	15	60	23	15	62
Жить спокойно, без лишних волнений	22	24	53	9	45	47	10	41	49

Жизненные цели	Место проживания*								
	Столицы			Провинции — городское население			Провинции — сельское население		
	в столицах	в провинции	равные возможности	в столицах	в провинции	равные возможности	в столицах	в провинции	равные возможности
Встретить любимого человека и создать счастливую семью	11	5	85	8	10	82	8	11	81
Воспитать хороших детей, огражденных от дурного влияния	8	24	68	9	23	69	6	26	68

* Здесь и далее под городским населением провинций подразумеваются проживающие в областных и районных центрах, под сельским населением — жители ПГТ и сел.

Данные показывают, что общественные представления в этом отношении достаточно заметно трансформировались по сравнению с 2003 г., и основной тенденцией стало сближение в глазах россиян тех жизненных возможностей, которые существуют у жителей столиц и провинций — доли тех, кто считает, что разные типы поселений предоставляют схожие возможности для реализации различных жизненных целей, возросли (табл. 2). К возможным причинам подобной динамики мы еще обратимся ниже, пока же отметим, что это говорит о постепенном снижении остроты восприятия поселенческого неравенства и сближении «разных России» в общественном сознании, хотя дистанция между ними, безусловно, пока сохраняется, и довольно значительная.

Таблица 2. Динамика оценки россиянами из разных типов поселений возможностей реализовать жизненные цели как равных в столицах и провинциях, 2003/2017 гг., % (городское население, отранжировано по оценкам жителей столиц в 2017 г.)*

Жизненные цели	Место проживания					
	Столицы		Провинции — центры субъектов РФ		Провинции — районные центры	
	2003	2017	2003	2017	2003	2017
Встретить любимого человека и создать счастливую семью	71	85	79	83	77	80
Воспитать хороших детей, огражденных от дурного влияния	64	68	64	71	50	67
Жить свободно, так, как хочется	46	63	50	57	44	64
Обеспечить надежное здоровье	32	47	40	48	32	43

Жизненные цели	Место проживания					
	Столицы		Провинции — центры субъектов РФ		Провинции — районные центры	
	2003	2017	2003	2017	2003	2017
Завести свое дело, заняться бизнесом	30	46	46	46	45	50
Найти работу, соответствующую своей специальности	14	39	33	35	31	44
Решить проблему с жильем	31	34	33	43	31	48
Пробиться во власть, стать влиятельным человеком	20	28	25	33	26	38
Получить образование	9	27	28	39	23	38

* Серым фоном выделены позиции, изменения по которым составили более 10 п. п. Жирным шрифтом выделены изменения качественного характера.

Однако эти изменения происходили неравномерно как в отношении разных жизненных аспектов, так и среди жителей разных типов населенных пунктов. Рост представлений о выравнивании возможностей между столицами и провинциями в большей степени затронул жителей столиц, далее следовали жители «малой провинции» (районных центров). В то же время население областных и краевых центров характеризовалось менее выраженными в количественном отношении изменениями соответствующих оценок. Что же касается возможностей, относящихся к различным сферам жизни, то наибольший относительный рост в оценках жителей мегаполисов продемонстрировало равенство возможностей между столицами и провинциями в отношении получения образования (с 9 % до 27 % за период с 2003 по 2017 гг.) и нахождения подходящей по специальности работы (с 14 % до 39 %) — хотя в целом шансы в каждой из этих сфер, по их мнению, остаются все же выше в столичных городах. Оценки жителей региональных и районных центров в наиболее значительной степени изменились также в отношении образования. Жители крупных нестолических городов стали чаще говорить о равенстве возможностей в получении ресурса влияния, а жители районных центров — в решении жилищной проблемы.

С точки зрения проблемы социальной напряженности важно отметить, что выявленные тенденции способствуют тому, что «противостояние» между Москвой и «не-Москвой» воспринимается в общественном сознании все более спокойно — в число основных противоречий в российском обществе его включили только 12 % россиян, хотя еще в 2003 г. аналогичная доля была в разы выше и составляла 33 %. Трансформация представлений о пространстве жизненных шансов, доступном для жителей столиц и других населенных пунктов, отражается и в некотором изменении образа провинции, сформированного в массовом сознании. Так, например, по сравнению с 2003 г., к 2017 г. доля тех, кто считает, что человеку с современными запросами в провинции жить трудно и неинтересно, значительно сократилась (с 29 % до 19 %).

Однако различия в восприятии пространства жизненных шансов, доступных в разных типах поселений, все же остаются достаточно заметными и сегодня. Они находят косвенное подтверждение и в том, как население, проживающее в мега-

полисах и провинциях, оценивает общую динамику этого пространства в российском обществе в 2000-е годы. Жители столиц чаще отмечают, что приобретениями этого периода стала возможность зарабатывать без ограничений, новые рабочие места, расширение доступа к высшему образованию — то есть *расширение пространства шансов, связанных с различными каналами социальной мобильности и улучшения своего положения* (табл. 3). Видимо, это те возможности, которыми они сами или их ближайшее окружение смогли в той или иной мере воспользоваться и которые в большем масштабе повлияли именно на жителей столичных городов. С другой стороны, и жители мегаполисов, и жители провинций с одинаковой частотой говорят о приобретениях 2000-х годов, связанных с насыщением рынка товарами, ростом благосостояния населения, то есть *в отношении материального положения и потребления жизненные шансы в 2000-е годы трансформировались (с точки зрения самого населения) относительно равномерно в пространственном отношении*. Это же относится и к возможностям вести интересную жизнь, отвечающую собственным запросам. Однако конкретные запросы на самореализацию и содержательное наполнение «интересной жизни» у жителей разных типов поселений могли различаться, и к этому вопросу мы еще обратимся ниже.

Таблица 3. Оценки динамики жизненных шансов населения страны в разных сферах в 2000-е годы среди жителей разных типов поселений, 2017 г., %

Считают, что приобретениями для общества в 2000-е годы стало:	Место проживания		
	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население
Расширение доступа к высшему образованию	70	59	57
Новые рабочие места	67	58	51
Возможность зарабатывать без ограничений	56	44	40
Насыщение рынка товарами	78	78	76
Большие возможности для самовыражения и личной карьеры	63	62	63
Жизнь стала ярче, интереснее, динамичнее	59	56	58
Рост благосостояния значительной части населения, появление среднего класса	55	56	53

Отличается ли в постепенно выравнивающихся, но пока далеко не равных условиях пространства жизненных шансов степень реализации своих жизненных целей у населения столиц и провинций? Запросы жителей столиц могут быть выше, чем у жителей провинций; соответственно, даже при больших жизненных шансах самооценки своих достижений у них могут оказаться относительно ниже. Как свидетельствуют данные, приведенные на рис. 2, именно это и имеет место в реальности. Хотя среди столичных жителей больше тех, кто еще не готов подводить итоги и думает, что сможет в будущем добиться того, что пока не удалось, доля достигнувших всего, к чему они стремились, среди них заметно ниже и со-

ставляет лишь 5% — при 12% среди городского и 17% среди сельского населения провинций, а доля тех, кто считает, что ничего в жизни не достиг, наоборот, выше, чем в других типах населенных пунктов.

Рис. 2. Степень реализации жизненных планов у жителей различных типов поселений, 2017 г., %

Показательно, что если выделить только тех россиян, которые дали определенную оценку степени своих жизненных достижений, не рассчитывая на изменение этой ситуации в будущем, то различия становятся еще ярче; не меняется она и при анализе отдельных доходных групп или же возрастных когорт, которые, безусловно, отличаются в оценках своих достижений — как уже реализованных, так и еще предстоящих. Россияне из одних и тех же возрастных когорт, но проживающие в разных типах поселений, по-разному оценивают степень реализации своих жизненных планов — в провинции (особенно сельской) эти оценки оказываются выше — так, например, среди столичной молодежи только 10% считают, что они уже многого добились (и при этом никто не утверждает, что добился всего, чего хотел), в то время как в провинции доля выбирающих такие ответы составляет в совокупности более 20%. Среди населения старше 70 лет, проживающего в столицах, всего желаемого достигли, по их собственным оценкам, 22% — в то время как в провинциальных городах эта доля составляет 29%, а в селах — почти треть (32%). При этом считают, что им практически ничего не удалось добиться, 12% жителей столиц из данной возрастной когорты при 2% среди жителей провинций. Аналогичная картина наблюдается и при рассмотрении разных доходных групп.

Еще одно проявление этой же тенденции наблюдается в распространенности гордости за свои достижения. Жители столиц разделились в этом отношении на три схожие по численности группы: 33% гордятся своими достижениями, 36% не гордятся и 31% затрудняются с ответом. В городской провинции доля первых возрастает до 55%, а вторых — снижается до 20%, в сельской провинции это соотношение сохраняется.

Таким образом, жители столиц в меньшей степени удовлетворены ситуацией с реализацией своих жизненных целей и считают себя успешными, чем жители провинций, особенно сел. Одной из причин такой ситуации могут быть разные стандарты, которые предъявляют к своим жизненным целям и планам жители разных типов поселений. Более широкие возможности, которые, по мнению боль-

шинства россиян, открывают сегодня для людей крупные города, наблюдаемая ими дифференциация жизненных траекторий (которая демонстрирует более широкое пространство возможных достижений в совершенно разных областях) приводит и к повышению той «планки», которая кажется желаемой для их жителей, а невозможность в полной мере реализовать на практике все, что теоретически кажется возможным, особенно в условиях проживания в «точке концентрации» различных возможностей — мегаполисе, определяет более скромные оценки своих достижений в целом. Поэтому такие показатели во многом зависят от точки отсчета. И в этом плане важно, что если отвлечься от субъективного восприятия достижений и обратиться к оценкам разных аспектов жизни, то жители столиц все же в большей степени удовлетворены различными аспектами своей жизни и выше оценивают свои жизненные шансы, причем это касается не только шансов, связанных с потреблением, но и относящихся к возможностям накопления и использования человеческого капитала, социальному окружению, отдыху и досугу, оценке места проживания (табл. 4). Исключения составляют только оценки экологической ситуации и личной безопасности.

Таблица 4. **Оценки различных аспектов жизни и жизненных шансов жителями разных типов поселений, 2017 г., %***

Аспекты жизни	Доля оценок «хорошо»			Разница оценок «хорошо» и «плохо»		
	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население
<i>Материальное положение и потребление</i>						
Материальная обеспеченность	24	17	19	5	-2	-3
Питание	44	37	34	38	33	26
Возможности одеваться	41	29	21	31	21	6
Жилищные условия	44	36	34	33	26	22
<i>Накопление и использование человеческого капитала</i>						
Состояние здоровья	41	32	27	27	19	10
Возможность реализовать себя в профессии	29	26	21	12	14	-2
Возможность получения образования и знаний, которые необходимы	33	27	19	18	15	-4

Аспекты жизни	Доля оценок «хорошо»			Разница оценок «хорошо» и «плохо»		
	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население
Возможность получить качественную медицинскую помощь, в том числе платную	24	15	12	-6	-12	-26
<i>Социальное окружение</i>						
Отношения в семье	66	55	50	61	53	42
Возможность общения с друзьями	61	48	36	55	45	26
<i>Отдых и досуг</i>						
Возможности проведения досуга	39	29	23	21	18	-1
Возможность отдыха в период отпуска	35	21	19	9	7	-12
<i>Место проживания</i>						
Место проживания (город, поселок, село)	58	35	34	48	32	23
Уровень личной безопасности	29	31	31	20	19	24
Экологическая ситуация в месте проживания	22	22	36	-1	7	22
<i>Политическая сфера</i>						
Возможность выражать свои политические взгляды	27	23	26	13	13	13
<i>Интегральная оценка жизни</i>						
Жизнь в целом складывается	41	28	25	34	23	15

* Серым фоном выделены отрицательные значения разницы оценок «хорошо» и «плохо».

Кроме того, если говорить о реальном опыте столкновения с серьезными проблемами, связанными с материальным положением и уровнем жизни, то жители столиц за последний год заметно реже сталкивались с ними (за год до опроса они

серьезно осложняли жизнь только 18 % жителей столиц при 33 % населения провинции). Относительно реже страдали они и от проблем с питанием или одеждой, хотя проблемы такого рода на серьезном уровне, связанном с возможностями физического выживания, вообще в целом уже не свойственны российскому населению, преодолевшему экстремальную бедность [Овчарова, 2014; Anikin et al., 2016]. Однако ряд других проблем, не связанных с доходами, в большей степени затрагивал именно столичных жителей — и среди них в первую очередь проблемы со здоровьем (их отмечали в числе мешающих нормальной жизни 32 % жителей мегаполисов при 23 % в провинциях), отсутствие времени на все необходимые дела (20 % по сравнению с 11 % в провинциях), отсутствие внимания со стороны других людей (13 % и 3 % соответственно), отсутствие возможностей общения с родственниками и друзьями (9 % и 2 % соответственно). Все эти аспекты тоже характеризуют *пространство жизненных шансов, которое, с одной стороны, оказывается у жителей Москвы шире, но с другой — сопряжено с рядом рисков, нехарактерных для населения провинций (и в меньшей степени характерных для Санкт-Петербурга)*. Оценки собственной ситуации находят в итоге отражение в восприятии пространства жизненных шансов у жителей столиц и провинций — недаром вторые в общественном мнении наделяются такими характеристиками, как «нормальный» ритм жизни (лишенный рисков отсутствия времени) и большие шансы на обеспечение для себя комфортного социального микромира. Разные типы мешающих нормальной жизни проблем приводят и к различиям в тех «планках», относительно которых жители разных типов поселений оценивают свою успешность в жизни.

Само понимание жизненного успеха в силу социокультурных особенностей населения разных типов поселений может быть разным — недаром различия городской и сельской культуры, в том числе и в этом аспекте, традиционно являются предметом социологического анализа — начиная еще с К. Маркса и М. Вебера. Урбанизация, причем понимаемая не столько как рост численности городского населения, сколько как распространение городской культуры и образа жизни, рассматривается целым рядом авторов (Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Н. Смелзер, С. Хантингтон и др.) как один из аспектов процесса модернизации, понимаемой как переход традиционных обществ к качественно новому состоянию, характеризующемуся в том числе иными нормативно-ценностными моделями с акцентом на индивидуализм, рациональность, личную ответственность, дифференциацию возможных жизненных траекторий и т. д. Это понимание нашло отражение и в советской научной литературе, в которой, начиная с 1960-х годов, урбанизация рассматривалась как процесс интеграции разнообразных форм жизнедеятельности, характеризующийся особым, городским образом жизни, проявляющимся в специфике норм и ценностей, общественных отношений, мобильности и пр. [Ахиезер, Коган, Яницкий, 1969], [Коган, 1972]. Такое понимание определяет ожидаемые различия в «социокультурных портретах» жителей столиц и провинций, которые могут проявляться и в разном определении желаемых для себя целей и жизненного успеха в целом.

Применительно к России различные исследования уже показывали, что в структуре жизненных целей есть консолидирующие разные группы населения, свя-

занные прежде всего с традиционалистскими ценностями — зоной социального окружения, гармонией, повседневной жизнью, а также и дифференцирующие их — в первую очередь это различные достижительные мотивации [Седова, 2016]. Можно ли провести между столицами и провинциями черту по границе «традиционализм — модерн»? Данные демонстрируют, что ситуация не так однозначна. *Описывая жизненный успех, жители и столиц, и провинций сходятся в его ключевых элементах, которыми выступают наличие семьи и детей, а также интересная работа.* Однако если в провинциях важность наличия семьи безусловно превышает важность наличия интересной работы (особенно это относится к селам, где эти показатели жизненного успеха отмечают 72 % и 46 % жителей), то в представлениях жителей столиц они оказываются равноценными.

Чуть более трети россиян и в столичных, и в провинциальных поселениях связывают успех с наличием одновременно и семьи, и интересной работы. При этом не включают ни одну из этих составляющих в понимание жизненного успеха только 20 % жителей провинций, в то время как в мегаполисах эта доля возрастает до 29 %, что свидетельствует о *формировании в них иной жизненной модели, предполагающей понимание жизненного успеха, отличное от доминирующих в российской национальной культуре представлений.*

На третьем месте по распространенности среди признаков жизненного успеха находится наличие надежных друзей — этот элемент чаще включают в свое понимание успеха жители столиц, чем провинций. Возможно, в этом качестве он частично замещает для них другой элемент, связанный с формированием ближайшего социального окружения — семью, который также претерпевает определенную трансформацию в условиях растущей вариативности жизненных траекторий, свойственной жителям крупнейших городов.

В отношении остальных составляющих жизненного успеха *мнения россиян, проживающих в столицах и провинциях, расходятся: жители первых чаще говорят о важности свободы — возможности быть самому себе хозяином и о ярких впечатлениях, в то время как для вторых важнее оказывается уважение окружающих, а также честно прожитая жизнь.* Ориентация на яркие впечатления как один из индикаторов жизненного успеха наиболее ярко выражена у тех, кто не только живет, но и родился в мегаполисах (39 %), то есть социализировался не в «малой России», а в столичной среде.

Ярко проявляются различия между столицами и провинциями в выборе в качестве показателя жизненного успеха возможности жить не хуже других — среди столичных жителей ее отмечают только 19 %, в то время как в провинциальных городах эта доля возрастает до 26 %, а в селам — до 30 %. Понимание жизненного успеха через возможность поддерживать типичный, принятый в окружении образ жизни достаточно тесно связано с уровнем жизни и его субъективным восприятием: чем выше удовлетворенность собственным материальным положением, тем

⁷ Отметим, что с методологической точки зрения мы несколько ограничены возможностями массива, в котором этот вопрос был представлен в закрытой форме для множественного выбора ответов. Возможно, открытые ответы могли бы несколько расширить понимание жизненного успеха в некоторых подгруппах населения. Однако предыдущие исследования показывают, что представленные в вопросе варианты ответа охватывают все ключевые для россиян домены — см., например, результаты исследования ИС РАН, посвященные мечтаниям россиян о себе и обществе [О чем мечтают россияне, 2013].

реже возможность «жить как все» включается в показатели жизненного успеха. Однако даже в подгруппах с одинаковой оценкой своего материального положения этот признак жизненного успеха реже остальных упоминают жители мегаполисов, а чаще всего — жители сел, демонстрируя в этом отношении важность традиционалистских ориентаций.

Показательно при этом, что россиянам вообще в целом не свойственно связывать жизненный успех со статусными материальными составляющими. Так, богатство считают показателем успеха только 15 %, а наличие престижной собственности — 11 %, причем различия в этом отношении между населением столиц и провинций невелики (табл. 5). Это отнюдь не говорит о том, что материальная составляющая не важна для жизненных моделей населения — наоборот, как показывают исследования, стремление «жить в достатке» является наиболее распространенной мечтой россиян [О чем мечтают россияне, 2013]. С другой стороны, стремление к статусности — стать богатыми, занять высокое положение в обществе, иметь бизнес, — как уже показали предыдущие исследования, не свойственно большинству россиян, и даже те, кто теоретически хотел бы этого добиться, в большинстве своем не верят в возможность реализации этих целей на практике [Седова, 2016]. Иначе выглядит ситуация с устремлениями, связанными с микромиром и обустройством личной жизни, а также получением интересной и любимой работы, наличие которых объединяет подавляющее большинство россиян. С такими особенностями целевых установок населения неудивительно, что жизненный успех связывается россиянами прежде всего с достижением подобных целей, а известность, популярность, обладание властью не воспринимаются как индикаторы жизненного успеха в массовом сознании.

Таблица 5. Элементы жизненного успеха в представлениях россиян, проживающих в разных типах поселений, 2017 г., %*

Элементы жизненного успеха	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население
Наличие семьи и детей	53	66	72
Интересная работа	53	47	46
Наличие надежных друзей	47	41	41
Возможность быть самому себе хозяином	38	24	23
Яркие жизненные впечатления	35	28	20
Честно прожитая жизнь	30	31	34
Уважение окружающих	28	40	42
Возможность жить не хуже других	19	26	30
Высокая должность	17	15	9
Быть первым во всем, что кажется важным	12	10	9

Элементы жизненного успеха	Столицы	Провинции — городское население	Провинции — сельское население
Наличие престижной собственности (иномарка, коттедж и т. п.)	12	11	11
Богатство	11	17	11
Достижение известности, популярности	5	6	6
Победа над своими врагами	3	5	6
Обладание властью	1	5	3

* Допускалось до пяти ответов. Серым фоном выделены пять наиболее распространенных ответов для жителей разных типов поселений.

Таким образом, успех в массовых представлениях российского населения связан в первую очередь не с материальными достижениями, а с реализацией в социальной и производственной сферах. При этом в столицах начинают формироваться альтернативные модели успешных жизненных моделей — их жители наделяют большим значением ценности свободной самореализации и жизненного разнообразия, в то время как в провинции важнее остаются более распространенные в России установки на честную и заслуживающую уважения окружающую жизнь, характеризующие традиционные нормативно-ценностные системы. Расширение трактовок жизненного успеха, понимание его вариативности и соответствующий рост запросов при невозможности их реализовать приводят к более скромной оценке жителями мегаполисов своих реальных достижений, в то время как для жителей провинций, с учетом специфики традиционного понимания жизненного успеха (связанного прежде всего с микромиром и поддержанием «серединного» статус-кво), добиться его оказывается проще — в этом отношении тип поселений не задает для них структурных ограничений. В связи с этим вновь обратимся к истокам концепции жизненных шансов и проблеме важности для них «привязки» к группам и ценностям, которую начал разрабатывать Р. Дарендорф [Dahrendorf, 1979]. Преобладание в обществе в целом и в разных типах поселений россиян, нацеленных на традиционные и более доступные для реализации цели, способствует сглаживанию остроты восприятия пространственного неравенства жизненных шансов в представлениях населения, поскольку, по мнению большинства, для реализации таких целей столицы и провинции представляют относительно равные возможности. Видимо, это одна из причин наблюдаемого выравнивания в глазах населения тех возможностей, которые существуют у жителей столиц и провинций.

Другие причины снижения остроты восприятия поселенческого неравенства — вопрос, требующий отдельного анализа, однако мы можем выдвинуть определенные гипотезы. Во-первых, как уже упоминалось выше, столицы объективно характеризуются не только более широким пространством жизненных возможностей, но и расширенным пространством рисков, что снижает их привлекательность в глазах населения, особенно стремящегося к комфортному микромиру, ориентированному на стабильность, а не перемены, которые могут продуцировать эти риски. Понимание рисков, характеризующих жизнь в столицах, снижает при-

влекательность предоставляемых ими шансов. Во-вторых, данные исследований показывают, что последние годы характеризуются ростом численности срединных слоев российского общества, причем это характеризует модели стратификации, построенные как по основанию доходов [Мареева, 2018], так и по основанию жизненных шансов [Тихонова, 2018]. Подобное «выравнивание по среднему» означает, что все большая доля российского населения оказывается в качественно схожей ситуации по уровню и качеству своей жизни (которые при этом достаточно скромны, хотя и далеки уже от стандарта выживания), и эта срединная ситуация, хотя и имеет свои пространственные различия, все же оказывается качественно близка и для столиц, и для провинций, что также приводит к сглаживанию «границы благополучия» между ними в глазах населения. Наконец, неравенство продолжает оставаться важнейшей проблемой и «болевым точкой» в глазах населения, однако наиболее острым является, в представлениях населения, доходное неравенство, связанное с качественным отрывом малочисленной «верхушки» от основного населения, формирующимся во многом на нелегитимных основаниях [Мареева, Тихонова 2016]. В этих условиях остроты восприятия доходного неравенства пространственный его срез может отходить на второй план.

Однако даже при отмеченной тенденции сокращения остроты восприятия поселенческого неравенства различия в оценках жизненных шансов у жителей столиц и провинций все же сохраняются, и жизнь в столицах, в представлениях россиян, дает более широкий спектр жизненных возможностей, связанных с достижительными целями, получением желаемых образования и работы, властного ресурса, и в итоге — возможностью формировать более свободный и разнообразный образ жизни. При этом в столицах начинают формироваться альтернативные модели жизненного успеха, в большей степени связанные с ценностями свободной самореализации и разнообразия в противовес характерным для традиционалистских систем элементам комфортного микромира (семья — друзья — работа, честная и стабильная жизнь), хотя они и не являются пока доминирующими. При этом столичные жители, выше оценивая свои жизненные шансы и жизнь в целом, чаще сталкиваются и с различного рода рисками, а их растущие запросы и ожидания в рамках новых моделей жизненного успеха приводят к разочарованиям в собственных достижениях, в заметно меньшей степени свойственным жителям провинций, более оптимистично оценивающим свои успехи в достижении поставленных целей.

Список литературы (References)

- Ахиезер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969, № 2. С. 43—53.
- Akhiezer A. S., Kogan L. B., Yanitskii O. N. (1969) Urbanization, society and research and technology revolution. *Voprosy Filosofii*. No. 2. P. 43—53. (In Russ.)
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / пер. с нем. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
- Weber M. (2016) *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Зубаревич Н. В. Крупные города России: лидеры и аутсайдеры // Демоскоп Weekly. 2013. № 551—552. С. 15—30.

Zubarevich N. V. (2013) Large Russian cities: leaders and outsiders, Demoscope Weekly. No. 551—552. P. 15—30. (In Russ.)

Коган Л. Б. Урбанизация и некоторые вопросы городской культуры // Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс / отв. ред. О. Н. Яницкий. М. : Наука, 1972.

Kogan L. B. (1972) Urbanization and Some Issues of Urban Culture In: *Urbanization, scientific and technological revolution and the working class*. Ed. by Yanitskii O. N. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Мареева С. В. Среднедоходная группа в российском обществе: положение и динамика // Материалы XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 2018. URL: <https://events-files-bpm.hse.ru/files/4701CFDE-688C-4550-914E-682F82DB7E3D/Мареева.docx> (дата обращения: 20.11.2018).

Mareeva S. V. (2018) Middle income group in Russian society: situation and dynamics. *Proceedings of the XIX April International Academic Conference on Economic and Social Development*. URL: <https://events-files-bpm.hse.ru/files/4701CFDE-688C-4550-914E-682F82DB7E3D/Мареева.docx> (accessed: 20.11.2018) (In Russ.)

Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 37—67.

Mareeva S. V., Tikhonova N. E. (2016) Public perceptions of poverty and social inequality in Russia. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. Vol. 25. No. 2. P. 37—67. (In Russ.)

О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2013.

What do Russians dream of: the ideal and reality / Ed. M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova (2013) Moscow: Ves Mir Publ. (In Russ.)

Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3 (31). С. 170—186.

Ovcharova L. N., Popova D. O., Rudberg A. M. (2016) Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Journal of the New Economic Association*. No. 3(31). P. 170—186. (In Russ.)

Овчарова Л. Н. Доходы, неравенство, бедность: вызовы в условиях неопределенности // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации «Человеческое развитие в условиях экономической неустойчивости» / под общ. ред.: Л. М. Григорьев, С. Н. Бобылев. М. : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. С. 63—83.

Ovcharova L. N. (2014) Income, Inequality, Poverty: Challenges under Uncertainty. In: *Human Development Report in the Russian Federation: Human Development*

in Conditions of Economic Instability / Ed. by L. M. Grigoriev, M. Bobylev. Moscow: Analytical Center for the Government of the Russian Federation. P. 63—83. (In Russ.)

Оксамитная С. Н., Бродская С. Социальный класс как фактор дифференциации жизненных шансов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 24—42. *Oksamitnaya S. N., Brodskaya S. (2004) Social Class as a Factor of Differentiation in Life Chances. Sociology: Theory, Methods, Marketing. No. 4. P. 24—42. (In Russ.)*

Седова Н. Н. Жизненные цели и стратегии россиян: контекст пассионарности // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 2. С. 73—91. *Sedova N. N. (2016) Russians' Life Goals and Strategies in a Passionarity Context. Sociological Journal. Vol. 22. No. 2. P. 73—91. (In Russ.)*

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж. П. Неверно оценивая нашу жизнь : Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М. : Издательство Института Гайдара, 2016. *Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. (2016) Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress (CMEPSP). Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. (In Russ.)*

Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53—65. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060053>.

Tikhonova N. E. (2018) Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society. Sociological Studies. No. 6. P. 53—65. (In Russ.)

Аникин В. А., Лежнина Ю. П., Мареева С., Сlobоденюк Е. Д., Тихонова Н. Е. (2016) Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia / NRU HSE. Series WP BRP / PSP “Public and Social Policy”. No. WP BRP 02/PSP/2016. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2890901>.

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Tikhonova N. E. (2017) Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia / NRU HSE. Series WP BRP “Sociology”. No. 80/SOC/2017.

Dahrendorf R. (1979) Life chances: Approaches to social and political theory. Chicago: University of Chicago Press.

Duncan G., Yeung W., Brooks-Gunn J., Smith J. (1998) How much does childhood poverty affect the life chances of children? American Sociological Review. P. 406—423. <https://doi.org/10.2307/2657556>.

Eitzen D. S., Zinn M. B. (1989) The Reshaping of America: Social Consequences of the Changing Economy. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall.

Erikson R., Goldthorpe J. (1992) The constant flux: A study of class mobility in industrial societies. Oxford: Clarendon Press.

Giddens A. (1973) The Class Structure of the Advanced Societies. London: Hutchinson.

Mayer S. (1997) *What money can't buy: Family income and children's life chances*. Harvard University Press.

Van Praag B. M., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. (2003) The Anatomy of Subjective Well-being. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 51(1). P. 29—49. [https://doi.org/10.1016/S0167-2681\(02\)00140-3](https://doi.org/10.1016/S0167-2681(02)00140-3).

Waldfogel J. (2004) Social mobility, life chances, and the early years. LSE STICERD Research Paper No. CASE088. URL: <https://ssrn.com/abstract=1159319> (accessed: 20.11.2018).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.18

Правильная ссылка на статью:

Кубряк О. В., Багдасарьян Н. Г., Глазачев О. С., Король М. П., Кулябина Е. В., Лебедев Г. С., Сидякина И. В., Силаева В. Л. Инструменты исследователя и врача: границы достижимых результатов и влияние на выводы исследований. По материалам круглого стола на XIV Вейновских чтениях, 10 февраля 2018 года. К 120-летию П. К. Анохина // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 386—406. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.18>.

For citation:

Kubryak O. V., Bagdasaryan N. G., Glazachev O. S., Korol M. P., Kulyabina E. V., Lebedev G. S., Sidiyakina I. V., Silaeva V. L. (2018) Researcher's and doctor's tools: the boundaries of achievable results and the impact on the study findings. Proceedings of the XIV Vein Conference round table held on February 10th, 2018 (to the 120th anniversary of P.K. Anokhin). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 386—406. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.18>.

**О. В. Кубряк, Н. Г. Багдасарьян, О. С. Глазачев, М. П. Король,
Е. В. Кулябина, Г. С. Лебедев, И. В. Сидякина, В. Л. Силаева
ИНСТРУМЕНТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ВРАЧА: ГРАНИЦЫ
ДОСТИЖИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ И ВЛИЯНИЕ НА ВЫВОДЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ. ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА
НА XIV ВЕЙНОВСКИХ ЧТЕНИЯХ, 10 ФЕВРАЛЯ 2018 ГОДА.
К 120-ЛЕТИЮ П. К. АНОХИНА**

ИНСТРУМЕНТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ
И ВРАЧА: ГРАНИЦЫ ДОСТИЖИМЫХ
РЕЗУЛЬТАТОВ И ВЛИЯНИЕ НА ВЫВОДЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ. ПО МАТЕРИАЛАМ
КРУГЛОГО СТОЛА НА XIV ВЕЙНОВСКИХ
ЧТЕНИЯХ, 10 ФЕВРАЛЯ 2018 ГОДА.
К 120-ЛЕТИЮ П. К. АНОХИНА

RESEARCHER'S AND DOCTOR'S TOOLS:
THE BOUNDARIES OF ACHIEVABLE RE-
SULTS AND THE IMPACT ON THE STUDY
FINDINGS. PROCEEDINGS OF THE
XIV VEIN CONFERENCE ROUND TABLE
HELD ON FEBRUARY 10TH, 2018 (TO THE
120TH ANNIVERSARY OF P.K. ANOKHIN)

КУБРЯК Олег Витальевич — доктор биологических наук, заведующий лабораторией, Лаборатория физиологии функциональных состояний человека ФГБНУ «НИИ нормальной физиологии им. П.К. Анохина», Москва, Россия
E-MAIL: o.kubryak@nphys.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7296-5280>

Oleg V. KUBRYAK¹ — Dr. Sci. (Bio.), Head of Laboratory
E-MAIL: o.kubryak@nphys.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7296-5280>

БАГДАСАРЬЯН Надежда Гегамовна — доктор философских наук, профессор, МГТУ имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Москва, Россия
E-MAIL: ngbagda@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0639-3987>

Nadezhda G. BAGDASARYAN² — Dr. Sci. (Philos.), Professor
E-MAIL: ngbagda@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0639-3987>

ГЛАЗАЧЕВ Олег Станиславович — доктор медицинских наук, профессор, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия
E-MAIL: glazachev@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9960-6608>

Oleg S. GLAZACHEV³ — Dr. Sci. (Med.), Professor
E-MAIL: glazachev@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9960-6608>

КОРОЛЬ Марина Петровна — кандидат философских наук, доцент, Университет «Дубна», Дубна, Россия
E-MAIL: marina.korol4@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-3187-4758>

Marina P. KOROL⁴ — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor
E-MAIL: marina.korol4@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-3187-4758>

КУЛЯБИНА Елена Валериевна — кандидат технических наук, начальник лаборатории, ФГУП "ВНИИМС", Москва, Россия
E-MAIL: kuliabina@vniims.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6076-4569>

Elena V. KULYABINA⁵ — Cand. Sci. (Tech.), Head of Laboratory
E-MAIL: kuliabina@vniims.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6076-4569>

¹ Laboratory of Physiology of Human Functional Condition, Anokhin Institute of Normal Physiology, Moscow, Russia

² Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

³ I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia

⁴ Dubna International University for Nature, Society and Man, Dubna, Russia

⁵ , All-Russian Research Institute of Metrological Service, Moscow, Russia

ЛЕБЕДЕВ Георгий Станиславович — доктор технических наук, профессор, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия

E-MAIL: geramail@rambler.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4289-2102>

СИДЯКИНА Ирина Владимировна — доктор медицинских наук, профессор, Клиническая больница МЕДСИ на Пятницком шоссе, Москва, Россия

E-MAIL: sidyakina.iv@medsigroup.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0998-9252>

СИЛАЕВА Виктория Леонидовна — кандидат философских наук, доцент, научный редактор, журнал «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» (ВЦИОМ), Москва, Россия

E-MAIL: silaeva_v@wciom.com

<http://orcid.org/0000-0001-8591-1695>

Georgy S. LEBEDEV⁶ — Dr. Sci. (Tech.), Professor

E-MAIL: geramail@rambler.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4289-2102>

Irina V. SIDYAKINA⁷ — Dr. Sci. (Med.), Professor

E-MAIL: sidyakina.iv@medsigroup.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0998-9252>

Viktorya L. SILAEVA⁸ — Cand. Sci. (Philos.), Editor

E-MAIL: silaeva_v@wciom.com

<http://orcid.org/0000-0001-8591-1695>

⁶ I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University)

⁷ Clinical Center MEDSI Pyatnitskoye shosse,

⁸ Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Russian Public Opinion Research Center), Moscow, Russia

Аннотация. На XIV Вейновских чтениях состоялся круглый стол, посвященный проблемам границ достижимых результатов медицинских исследований. К участию были приглашены специалисты-медики, физиологи, метрологи, философы и социологи. В процессе дискуссии выяснилось, что проблема ограниченности научного инструментария существует не только в медицине, а является общей для научного знания. В данной статье тезисно представлены выступления основных участников круглого стола, которые будут интересны как исследователям медицинского профиля, так и исследователям (социологам и философам) науки в целом.

Abstract. The 14 Vein Conference included a round table devoted to the problem of the boundaries of achievable results in medical research. Health professionals, physiologists, metrologists, philosophers and social scientists were invited to participate in the conference. The discussion revealed that the problem of the limitation of scientific tools is true not only for medicine but for any scientific knowledge. The paper outlines the main ideas presented by the round table participants. These ideas can be interesting and useful both to medical scientists and researchers working in other fields such as social sciences or philosophy.

Ключевые слова: практика научного исследования, достижимость результатов, исследовательские выводы, научный инструментарий, медицина

Keywords: scientific research practice, achievability of results, study findings, scientific tools, medicine

Благодарность. Участники круглого стола благодарят профессора, доктора медицинских наук А. Б. Данилова за приглашение на Вейновские чтения, где был организован круглый стол. Большая признательность Всероссийскому центру изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и лично кандидату социологических наук А. В. Кулешовой за внимание к проблеме влияния инструментария на результаты научных исследований и, косвенно, на общество в целом.

Acknowledgment. The round table participants would like to thank A. B. Danilov, Doctor of Medical Science, for his invitation to take part in the Vein Conference. Special thanks go to the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) and particularly to A. V. Kuleshova, Candidate of Sociological Sciences, for her attention to the impact of the scientific tools on the obtained results and, implicitly, their impact on society in general.

Хорошо известно актуальное напоминание академика А. А. Зализняка о том, что «истина существует, и целью науки является ее поиск»¹. Природа истины в науке подвергается исследованию и осмыслению — например, сама возможность научного знания может рассматриваться через эмпиризм, рационализм или конструктивизм [Лебедев, 2017]. Логика современной научно-технической сферы подсказывает, что критерием объективности (истинности?) научного знания является его проектируемость [Багдасарьян, Колосков, 2015]. Вероятно, с междисциплинарной, не сугубо философской точки зрения, можно увидеть развитие этой логики как замысловатое течение, разделения и слияния таких направлений, как инструментализм и операционализм, прагматизм и других, во что-то новое, удаляющее, по мнению Ван Фраасена [Van Fraassen, 2000], «фальшь» из современной эпистемологии. Если рассуждать еще смелее, можно полагать, что в настоящее время способность выделенного исследователем знания стать «истинным» во многом связана с его применимостью. Хотя бы на какое-то время и в каких-то условиях. Однако распространенность одного может затенять потенциально более эффективную применимость другого. Означает ли это, что «истинность» может иметь разные степени? Необходимо ли, например, считать самой истинной теорию происхождения Луны от удара в Землю гипотетической планеты Тейя, потому что это сегодня распространено, или можно усомниться [Galimov, 2011]?

С применимостью сочетается и «истинная ценность» научного знания: пока человечество не летает к экзопланетам, то и цена ошибки, например, в определении подходящей для высадки космонавтов планеты, не значима. Другое дело — степень «истинности» в науках о человеке, в технике и медицине, и влияние достигнутых исследователем результатов на принимаемые выводы и рекомен-

¹ Речь А. А. Зализняка на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына. Аудиозапись. [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://elementy.ru/downloads/elt/zaliznyak.mp3> (дата обращения: 30.01.2018).

дации. Следует учитывать, что научные достижения, становясь базой технологий и распространенных мнений о действительности, имеют очевидные *социальные последствия*. Например, «быстрые» последствия можно наблюдать при внедрении клинических рекомендаций, стандартов и порядков оказания медицинской помощи (касающихся, как минимум, всех врачей и пациентов в какой-либо области медицины, а также агентов медицинского рынка и тех, кто оплачивает лечение), в которых отражаются выводы проведенных исследований.

Отталкиваясь от давних представлений, что «исторически техника предшествует науке» [Волков, 1976], зададим вопрос: насколько совершенство техники, научного инструментария связано с совершенством («истинностью») добываемых научных данных или медицинского диагноза? В практике инструменты, которыми «добывается» и через которые выражается научное знание и переводится во что-то «проектируемое», зачастую имеют высокую степень сложности. Таковую, которая не позволяет легко и просто соотнести «добытое» с результатами его применения. Кроме того, истинные результаты реального применения часто становятся явными только после сложного анализа большого массива эмпирических данных — например, это касается действенности («доказанной эффективности») лекарственных средств в современном понимании [Becker et al., 2018]. Если считать научным инструментом комплекс, включающий какой-либо измеритель, способ оценки измеренного (показатели) и теоретическую концепцию, которая лежит в основе способа применения измерителя и трактовки результатов, то можно метафорически уподобить его дорожной сети. Некоторые дороги узкие, некоторые широкие. Пропускная способность всей сети — известная из математики задача Эрланга — связана с самым «узким» местом. Таким образом, «узость» какой-либо одной части научного инструмента, скорее всего, будет определять степень его совершенства как инструмента познания.

Междисциплинарный характер нашего обсуждения позволяет по-разному уточнить определения научного инструмента. Выбор чего-либо в качестве инструмента познания и многообразие способов применения обеспечивают специфичность путей решения исследовательской задачи, а также возникновение проблем типа «на что похож слон», достоверности результатов и глубины проникновения в исследуемую область.

Влияние научного инструментария (О. В. Кубряк)

Влияние научного инструментария на результаты и выводы исследования (факт «инструментализма») наиболее заметно на конкретных примерах. Идея этого круглого стола возникла именно из такого примера — рассмотрения массива российских диссертаций, связанных с применением стабилотрии (метода исследования стабильности и регуляции позы человека на силовой платформе) за период с 2005 по 2015 гг. [Кубряк, Кривошей, 2016]. В выборке из 64 работ анализировались наблюдения с участием почти 10 тысяч человек. Преимущественно метод применялся в диссертациях, касающихся неврологии, медицинской реабилитации и физиологии. Инструментарием здесь, полагаю, следует считать измерительный прибор (силовая однокомпонентная платформа для измерения опорных реакций — стабилотформа), методику проведения тех или иных тестов на стабилотформе (процедура), способ оценки (показатели) и способ анализа добытых

данных. Одна диссертация содержала примерно шесть выводов, сделанных с учетом результатов применения указанного инструментария.

Влияние научного инструмента на качество результата здесь связано, по нашему мнению, со следующими обстоятельствами:

- Более чем 90 % диссертаций выполнены с использованием стабиллоплатформ, не являющихся утвержденным средством измерений, что исключает возможность корректных сравнений абсолютных значений показателей из разных работ, допускает вероятность принятия исследователями погрешностей измерения за изменение состояний исследуемого, а также препятствует использованию технологий типа Big Data.
- Процедура наблюдения не всегда, на наш взгляд, соответствовала задачам исследования, что могло препятствовать получению надежных данных и соответствующих им выводов.
- В большинстве случаев использовались распространенные показатели, но они могли рассчитываться по разным алгоритмам (у различных производителей оборудования), а также исследователи часто не относились критически к физическому и физиологическому смыслу конкретного показателя, что могло приводить к его нецелевому использованию и, соответственно, к ошибочным выводам (например, о степени влияния зрения на стабильность вертикальной позы по изменениям одного из расчетных показателей, обусловленных его «конструктивной» чувствительностью к случайным помехам).
- Чаще всего использовались упрощенные механические концепции организации вертикальной позы человека как «перевернутого маятника», которые лежали в основе объяснений результатов, что уменьшало спектр возможных интерпретаций.

Базовой проблемой видится использование в качестве измерителей приборов, не являющихся средством измерений, результаты которых могут быть приняты только с ограничениями. Одной из особенностей «социальных практик» в данном случае следует считать использование исследователями готовых методик наблюдения, предлагаемых производителями оборудования. Программное обеспечение оборудования сегодня и есть «концентрат» применяемых методик. При этом методики базируются на конкретных концепциях, теориях (очень разного качества), не всегда в должной мере учитываемых исследователем. Иными словами, не каждая теория подходит для объяснения явления на необходимом уровне достоверности. Курьезным примером, найденным нами при анализе тематических патентов, может служить запатентованная методика выбора препарата для лечения головокружений — человеку, стоящему на силовой платформе, последовательно предлагается подержать разные таблетки, и с какой из них он, по мнению авторов такой концепции, стабильнее стоит на платформе, та таблетка и будет эффективнее действовать. То, что есть в построенном на определенной концепции программном обеспечении прибора, или же что понято, освоено из программы, часто и определяет методику для очень многих научных работников. С учетом приверженности многих пользователей к применению и признанию в качестве «достоверных» только уже готовых методик, каковы шансы получить новое науч-

ное знание? Знание, которое бы выходило за рамки представлений создателей научного инструмента?

Все это дает основания говорить о своеобразном «инструментализме», заставляет задуматься о влиянии инструмента на границы достижимых исследователем результатов.

Философия постнеклассики: методология и смысл (Н. Г. Багдасарьян)

Вряд ли в современном мире найдется человек, который на вопрос, устраивает ли его состояние медицины, ответит безоговорочное «да». Но ведь в этом заключен некий парадокс. Открытия следуют за открытиями, и среди них немало сенсационных, формата Нобелевских премий, технологии диагностики заболеваний совершенствуются следом за электронными нововведениями, точная медицинская робототехника вытесняет скальпель хирурга. Химическая промышленность создает лекарственные препараты на все случаи жизни. А человек, ради которого крутится весь этот механизм, неудовлетворен. Действительно, есть ли объективные причины ошибочных диагнозов, неверно выбранных траекторий лечения, следствием чего становится не только снижение качества жизни, но и гибель людей, которых можно было бы спасти?

Обратимся, оставив в стороне социальные аспекты организации медицинской помощи — и в масштабах страны, и в масштабах региональных, — ее качества и доступности, к проблемному полю методологии медицинских исследований, инструментария, посредством которого добывается столь значимое для настоящего и будущего человечества знание.

Заметим, что проблемы, присущие исследованиям в сфере физиологии человека, вполне совпадают с общими трендами, характерными для современного познания в целом. Основополагающим, на наш взгляд, стало понимание того, что субъектно-объектная познавательная модель обнаружила свои пределы. Система, где наблюдатель как бы изолирован от объекта, который существует независимо от него, поставляя исследователю «объективную» информацию [Foerster, 1975], успешно работала в классической науке, начала давать сбои в неклассической и окончательно стала неадекватна науке постнеклассической.

Сделаем предположение, что *ориентация современной медицинской науки именно на субъектно-объектную познавательную модель и является вероятной причиной того, что до сих пор не разработана удовлетворительная методология, предлагающая инструментарий, адекватный новому пониманию устройства мира и места человека в нем.* Это новое понимание прямо связано с изменением свойств объекта. Если в классической науке объектом выступали простые системы, в неклассической — сложные системы, то в постнеклассической — исторически развивающиеся системы. В таких системах на каждом новом уровне меняются связи и композиция уже возникших элементов. Принципы классической науки не «работают» в новых условиях. Кроме того, изменение характера объекта исследования потребовало междисциплинарных подходов в его изучении. Собственно, *идея данного круглого стола и отражает стремление осмыслить с разных методологических позиций феномен современных медицинских исследований.*

Мы отдаем себе отчет, что понятие современности может интерпретироваться в разных временных рамках и задаваться по-разному в зависимости от объекта исследования и его задач. В контексте настоящего диалога обозначим точкой отсчета ранние работы по кибернетике как науке руководства в ситуации нарастающей массы знаний о структуре и потоке в системах обработки информации. Хотя кибернетика оформлялась как наука о военном руководстве, ее идеи оказались универсальным инструментарием для самых разных сфер исследовательской и управленческой деятельности, требующей контроля процесса для достижения специфической цели. Так, в 1960—80-е годы прогрессивные семейные терапевты использовали метафору кибернетики, придерживаясь принципов «стратегической терапии». Что это означало? Семья рассматривалась как машина, как механизм (по аналогии, например, с управляемыми ракетами). Терапевт в такой модели выступал в роли наблюдателя, для него семья — объект, который он должен и может контролировать, давать объективные оценки неблагополучия и приводить проблемы в порядок подобно тому, как механик приводит в порядок забарахливший двигатель. Именно так поначалу понимала роль терапевта автор одной из самых влиятельных постмодернистских концепций семейной терапии Линн Хоффман [Hoffman, 1981]. Но эффективность такого подхода (особенно в части возможности контроля за объектом) уже тогда проявилась как неочевидная. И позже Хоффман написала блестящие работы, в которых обосновывала другую модель, менее ориентированную на контроль и отражающую идеи кибернетики второго порядка. Это понятие ввел физик и математик Хайнц фон Форстер. Главная особенность кибернетики второго порядка, или кибернетики в переходе от кибернетики наблюдаемых систем к кибернетике наблюдающих систем, в том, что наблюдатели входят в их области наблюдения, описывая собственное наблюдение, а не предполагаемые причины [Foerster, 1975]. То есть речь идет о радикально рефлексивной форме науки.

Для практической медицины это означало, что терапевт, составляя часть системы, включен в семью, которую он наблюдает. Отсюда (здесь следует вспомнить теорему о неполноте Геделя) его интерпретация не может быть отстраненно объективной «по определению»: на нее влияют системные характеристики.

Отметим, что импульс к подобному пониманию пришел в медицину извне, из философско-мировоззренческого контекста [Багдасарьян, 2017]. Именно в нем вызревали идеи философии конструктивизма, новые взгляды на фундаментальные вопросы экспериментальной эпистемологии, биологии познания, кибернетику второго порядка, а наряду с этим — исследования по самоорганизации систем, изучению и моделированию мозга, искусственному интеллекту и др. Пришло видение окружающей среды как пространства одновременного со-производства миров природы, технологии и социального.

Симптомом переосмысления в новой парадигме социально-медицинской практики можно рассматривать быстро ставшую популярной книгу Джилл Фридмен и Джин Комбс «Конструирование иных реальностей. Истории и рассказы как терапия» [Фридмен, Комбс, 2001; Combs, Freedman, 2002, 2012]. В предисловии к ней авторы настоятельно не рекомендовали «подходить к практикам как к «техникам» или пытаться использовать эти практики без основательного понимания того

мировоззрения, из которого они возникли». И потому в книге содержится обзор философских идей, сформировавших «нарративный» метод работы.

Значительную роль в осмыслении новой реальности сыграли работы уникального британского ученого Грегори Бейтсона [Бейтсон, 2007], который обогатил новыми подходами антропологию, социологию, лингвистику, семиотику и кибернетику. Его идеи связывали узлы между этими дисциплинами, достигшими к 1940-м годам вершин своей специализации. Пожалуй, самое ценное для нас в его наследии — это показ возможностей теории систем и кибернетики для развития социальных и поведенческих наук. Идеи Г. Бейтсона были применены командой Миланской системной семейной терапии. Как писали об этом Д. Фридмен и Д. Комбс, «вместо того, чтобы искать паттерны поведения, они искали паттерны смысла» [Фридмен, Комбс, 2001].

А категория смысла так или иначе выводит нас на философский, мировоззренческий уровень, *уровень метазнания*, интегрирующего онтологический, гносеологический, методологический, аксиологический аспекты и другие, что обусловлено постнеклассическим этапом науки как *пространства одновременного со-производства миров природы, технологии и социального*.

Ограничения достижимости результатов научного исследования заложены самой логикой игры под названием «наука» (В. Л. Силаева)

Научное знание — не единственная когнитивная область, в рамках которой человек выстраивает свои смыслообразующие ориентиры. Более того, люди, далекие от науки, ориентируются на знания обыденного характера (подробнее о научном и обыденном, повседневном знании см. [Шюц, 2004]). Например, люди, живущие вдали от цивилизации, предсказывают погоду по народным приметам, и остается вопрос, чей прогноз точнее — их или представителей научного знания, Гидрометцентра. Приверженцы научного и обыденного знания ориентируются на во многом схожие принципы, и главным из них остается воспроизводимость. Народные приметы, народные рецепты, неоднократно приведшие к одному и тому же результату, «институализируются» в обыденном знании, равно как и эпикризы и диагнозы — в научном знании. Но главное отличие этих двух знаний состоит в том, что приверженцы обыденного знания с легкостью субъективизируют свой опыт, допускают в него включение элементов иных знаний, например, научного, обратное же, как правило, невозможно, поскольку представители науки считают свою область знаний исключительной, достоверной, оправданной и подтвержденной. В этом состоит основополагающее правило науки, ограничивающее результаты работы ее инструментария. Иными словами, наука, выстроив правила построения своего исключительного знания, остается в рамках воспроизводимости этого исключительного знания.

Подобное воспроизведение не противоречит формальной логике и дает удовлетворительные результаты (если бы не было последних, наука не обрела бы своего статуса). Но насколько эти результаты сдержаны рамками самой науки? Во-первых, в истории развития научного знания наблюдается тенденция первостепенности определенных научных дисциплин. Например, в Средневековье довлеющей была теология (сколь долго она мешала прорыву от геоцентрического к гелиоцентрическому представлению о мире?), мы также помним, что под влиянием теории

Дарвина Г. Спенсер развил свою концепцию представления об обществе как о живом организме. Сегодня довлеющими стали компьютерные науки (computer sciences), и большая часть научного знания выстраивается с целью вхождения в их конгломерат (цифровая медицина, компьютерная лингвистика, программная инженерия и т. д.), однако не исключен и поворот назад². Но какими бы ни были ориентирующие направления общего научного знания, эти направления всегда будут ограничениями.

Вторым ограничением можно назвать научные школы, точнее, их признание со стороны официальной науки. Является ли гомеопатия наукой? Является ли остеопат, не имея стандартизированного государством медицинского образования, врачом? Эти и другие вопросы возникают при анализе того многообразия, которое сегодня всплывает под названием «научное знание». С одной стороны, официальная наука, заботясь о тех, кто будет пользоваться ее результатами, стремится изгнать из своего поля псевдо- и квазинаучных представителей. С другой, тем самым она ограничивает достижимость результатов своих исследований рамками своего официоза.

В качестве третьего ограничения выступает научный инструментарий как таковой, а также правила его использования. Что именно допускает наука в качестве измерительных индикаторов? Гуманитарные науки в этом смысле более свободны, помимо прямых определений они изучают метаязык, точные науки ограничены своей точностью. Мы не можем использовать градусник для измерения давления или программу SPSS Statistics для построения эпюр и измерения прочности материалов, потому что таковы правила науки. Те, кто осмелится на подобное «ненормативное» использование, едва ли получат одобрение в научном мире.

Таким образом, границы достижимости научных результатов зафиксированы правилами «науки». Но если она выйдет за рамки этих правил, она перестанет быть наукой — в том смысле, в котором зарекомендовала себя на протяжении истории. Хорошо это или плохо, вопрос скорее риторический. Как любая система, наука будет существовать в рамках самоограничения до тех пор, пока будет приносить хоть какую-то пользу.

Базовый элемент научного инструмента (Е. В. Кулябина)

Более чем вековой успех стандартизации и совершенство теории измерений, маркируемые наличием международных и национальных систем метрологии и обеспечения единства измерений, указывает на, возможно, наиболее проверенное практикой понимание научного инструмента. Великий русский ученый, один из родоначальников современной метрологии Дмитрий Иванович Менделеев говорил: «Наука начинается с тех пор, как начинают измерять. Точная наука немислима без меры». Основными «инструментами науки» в контексте метрологии являются Государственные первичные эталоны единиц физических величин, средства измерений, стандартные образцы, методики измерений.

² См., например, заявление протоиерея Д. Лескина о претензиях теологии на главенствующую роль в гуманитарных науках: «Теология вправе не только быть равноправной в семье гуманитарных наук, но и во многом определять вектор их развития». URL: https://tsargrad.tv/articles/protoierej-dimitrij-leskin-teologija-uverenno-vhodit-v-obrazovatelnoe-prostranstvo-rossii_167077 (дата обращения: 04.10.2018).

Напомню, что *эталон* — это «реализация определения данной величины с установленным значением величины и связанной с ним неопределенностью измерений, используемая в качестве основы для сравнения»³. Государственный первичный эталон обеспечивает воспроизведение единицы или шкалы измерений с наивысшей в стране точностью. *Средство измерений* — это «техническое средство, предназначенное для измерений и имеющее нормированные (установленные) метрологические характеристики»⁴. *Стандартный образец* — «материал, достаточно однородный и стабильный в отношении определенных свойств для того, чтобы использовать его при измерении или при оценивании качественных свойств в соответствии с предполагаемым назначением»⁵. *Методика измерений* — «установленная логическая последовательность операций и правил при измерении, выполнение которых обеспечивает получение результатов измерений в соответствии с принятым методом измерений»⁶.

Необходимость применения адекватного инструмента при исследованиях, проводимых в биомедицинских областях, не подвергается сомнению. На сегодняшний день разработаны и создаются точные и оперативные методы анализа, средства измерений, измерительные комплексы, позволяющие проводить раннюю диагностику заболеваний, принимать решения о предупредительных или лечебных мерах. В начале XXI века мы обладаем технологиями высочайшего уровня. Например, с помощью метода полимеразной цепной реакции (ПЦР) мы можем идентифицировать единственную молекулу ДНК безвредного организма, находящуюся в исследуемом образце сыворотки или плазмы человека, и в самом начале заболевания принять превентивные меры. Однако, например, сказать точно — в норме эти показатели или уже превысили норму, с должной достоверностью мы не можем. Почему так происходит? Ответ довольно прост: потому что для достоверной идентификации и точного измерения концентрации биологических объектов в жидкостях и тканях человека *необходимо иметь основу для сравнения*. Как при измерении длины необходимо приложить линейку к измеряемому объекту, так и в биоанализе — необходимо «приложить» стандартный образец к измеряемой субстанции.

В реальной жизни, к сожалению, мы нередко сталкиваемся с ситуациями, когда даже такой распространенный анализ, как анализ мочи, проведенный в различных лабораториях, дает поразительно различные результаты. Например, моча, взятая у одного пациента, была разослана в 17 клинико-диагностических лабораторий Санкт-Петербурга для определения ее диагностически значимых параметров [Эмануэль и др., 2016]. Лаборатории провели измерения и получили результаты: по показателю «глюкоза» отличающиеся в семь раз, по показателю «белок» — в три раза, по показателю «плотность» результаты различались также

³ Международный словарь по метрологии VIM-3. URL: http://ipg.geospace.ru/metrology/docs/JCGM_200_2008-trans.pdf (дата обращения: 04.10.2018).

⁴ РМГ 29—2013. Рекомендации по межгосударственной стандартизации. ГСИ. Метрология. Основные термины и определения.

⁵ Международный словарь по метрологии VIM-3. URL: http://ipg.geospace.ru/metrology/docs/JCGM_200_2008-trans.pdf (дата обращения: 04.10.2018).

⁶ РМГ 29—2013. Рекомендации по межгосударственной стандартизации. ГСИ. Метрология. Основные термины и определения.

значительно. Здесь проявилась четко прослеживаемая «методозависимость» при определении молярной концентрации глюкозы и массовой концентрации белка в моче. По настолько различным результатам исследований получалось, что в одном случае перед врачом — новорожденный, в другом — больной в последней стадии диабета или острого панкреатита или пиелонефрита. Вопрос корректной постановки диагноза по таким «данным» остается открытым.

Другой пример. Пациент делал ультразвуковое обследование почек в трех медицинских организациях Москвы. В первой обнаружили кисту в почке, в другой — камень, в третьей почки оказались «чистыми». Понятно, что в нашей практике как пациентов такие примеры не вызывают удовольствия. Однозначный вывод — нам остро необходимы адекватные меры, причем незамедлительные. Необходимо понимание исследователями роли метрологии. Иначе вместо здоровых, долго и активно живущих людей мы рискуем превратиться в вымирающий вид [Кулябина, 2017].

Развитие и создание «инструментов науки» теснейшим образом связано с метрологической частью — созданием адекватных эталонов, средств измерений, стандартных образцов. Плотное взаимодействие с системой здравоохранения является первостепенной задачей, требующей междисциплинарного рассмотрения. Уже созданные Государственные первичные эталоны, построенные иерархии метрологической прослеживаемости позволяют обеспечить условия для должного метрологического обеспечения измерений, проводимых для целей точного определения состояния организма человека, для решения задачи прослеживаемости измерений динамических физиологических параметров (каталитической активности ферментов) к эталону, который будет иметь сродство с самим живым организмом — к «биологическому эталону». Например, в ФГУП «ВНИИМС» в 2015—2016 гг. создан экспериментальный образец Государственного первичного эталона единицы каталитической активности — катал. Постоянно проводятся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию стандартных образцов состава и свойств биологических объектов, определяются наилучшие методы измерений.

Все вышесказанное позволяет надеяться, что получение достоверных результатов анализов о состоянии своего организма, улучшение качества и продолжительности жизни не за горами. Надеемся, что врачи и исследователи будут самым строгим образом подходить к метрологическому обеспечению применяемых приборов.

Теоретическая медицина — практике (О. С. Глазачев)

В разработке и внедрении практических измерительных (диагностических) инструментов для медицины (новых исследований и рутинной диагностики) особую роль играет физиология — теоретическая и методологическая основа медицины. Можно сказать, что здесь происходит экспериментальное обоснование, моделирование, накопление данных для последующего создания новых измерительных средств и приборов или преобразования в специфические технологические решения оригинальных научных фактов и изобретений из других областей науки и техники. Например, электрофизиологические приборы получили распространение

с развитием физики, электроники, с повышением доступности соответствующей элементной базы; а наиболее динамично развивающиеся методы лучевой диагностики, визуализации высокого разрешения стали возможными за счет прогресса в области физики и компьютерных технологий.

Однако, на мой взгляд, крайне важным является понимание, что для получения новых знаний необходимо внедрение не только новых устройств, измерительных приборов, но и технологий, включающих как технические устройства, так и знания и навыки применения этих технических устройств, включая четко регламентированную последовательность их применения. В этом смысле трудно переоценить значение профессиональной подготовки специалистов. Только при наличии должным образом подготовленных специалистов возможно проводить многоцентровые исследования, сравнивать результаты научных исследований разных групп исследователей. Сегодня комплексные мультидисциплинарные исследования с участием многих специалистов — это ключевой компонент достижения новейших доказательных результатов для самых различных отраслей клинической и профилактической медицины.

Поэтому полагаю, что когда мы говорим о влиянии «инструмента», необходимо уделять особое внимание, во-первых, этапам подготовки специалиста, «вооружению» его самыми передовыми знаниями и уверенными навыками работы; а во-вторых — разработке четких протоколов применения измерительных (диагностических) инструментов. Надеемся, что преподавание нормальной физиологии (клинической физиологии — на старших курсах в качестве дисциплины по выбору) как базовой учебной дисциплины в медицинском образовании будет соответствовать потребностям сегодняшнего и завтрашнего дня.

«Инструмент» в практической медицине (И. В. Сидякина)

В практическом здравоохранении та же самая техника, которая в науке используется для «добычи» новых знаний, применяется для диагностики, для оценки прогноза восстановления утраченной или нарушенной функции. Иногда и для лечения. То есть один и тот же «инструмент» в практической медицине может быть диагностическим, прогностическим и лечебным.

В качестве примера можно привести транскраниальную магнитную стимуляцию (ТМС). Метод позволяет оценить сохранность кортико-спинального тракта при поражении центральной нервной системы вследствие острого нарушения мозгового кровообращения или черепно-мозговой травмы. Однако сохранность проводящих путей является необходимым, но недостаточным условием восстановления моторной функции, так как нормальное движение возможно только при слаженной работе иерархически организованных структур центральной нервной системы, где пирамидный тракт выполняет скорее коммутаторную функцию. В данном случае инструмент способен оценить функциональные возможности отдельных невраль-ных структур, но не может в полной мере предсказать степень восстановления моторики. Также ТМС используется как лечение — за счет возможности нацеленной стимуляции коры головного мозга при помощи магнитных импульсов.

На мой взгляд, недостаточно исследованной проблемой здесь является определение показаний к проведению собственно стимуляции функций головного

мозга на основании данных диагностической ТМС. Может ли врач брать на себя ответственность об ограничении программы реабилитации, основываясь на результатах нейрофизиологического обследования пациента? Наш клинический опыт говорит о том, что в некоторых случаях даже при блокаде проведения по пирамидному тракту выполнение реабилитационной ТМС позволяло частично восстановить двигательную функцию пораженных конечностей. Полагаю, что это свидетельствует об ограниченности возможности диагностических инструментов в случае оценки состояния сложной системы двигательного контроля. Иными словами, использование одного и того же «инструмента» на основании разного опыта может иметь различную эффективность в самом главном — в лечении пациента.

Таким образом, диагностический инструмент в руках врача, полагаю, остается инструментом познания. При этом необходимо трезво оценивать возможности каждого метода, максимально быстро передавать самые актуальные сведения из теории в практику.

Метатеоретизирование и социальные аспекты (М. П. Король)

Попробуем рассмотреть «научный инструмент» с позиции социолога. Динамика социально-научного знания на протяжении всей своей истории не раз испытывала кризис оснований, преодоление которого было связано с формированием нового уровня эпистемологического пространства: категорий, теорий, методологических принципов. Со второй половины XX века парадигму научного стиля мышления определяет постнеклассическая рациональность с ее открытостью, гибкостью, готовностью к изменениям всякой конституируемой системы взглядов. Постигание социальной реальности через призму постнеклассики предполагает анализ новых феноменологий, порождаемых сетевыми информационными средами, конвергирующими NBICS-технологиями, цифровой экономикой как мира сложности [Философия управления сложностью..., 2017]. «Гипотетическое воображение» ученых создает мозаичное поле концептуальных построений из различных теорий.

Казалось бы, множественность интерпретаций действительности должна выступать ценным инструментом познания. Однако такое изобилие создает своеобразный методологический «анархизм», когда крайне сложно сопоставить теоретические объяснения, представителей разных социологических «школ», выявить определенные универсальные критерии оценки, относящиеся к одним и тем же социальным явлениям и процессам одного уровня. Исследователь испытывает чувство растерянности, своеобразную «методологическую травму» [Татарова, 2006] в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности. Размываются контуры выбора теоретической перспективы, модели объяснения изучаемого социального феномена, методов инструментального характера.

Одним из возможных вариантов преодоления кризиса оснований в социальных науках служит введение в арсенал социологического исследования *метатеоретизирования*. Миссия метатеоретизирования в социологическом контексте состоит в рефлексии исследования фундаментальной структуры социологии в целом, а также различных ее элементов: понятий, методов, данных и теорий. Тем самым, по мнению Дж. Ритцера, метатеоретизирование может поставлять социологам ориентиры, необходимые для разрешения социологических споров и развития

социологической теории [Ритцер, 2002]. Работы Дж. Ритцера инициировали развитие двух направлений метатеоретизирования: стабилизационного и трансформационного. Если для стабилизационного метатеоретизирования характерна рефлексивность, поскольку оно стремится к достижению теоретического единства социологии путем установления концептуального порядка на базе созданных ранее теорий, то трансформационное метатеоретизирование — креативно, ориентировано не на рефлексивную работу с другими теориями, а на выработку новых концептов и поиск метафор для определения новых объектностей [Иванов, 2017].

По сути, метатеоретизирование — путь движения научной мысли. П. Фейрабэнд некогда заметил, что не существует ни одной научной идеи, которая не была откуда-нибудь «украдена» в прошлом. Так, например, идеи Н. Коперника, по его собственному утверждению, восходили к наследию пифагорейца Филолая. И. Кеплер во всех своих трудах подчеркивал, что открыл законы движения планет, тщательно изучив данные Тихо Браге, и что он обязан его самоотверженному труду во имя науки. К. Маркс создал научную теорию как проект изменения социального мира на основе диалектики Г. Гегеля, политической экономики А. Смита и Д. Рикардо, утопического социализма А. Сен-Симона и Ш. Фурье. Примером метатеоретизирования в современной социологии может служить концепция социобиотехнической системы (СБТ-системы) О. Н. Яницкого. Следуя за И. Валлерстайном, который представляет глобальное сообщество как «мир-систему», предлагается рассматривать это сообщество как социобиотехническую систему, или СБТ-систему. О. Н. Яницкий основывается на представлении о социальной реальности, где человечество с одной стороны и геосфера — с другой производят нечто новое: СБТ-систему, живущую по собственным законам. «Суть этого процесса — метаболические трансформации. Так как любая СБТ-система — разнокачественная, то и трансформации имеют разный характер: нейтральные, изменение, поглощение, разрушение и т. д. Глобальная СБТ-система — это открытая система нелинейных связей и взаимодействий, направленная на эксплуатацию природных ресурсов» [Яницкий, 2016]. Автор делает акцент на рисках, которые продуцируются антагонизмом геосферы и социосферы. Геосфера — открытая система с непознанными до конца закономерностями эволюции. Одновременно человек стремится конструировать и направленно использовать природные процессы в своих интересах, что порождает дополнительные риски для природы и человека. Сформированные социальные институты и формы принятия решений «критически отстают от скорости трансформации СБТ-систем и всего поля глобальной геополитики. Такое отставание порождает эффект цугцванга: каждое следующее решение все более «запаздывает» по отношению к динамике данного конфликта. Поэтому социально-политические конфликты не разрешаются, а просто замораживаются, создавая потенциально опасные СБТ-системы». Данное положение вещей ставит перед социологами задачу анализа институциональных систем в режиме мониторинга и сценарирования.

Те или иные представления, важные для медицины в определенный период, меняют со временем свою значимость. В таком случае то, что вчера казалось истинным, сегодня может быть опровергнуто. Но это не означает одновременности принятия новой точки зрения обществом, существования единственной «системы» взглядов. Более того, возникают проблемы разграничения «науки» и «псевдонауки». Например,

феврале 2017 г. Комиссия РАН по борьбе с лженаукой опубликовала меморандум № 2 «О лженаучности гомеопатии». Утверждалось, что принципы гомеопатии и теоретические объяснения механизмов ее предполагаемого действия противоречат известным химическим, физическим и биологическим законам, а убедительные экспериментальные подтверждения ее эффективности отсутствуют. Гомеопатические методы диагностики и лечения следует квалифицировать как лженаучные⁷. Однако следует принять во внимание результаты исследования кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Института социологии РАН и Научно-исследовательского центра ФАП и ЦНС, которое было проведено в десяти регионах России. В данном случае в ходе изучения здоровья россиян был рассмотрен вопрос о причинах отказа населения от профессиональной медицинской помощи. В комплексе причин был выделен негативный опыт лечения, свой или родственников, который заставлял людей искать альтернативные пути получения медицинских услуг, в частности, обращаться к нетрадиционной медицине. Социологи пришли к выводу, что интеграция «альтернативщиков» в систему здравоохранения могла бы иметь благоприятные последствия как с точки зрения прозрачности и профессионального контроля, так и с точки зрения ограждения населения от навязчивых услуг недобросовестных целителей. «Необходимость медицинского образования в нетрадиционной медицине признают 98 % врачей и 75 % пациентов. При этом большинство врачей считают необходимым включение гомеопатии, фитотерапии, ароматерапии, гирудотерапии, бальнеотерапии, мануальной терапии в программу высшего медицинского образования» [Новоселова, 2017]. То есть при том, что гомеопатия не есть доказательная медицина, она предлагает некий иной, почему-то искомый населением вариант исцеления, «подчеркивающий приватность и индивидуальность больного; это теория, которая заранее сделана для того, чтобы клиенту с ней было удобней. Невозможна наука, которая «только вас и ждала», но гомеопатия намекает на такую возможность... Гомеопатия — наука с человеческим лицом» [Кралечкин, 2017]. В этой связи хотелось бы обратиться к творцу идеи фальсифицируемости К. Попперу, который заметил, что, проводя различие между наукой и псевдонаукой, надо помнить, что наука часто ошибается, и что псевдонаука может случайно натолкнуться на истину. Иными словами, имея дело с социологическими последствиями тех или иных научных представлений, с мнением общества о влиянии научного инструментария в широком смысле (и даже без осознания обществом самого наличия такой проблемы), трудно не обратить внимание на очень сложный «отклик», интерпретацию, «подстраивание» даже заведомо недоказательных результатов исследований под актуальные запросы социума.

Таким образом, можно полагать, что основополагающая роль теории, ее распространенности и приемлемости в структуре научного инструментария аксиоматична. В современной науке, выходя на уровень конструктивистских стратегий, теория не только может задавать вектор межтеоретических отношений вместо конфронтационных разделительных линий, но и служит основой для эмпирических и прикладных исследований и причиной социальных последствий.

⁷ Меморандум № 2 Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований о лженаучности гомеопатии. URL: <http://klnran.ru/2017/02/memorandum02-homeopathy> (дата обращения 30.10.2018).

Пути повышения качества научного инструмента (О. В. Кубряк, Г. С. Лебедев)

Самым эффективным представляется повышение качества научного результата через улучшение лежащей в основе исследования или только проектируемой концепции (приближение ее к «истинности»). На обратном примере это можно условно представить как невозможность эффективного использования совершенного инструмента — например, компьютера для строительных расчетов, если такой расчет выполняет человек, видящий компьютер впервые. То есть принимая, что та или иная концепция соответствует «истинной» теории только с некоторой вероятностью, в каком-то доступном нашему сегодняшнему пониманию приближении, мы принимаем, что использование даже совершенного измерителя обязательно будет давать неискаженный результат. В связи с этим выбор способа осмысления получаемых данных является ключевым. Методологический поиск — поиск совершенного научного инструмента, способа осмысления — свойственен российской школе физиологии и медицины. Посвятив годы разработке такой универсальной методологии — теории функциональных систем, П. К. Анохин отмечал, что невозможно «каждый конкретный результат, полученный при аналитическом эксперименте, поставить в определенное место системы, чтобы он приобрел свое реальное значение органического компонента системы, содействующего своими степенями свободы получению результата системы. Вспомним, что одной из главных целей поисков системы является именно ее способность объяснить и поставить на определенное место даже тот материал, который был задуман и получен исследователем без всякого системного подхода» [Анохин, 1978]. Таким образом, на первое место поставим *системный подход*, расширяющий возможности исследователя (за счет своей методологической «мощности» и универсальности, сочетаемости с конкретными знаниями) и повышающий качество использования остальных частей научного инструментария.

Вторым аспектом, оказывающим фундаментальное влияние на качество поступающей при наблюдении информации, является *использование адекватного измерителя*. Для приборных наблюдений это утвержденный тип средств измерений. Соответственно, применение более чувствительных и специфичных измерителей будет способствовать получению более точных и достоверных данных.

Аналитические компоненты, включающие способ расчета и выбор показателей наблюдения, способ математической обработки данных (в том числе возможности технологий машинного обучения и других), отнесем к третьему аспекту, оказывающему важнейшее влияние на качество получаемого результата. То есть адекватный и наиболее мощный из доступных способ анализа данных позволяет приблизиться к «истинности».

Таким образом, касаясь путей повышения качества научного инструмента, нельзя не заметить влияния каждого его элемента на качество будущего результата. Отношение к научному инструменту как к системе уже само по себе позволяет при планировании исследования предупредить нежелательные ошибки.

Заключение

Где проходят границы достижимых результатов при использовании того иного научного инструмента? Что считать научным инструментом в медицине и биоло-

гии? Полагаем, что итоги круглого стола, междисциплинарного обсуждения маркируют наличие явного влияния свойств научного инструментария как комплекса решений на результаты и выводы исследований (и, тем самым, на общество). При этом основополагающая роль принадлежит теории — способу осмысления и трактовки результатов. Очевидно, что чем более ограничена, «закрыта» теоретическая концепция, тем более очерчена граница достижимых (доступных исследователю) результатов. Логичным выводом полагаем то, что научный инструмент, включающий средство и способ оценки исследуемого процесса теоретическим обеспечением, должен базироваться на максимально широких концепциях (метатеориях), в своей измерительной части опираться на строгие правила единства измерений и метрологии. Таким образом, рассматривая инструмент как комплекс, систему, можно достигать большей достоверности получаемых результатов. При этом следует принимать во внимание, что существуют социальные последствия результатов значимых научных изысканий, которые имеют сложный характер и необязательно укладываются в существующие на том или ином историческом этапе научные представления.

Список литературы (References)

Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы: избр. тр. / отв. ред. Ф. В. Константинов, Б. Ф. Ломов, В. Б. Швырков; АН СССР, Ин-т психологии. М.: Наука. 1978.

Anokhin P. K. (1978) Philosophical aspects of the theory of functional systems. Ed. by F. V. Konstantinov, B. F. Lomov, V. B. Shvyrkov. AS USSR, Institute of Psychology. Moscow: Science. (In Russ.)

Багдасарьян Н. Г. Методология: контексты, сферы и границы ее применимости в постнеклассической науке / Методология в науке и образовании: Материалы Всероссийской конференции университетов и академических институтов РАН. М, 30—31 марта 2017 г. / МГТУ им. Н. Э. Баумана, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН. М.: Изд. МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2017. С. 9—11.

Bagdasaryan N. G. (2017) Methodology: contexts, spheres and limits of its applicability in post-non-classical science. In: *Methodology in science and education: Proceedings of the all-Russian conference of universities and academic institutions of RAS*. Moscow: BMSTU publishing house. P. 9—11. (In Russ.)

Багдасарьян Н. Г., Колосков С. С. Инженерная элита в постнеклассическую эпоху: смена парадигмы деятельности // Гуманитарный вестник. 2015. № 11 (37). <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2015-11-322>.

Bagdasaryan N. G., Koloskov S. S. (2015) Engineering elite in postnonclassical era: activity paradigm shift. *Humanities Bulletin of BMSTU*. No. 11 (37). <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2015-11-322>. (In Russ.)

Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство / пер. с англ. и предисл. Д. Я. Федотова. М.: URSS: КомКнига. 2007.

Bateson G. (2007) *Mind and Nature: A Necessary Unity*. Trans. by D. Ya. Fedotov. Moscow: URSS: ComKniga. (In Russ.)

Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса: социологические проблемы развития науки и техники. М. : Политиздат. 1976.

Volkov G. N. (1976) *The origins and horizons of progress: the sociological problems of the development of science and technology*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Иванов Д. В. Тренд метатеоретизирования в современной социологии. Социологические исследования. 2017. № 11. С. 3—10.

Ivanov D. V. (2017). *The trend of metatheoretically in modern sociology*. Sociological Studies. No. 11. P. 3—10. (In Russ.)

Кралечкин Д. Разведение субстанций // Логос. 2017. № 4. Том 27. С. 1—10.

Kralechkin D. (2017) *Spinning Substances*. Logos. Vol. 27. No. 4. p. 1—10. (In Russ.)

Кубряк О. В., Кривошей И. В. Анализ научной области на примере обзора диссертационных работ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 52—68. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.04>.

Kubryak O. V., Krivoshey I. V. (2016) *Scientific field analysis based on the review of dissertation works*. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 6. P. 52—68. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.04>. (In Russ.)

Кулябина Е. В. К взаимосвязи возможности сохранения человека как биологического вида и уровня метрологического обеспечения лабораторной медицины и биоанализа // Законодательная и прикладная метрология. 2017. № 6. С. 49—51.

Kulyabina E. V. (2017) *To the relationship between the possibility of surviving of human being as a biological species and the level of metrological support for laboratory medicine and bioassay*. Legislative and applied Metrology. No. 6. p. 49—51. (In Russ.)

Лебедев С. А. Природа истины в науке // Гуманитарный вестник. 2017. № 12 (62). <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2017-12-484>.

Lebedev S. A. (2017) *The nature of truth in science*. Humanities Bulletin of BMSTU. No. 12 (62). <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2017-12-484>. (In Russ.)

Новоселова Е. Н. К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 30—57.

Novoselova E. N. (2017) *Role of sociology in the study and maintenance of health among Russian population*. Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. Vol. 23. No. 3. P. 30—57. (In Russ.)

Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер. 2002.

Ritzer G. (2002) *Modern Sociological Theory*. 5th ed. St. Petersburg.: Piter. (In Russ.)

Татарова Г. Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания. Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3—12.

Tatarova G. G. (2006) *Methodological trauma of the sociologist: on the integration of knowledge*. Sociological studies. No. 9. P. 3—12. (In Russ.)

Философия управления сложностью в условиях конвергенции социогуманитарных и естественно-научных знаний. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники 2017. Т. 22. № 1. С. 5—29. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2017-22-1-5-29>.

The philosophy of complexity management in terms of convergence of socio-humanitarian and natural-science knowledge. (2017) Papers of the “round table”. *Philosophy of Science and Technology*. Vol. 22. p. 5—29. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2017-22-1-5-29>. (In Russ.)

Фридмен Д., Комбс Д. Конструирование иных реальностей. Истории и рассказы как терапия / под ред. М. Р. Гинзбурга; пер. с англ. В. В. Самойлова. М.: Класс. 2001. *Freedman J., Combs G.* (2001) Narrative Therapy: The Social Construction of Preferred Realities. Ed. by M. R. Ginzburg, trans. by V. V. SamoiloVA. Moscow: Class. (In Russ.)

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2004.

Schütz A. (2004) Favorites: World glowing sense. / Trans. from Germ and En. Moscow: «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN). (In Russ.)

Эмануэль В. Л., Карпищенко А. И., Кустова В. Н., Суворов В. И. Опыт проведения межлабораторных сличений в Санкт-Петербурге. Часть 1. Предварительные результаты определения аналитов в моче // Лабораторная служба. 2016. № 2. Т. 5. С. 32—36.

Emanuel' V.L., Karpishchenko A. I., Kustov V.N, Suvorov V. I. (2016) The experience of conducting interlaboratory comparisons in Saint Petersburg. Part 1. Preliminary results of determination of analytes in urine. *Laboratornaya sluzhba*. Vol. 5. No. 2. p. 32—36. <https://doi.org/10.17116/labs20165232-36>. (In Russ.)

Яницкий О. Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы. Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 3 (15). С. 5—22. <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.3.4574>.

Yanitsky O. N. (2016) Sociobiotechnical Systems: A New Approach to Humanity-Nature Interaction. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 4. No. 3 (15). p. 5—22. <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.3.4574>. (In Russ.)

Becker M., Breuing J., Nothacker M., Deckert S., Steudtner M., Schmitt J., Neugebauer E., Pieper D. (2018) Guideline-based quality indicators—a systematic comparison of German and international clinical practice guidelines: protocol for a systematic review. *Systematic Reviews*. 7:5. <https://doi.org/10.1186/s13643-017-0669-2>.

Combs G., Freedman J. (2002) Relationships not boundaries. *Theoretical Medicine and Bioethics*. Vol. 23. No. 3. p. 203—217.

Combs G., Freedman J. (2012). Narrative, poststructuralism, and social justice: current practices in narrative therapy. *The Counseling Psychologist*. Vol. 40. No. 7. P. 1033—1060. <https://doi.org/10.1177/0011000012460662>.

Foerster H. von (1975). The Cybernetics of Cybernetics. Champaign/Urbana, IL: BCL, University of Illinois.

Galimov E. M. (2011) Formation of the Moon and the Earth from a common supraplanetary gas-dust cloud (lecture presented at the XIX all-Russia symposium on isotope geochemistry on November 16, 2010). *Geokhimiya*. Vol. 49. No. 6. P. 563—580. <https://doi.org/10.1134/S0016702911060048>.

Hoffman L. (1981). *Foundations of Family Therapy: A Conceptual Framework for Systems Change*. New York: Basic Books.

van Fraassen B. C. (2000) The False Hopes of Traditional Epistemology. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 60. No. 2. P. 253—280. <https://doi.org/10.2307/2653486>.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.19

Правильная ссылка на статью:

Лисицын П. П., Стариков В. С. Общение как социологическая проблема и как проблема для социологов. Рец. на кн.: Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Мир общения в социологическом измерении: монография. М.: Университетская книга, 2017. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 407—412. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.19>.

For citation:

Lisitsyn P.P., Starikov V.S. (2018) Social intercourse as a sociological problem and sociologists' headache. A book review on 'The World of Social Intercourse in a Sociological Perspective' by A.V. Rezaev & N.D. Tregubova. Moscow: University book, 2017. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 407—412. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.19>.

П. П. Лисицын, В. С. Стариков

ОБЩЕНИЕ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И КАК ПРОБЛЕМА ДЛЯ СОЦИОЛОГОВ. РЕЦ. НА КН.: РЕЗАЕВ А. В., ТРЕГУБОВА Н. Д. МИР ОБЩЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: МОНОГРАФИЯ. М.: УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА, 2017.

ОБЩЕНИЕ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И КАК ПРОБЛЕМА ДЛЯ СОЦИОЛОГОВ. РЕЦ. НА КН.: РЕЗАЕВ А. В., ТРЕГУБОВА Н. Д. МИР ОБЩЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: МОНОГРАФИЯ. М.: УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА, 2017.

SOCIAL INTERCOURSE AS A SOCIOLOGICAL PROBLEM AND SOCIOLOGISTS' HEADACHE. A BOOK REVIEW ON 'THE WORLD OF SOCIAL INTERCOURSE IN A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE' BY A.V. REZAEV & N.D. TREGUBOVA. MOSCOW: UNIVERSITY BOOK, 2017

ЛИСИЦЫН Павел Петрович — кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: fox_sociology@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8617-5730>

Pavel P. LISITSYN^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.); Associate Professor
E-MAIL: fox_sociology@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8617-5730>

¹ St Petersburg State University of Economics, St Petersburg, Russia

² St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

СТАРИКОВ Валентин Сергеевич — кандидат социологических наук, инженер-исследователь факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: v.starikov@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1434-4958>

*Valentin S. STARIKOV*² — *Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow, Faculty of Sociology*
E-MAIL: v.starikov@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1434-4958>

² St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Рецензируемая книга представляет собой первую монографию по социологии общения на русском языке. Авторы указывают, что социология общения сегодня не проблематизирована в логике социологического знания, хотя множество конкретных исследований фиксируют те или иные стороны общения. Описанный в книге подход предполагает трехчастную структуру социологического анализа общения: феномен, понятие и проблема. В монографии приводится обоснование возможности социологии общения, а также необходимость разделения коммуникации и общения в научном поиске.

Ключевые слова: общение, коммуникация, социальное взаимодействие, социологическая теория, сравнительный анализ

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Совета по грантам президента РФ, проект № МК-773.2017.6

Abstract. The book is the first monograph on the sociology of social intercourse in Russian. The authors indicate that despite the fact that today many specific studies describe certain aspects of social intercourse, this phenomenon has no problematization within the overall logic of sociological knowledge. The authors propose a three-part structure: social intercourse as a phenomenon, as a concept, and as a problem. The monograph provides a rationale for the possibility of sociology of social intercourse, as well as the very necessity to separate the notions of “social intercourse” and “social communications” in social scientific research.

Keywords: social intercourse, communication, social interaction, sociological theory, comparative analysis

Acknowledgments. This work was supported by the Council for the Russian President’s Grants, project no. МК-773.2017.6

В отличие от многих других направлений, социология общения не имеет достаточного институционально-организационного наполнения. Сам предмет анализа — социальное общение — декларируется как «вечный» и никогда не теряющий своей актуальности. Тем не менее это только декларация, поскольку специалистов по социальным наукам вполне устраивает редуцирование всякого взаимодействия к вербальной и невербальной коммуникации или интеракции.

Содержание рецензируемой монографии [Резаев, Трегубова, 2017] подчиняется цели оправдания возможности и необходимости социологии общения. Авторы,

с одной стороны, стремятся к легитимизации социологии общения (а точнее, пытаются показать, что сам термин «общение» не является произвольной попыткой замещения уже институционально и организационно закрепленных понятий, но имеет собственное содержание), с другой стороны, пробуют на основании этого направления наметить пути развития современной социологии.

Каким образом авторы пытаются утвердить необходимость и актуальность исследования именно общения (отчасти в противовес коммуникации или взаимодействию)? Аргументацию в данном случае можно реконструировать следующим образом. Общение представляет собой фундаментальную реальность, возникающую при взаимодействии людей — лицом к лицу или иным образом, — в которой создаются общности и воспроизводятся общественные отношения. С изменением общественных отношений или технических средств связи само общение тоже меняется — однако не настолько, чтобы утратить внутренние характеристики и внутреннюю обусловленность, заданную, по всей видимости, тем, что называется человеческой природой. Человек — существо не просто общественное, но общающееся. И именно таким человеком должна заниматься социология. Такова позиция авторов, и, при всей ее противоречивости, она действительно является позицией — с ней можно дискутировать, не принимать, однако в любом случае она заслуживает внимания со стороны представителей других — конвенционально одобряемых — направлений.

Структурно данная относительно небольшая по объему (152 стр.) книга состоит из трех пропорционально сходных глав, каждая из которых представляет собой в целом автономный по содержанию текст. Таким образом, в зависимости от собственных исследовательских предпочтений читатель может обратиться к общим рассуждениям об общении как феномене и как аналитической проблеме (глава «Основания проблематизации общения в социологической теории» носит общий философско-описательный характер и может быть в равной степени интересна не только социологам, но и исследователям методологии науки из других социогуманитарных дисциплин) или конкретным социологическим теориям (глава «Разработка проблем общения в современных социологических теориях и становление социологии общения» посвящена критическому разбору шести современных авторских подходов к анализу общения в социологии).

Даже на фоне общей концептуальной автономности каждой из частей книги последняя глава («Исследования общения в отечественной социальной науке») смотрится особенно изолированно. Она посвящена контент-анализу публикаций в журналах, где общение так или иначе фигурирует в качестве феномена или аналитической проблемы. И если в предыдущих главах анализируются исключительно зарубежные теории (как пишут сами авторы, «представители условно западной традиции»), то последняя глава концентрируется только на изучении подходов, реализованных в русскоязычных литературе. Здесь авторы сразу делают оговорку, что данная (назовем ее «пространственно-лингвистической») демаркация обусловлена по большей части «отсутствием социологических теорий общения в русскоязычной литературе [там же: 10]». Читатель и сам может в этом легко убедиться через обращение к Российскому индексу научного цитирования. Концептуальный поиск по ключевым словам «теория», «общение» и пр. в области

социологии выдаст небольшое количество документов, авторство немалой части которых принадлежит тем, кто написал рецензируемую книгу. В данном случае за неимением достаточного количества эмпирического материала по социологии общения авторы вынуждены обратиться к анализу работ из смежных дисциплин (философия, психология и пр.)

В качестве выводов монографии сформулированы десять дилемм социологии общения и четыре обобщающие характеристики общения. Дилеммы представляют собой контрадикторные суждения, предполагающие разные ответы на вопросы о формальных и содержательных характеристиках социологического анализа общения; они группируются авторами в пять концептуальных блоков («Дилеммы о границах общения», «Дилеммы о содержании общения», «Дилеммы об обусловленности общения», «Дилеммы об индивиде в общении», «Дилеммы о разновидностях общения»). Чтобы понять, о чем идет речь, более подробно рассмотрим одну из дилемм: «Структурные условия — культурные условия — внутренние ресурсы» [там же: 87]. Она показывает, что общение можно исследовать как процесс, определяемый: а) социальной структурой; б) усвоенными культурными паттернами; в) внутренней динамикой самого общения. При этом последняя тоже подразделяется на два варианта: в общении люди стремятся либо к поддержанию границ своей личности и отношений с другими людьми, либо к слиянию и общности с другими через нарушение этих границ. Как указывают авторы, эти варианты могут существовать в реальности одновременно — в том или ином соотношении, но разные теории видят их с большей или меньшей отчетливостью. Для одной теории, например, такой социальный процесс, как «стояние в очереди», вообще не является общением (где здесь слияние и общность?), для другой — напротив — прототипический случай общения (границы социального «я» поддерживаются). Но в очереди может возникнуть беседа или завязаться драка, в очереди может стоять иностранец, не понимающий социальной специфики процесса стояния в очереди, — и тогда общение неуловимо изменит свои характеристики и станет интересным для другой теории — не переставая быть общением, той самой фундаментальной реальностью производства и воспроизводства общества и человека.

Выделяя достоинства монографии «Мир общения в социологическом измерении», следует указать на несколько моментов.

Во-первых, это первая монография по *социологии общения* на русском языке. Социология общения сегодня не проблематизирована в логике социологического знания, хотя множество конкретных исследований фиксируют те или иные стороны общения¹. Именно поэтому нужна монография, которая, являясь теоретическим манифестом современной социологии общения, провозглашает репроблематизацию и поиск новых путей формирования повестки теоретических и эмпирических исследований. При этом в монографии достаточно убедительно рассматривается система социального знания, где ищет свое место проблематика общения.

¹ Этим отчасти можно оправдать неоднозначную и не вполне концептуально обоснованную идею разделения частей книги на «зарубежную» и «русскоязычную» части. В конечном счете, первая монография на русском языке должна включать и анализ отечественных источников (даже если его существование в общем контексте книги может выглядеть несколько чужеродным).

Во-вторых, в монографии определен принцип обращения в социологии к таким многоуровневым социальным структурам и процессам, как «общение», «общество», «миграция», «общественное мнение» и т. п. Авторы предлагают различать в научном исследовании общение как феномен/явление, как понятие и как проблему. Насколько нам известно, данное различие впервые возведено в принцип исследования.

В-третьих, монография критикует и обосновывает необходимость пересмотреть концептуальный аппарат теорий коммуникаций, которые сегодня доминируют в социологических исследованиях социальных феноменов. Впервые четко обосновывается, почему не надо смешивать коммуникацию и общение в научном поиске.

В-четвертых, монография вводит в научный оборот идеи признанных социологов, которые до этого не мыслились в логике анализа общения. Например, Нил Флигстин обыкновенно рассматривается как экономический социолог или автор теории полей, а Джеффри Александер прочно связан с культурсоциологией, тогда как их концепции представляют несомненный интерес и с точки зрения социологического анализа общения.

Наконец, книга радует читателя отдельными интересными находками, которые можно развивать далее: дилеммы социологии общения, идея «мощности общения», а также нетривиальный для отечественной социологической продукции контент-анализ журнальных публикаций.

При всех достоинствах монографии следует указать на ряд недостатков, а точнее, препятствий, которые возникают при чтении. Выше мы указывали, что концепция книги подчиняется цели оправдания возможности и необходимости социологии общения. К сожалению, маргинальное положение данного направления сильно сковывает аргументацию, словно вынуждая авторов уделять диспропорциональное внимание *необходимости* социологического изучения общения в ущерб анализу его *возможностей* (т. е. пользы). С этим же связана упомянутая проблема автономности различных частей книги. Авторы раз за разом возвращаются к сформулированным ранее аргументам, пытаются усилить их за счет расширения теоретической конструкции, однако в итоге возникает стойкое ощущение, что текст воспроизводит одни и те же идеи разными формулировками. Как следствие, рассматриваемая монография только намечает пути и аргументы, которые могут быть выдвинуты для институционализации и закрепления социологии общения в структуре социального знания.

Кроме того, авторы отчасти воспроизводят проблему социологического снобизма и (авто)демаркации. Так, дисциплинарные деления между философией и социальными науками проведены слишком жестко и представляются устаревшими, а предложенная авторами «социальная аналитика общения» не ясна ни по статусу, ни по возможностям эмпирической реализации. При этом авторы сознательно или неосознанно игнорируют все те направления исследований новых форм и способов взаимодействия (human-computer interaction, social robotics, internet studies, etc.), которые позволяют плодотворно ответить на вопрос: «В чем отличия (и сходства) межчеловеческого общения от других типов взаимодействий?». В данном контексте обзор русскоязычных исследований в строго «дисциплинарных» журналах выглядит весьма скудным: авторы растрачивают силы на анализ

того, о чем до всякого исследования можно было предположить, что оно не имеет прямого отношения к их исследовательскому интересу.

Другой тип препятствий связан с компоновкой и формальной составляющей книги. В случае общения — самого естественного и знакомого из всех социальных процессов — читатель вправе ожидать своеобразной деконструкции знакомого мира, которая послужит в дальнейшем глубокой рефлексии по поводу данного феномена. Тем не менее содержание и драматургия рецензируемой книги не предоставляют такой возможности. Многие промежуточные сюжеты так и не получают своего завершения, а итоговые выводы кажутся парафразами вступительной части. В конечном счете представленную работу сложно определить как полноценную книгу (того или иного жанра): она более напоминает зашитую в цветную обложку диссертацию.

Указанные недостатки могут служить препятствиями для читателей. Тем не менее, если мы суммируем общие итоги по шкалам «необходимость» и «полезность», результат оказывается положительным. Данная работа фиксирует «координаты» теоретического перекрестка, где правильный поворот может послужить началом пути качественного развития социологического знания (и социальной аналитики в целом) в условиях существенной трансформации социальной реальности. С точки зрения полезности все пока менее однозначно, ведь авторы практически не указывают, по какой из дорог на этом перекрестке следует двигаться дальше. Однако если социологическое сообщество действительно верит в *необходимость* и *полезность* собственного предназначения, оно не должно бояться выбирать дорогу.

Список литературы (References)

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Мир общения в социологическом измерении: монография. М.: Университетская книга, 2017.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. The world of intercourse through the sociological dimension. Moscow: University book, 2017.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.20

Правильная ссылка на статью:

Марков Б. В. Антропология и социология стыда: размышления о книгах Н. Элиаса, Г.-П. Дюрра и Р. Е. Гергилова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 413—425. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.20>.

For citation:

Markov B. V. (2018) Anthropology and sociology of shame: reflections on books by N. Elias, H.-P. Duerr and R. E. Gergilov. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 413—425. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.20>.

Б. В. Марков

АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ СТЫДА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГАХ Н. ЭЛИАСА, Г.-П. ДЮРРА И Р. Е. ГЕРГИЛОВА

АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ СТЫДА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГАХ Н. ЭЛИАСА, Г.-П. ДЮРРА И Р. Е. ГЕРГИЛОВА

ANTHROPOLOGY AND SOCIOLOGY OF SHAME: REFLECTIONS ON BOOKS BY N. ELIAS, H.-P. DUERR AND R. E. GERGILOV

МАРКОВ Борис Васильевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: b.markov@spbu.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3755-6742>

Boris V. MARKOV^{1,2} — Dr. Sci. (Philos.), Professor
E-MAIL: b.markov@spbu.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3755-6742>

¹ St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

Аннотация. Анализируются выводы и положения опубликованной в 2016 г. монографии петербургского философа и социолога Р. Е. Гергилова, посвященной проблематике трансформации стыда в процессе цивилизации. Раскрывается преемственность концепции Р. Е. Гергилова по отношению к работам Н. Элиаса и его оппонента

Abstract. The article analyzes the conclusions and provisions in a monograph written by the St Petersburg philosopher and sociologist R. E. Gergilov in 2016 and devoted to the problem of transformation of shame in the process of civilization. The paper reveals the continuity of Gergilov's concept in relation to the works of N. Elias and his opponent

Г.-П. Дюрра, в которых обнаруживается дихотомия традиционной культуры стыда и моральных практик модерна, опирающихся на постулат долга. Показано, что историческая антропология и социология представляют различные теории множественных форм модерна (multiple modernities), и это предполагает разные прочтения наследия перечисленных авторов и разную трактовку соотношения «обществ стыда» и «цивилизованного общества». Формулируется вывод, что работа Р. Е. Гергилова является продуктивным ответом на проблемы, возникшие в ходе полемики Г.-П. Дюрра с Н. Элиасом, и будет полезной социологам, занимающимся оценкой уровня стыдливости в современном обществе.

Ключевые слова: процесс цивилизации, модерн, стыд, вина, культурная антропология, историческая социология, Н. Элиас, Г.-П. Дюрр

H.-P. Duerr which constitute the dichotomy of the traditional shame cultures and the duty-based moral practices in modernity. The author shows that historical anthropology and sociology represent different theories of multiple forms of modernity (multiple modernities), and this implies a different perusal of the heritage of the listed authors and different interpretations of the correlation between “shame societies” and a “civilized society”. The author concludes that the work of R. E. Gergilov is a productive response to the problems that arose from the controversy between Duerr and Elias and will be useful to sociologists who are engaged in assessing the level of bashfulness in modern society.

Keywords: civilization, modern, shame, guilt, cultural anthropology, historical sociology, N. Elias, G.-P. Duerr

Монография Р. Е. Гергилова «Стыд. Философско-антропологическая перспектива» [Гергилов, 2016а] посвящена не просто недостаточно изученной, а, можно сказать, забытой теме, обретающей актуальность в связи с осознанием значимости состояния моральности современного общества. Считается, что традиционная культура стыда вытеснялась еще средневековым этосом чести, в эпоху Просвещения — рационализмом, а при капитализме — товарными отношениями. Правда, не вполне ясно, что пришло на смену — то ли совесть, то ли долг, то ли честность в делах. Согласно либеральным воззрениям, рынок не нуждается в морали, она нарушает экономику. Сегодня образ капитализма строится по-другому. В ход пошли понятия символического, социального и человеческого капитала. Вопрос, относится ли стыд к одной из перечисленных сфер культурных ценностей, требует обстоятельного обсуждения. Поэтому выполненное Гергиловым социально-философское исследование природы, структуры и функций стыда имеет значение для анализа таких состояний эмоционально-ценностного сознания, как любовь, счастье, доверие, которые, несомненно, являются критериями здорового общества. Дело в том, что данные чувства или настроения существенно отличаются от понятий, используемых учеными. Психология, социология, история, культурология создавали собственные исследовательские техники по аналогии с методами естественных наук. Поэтому они малопригодны для анализа ценностных пере-

живаний. Их особенность состоит в том, что они являются внутренним опытом, с одной стороны, непропозициональным, то есть невыразимым, а с другой — не-транзитивным, то есть недоступным другим субъектам. И вместе с тем мы каким-то образом передаем свои чувства, а другие, причем без помощи полиграфа, а судя по поступкам, могут проверять, насколько они искренни.

Старая альтернатива наук о природе и наук о духе должна быть по-новому переосмыслена. Внутренний опыт не является уникальным достоянием субъекта, существуют социальные нормы и коды, регулирующие как переживание, так и выражение страстей. Поскольку переживания, настроения, эмоции и ценностные предпочтения формируются в соответствии с общественными кодами, постольку их аналитика открывает возможность науки об эмоционально-ценностном чувственном опыте, которая не сводится к бихевиоризму или дециссионизму. Помимо материальных факторов предпосылками человеческого поведения становятся сложившиеся в процессе коммуникации убеждения, нормы и ценности, мотивирующие поступки и действия людей. Они отличаются в разных культурах, но это не дает оснований считать их «заблуждениями» или «предрассудками», так как люди искренне верят в их безусловность и действуют в соответствии с ними. Это не исключает учета физических, биологических, физиологических, экономических и иных материальных факторов поведения. Речь должна идти, используя выражение Н. Лумана, о «подсоединении» внешней и внутренней подсистем общества [Луман, 2009: 290]. Думается, что книга Гергилова будет интересна социологам, прежде всего тем, что в ней описаны медиумы, каналы и фильтры, опосредующие взаимодействие природных, антропогенных и культурных условий человеческого существования.

Проведенное автором исследование можно расценить как пример сравнительной социологии [Гергилов 2016b, Гергилов, 2017: 115—128]. Полемика Г.-П. Дюрра с Н. Элиасом и еще работы М. Фуко стали эмоциональным и теоретическим стимулом работы Гергилова. Различные установки, методы и техники приводят аналитиков социальной реальности к противоположным выводам, каждый из которых, тем не менее, соответствует определенным историческим фактам. Элиас исходил из допущения универсальности цивилизационного процесса. Поэтому чувство стыда он считал зависимым от уровня сложности межличностных взаимодействий. В небольших коллективах складываются тесные личностные отношения, и поэтому чувство стыда наиболее интенсивное. По мере разделения труда усиливаются экономические, функциональные отношения. Наряду с этим образуется сфера приватной жизни, где прежние практики контроля уже не срабатывают. Отсюда надзор как интегрирующая инстанция. Если Фуко описал его дисциплинарный аспект, то Элиас раскрыл и описал практики самоконтроля. Усиление чувства стыда он связывал с необходимостью подавления аффективного поведения. По Дюрру, наоборот, по мере развития ослабляется контроль и трансформируется зона постыдного. В деревне глаз соседей надежнее и зорче, чем видеорекамеры в городе. Неподобающее поведение соотносится с ближайшими сородичами и осуждается ими практически мгновенно. В городах же связи более формальные и анонимные. С антропологической точки зрения это означает ослабление межличностных отношений и, как следствие, утрату чувства стыда и падение нравов.

Стремясь преодолеть образовавшуюся дилемму, Гергилов отстаивает универсальность стыда. Затруднения, возникающие при попытке выводить первичные чувства стыда из социальных отношений, заставляют искать его истоки в природе самого человека. Немецкий антрополог Г. Плеснер связывал чувство стыда с эксцентричностью человека, который способен посмотреть на себя и на мир как бы со стороны. Дистанцированность от мира делает возможной рефлексию и самонаблюдение, что и является всеобщим и необходимым условием переживания стыда. По Плеснеру, стыд — универсальная антропологическая константа, выражающая позициональность человека, раздвоение его сознания [Плеснер, 2004]. Не в том смысле, что правое и левое полушария мозга отвечают за разные акты, а в том, что человек способен к самосознанию. Он воспринимает окружающий мир и действует по необходимости, и в то же время способен дистанцироваться от него и рефлексировать о своих переживаниях и поступках. Поэтому чувство стыда присуще всем людям без исключения. Гергилов мыслит еще более радикально: тот, у кого нет стыда, не человек. Поскольку вокруг полно людей, нарушающих элементарные нормы приличия, постольку это можно оспорить. Однако и тезис об абсолютном бесстыдстве опровергается фактами, свидетельствующими о соблюдении групповых норм или, в крайнем случае, о самооправдании. А утверждение об отсутствии стыда у примитивных народов, скорее всего, основано на мнении о превосходстве европейской культуры и использовалось для оправдания колонизации.

Социология связывает стыд с нарушением социальных норм. С точки зрения философской антропологии исток телесного, физического, психического и социального стыда не в ролевых конфликтах, а в изначальной двойственности человека. Поэтому стыд, возникающий вследствие противоречия социальным нормам, не первичен. Гергилов утверждает, что не нормы и не присутствие другого являются источником стыда [Гергилов, 2016: 199]. Первичный стыд укоренен в двойственности человека как психофизического или психосоматического существа. Претензия к самому себе — вот в чем, по мнению автора, заключается первичное противоречие, порождающее стыд. Индивид предъявляет к себе определенные требования и в случае несоответствия своего поступка с ними может испытывать чувство стыда.

Доказательство универсальности стыда ссылкой на противоречие человека с самим собой теоретическое, оно опирается на тезис философской антропологии об эксцентричности человека, который пытается преодолеть свою двойственность и достигнуть личностного единства. Стыд не свойство, а сущностная черта человека, который, имея душу, стыдится тела. Трактовка стыда как антропологической константы наталкивается на представление об историчности и социально-культурной обусловленности человека, который не завершен природой, открыт для изменений. Именно это свойство ставится во главу угла социальной антропологии. Отрицание универсальности стыда во многом вызвано его негативной оценкой. Стыд возникает при совершении отвратительных поступков, воздержание от которых характеризует уровень цивилизации, поэтому он подлежит нейтрализации по мере искоренения дикости, жестокости и насилия.

Человек дистанцируется от природы и создает искусственную среду обитания. Он приспособливается к созданной его предками культуре и изменяется при усло-

вии ее трансформации. Отсюда естественно считать, что такие эмоциональные переживания, как стыд, варьируются в разных культурах. Г. Плеснер не только определил такие антропологические константы, как незавершенность, позиционность, открытость, эксцентричность, но и признавал различные формы их проявления в истории. В каждой культуре создаются свои противовесы, нейтрализующие экзатичность и обеспечивающие выживаемость. Вариации неслучайны и произвольны, они ограничиваются возможностями тела, техники, природы, общества. В свою очередь, эти границы тоже подвижны, и это обеспечивает возможность изменения человека. Таким образом, стыду свойственны универсальность и специфика, то есть изменчивость. Это означает, что антропология может сказать о стыде не слишком много. Как заключает Гергилов, «Человек может стыдиться, так как он позиционирован эксцентрично... но не должен» [Гергилов, 2016: 78]. Социальные науки требуют эмпирического подтверждения допущения об универсальности стыда. Г.-П. Дюрр доказывал универсальность телесного стыда, но признавал, что в разных культурах есть свои барьеры и различия приличного и неприличного [Duerr, 1994]. Дюрр опровергал центральный тезис Элиаса, о возрастании контроля влечений и моделирования аффектов в процессе цивилизации. Его труд заложил краеугольный камень новой теории, согласно которой цивилизация не сводится к постоянному процессу усовершенствования одних и тех же норм и обычаев, а представляет собой постоянно вращающийся таинственный водоворот. Согласно теории цивилизационного процесса, народы, не прошедшие стадии придворного общества, считались примитивными. Наоборот, Дюрр показал на многочисленных примерах, что ослабление строгого дисциплинированного поведения не означает снижения порогов стыдливости. Элиас описывает внутренние душевные изменения как комплексный социальный процесс, в то время как у Дюрра человек во всех обществах имеет те же самые элементарные диспозиции чувства и поведения. Однако универсальность стыда как антропологической константы не исключает вариативности его проявления в различных культурах. Чувство стыда психологически одно и то же, а нормы и способы их нарушения различаются. Сам аффект стыда универсален, но проявления его различны.

Общее, присущее всем людям чувство стыда обусловлено спецификой человеческого существа. Формы и способы его проявления определяют индивидуальные, социальные и культурные факторы [Гергилов, 2016: 176]. Каков же «механизм» формирования стыда? В основном его связывают с обществом. Наоборот, Гергилов считает, что человеку стыдно прежде всего перед самим собой. Вопрос в том, зачем оправдываться? Если я совершил оплошность или нарушил общепринятые правила, зато получил удовольствие, то можно отделаться формальными извинениями, а не переживать чувство жгучего стыда. Социальные чувства слабее индивидуальных, так как они внешние, а не идущие изнутри. Такие чувства интериоризируются, но по отношению к ним легче занять критическую позицию. Условия, определяющие конкретную форму выражения стыда, срабатывают потому, что человек является существом, способным стыдиться.

Гергилов солидарен с М. Шелером и Г. Плеснером в том, что для переживания стыда другой не нужен. Более того, именно эксцентричный способ существования

является причиной формирования социума. Первичен стыд перед самим собой. Хотя он и возникает вне сферы социального, формы его проявления не свободны от влияния общественных норм. Благодаря своей позициональности человек способен выстраивать социальные отношения. Соотносясь с другими, он становится полноценным социальным существом. Поэтому тезис об изначальной эгцентричности человека не следует абсолютизировать. Способность к рефлексии, взгляд на себя со стороны, способность оценить свои поступки обеспечивают возможность открытости, выхода из капсулы индивидуального существования. Если ранние люди, как считают сторонники инверсионной антропологии, были одинокими аутистами, прячущимися в пещерах, то это поднимает еще более трудные вопросы, чем те, что возникают в рамках эволюционного подхода, согласно которому человек изначально является коллективным существом.

Принято различать телесный, психический и социальный стыд. Прежде всего бросаются в глаза психологические диспозиции. По мнению психологов, люди делятся на стыдливых и бесстыдных. Одни интенсивно переживают стыд, а другие, наделенные «толстой кожей», его не испытывают. Позитивный эффект «бесстыдства», точнее, отсутствия обостренного переживания неудачи, связан с рационализмом. Негативный эффект вызван вытеснением вины за собственные неудачи на других. Физические и психические формы стыда хотя и не являются подвидами социального стыда, тем не менее, втянуты в социальные отношения. О социализации стыда можно говорить уже на уровне первичной коммуникации ребенка и матери. Поскольку их отношения в полном смысле слова интимны, ребенок и мать воспринимают естественные отправления организма как должное. Поэтому их публичное осуществление осуждается членами семьи и ближайшим окружением. Поскольку мать воспринимается младенцем как часть самого себя, то роль символического Другого играют близкие. Хотя между ними и ребенком имеет место субъект-субъектная коммуникация, все же практики пристыживания начинаются в семье, и мать играет при этом очень важную роль. Судя по исследованиям Л. Кольберга, моральное сознание сначала прививается по формуле «если любишь маму, делай так» [Kohlberg, 1963: 11—35]. Угроза наказания, по мнению психоаналитиков, исходит от отца, так как во всех описаниях его символической функцией считается господство.

Практики пристыживания детей — первая ступень социализации стыда. Кого человек стыдится сильнее: близких родственников и друзей или уважаемых посторонних, коллег на работе или вышестоящих влиятельных руководителей? Кажется, что мы стыдимся тех, с кем связаны личностными отношениями. Но поскольку они знают о наших недостатках, то у нас нет оснований их стыдиться. Та же двойственность и в формальных отношениях со знакомыми и даже незнакомыми людьми. Вроде бы незнакомых можно не стыдиться, но на самом деле подчас перед ними человек испытывает более сильное чувство стыда. Таким образом, приходится разбираться конкретно.

Гергилов начинает с анализа телесного стыда. Оказаться голым стыдно всегда. Быть небрежно или неправильно одетым стыдно перед уважаемой публикой. Стыд, возникающий при нарушении корпоративных норм, сильнее, если отклонение от них произошло на публичной сцене. Однако стыд — это индивиду-

альное, а не общее чувство, социальность стыда проявляется не в коллективном переживании. Нация или группа может испытывать некое общее чувство вины или ответственности. Стыд же — всегда стыд за себя. По мнению Гергилова, в случае, когда человек стыдится за другого или вместе с другим, имеет место кризис личной идентичности. Например, стыд за соотечественника, плохо ведущего себя за рубежом, возникает от того, что негативное отношение переносится и на других.

Человек стыдится не только публики, когда совершает промашку или попадает в неловкое положение, но и сам себя, когда нарушает общественные нормы. В первом случае, полагает Гергилов, он стыдится перед близкими окружающими (значимыми другими), во втором случае имеет место интернализация общественных кодов и норм поведения (генерализованные другие). Нарушение ролевых и иных социальных норм приводит к противоречию с самим собой. С одной стороны, человек выступает носителем, гарантом норм, а с другой — оказывается их нарушителем. Это раздвоение личности характерно в любой ситуации стыда. Человек, играющий в обществе определенную роль, занимающий определенное место в общественной иерархии, должен вести себя в соответствии с общепринятыми правилами. Исполняя обязанности, он находится под наблюдением окружающих, которые воспринимают отклонение от правил как нарушение. Многие исследователи видят социальность стыда именно в том, что он вызван отклонением от нормы. Но конфликт с самим собой возникает, если стыд интернализуется, становится частью внутреннего я. Стыд — это точка пересечения индивидов и общества [Neckel, 1991: 56]. Как форма внутреннего конфликта, он является одновременно социальным чувством, благодаря которому происходит нормализация индивидов.

Стыд предполагает ощущение вины, без него человек переживает не стыд, а скорее неловкость. Х. Ландвеер считала, что стыд возникает в случае непреднамеренного нарушения нормы, о существовании которой человек знает. Важную роль играет смена перспективы, когда ранее человек не придавал значения какой-то норме, но потом осознал ее как значимую. Под нормами Ландвеер понимает общие императивы, имеющие эксплицитную манифестацию, и поддержку со стороны окружающих [Landweer, 1999: 79]. Нормы часто не артикулируются, именно чувство стыда становится поводом для рефлексии. Собственно, стыд и обнаруживает норму. В отличие от законов природы, которые действуют неумолимо, ценности требуют признания, и стыд является наиболее эффективной его формой. Отсюда чувство стыда можно расценивать как индикатор моральных, ценностных конфликтов. В группе каждый заинтересован в соблюдении норм, выполняя их, человек тем самым способствует сохранению как группы, так и себя как ее участника.

Конкретные формы проявления стыда зависят от личных характеристик человека, от пола, возраста, социального статуса. Дети, юноши и старики чаще переживают стыд. Молодые действуют методом проб и ошибок и поэтому часто попадают в неловкое положение, испытывают неудачи. Резкое изменение телесности приводит к непривычным ощущениям и желаниям, к тому же они не слишком осведомлены о часто неписанных нормах и кодах поведения. Старики, наоборот, хорошо знают правила, но в силу телесной немощи или рассеянности и забывчиво-

сти совершают неловкие поступки. Старый человек, как правило, теряет прежний статус, утрачивает компетенции, становится помехой для молодых. Как слабое, больное и ранимое существо он стыдится того, что уже не тот, что прежде. Таким образом, причиной чувства стыда у стариков является не столько сама старость как телесное состояние, сколько социальный образ и статус старости. Старики не хотят быть стариками и стремятся вести себя как молодые, что, конечно, весьма рискованно. В традиционных обществах стариков почитали, поэтому у них не было кризиса идентичности и, как следствие, завышенного чувства стыда.

Физические, точнее, телесные особенности порождают гендерные формы стыда. Роль воспитания различных форм стыдливости проявляется в разных оценках тех или иных черт характера. Робость, застенчивость прививается девочкам и искореняется у мальчиков. Мужчины стыдятся импотенции и непроизвольной эрекции, женщины — менструации, беременности, кормления грудью. Но в основном стыдятся отклонений от принятых в том или ином обществе норм, которые предписывают мужчинам и женщинам те или иные стереотипы поведения. В большинстве обществ женское тело расценивается как более привлекательное, чем мужское. Оно подчинено многочисленным и строгим нормам, поэтому женская стыдливость более сильна и разнообразна. Неисполнение этих норм ставит под вопрос идентичность, и поэтому главным становится стыд не быть «настоящими» мужчиной и женщиной. Мужчина острее переживает неудачу исполнения поставленной цели, женщина — непривлекательность и неудачу в замужестве. Мужчины часто компенсируют чувство стыда агрессивным поведением, а женщины, переживающие молча, впадают в депрессию. М. Шелер считал мужской стыд «духовным», а женский «телесным» [Scheler, 1957: 145]. Но социологические наблюдения этого не подтверждают. Правда, они касаются гендерных различий, которые соотносят женскую стыдливость с сохранением физической верности, а мужскую — с защитой женской верности.

Стигматы — такие телесные недостатки, как уродство, безобразие и другие формы отклонения от нормального здорового организма, — тоже являются источником переживания стыда. Причем врожденные недостатки переживаются более интенсивно, чем последствия разного рода несчастных случаев — аварий, битв или катастроф. Отклонения от нормы достигают разной степени, но поражает многообразие их форм. Особенно это касается внешности и лица. Правда, в случае правителя, как показал Б. А. Успенский [Успенский, 1996: 149], отклонение нередко считается позитивным, но после смены политического режима стигматы оспариваются или превращаются в знаки негативного.

Стыд возникает от того, что индивид признает свой социальный статус и несет ответственность за его утрату или несоответствие ему. Именно благодаря этому он становится управляемым. Раскрытые в монографии Р. Е. Гергилова формы социализации стыда дополняют описанные представителями Франкфуртской школы способы манипуляции людьми в «управляемом обществе», а также отмеченные М. Фуко способы исключения и маргинализации.

В упрек современному обществу ставится то, что некоторая его часть, меньшинство оказывается изгоями и может добиваться своих прав лишь путем агрессивного протеста. Но на самом деле и в случае потери статуса (например,

увольнения с работы, понижения в должности и даже эмиграции) люди не исключаются из общества. Наоборот, благодаря переживанию стыда они еще теснее с ним связаны. Если для других они являются как бы знаком того, что с ними станет в случае общественного кризиса, то для самих индивидов утрата статуса переживается как результат собственной неисполнительности. Таким образом, индивидуализм в современном обществе выглядит иначе, чем это описал М. Фуко. Судя по интересу социологов к переживаниям меланхолии, скуки и одиночества, сегодня актуален феномен индивидуализма, описанный романтиками XIX в., живописавшими душевные страдания скучающих аристократов.

Люди избегают постыдных ситуаций и стараются как можно скорее из них выходить. Конечно, индивид при этом может уходить в свой внутренний мир, но поскольку речь идет о социальном поведении, то эти попытки так или иначе сказываются на окружающих и они, в свою очередь, также могут облегчать или отягощать чувство стыда. По идее, все участники коммуникации заинтересованы в соблюдении правил. И хотя правила разрешают различные способы их исполнения, нормальные социальные отношения исключают создание ситуаций, в которых испытывают стыд. Угроза стыда становится мощным фактором нормализации индивида. Если человек не чувствует себя виноватым и его не в чем пристыдить, то как им управлять?

Стыдливость Гергилов считает опорой приватной, точнее, интимной сферы, в которую не проникают другие. Отсюда то, что недопустимо по соображениям приличия в публичной сфере и, тем не менее, жизненно необходимо, осуществляется наедине, в интимной сфере. Общество обычно предоставляет индивиду пространство для уединения, и другие обычно его не нарушают. По мнению Гергилова, стыдливость — это внутренняя, индивидуальная практика, направленная на самого себя. Она позволяет отводить взор от неприличных сцен и отвлекаться от нескромных размышлений и фантазий. Этот тезис о приоритете антропологического подхода плавно перетекает в социологический анализ феномена стыдливости, которая оберегает человека от постыдных ситуаций, от столкновения с опасными другими, и таким образом способствует сохранению идентичности. Например, в ситуации обследования пациент преодолевает стыд тем, что мыслит себя объектом, вынесенным за пределы личности, т. е. как бы говорит: «Это происходит не со мной». Можно отметить, что врожденная стыдливость существенно трансформируется в истории культуры. Понимание человека как разумного существа исключает его животную природу. Сегодня способы ее реабилитации приобретают самые причудливые формы, которые нуждаются в изучении.

Публичная и приватная (интимная) сферы отделены друг от друга своеобразными «фильтрами» и «мембранами», благодаря которым они предохраняются от «несварения» чужеродных элементов. У Плеснера описано множество биологических перегородок, например, кожа, которая разграничивает и одновременно обеспечивает взаимосвязь среды и организма. Особый интерес представляет плеснеровская разработка понятия границы, а также реконструкция отношений органа и организма, которые отличаются от взаимосвязи механических деталей машины. Эти биологические метафоры могут быть использованы в социологии, в частности, для уточнения и дополнения модели Ю. Хабермаса [Хабермас, 2016].

В качестве социальных мембран выступают одежда и манеры поведения, учитывая речь и этикет, значимость которого описал Н. Элиас. Действительно, кроме стен и ширм существуют и другие техники защиты, например, одежда. Но и там, где люди ходят голые, например, в бане, не принято их разглядывать. Отсюда важным качеством поведения является тактичность. Как форма стыдливости, она не допускает пристального внимания, например, разглядывания и, тем более, подглядывания, но при этом не равноценна равнодушию. По И. Гофману, участники интеракции стараются дать возможность партнерам предстать в выгодном свете, не унижают его. Сдержанность — условие коммуникации. Правила хорошего тона, учтивые речи, галантное поведение, дипломатичность, и даже церемонии и ритуалы — все это задает дистанцию между людьми и исключает «короткое замыкание» в форме конфликта, как это часто происходит на бытовом уровне. В профессиональных коллективах обычно роли исполняются по формуле «ничего личного». При этом не только клиент, но сам агент остается человеком. Взаимодействуя с другим как с объектом, он испытывает стыд. Поэтому и в деловом общении чувство такта тоже необходимо. Можно сказать, что роли начальника и подчиненного можно разыгрывать по-разному, в том числе и по-человечески. Анализируя дело А. Эйхмана, Х. Арендт пришла к выводу, что причиной «обыкновенного фашизма» как раз и является отсутствие не только способности суждения, но и чувства стыда [Арендт, 2008].

Все же установки на избегание постыдных ситуаций недостаточно. Поскольку человек так или иначе в них оказывается, постольку необходимо обратить внимание на техники преодоления стыда. Они важны не только для индивидов, но и для общества. Индивид преодолевает кризис, обретая контроль над собой. Он может демонстрировать случайность, незначительность проступка. Обычной формой его нейтрализации является шутка, то есть ирония по отношению к себе. Это способ овладеть собой и показать окружающим, что все в порядке. Смех, по определению А. Г. Козинцева, — это универсальная форма снятия напряжения [Козинцев, 2007]. И все же следует помнить, что в серьезных ситуациях шутка недостаточна, а иногда и неуместна. Требуется извинение и раскаяние.

Упрек в бесстыдстве предполагает как виновника, так и блюстителя социальных норм, моралиста. Гергилов описал три вида пусковых механизмов, запускающих чувство стыда: снижение ранга, статуса, оценки. Реакция окружающих интенсифицирует чувство стыда и тем самым вызывает кризис идентичности. Это либо воспитательное действие, нацеленное на активацию способности управлять собой, либо намеренное унижение — осмеяние, пренебрежение, критика, грубое проникновение в пространство интимного. Осуждение может доходить до такой крайней формы, как разрыв отношений. Важно, что при этом используются не только слова, но и жесты, мимика. Каменное лицо означает превращение другого в объект. Пристыживающий взгляд как бы раздевает человека и выставляет его напоказ, а также задает неравенство, унижает человека. Н. Элиас считал стыд продуктом и формой власти, а упреки в бесстыдстве — демонстрацией превосходства. Внутреннее чувство стыда он определил как аппарат самопринуждения, как форму психического насилия [Элиас, 2001]. То же и по С. Неккелю, пристыживание — это манифестация власти [Neckel, 1991: 21]. Тот, кого устыдили, теряет

свой авторитет. Попытки пристыдить властвующих субъектов Гергилов считает сегодня неэффективными. В состоянии подъема общества призыв к отставке руководителя на основании постыдных поступков раздается сравнительно редко. Впрочем, скандалы, поднятые Моникой Левински и другими, свидетельствуют об обратном. В кризисные периоды, как доказывал Р. Жирар, заявляет о себе атавизм жертвоприношения [Жирар, 2010]. Поэтому можно предположить, что ритуалы жертвоприношения реанимируют чувства вины и стыда и, тем самым, снижают уровень напряженности в обществе.

Заключение

В книге Р. Е. Гергилова собран и проанализирован обширный материал для размышлений об этом поистине неистощимом феномене. Признание как универсальности стыда, так и многообразия способов его исполнения в истории культур заставляет обратить внимание на множество инстанций стыда. Получается, что у него как бы много «отцов» и приходится разбираться конкретно. Если стыдливость будет признана как важная составная часть социального капитала, как индикатор нравственного здоровья общества, крайне важно не превратить этот «показатель» в своеобразную моральную дубинку, как это иногда происходит, например, с «правами человека». Если согласиться с автором, что не бывает бесстыжих людей, и добавить к этому тезис, что не бывает бесстыжих — безнравственных, нецивилизованных — обществ, то нужно выявлять специфику социальных и культурных пространств и институций, определяющих те или иные коды и нормы поведения. В качестве полемики можно переадресовать Р. Е. Гергилову упреки, направленные против исторической антропологии Н. Элиаса [Элиас, 2001] и П. Слотердайка [Слотердаик, 2005]: проблематика стыда в его книге рассматривается в пределах европейского процесса цивилизации. К этому можно добавить: интерпретация стыда в рамках антропологии оставляет большой простор для критики [Rechberg, 1981: 160]. Напротив, на основе социологического подхода появляется возможность исследования трансформации чувства стыда в более широкой перспективе изучения межкультурных процессов. Вместе с тем решение вопроса о соотношении социологического и антропологического подходов к изучению стыда по формуле «или — или» хотя и удовлетворяет дисциплинарной «честности», однако неэффективно на практике. Сегодня на место гражданского общества заявляет свои претензии нация, рассматриваемая как органическая форма солидарности. Решающим фактором политического поворота становится религия. Отсюда функционализм вытесняется органицизмом. Не способствует ли этому резкое различие антропологии и социологии, не стоит ли заняться проблемой переводимости их концептуальных аппаратов друг в друга? Читателям книги Р. Е. Гергилова предстоит найти свой ответ на данный вопрос.

Список литературы (References)

- Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М. : Европа, 2008.
Arendt H. (2008) Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil. Moscow: Europa. (In Russ.)

Гергилов Р. Е. Стыд. Философско-антропологическая перспектива. 2-е издание. СПб. : «Свое издательство». 2016а.

Gergilov R. E. (2016a) Shame. Philosophical-anthropological perspective. St. Petersburg: Svoe isdatelstvo. (In Russ.)

Гергилов Р. Е. Стыд как множественный феномен: теоретико-методологический анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016б. № 4. С. 1—19.

Gergilov R. E. (2016b) Shame as a multifaceted phenomenon: theoretical and methodological analysis. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 4. P. 1—19. (In Russ.)

Гергилов Р. Е. Стыд: социологическая перспектива // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 115—128.

Gergilov R. E. (2017) Shame: a sociological perspective. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 2. P. 115—128. (In Russ.)

Жирар Р. Насилие и священное. М. : НЛО, 2010.

Girard R. (2010) Violence and the Sacred. Moscow: NLO. (In Russ.)

Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб. : Алетейя. 2007.

Kosinzev A. G. (2007) People and laughter. St. Petersburg: Aleteija. (In Russ.)

Луман Н. Самоописания М. : Издательство «Логос» : ИТДГК «Гнозис». 2009.

Luhmann N. (2009) The society of society. Moscow: Logos. (In Russ.)

Плеснер Г. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. М. : РОССПЭН. 2004.

Plessner H. (2004) The levels of the organic and man: introduction to philosophical anthropology. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Слотердайк П. Сферы. Микросферология. Т. 1. СПб. : Наука. 2005.

Sloterdijk P. (2005) Spheres. Microspherology. Vol. 1. St. Petersburg: Science. (In Russ.)

Успенский Б. А. Царь и самозванец. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории, Семиотика культуры. М. : Школа «Языки русской культуры». 1996.

Uspensky B. A. (1996) King and an impostor. Moscow: School "Languages of Russian culture". (In Russ.)

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М. : Весь мир. 2016.

Habermas J. (2016) The Structural Transformation of the Public Sphere An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Moscow: Ves mir. (In Russ.)

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М. ; СПб. : Университетская книга. 2001.

Elias N. (2001) In the civilizing process: sociogenetic and psychogenetic investigations. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaja kniga. (In Russ.)

Duerr H.-P. (1994—2004) Nacktheit und Scham. Der Mythos vom Zivilisationsprozess. Bd. 1—5. Frankfurt am Main.

Kohlberg L. (1963) The development of children's orientations toward a moral order. *Vita Humana*. No. 6. P. 11—35. <https://doi.org/10.1159/000269667>.

Landweer H. (1999) Scham und Macht. Phaenomenologische Untersuchung zur Sozialitaet eines Gefuehls. Tuebingen: Mohr Siebeck Verlag.

Neckel S. (1991) Status und Scham. Zur symbolischen Reproduktion sozialer Ungleichheit. Frankfurt am Main: Campus.

Rechberg K.-S. (1981) Philosophische Anthropologie und "Soziologisierung" des Wissen vom Mensch. In: Pepsius R. M. (Hrsg.) Sociologie in Deutschland und Oesterreich, Koelner Zeitschrift Sociologie und Sozialpsychologie. She. 23. S. 160—197.

Scheler M. (1957) Uber Schamm und Schamgeful. Schriften aus dem Nachlass. Bern: Francke Verlag. S. 63—154.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.21

Правильная ссылка на статью:

Каменщиков П. П. Судебный минимум: преступления ненависти против ЛГБТ глазами российского суда. Рец. на кн.: Кондаков А. Преступления на почве ненависти против ЛГБТ в России. СПб. : Центр независимых социологических исследований, 2017. // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 426—434. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.21>.

For citation:

Kamenshchikov P. P, (2018) Judicial Minimum: Hate Crime against LGBT in Russian Court's Eyes Book Review: Kondakov A. (2017) Hate Crime against LGBT in Russia. St. Petersburg: Centre for Independent Social Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 426—434. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.21>.

П. П. Каменщиков

СУДЕБНЫЙ МИНИМУМ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕНАВИСТИ ПРОТИВ ЛГБТ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО СУДА РЕЦ. НА КН.: КОНДАКОВ А. ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ПОЧВЕ НЕНАВИСТИ ПРОТИВ ЛГБТ В РОССИИ. СПБ. : ЦЕНТР НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 2017

СУДЕБНЫЙ МИНИМУМ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕНАВИСТИ ПРОТИВ ЛГБТ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО СУДА РЕЦ. НА КН.: КОНДАКОВ А. ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ПОЧВЕ НЕНАВИСТИ ПРОТИВ ЛГБТ В РОССИИ. СПБ. : ЦЕНТР НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 2017.

JUDICIAL MINIMUM: HATE CRIME AGAINST LGBT IN RUSSIAN COURT'S EYES BOOK REVIEW: KONDAKOV A. (2017) HATE CRIME AGAINST LGBT IN RUSSIA. ST. PETERSBURG: CENTRE FOR INDEPENDENT SOCIAL RESEARCH

КАМЕНЩИКОВ Павел Петрович — студент факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,

E-MAIL: pavelkamensikov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Pavel P. KAMENSCHIKOV¹ — Undergraduate Student

E-MAIL: pavelkamensikov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

---

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Как и другие формы сексуальности, отличные от гетеросексуальной, гомосексуальность на протяжении многих веков подвергалась и по-прежнему подвергается властному регулированию, поддерживая гетеронормативный общественный порядок как оппозиция гетеросексуальности. Говорить о равнозначности регулирования сексуальности, скажем, в XVIII веке и сегодня не приходится, однако даже в западных демократиях XXI века существуют проблемы, связанные с гетеросексизмом¹ — впрочем, конечно, находящиеся на принципиально ином уровне. Эволюция отношения к гомосексуальности и нынешнее положение ЛГБТ-сообщества в Западной Европе и США может послужить примером формирования инклюзивных обществ, где разрешены однополые браки или союзы и т. д.

С другой стороны, инклюзивное общество — скорее исключение, нежели глобальная тенденция. Например, в нескольких странах мира гомосексуальность до сих пор является уголовно наказуемой, вплоть до смертной казни. Российское общество в этом смысле является скорее эксклюзивным, то есть исключаящим негетеросексуалов из гражданства, что подтверждается, например, принятым в 2013 году законом о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений»², констатирующим социальную неравноценность «традиционных» и «нетрадиционных» сексуальных отношений. Секс в его гетеронормативной логике интерпретирован «единственно верным» способом: нормален только тот секс, результатом которого является рождение ребёнка.

Таким образом, несмотря на декриминализованность гомосексуальных отношений в России, негетеросексуальные идентичности посредством запрета «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» и дискурса вокруг него по сути становятся маргинализованными и в определенном смысле выходят за рамки закона. В данном контексте исследования, касающиеся насилия в отношении ЛГБТ, представляют особый интерес с точки зрения последствий принятия дискриминационных нормативно-правовых актов.

Название рецензируемой работы говорит само за себя, выдает ее замысел. Отчет социолога права Александра Кондакова и коллег, выпущенный Центром независимых социологических исследований при поддержке Фонда Розы Люксембург, посвящен подсчёту преступлений на почве ненависти против ЛГБТ за период с 2010 по 2015 годы [см. также: Шторн, 2018]. Для этого были использованы находящиеся в открытом доступе соответствующие судебные решения по насилию в отношении гомосексуалов — причем последние были выделены в соответствии с концептуализированным понятием преступления ненависти как «нарушения нормы права, предполагающего связь между совершением преступного поступка и предрасудками против заведомо непривилегированных групп, к которым правонарушители (реально или по ошибке) относят выбранную ими жертву» (С. 23).

¹ Имеется в виду система взглядов и убеждений, предполагающая гетеросексуальность в качестве единственной нормальной формы человеческой сексуальности. Гетеросексизм зачастую может вести к дискриминации на основании сексуальной ориентации человека. Подробнее см. [Jung, Smith, 1993].

² Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ г. Москва «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Российская газета. 2013. 2 июля. URL: <https://rg.ru/2013/06/30/deti-site-dok.html> (дата обращения: 12.12.2018).

То, как определять преступление на почве ненависти, — дискуссионный вопрос, ведь от конечного термина зависит включение или невключение того или иного кейса в список правонарушений, связанных с предрассудками в отношении непривилегированных социальных групп. К примеру, как отмечают авторы, речи ненависти не везде караются законом, хотя в России наказание за это предусматривается в соответствии с п. 1 ст. 282 УК РФ³. Тем не менее, принадлежность к ЛГБТ там не определена как признак отношения к социальной группе, что формально и затрудняло отнесение высказываний ненависти к ЛГБТ к действиям, направленным на «возбуждение ненависти либо вражды». Всё это было актуально до подтверждения Конституционным Судом РФ конституционности запрета «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», где ЛГБТ фактически были признаны социальной группой: «Данный конституционный принцип [равенства всех перед законом и судом — П.К.], предполагающий в том числе недопустимость ограничения в правах и свободах либо установления каких-либо преимуществ в зависимости от принадлежности к тем или иным социальным группам, под которыми могут пониматься и группы лиц с определенной сексуальной ориентацией <...>»⁴.

В этом смысле речи ненависти в отношении ЛГБТ (и, кстати, сама формулировка поправки, говорящая о «неравноценности» «традиционных» и «нетрадиционных» отношений) могут быть расценены как действия, направленные на возбуждение вражды, и должны квалифицироваться как преступления. Однако несмотря на формально существующие «правила», правоприменительная практика совсем иная: фактическое возбуждение ненависти против ЛГБТ никогда не карается судом.

Именно поэтому для подсчёта «официального» (имеются в виду государственные данные в открытом доступе) уровня преступлений ненависти против ЛГБТ А. Кондаковым и его коллегами был сделан выбор в пользу использования судебных решений, которые, конечно, не отражают всего спектра совершаемых преступлений. Сам исследователь как раз с точки зрения указанных выше ограничений называет выбранную стратегию «консервативной»: «полагаемся на мнение суда, который, в этом случае, как и в других подобных, признал вину подсудимого доказанной и назначил пусть небольшое, но существенное наказание» (С. 56).

С одной стороны, это сильно упрощенное восприятие насилия (ведь, как показали и результаты исследования, артикулированная в речи ненависть порождает таковую уже на физическом уровне). С другой — подобная исследовательская стратегия более соответствует правовой реальности современной России, где де-факто возбуждение вражды против ЛГБТ часто оказывается легитимным и даже социально одобряемым. Такое соответствие позволяет зафиксировать

³ Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/ (дата обращения: 12.12.2018).

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. N 24-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Российская газета. 2014. 3 октября. URL: <https://rg.ru/2014/10/03/sud-dok.html> (дата обращения: 12.12.2018).

минимальный уровень преступлений на почве ненависти к ЛГБТ исходя из официальных документов.

Если в целом говорить о части, предваряющей непосредственный анализ базы данных, то стоит выделить следующие тезисы автора:

Тезис первый. Всего есть три модели законотворчества, затрагивающих преступления ненависти: «(а) совершенствование существующих норм права через расширение текстов законов, с тем чтобы включить мотив ненависти; (б) указание на мотив ненависти в качестве отягчающего обстоятельства; (в) применение особых статей уголовного права, в которых ненависть определяется как преступление сама по себе» (С. 8).

Тезис второй. Российская бюрократия, не ведя статистику преступлений ненависти, формально создаёт идеалистическую ситуацию отсутствия проблемы ради сокрытия факта существования таких преступлений и подавления дискуссий вокруг них, что, в свою очередь, упрощает работу правоохранительных органов.

Тезис третий. Среди причин, толкающих людей на совершение преступлений ненависти, можно назвать следующие. Во-первых, социализация внутри сообществ, где «насилие и ненависть приветствуются как норма поведения» (С. 29). Например, доказательство мужчинами собственной мужественности в тюремной среде с помощью выражения крайней неприязни к гомосексуалам. Во-вторых, желание совершить преступление для получения новых эмоций. Зачастую из-за отсутствия других мотивов жертва выбирается на основе предрассудков правонарушителя. В-третьих, «возникновение чувства депривации» (С. 30) из-за потери привилегированного статуса по мере установления равноправия между разными социальными группами. В-четвертых, следование принципам ненавистнической идеологии (например, неонацизма). При этом ненавистнические группировки могут выбирать самых разных жертв преступления, необязательно будучи мотивированы ненавистью только к одной группе людей. В рамках одной ненавистнической организации нежелательными элементами общества могут считаться как мигранты, так и гомосексуалы.

Тезис четвертый. При всем описанном выше, преступления на почве ненависти — часть системы угнетения, которая воспроизводится, в частности, с помощью использования риторики ненависти в СМИ и политике.

Здесь стоит остановиться на последних трёх пунктах, так как, на мой взгляд, в работе уделено не так много внимания причинам отсутствия ведения статистики преступлений ненависти. Автор обсуждаемого отчета А. Кондаков известен исследовательскими разработками в области теории сексуального гражданства [Кондаков, 2012; Kondakov, 2014], и в этом смысле несколько странно, что он не подошел к вопросу отсутствия статистики преступлений ненависти в России именно с этой точки зрения. Безусловно, имеет место и банальное занижение преступлений ненависти для улучшения показателей эффективности законодательства и функционирования полиции. Однако это лишь характеристика российского правоприменения в целом, тогда как отношение к преступлениям на почве ненависти обуславливается не только «частными» факторами, но и самой системой угнетения, как и отмечено автором. И эта система угнетения гетеронормативна.

Гетеронормативность общественного устройства «вытесняет» людей, не соответствующих условным «стандартам» (геи, лесбиянки, бисексуалы, трансгендеры,

интерсексуалы и проч.), из публичного пространства в приватное, таким образом создавая гомосексуальный «чулан», где «любое столкновение с новыми людьми, будь то одноклассники, тем более новый начальник, социальный работник, банковский клерк, домовладелец, врач, создает вокруг него непроницаемый колпак, тяжесть которого, а также его оптические и физические свойства требуют... новой предусмотрительности, новых расчетов, новых усилий и действий для соблюдения секретности...» [Сэдджвик, 2002: 75—76]. Открытые современностью идентичности воспринимаются гетеросексуальной гегемонией как угроза разрушения существующего порядка. Отказ маргинализованных субъектов от следования гетеросексуальной модели поведения, их «опубличивание» в некотором смысле действительно подвергают опасности статус-кво. Выход негетеросексуалов, нецисгендеров и т. д. в публичное пространство обуславливает ослабление культурного и социально-политического гегемона — «белого гетеросексуального мужчины-христианина», как называют его авторы рецензируемой работы (С. 30). Последнее выражается в установлении действительной социальной справедливости, когда разные идентичности — как ранее маргинальные, так и наиболее конвенциональные (привилегированные) — защищены законом в равной степени и имеют одинаковые права.

Россия, где на государственном уровне ЛГБТ признаются социально неравными гетеросексуалам⁵, является примером патриархатной системы, осуществляющей эксклюзию негетеросексуалов из пространства гражданственности. В этом смысле отсутствие ведения правоохранительными органами статистики количества преступлений на почве ненависти представляется не только банальным нежеланием осуществлять «лишнюю» работу, но и системным противодействием гегемонии негетеросексуальным идентичностям, выраженном в историях человеческого насилия, дискриминации.

Как результат, бюрократическая культура, будучи продуктом государства, также является частью гетеросексуальной гегемонии, которая, в свою очередь, обуславливает системный характер преступлений ненависти, совершаемых по тем или иным конкретным причинам. Не ведя официальной статистики преступлений ненависти, не пытаясь решать эту проблему и по сути замалчивая ее, государственные органы, таким образом, лишь провоцируют преступления: отсутствует не то что тенденция к сдерживанию агрессии — наоборот, с помощью уже упомянутого федерального закона против «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» условный «враг» все отчетливее обретает свои очертания в глазах общественности.

Говоря о стилистике текста работы А. Кондакова и коллег, можно помыслить, почему отсутствие ведения статистики преступлений на почве ненависти не объясняется с помощью использованного выше понятийного аппарата. Форма отчета предполагает ориентацию на практичность (а значит и на относительную простоту изложения) и перегрузка его наработками социальной теории и политико-философскими концептами может лишь помешать исполнению данной задачи. Потому

⁵ Федеральный закон от 29 июня 2013 г. N 135-ФЗ г. Москва «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Российская газета. 2013. 2 июля. URL: <https://rg.ru/2013/06/30/deti-site-dok.html> (дата обращения: 12.12.2018).

можно сказать, что некоторое упрощение объяснения отказа государственных органов от ведения статистики преступлений ненависти в контексте данной работы обосновано, однако взаимосвязь бюрократической культуры, преступлений ненависти и гетеронормативного сексуального гражданства всё же важна.

Обращая внимание непосредственно на судебные дела, используемые в обсуждаемой работе, стоит остановиться и на такой категории, как «гомосоциальный конфликт». Его суть заключается в следующем: когда «речь заходит о гомосексуальности или кто-то называет одного из присутствующих “пидором”», это «приводит к обидам, утолить которые, по мнению обвиняемого, может только пролитая кровь» (С. 46). Соответственно, гомофобия здесь проявляется как страх перед возможностью быть воспринятым как гомосексуал. Интересно, что решения о подобных конфликтах составляют большинство (579 из 1095) решений судов первой инстанции, являющихся основой базы данных исследования А. Кондакова и коллег. В этом контексте преступления в рамках «гомосоциальных конфликтов» доказывают, что от гомофобии страдают не только гомосексуалы (хотя, конечно же, преимущественно именно они), но и гетеросексуалы, которые по тем или иным причинам ассоциируются с сексуальным меньшинством.

Из всех собранных судебных решений анализу были подвергнуты лишь 267, так как именно они, по мнению авторов, связаны с преступлениями на почве ненависти к ЛГБТ. Другие же решения не были обработаны научными методами⁶. При всем этом стоит учитывать, что указанное число едва ли отражает реальный уровень насилия по отношению к ЛГБТ — как из-за того, что многие случаи насилия банально не доходят до суда, так и из-за нежелания судей принимать во внимание сексуальную ориентацию жертвы или неумения говорить о сексуальности. Так, даже в отобранных 267 судебных решениях видно отсутствие у судей владения понятийным аппаратом, связанным с сексуальностью и гендером. В основном используется формулировка «нетрадиционные сексуальные отношения», которая заменяет все виды сексуальной идентичности, кроме гетеросексуальной.

Если говорить конкретно о выводах из судебных решений, которые были сделаны авторами исследования, стоит обратить внимание на несколько аспектов судебного процесса и оснований для вынесения того или иного приговора.

Во-первых, это определение и признание судом сексуальной ориентации потерпевшего. Так, в российских судах это происходит тремя способами: (1) показания пострадавших, подсудимых, свидетелей о сексуальной ориентации жертвы признаются судом как факт, ложатся в основу дела и не оспариваются; (2) суд указывает на «аморальное поведение» потерпевшего; (3) судом собираются свидетельства о том, что жертва действительно относится к сексуальному меньшинству. Таким образом, несмотря на свою консервативность и нечувствительность к вопросам гендера и сексуальности, в отобранных делах суд, так или иначе, принимает достаточно активное участие при рассмотрении этих вопросов.

Во-вторых, это установление мотива преступления по отношению к жертве негетеросексуальной ориентации. Предрассудки по отношению к ЛГБТ в качестве

⁶ К примеру, это судебные решения, связанные с цензурой, затрудненным доступом ЛГБТ к социальным институтам, уже упомянутыми «гомосоциальными конфликтами», домашним насилием в однополых семьях, ответным насилием со стороны ЛГБТ.

мотива признаются судом двумя путями. Первый — признание судом «личной неприязни», либо «продолжительной личной неприязни» со стороны подсудимого по отношению к потерпевшему. Возникает неприязнь, соответственно, когда будущий преступник узнает о сексуальной ориентации жертвы. Эта формулировка наиболее широко используется российскими судами в случаях правонарушений, связанных с предрассудками в отношении ЛГБТ. При этом формально «личная неприязнь» не является указанием на мотив ненависти и в принципе не имеет «особенных» последствий для подсудимого. К тому же, указание на «личную неприязнь» удобна для судей и с процессуальной точки зрения, т. к. «заполняет пробелы в доказательной базе, но при этом не отнимает время на расследование» (С. 61); поэтому суды, например, могут игнорировать понятие «социальной группы», используя его неоднозначность в российском праве [см. например: Кондаков, 2017].

Второй путь — непосредственное указание на мотив ненависти на основании сексуальной ориентации жертвы. В этих случаях судьи напрямую отмечают ненависть к социальной группе, к которой относится потерпевший. Судебных решений с использованием подобных формулировок, к сожалению, меньшинство. Более того, даже прямое указание на ненависть к социальной группе в качестве мотива не всегда ведет к более серьезным юридическим последствиям для подсудимого.

Здесь стоит отметить следующее. Так как далеко не во всех судебных решениях ненависть к ЛГБТ как социальной группе признается мотивом преступления, то «консервативная стратегия» А. Кондакова и коллег, подразумевающая согласие с мнением судей, не так уж и консервативна. Обладая долей исследовательской интерпретации, она в большинстве случаев формально не соответствует официальным документам решений, где, например, говорится лишь о личной неприязни. Понятно, однако, что большинство преступлений (если не все) на почве личной неприязни можно отнести к преступлениям ненависти из-за нечувствительности судей к вопросам сексуальности и из-за процессуальных аспектов, препятствующих включению судьями того или иного преступления в категорию преступлений на почве ненависти.

В контексте назначаемых наказаний подсудимым, совершившим преступные деяния в отношении ЛГБТ, можно сказать следующее. Формально судьи редко признают мотив ненависти какотягчающее обстоятельство, а потому и мера наказания не увеличивается. Однако если говорить о приговорах по статье «Убийство», то в сравнении с «гомосоциальными конфликтами», где средний срок наказания равен 9,34 года, средний срок за преступление ненависти несколько больше — 10,45 лет (С. 12). Здесь стоит обратить внимание на то, что подобная разница может обуславливаться не только «неформальным» принятием во внимание мотива ненависти в качестве отягчающего обстоятельства, но и тем, что преступления ненависти сами по себе более жестоки, а потому и обвиняемые в них наказываются строже.

***

Рецензируемый отчет, помимо прочего, посвящен анализу влияния принятия уже упомянутых поправок в федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (2013) на уровень насилия по отно-

шению к ЛГБТ. Несмотря на то, что прошло 5 лет с момента его введения в силу, обсуждение данного законодательного акта до сих пор остается актуальным и с исследовательской, и с политической точек зрения. Так, А. Кондаков и коллеги показывают, что количество преступлений на почве ненависти к ЛГБТ с момента принятия указанных поправок возросло. В таких условиях особенно важно говорить о проблемах, с которыми сталкиваются представители ЛГБТ-сообщества, — причем, не только в форме публичного обсуждения или гражданского активизма, но и со страниц научных изданий. Последних, к сожалению, в России довольно мало, что делает рассматриваемую здесь работу ещё более важной и весомой.

Несмотря на то, что исследование, безусловно, не отражает всего спектра насилия против ЛГБТ, работа фиксирует минимальный уровень ненавистнических преступлений в соответствии с судебными решениями, что тоже немаловажно. Она вносит значительный научный вклад как с точки зрения самих результатов исследования (подсчет и классификация преступлений на почве ненависти), так и с точки зрения разработанной методологии подсчёта подобных преступлений. Исследование ценно и социальной значимостью: так, на наш взгляд, и должны работать социальные науки. А. Кондаков и его коллеги успешно соединили научные наработки и практически направленные действия для мониторинга преступлений против представителей ЛГБТ в России, что позволяет отнести исследование к social action research paradigm [см. например: Ward, Fleming, 2004].

Список литературы (References)

Кондаков А. Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. С. 249—258.
Kondakov A. (2012) A Human Being and a Citizen: Sexuality as Machinery for Citizenship Construction in Russia. Neprikosnovenniy zapas. No. 5. P. 249—258. (In Russ.).

Кондаков А. Являются ли ЛГБТ социальной группой? Социологические критерии понятия для судебных интерпретаций // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 131—144. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-6-131-144.

Kondakov A. Is the LGBT Community a “Social Group”? Sociological Criteria for Understanding Court Interpretations. Sravnitelnoye konstitutsionnoye obozreniye. No. 6. P. 131—144. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-6-131-144. (In Russ.).

Сэдджвик И. К. Эпистемология чулана. М.: Идея-пресс, 2002.

Sedgwick E. K. (2002) Epistemology of the Closet. Moscow: Idea-Press. (In Russ.).

Шторн Е. М. Убийства негетеросексуалов на почве ненависти (анализ материалов судебных решений) // Социология власти. 2018. Т. 30. № 1. С. 60—78. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-1-60-78.

Shtorn E. M. (2018) Murders of Non-heterosexuals as a Hate Crime (Based on Court Decisions). Sociology of Power. Vol. 30. No. 1. P. 60—78. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-1-60-78. (In Russ.).

Jung P. B., Smith R. F. Heterosexism: An Ethical Challenge. N.Y.: SUNY Press, 1993.

Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*. Vol. 23. No. 2. P. 151—174. — DOI: 10.1177/0964663913505315.

Ward D. M., Fleming J. (2004) Methodology and Practical Application of the Social Action Research Model. Maggs-Rapport F. (ed.) *New Qualalitive Methodologies in Health and Social Care: Putting Ideas into Practice*. London: Routledge. P. 162—178. DOI: 10.4324/9780203408643_chapter_9.

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.22

Правильная ссылка на статью:

Бауман З. Ретротопия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 435—442. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.22>.

For citation:

Bauman Z. (2018) *Retrotopia. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 435—442. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.22>.

З. Бауман
РЕТРОТОПИЯ

РЕТРОТОПИЯ

Аннотация. В 2018 г. ВЦИОМ закончил перевод последней книги знаменитого социолога З. Баумана «Ретротопия», посвященной анализу связи современного состояния общества с его прошлым. Это издание будет представлено в рамках IX Грушинской конференции (20—21 марта 2019 г.), посвященной теме «Социальная инженерия: как социология меняет мир».

Ключевые слова: Бауман, Ретротопия

RETROTOPIA

Abstract. In 2018, WCIOM completed the translation of the last book of the famous sociologist Z. Bauman “Retrotopia”, focused on the analysis of the relationship of the current state of society with its past. This book will be presented during the IX Grushinsky Conference (March 20—21, 2019), devoted to the theme “Social engineering: how sociology changes the world”.

Keywords: Bauman, Retrotopia

Введение: эпоха ностальгии

Вот что, если вы помните, писал Вальтер Беньямин в «Тезисах о философии истории» начала 1940-х годов¹ о главной идее картины «Angelus Novus» (переименованной в «Ангела истории»), созданной Паулем Клее в 1920 г.:

¹ У З. Баумана именно так: «начала 40-х». Неоконченную работу Вальтера Беньямина (1892—1940) «О понятии истории, или Тезисы о философии» принято датировать 1940 г. (Прим. ред.)

«Лик ангела истории обращен к прошлому. Там, где для нас — цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами и сваливающую все это к его ногам. Он бы и остался, чтобы поднять мертвых и слепить обломки. Но шквальный ветер, несущийся из рая, наполняет его крылья с такой силой, что он уже не может их сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним поднимается к небу. То, что мы называем прогрессом, и есть этот шквал»².

Если почти век спустя после того, как Беньямин записал свое непостижимо глубокое и поистине бесподобное озарение, внимательно посмотреть на акварель Клее, можно снова увидеть летящего ангела истории. Но теперь зрителя, пожалуй, поразит то, что Ангел меняет направление — Ангел истории запечатлен в момент разворота, когда лик его разворачивается от прошлого к будущему, его крылья заломлены за спину шквальным ветром, который в этот раз дует из воображаемого, предвосхищенного, заранее пугающего ада будущего в сторону рая прошлого (каковым, вероятно, он ретроспективно видится после утраты и разрушения), но крылья его по-прежнему вывернуты с такой силой, «что он уже не может их сложить».

Можно заключить, что прошлое и будущее запечатлены здесь в момент, когда поменялись местами присущие им добродетели и пороки, обозначенные, по предположению Беньямина, сто лет назад художником Клее. Теперь, похоже, настал черед будущего оказаться в должниках и встать у позорного столба, раз его уже осудили за неверность и неуправляемость. Пришел черед выдать кредит прошлому — кредит доверия (заслуженно ли?) как месту все еще свободного выбора, на которое возлагаются еще не поруганные надежды.

***

Ностальгия, как полагала профессор славянского и сравнительного литературоведения Гарвардского университета Светлана Бойм³, — «это чувство утраты и перемещённости, а еще и роман со своей собственной фантазией» (р. xiii). Если в XVII веке к ностальгии относились как ко вполне излечимой болезни, бороться с которой швейцарские врачи, например, предлагали с помощью опиума, пиявок или поездки в горы, то «к XXI столетию этот временный недуг превратился в безнадежное состояние современности. XX век начался с футуристической утопии и закончился ностальгией» (р. xiv). Бойм фиксирует сегодняшнюю «глобальную эпидемию ностальгии, стремление к эмоциональной общности с коллективной памятью, тяготение к непрерывности в раздробленном мире» и предлагает рассматривать эту эпидемию как «защитный механизм в период ускоренных ритмов жизни и исторических потрясений» (ibid.). «Защитный механизм» сводится преимущественно к «обещанию вернуть всех домой»⁴. Он лежит в основе многих

² Цит. по: Беньямин В. О понятии истории / пер. с нем. и коммент. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 84. (Прим. перевод.)

³ См.: Boym S. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2001.

⁴ «Ностальгия, от двух греческих корней, «nostos» и «algia», буквально «тоска по дому»; часто это тоска по метафорическому дому, которого больше нет или, может быть, никогда и не было. Это — утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое» (Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: НЛО, 2002. С. 297). (Прим. ред.)

могущественных сегодня идеологий, соблазняя нас отказаться от критического мышления ради эмоциональной близости». И Бойм предупреждает: «Ностальгия опасна тем, что ведет к смешению действительного и воображаемого дома» (р. xvi). Также Бойм подсказывает, где вероятнее всего встретить опасность: в «реставрационном» духе ностальгии, свойственном «национальным и националистическим движениям во всем мире, которые, пускаясь в антимодерное мифотворчество истории, обращаются к былым национальным символам и легендам, подпитываясь при случае конспирологическими теориями» (р. 41)⁵.

Позвольте заметить, что ностальгия — лишь один из членов довольно обширного семейства нежных привязанностей к тому, что находится «где-то там». Привязанности этого рода (как и все родственные им соблазны и ловушки, которые Бойм упомянула, говоря о «глобальной эпидемии ностальгии») издавна были неотъемлемыми элементами человеческого существования, по крайней мере, с того момента (его трудно точно определить), когда была обнаружена свобода человеческого выбора; или, точнее, эти привязанности стали таковыми, когда открылось, что осознанное поведение человека есть область выбора, и иначе быть не может, и что мир здесь и сейчас — лишь один из великого множества возможных миров прошлого, настоящего и будущего. «Глобальная эпидемия ностальгии» приняла эстафету от «эпидемии безумия прогресса» в гонке истории.

Гонка, между тем, никогда не прекращается. Она может изменить направление или переместиться на другую беговую дорожку — но не остановиться. Кафка попытался словами схватить этот внутренний, неукротимый и ненасытный императив, который повелевает и, вероятно, будет повелевать нами до скончания веков:

«Я услышал звуки трубы и спросил слугу, что случилось. Он ничего не знал, так как ничего не слышал. У ворот он остановил меня вопросом:

— Куда поскачет господин?

— Не знаю, — сказал я, — лишь бы прочь отсюда, прочь отсюда. Прочь отсюда, и всё. Только так я смогу достичь своей цели.

— Значит, Вы знаете свою цель? — спросил он.

— Да, — отвечал я, — я же сказал: прочь отсюда — это и есть моя цель»⁶⁷.

***

Через пятьсот лет после того, как Томас Мор, назвав утопией, отверг тысячелетнюю мечту человечества о возвращении в рай или устройении Небес на Земле, еще одна гегелевская триада, образованная двойным отрицанием, приблизилась к завершению полного круга. Сначала планы на человеческое счастье — со времен Мора связанные с неким *топосом*⁸ (с определенным местом, полисом, городом,

⁵ См.: Бойм С. С. 300—302. (Прим. ред.)

⁶ Перевод сделан по тексту З. Баумана (цит. по: Kafka Franz. The Departure. *The Collected Short Stories of Franz Kafka* / Ed. by Nahum N. Glatzer; trans. by Tania and James Stern. London: Penguin, 1988. P. 449).

⁷ Принятое в русском заглавие рассказа «Отъезд» надо бы переводить как «Отправление» — потому что у Кафки (как и у Баумана, который не раз в тексте употребляет словечко «departure» после цитирования Кафки) повествование фокусируется не на собственно отъезде — отъехал и все, — а на отправлении, где отъезд — лишь отправная точка того, что случается потом — того, что интересует автора. (Прим. ред.)

⁸ Слово «Утопия» образовано от греч. *ου* — отрицательная частица — и *topos* — место, т. е. Томас Мор назвал Утопией землю, которая нигде не существует. (Прим. перевод.)

суверенным государством, находящимся в руках мудрого и великодушного правителя) — оторвали от любых конкретных *топосов*, индивидуализировали, приватизировали и персонализировали (отдали индивидам, словно раковины улиткам), так что теперь настал черед отрицать сами планы с помощью аргументов, которые ранее доблестно и почти успешно отрицались. Пережив двойное отрицание, утопия Мора сегодня восстала в виде ретроутопии — в картинах утраченного/украденного/покинутого и призрачного прошлого. Призрачное прошлое заместило собой еще не рожденное и потому несуществующее будущее (как и дважды подвергшаяся отрицанию мечта о возвращении в рай).

«По мнению ирландского поэта Оскара Уайльда, достигнув Земли изобилия, мы должны снова устремить взор в далекий горизонт и поднять паруса. „Прогресс — это воплощение утопий“, — писал он⁹. Но дальний горизонт пуст. Землю изобилия окутал туман. Именно в тот момент, когда мы должны были бы взвалить на себя историческую задачу — придать смысл нашему богатому, безопасному и здоровому существованию, — вместо этого мы похоронили утопию. Взамен ее у нас нет другой мечты, потому что мы не в состоянии представить мир лучший, чем тот, в котором уже живем. На деле большинство людей в развитых странах считают, что их дети будут испытывать большие трудности, чем они: так считают от 50 % в Австралии до 90 % во Франции. Родители в богатых странах полагают, что их детям придется хуже, чем им»¹⁰.

Так пишет Рутгер Брегман в своей недавней книге «Утопия для реалистов»¹¹ (2016) (с подзаголовком «Кейс с общедоступным базовым доходом, открытыми границами и пятнадцатичасовой рабочей неделей»).

Приватизация/индивидуализация идеи «прогресса» и стремлений к лучшей жизни была обманом навязана силами, в лице которых большинство видело силы освобождения: освобождения от подчиненности и суровой дисциплины благодаря социальному обеспечению и государственной защите. Для абсолютного и растущего большинства такое освобождение медленно, но верно оборачивалось сомнительным благословением, вернее, даже благословением с изрядной примесью проклятья. Неудобство от необходимости соблюдать дисциплину сменилось унижительными, пугающими, лишаящими спокойствия рисками, которые, конечно же, разрушают постановленную декретом самодостаточность. Свойственный утопии (прямому предшественнику ретроутопии) страх не получить причитающиеся блага / улучшения в обмен на конформность сменился ужасом оказаться несостоятельным. Старые страхи постепенно предавались забвению, новые обретали мощь и глубину, при этом развитие и упадок, прогресс и отставание менялись местами, по крайней мере, для растущего множества невольных пешек в этой игре: они были (или сами чувствовали, что были) обречены на поражение. В конце концов маятник общественных установок и сознания качнулся в обратную

⁹ См.: Уайлд О. Душа человека при социализме // Истина о масках: эссе / Оскар Уайльд; пер. с англ. А. Зверева [и др.]. СПб.: Азбука, 2015. (Прим. ред.)

¹⁰ Цит. по: Брегман Р. Утопия для идеалистов: Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблицерс, 2018. Гл. 1. (Прим. перевод.)

¹¹ Bregman R. Utopia for Realists: The Case for a Universal Basic Income, Open Borders, and a 15-Hour Workweek. Amsterdam: The Correspondent, 2016. (Прим. ред.)

сторону: отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав ему ценности стабильности и надежности. После такого разворота будущее из естественной среды обитания надежд и верных ожиданий превратилось в обитель кошмаров — страхов потерять работу вместе с прилагающимся к ней социальным положением, боязни того, что весь твой дом вместе с нажитым имуществом может «сменить собственника», страхов увидеть, как дети скатываются с высоты достигнутого благосостояния и престижа и как собственные навыки и опыт теряют последние крохи былой рыночной стоимости. Дорога в будущее выглядит зловеще, как путь к разложению и вырождению. Не упустит ли своего шанса путь назад, в прошлое, стать дорогой избавления от вреда, который будущее наносит всякий раз, становясь настоящим?

Влияние этого разворота, как я покажу в этой книге, видны и осязаются на всех уровнях общественной жизни — в ее новом мировоззрении и жизненных стратегиях, которые этим мировоззрением внушаются и формируются. Диагноз Хавьера Соланы, поставленный¹² всему Европейскому союзу (передовому эксперименту по выведению национальной интеграции на наднациональный уровень), с небольшой поправкой может служить типичным примером поворота «назад к прошлому», наблюдаемого на всех остальных уровнях, где в разных формах звучат поразительно похожие истории.

Как утверждал Солана: «Европейский союз охватила опасная ностальгия. Это не просто тоска по „старым добрым временам“ (когда ЕС еще якобы не посягал на национальные суверенитеты), провоцирующая рост националистических политических партий; дело в том, что европейские лидеры продолжают попытки применять вчерашние решения к сегодняшним проблемам». И он объясняет, почему это происходит, приводя самые свежие, радикальные и привлекающие внимание отправные моменты:

«В самом начале мирового финансового кризиса 2008 г. слабые экономики ЕС столкнулись с резким ростом безработицы, особенно среди молодежи, в то же время сильные экономики почувствовали принуждение к „проявлению солидарности“ реальной помощью. Когда сильные экономики помощь предоставили, они потребовали такого жесткого режима экономии, который препятствовал экономическому восстановлению стран-реципиентов. Это мало кого устроило, а многие стали винить европейскую интеграцию»,

— только для того, чтобы предупредить, что принятие подобных обвинений всерьез является фатальной ошибкой, грозящей увести нас с единственно правильного пути оздоровления сложившейся ситуации, который можно обдуманно поискать и, надеюсь, найти:

«Экономические неурядицы, испытываемые многими европейцами, несомненно, реальны, однако поставленный националистами диагноз их источника — ложен. Реальность такова, что ЕС можно критиковать за то, как он справлялся с кризисом, но его нельзя обвинять в глобальных дисбалансах экономики, которые

¹² Solana J. Europe's Dangerous Nostalgia // Project Syndicate. 2016. April 25. Disponible en [<https://www.project-syndicate.org/commentary/nationalism-leaves-europeans-at-risk-by-javier-solana-2016-04?barrier=accessreg>] (Доступ: 15.12.2018).

начали разогревать экономические распри с 2008 г. Эти дисбалансы отражают более широкое явление — глобализацию. Одни используют разочарования глобализацией как предлог для возврата к протекционизму и якобы безмятежным временам национальных границ. Другие, сожалея о национальных государствах, которых на самом деле никогда и не было, держатся за национальный суверенитет только ради отказа от дальнейшей европейской интеграции. И те, и другие подвергают сомнению основы европейского проекта. Но их память им изменяет, а стремления заводят в тупик».

***

«Ретротопией» я называю то, что происходит из второго отрицания, упомянутого выше, т. е. от отрицания утопии, которая по завету Томаса Мора была накрепко привязана к территориально суверенному *топосу* — к твердой почве, которая по замыслу должна была гарантировать приемлемую толику стабильности и, тем самым, приемлемый уровень самодостаточности. Отличие ретротопии заключается в том, что она одобряет, поглощает и встраивает в себя блага / улучшения, достигнутые ее непосредственным предшественником — утопией; ретротопия заменила идею «абсолютного совершенства» убежденностью в незавершенности и эндемической неустойчивости поддерживаемого порядка, допуская таким образом возможность (и желательность) бесконечной последовательности дальнейших изменений, которую исходная мечта о совершенстве *априори* делегитимирует и исключает. Верная утопическому духу ретротопия питается надеждой примирить, наконец, безопасность и свободу: на что не могла уповать ни исходная мечта, ни утопия, ее первое отрицание; а если и уповали, то безуспешно.

Я намерен кратко осветить наиболее значимые эволюции 500-летней истории современной утопии после Мора и выявить в «ретротопической» фазе истории утопии важнейшие тенденции, ведущие «назад в будущее»: в частности, реабилитацию племенной модели общества, возврат к понятию исконного/первобытного самосознания, предопределенного внекультурными, или невосприимчивыми к культуре факторами, и в целом отказ от сложившихся к настоящему времени представлений (и в социальной науке, и в общепринятых установках) о важнейших, непреложных, *sine qua non*¹³ чертах цивилизованного порядка.

Эти три отправные точки, конечно, не означают простого возвращения к практикуемому ранее образу жизни, что, как убедительно показал Эрнест Геллнер, было бы абсолютно невозможно¹⁴. Скорее они (если развить концептуальное различие Деррида) являются *итерациями*, а не *повторением*¹⁵ *status quo ante*¹⁶, предположительно или фактически существовавшего до второго отрицания: его образ сегодня существенно трансформировался в процессе избирательного запо-

¹³ Лат. — «без чего нет», т. е. таких черт, без которых нет цивилизованного порядка. (Прим. перевод.)

¹⁴ Очевидно, имеется в виду работа Э. Геллнера «Нации и национализм» (1983), в которой обсуждение возможности исторического повтора строится вокруг тезиса, что уже сам факт повторения исключает полное тождество с оригинальным явлением. (Прим. перевод.)

¹⁵ Итерация, согласно Деррида, это не точное повторение, а повторение со сдвигом, порождающим новые смыслы. Корень имеет оттенок значения и латинского *iterum* — «опять» и санскритского *itera* — «другой». Т. е. итерация — это «дружость» повторений. (Прим. перевод.)

¹⁶ Лат. — «положение, которое было прежде». (Прим. перевод.)

минания вперемешку с избирательным забыванием. И теперь эти то ли истинные, то ли мнимые черты прошлого предстают проверенными временем, незаслуженно забытыми и опрометчиво преданными разрушению и служат ориентирами/реперными точками при разработке сценария ретропии.

Чтобы показать ретропный роман с прошлым в правильном свете, с самого начала необходимо сделать еще одну оговорку. Бойм пишет, что эпидемии ностальгии «часто случаются после революций», и справедливо добавляет, что в случае Французской революции 1789 г. «не только *ancien régime*¹⁷ привел к революции, но в некотором смысле и революция породила *ancien régime*, придав ему форму, завершенность и золоченую ауру», а распространенные сегодня в России представления о последних советских десятилетиях как о «золотой эпохе стабильности, силы и „нормальности“»¹⁸, порождены падением коммунизма. Иными словами, то, к чему мы, как правило, «возвращаемся», погружаясь в ностальгические мечты, — это не прошлое как таковое, это не прошлое «*wie es ist eigentlich gewesen*» («как оно было на самом деле»), которое Леопольд фон Ранке¹⁹ советовал открывать и показывать (и многие историки, несмотря на отсутствие единодушного одобрения, этому ревностно предаются). В чрезвычайно важной работе Э. Г. Карра «Что такое история»²⁰ мы читаем следующее:

«Историк неизбежно избирателен в своем подходе к материалу. Вера в ядро исторических фактов, существующих объективно и независимо от интерпретации историка, есть не более чем нелепое заблуждение, но его очень трудно искоренить... Принято было считать, что факты говорят сами за себя. Это, конечно, неправда. Факты говорят лишь тогда, когда историк апеллирует к ним: именно он решает, какие именно факты приводить и в какой последовательности, в каком контексте»^{21, 22}.

Карр обращался к своим коллегам, профессиональным историкам, которым приписал жгучее желание находить и сообщать читателям правду, только правду и ничего кроме правды. В 1961 г., когда первые экземпляры книги «Что такое история?» появились на книжных полках, широкое распространение «политики памяти» — практики произвольного выбора и/или исключения фактов в политических (а по факту, в пользу одной из сторон) целях — еще не было таким секретом Полишинеля, как сейчас, во многом благодаря сделанному Джорджем Оруэллом предостережению в ледящем душу препарировании Министерства Правды²³, которое «постоянно обновляло» (попросту переписывало) исторические факты согласно текущим нуждам государственной политики. Но какой бы путь ни выбрали профессиональные охотники за исторической правдой, как бы трудно им ни было

¹⁷ Фр.— «старый режим». (Прим. перевод.)

¹⁸ Boym, *The Future of Nostalgia*, p. xvi.

¹⁹ Леопольд фон Ранке (1795—1886) — историограф Пруссии, в основе его исследовательской практики лежал исторический источник и его неискажающее прочтение, представление истории такой, какой она была на самом деле. (Прим. перевод.)

²⁰ Carr E. H. *What is History?* Cambridge: Cambridge University Press, 1961.

²¹ Цит. по: Карр Э. Г. Что такое история? Рассуждения о теории истории и роли историка / пер. с англ. Б. Д. Джоламанова. Алматы: Жеті Жарғы, 1997. С. 17, 16. (Прим. перевод.)

²² См: http://howitreallywas.typepad.com/how_it_really_was/2005/10/wie_es_eigenti.html.

²³ Имеется в виду роман-антиутопия Дж. Оруэлла «1984», изданный в 1949 г. (Прим. перевод.)

следовать избранному пути, на общественный форум доступ имеют не только их выводы. Их голоса не самые громкие в общем хоре, и нет гарантий, что их услышит широкая аудитория, пока их предприимчивые соперники, недобросовестные ревьюеры и менеджеры, будут стараться практическую пользу поставить выше истины в качестве главного критерия отличия правильных исторических повествований от неправильных.

Есть веские основания полагать, что появление глобальной сети связи и интернета знаменует закат Министерства Правды (но не закат «политики исторической памяти», хотя средства, чтобы положить ей конец, стали доступнее, чем когда-либо ранее, а последствия от их применения стали более действенными, пусть и не слишком продолжительными). Однако закат Министерства Правды (т. е. бесконтрольной монополии властных структур на вынесение вердикта об исторической истине) не слишком облегчил путь профессиональным искателям и глашатаям «того, как всё было», к массовому сознанию; даже напротив — он стал еще более ртутным, извилистым, опасным и ненадежным.

***

С углублением пропасти между властью и политикой — т. е. возможностью что-то сделать и возможностью решать, что нужно делать в рамках территориально суверенного государства, — исходная идея достичь человеческого счастья посредством проектирования и построения общества, восприимчивого к человеческим потребностям, чаяниям и стремлениям, становилась все более призрачной в силу отсутствия института, уполномоченного решать такую неимоверно сложную задачу. Как недвусмысленно выразился Питер Друкер²⁴ (возможно, вдохновленный максимой Маргарет Тэтчер: TINA — There Is No Alternative²⁵), общества, где человек прочно увязывается с совершенствованием социального устройства, в планах больше нет, и нет больше оснований ждать помощи и спасения от общества. По словам Ульриха Бека, каждому теперь нужно искать, находить и воплощать собственные решения порождаемых обществом проблем, используя свои собственные знания, навыки и ресурсы. *Улучшение общества* перестало быть целью (поскольку любые намерения и практические попытки сделать общество еще лучше оказались бессмысленными); целью стало улучшение индивидуальной позиции внутри не поддающегося никакому исправлению общества. Вместо коллективного вознаграждения за участие в социальных реформах каждому надлежит отстаивать свою добычу в борьбе с соперниками.

***

Далее я намерен собрать наиболее яркие и, возможно, наиболее важные отправные точки, связанные с появлением ретропических настроений и практик.

Переводчик В. Л. Силаева

Научный редактор перевода О. А. Оберемко

²⁴ Drucker P. The New Realities. London: Butterworth-Heinemann, 1989.

²⁵ «There is no alternative» (нет альтернативы) — излюбленный слоган Тэтчер, настолько часто ею использовавшийся, что составленная из него аббревиатура (TINA) стала ее прозвищем. (Прим. перевод.)

